

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1838.

Ж У Р Н А Л Ъ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.
1838.

№ I.

ГЕНВАРЬ.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ
ПОВЕЛЕННІЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ.)

63. (2 Декабря) О принятіи въ руководство по Министерству Народного Просвѣщенія изданныхъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Правилъ объ отчетности въ казенныхъ постройкахъ и заготовленіяхъ, производимыхъ хозяйственнымъ образомъ.

Мнѣніемъ Государственного Совета, Высочайше утвержденнымъ 2 Декабря, повелѣно привлечь въ руководство по Министерству Народного Просвѣщенія Высочайше утвержденный въ 10 день Сентября 1831 года по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ Правила объ отчетности по казеннымъ постройкамъ и заготовленіямъ, произво-

ВЫСОЧАЙШИЯ

димымъ хозяйственнымъ образцомъ, коиторыя изложены Свода Законовъ, тома ХІІ, Уставовъ Государственного Благоустройства, книги 2-й въ Уставахъ Строительныхъ.

64. (7 Декабря) О разделении изъ положенныхъ при Гимназияхъ Дерптского Учебного Округа десяти стипендий для бѣдныхъ учениковъ, четырехъ на дѣль равныя части.

По внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвещенія въ Комитетъ Гг. Министровъ записѣ, Государь ИМПЕРАТОРЪ, согласно Положенію Комитета, въ 7 день Декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ назначенныхъ по Высочайше утвержденному 4 Іюля 1820 года Уставу Учебныхъ Заведеній Дерптскаго Учебнаго Округа, при каждой Гимназіи сего Округа, десяти стипендій по шестьдесят рублей въ годъ для бѣдныхъ учениковъ тѣхъ Гимназій, четыре разделить на дѣль половины, и. е. по счту пашадесяти рублей въ годъ, а остаточная при каждой Гимназіи честинъ стипендій, назначашь за прежнемъ основанія, въ полномъ количествѣ.

65. (14 Декабря) О назначении жалты съ Своеокощныхъ Воспитанниковъ Пансиона при Гимназіи Ришельевскаго Лицея по девяносто рублей въ годъ съ каждадо.

По разсмотрѣніи представлениія Понечника Одесскаго Учебнаго Округа и сметы расходовъ на содержаніе 50 лицемцевъ въ Пансионѣ при Гимназіи Ришельевскаго Лицея, Г. Министръ Народнаго

Просвѣщенія ходатайствовалъ чрезъ Комитетъ Гг. Министровъ о новелѣніи, дабы съ Своекоштныхъ Воспитанниковъ Пансіона, учреждаемаго при Гимназіи Ришельевскаго Лицея, была на первый разъ назначена плата по двадцати рублей за каждого, и дабы сверхъ сего предоставлено было усмотрѣнію и разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія всякое дальнѣйшее, по возможносніи, уменьшеніе сей платы.

По Положенію о семь Комитета, Государь ИМПЕРАТОРЪ, въ 14 день Декабря сказанное представление Высочайше утвердить соизволилъ.

66. (14 Декабря) *O разделеніи 3-хъ низшихъ классовъ Полтавской Гимназіи, каждого на два отдѣленія, съ опредѣленіемъ для обученія въ оныхъ платы добавочныхъ Учителей.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: состоящіе нынѣ три низшіе класса Полтавской Гимназіи раздѣлить на параллельные имъ классы и для обученія въ оныхъ опредѣлить пять Учителей, которыми производить жалованья изъ Государственнаго Казначейства по тысячѣ двѣстѣ рублей въ годъ каждому и присвоить преимущества, предоставленныя Уставомъ Учебныхъ Заведеній 8 Декабря 1828 года Младшимъ Учителямъ Гимназій.

**67. (14 Декабря) О прибавлѣніи къ жалованью
Учителямъ Рисованія въ Уездныхъ Училищахъ.**

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь ИМПЕРАТОРЪ, въ 14 день сего Декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ: Учителямъ Рисованія, Черченія и Чистописанія въ Уездныхъ Училищахъ, образованныхъ по Штатамъ 8 Декабря 1828 года, кромѣ Кавказской Области и Земли Черноморскаго Войска, производить, сверхъ положенного по симъ Штатамъ оклада, еще до трехъсотъ рублей въ годъ прибавочнаго жалованья, изъ экономическихъ суммъ тѣхъ Училищъ, по усмотрѣнію Начальствъ ихъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

**68. (14 Декабря) Объ учрежденіи при Чембар-
скомъ Уездномъ Училищѣ Благороднаго Пан-
сиона.**

Одобривъ дославленные Г. Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода проекты Положенія и сметы расходовъ для Пансиона, учреждаемаго по постановленію Пензенскаго Дворянства, на счетъ оваго, при Уездномъ Училищѣ въ городѣ Чембарѣ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ сіи проекты къ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который уведомилъ его, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе его представленія изволилъ

14 Декабря изъявить Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе означеннаго постановленія Пензенскаго Дворянства, съ тѣмъ, чтобы предполагаемый симъ постановленіемъ сборъ денегъ съ помѣщиковъ былъ производимъ тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ дополненіемъ къ 512 ст. Продолж. 4 т. Свода Зак. Усп. о Земельныхъ повинностяхъ, для сбора денегъ жертвуемыхъ Дворянствомъ на учрежденіе и содержаніе Пансіоновъ при Гимназіяхъ: при чёмъ послѣдовало собственноручное Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Повелѣніе: «благодаришь чрезъ М: В: Дѣль.»

69. (23 Декабря) О цензурѣ Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлісѣ.

По всеподданѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на основаніи заключенія Главнаго Управления Цензуры о разсмотриваніи Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлісѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: разсмотрівание книгъ, издаваемыхъ въ Тифлісѣ на шамошнихъ нарѣчіяхъ, подчинить вѣдомству Главноуправляющаго Грузію, Кавказскою и Закавказскими Областями.

70. (23 Декабря) О дозволеніи Ординарному Профессору Ульману издавать въ Дерптѣ по временное сочиненіе.

Въ 23 день Декабря послѣдовало Высочайшее Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Повелѣніе о дозволеніи Ординарному Профессору Ульману из-

ВЫСОЧАЙШИЯ

давашъ въ Дерптѣ повременное сочиненіе подъ заглавиемъ: *Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.*

71. (24 Декабря) О дополнительной по вѣдомству Министерства Народного Просвѣщенія вѣдомости къ расписанію должностей по классамъ и къ разрядамъ по пенсіямъ и по мундиръ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Положенію Комитета Гт. Министровъ, въ 24 день Декабря Высочайше утвердить соизволилъ дополнительное расписаніе должностей по вѣдомству Министерства Народного Просвѣщенія, съ ощесеніемъ ихъ къ соотвѣтственнымъ классамъ должностей и разрядамъ пенсионныхъ окладовъ и мундировъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ разсматривашъ изволилъ, въ С. Петербургѣ, 24 Декабря 1837 года.

Статсь-Секретарь Бахтина.

—

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ
по вѣдомству
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВѢДОМОСТЬ
къ расписанию должностей по классамъ и къ
разрядамъ по пенсиямъ и по мундирамъ.

I. По расписанию должностей по классамъ.	Классы.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управления фундушами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студентовъ въ Университетахъ.	VI.
Директоры Гимназій и Училищъ.	VI.
Инспекторы Гимназій, при которыхъ учреждены Благородные Пансионы.	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ.	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Университета.	VIII.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	IX.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народного Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народного Просвѣщенія.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	XII.

Классы.
Смотрители за домами, магазинами и материалами и премищики объявлений при Московской Университетской Типографии.
Педали при Университетах и Лицеяхъ (за урядъ).
Чины Временныхъ Штатовъ.
a) <i>По постройкѣ Главной Обсерваторіи.</i>
Главный Архитекторъ
Каменныхъ дѣль мастеръ.
Комиссаръ.
Чертежники.
Секретарь.
Главный Бухгалтеръ.
Помощникъ Бухгалтера
Кассиръ.
VI. IX. IX. XIV. IX. IX. IX. XIV. IX.
b) <i>Строительного при Кизанскомъ Университетѣ Комитета.</i>
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь.
Комиссионеръ.
IX. XII.
c) <i>Строительного Комитета при Ришельевскомъ Лицѣ.</i>
Архитекторъ-Строитель.
Помощникъ Архитектора - Строителя, онъ же и Комиссаръ.
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ.
VI. IX. X.
II. По разрядамъ мундировъ.
Pочетные Попечители Гимназій.
Правитель Канцелярии Департамента Народнаго Просвѣщенія.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.
V. VI. VI.

	Разряды
Инспекторы Казенныхъ Училищъ.	VI.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учеб- наго Округа, по части управления фун- душами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студентовъ въ Универси- тетахъ.	VI.
Директоры Гімназій и Училищъ	VI.
Инспекторы Гімназій, при кошорыхъ учреждены Благородные Пансионы.	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ.	VII.
Наблюдатель при Университетской Об- серваторіи въ Дерпѣ.	VII.
Члены Археографической Комиссіи.	VII.
Библиотекарь Департамента Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Смотритель за Щукинымъ дворомъ.	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Уни- верситета.	VIII.
Старшій Помощникъ Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Правищели Канцелярій при Попечителяхъ Учебныхъ Округовъ.	VIII.
Библиотекари Университетскіе.	VIII.
Правищель дѣлъ Археографической Ком- миссіи.	VIII.
Смотритель Конвикта для бѣдныхъ Дво- рянъ при 1-й Кіевской Гімназії.	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Докторовъ.	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Штабъ-Ле- карей или Медикохирурговъ.	IX.
— — — званіе Лекарей.	X.
Издашель вѣдомостей при Московскому Университетѣ.	IX.
Книгохранитель Депаршаменша Народнаго Просвѣщенія.	IX.
Помощники Инспекторовъ Студентовъ.	IX.
Столоначальники въ Канцеляріяхъ Попе- чищелей Учебныхъ Округовъ.	IX.

ВЫСОЧАЙШИЯ

	Разряды
Секретарь Правления Ришельевского Лицея. Секретари Совѣтовъ Университетскихъ. Старшій Учитель Русскаго языка и Словесности въ Ревельскомъ Дворянскомъ Домскомъ Училищѣ.	IX. IX.
Учитель Геодезіи и черченія въ Училищѣ Землемѣровъ при 1-й Киевской Гимназіи.	IX.
Секретарь Библиотеки Университета Св. Владимира.	IX.
Чиновники Археографической Комиссіи.	IX.
Художники Археографической Комиссіи.	IX.
Помощники Прозекторовъ.	IX.
Помощники издателя вѣдомости при Московскомъ Университетѣ	X.
Архитекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ.	X.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	X.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народного Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народного Просвѣщенія.	X.
Помощники Столоначальниковъ въ Канцелярияхъ Учебныхъ Округовъ	X.
Учители рисованія въ Университетахъ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.	X.
Помощники Начальниковъ Университетскихъ Типографій.	X.
Учители музыки и пѣсія при начальной Учительской Семинаріи въ Дерпіи.	X.
Бухгалтеръ Университетской Типографіи въ Москвѣ.	X.
Факторы Университетскихъ Типографій.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	X.
Учители музыки и пѣсія при Гимназіяхъ Деришского Учебнаго Округа.	X.

Разряды	
Чины Временныхъ Штатовъ.	
a) По постройкѣ Главной Обсерваторіи:	
Главный Архитекторъ.	VII.
Каменныхъ дѣль мастерь.	IX.
Комиссаръ.	IX.
Чершеники.	X.
Секретарь.	IX.
Главный Бухгалтеръ.	IX.
Кассиръ. . .	IX.
b) Строительного при Казанскомъ Университетѣ Комитета.	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь.	IX.
Комиссионеръ.	X.
c) Комитета для возведенія зданій Ришельевскаго Лицѣя.	
Архитекторъ-Строитель.	VII.
Помощникъ Архитектора - Строителя, онъ же и Комиссаръ.	X.
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ.	IX.
III. По разрядамъ пенсій.	
Правицель Канцеляріи Департамента Народнаго Просвещенія.	III разр. 2 сш. 1500 р.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвещенія.	III — 2 — 1500 —
Членъ Совѣта Попечицла Киевскаго Учебнаго Округа, по части управления фундушами и иными имѣніями.	III — 2 — 1500 —
Членъ Археографической Комиссіи.	V — 1000 —
Старший Помощникъ Редак-	

	Разряды.
пора Журнала Министерства Народного Просвещения.	V — 1000 р.
Библиотекаря Университетские.	V — 1000 —
Смотритель за Щукинымъ дворомъ.	VI — 750 —
Правители Канцелярий при Попечителяхъ Учебныхъ Округовъ.	VI — 750 —
Правитель дѣлъ Археографической Комиссіи.	VI — 750 —
Секретарь Библиотеки Университета Св. Владимира.	VI — 750 —
Начальники Университетскихъ Типографій (кромъ Московской).	VI — 750 —
Чиновники Археографической Комиссіи.	VII — 600 —
Столоначальники въ Канцелярияхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	VIII — 450 —
Секретарь Правленія Ришельевскаго Лицея.	VIII — 450 —
Архшекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ.	VIII — 450 —
Архшекторъ при Закавказской Дирекціи.	VIII — 450 —
Секретари Совѣтовъ Университетскихъ.	VIII — 450 —
Художники Археографической Комиссіи.	VIII — 450 —
Младшие Помощники Редактора Журнала Министерства Народного Просвещения.	VIII — 450 —
Помощники Столоначальниковъ въ Канцелярияхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	IX — 300 --
Помощники Начальниковъ Университетскихъ Типографій (кромъ Московской).	IX — 300 —

	Разряды
Факторы Университетских Типографий (кромъ Московской).	IX — 300 р.
Чины Временныхъ Штатовъ.	
а) По постройкѣ Главной Обсерваторіи.	
Главный Архитекторъ.	III разр. 2 ст. 1500 р.
Комиссаръ.	VII — 600 —
Каменныхъ дѣлъ мастеръ.	VIII — 450 —
Секретарь.	VIII — 450 —
Главный Бухгалтеръ.	VIII — 450 —
Кассиръ.	VIII — 450 —
Чертежники.	IX — 300 —
Помощникъ Бухгалтера.	IX — 300 —
б) Строительного при Казанскомъ Университетѣ Комитета.	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь.	VIII — 450 —
Комиссионеръ.	IX — 300 —
в) Комитета для возведенія зданій Ришельевскаго Лицей:	
Архитекторъ-Строитель.	III разр. 2 ст. 1500 р.
Помощникъ Архитектора-Строителя, онъ же и Комиссаръ.	VIII — 450 —
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ.	VIII — 450 —
Подлинное подпись: Министръ Народнаго Просвѣщенія <i>Сергей Уваровъ</i> .	

72. (30 Декабря) *Объ утвреждении въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ каѳедры Российской Исторіи съ опредѣленіемъ на ону єкстраординарнаго Профессора.*

Государь ИМПЕРАТОРЪ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайшее изволѣніе соизволилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учредить каѳедру Российской Исторіи, съ опредѣленіемъ на ону єкстраординарнаго Профессора, коему производить жалованья по двѣ тысячи восьмисотъ рублей и квартирныхъ по восьмисотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ Института.

73. (30 Декабря) *Объ опредѣленіи, въ какомъ классѣ должностей и въ какихъ разрядахъ по пенсіи и мундиру считать званіе Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ на представленіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Государю ИМПЕРАТОРУ благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе: распространить на Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія права Директоровъ Канцелярій другихъ Министерствъ, и въ слѣдствіе того: 1) не вносить сего званія въ росписавіе должностей по классамъ, и 2) отнести его по пенсіи ко впомому, а по мундиру къ четвертому разрядамъ.

74. (30 Декабря) *О сокращеніи однимъ годомъ курса ученія въ Первой С. Петербургской Гимназії.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Положенію Комищца Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 30 день Декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: сократить нынѣ въ Первой С. Петербургской Гимназії курсъ ученія однимъ годомъ, такъ чтобы, вмѣсто семи лѣтъ, оканчивался онъ въ шесть лѣтъ, съ распросиреніемъ сего же, по усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, и на другія Гимназіи, въ коихъ воспитываются дѣти благороднаго сословія и признано будеуть нужнымъ прекращить пріемъ вольноприходящихъ учениковъ.

О ПРЕДЪЛЕНІЯ И НАГРАЖДЕНИЯ.

О предѣлѣніи:

По Главному Управлѣнію Цензуры.

Сшатскій Советникъ Гаевскій — независимо отъ должности Вице-Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, оставленъ при временномъ исправленіи обизанности Ценсора при С. Петербургскомъ Ценсурномъ Комищѣ (25 Декабря); Ординарные Профессоры Университета Св. Владимира Богословскій и Новицкій опредѣлены Ценсорами Киевскаго Ценсурнаго Комищѣ (26 Декабря).

ВЫСОЧАЙШИЯ

По Университетамъ.

По Дерптскому: Ординарный Профессоръ *Нейе* — Ректоромъ на 1838 годъ (7 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Харьковскому: Чиновникъ 6 класса *Тулуновъ* Почетнымъ Попечителемъ Воронежской Гимназіи на слѣдующее трехлѣтие (14 Декабря).

По Кіевскому: Оштавной Ирапорщикъ *Маршицкій* — Почетнымъ Попечителемъ Кіевской Гимназій на оспальное время шекущаго трехлѣтия (7 Декабря).

По Одесскому: Дѣйствительный Статскій Собѣдникъ Баронъ *Франкъ* — Почетнымъ Попечителемъ Таганрогской Гимназіи (14 Декабря).

У в о л е н ы :

По Ришельевскому Лицею.

Исправляющій должность Профессора *Городецкій* — отъ занимаемой имъ должности и отъ другихъ занятій на одинъ годъ для поправленія здоровья (7 Декабря).

По Кіевскому Учебному Округу.

Оштавной Полковникъ *Монтрезоръ* — отъ должности Почетнаго Попечителя Кіевскихъ Гимназій, по прошенію (7 Декабря).

Н а г р а ж д е н ы :

Подарками.

Начальникъ Горныхъ Инженеровъ Царства Польскаго *Жирардъ* (16 Декабря) и Профессоръ Виленской

Медикохирургической Академіи Эйхвальдъ (17 Декабря) — брилліантовыми перстнями, за поднесение Его Величеству, надацныхъ имъ сочинений: 1-мъ Описанія изобрѣтенныхъ имъ инструментовъ хронометрометра и метеорографа, а 2-мъ экземпляра 2-го Тома Пушевшвія его по Каспийскому морю и Кавказскимъ горамъ.

Членъ Комиссии Училища Сестренцевича, находящагося при здѣшней Римско-Католической церкви Св. Станислава, Синоптиль С. Петербургскихъ Училищъ Титуллярный Совѣтникъ Эрке — за службу его по званію Члена означенной Комиссии (23 Декабря).

Профессоръ Александровскаго Университета Соловьевъ — за пожертвованіе имъ въ пользу Археографической Комиссии древніе Акты (28 Декабря).

Ось Ея Величества Государыни Императрицы:

Коллежскій Совѣтникъ Кистеръ — брилліантовымъ перстнемъ, за поднесеніе сочиненныхъ имъ учебныхъ книгъ.

2. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ).

51. (8 Декабря) О введеніи дополнительныхъ курсовъ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ.

Для ознакомленія причинъ многочисленности учениковъ въ низшихъ классахъ Орловской Гимназіи, препятствующей успѣшному ходу ученія, и для доставленія возможности окончившимъ курсъ ученія въ шамошнемъ Уѣздномъ Училищѣ поступать прямо въ третій классъ Гимназіи, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чтобы въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ введено было преподаваніе Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, съ распределеніемъ предметовъ обучения въ оныхъ, соотвѣтственно объему ученія въ первыхъ двухъ, классахъ Гимназіи.

52. (8 Декабря) О введеніи параллельного класса въ Нижегородскомъ Пансіонѣ.

По уваженію причинъ, изложенныхъ въ представлении Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на открытие въ Пансіонѣ при Нижегородской Гимназіи параллельныхъ классовъ для Фран-

иускаго языке, съ порученіемъ преподаванія въ нихъ Учителю шамошней Гимназіи Монфору, съ производствомъ ему за сие по пятикопѣй рублей въ годъ изъ французовъ отъ штатныхъ суммъ Шансіона.

53. (15 Декабря) О дозволеніи имѣть при Оренбургской Дирекціи Бухгалтера.

По представлению Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе при Оренбургской Дирекціи Училищъ Бухгалтера, съ жалованьемъ по пятикопѣй рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ шамошней Гимназіи.

54. (22 Декабря) О дозволеніи Профессору Дорну читать лекціи Санскритскаго языка.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представления Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ соспанщику при Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Профессору Дорну открыть въ здѣшнемъ Университетѣ безмездное чтеніе лекцій Санскритскаго языка, въ такое время, которое бы не препятствовало настоящему расположению учебныхъ часовъ.

55. (22 Декабря) О преподаваніи Восточныхъ языковъ въ Астраханской Гимназіи.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представления Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ освободить учениковъ

Астраханской Гимназіи, обучающихся языками Персидскому и Татарскому, отъ изученія азыковы Славянскаго и Пѣмѣцкаго, высшихъ частей Математики и Физики, Чертежи и Рисованиѳ, по при- мѣру обучающихся Восточными языками въ Первой Казанской Гимназіи.

56. (30 Декабря) О дозволеніи введенія въ Александрийскожъ Уездномъ Училищѣ преподаваніе Латинскаго и Французскаго языковъ.

Г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа входилъ съ представлениемъ о дозволеніи Училищю Русскаго языка при Александрійскому Уездному Училищѣ Быковскому преподавать при ономъ Лапшинскій, а Учителю Историческихъ Наукъ Абышвили Французскій языкъ, безъ всякаго жалованья за сей трудъ.

На сіе Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія изъявлено согласіе.

О ПРЕДЪЛЕНИЯ И УВОЛЬНЕНИЯ.

О предъленіи:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Уволенный отъ военной службы Поручикъ Чеховъ — Помощникомъ Бухгалтера и Конторолера (14 Декабря).

По Университетамъ.

По Московскому: Директоръ Высшой Обсер- ваторіи, Профессоръ-Астрономъ Астрозъ — ушер-

изданъ Почетнымъ Членомъ Университета (22 Декабря).

По Университету Св. Владимира: Кандидатъ Дерпштадского Университета *Федоровъ* — Исправляющимъ должность Ординарцаго Профессора по кафедрѣ Астрономіи (11 Декабря); Ординарный Профессоръ *Богородский* — Проректоромъ и Деканомъ Юридического Факультета на одинъ годъ (31 Декабря); уведенный отъ Военной службы для определенія къ Ставскому изданъ чиномъ Типулярнаго Совѣтника, прикомандированный къ Дворянскому Полку Штабсъ-Капитанъ *Сахакский* — Помощникомъ Инспекшора Студентовъ (15 Декабря).

По Ришельевскому Лицею.

Надворный Совѣтникъ *Дегард* — Инспекшоромъ (1 Декабря); Архіпекторъ 5 класса *Дихти* — Строящемъ зданій Лицея (31 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Подпоручикъ *Варенцовъ* — Извещаимъ Смотрищемъ Галичского Уезднаго Училища (31 Декабря); отставной 9 класса *Ивановъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Мологскаго Уезднаго Училища (22 Декабря).

По Кирзовскому: Полковникъ *Мельниковъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Втораго Донскаго Окружнаго Училища (16 Декабря).

По Благородскому: Исправляющіе должности Директоръ Училищъ: Вилейской Губерніи — Надворный Секретарь *Устийковъ*, Минской Губерніи — Коллежскій Адъютантъ *Орловъ*, и Днепропетровской Гимназіи — Коллежскій Совѣтникъ *Островскій* — учреждены въ званіи Директоръ санационнаго Училища (8 Декабря); Медико-хирургъ *Лайфштадель* — Врачомъ прп

Слонимскомъ Уѣздномъ для Дворянъ Училищъ съ оставлениемъ его и въ настоящей должности таюшняго Уѣзднаго Врача (22 Декабря).

У в о л е в ы:

По Департаменту Народного Просвещенія.

Надворный Советникъ Томашевскій — отъ должности Чиновника особыхъ поручений, по прошенію (30 Декабря).

По Университетамъ.

По С.-Петербургскому: Адъюнкту-Професору Палибину — отъ занимаемой имъ должности, по прошенію (30 Декабря).

По Уголовнымъ Округамъ.

По Московскому: Флою Капишанъ-Лейшманъ Унковскій — отъ должности Директора Московского Дворянскаго Института, по прошенію (31 Декабря); Подпоручику Евстихинову — отъ должности Почетнаго Смотрителя Угличскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (22 Декабря).

По С.-Петербургскому: Статскій Советникъ Левенгаузъ — отъ должности Почетнаго Смотрителя Островскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (31 Декабря).

По Харьковскому: Почешный Смотритель Ставропольскаго Высшаго Уѣзднаго Училища Серебряховъ — отъ занимаемой имъ должности, по случаю преобразованія Ставропольскаго Уѣзднаго Училища во Кавказскую Обласную Гимназію (15 Декабря).

По Казанскому: Почетный Смотритель Орловскаго Уѣзднаго Училища Смыслинъ — отъ занимаемой имъ должности, по прошенію (22 Декабря).

II.

И А У К И.

1.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ РОССИИ,

Рѣчъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ДЕРДТСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ВЪ ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОММЕНІСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, ПРОФЕССОРОМЪ РУССКАГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
М. РОЗВЕРГОМЪ (*).

Le peuple russe n'est pas une bagatelle.

Napoléon.

La Russie, jeune encore au milieu du vieux continent, grandit depuis un siècle avec une rapidité singulière. Son avenir est d'un poids immense dans nos destinées. . . .

Les destins de la Russie sont aujourd'hui le champ ouvert à toutes les méditations. Ces terres du Septentrion ont déjà plusieurs fois jeté le torrent de leurs peuples à travers l'Europe et l'Asie. Les Français de nos temps ont vu, entre autres merveilles, pâtre dans les gazons des Tailleries des chevaux qui avaient coutume de brouter l'herbe au pied de la grande muraille de la Chine.

Victor Hugo.

Мм. Гг.

Торжество, нась теперь соединяющее, посвященное Тезомменистству Ея Императорского Ве-

(*) Речь эта была произнесена на Французскомъ языке.

личества Государыни Императрицы, семейному празднику для всей Россіи, должно невольно возносить жииси наши къ судьбамъ нашего славного Отечества — къ судьбамъ эшой обширной Державы, о коей одинъ знаменитый Писатель справедливо сказалъ, что ~~ее~~ надѣбно разсмотрѣть не изрвѣтъ съ прочими Государствами, но какъ особую часть Свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на ея географическое положеніе, почти неприспупное, на безмѣрное пространство ея владѣній, на ея неиспощдимыя средстія, на разнообразіе ея климатовъ, благопріятствующихъ всѣмъ родамъ промышлености, на моря, ее омывающія, большія реки, пересѣкающія ее по всѣмъ направленіямъ, на ея народъ трудолюбивый, умный, неусыпрашімый, говорящій однимъ изъ самыхъ изящныхъ языковъ, которые когда-либо звучали на Земномъ Шарѣ: мы невольно сознаемся, ч то Россія занимаетъ важное мѣсто въ общемъ составѣ человѣчества. Бытописанія подтверждаютъ это мнѣніе, принятное даже закоренѣлыми врагами нашими, еще не вполнѣ ослѣпленными зависшю и ненавистью. Громъ оружія нашего раздавался въ ледяныхъ степяхъ Лапландіи, на берегахъ По, Сены и Евфратъ, на волнахъ Архипелажскихъ; подъ стѣнами Константинополя, у подошвы Араката и въ Америкѣ.

Государство, обнаруживающее сполъ могучую вѣшнюю дѣятельность, не можетъ существовать напрасно; оно должно имѣть цѣль, предопределеннуу Провидѣніемъ, и доспѣвающуя этой цѣли, проходя разныя измѣненія своего развитія вѣщеслѣ-

зимнаго, общественнаго и нравственнаго. По всей широтности, Россіи суждено прекратить кровавые раздоры Запада съ Востокомъ; согласить же распри, исключивъ долгую тяжбу и смигъ въ необходимости дать свою разнородныя сприйти обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Иродоръ, Историкъ болѣе поэтическій, нежели Философъ, первый замѣтилъ борьбу Европы съ Азію. Борьба сія не случайная; она не происходитъ ни отъ честолюбія, ни отъ прихода людей, — причинъ вынужденныхъ, побочныхъ; борьба сія необходима и неизбѣжна. Это война двухъ разнородныхъ образованій (*civilisations*), двухъ противоположныхъ спремлений: войны духа Западнаго съ духомъ Восточнымъ. Они враждуютъ съ самой сущностью земли, и каждый ищетъ подавить другаго. Чѣмъ кончатся брань сія? кіо будеъ виновецъ побѣдителемъ и побѣденнымъ? Философія Иштеріи не предсказываетъ будущаго, не отмечаетъ чѣмъ тайники Прорицанія. Она можетъ только опредѣлить, разсмотривая события, какой, по видимому, какой обстоятельствѣ, и какому правилу повиновались прошлости, съ нею соединенный.

Но сей законъ, сіе правило, мы смыло говоримъ чисто, съѣзжъ возрастающее могущество Сѣвернаго моря. Вроемъ бѣглый взглядъ на Испорію.

Бородайскій міръ возникаетъ въ Греціи: здѣсь начинается возстаніе Запада противъ Востока. Греція, за 1500 лѣтъ до Р. Х., вся принадлежитъ Восточному поколенію. Все имѣе Египетское, Фригійское; все, ваконецъ, дышатъ Азію. Ел-

линское племя, поколівія. Іанена и баснословного Промеєя набѣгають съ Кавказа и возмущають тосподство недвижнаго образованія. Они торжествують оружиемъ, какъ всегда Съверъ торжествуетъ симъ средствомъ надъ Полуднемъ; но Восточные нравы скоро побѣждають ихъ: они становятся добычей Азіи: немедленно являются Ираклиды; закаленные въ обычаяхъ и духѣ Съвера, они снова начинаютъ восшаніе Запада, и для Греціи дѣлаютъ то же, что Карловиши сдѣлали для Франціи. Ираклиды возвращаются въ Грецію духъ Западный, какъ во Франціи Карловиши возвращали владычество Германского духа. Они осаждиваютъ Грецію на перевѣсъ къ образованію Азійскому, какъ оспановили Карловиши Францію на перевѣсъ къ старому Римскому образованію. Они создаютъ для нея новую судьбу. Со времени Ираклидовъ существуетъ уже Европа, существующий міръ Западный, еще слабый и спѣшечный въ небольшой странѣ, но способный проявившися нападеніямъ своего соперника и упрамо приверженный къ собственнымъ обычаямъ.

Война Персидская разительнымъ образомъ доказываетъ сказанное нами. Востокъ, раздраженный сопротивлениемъ элпойнической Европы, воздвигаетъ противъ нея свои, безчисленные войска. Онъ хочетъ задавить раздающейся Западный міръ всю пажескую міра Азійского. Онъ побѣденъ при Мараѳонѣ, Саламанѣ, Платеѣ, небольшихъ сраженіяхъ, если смотрѣть на число побѣдителей, но важныхъ и великихъ, если обратимъ вниманіе на ихъ послѣдователія: ибо они рѣшили участь Европы.

нейского образования. И Провидение, которое вѣнчаетъ славою подвиги человѣческіе по мѣрѣ того, какъ они болѣе или менѣе относятся къ цѣлямъ его, даровало побѣдамъ Грековъ славу несокрушимую.

Преперпѣть пораженіе при Саламинѣ и Платеѣ, Востокъ началь выжидать время и разворачивать роскошью своихъ нравовъ. Скоро Греція опять схала клониться къ Азіи. Великій Царь, съ элохомъ Антилкидскаго договора, располагаешь по своей волѣ жребіемъ Греціи. Что будешь съ Европейскимъ міромъ? Не бойтесь за него: на Сѣверѣ, какъ и всегда, возникаешь Держава, призванная внести оружіе въ самую средину Азіи. Это Держава Македонская; но подвигъ ея величъ и непродолженіе. Преемники Александра отдаются Азіи: Птоломеи, Селевки не иное чѣ, какъ Цари Восточные. Востокъ, отступившій предъ Западомъ, возвращается, захватываетъ своего соперника, и головъ его уничтожилъ. Является Римъ — Востокъ побѣженъ снова. Каждый разъ попери его значительнѣе, пораженіе его обширнѣе; не смотря на то, онъ все еще удерживаетъ свое первенство, и если не умѣеть побѣждать, по крайней мѣрѣ учѣтъ поглощать своихъ побѣдителей.

На чёмъ основано это первенство, переживающее сполько бѣдствій? На обстоятельствѣ решительномъ: Востокъ имѣетъ на своей сторонѣ большинство образованныхъ народовъ. Какие народы въ югодашнее время были написаны духомъ Европейскимъ? Греки и Римляне; Греція и Испанія

составляли всю Европу; и въ этой же самой Европѣ сколько еще Азіатскаго! Рабство, ~~демократія~~ не-
имѣла женщинъ, и скоро въ Римѣ деспотизмъ. По-
смоприше, напротивъ, сколько странъ образован-
ныхъ по духу Восточному: Египетъ, Сард, Понти,
Арmenія, Греческій поселеній въ Азіи, которыя каждый день все болѣе и болѣе сближа-
лись съ нею по обычаямъ, понятиямъ, Вѣрѣ. Сле-
довательно, Востокъ имѣлъ на своей сторонѣ ко-
личественное большинство образованныхъ наро-
довъ, и даже въ Европейскомъ мірѣ большинство
понятий принадлежало также ему.

Вопль чѣмъ объясняется въ древнѣмъ мірѣ пре-
имущество Востока и та чудесная сила, съ какою
онъ поглощалъ, однихъ за другими, всѣхъ своихъ
побѣдителей: Грековъ, Македонянъ, Римлянъ. Римъ
есть послѣдняя, величайшая его добыча, и, по-
смоприше, сколько употребилъ онъ времени на
пріобрѣтеніе оной, начиная отъ Лукулла, первого
Азіатскаго Римлянина, до Діоклетіана, при ко-
торомъ преобразованіе совершилось: не только
Востокъ потерялъ много времени, — ему еще на-
добно было сдѣлать важныя уступки. Сравните
въ этомъ отношеніи поглощеніе Державы Маке-
донской съ поглощеніемъ Римской Державы: какая
разница! Сколько первое, не говорю уже быстрѣ,
но очевиднѣе, вѣреи вътораго! Во время преобра-
зованія Македонянъ, рабство съ одной стороны и
поработленіе женщинъ съ другой, оспающія не-
прикосновенными. Во время Римскаго преобразо-
ванія, рабство начинаешь колебаться, и женщины
освобождены. Это поглощеніе неполное, трудное,

показываетъ, что сила Азійскаго образованія начинала уже слабѣть, и что Европейское образованіе ~~же~~^и неуклонно росло и усиливалось. Въ тогдашнюю эпоху, міръ представлялъ собою нечто среднее: онъ былъ Полузападскій, Полуевропейскій. Это скорѣе было смѣшеніе, пежели средство; такое состояніе общества любопытно наблюдать въ послѣдовательномъ порядке Римскихъ Императоровъ; оба духа, борющіеся въ Государствѣ: духъ Восточный и духъ Европейскій, непрерывно имѣютъ Императоровъ, каждый своей школы. Адріанъ принадлежитъ школѣ Азійской, Маркъ-Аврелій школѣ Европейской.

Вскорѣ Христианство озарило животворнымъ светомъ своимъ Востокъ и Западъ (*). Но хотя Церковь на Западѣ въ послѣдствіи подъ управлѣніемъ Наполеона принялъ цвѣтъ Европейскій, Константинъ воздвигъ престолъ Имперіи на предѣлахъ Востока, и Востокъ такимъ образомъ все еще первенствовалъ: большинство было на его сторонѣ. Галлія, опчастнѣ покоренная Западному образованію, не вознаграждала опложенія Имперіи Римской, съ каждымъ днемъ болѣе рѣшильного.

Общество не могло оставаться въ этой нерѣшимости. Востокъ былъ смѣшанъ съ Европою. Оба противоположные міра, опѣ взаимнаго тренія, ослабѣвали и теряли свою естественную твердость. Надобно было, чтобы или одинъ изъ нихъ поглошилъ другаго, или каждый обратился къ сво-

(*) Скажемъ также кѣсколько словъ объ эпохѣ предиеній, которая не можетъ быть оспаривана безъ особаго здравія. Ред.

ему природному генію. Такое спримлениe обнаружилось двумя великими событиями: однимъ чисто Европейскимъ — вторжениемъ Варваровъ, другимъ чисто Азийскимъ — закономъ Магомета.

Варвары нахлынули вмѣстѣ изъ всѣхъ глубинъ Сѣвера. Тогда Европа еще разъ была основана, но прочиѣ нежели во времена Ираклидовъ, Александра или Рима. Полторы тысячи лѣтъ независимости и настоящее преимущество Запада надъ Востокомъ неопровергимо доказываютъ величие этого новаго основанія.

Вторжение Варваровъ еще не доспавило Европѣ большинства голосовъ въ мірѣ; но по крайней мѣрѣ успокоилось равенство: Европейское образованіе, съ этой эпохи, имѣя на своей сторонѣ Францію, Англію, Испанію и Германію, смѣло раповало противъ образованія, ему враждебнаго, которое уже не могло ни побѣдить его, ни подвергнуть исключительному своему влиянию. Сие равенство существовало пятнадцать вѣковъ. Россія, позадъ спо лѣтъ и болѣе, вступила въ общую сферу Европы. Тутъ на сторону Европы перешло большинство, и преимущество, которое есть слѣдствіе онаго.

Востокъ, рѣзко отвергнутый Европою въ эпоху вторженія Варваровъ, не замедлилъ ошискнуться. Въ седьмомъ вѣкѣ явился Магометъ. Магометъ есть самое блескнущее производѣйствіе Востока образованію Западному; это есть возвращеніе къ рабству, къ неволѣ женщинъ, постановленіямъ сославшаго основаніе Востока. Магометъ освободилъ Азію, отъ всего, что въ ней

было Европейского, какъ Варвары освободили Европу отъ всего, чѣмъ она имѣла Азіашкаго.

Съ этого времени, оба враждебныхъ образованія взаимно наблюдаютъ одно за другимъ, безпрестанно борюшися, и побѣда колеблется еще долго. Задоволеніе Аравийянъ ощущаются за впоржение Варваровъ; Крестовые походы— возмездіе завоеваніемъ Аравийянъ, а Турки, наконецъ, возмездіе Крестовымъ походамъ. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ новой эпохи, оба проптивоположные міра не пересекаютъ спалявшись. Однакомъ, въ продолженіе тысяч патисонъ лѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ поглощить другаго. Опѣтъ чѣго это? опѣтъ равенства силъ. Условіе поглощенія если несоразмѣрность способовъ. Въ древности, Востокъ поглощалъ Западъ, ибо превосходство и большинство были на его сторонѣ. Когда пришли Варвары, когда Европа начала имѣть въ мірѣ равенство силъ, тогда Востокъ совершенно потерялъ свое первенство, но Европа еще не приобрѣтала его: оно сюда равнотѣсно и равенство борьбы.

Въ шеснадцатомъ вѣкѣ такой порядокъ вѣщей начинаетъ измѣняться. Европа расширяетъ и укрѣпляетъ; Востокъ падаетъ; дикое мужество Оштотомашовъ изнемотаетъ мало по малу. Лепантинское сраженіе наноситъ роковой ударъ морской силѣ Азіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, побѣды Принца Евгемія и Иоанна Собіескаго болѣе и болѣе колеблющъ исполнена. Наконецъ, въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, Россія выходитъ на сцену и Азглія распространяетъ свое вѣдѣчество въ Индіи. Съ того

времени установился перевѣсь, который Европа имѣетъ теперь надъ Востокомъ. Лишь только сей перевѣсь рѣшился въ пользу новаго міра, Западъ устремляется на Востокъ съ неукротимою быстротою:

Дѣй силы содѣствовали непрѣодолимому могуществу такого движения: сила оружія и сила образованности. Западъ не забылъ своего стариннаго первенства въ битвахъ; кромѣ сего, нравы и понятия его покоряютъ племена; коихъ щадитъ его оружіе. Этопѣръ перевѣсь нравовъ, Искусствъ и Наукъ, прежде помогавшій Востоку караить настоящихъ его побѣдителей, теперь — достояніе побѣдоносной Европы: она торжествуетъ надъ Востокомъ двойнымъ могуществомъ силы и Наукъ.

Странное дѣло, какъ вѣтъ происшествій, въ продолженіе послѣднія шестидесятилѣтія содѣствующій чудеснымъ образомъ сему завоеванію: Россія, которая, кажеши, предназначена исполнить волю Прорицанія надъ судьбами Востока, пѣснитъ Отомановъ на Дунай и въ Малой Азіи, подвигающій въ Персію и ведетъ торговлю съ Китаємъ; Англія распространяется въ Индіи и направляетъ своихъ воиновъ, купцовъ, пушечниковъ, въ самую средину Барманской Имперіи. Въ голову Бонапарта западаетъ мысль покорить Египетъ, и намѣреніе его тощчасъ исполнено. Греція, посредничествомъ Союзныхъ Державъ пріобрѣтаетъ независимость; Турецкій флотъ уничтоженъ при Наваринѣ. Россія переходитъ Балканы и предписываетъ миръ въ Адріанополѣ. Валахія и Молдавія изъяты отъ преобладанія Вос-

многочаго. Наконецъ, поелику самыя малыя причины нерѣдко производятъ великия съѣдствія, когда все уже было готово, Алжирскій Дей даєтъ опахаломъ ударъ Французскому Консулу, и вотъ — Алжиръ превращается въ Европейское поселеніе. Ко всему этому прибавьте, что убѣдительность, влияние нашихъ понятий во времѣни мира дѣлаютъ то, что дѣлаетъ во времѧ войны наше оружіе, и, такимъ образомъ, ни одно мгновеніе не потерянно для торжества образованія Европейскаго. Туризмъ мало по малу поддается нашимъ обычаямъ; Египетъ учится въ нашей школѣ; дѣйстивительно, всюду Востокъ уступаетъ Европѣ; всюду Европа вооруженная или ученая тѣснитъ и завоевываетъ Востокъ.

Какое дивное, величавое зрѣлище открывается при видѣ спѣленія и хода этихъ законовъ Прорицанія! Ламартина пышными стихами воспѣвается желудь, брошенный вѣтрами въ трещину скалы; скоро желудь становится деревцомъ, поп瘤ь деревомъ, поп瘤ь деревомъ безмѣрнымъ, коего вѣтви охватываютъ всю окрестную долину. Тому назадъ три тысячи съ половиною лѣтъ, также дубовый желудь, слабый ростокъ упалъ съ вершинъ Кавказа и изъ рукъ Промеялся въ пѣсенный уголъ Греции: это гений Европы; онъ выросъ, онъ укрѣпился, не смотря на бури, и теперь гордо проспирается надъ Вселеніемъ. Какъ обширна, какъ велика, съ своими искусствами, законами, понятиями, съ паромъ, воящимъ ея суда, съ огнемъ, носящимъ ея мышеніе, эта Европа, которая, придвигая пять шаговъ тому назадъ, помѣщалась вся подъ шатромъ

сыновъ Елива, въ какомъ-нибудь ущеліи скаль Фессалійскихъ. Какъ поучительно слѣдоватъ за быстрымъ бѣгомъ сей колесница новѣйшаго образования, куда Промеѳей водрузилъ искру просвѣщенія, подобно зарѣ непогибающаго солнца, и копотную устремилъ онъ въ пространство вѣковъ, да освѣщаетъ міръ! Сколько странъ, озаренныхъ въ ея прядцапияти-вѣковомъ теченіи! Сколько она проложила и пролагаетъ еще путь! Смошрище, какимъ образомъ она вдругъ двадцатью вратами влѣшаєтъ въ ограду Востока, то съ громомъ нашей артиллеріи, то съ книгами нашихъ Ученыхъ! Судьбы исполняются и приходять къ концу. Азія уступаетъ Европѣ.

Роль, занимаемая Отечествомъ нашимъ въ великой Драмѣ Исторіи, возбуждаетъ живое, сильное участіе, ибо тѣсно связана съ главными цѣлями рода человѣческаго. Человѣчество составляешь одно гармоническое цѣлое, гдѣ каждое Государство образуетъ органъ необходимый для общаго состава, и одарено определенными отправленіями. Въ древнемъ мірѣ, Греція, во всѣхъ созданіяхъ своихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, обнаруживаетъ преимущественно чувство Изящнаго; Римъ— силу дѣятельную и Право. Въ мірѣ новомъ Франція представляетъ жизнь общественную; Германія выражаетъ опьяненіе и Науку, Англія, въ особенности, отличающаяся промышленностію и торговлею. Эти Государства, эти разнообразныя отправленія сходятся въ обширныхъ единства, запечатлѣнныхъ болѣе или менѣе сходными свойствами и одинаковою особенностью. Не смотря на свои распри и преволоки, Европа

всегда изображала начало движений, поступательности, развишия, однимъ словомъ начало духовное или умственное. Азія, напротивъ, въ частяхъ своихъ, въ постепенный эпохи своего существованія, являетъ намъ начало покоя, покойній, неподвижности, однимъ словомъ — начало покои и пребыванія. Но двѣ противоположныя сущности должны имѣть среду, где бы они сливались, среду, которая обнимала бы ихъ и въ то же время была омъ нихъ отлична: такъ въ Хімії два вещества сливаются въ произведеніи, где разнородные свойства ихъ исчезаютъ, облекаясь въ другой видъ (*).

(*) Нѣть спору, что Западъ спренился къ усовершенствованію вселнаго рода: за то неподвижную Востоку считали предопределено было бывши въ гдѣдрахъ своихъ охоты нара чистое Богопознаніе, которое никогда не пришестіло на землю Спасителя озеромъ въ новомъ видѣ Воследнюю. Искогда Западъ не тѣ силахъ будешъ воздать Востоку за отпуть Божественный даръ, когда Промыслъ доказалъ, какъ иначеими всѣ спрекленія человѣческой нудости предъ склономъ Небеснымъ, износимыи многими учеными Востока изъ среды народа, далеко уступавшаго въ образованности и Риму, владыкѣ Страны, и Греціи, наставнику Рима. И какъ юноша же неподвижный Востокъ, презираемый образованніемъ Западомъ, угнѣщаемый Аккорономъ, хранилъ въ трудахъ своей сіе Божественное ученіе, въ первобытной неизвѣданной чистотѣ, подобно незамѣтному виду одѣжды своихъ Священнослужителей. Западъ представилъ намъ другое зрѣлище. Тогда спрекленіе къ усовершенствованію, сдѣлавъ иного вселнаго для образованности, дерзновенно прикоснулось и къ тому, что не должно поддѣшить никакой перемѣѣ: за одинки нововведеніемъ слѣдовали другія и дали поводъ къ Реформаціи. Но какъ торжество производѣйствія, всегда бывшее смигкомъ далеко отъ должнаго рабочаго, то и Реформація не могла остановиться въ предѣлахъ умѣренности: она еще вовлекла за собою иночество другихъ учений, бѣдныхъ тушевищъ Вѣры, но обильныхъ а злоупотребленіемъ разума, коими-

На Востокѣ, Правительства и народы казались
равно неподвижными; переворотъ шелъ большую
частью външніе: эпохи завоеванія и захвата, възмущающія
поверхность общества, но рѣдко проникающія въ глубину его; они или производили
безпорядокъ наружный, или оставляли за венцемъ
прежній положеніи. На Западѣ, Правительства
вообще неподвижны, имѣли дѣло съ народами по-
степенному. Вотъ причина кровавыхъ не-
устройностейъ, сопровождавшихъ, въ разныя времена,
появленіе Европейского образованія. Въ
Россіи, напротивъ, народомъ всегда руководствова-
вало Правительство; оно его усовершенствовало;
оно шло впереди всѣхъ общественныхъ улучшений.
Это отличительное свойство нашего историче-
скаго бытта, патріархального и вѣтнѣ поступа-
тельного, чуждаго Европѣ и Азіи, составляющее
нашу силу, нашу славу и прочную основу нашего
могущества.

Россія не Азія и не Европа, но самостоятельный
особый міръ. Ложная мысль, распространен-
ная на ея счетъ, происходила отъ того, что
объ ней часто судили по наведеніямъ и примѣрамъ,
которые вовсе не вѣдущіе къ ней. Возникшая подъ
влияніемъ политическимъ Нормановъ, религіоз-

рый забылъ свою ограниченность. Обратился же къ нашему лю-
безному Отечеству. Будущее его предназначение должно быть
соответственно тому вѣнцу, какое оно имѣть на судьбы
Востока и Запада. Отъ первого получило оно Вѣру испанскую,
отъ второго — землю успѣхи грандиштвенностіи. Не очевидно
ли, что ему предлежитъ быть вѣкогда примирительницей
Востока съ Западомъ изъ смысла не только грандиштвеннаго об-
разованія, но и самой Вѣры? Ред.

дымъ и умопревзъмъ — Константина Пирогова, она, здрава въ первую эпоху своего существованія, имѣла разнѣя черты, теперь же обозначающія. Привѣдемъ въ числѣ изъ непримѣненіе синонимовъ съ Орденомъ Августинскимъ, она склонна смиряющающіи въльно оборонительное сопротивленіе; покоряется; занимаетъ ихъ, поглощаетъ въ своеъ объемъ, и спасаетъ Западъ отъ ихъ написаній. Извѣшувательное производство ея начинается только въ царствіе Димитрия Донскаго. Освободившись, она мало по малу оправдывается отъ своей долгой неволи; превращается въ сильное Государство; отражаетъ Европейскія нападенія Польскаго и Карла XII, завоевываетъ себѣ мѣсто въ ряду народовъ просвѣщенныхъ, нанося въ то же время шкілѣ удары Турціи, Персіи. Европа, одушевленная величайшимъ военнымъ гениемъ новѣйшихъ временъ — Наполеономъ, отваживается на послѣднее, исполинское предпріятіе — подчинить ее исключительному своему вліянію; но Россія оспариваетъ Европу, побѣждаетъ ее, выспровергаетъ всѣ препятствія; снова громитъ Оппомановъ; наказываетъ древнее опечество Дарія и Ксёркса; подавляетъ мяпежъ Польши, и, такимъ образомъ, избѣгая обѣихъ крайностей и вмѣстѣ служа имъ неразрывною связью, она шествуетъ неколебимо къ высокой цѣли, назначеннай ей Прорѣдѣніемъ.

Наши Монархи, вѣрные призванію своей Державы, бодрствовали надъ нею во дни бурь и бѣдствій, и, покровительствуя Наукамъ, Искусствамъ, промышленносчи, вознесли ее на верхъ славы и благоденствія. ПЕТРЪ Первый, ЕКАТЕРИНА Вторая,

АЛЕКСАНДРъ, Николай! Чья Русская душа не
тылаешь воспоминъ, общекал мыслю дивные
Ваше подвиги! Но Государство должно вѣратъ
священный залогъ своей будущности воспитанію
вполнѣ народному юныхъ поколѣній; и поощренія,
раскочасимыя Правительствомъ Учебнымъ Заведе-
ніямъ, мѣры, имъ принимаемыя для правильнаго
развитія образованности, доказывающъ міру оте-
ческія заботы нашего Великаго ЦАРЯ и милосердіе
Августѣшней Его Супруги, коей мудрость устрои-
вающъ въ грядущемъ счастіе семействъ, и коей
вѣчныи попеченія услаждаютъ горькій жребій си-
ронъ и злополучныхъ.

2.

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Сочинение Іоанна Могилевскаго, Каноника,
Кустоса Переяславльскаго Грекоунитскаго
Кафедральнаго Собора, Члена Консисторіи
и проч. (*).

I.

О значеніи словъ: *Русский языкъ* и *Русское нарѣчіе*.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣлялся на разныя вѣтви. Между ими всѣхъ менѣе извѣстно Южное Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать, собственное значение словамъ: *народъ* и *языкъ Русский*. Богумиль Линде,

(*) Это любопытное разсужденіе сочинено первоначально на Русскомъ языке, переведено на Польскій и напечатано въ Львовскомъ журнале *Czasopis Naukowy* 1829 года. Авторъ возстановляетъ дословнисство Русскаго языка въ Галиції, но какъ онъ пишетъ, что, что же же, Малороссійскому нарѣчію принадлежитъ почти исключительное право называться *Русскимъ*: то, между тѣмъ, что одной стороны сохранившися шочими его слова, а съ другой и отпавши въздѣ это нарѣчіе осты Великорусского или осты Русскаго изъ общаго смыслъ, имъ вездѣ, где разукиваются Малороссійское нарѣчіе подъ именемъ *Русскаго*, будто прибавляли къ ему посайденну слову: *Южнее*.—Ред.

въ предисловіи къ своему Словарю (1), Іосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ языка Славянскаго (2), совершиенно позабыли счишать отдельною его вѣшвию Южный Русскій языкъ. Одни считываютъ его съ Церковно-Славянскимъ (3), либо съ проспонароднымъ Русскимъ языкомъ (4); другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (5), и какъ дакъ и необработанный, исключаютъ его изъ числа образованныхъ языковъ (6). Многие Нисапели утверждаютъ, что нарѣчія Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходяще отъ одной вѣшви — Русской (7). А если и такіе, которые признаютъ его проспно областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (*provincialismus*) (8), или называютъ Малороссійскимъ (9); и рѣдко случается, чтобы звать Русскій языкъ

(1) *Słownik języka Pols.* S. B. Linde. T. I, II, III, Предислов. стр. XIV.

(2) *Institutiones lingua Slavica etc.* Jos. Dobrowolski. 12. стр. IV.

(3) *O prawach Litew. i Pols.* T. I, стр. 54. *Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie*, von Rohrer. Ч. II. стр. 16.

(4) *Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Йоз. Доброволскій. Предислов. стр. XIII.

(5) *O Statute Lituiskim.* С. В. Линде. стр. III. *Pamiętnik Warszawski*. 1816. № 9. стр. 29. *Lehrgebäude etc.* Отто фон Штернберг. Русск. И. Грота, стр.

(6) *Меморія Російск. Государ.* Н. Карачинск. Т. III, прил. 984.

(7) *Prawda Ruskia.* Раковецкаго, Т. II, стр.

(8) *Опытъ Краткой Исторіи Русской Литографии* Г. Грота, Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

(9) *Pamiętnik Warsz.* 1816. изд. 3. стр. 126. *Osobie Zabytki Polak.* Bandkis. Т. I, стр. 34.

назывался *Русскимъ*, такъ какъ его называли въ спарину, безъ всяко измѣненія и прибавки (1).

Нѣкошорые Нѣмецкіе Писатели спали-было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дополнѣ неизвѣстныи и отнюдь имъ несвойственныи имена, на пр. *Rusniaken*, *rusniakische Nation*, *rusniakische Sprache*, вмѣстѣ: *Ruthener*, *ruthenische Nation*, *ruthenische Sprache* и т. п. (2).

Передѣлывашъ самоволично названія народовъ и ихъ языка есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаєтъ новые. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копишара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепенного раскрытия его Испоріи (3), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ Испорію и на ней основано. Русь, эта главная опрасль Славянскаго племени, искони состояла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличесивовать другое название кромѣ *Русскаго*, по Латыни *lingua ruthenica*, по Нѣмецки *ruthenische Sprache*. Раздѣленіе его на *Бѣлорусский* и *Малороссійскій* языкъ ошибочны и не согласны съ существомъ дѣла: что поспираемся ясно доказать. Имя Россіи создано только въ XVIII вѣкѣ; название же Россійскаго

(1) Опытъ Брашкой Испоріи Русск. Литер. Н. Греч, стр. XX и 58—60. О *Statute Litew.* Линде.

(2) Сюда припадлежатъ: Кракеръ, Рореръ, Чапловичъ, Голлеръ и друг.

(3) *Grammatik der slavischen Sprache*, in Krasn. Пред. стр. XLVI.

языка должно быть, безъ сомнія, еще новѣе и ему собственно отвѣчаешь Лапинское слово *russicus* и Нѣмецкое *russisch*; пѣмъ же прилагательнымъ и Французы означають Русскій и Россійскій языки: *la langue russe*.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главнымъ представителемъ всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самосознательность, но характеръ и языкъ его всегда останутся его достояніемъ. Слова и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древнаго могущества Римлянъ и Грековъ (1), а знаменитые ихъ языки — до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ Государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нѣрѣдко и скопище не измѣняетъ народности подыаспанныхъ ему племенъ (2). Чехи, Кроаты, Венгерцы и пр. п., хотя и подлежатъ Австрійской Имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами (3). Та же судьба и Южной Руси! — прошело уже много вѣковъ съ

(1) Т. е. въ политическомъ смыслѣ; но еще многое осталось слѣдовъ ихъ ума, просвѣщенія, образованности, въ сохранившихъ письменныхъ и другихъ произведеніяхъ, безъ которыхъ мы не могли бы и знать о славномъ ихъ существованіи. *Прим. Пер.*

(2) Однакомъ время и разные обстоятельства сливали между собою разнотелесные и разнолитичные народы въ одинъ союзъ, и мы видимъ изъ Исторіи, что многие изъ нихъ не оставили по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ существованія своего. Гдѣ теперь Печкаги, Половцы, соглашеніе Литовской Империи, и пр.? *Прим. Пер.*

шѣхъ поръ, какъ Русское Княжество, основанное Владиціемъ Великимъ, пало. (*). Но Русскій языкъ оиъшто не измѣрился и не преспанѣшъ существовать въ устахъ Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ иѣкогда значительную часть бывшаго Королевства Польскаго, ко-
торое вмѣщало въ себѣ четыре главные народы: Польскій, Литовскій, Русскій и Пруссій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая сполицю свою Кіевъ, была древнѣйшею страною Руси; она неизмѣримо просперирала къ Сѣверу, гдѣ возникла Держава, которая получила название *Великой Руси*, а попомъ, гораздо позднѣе, *Россіи*. Основавшаяся въ предѣлахъ Польши *Русь* стала называемой *Малою*; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась *Русью Червеною* (красною); а та, которая была однажды пріобрѣтена Литовскими оружіемъ, названа *Бѣлою и Черною Русью*. Три части Польской Руси оплачались особыми именами: Подоліи, Волыни и Украины.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ Королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства*, доказательствомъ тому служитъ грамота Короля Сигизмунда Августа 1569 года. Въ ней сказано: «Русская земля съ давнихъ временъ, предками нашими, Королами Польскими присоединена къ Коронѣ Польской въ числѣ про-

(*) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлу Польского Королевства, къ Австро-Іоаннѣвріи подъ наименіемъ Галиціи и Лодомиріи; не стихла возвращеніемъ Россіи. Прим. Иер.

чихъ главицъшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея живелей вообще, и каждого корознь, какъ разныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ, какъ собственныи и дѣйствительные члены къ собственному пѣлу и главѣ, къ Королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими Коронными живелями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимущеспвахъ и судьбѣ Польской Короны и проч.»

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому Королевству, Русский языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственный, которыми говорили и при Дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ и въ знатнейшихъ Русскихъ домахъ.

1) Доказательствомъ тому служитъ во-первыхъ Литовскій Статутъ, первоначально писанный на Русскомъ языке (*), и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ земель,

(*) Онъ напечатанъ былъ въ Вильне, особами, подходящими къ склонникамъ буквами, въ типографіи Маконичей въ 1588 году и пошою переложенъ на Польскій языкъ. Въ same время онъ былъ изданъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ С.-Петербургѣ на Польскомъ языке, втѣснѣ съ Россійскимъ переводомъ (Г. Анастасьевича), 1811 г. 10-4, въ 3-хъ книгахъ. — Исторія всѣхъ издачъ проспиренно изложена на Польскомъ языке С.-Б. Ланде, подъ наименованіемъ: O Statucie Litewskim. Warszawa No 4. Прим. Пер.

житъ-то для Волынской, Подольской и Украинской. По Ему закону все судебные дела производились въ быти писаны неначе; какъ толико на Русскомъ языке. Лѣтъ Сигізма, Канцлеръ Вѣлкаго Княжества Литовскаго въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту говоритьъ: «Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то пѣмъ больше намъ, имѣющими законы писанные не на чужомъ языке-жіобъ языка, но на своемъ собственномъ, т. е. на Русскомъ, и т. д.»

То же утверждаетъ и Часкій, говоря, что какъ большая часть народа въ Литве (*) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую Литургію, то Русской языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ Судебный мѣстѣ и къ прочимъ Властиямъ, на немъ же отвѣчали и давали свои решения Король, Судьи и другіе Чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польской вошелъ въ употребленіе при Дворѣ и занялъ мѣсто Русскаго.

2) Судопроизводство въ Русскихъ земляхъ всегда происходило на Русскомъ языке; на немъ излагались возьмы или требованія къ суду, приговоры, и всѣ

(*) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую Митрополію, существовавшую въ какое-то время отдалѣко отъ Московской, но сохранившую посвященіе Греко-восточное Испогіданіе, до отпаденія южноднѣпровскаго Епископата изъ Укії. Си. Исторію Росс. Іерарх. Т. I. Издам. Пер.

официальная бумаги въ Гродскихъ (Уголовныхъ) Земскихъ и Трибунальныхъ (Верховныхъ) Судахъ (1).

3) Сигизмундъ III въ 1589 г., учредилъ Верховный Судъ (Трибуналъ) для Русскихъ Воеводствъ, обязалъ оный употреблять Русскій языкъ и Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непремѣнно присутствовали и засѣдали Русские Писари (Секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на Русскомъ языке и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4) Привилегіи, приговоры, постановленія, которые выдаваемы были Польскими Королями для Русскихъ земель и для ихъ жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Русскомъ языке (2).

Знанийшія наконецъ фамиліи, Русского и Липковскаго происхожденія, имѣвшія своими родоначальниками Русскихъ и Липковскихъ Князей, исповѣдуя Вѣру Греко-Восточную, говорили и писали по Руски до тѣхъ поръ, пока Лапшинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (3)!

(1) Судебные и Правительственные акты изъ Архивовъ Русскихъ земель, сошествующихъ изъ Королевства Галицкое, собранные въѢдомъ и хранищіеся въ Львовской Бервардинской монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языке и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста листовъ.

(2) Таковы: привилегія Сигизмунда Августа 1558 г.; пріошановскіе дѣйстія Королевскаго Суда Старешинъ Башпоріенъ 1585 г.; привилегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же 1592 г. и ш. д.

(3) Сюда принадлежатъ фамиліи (*): Кильдей Чижевецкихъ, Чарторийскихъ, Сангушковъ, Остромыжскихъ, Збраджскихъ, Пруув-

(*) Въ имѣніи году напечатана программа въ Лейпцигѣ о коронаціи, давно ожидавшіе изданіе Гербовника Нѣвѣцкаго съ исправками и дополненіями. См. Tug. Peter. 1857, № 97. Примѣр.

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ Князей, кроме Князей Русскаго Исповѣданія, употреблявшихъ Русскій языкъ: всѣ они происходили изъ Владѣтельныхъ Домовъ въ Липѣвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кроме лишь простаго народа Русскаго, жалкомульства Дворянства и Духовенства Греческаго обряда? Почему съ такожъ пренебреженіемъ у насъ Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для Отечественной Исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ Исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угне-

скихъ, Друцкихъ, Солонерецкихъ, Горскихъ, Масальскихъ, Глинскихъ, Романскихъ, Слуцкихъ, Коныльскихъ, Радзивилловъ, и западные дома: Отинскихъ, Пузиновъ, Даниловичей, Сапацковъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тышкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Спрусай, Кюслей, Тризовъ, Жуздловъ, Бирдесевъ, Жолкевскихъ, Драгоевскихъ, Беворовскихъ, Шулянскихъ, Шепшицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдовицкихъ, Бровескихъ, Дуниловскихъ, Дверинскихъ, Ляшинскихъ, Бугацкихъ, и шысачиныхъ, которыхъ если опрого счищашъ въ одной части Галицкаго Береславска, иѣогда называемой Русской^(*) и Подольскимъ Воеводствомъ, то и въ ней число Гусского Дворянства Греческаго обряда значительно превосходилъ число Дворянства обряда Римскаго. — Сколько же ихъ находилось въ Березинцахъ, Чайловицахъ, Городицахъ, Яворѣ, Кудльчицахъ, Созонѣ, Стушинцахъ, Сѣльцахъ, Винникахъ, Добруѣ, и т. п.! Когда же Исповѣданіе ни мало не измѣ-

(*) При Польскомъ правлѣніи, Воевода сихъ странъ именовался *Воеводою землею Русскими* (*Wojewoda Ziemi Ruskich*). Прим. Пер.

извѣсїе Руси дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть вѣаго; жители стали опрѣдѣлиться отъ своего происхожденія и стыдиться нѣкакъ сибирскъ предковъ.

III.

Южный Русский языкъ всегда различался
отъ прочихъ южныхъ Славянскихъ языковъ, въ осо-
бенности же отъ Черкеско-Славянскихъ, отъ
Польского и Великороссийского.

Выраженіе (Южный) Русский языкъ по юѣ самое
значитъ, что языкъ *Малороссийский или Вѣлору-
сий.* Въ грамотахъ Польскихъ Королей, Ими сажими

имень рода и первоначального происхожденія, то «всъ племено-
самина фалили», хотя и чиселѣдуютъ князь Римскую Вѣру,
но отнюдь грезѣ та не перестали быти Русскими. Правди, ии
прикикли обыкновенно называнія Русскими только ильхъ, кто
принадлежитъ къ Греческому обряду, а ильхъ, кто исповѣ-
дуется Лаптискій, именованіи Позднѣки: но ишоиа обычай
исправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Немецъ, помоку
что исповѣдуешъ ученіе Іоанпра, Бальдина какъ другихъ,
переѣшаешь по ишому быши Англичанинъ, Французъ,
Немецъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ, дѣланши да Гусинъ
онть ишого, что славишъ Бога по Греческому обряду? Откуда
же могло произойти, чтобы природный Рускиъ, перенѣхъ
обрядъ своихъ предковъ на Лаптискій (не на Польскій: ибо
шакого и вѣть и не было), пересѣхъ быши, описицельно
происхожденія, Русскими? Ниши не можешъ рода и племени
ии дашь, ии ошишь, ии изѣнѣши. Слѣдовательно хожи
исчисленныи сакицкъ и перенѣхъ свое Исповѣданіе, но при
всемъ ишои они не изѣнѣши своего Русскаго происхожденія
и изѣнѣши его не могли:

«Fortale que matat vassalos!»

наданныхъ илі по ихъ повелѣнію перевѣденныхъ съ Русскаго на Польскій языку, гдѣ языкъ и письмо Русское именуются: *idioma ruthenicum, character etc, lingua ruthenica*: чѣто иль совершенно отличается отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвержденіи привилегіи Станислава (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной въ 1549 году Королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому Владыке Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена, съ Русскаго языка на Польскій. — Другое того же Короля и въ шомъ же году содержашъ въ себѣ всю грамоту Князя Льва, сына Короля Даніила, на Русскомъ языку. — Въ третиѣмъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота Князя Льва. Надобно ли впрочемъ приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никакъ не можетъ сомнѣваться.— Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: ЕКАТЕРИНА I, какъ пишетъ Шереръ (*), повелѣла въ 1729 году все писанія на Южномъ Русскомъ языку постановленіемъ переложить на Великороссійскій. Извѣстно же, что все они были писаны по Русски въ Воеводствахъ: Киевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того различія Южный Русской Языкъ и отъ Церковнаго: ибо какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ Церковныхъ книгахъ, какъ то: въ

(*) *Annales de la petite Russie*, T. II, стр. 575. «Elle ordonna pour le salut des peuples de la petite Russie, de traduire ces loix en langues de la grande Russie.»

Евхологіахъ, Требникахъ, Тріодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія Церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе оплачивалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждающъ и Ученые Писатели. *Гранники* (*) говорилъ: Москвитине не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаються отъ Русиновъ, но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуюющъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать. *Копитаръ*, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянского Альманаха (родъ Учебн. Заведенія) явственно опѣдѣляешьъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. *Смотрицкій*, первый Славянскій Грамматикъ, въ написанной имъ для Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстивъ Прелогъ на Русскомъ языке, помѣстивъ также свои со Славянскаго языка на Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги *Sorita wina*, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говорилъ: «Что касается до Славянскаго языка, что мы никогда его не презирали; напротивъ того мы изъ книгъ же Славянскихъ вами доказываемъ, ищащально ихъ бережемъ. Русскій языкъ употребляемъ и въ

(*) «Moscoviti a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Poloniis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatiis ab invicem differant, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. въ *Civ. Sarmatiae Europaeas' descriptio*. Т. I, стр. 94.

проповѣдахъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.» То же самое свидѣтельствуетъ я *Skarega* въ книгѣ своей: о jednoſci Koſcioła Božego (о единству Церкви) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. *Klejewskij*, въ сочиненіи о началѣ и древности Польского языка (o poczatkach i dawnosci języka Polskiego. Lwów. 1767), опредѣлительное объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречъ и др., и было бы совершенно излишне доказывать споль несомнѣнную истину!

IV.

Во естьхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ пѣкоذا подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Русскій языкъ находился въ общемъ употреблѣніи.

Если въ нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвесить подъ правила одной и той же Граматики, то, хотя бы вѣкопорыя слова и произносились различно, имѣли разные значения и проч., опинють не слѣдуетъ почитать ихъ за отдельные нарѣчія. Всѣ древнія вѣта Славянского языка въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что чѣмъ болѣе мы спасемъ углубляться въ древности, чѣмъ менѣшую должны вспрѣчань между ими разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный* или, соб-

справедле, *Церковный языкъ*: ибо да немъ излагались съ самого начала одни щолько церковныи шворенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сочиненіяхъ употребляемъ языкъ *народныи*; да и вообще языкъ всегда бывалъ иной въ употреблениі у простаго сельскаго народа, состоящаго собственно однечественныи языкъ, нежели щоптъ, кошорымъ говорашъ люди образованые въ высшемъ свѣтскомъ кругу: ибо сей послѣдній имѣвъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на успное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червеної Руси, нисколько съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языке происходяще цѣлкоморыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смыло и утверждительно можно признать и Бѣлорусское и Малороссійское нарѣчіе, за одно и то же. Кто щолько хорошо вслушался въ разговоръ Кивлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Переяславца, Брестъ-Литовца, Смолѣнина и Полочанина, щоптъ конечно согласился съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ъ*, нѣкоторыя выраженія, занятныя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Русскаго и не могущь родить отдельныхъ нарѣчій.— Когда изъ Поляковъ одинъ говоришъ *lyzuz* (слысысь) а другой *lyzuzz* (слышишь); одинъ *lyuta* (псыма) а другой *trguta* (дршьма); одинъ *rol*, другой *rip*, а третій *rap* и т. п., садуущъ ли изъ язго необходимости дѣлать

наркіє Польськое, на Малороское, Краковское и Городное? Въ промъ звѣ убѣждалаъ, честь и сама въ союзіи Русскій, въ разныхъ мѣстахъ начинаны, даѣтъ до: въ Варшавѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заболотїи, Сандомирѣ, Поневежѣ, Угровѣ, Супрасль, въ щ. д. Тамъ, кроме монастырскихъ книжъ и Церкви, въремѧнъ, зачечанено было много и другихъ духовныхъ и смирѣющихъ книжъ на языкахъ народномъ, который писањъ безъ всякой примиши, чистыи Русскимъ нарѣчионъ. Если сравнишь эти книжки между собою, то не смощи на разности мѣстна и времена, языка ихъ, всегда почиши одинаки и подобны же. И такъ во Русскихъ земляхъ, Малой, Черниговской, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употреблениі, а посему, даже до XIII столѣтія называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ, іпъти гицемъ, ідіота гицепитъ*, а съ Бѣлорусской земли Малороссійскомъ и че упоминалось (*).

V.

Если бы читатѣ о наркіи книжкамъ, то Малороссийское и Бѣлорусское наркіе должны показать не что иное, какъ просто Русское.

Я показаю уже подобство различимыхъ боярствужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени,

(*) По испущенію изъ Престольныи Царшурущаго рода Романовыхъ, въ воспрещеніи къ Россіи отшоргнувшихъ нѣкогда при нихъ областей, въ Царскому пишутъ начинаны: *тѣаи Литвина и Юрия въ Черной Руси*; а тутъ сидѣтъ

какъ значительная часть Малой и Вѣлой Рѹси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе Писатели въ царствованіе ИМПЕРАТОРА ПЕТРА Вѣлікаго спали отдалъшь Малороссійскій и Бѣлорусской языкъ, замѣяя вѣкопорную разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, кото-
рымъ говорили въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была по видимому списана съ Грамматики Смошрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, где Смошрицкій упоминаетъ о Русскомъ нарѣчіи, не сохранилъ въ пачности этого имени, а называетъ его *Малороссийскимъ*. Но Смошрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ Писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру эшому послѣдовали и Польскіе и иноземные Писатели; и нарѣчіе прошло называемое *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссийское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусского. Линде прошлой Русской языкъ, котормъ былъ писанъ Липовскій Спашушъ, пошому только именуетъ *Бѣлорусскимъ*, чѣмъ называлъ его *Сопиковъ* (въ своемъ Опытѣ Россійской Библіографіи). Ашпорашенъ Сопикова показался Г-ну Линде досшапочнымъ для наименования языка, котормъ писанъ Спа-

извѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Rossia*. Но иностранные и ше-
перь по большей части сохранили прежній звукъ, называя
имя Государство *Russia*, *Russland*, *Russie* и т. д. въ дре-
зевии Норвежское *Gardarick* и *Riseland*. Прим. Пер.

тишъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Русский языкъ*.

Языкъ Липовскаго Стапута есть шотъ са-
мый, на коемъ Смоприцкій написалъ къ своей
Грамматикѣ предисловіе. Смоприцкій же называ-
етъ этотъ языкъ не иначе какъ просто *Ру-
сскимъ*, ибо тогда во все не слышно было о *Бѣло-
русскомъ*.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я
именую языкъ Лип. Стапута не *Бѣлорусскимъ*,
а просто *Русскимъ* (1). Г. Гречъ называетъ языкъ
книги подъ заглавиемъ: «Вѣнецъ Христовъ» язы-
комъ собственно Русскимъ; но это шотъ же
языкъ, что и въ Липовскомъ Стапутѣ: почему
же называться ему *Бѣлорусскимъ*? и почему опли-
чать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они
въ самой сущности ни въ чёмъ между собою не
разнятся (2)?

(1) Такъ и должно. Языкъ Стапута быть дипломатическимъ
языкомъ Западной Руси, и весьма отличенъ отъ настоящаго
Бѣлорусского. Ред.

2) Однакожъ спаринный дипломатический языкъ Западной Руси
отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорож-
скаго Войска, и пр., и имѣтъ Бѣлорусское нарѣчіе не есть одно
и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ заиншишь вслѣдъ,
переѣзжая изъ Губерніи Могилевской въ Черниговскую или
изъ Минской въ Волынскую. Ежели Авторъ сей спаты не
допускаєтъ газваній *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ
позднѣйшихъ; то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе
естественныя названія: Западное *Русское*, Южное *Русское*,
и Великороссійское названіе *Восточное* *Русское* или
Северо-восточное *Русское*; но все же должно какими-
нибудь именами означить такія нарѣчиа, между которыми
существующія различа дѣйствительная и которыхъ между
ними всѣ имѣютъ неспоримое право именоваться *Русскими*.

VI.

Южный Русский языкъ отнюдь не образовался изъ Польской.

Нѣкошорые Россійне, Чешскіе и Польскіе Писатели утверждаютъ, будто Южный Русский языкъ какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и Словесности Польской, или, другими словами, что Русский языкъ есть смѣшеніе Польского языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мытье это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ оѣъ безприснѣраснаго читателя, какъ только, чтобы онъ насть выслушалъ и разсудилъ посль, правы ли мы или нѣть.

Русскій языкъ подвергался одной участіи съ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того несравненно ранѣе Польскаго цвѣль и развивался, по образцу Славянскаго и Греческаго (*). Хотя же народъ Русскій, по спеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ Короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими Коро-

(*) Извѣстный ученый Грекъ Константинос Экономос издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 час. для доказательства почти тождества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнейшихъ его діалектовъ, Золійскимъ. См. его Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ, ч. I, Предисловіе. Прил. Пер.

лями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществоахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Русскій (1); но и Лапинскій языкъ ничего не цоптералъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершенствованіи отечественнаго языка, учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ Грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. — Не оприцаемъ, что Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаясь и совершенствоваться на подобіе Греческаго, Славянскаго, а въ послѣдствіи и Лапинскаго (2); но никакъ изъ Исторіи не льзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. — Ощдѣльныя слова, хотя бы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчіи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что все Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня; что они соединены между собою родствомъ и долженствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

(1) Ибо Пол. языкъ уже въ XVI столѣтіи имѣлъ свой золотой «жду Словесности», называемый Ягеллоновыи, по имени царствовавшаго тогда Дона этого имени. *Прил. Пер.*

(2) Особливо же со временемъ учрежденія въ Москве Славяно-Греко-Лапинской Академіи, первого въ Великой Россіи Заведенія для просвѣднѣйшаго круга Наукъ, которое дошаго было единственно въ Бісѣ, доставляя Россіи большую частію Духовныхъ и Лерардовъ. *Прил. Пер.*

VII.

Польскій языку нынѣшию своею чистотою и бояватствомъ и самыи даже слогомъ своимъ обязанъ, болышею гостю, Русскому языку.

Древній Польскій языку, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно различается отъ нынѣшняго (*).

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: «Piszalem then list ku W. M., raduiac sie dobremu zdrowiu, zem poszdał do Lazarza ku

(*) Вонь образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Ледевелева издания Польскихъ и Mazovскихъ Законовъ, и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis umovi myedzi dychowymi, a swyeczakym o czlonki w' nym pop'ane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swantey Gnezdowkey cirekwe arcibiskupk w Krakowakem biskupstwye na urzandze pogesdzania handanez wyatkiem ad kthorich nyniesze lysti przydaj chociem bycz jawnu kako gdeż myedzy nayaszueyszym ksandzem panem Kaszymytem Polskym z bozey nylloszczy Krolem etc. patronem naszym a yenej a myedzy ksandzem Bodzanem brathem naszym namyleyszym biskupem Crakowskim stroni z drvghej nekthore wyantpyeny o dzeszanezynach i o gynsynch czlonkoch nuzey popuszczanych bilo soż stanit y sowqni porwszy pothem etc. См. Kniegi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная запись между духовною и Сытковою властю о выменененныхъ счастьяхъ. Мы, Ярославъ, Владикъ промысломъ Архиепископъ Святой Гильзенской Церкви, и мы смотримъ на Краковскую Епископию и обѣзидаю, даемъ ей в знать всѣмъ вообще, что между Нынѣшнимъ Коенданъ Накона Казимира, Божиимъ милостию Королемъ и пр., покро-

druku Politię Królestwa pol. na trzy knigi rozdzielona. Proszę chcieć yą W. M. widzieć i poprawić, ieśli żeby w czym pobiłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiej i wielkiego nieszpania, i t. d.»
т. е. «Я писалъ эпо письмо къ вашей милости радуясь, что вы здоровы, и уведомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія Политику Королевства Польскаго, раздѣленную на три книги; прошу васъ разсмотрѣть и исправить, если бы нашлись въ ней какія погрѣшности. Поистинѣ мнѣ споила она много труда и безсомнѣнныхъ иечей,» - и проч.

Марчинъ Бѣльскій, первый дерзнувъ писать Исторію на Польскомъ языкѣ, едва находиъ возможнымъ исполнить свое предпріятіе (*).

вышеемъ нашимъ съ одной стороны, и съ другой между Бенедиктомъ Бодзантю, любезѣйшимъ братомъ нашимъ Епископомъ Краковскимъ, вспѣшился вѣкоторымъ недоразумѣніемъ неспѣшно десѧтины и вѣкоторымъ другихъ спасей, чиже сего прописанныхъ, и проч.»

Зачѣмъ въ эпохѣ древнѣя Польскому языку Русскій характеръ вѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Swiętey* (Святої), *Cirekwe*, а не *Kościola* (Церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще отъ иного.

(*) А за пять вѣковъ до первого Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несгоръ виокъ Киево-Черкескій, вѣль на некѣи Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не входитъ его столько иенонаписанъ или сполько 'отличныхъ' онъ употребляемаго имъ языкѣ, сколько Поляки свой вынѣкшій языкъ онъ языкъ XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь языкъ уже переложенную на свой языкъ Біблію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣй! Французскій Авторъ книги о Европѣ, изд. 1818 г. упоминаетъ, что въ списѣ Біблій, хранившихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288, находится славное сочиненіе: *Aly. Halkogy*, заключающее въ себѣ испытование Монсесовскѣй Библіи, 1004 года, на Русскомъ языке.

Если бы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то иѣть сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пускъ каждый разсудитъ: Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго или Польскій по образцу Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ опи- нию не былъ *просинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать Г-ну Линде на спр. 2 предисловія къ Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы, Г. Греча.

Русскія земли, принадлежавшія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью или провинціею. Русскій народъ составлялъ часпь Королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперЬ Венгрия, Богемія суть часпія Имперіи Австрійской. — Если же и положимъ, что Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доспавленіемъ множества словъ и выражений, что доказываютъ *Клегевскій*, *Копчинскій*, и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ пивореніи своемъ о Литовскомъ Слапутѣ, говоря: «Сей-то чистота Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Слапута очищался образцовымъ.» Почему же послѣ всего этого вынесши онъ Южный Русскій языкъ въ свое мъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій!

Впрочемъ и теперЬ даже, при недостаточности правилъ Польской Грамматики и Правописанія, до тѣхъ поръ не льзя будеТЬ ничего опредѣлить

въ вихъ точнаго; посполитаго, пока не вининемъ въ духъ и построеніе Русскаго и Славянскаго языка, и въ случаихъ нужды не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

*Нынѣшнее отношение Южнаго Русскаго языка
къ Великороссийскому.*

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: *Опытъ Исторіи Русской Литературы*, послѣдня мнѣнію Г. Гречѣ, раздѣляетъ Россійскій языкъ и Литературу на три періода. Первый называется онъ Греческимъ, либрой Тапарскимъ, третій Польскимъ. Не оспоривъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, особенно книжный, потому что Священное Писаніе и вѣсъ почти Церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ энтихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что касается періода Тапарского, то я не согласенъ съ Г. Линде. Владычество Тапаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычай Русскіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ (*), что владычество Тапаръ въ Россіи не оставило важныхъ

(*) Исторія Рос. Государ. Т. V, стр. 654.

слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь 40 или 50 Татарскихъ словъ находились во всемъ Россійскомъ Словарѣ; а хотя бы даже ихъ находилось и вдвое прописиъ того: все же это не даетъ еще настолько-то повода, допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языке и Литературѣ. Чѣмъ касается Польского періода, т. е. вліянія Польского языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польского; что же самое должно сказать и о языке и Литературѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ со-зидался по образцу Польского. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный Русскій языкъ. Какимъ же образомъ онъ могъ бы действовать на Великороссійский? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, некоторымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Россійского языка, чего сами Великороссіяне не оснаряжаютъ и основополагающими не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существование *періода Польского*.

Когда рѣчь идетъ о языке Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній Церковный языкъ отъ древняго Россійского разговорного или такъ называемаго *гражданскаго языка*: что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то же подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговор-

ный и книжный Россійскій языкъ не быть уже тошь самый при ПЕТРѢ Великомъ, какой встрѣчается видѣть въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это *Каченовскій*, въ Картинахъ Россійской Литературы, и *Карамзинъ* въ Исторіи Россійского Государства. Когда въ новѣйшія времена нѣкоторые Россійскіе Писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ *Шишковъ* въ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ, указывая прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ какъ въ разговорномъ, такъ и въ письменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ Королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе Писатели ошибочно и несправедливо называютъ Руснаками.

Что Русь составляетъ совершенно отдельный народъ отъ Поляковъ, такъ чио и пребищеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и сословію Польскаго Государства не могло означать у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуетъся доказательство. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой по нынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ.— Посему

справедливо *Нандтке* сказалъ (1): «нетъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣть и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.»

Нѣкоторые язъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ Писателей счали называть Галицкую Русь *Rusnakami* (*Rusniaken*), а языку ея *Rusnakimъ* (*Rusniakische Sprache*). Такого названія, вовсе не извѣстнаго въ старину, ни Польскіе, ни Литовскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе Писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея название есть *Русь* или *Русскій народъ*, по Латыни *natio Ruthena*, по Нѣмецки *Ruthener*, а Русскій языкъ *ruthenische Sprache*. Кто зналъ бы эпопію народъ только изъ подобныхъ книгъ, топъ могъ бы подумать, что кроме *Rusi* есть еще особое племя Руснаковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рогера название *Мазураковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовії существовѣть какая-то особая отрасль памошнаго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Руснаковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣть. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство Писателя не должно бы дозволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе Г. Крапинеръ въ своемъ сочиненіи: *Письма о Галиціи* (2); ему послѣдовали *Roperz*,

(1) Hist. Kröll. Pol. T. I, стр. 28.

(2) Briefe über Galizien, стр. 147.

Крибель, *Чаплович*, и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе Писатели, какъ-то: *Шлецеръ*, *Гебгардъ*, *Гоппѣ*, *Энгель* и др., упоминали о Галицкой Руси, никогда ее такъ не называли. Долгъ и обязанность каждого Писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ, и не исказять собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаешь прошивъ всѣхъ этихъ условій! Кажется, все сіи Писатели могли изъ офиціальныхъ актовъ и постановлений узнать достаточно, какое собственное имя приличествуетъ Русскому народу.

Пер. В. Р.

3.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ КАНТОВОЙ РЕЛИГІИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ОДНОГО РАЗУМА.

Три важнія істини открыль Кантъ въ Філософії: 1) чио разумъ нашъ въ познаніі вещей сверхчувственныхъ, самъ по себѣ, недостаточенъ (1); 2) чио всѣ начала нравственности, основанныя на понятіяхъ удовольствія и счастія, не нравственны и не имѣють достоинства закона (2), и 3) чио человѣкъ по природѣ поврежденъ, или развращенъ (3). Истини сіи, споль извѣстныя изъ Откровенія, доказаны Філософомъ изъ одного разума, и ионому Христіанскій Богословъ и Філософъ въ ученіи о Религіи, противъ невѣрующихъ нашихъ временъ, съ такимъ же правомъ можешъ свидѣтельствоваться Кантомъ, какъ свидѣтельствовались нѣкогда Отцы Церкви древнимъ Платономъ. Но услуга, какую Кантъ оказалъ Религіи, важеется, не проспираєтся далѣе сего. Доказавъ

(1) Въ Критикѣ Чистаго Разума.

(2) Въ Критикѣ Практическаго Разума.

(3) Въ трактатѣ: Религія въ предѣлахъ одного разума.

въ своей Философії слабошь человѣческаго разума, онъ самою Философіею своею показаль, что одинъ разумъ не открываетъ истинной Религіи. Ибо сей Философъ въ Созерцашельной Философії оставилъ при одномъ кризицизмъ, въ Нравственной при споцицизмъ, въ Религії остался напуралисмъ.

Впрочемъ сей Напуралисъ не былъ злонамѣреннымъ пропивникомъ Христіанства. Въ трактатѣ *o Religion innerhalb der Gränen der blossen Vernunft* (1) Кантъ хотѣлъ согласить ученіе Откровенія съ ученіемъ своей Философіи, подкрепить одно другимъ и оказать имъ услугу какъ Религіи Христіанскої, такъ и своей Философіи (хотя послѣдняя цѣль была ближе къ его сердцу, нежели первая). Онь полагалъ, что Богословіе Философское должно ити своимъ путемъ, не препятствуя однакожъ ходу Богословія Библейскаго, и что, держась предѣловъ одного разума, первое имѣеть право, для подтвержденія и поясненія своихъ положеній, употреблять въ свою пользу самую Біблію. Но при семъ починаль нужнымъ сравненіе этого и другаго Богословія между собою, и даже предлагалъ вопросъ: не полезно ли, по совершеніи Академического курса Богословія Библейскаго, открыть особенное ученіе Религії Философской, по руководству, подобному его (Кантову) трактату, для окончательного усовершенія Кандидатовъ (2)? Нѣмѣреніе его было: ученіе Откровенія сравнить съ

(1) Die Religion innerhalb der Gränen der blossen Vernunft. Кенигсб.
1795, в. Издание 2, 1774.

(2) Предисл. 1, стр. XV и слѣд. Издание 2.

появіями нравственными (Философскими), дабы видѣть, не приводитъ ли оное учение къ чистой Религіи разума (*)? Сие намѣреніе, какъ изъ опыта Кантова видно, было то же, чтобы всю Откровенную Религію изъяснить по начальамъ Кантовой Философіи. Но опытъ Философа показалъ, что такой взглядъ на Религію сполько же недостаточенъ, ненадеженъ, какъ и всякая система Философская, — изобрѣтеніе человѣческое, всегда не-полное, всегда несовершенное. Къ большей славѣ Откровенія, усматривается, что все лучшее въ Кантовой Религіи заимствовано изъ Евангелія, а все худшее принадлежитъ собственно Кантовой Философіи. Въ семъ—то отношеніи можно сказать, что Религія Кантова сдѣлала услугу Религіи Христіанской. И потому въ семъ же отношеніи, полезно критически обозрѣть весь практикъ Кантова, и указать важнейшия истины и важнейшия заблужденія, которыя въ немъ между собою смѣшаны.

Въ предисловіи къ сему практику Кантъ говоритъ, что идея Бога не есть основаніе Нравоученія потому, что нравственность не имѣетъ нужды въ другомъ побужденіи, кроме Закона нравственнаго. Но поелику практическій разумъ требуетъ согласія добродѣтели съ счастіемъ, которое (согласіе) можетъ произвестіи одинъ Богъ: то идея Бога необходимо выпекаетъ изъ учения нравственнаго, и такимъ образомъ сіе учение ведетъ насъ къ Религіи. Спр. III — IX.

(*) Предисл. 2, тир. XXII.

Вотъ первая истина и первая ложь! — Нравоучение ведешъ къ Религії: слѣдовательно, здѣсь цѣль его, здѣсь истинное успокоеніе ума и сердца. Вотъ величайшая и драгоцѣннейшая истина! Но Нравоучение не для себя, говорить Кашпъ, имѣть нужду въ Богѣ, а для нашего счастія. Такое понятіе о Богѣ недостойно Бога; такое Нравоучение, не имѣющее нужды въ Богѣ, есть эгоистическое и — просто — ложное.

Трактатъ Кашпа о Религії имѣетъ слѣдующія четыре отдѣленія: I. О совмѣстномъ существованіи злого начала съ добрымъ, или о коренномъ злѣ. II. О браніи между добрымъ начадомъ и злымъ за владычество надъ человѣкомъ. III. О побѣдѣ доброго начала надъ злымъ и основаніи Царствія Божія на земли. IV. Объ истинахъ и ложахъ служенія Богу, подъ владычествомъ доброго начала.

Къ каждому изъ сихъ отдѣленій Кашпъ сдѣлалъ присвокупленія. Четыре таковыя присвокупленія содержали ученіе его: I. О дѣйствіяхъ Благодати, II. О тудесахъ, III. О тайнствахъ (тайнахъ), и IV. О средствахъ для получения Благодати. Сіи прибавленія разсмотримъ послѣ главныхъ отдѣленій трактата, совокупивъ оныя подъ одно название: *утеніе Кашпа о Благодати*.

I.

О совмѣстномъ существованіи злого начала съ добрымъ.

О коренномъ злѣ.

Человѣкъ онъ природы золь: т. е. онъ не только по природѣ слабъ въ исполненіи Закона,

который уважаетъ, не только *негатив* нравствен-
но, поелику имѣеть нужду въ чуждыхъ побужде-
нияхъ, кромѣ побужденія самаго Закона; во онъ
развращенъ такъ, что низшія побужденія легко
предпочитаетъ высшему, т. е. важности самого
Закона, и нѣтъ человѣка безъ таковой преврат-
ной наклонности (*). Не льзя искать причины
сего зла ни въ чувственности, которая не имѣеть
прямаго отнoшения къ нему, ни въ поврежденіи
практическаго разума, ибо законы его всегда
имѣютъ свою важность. Какъ и когда произошло
сие зло, того разумъ никакъ изъяснить не мо-
жетъ. Изъспное изъясненіе сего въ Св. Писаніи,
если будемъ видѣть въ ономъ происхожденіе зла
во времени, т. е. опѣр какой первой во времени
причины оно произошло, не льзя согласить съ
разумомъ, который не можетъ признать ни сооб-
щенія нравственнаго зла отъ родителей дѣшамъ,
ни вмѣніемости онаго сообщеннаго зла. Но, если

(*) Каждъ свидѣтельствуетъ опытомъ всѣхъ временъ и народовъ.
У всѣхъ слышны жалобы на развращеніе людей, болѣе и болѣе
унижающеся. И Гораций сказалъ:

*Aetas parentum, reges avie, tulit
Nos nequiores, mox datus
Progeniem vitiisiorum.*

Обращая взоръ на сословіе, такъ называемое къ некоторымъ
Философамъ естественное, сословіе дикихъ, Банѣтъ видѣши
войны и человѣкоубийства произвольныя, совершаются безъ
всякой нужды и пользы. Синопрѣя образованіе пароды, замѣ-
чаешь повсюду пороки подъ видомъ добродѣтели и жалуешься,
что въ самихъ дружескихъ склоненіяхъ шаинъ запрещенное
одного къ другому недобромѣлательство. Въ отношеніи паро-
довъ видѣши сословіе кепресианской войны, котораго рѣши-
лись они никогда не оставлять и пр. Спир. 3 и 4, 26—50
(по 2-му изданію).

въ сиюмъ испортическому изображеніи будемъ находитьъ изъясненіе всеобщаго подлежащельнаго способа, какъ принимаетъ человѣкъ проптивное закону за правило своей воли: то сіе изъясненіе согласно съ разумомъ. Человѣкъ не имѣлъ зла въ своемъ основаніи, а былъ прежде невиннымъ; но отъ закона ему даннаго (правственнаго) онъ обращился къ другимъ побужденіямъ и принялъ ониы, поставивъ ихъ выше закона. Такъ училъ Св. Писаніе о грѣхѣ; такъ и дѣйствительно согрѣшаємъ всѣ мы: только склонность наша къ преступленію не есть уже *падежіе* (испаденіе изъ состоянія независимости): ибо мы родимся, еще не имѣя полнаго употребленія разума; но она намъ *рождена* т. е. отъ самого младеачества и рожденія нашего въ насть находится. Спр. 20 и дал. 39 и дал.

Дѣйственные постулаты утверждаетъ Кантъ: 1) что человѣкъ поврежденъ отъ природы (отъ рожденія); 2) что причины сего зла разумъ никакъ изъяснишь себѣ не можешьъ. Послѣ сего слѣдовало бы заключить, что или совсѣмъ не дѣло разума изъясняшь причину кореннаго въ человѣкѣ зла, а должно довольствоваться здѣсь однимъ Ошкровеніемъ, или что разумъ недовольно еще позналъ свойство зла правственнаго и способъ, какимъ сообщаешся сіе зло отъ одного къ другому; но никакъ не слѣдовало осуждать шого изъясненія сего зла, какое предложено въ Ошкровеніи. Не ешественно ли самому разуму, при разматриваніи споль общаго въ человѣчествѣ зла, восходить къ первому человѣку? Не остыть ли увѣряешь насть, что какъ склонность къ добру сообщаешся отъ родителей, такъ и склонность ко злу можешьъ бысть наследствен-

на? Кануть съяніють отдаленіе працішенаю часину человѣка отъ прочихъ; какъ будто человѣкъ не есть цѣлое, въ кошоромъ все соединено такъ, что важная перемѣна въ одной части существа человѣческаго не можешь не дѣйствовать на другія. Сего мало: самое человѣчество есть нечто цѣлое, въ кошоромъ члены соединены одною природою, одинъ происхожденіемъ и дѣйствующіи другъ па друга физически и працішенно. Витняемость корѣнаго зла вообще человѣчеству—также не противна разуму. Если зараженіи опасно болѣзнию отдаленіе отъ другихъ, если зараженіе ять прежніе выгоды жажды: то чаковѣе отдаленіе для пѣхъ, жиши хоти заразились невольне, но болѣзнь свою любить, не только есть лѣстастие, но и спра-ведливое наказаніе, подъ коньми они и должны быти, пока не возненавидятъ своего зла и не допускніи къ себѣ врача.

Возможность исправленія.

Какъ можно обратиши съя зла къ добру, сего также изъяснишь мы не можемъ. Но мы должны предполагать въ себѣ возможность обращенія: ибо когда есть заповѣдь въ нась «спарайся быть лучшимъ», то надлежитъ быть и возможностіи къ сему. Св. Писаніе, согласно съ разумомъ, предполагаетъ сю же возможность въ испортическомъ изображеніи грѣхопаденія въ видѣ *крайности*. Человѣкъ испаль въ зло, бывъ обольщенъ иконо-торымъ духомъ: слѣд. не въ основаніи своемъ поврежденъ и еще способенъ къ исправленію: ибо поводъ ко грѣху былъ въ прельшашель, а не въ первоначальному стремлениіи человѣка ко злу. И

шакъ мы должны принять, что первоначальное наше расположение къ добру, хотя и потерпѣло нѣкоторое уклоненіе, можешь быть восстановлено. Нравственная свобода человѣка всегда есть по началу, которое въ самомъ развращенномъ человѣкѣ можетъ мало по малу произвести перевѣсь въ добромъ расположеніи. Спр. 46 и дал.

Здѣсь опять видимъ истиину и ложь. — Разумъ не можетъ изъяснить, какъ можно поврежденному человѣку самому собою обратиться къ добру: это не-прерѣкаемая истина. Но, что человѣкъ поврежденный самъ собою можетъ исправляться: это совершенно прошивно оной истины. Если больной не видитъ и не знаешь возможности самъ излечишь себя, то долженъ ли онъ полагаться на себя, и отвергать помочь знающаго врача? Ни разумъ, ни опять не увѣряють, что исправление естественными силами возможно; но напротивъ увѣряють, что, дабы испоргнушъ зло, отъ *рожденія* въ насъ существующее, нужно, шакъ сказашь, *перерожденіе* или новое рожденіе. Напрасно Кантъ въ самомъ Св. Писаніи хочетъ найти подтвержденіе своего мнѣнія. То, что поводъ ко грѣху былъ не въ самомъ человѣкѣ, а въ его, можетъ быть уменьшаешь нѣсколько вину его предъ очами Правды Божіей, но ни мало не уменьшаешь въ немъ дѣйствія самого зла. Въ самомъ ли шакъ человѣка образовался ядъ, или принять имъ ошибкѣ, (но не извергнувшись въ самомъ начаѣ) дѣйствіе яда осваешся равно смертно.

II.

**О ВРАНИ МЕЖДУ ДОВРЫМЪ НАЧАЛОМЪ И
ЗЛЫМЪ, ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАДЪ ЧЕЛОВЪ-
КОМЪ.**

Для исправления себя недовольно оставилъ зародыши добра, дабы онъ самъ собою раскрывался, но нужно еще сражаться съ пропаводѣй-сющащею ему силу зла. Сie шолько (сраженіе) доспойно имени добродѣтели (которая пропавна не невѣжеству и заблужденію, а злосии, ш. с. не отрицательному, а положительному зому свѣдѣшту).

О идеалѣ совершеннаго человѣка.

Въ дѣлѣ исправленія нравственнаго необходимо имѣть въ виду идеалъ человѣка совершеннаго. Таковый идеалъ въ Христіанствѣ есть одице-шворенная идея Богоугоднаго человѣка, Сынъ Божій, Слово. Въ Немъ Богъ возлюбилъ міръ, и мы, шолько сообразуясь съ Нимъ, можемъ надѣяться быть Сынами Божіими: пошому возвышаться къ сему идеалу есть обязательность каждого. Но сія идея имѣеть уже свою реальность (дѣйствительность) въ нашемъ нравственно-законодательномъ разумѣ. Хотя бы не было никакого подобного примѣра въ опытѣ: но и тогда разумъ долженъ спровадить бы избрать въ образецъ себѣ идею Богоугоднаго человѣка. При семъ не нужны чудеса

для увѣренія: требовать онъ значить не довѣрять добродѣтели. Посему если бы таковыи човѣкъ и сошелъ, такъ сказать, съ неба, и произвелъ необозримо великое благо въ мірѣ: мы не имѣли бы причины принимать сего човѣка за лицо высшее естественное човѣкъ, хотя симъ не опровергается, что онъ могъ родиться и сверхъестественно. Конечно, не льзя не чувствовать удивленія, любви и благодарности къ Тому, Кто, имѣя все право на блаженство вѣчное, сошелъ однакожъ во глубину золъ для блага нашего: но таковыи сверхъестественный човѣкъ не можетъ быть для насъ прамъромъ подражанія. Спр. 73 и дал.

Умствованіе Кавта слѣдующее: намъ нужень идеаль човѣка совершенного; таковыи идеаль у Христіанъ есть Иисусъ Христосъ: но въ разумѣ есть шоющъ же идеаль: слѣдовательно сего одного идеала довольно. Умствованіе не полно, а потому не вѣрно. Полное умствованіе представляется слѣдующее: Намъ нужень идеаль човѣка совершенного и такового вѣрнаго идеала никогда не производилъ самъ разумъ; но въ Христіанствѣ есть совершеннѣйшій идеаль въ ладѣ Богочовѣка, идеаль, въ которочь човѣкъ все находить, чѣо нужно для его совершенства: слѣдовательно, самый идеаль разума должно повѣрять съ существеннымъ идеаломъ въ Христіанствѣ. Ибо безъ сего чѣмъ докажешь Кашъ, что идеаль его совершенъ? Идеаль нравственныи у Аристотеля не таковъ, какъ у Платона; у Спинксовъ другой, нежели у Перипатетиковъ. Вообще идеаль у Философовъ языческихъ не шоющъ, что у Философовъ Христіанскіхъ. Напр. идеаль Стоическій не одушевленъ шою

частою всеобщую любовию, какъ у Христіанъ. Самый идеалъ Каншовъ быль бы весьма далекъ отъ испиннаго идеала, еслибы Каншъ не читаль Евангелия. Такъ мало можно полагаешь на идеалы нашего разума! — Что касается до нашего дѣйствительного образца, въ которомъ Каншъ не желалъ бы видѣть ничего сверхъестественнаго: что Философъ забываешьъ, что Глава Христіанъ не ешь только примѣръ нравственного совершенства; что въ другихъ отношеніяхъ (какъ Испупитель, Спаситель, Начальникъ Царства Божія) Іисусъ Христосъ не могъ бытъ прошто человѣкомъ, и что самое сверхъестественное, и. е. Божество Его, не исключаетъ въ Немъ и силь естественныхъ, подобныхъ нашимъ. Въ послѣднемъ ощущеніи Онъ, безъ сомнѣнія, можешьъ и долженъ бытъ для насъ примѣромъ подражанія.

Довольствуясь однимъ идеаломъ разума, Каншъ берегъ на себя изъ одного же разума рѣшишь слѣдующіе вопросы: 1) Какъ мы, всегда несовершенные, спремясь къ совершенству человѣка Богоугоднаго и никогда онаго не доспигая, можемъ бытъ богоугодными? — *Отв.* Въ дѣйствіяхъ нашихъ во времени мы несовершены; но Сердцевѣдецъ взираєшь на главное наше свойство и, объемля взоромъ все цѣлое нашей нравственной жизни, видишь одного совершенного человѣка.— 2) Можемъ ли мы, при нашей слабости, бытъ всегда увѣрены въ неизмѣнности доброго нашего свойства? — *Отв.* Бытъ совершенно увѣренными въ семъ мы не можемъ и не должны; но можемъ и должны надѣляться, что съ успѣхами въ нравственности болѣе утверждатсѧ и наши силы нравственныя. Доброе сердце само въ себѣ носить сю надежду, своего вну-

тринаго Параклиша.— 3) Какъ удовлетворимъ мы Правдѣ Божіей за прежніе грѣхи наши? — Отв. Казнь за грѣхъ въ освѣдченіемъ грѣхъ человѣка не можетъ падать на на соподчиненіе развращеній, ко-
торое прошло, ии на соподчиненіе новое, угодное Богу. Но грѣхъ не можетъ оспасться безъ наказанія. Исходженіе изъ свойствъ развращенія въ добрыхъ соединяено съ горестами и есть начало многихъ скорбей и лишеній. Человѣкъ новый воспринимаетъ иль для добродѣтели охотно, но воспринимаетъ за виду человѣча вѣщаго, и шѣмъ удовлетворить Правду Божію. Спир. 84 и д.

Такое рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ прилично какому-нибудь Софисту, а не строгому критику Каншу. 1) Различеніе человѣка въ явленіи и человѣка въ идѣи ничего не помогаетъ шамъ, гдѣ дѣло идешь о несовершенствѣ нравственныхъ, никогда не пре-
щающихъ. Цѣлосъ (хотя бы безкощечное), составлен-
ное изъ несодержимыхъ, никакъ не можешь быть созвѣршенныи. 2) Если же лѣзъ бышь увѣрену въ посвѣдчившѣ своей воли: что не лучше ли, по ученію Христіанскому, смиришь себѣ предъ Богомъ и про-
сить Его благодати, нежели искать своего Паракли-
ша въ себѣ, кошорый сполько же обманчивъ, какъ и
наше самолюбіе, и можешь научишь насъ одной Сто-
нической гордости? 3) Удовлетвореніе Правдѣ Божіей,
представленное Каншомъ, есть только софистиче-
ское, ложное успокоеніе ума и совѣсти. — Немногія
скорби добродѣтельного не могутъ быть уплатою
безкощечнаго долга грѣховъ. Прѣтъ несчи оныхъ
человѣкъ обладаъ и шерціе его не есть чѣ-лабо
сверхъ заслугъ и сверхъ должнаго.

Идеал злого начала.

Начало злое, борющееся съ добрымъ за владычество надъ человѣкомъ, представляется въ Св. Писаніи въ олицетворенной идѣи искушителя, князя міра сего. Онь прельстилъ Праородителей, и основавъ на землѣ царство ада. Іудейская Феократія спаралась разрушить его царство; но шакъ какъ законы ея не были чисто нравственными, а дѣйствовали чрезъ одно взыншее побужденіе; то князь шмы всегда могъ хорошо защищаться. Но вотъ явился Мужъ, мудрѣйший всѣхъ бывшихъ Философовъ, безгрѣшный, въ кошоромъ князь шмы не имѣлъ никакой власти. Владычество сего князя подверглось опасноснї, и онъ обѣщалъ Ему все, требуя отъ Него только поклоненія себѣ. Поелику же сей опытъ не удался, что князь шмы воздвигъ яи Праведника всѣ гоненія и довелъ его до позорной смерти. Смерть сія, хотя не уничтожила злого начала, но ограничила власть его шакъ, что человѣкъ не можетъ болѣе невольно удерживаться подъ сею властью: ему открыть входъ въ царство добра. Подъ шапицкеннымъ покровомъ сего повѣспованія, говорить Кантъ, лежитъ разумный смыслъ, имѣющій практическую важность для всѣхъ, т. е. что развращеніе, въ коемъ мы сачи виновны, можетъ быть побѣжено посредствомъ идеи нравственно-доброго во всей ея чистотѣ. Спр. 106 и д.

Изъясни шакимъ образомъ Св. Писаніе, Кантъ сравниваешь себя съ шѣмъ, о кошоромъ сказалъ Спаситель: *не браните (ему): иже бо кѣсть на си, по*

васъ есть (Марк. 9, 31, и Лук. 9, 50), и увѣрлешь, что онъ, хотя другимъ пущемъ, но къ той же цѣли приводишь, какъ и Христосъ. Точно ли къ той же цѣли? Цѣль Канита только нравственная и въ одноимъ разумѣ: цѣль Иисуса Христа удовлетворяющая всѣмъ существеннымъ потребностямъ духа и сердца человѣческаго, Божественная — въ самомъ Богѣ. Какое безконечное разстояніе между безжизненною нравственностью Канита и животворною Религіею Спасителя міра? Нѣть сходства между Канитомъ и тѣмъ человѣкомъ, который изгонялъ бесовъ именемъ Иисуса. Сей человѣкъ (Марк. 9, 3, и Лук. 9, 50) не могъ вредишиь вѣрѣ въ Иисуса; напрощивъ шопѣй, кто вѣришъ и учишъ вѣришъ одному практическому разуму, явно имѣшъ направление (намѣренное или ненамѣренное) антихристіанское. О шаковомъ справедливѣе сказашъ то, что сказано невѣрующимъ: иже есть со Мною, ка *Мя есть*; и иже не собирается со Мною, расстается (Марк. 12, 30). О Феократіи Іудейской будемъ пѣти случаѣ говорить ниже.

III.

О ПОВѢДѢ ДОБРАГО НАЧАЛА НАДЪ ЗЛЫМЪ И ОСНОВАНІИ ЦАРСТВА БОЖІЯ НА ЗЕМЛѢ.

Посвящавшій себя добродѣтели долженъ быть всегда готовымъ къ сраженію. Опасности для него не только къ немъ, но еще болѣе въ его, въ самомъ сообществѣ людей. Здѣсь для помощи его не довольно одного разума: прошивъ опасностей общество нужно также общество особенное, имѣющее цѣль нравственную; нужно, чтобы люди подъ знаменемъ добродѣтели соединились, дѣбѣ

соединенными силами действовать противъ зла, имъ общаго.

Номяте и необходимость Церкви.

Человѣкъ долженъ оставить состояніе еспешенное, состояніе непрестанной войны и вспушпить въ общество гражданское. Такимъ же образомъ онъ обязанъ оставить и нравственное состояніе еспешенное, не менѣе опасное, и бытъ членомъ общества нравственнаго. Это есть долгъ всего рода человѣческаго; сего требуетъ идея высокаго совершенства нравственнаго. Такое общество отлично отъ всякаго другаго общества. Законы его, опредѣляющіе внутреннюю форму дѣйствій (нравственность), не льзя представлять иначе, какъ заповѣдями законодателя Сердцевѣдца — Бога. Сие общество есть народъ Божій, Церковь; одинъ Богъ собственно есть основатель онаго. Но изъ сего не слѣдуетъ, что все въ немъ надлежитъ предоставить одному дѣйствію Богу. Напротивъ, мы должны поступать такъ, какъ бы все зависѣло отъ насъ, и только подъ симъ условіемъ можемъ надѣяться, что высшая Премудрость усилія наши увѣичаетъ успѣхомъ. Смр. 131 и д.

Изъ сего умѣшованія слѣдуешь: 1) что Церковь не можешь стоять безъ особенного правленія Божія (испана); 2) что не должно обращать вниманія на сіе особенное управление Божіе (ложь). По сужденію Канта, Церковь будешь носить одинъ шишуль Божіей, а въ ней все будешь человѣческое, ничего Божественнаго. Такая Церковь не доимѣетъ и пол-

цѣли, которую назначаетъ ей Каншъ, т. е. полнаго совершенства нравственнаго. Ибо безъ дѣйствишаельной вѣры въ правлениѣ Божіе, человѣкъ скрѣпъ, скуча своими несовершенствами, признаєтъ самый законъ нравственный вымысломъ, нежели постоянно будешь стремиться къ совершенству, никогда его не достигая. Но цѣль Церкви еще выше, обширающа цѣли нравственной: въ семъ освященномъ обществѣ должны раскрываться всѣ силы духа нашего для неба, для вѣчности, для жизни въ Богѣ.

Истинная Церковь имѣетъ слѣдующіе признаки:
1) Всеобщность и единство (нѣть въ ней мѣста раздѣленія на секты). 2) Чистоту нравственныхъ побужденій, безъ суевѣрія и фанатизма. 3) Свободу внутреннюю и вѣщную: не иллюминизмъ и не Іерархію. 4) Неизмѣняемость существенныхъ постановленій, исключающую произвольные символы. Церковь собственно не сходна ни съ какимъ родомъ правлениј: это семейство одного Опіца невидимаго, въ кошоромъ Святый Сынъ сего Опіца, знающій Его волю, есть намѣстникъ Его и вмѣстѣ братъ всѣмъ членамъ семейства. Спр. 142 и д.

Всѣ сіи признаки дѣйствишаельно принадлежашъ истинной Церкви, только не исключаютъ всего этого, что хочешь исключить Каншъ. Нихакое общество не можетъ бытъ безъ правителей и блюстителей закона. Церковь, какъ общество Божественное, должна имѣть такихъ правителей, которые дѣйствовали бы власнію Божію, а не власнію одного разума и не одному власнію вѣщнико: должно имѣти Іерархію. Въ Церкви нужны и символы; но сославленіе и измѣненіе ихъ не можетъ бытъ произвольнымъ и не подскажишъ одному разуму. То, что говоришъ Каншъ о Сынѣ Божіемъ, На-

мъшникъ невидимаго Оща: каковыя шиша занять ошь Иисуса Христа, онъ ошдаешъ практическому разуму, Богословъ въ правъ назвашъ Богохульствомъ, а Философъ — эгоизмомъ. Сему намъшнику Божию едва ли кѣ будешьъ воздавашъ высочайшее почтение, зная, какъ мало у него власти и силы. Иные будуть справедливо опасаться, чтобы онъ не сдался намъшникомъ — оща лжи.

Чистая Вѣра есть только Вѣра разума, она одна можетъ быть основаніемъ всеобщей Церкви, и только особенная слабость человѣческой природы виной въ шомъ, что сей Вѣрѣ не приписываютъ сполько, сколько она заслуживаещь. (Посему Кантъ какъ бы сожалѣещь о людяхъ, что они ищутъ другаго Богопочтенія, кроме исполненія должностей къ себѣ и другимъ. Ему хотѣлось бы выше всего посправить законодательство разума). Разумъ каждому изъясняетъ волю Божію въ законахъ нравственныхъ: сie предсправляешь одну только Религію, какъ и одного Бога. Но предсправимъ еще положительные законы Божіи: познаніе ихъ возможно только чрезъ Опікровеніе и есть дѣло Вѣры исторической, которая не можетъ быть всеобщею. Конечно разумъ не можетъ рѣшишь, какъ надлежитъ почитать Бога въ Церкви, и потому въ ней нужно законодательство положительное; но сего не должно почитать дѣломъ Божественнымъ, неизмѣннымъ; люди могутъ и должны улучшать форму Церкви. Вообще Вѣра положительная случайна и есть только средство для чистой разумной Вѣры. Религія разума есть единственная Религія (всѣ прочія называещь Кантъ видами Вѣры). Спр. 145 и д.

1) Есѧ во всѣхъ народахъ принимаютъ Богопочтение сверхъ Нравоученія, шо это вѣрный знакъ, что для Религіи недозволено одной нравственности, т. е. (по Канту) должношней къ себѣ и ближнимъ. Не слабость природы человѣческой (ибо Богопочтение имающъ и образованійшіе изъ людей), а существенная потребность духа человѣческаго заставляюща людей искать Богослуженія, имащъ въ виду Бога гораздо ближе, нежели какъ смотрѣти на него Кантъ съ своимъ практическимъ разумомъ.

2) Самъ Кантъ сознается, что разумъ не можешь рѣшишь, какъ должно почитать Бога въ Церкви и что въ ней нужно законодательство положительное. Изъ сего надлежало бы заключишь, что если Богъ не оставилъ Церкви безъ особенного своего промысла: то положительное законодательство для нея должно быть дѣломъ Божественныхъ, а следовательно, для насъ немыслимымъ. Ибо какъ смыть измѣнить Вѣру положительную, если она Божественна? Кантъ не можешь доказать невозможности таковой Вѣры. Богъ не могъ ли открыть воля Своей, касательно благочестія, особеннымъ образомъ (не чрезъ разумъ)? Опытъ кровеніе сіе дѣлается даже необходимымъ, когда представимъ съ одной стороны слабость нашу, а съ другой высокое назначеніе наше, въ разсужденіи коего все идеалы наши (умственные и нравственные) суть только предчувствія, и которое вполнѣ знаешь одинъ Высочайший Покровитель міра нравственнаго и физическаго. Одинъ разумъ, безъ сомнѣнія, не можешь объять всего плана Божественнаго упраздненія.

Для человѣка необходима какая-нибудь Вѣра историческая, а для сохраненія и важности законовъ положительныхъ Церковныхъ нужно Св. Писание. Но высшее истолкованіе сей Вѣры и самого

Св. Писанія должно быть въ чистой Вѣрѣ разумной. Писаніе тогда только содержитъ жизнь вѣчную, когда свидѣтельствуетъ о испинномъ началѣ нравственномъ. Другой истолкователь Писанія — ученые Богословы, съ своимъ познаніемъ древностей и древнихъ языковъ. Чѣмъ касается до препынаго истолкованія, внутренняго опыта, то онъ недоспашоченъ и безъ познанія разумнаго можетъ всплыть къ фанатизму. Спр. 157 и д.

Если Капітъ допускаетъ Св. Писаніе, т. е. Откровеніе Божесшенненое, то подчинишь лиоѣ разуму значиши превращашь порядокъ веций. Вѣра Церковная не должна быть прошивна разуму, если она Божесшенна (Откровеніе и разумъ одно имьющъ начало); но можетъ и даже должна иметь нѣчто высшее нашихъ познаній, т. е. чего разумъ истолковать не въ силу. Мнѣніе Каинта о внутреннемъ опыте при чтеніи Св. Писанія было бы справедливо, еслибы справедливо было мнѣніе его о Св. Писаніи. Но какъ требовашь одного разумнаго познанія шамъ, гдѣ многое гораздо выше сего познанія?

Что такое есть приближеніе Царства Божія?

Церковная Вѣра должна постепенно восходить до всеобщаго владычества чистой разумной Вѣры, и сей ходъ есть приближеніе Царства Божія. Вѣроученія историческая относятся къ Церкви воинствующей: торжествующая же Церковь будеТЬ въ одной всеобщей Вѣрѣ разума. Та только

Вѣра спасительна, которая на сихъ двухъ условіяхъ основываетъ свою надежду на блаженство: 1) ешь удовлетвореніе за грѣхи, 2) Богу угодданіе можно доброй жизнью. Спр. 167 и дал.

Справедливо, что Вѣроученія испортическія описанія къ Церкви воинствующей, но несправедливо то, что торжествующая Вѣра можетъ быть на сей же землѣ и въ сей же жизни. (Она будешьъ, когда упразднится смерть и жало смерти — грѣхъ). Еще несправедливъ то, что торжествующая Вѣра будетъ въ нашемъ разумѣ, который самъ по себѣ не торжествуетъ ни надъ страшами, ни надъ прочими препятствіями добра. Первое условіе Кантовой спасительной Вѣры, очевидно, предполагаетъ Откровеніе: ибо одинъ Богъ можетъ открыть и дать грѣшникамъ средства для примиренія съ Его вѣчию правдою, а безъ сего не будешьъ дѣйствительно и второе условіе.

(Изъ сихъ двухъ условій Кантъ отдаешьъ преимущество послѣднему).

Для разума теоретического кажется необходимымъ, чтобы Вѣра въ замѣнительное за грѣхи наши удовлетвореніе была прежде добрыхъ дѣлъ: ибо иначе не льзя полснить, какъ человѣкъ развращенный можетъ содѣлаться угоднымъ Богу. Но для разума практическаго необходимость нравственности есть главное, и следовательно мы должны начинать не вѣрою въ то, что сдѣлать для насъ Богъ, а пѣмъ, что должно дѣлать намъ: т. е. исправленіе жизни есть высшее условіе спасительной Вѣры. При семъ видно преимущество чистой Вѣры разума предъ Вѣрою испо-

рическою. Когда имѣмъ въ виду одинъ идеалъ нравственныи, то все равно, начинаяшь ли Вѣрою разума или доброю жизнью. Напротивъ, испортическая Вѣра въ Сына Божія не есть одно съ началомъ доброй жизни. Дабы Вѣра сія была одно съ симъ началомъ, должно принять въ явленія Богочеловѣка предметомъ спасительной Вѣры не то, что есть опытное, а то, что есть первообразъ умственныи. Это же идея практическая, но она размашивается въ двухъ отношеніяхъ: въ Богѣ и въ насъ. Если же Вѣру испортическую приемъ за первое условіе спасительной Вѣры, то получимъ два различныи начала (опытное и разумное) и не льзя будетъ рѣшить, копорымъ начинать должно. — Изъ сего слѣдуєтъ, что Религія должна мало по магу освобождаться отъ условій опытныхъ, отъ всѣхъ постановлений, основанныхъ на Исторіи, и наконецъ должна господствовать одна чистая разумная Религія. Въ семъ состояніи дѣйствіе благаго начала, спрѣмляющаго основаніе свое царство по законамъ добродѣтели, побѣдить зло и даровать миру вѣчный миръ. Спр. 170 и д.

1) Конечно, для практическаго разума весьма важно добро нравственное, но для человѣка и всего человѣчества еще важнѣе удовлетвореніе Правдѣ Божіей, снисканіе любви и благоволеніе Отца Небеснаго. Слѣдовательно, и разумъ практическій не имѣшь права называть добрѣть дѣль своихъ добрыми, если не будешь увѣренъ въ благоволеніи Божіемъ къ себѣ.

Утверждашь съ Кантшомъ, что намъ не нужно знать, что сдѣмаль или дѣлаешъ Богъ для нашего спасенія,

значиши что же (говорить Баадеръ) (*), какъ если бы яшо думалъ, что для сохраненія животной нашей жизни иашь нужды знашь, чи то учредила для сего Природа.

2) Каншъ хочешъ видѣть въ Богочеловѣкѣ только то, что и въ своемъ практическомъ разумѣ, и ошищши все опытоное, т. е. Его чудеса, воскресеніе и т. п. Но сіе значиши что же, чи то предсказывали Богочеловѣка равныи Каншу и другимъ Нравоучителямъ. Сего, конечно, и хотѣлъ Каншъ, кошорый не усомнился свой практическій разумъ поставивъ на мѣсто Бога. Съ такою вѣрою, что будешь съ человѣчествомъ? Оно должно отказатьши ошь драгоценныиійшихъ надеждъ своихъ. Если иашь у насъ Божественнаго Искушителя, если иашь удовлетворенія за грѣхи: то не всеу ли прудашся и всѣ Моралисты?

3) Два различныи (по Каншу) начала, т. е. вѣриши тому, что сдѣлалъ для насъ Богъ, и тому, что должно дѣлашь намъ, не сшоль различны, чтобы не могли составиши одного начала. Знашь первое есть шакъ же пощребиошь человѣка, какъ и знашь послѣднее. Христіанство учить и разумъ не можешь на то не согласишися, что Вѣра безъ дѣла мертва, но и дѣла безъ Вѣры не оправдаюшь, Изъ сего слѣдуєтъ, что Религія не должна освобождашься и никогда не освободишь ошь условій опытныхъ, и религіи одного разума не господствовашь на земли.

Историческое изображеніе хода всеобщей Церкви.

Историческое изображеніе того, какъ постепенно раскрывалось правленіе доброго начала,

(*) Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik. Минхенъ, 1818, стр. 81.

еспѣ вмѣстѣ описаніе иного, какъ Церковная Вѣра раскрывается въ разныхъ формахъ до южнодесиен-
ности ея со всеобщью чистою религіозною Вѣрою.
Сюда принадлежитъ Испорія той только Церкви,
которая въ самомъ началѣ своемъ была направлена
ко всеобщности шаковой Вѣры. Іудейская Вѣра,
по своему первоначальному направленію, есть со-
ставъ однихъ постановленій общественныхъ. Ибо
Феократія, представлявшая Бога только Прави-
щелемъ міра, безъ отношенія Его къ совѣсти,
не составляєтъ Религії; все заповѣди, даже Деся-
тисловіе, у Моисея имѣли въ виду одну вѣшность
дѣйствій; награды и наказанія опредѣлялись только
временные безъ живой вѣры въ жизнь будущую;
самая наконецъ определенность народа избраннаго
отъ всѣхъ прочихъ была совершенно пропавшиа
духу всеобщей Церкви. И такъ только въ Хри-
стіанствѣ, которое совершенно отказалось отъ
Іудейства и произвело всецѣлое превращеніе въ
ученіи Вѣры, началась Церковь всеобщая. Спр.
183 и д.

Кантъ древнихъ Евреевъ почти совсѣмъ лишаєтъ
Религії. Онъ утверждаетъ, что въ послѣдствіи вре-
мени каждый изъ нихъ составлялъ свои вѣрованія и
приспособлялъ ихъ къ духу законовъ политическихъ
(Моисеевыхъ), въ которыхъ будто бы не было ничего
собственнаго религіознаго (спр. 188). Отъ чего та-
кое мнѣніе? Отъ того, что Кантъ принялъ свое
Нравоученіе за единственную Религію и прошому, гдѣ
онаго не видѣлъ, тамъ не находилъ и Религіи. Но
еслибы сей Философъ имѣлъ искинное понятіе о
Религіи, еслибы главнымъ образомъ составлялъ ее

въ Богопочешіи, что могъ бы видѣть, что Іудеи имѣли Религію и что сія Религія вела людей къ Христіанству, подобно тому, какъ Педагогъ ведетъ дѣшевъ къ тому званію и должностіи, къ которымъ они готошася. Уже и то одно могло вразумить Каніца, что народъ Еврейскій произошелъ отъ Іакова и Авраама, и что если сіи Патріархи имѣли Религію, то ту же Религію должны были имѣть и ихъ потомки. Моисей только очищалъ въ Вѣрѣ народа то, что вошло къ нему отъ язычниковъ, а потому излагалъ и Нравоученіе не сполько въ правилахъ и системѣ, сколько въ примѣрахъ. Праоющевъ (въ Кнігѣ Бытія) Самъ Іисусъ Христосъ ничего не находилъ у Моисея противнаго чистой нравственности, и училъ, что Онь Самъ пришелъ не разоришъ законъ, а исполнитъ. Что касается до доктрина о бессмертіи души, то и сей доктрина не былъ безъизвѣстенъ древнимъ Ереемъ: ибо Моисей поучалъ оному въ примѣрѣ Еноха, въ понятіи о смерти, какъ о приложеніи или ошажденіи къ ощадамъ, въ понятіи о Богѣ, какъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова. Наконецъ, еслибы Каніца твердо вѣрилъ особенному промыслу Божію о человѣкахъ, что по сему одному, онъ не отвергалъ бы существованія Церкви чрезъ тысячи лѣтъ (до Христа), сознался бы, что Феократія не была дѣломъ человѣческимъ и что самая ощадленность народа избраннаго отъ прочихъ, была нужна до времени (такимъ образомъ, въ удаленіи отъ язычниковъ сохранились начала всеобщей Церкви — для язычниковъ же).

Учитель Христіанства, объявивъ себя Посланникомъ Неба, и, будучи доспойнымъ сего званія, отвергъ кѣру рабскую, училъ вѣръ нравственной націи единственно спасительной и въ своемъ ученицѣ и невинной смерти предложилъ образецъ человѣ-

честву. Ученіе сие, только какъ предметъ Вѣры исторической, требовало для подтверждения своего чудесъ. Но то, что есть предметъ разума, не требуетъ такового подтверждения: то имѣеть въ самомъ себѣ свое доказательство. — Отъ чего произошли мисники-фанатики, религіозныя суеты въ народѣ, злоупрѣблѣніе Іерархіи, споры и раздѣленія? Отъ чего потрясеніе гражданскаго порядка, силою Папъ, на Западѣ, кромавые Крестовые походы, мятежи подданныхъ прошивъ Правительства, смертельная ненависть къ разно-мыслящимъ? Отъ того, что ту Вѣру, которая назначена была для первоначального введенія Христіанства, поставили въ основаніе Религіи всеобщей, каковымъ можетъ быть только Вѣра чистая религіозная (разума), Вѣра, въ разсужденіи которой не можетъ быть никакихъ спорныхъ мнѣній. Слп. 191 и д.

Кантъ не различаетъ существенныхъ для Христианства предметовъ Вѣры исторической (напр. воскресенія И. Христа) отъ несущественныхъ (напр. обрядовыхъ). Если гдѣ послѣдніе поставлялись на мѣста существенныхъ, то это несовершенство человѣковъ, а не Вѣры. Касательно же твердости Вѣры въ первомъ отношеніи, предшавляющемся, въ прошвоположность Кантовымъ, слѣдующіе вопросы: отъ чего произошло истиинное геройство Мучениковъ? откуда высшіе образцы добродѣтелей въ пустыняхъ и на пресполѣ? откуда удивительное краснорѣчіе и сила слова на каведрахъ церковныхъ? отъ чего произошло обращеніе ко Христу язычниковъ, ихъ мудрецовъ и Царей? отъ чего смягченіе нравовъ самы

дикіхъ народовъ и другія благодѣшельныя для человѣчества слѣдствія? — Опь того, что шу Вѣру, кошорая была началомъ и введеніемъ Религії Христіанской, почишли всегда главною, Божесшенною, краеугольнымъ камнемъ Церкви всеобщей!

Послѣ сего удобно отвѣтить на вопросъ: какое во всей извѣстной Церковной Исторіи время есть наилучшее? Это наше время: ибо зародыши испанной Вѣры разума нынѣ въ самой Вѣрѣ церковной вполнѣ раскрываются. Нынѣ разумъ слѣдуетъ правилу справедливой скромности, оказывая должное уваженіе Писанію какъ ученію нравственному, достойному быть откровеніемъ Божіимъ, и какъ книгѣ священной, для общества религіознаго необходимой, не выставляя впрочемъ Вѣры въ постановленія церковные необходимыя для блаженства. Тотъ же разумъ, находя въ Св. Исторіи одно пособіе для Нравоученія, внушаетъ, что испанская Религія не состоитъ въ знаніи того, что сдѣлалъ для насъ Богъ, а состоитъ въ знаніи того, что должны дѣлать мы для нашего блаженства. Такому ходу Церкви къ совершенству должны содѣйствовать всѣ и самое Правительство. Спр. 197 и д.

Чтобъ видѣть сіе наилучшее Кантово время, обратимъ вниманіе на происшествія временъ Кантовыхъ. Религія Канта явилась 1793 года, когда во Франціи, ошвергши Откровенную Религію, воцаряли разумъ и вольность, и умертвили Короля. Можно пошомъ указать на вольнодумство, напурализмъ, публично проповѣдуемыя въ Германіи, на измѣняемость и дробленіе Церкви Западной и особенно Прошесшанской (Как-

шовой) (*), на непрестанные машеми, смѣны Королей и пр. и пр. Такому ходу Церкви разума должно ли содѣйствовать Правительство?

Конецъ міра составляеть заключеніе Исторіи Церкви. Явленіе Антихриста, тысящелѣтніе, вѣчное пришествіе Христово, побѣда надъ врагами Церкви и совершенное погребленіе вождя ихъ (въ Апокалипсисѣ) могутъ имѣть у разума хорошее символическое значение. Но само по себѣ это есть прекрасный идеалъ той нравственной, предзримой Вѣрою эпохи, которую составилъ введеніе испанной всеобщей Религіи, когда будешь: *Богъ вслѣскалъ во всѣхъ*, т. е. Вѣра историческая перейдетъ въ чистую Вѣру религіозную, всеобщую. Стр. 202 и д.

Если Канту позволено пророчество Откровенія приспособлять къ гаданіямъ разума: что съ лучшимъ правомъ можно гаданія разума приспособлять къ пророчеству Откровенія. И такъ мы можемъ сказать, что явленіе Антихриста весьма сходно съ явленіемъ Религіи нашуралисшовъ, и что тѣ, которые вообразятъ разумъ, положивъ къ ногамъ сего царя Олшары и все священное, увидятъ того, о кошоромъ пишетъ Апостоль (2. Сол 2, 4). Къ нашуралисшамъ же идешь и сіе изреченіе: «Любве истины не пріяша, во еже спаслися имъ: и сего ради послѣдъ имъ Богъ дѣйствіе

(*) C. F. Staudlin свидѣтельствуетъ, что Протестантское Богословіе, въ послѣднюю половину прошедшаго вѣка, сполько измѣнилось, что если бы воскресли древніе Богословы, то они не признали бы его заслугъ. *Beiträge zur Phil. und Gesch. der Religion und Sittenlehre.* Ч. IV, съ начала.

льши, во єже втровали имъ лжи... (Тамъ же, сп. 10 и 11).

IV.

**О истинномъ и ложномъ служении Богу,
подъ правлениемъ добра го начала.**

О Богослужении вообще.

Религія, подлежащельно разсматриваемая, есть признаніе обязанности нашихъ заповѣдями Божими. Та Религія, въ которой прежде нужно знать, что есть заповѣдь Божія, дабы признать то нашею должностію, называемая *откровенною*; если же прежде знаемъ, чѣмъ это есть долгъ нашъ, а изъ того уже знаемъ, что то есть заповѣдь Божія, въ такомъ случаѣ Религія есть *естественная*. Кто Естественную Религію почитаетъ нравственno необходимую, то го *рационалистъ*; и если онъ отвергаєтъ дѣйствительность всякаго сверхъ-естественного Откровенія, то онъ *натуралистъ*; если же, хотія допускаетъ дѣйствительность Откровенія, но почитаетъ оное не нужнымъ для чистой Религіи, то его можно назвать *густымъ раціоналистомъ*; кто наконецъ вѣру въ Откровеніе признаетъ необходимую для Религіи всеобщей, то го *густый супранатуралистъ*. Спр. 229 и д.

1) Кашово определеніе Религіи совершенно недостаточно, такъ, что самые лучшіе изъ учениковъ его не приняли оного, а спарались найти болѣе удо-

властворищельное понятие о Религии (*). По мнению Канта; для Религии не нужно даже познание Бога утверждительное, а требуется только доказательное познание законов нравственныхъ, какъ заповѣдей Божественныхъ (ш. е. признаніе ихъ столько же важными, какъ бы они были Божіи). Такимъ образомъ вся Религія ограничивающейся одною нравственностью и совсѣмъ не есть Религія, а только Нравоученіе, пришомъ неполное и безъ духа жизни: ибо Кантъ отвергаетъ непосредственныя наши должностія къ Богу. Религія должна все относить къ Богу; она вмѣщаєть въ себѣ и испытыванія (относящіяся къ Богу) для познанія и Вѣры, и должностія (относящіяся къ Богу) для дѣятельности нашей внутренней и внешней.

2) Изъ сего явствуетъ, что различіе, какое дѣлаетъ Кантъ между Откровенною Религіею и Ещевспененою относиться можешь развѣ къ Нравоученію Откровенному и Нравоученію разума. Но и при семъ Кантъ, поставляя въ Нравоученіи Откровенія прежде познаніе заповѣди Божіей, а потомъ, какъ слѣдствіе этого, познаніе нашей должностіи, несправедливо предполагаетъ, будто Откровеніе устраиваетъ дѣятельство нашего разума. Въ нравоучительной части

(*) Парроѣ (Joh. Erasmus Parrow. Grundriss der Vernunft, Religion, 1789) говорить: Религія есть расположение духа, происходящее отъ Вѣры въ нравственного Правителя мира и выражющееся въ сужденіяхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ. По Фихте Религія есть дѣятельное свободное признаніе нравственного порядка мира. По Шеллингу — не чѣмъ иное, какъ умственное созерцаніе Абсолютизма и происходящее отъ него стремленіе больше и больше уподобляться саму Абсолюту. По Кругу (Wilhelm. Traugott Krug's Religionslehre, § 1) Религія состоящая въ нравственномъ направлении всей, особенно практической, дѣятельности нашего духа къ сверхъчувственному, безконечному и вечному.

Ошкровеній Религії разумъ вспрѣчаєшся съ Ошкровеніемъ, и святыя правила его сознаешь святыми потому, чи то свѣтъ ихъ освѣщаетъ собственные его нравственные законы. Такъ разумъ ученика вспрѣчаєшся съ разумомъ наставника, когда сей помогаешь первому находить истиину, и ученикъ признаешь чѣмъ либо истиною не пошому шолько, чи то шакъ думаешь учитель, а и пошому, чо сознаешь то самъ въ себѣ.

Религію Христіанскую можно разсматривать какъ подтверждение Религіи Естественной, какъ учение нравственности, соединенное съ учениемъ о Богѣ и безсмертии души. Въ семъ смыслѣ она есть учение Церкви всеобщей. Сей характеръ ея, чисто нравственный, показываютъ слѣдующія мысли изъ Евангелія:

1) Чистое нравственное расположение сердца, а не наблюдение церковныхъ постановлений, угодно Богу (Матѳ. 5, 20—48); грѣхи въ сердцѣ равняются предъ Богомъ самимъ грѣховымъ дѣламъ (28); ненависть въ сердцѣ то же чи то убийство (22); обида, другому нанесенная, можетъ быть вознаграждена шолько удовлетворенiemъ ему самому, а не посредствомъ дѣлъ Богослужебныхъ (24); естественное, но злое направление сердца должно быть совершенно превращено: вмѣсто чувства мщенія, должна быть широтливость (39, 40), вмѣсто ненависти ко врагамъ, благотворительность (44); чистый чувствование должны выражаться дѣлами (16) и оныхъ не замѣнить праязываніе и прославленіе Бога (7, 21). Главное начало должностей: исполнай долгъ изъ одного уваженія къ долгу, т. е. люби Бога паке всего.

Отсюда происшествіе и следующее начало: спо-
сѣшнѣйшій благу человѣковъ, жела блага имъ не-
посредственno, а не по своекорыстнымъ видамъ,
ш. е. *люби ближняго какъ себѧ*. Добротыели
объщаются награда въ другой жизни (11, 12), но
тѣ почитаются совершенѣйшими, которые ис-
полняютъ долгъ не для награды, а для самого долга
(25, 35 — 40). Таковая Религія, которую можетъ
всякому исполновать его разумъ, не требуетъ
другой вѣры, ни учености, ни чудесъ. Спр. 236 и д.

Хотя и въ каждомъ почти положеніи здѣсь видѣнъ
Кантъ, шокующій не столько учение Евангелія,
сколько свою Философію, но еще видите онъ въ слѣ-
дующихъ, какія выводитъ изъ своихъ шокованій, при-
знавая все учение Евангельское только Нравоученіемъ,
не требующимъ Вѣры. Онъ не примѣчаешьъ, что Ре-
лигія Христіанская въ самой Нравственной своей
частіи, указывая на естественный законъ въ насъ,
вмѣстѣ предполагаетъ Вѣру: вбо почему требуешь
отъ Христіанъ совершенная нравственность? По-
тому, что бѣи чада Благодати; что иже обѣдана
высшая помощь. Въ той же нагорной проповѣди
Іисуса Христа, которую размашивашъ Кантъ
сказано: *просите и дастся вамъ и проч.* (7, 7).

Совсѣмъ иначе смотритъ Кантъ на Христіан-
скую Религію со стороны ея исторической и
догматической, называя ее въ семъ случаѣ Религію
ученою. Онъ не иначе мирится съ нею, какъ если
вѣра не будетъ долгомъ и существенною частію
Религіи, если Учителя и исполнователи Вѣры
будутъ не вождами и Правителами, а только на-
ставниками невѣждъ, и если будущъ учитель чистой

Религія разума, а не Вѣрѣ церковнослужебной; утверждаешь будто Учищеми Церкви совсѣмъ измѣнили то направлениe Религіи, какое далъ ей Іасусъ Христосъ. Наконецъ говоришь: не льзи рѣшишь, какія еще предстоитъ перемѣны сей Вѣрѣ отъ учености и ея антиподы — внутреннаго съ-
шта: онъ незавѣстны, доколѣ будемъ искать Рели-
гіи не въ нась, а въ нась. Спр. 247 и д.

1) Мы, напротивъ, увѣрены, что перемѣнъ оправдаться должно тогда, когда Религія будешь дѣломъ одного разума. Согласились ли когда-нибудь между собою Философы? согласились ли, и недолго ли, въ уставахъ Религіи щѣ преобразовашели, кошорые съ законнымъ Правительствомъ отвергли и Ошкровен-
ную Религію? Скоро познали необходимость обратиться опять на лобо той же Машери, кошорую изгнали, не нашедъ у новыѣ корынтии ни пищи, ни вѣжности машеринской. Такъ иенадежно основаніе Религіи въ разумѣ! Напротивъ, если основаніе ея и въ нась и въ Ошкровеніи, то всегда есть оплощъ, ограждающій Религію и отъ собственныхъ погрѣши-
стей разума и отъ произвольныхъ шокованій Ош-
кровенія.

2) Обвиненіе, какое пройзносишъ Каншъ надъ Учи-
щеми Церкви, падаешь на самого Канша. Дѣйстви-
тельно, ошнавши у Религіи Христіанской все Боже-
ственное и оспавши ей одну бездушную Каншову
правственность, значишъ совсѣмъ измѣнишъ направле-
ніе Религіи: сего мало — эшо значишъ хотѣшь со-
всѣмъ уничтожишъ Религію.

О ложномъ служеніи Богу.

Ложное служеніе Богу есть то, когда Вѣру
историческую и постановительную предпочита-

юшь нравственности, или то, что должно быть средствомъ, поспавляють цѣлію.

Общее подлежащельное основаніе таковой мній Религії есть антропоморфизмъ, хотя въ теоретическомъ отношеніи невинный, но въ практическомъ вредный. Люди составляють сами себѣ Бога, которому хотятъ благоугождать своимъ образомъ, не прямо сердечнымъ жертвоприношеніемъ, а еще церемоніями, празднованіями, пушечными и произвольными себя мученіемъ. Чѣмъ менѣе все сіе относится къ исправленію нравственному, тѣмъ кажется святыѣ: ибо по тому самому, что сіе не имѣетъ никакой пользы, а требуетъ одного труда, повидимому, лучше выражаетъ сердце, преданное Богу, Который (говорить) смотритъ здѣсь на доброе изволеніе и готовность воли, хотя по себѣ слабей. Спр. 255 и д.

Справедливо, что вѣшнія дѣла Богопочтіенія не замѣнять внутренняго Богопочтія, если онаго не будетъ. Но таковыя дѣла всегда суть лучшія и близкія средства для сохраненія, возбужденія и подтвержденія Религії внутренней. На деревѣ главное — плодъ его, а не листья. Но оборвите листья: не будетъ ни цвѣта, ни плодовъ, и самое дерево испортился. Сверхъ сего, наружное Богопочтіеніе есть и долгъ человѣка, какъ существа чувственно-разумнаго, который долженъ служить Богу не половиной существа своего, а всѣмъ существомъ.

Начало пропивоположное мній (по Кантту) Религії есть слѣдующее: все, что кроме доброй жизни починають дѣломъ Богоугоднымъ, отно-

ситися їзь Богослуженю ложному. Миїніе, чо дѣлами Богопочтенія можно заслужити предъ Богомъ оправданіе, есть религіозное суевіріе, подобно какъ миїніе, чо для сего нужно иѣкое ближайшее сообщеніе съ Богомъ, есть религіозный фанатизмъ. Для исправленія же и въ предупрежденіе мнямой Религії Кантъ предлагаетъ слѣдующее правило для церковной Вѣры. Вѣра сія вмѣстѣ съ положительными правилами, безъ которыхъ она нынѣ совершенно обойтись не можетъ, должна содержать въ себѣ начало, по коему вводилась бы Религія доброй нравственности, какъ испинная цѣль, дабы можно было современемъ обойтись и безъ оныхъ положительныхъ правилъ. Спр. 260 и д.

Наконецъ Кантъ, въ жару нравственного эгоизма, шакъ опаздываетъ о Богопочтеніі: «Благочестіе должно быти средствомъ добродѣтели, а не на-« противъ. Если же Богопочтеніе поставимъ первымъ и оному подчинимъ добродѣтель, то сдѣла-« юмъ идола, которому будемъ угоджать ласкатель-« сивомъ и Религія будешь идолопоклонство!» Спр. 286.

1) Напротивъ! Тогда дѣлается идолъ, когда нрав-
ственность наша предпочитается Богопочтенію и
разумъ Откровенію. Идолъ сей есть изъ всѣхъ худшій,
ш. е. наше Я, которому хотішь жертвовать всѣмъ
священнымъ. Добродѣтель можно назвать средствомъ,
а лучше — плодомъ испиншаго Богопочтенія, но ни-
какъ не мъзя назвать цѣлю Богопочтенія. Ставить
шакую цѣль въ себѣ, значить то же, чо самаго себя
дѣлать средоточіемъ всего (Богомъ).

2) Кантъ хочеть положить въ основаціе Вѣры

Церковной начало еи разрушениі. Дѣбы начало сie было сколько-нибудь годно, недлежашъ разрушить вмѣшъ въ существо человѣка, и, ошдѣнивъ отъ него все прочее, оставивъ однъ практическій разумъ.

КАНТОВО УЧЕНИЕ О БЛАГОДАТИ.

Разумъ, созная свою недоспособность удовлетворить требованіемъ нравственнымъ, въ помощь себѣ изобрѣтаецъ трансценденціи идеи: 1) *О дѣйствіяхъ Благодати*, 2) *о чудесахъ*, 3) *о тайнахъ*, 4) *о пособіяхъ или средствахъ для получения Благодати*. Если сіи идеи дѣлаются трансценденціями въ нравственномъ отношеніи, то приводятъ первак къ фанатизму, вторак къ суевѣрю, третія къ иллюминатизму, а четвертая къ еавматургіи. Стр. 63. Примѣч.

Трансценденціе въ нравственномъ отношеніи, по Канту, есть то, что выше нашихъ нравственныхъ понашій, или то, чему не льзя дать одного нравственного значенія. Справедливо, что онъ идеи, безъ всякаго приложенія ихъ къ нравственному исправленію, могутъ быть во зло употреблены, и приводишь къ шѣмъ послѣдователемъ, какія Кантъ исчисляешь; но справедливо также и то, что если сіи идеи обнажимъ онь всего сверхъестественаго (чего хочешь Кантъ), то останутся безжизненные идеи разума, изъ коихъ первая приведеишъ къ самонадѣтельности — нравственному эгоизму, вторак къ опроверженію всего, высшаго природы — теоретическому материализму и фатализму, третія къ вѣрѣ въ одиный разумъ — теоретическому агностому, а четвертая — къ

равнодушію въ отношеніи ко всему священному — безрелігіозності.

1) *O дѣйствіяхъ Благодати.*

Нужно ли намъ содѣйствіе Благодати? Канпъ прямо не отвергаєтъ ни нужды, ни возможности сего содѣйствія, но старается ослабить учение о Благодати и даже отвлечь насъ отъ онаго пѣмъ, чѣмъ а) въ самомъ нравственномъ поврежденномъ человѣкѣ хочеть доказать возможность исправленія собственными его силами, б) починая содѣйствіе Благодати непостижимымъ, вѣру въ оное признаетъ ненужною.

а) Уваженіе къ закону нравственному у насъ не погасло: слѣдовательно осипается въ насъ сама добра неповрежденнымъ и оно должно быть только очищаемо. Для восстановленія въ насъ добра, конечно, необходимо всецѣлое измѣненіе сердца или какъ бы переломъ (*révolution*) воли, что для поврежденного человѣка представляется невозможнымъ: во сїя перемѣна въ человѣкѣ — ноуменіе (разсматриваемомъ въ идеѣ) совершишися, когда онъ измѣнишь главное правило своихъ дѣйствій одинъ разъ на всегда, а въ человѣкѣ феноменъ (въ явленіи во времени существующемъ) будешь совершасться постепенно, въ восхожденіи къ лучшему. Для произведенія сей главной перемѣны Канпъ совѣтуєтъ заставлять учениковъ, въ примѣрахъ дѣяній добрыхъ отличать чистыя побужденія отъ нечистыхъ. Не нужно, говоришьъ, при семъ производить въ нихъ удивленія къ добродѣтельнымъ

поступкамъ, дабы не подать мысли, будто сім поступки выше порядка нравственного: удивлениe нужно только къ самому закону нравственному, который возвышаетъ духъ нашъ надъ всѣми склонностями естественными. Спр. 52 и дал.

Человѣкъ — ноумъ, таковъ ли и предъ Богомъ, какъ онъ чистымъ представляется Канту? Поелику онъ тѣсно соединенъ съ человѣкомъ — феноменомъ, то, по утreniю самого разума, онъ своими силами никогда не можетъ совершило очиститься ибо нечистыя побуждения и склонности наши естественно должны всегда дѣйствовать на послѣдующа наши дѣйствiя (таковъ вообще законъ душевной дѣятельности) и влѧпие оныхъ можно только ослабить, но не уничтожить. Такъ рѣка, верхними нечистыми ручьями непрестанно наполняемая, никогда не будетъ чистою, хотя бы нижніе ручьи совершенно были чисты. Да и откуда произведемъ чистый обильный пошокъ въ развращенномъ сердцѣ? И такъ, вместо того, чтобы съ Кантомъ удивляться закону нравственному, не лучше ли въ смиренiи благоговѣть предъ самимъ Творцемъ сего закона и прибегнуть къ Его всемогущей Благодати?

6) Но положимъ, что для исправленiя несовершенства нравственного силы наши недоспашочны, а необходима еще сила сверхъестественная: человѣкъ долженъ заслужить ону свою же усиленiями: ибо, не скрывая шалавитъ, себѣ вѣренный, а употребляя свои силы для своего блага, онъ можетъ надѣяться, что высшее содѣйствiе восполнитъ то, чего не доспашетъ ему. Намъ не нужно знать, въ чемъ соспощь сія помошь, а должно только поступать такъ, чтобы быть

овой достойными. Дѣйствія Благодати въ теоретическомъ отношеніи не подлежать познанію, ибо не льзя различать ихъ опь внутреннихъ естественныхъ дѣйствій нашихъ; въ практическомъ отношеніи вѣровать въ оныя и ожидать ихъ, значитъ добро нравственное дѣлать не нашимъ добромъ, а дѣломъ другаго, и усвоять оное себѣ однимъ недѣйствиемъ нашимъ.— И такъ можемъ допускать дѣйствіе на насъ Благодати, какъ вѣчно непостижимое, во не принимать онаго за правило наше ни для теоретического, ни практическаго употребленія. Стр. 61 и д.

То ешь: человѣкъ долженъ дѣйствовать по своему, хотя и еспѣшь высшій Руководитель и Насставникъ. Такое ученіе, вмѣсто увѣренности въ силѣ Божіей благодатной, внушаетъ намъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и заставляетъ всего болѣе уважать свое. Конечно, совершенное бездѣйствіе наше не привлечетъ къ намъ Благодати, но и самонадѣтельность не будешь ей доспойна. Пришомъ, если я, дѣйствуя своими силами, можетъ быть, заслужу Благодать, то можетъ быть, произведу и все самъ собою. Если же ишь во мнѣ послѣдней возможности, то ишь и первой: дѣйствія мои, при моей испорченности, не могутъ быть угодны Богу. И такъ мнѣ остается, при всѣхъ моихъ усилияхъ, одно сознаніе моей немощи нравственной и открытие сердца вышнимъ дѣйствіямъ Благодати -- Вѣра.

2) О чудесахъ.

Возможности чудесъ Кантъ также не отвергаетъ; но признаетъ опыты пужными только при

первоначальномъ введеніи Религії, но иенужными и даже безполезными нынѣ, я утверждаешъ, что вѣпо если звакъ великаго невѣра, когда заповѣдимъ, написаннымъ въ сердцѣ, не иначе хопшимъ вѣришь, какъ при помощи чудесъ.

Послѣдняя мысль была бы правильна, еслибы не скрывала ложнаго предположенія (у Канта), будто одинъ нравственныи законъ есть Религія въ чю все къ неей относящееся человѣкъ можетъ найти самъ въ себѣ.

Чудеса возможны: ибо Богъ какъ Творецъ и Правитель міра физическаго и нравственнаго самъ по себѣ не ограничивающій законами птарей; но мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія о шомъ законѣ, по которому Богъ дѣйствуешь въ произведеніи чудесъ, и отличать оныхъ отъ дѣйствій естественныхъ. Знаемъ только, чтио та��ое дѣйствіе не должно быть противно законамъ нравственнымъ; но сей оприцательный признакъ, безъ положительнаго,ничего не опредѣляетъ.
Стр. 118 и д.

На сіе скажемъ: тѣ, которые не хотятъ вѣришь, и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ дѣры: ибо всегда могуши говоритьъ съ Кантомъ, что мы знаемъ одни законы нравственныи (а знаюши я и сіе какъ должно, въ шомъ судимъ оми сами себѣ), а законовъ естественныхъ всѣхъ и совершино не знаемъ. Напротивъ, ничѣмы непредубѣжденыи легко увѣрюшися, что Богъ, воскрешая напр. мертваго, дѣйствуешь не по законамъ естества; тѣмъ болѣе, когда тушь же видашъ въ цѣль, доспойную Бога (на пр. увѣреніе въ истину Религіи).

И такъ, хотя бы и были чудеса, но мы не должны вѣры въ оныя принимашь за наше правило. Нравственное исправлениe если долгъ всегда нась облазющій, а чудеса не суть такія дѣйствія, коими можно пользоваться непосредственно и, такъ сказать, привлекать ихъ съ неба. Намъ оспаєтся повиноваться закону виупреннему и дѣйствовать такъ, какъ бы все зависѣло отъ собственныхъ нашихъ усилій (Тамъ же).

Справедливо, что мы не должны требовать чудесъ, когда намъ угодно; но не должны и отвергать чудесъ, когда они есть. Не имѣмъ причины отвергать и того, что они могутъ быть и вынѣ. Ибо не льзя ограничивать дѣйствій Божіихъ ни временемъ, ни мѣшомъ, и отрицать пользу таковыхъ чрезвычайныхъ дѣйствій по крайней мѣрѣ, въ чрезвычайныхъ же случаяхъ. Если чудеса не въ нашей власти, то заключаемъ, что производишь ихъ можетъ одинъ Богъ и производишь не по нашему произволу, а когда и какъ Ему угодно. Еслибы вѣр могли привлекать ихъ съ неба, они не были бы тогда чудесами; но что преняшаешь Богу давать таковую возможность пѣкошоримъ, для особенной, Ему извѣстной цѣли?

3) О тайнахъ.

Существоаніе тайнъ Канпъ признаетъ необходимымъ въ Религіи, но учитъ, что а) Религія разума имѣетъ свои тайны, открываемыя разумомъ, и б) что вѣшь надобности въ Божественномъ Окровеніи тайнъ.

а) Нравственные начала наши, когда прилагаемъ ихъ къ осуществленію идеи нравственного добра

и когда сознаемъ недоспешность нашу къ осуществлению сей идеи, приводить насъ къ вѣрѣ въ содѣйствіе нравственнаго Правищеля міра: при чёмъ открывается намъ бездна лганистивныхъ дѣйствій Божіихъ. Мы не знаемъ, какое именно дѣйствіе здѣсь должно приписать Богу, а знаемъ только то, что должно дѣлать намъ дабы устроиться сего непостижимаго содѣйствія. Не знаемъ, что Богъ есть самъ въ себѣ, но знаемъ, что Онъ есть для насъ, какъ существіе нравственныхъ, т. е. 1) *Святый Законодатель*, 2) *благій Промыслитель* и 3) блюститель своихъ законовъ или *правосудный Судія*. Вопь проякое опиошненіе Бога къ человѣку или троица, въ которой Богъ хощетъ бытъ почипаемъ. При семъ самъ разумъ открывается при предмѣтахъ въ теоретическомъ отношеніи непостижимые, а изъясняемые только въ практическомъ отношеніи: 1) шайну *призывають* въ Царство Божіе нравственное. Разумъ не можетъ изъяснить себѣ сопворенія существія свободныхъ (ибо, по закону причинности, причина должна опредѣлять свое дѣйствіе и дѣйствіе постому свободнымъ бытъ не можетъ), но допускаеть свободу уже существующую и представляеть себѣ, что существа свободныя опредѣляются къ Царству Божію, не по зависимости ихъ естественной (по сопворенію), а только нравственнымъ понужденіемъ, т. е. призываніемъ. 2) *Тайну удовлетворенія* (за грѣхи). Человѣкъ поврежденный немощень; благость Божія можетъ восполнитъ его силы; но сего восполненія не льзя согласить съ свободою человѣка, по которой до-

бро должно бытъ нашимъ, а не чужимъ. Разумъ не понимаешь, какъ кто-либо другой можетъ что либо заслужить вмѣсто его, и потому замѣнительное удовлетвореніе принимаетъ только въ нравственномъ отношеніи (*). 3) Тайну избрація. Самая вѣра въ замѣнительное удовлетвореніе, поколику если опредѣленіе воли къ добру, предполагаешь въ человѣкѣ Богоугодное свойство, котораго поврежденный человѣкъ самъ въ себѣ произвести не можешьъ. И такъ представляется, что Благодати дѣйствуетъ не по заслугамъ дѣль, а по безусловному опредѣленію однимъ даєтъся, другимъ иѣшь. Сего не льзя согласить съ правдою Божію, а развѣ отнесемъ къ премудрости Божіей, правило которой для нась совершенно непоспѣхимо. Спр. 210 и д.

1) Тайны, открываемыя у Канта разумомъ, въ шоимъ видѣ, какъ ихъ открываютъ разумъ, мало умѣшильны и незначительны. Призываю человѣковъ чреѣ разумъ къ нравственному Царству Божію такъ слабо, что безъ призыва чрезъ Ощковеніе никогда не доводило и не доводишь до Богопознанія и Богопочтія истиннаго (не сіе ли призваніе опровергало и самого Канта отъ Богоночченія къ одной нравственности?). Удовлетвореніе, какое измыслишь разумъ, или лучше Канть, удовлетворяетъ развѣ одному мудрованію Натуралистовъ, а не правосудію Божію. Избраціе, причину коего самъ разумъ не можетъ пославши заслугъ нашихъ, необходимо или представляемъ безусловнымъ (фатализмъ), или предполагаешь

(*) Софистическое Кантово изложеніе сей тайны предложено выше во 2 Опд. працяла.

то условіе, которое открывашъ намъ Религія Христіанская (Вѣру въ Искупицеля).

2) Для разума конечно есть и должно бысть много тайного. Но не льзя полагашъ, что у Бога только и есть тѣ тайны, какія открывашъ разумъ. У Безко-ничаго для умовъ конечныхъ есть безчисленныя тайны: и кто можешъ увѣришъ насъ, что разумъ открываетъ самъ собою всѣ тайны, какія нужны для нашего спасенія, и пришомъ откроется испытанно?

6) О таковыхъ тайнахъ Богъ не можетъ открыть намъ ничего: ибо если бы чти и открылъ, то мы не уразумѣли бы того: самое вдохновеніе не произведетъ того, къ чему природа ума нашего неспособна. Человѣкъ закономъ нравственнымъ призванъ къ доброй жизни, соблюдая сей законъ можетъ угодить Богу и основаніе сей надежды находить самъ въ себѣ; сравнивая сюю надежду съ строгостью закона, онъ долженъ всегда испытывать себя какъ бы предъ судіею: волѣ чему учить насъ собственный разумъ, наше сердце и совѣсТЬ. Нѣтъ нужды желать откровенія большаго, а еслиъ оно и было, не должно считать онаго вообще необходимымъ (1). Симъ тайнамъ каждый можетъ научиться изъ разума, и откровеніемъ оныхъ можно назвать только то, когда они дѣлаются предметомъ ученія общаго и символомъ новой эпохи Религіи (2). Спр. 217 и д.

1) Само собою разумѣешся, что Божественные тайны, открываемыя намъ, не преспающъ бысть тайнами, и полнаго уразумѣнія оныхъ не требуєтся: намъ довольно знать основаніе сихъ тайнъ и то, чего они требуютъ отъ насъ. Но несправедливо

то, что Богъ, открывая намъ нечто болѣе, нежели сколько открываетъ разумъ, не можешь произвести въ насть болѣе, какъ топль же разумъ. Если не положительное знаніе, то особенное направление разума и воли есть топль вожделѣній плодъ, кошораго должно ожидать отъ Вѣры въ тайны, открываемыя Богомъ. Тайны сіи, безъ сомнѣнія, необходимы для совершенства и блаженства человѣковъ (безъ сего онъ не были бы и открыты), и почишасть онъ не необходимы для всѣхъ, значить то же, что не желашь всему роду человѣческому его испиннаго блага. Человѣкъ какъ-нибудь проживетъ и безъ образования и благоустроеннаго общества; но изъ сего кѣо заключить, что образованіе и гражданскіе законы не нужны вообще для человѣчества?

2) Ошкровеніе, какое допускаетъ Кантъ, таково же, какъ и ошкровеніе сей Кантовой Религіи, поставляемое на мѣсто Ошкровенія Божія. И почему таковые Философы лучше хотятъ свое ученіе называть Ошкровеніемъ, нежели допускать особенное Ошкровеніе Божіе? Такая Вѣра въ одинъ свой разумъ есть эгоизмъ, философское Фарисейство, для коего пріятно слышать отъ другихъ: *утителю, ути-
телью!*

4) *О средствахъ для получения Благодати.*

Возможности сдѣлненія Вышней силы (Благодати) съ вашими силами Кантъ не отвергааетъ. Сие сдѣлненіе непостижимо, но и самая свобода наша, говорить Кантъ, относительно своей возможности, столь же непонятна, какъ и сверхъ-естественная помощь нашимъ силамъ. Но совѣтуясь держаться человѣку въ отдаленіи отъ идеи

о Благодати, какъ опъ святыни, дабы, во ожиданіи чудесъ, не сдѣлаться ему неспособнымъ къ употребленію разума, дабы въ страданельномъ покой не ожидали всего свыше. Средства для полученія Благодати представляетъ одни нравственныя, или лучше, принимающіе средства для нравственности, а не средства для принятія Благодати. Стр. 296 и д.

Удаленіе отъ Священнаго, какъ совѣтуешь Канішъ, не есть знакъ благоговѣнія къ Священному, а ведеть къ равнодушію и холодности, или лучше, къ тому состоянію, кошорое въ Апокалипсисѣ называется нищетыемъ, или холоднымъ (Ап. 3, 16). Весьма прилично Напурилиссамъ все то, что говорится (шамъ же 15—18) о Церкви Лаодикійской.

Испинное служеніе Богу есть только добрая нравственность, а не дѣла, посвящаемыя непосредственно Богу. Оно, какъ нечувственное, имѣетъ нужду въ представлениіи чувственномъ; но сего средства не должно почивать за самое Богопочтеніе. Вообще средства сіи, относясь къ духу нравственности, представляются слѣдующія: 1) средство для утвержденія и возбужденія въ насъ чувства нравственного (*молитва*), 2) средство для распространенія силы онаго на другихъ (собранія церковные или *хожденіе въ церковь*), 3) средство сохранять оное у потомковъ (у Христіанъ *Крещеніе*) и 4) средство сохранять общеніе и единство членовъ нравственного пѣла, торжественное средство, напоминающее имъ о равенстве ихъ правъ и участіи во всѣхъ плодахъ нравственного блага (у Христіанъ *Приглашеніе*) (Стр. 298 и д.).

1) Человѣкъ, не изъ одной стороны нравственій состоящій, долженъ имѣть и Богопочтение, не одностороннее. Посему самое чувственное представление духовнаго служенія Богу также относится къ Богопочтению, какъ вицьшая часть человѣка къ человѣку.

2) Капитово исчислениe благодатныхъ средствъ, явно соображенено съ учениемъ Церкви Протестантской. Уже сie одно показываетъ, какъ слабъ на изобрѣтенія въ дѣлахъ Религіи разумъ, и какъ нужно намъ особенное Откровеніе средствъ благодатныхъ.

Человѣкъ склоненъ замѣнить самое дѣло одвою формою, и потому во всѣхъ родахъ Религіи изобрѣль иѣкопорные обряды, какъ средства для получения Благодати, не относя оныхъ къ нравственности, и думая, что чрезъ одно употребленіе иѣкопорныхъ еспесивенныхъ вещей онъ можетъ привлечь божественное вліяніе на самую свою нравственность. Такъ употребляются молитвы, хожденіе во храмъ и проч. *Молитва* поспавляется въ выраженияхъ желаній предъ Всеизѣдущимъ, который въ шаковыхъ изъясненіяхъ нужды не имѣетъ. Въ насъ должно быть всегда желаніе, быть угодными Богу (нравственno) и твердое намѣреніе жить такъ, какъ бы мы служили самому Богу — духъ молитвы; выражения же и формулы, хотя могутъ быть пособіемъ для возбужденія въ насъ онаго духа молитвы, но не могутъ имѣть никакого отношенія къ угожденію Богу и быть обязанностю каждого. Надлежитъ спараться о томъ, чтобы, очищая чувство нравственное, оставаться при одномъ духѣ молитвы, отбросивъ еи букву. Для возбужденія сего духа болѣе дѣйствительно совер-

цаніе премудрості Божієй въ Природѣ, нежели всѣ молитви. *Хожденіе во храмъ*, какъ средство для взаимнаго людей назиданія, похвально и нужно; но думать, что это есть средство для полученія особенной Благодати и непосредственное Богопочтение—есть заблужденіе, которое извращаетъ свойство гражданина Царства Божія, и хочеть предъ другими и предъ нами самими прикрыть нашъ недостатокъ нравственнаго чувства. За симъ Кантъ, хотя и почилаетъ *Крещеніе*, какъ принадліе въ число Членовъ Церкви, обрядомъ важнѣйшимъ и священнымъ, а *Евхаристію* высокимъ средствомъ для одушевленія всѣхъ любовію братскою, но не хочеть признавать ихъ Таинствами. (Спр. 300 и д.).

1) Допустивъ, что Богъ участвуетъ въ спасеніи нашемъ и тайно на насъ действуетъ (чего не отвергаютъ и Кантъ), согласно съ разумомъ допустить, что Богъ безчисленными средствами можетъ подавать намъ Благодать Свою, обыкновенными и чрезвычайными. Почему, на пр., не можетъ Онь соединить высшей степени силы съ естественными силами нашей пищи, врачевствъ и пр.? Не можетъ ли употреблять случаями, для подаянія особенной Благодати, словъ или наставлений какого-либо человека? и т. д. Не могутъ быть излишними, напротивъ въ общество нравственномъ (Церкви), даже нужны и тѣ торжественные, болѣе общія средства, кошорыя особенно указываетъ намъ Откровеніе и Церковь, средства, съ копорыми, при известныхъ условіяхъ, постоянно соединяется Благодать Божія (*Таинства*).

2) Если молитва (желаніе своего совершенства нравственнаго), какую произноситъ Кантъ вредъ

своимъ разумомъ, столько дѣйствительна и нужна, какъ онъ полагаешь: что не большого ли плода ожидалъ должно отъ шой молитвы, шого желанія, которое свидѣтельствуемъ предъ лицемъ Самаго Бога? Чѣмъ касается до молитвъ успешныхъ, то, конечно, это есть только пособіе для молитвы внутренней; но пособіе столь же естественное и необходимое, какъ тѣло душѣ.

3) Съ однимъ машинальнымъ хожденiemъ въ церковь, Богъ, конечно, не соединяетъ особливой Благодати; но собраніе (въ честь Бога) наружное, соединенное съ собраніемъ въ духѣ, есть зрелице восхитительное для сердца и достойное вниманія самыхъ Небесъ.

4) Чѣмъ касается до Таинствъ, то вообще должно замѣтить, что не дѣло Философовъ соединять съ видимымъ въ Таинствахъ то или другое дѣйствіе Божіе. Дерзко и преступно отвергать тѣ права и преимущества, какія соединилъ законодатель съ нѣкоторыми притулами и оптическими знаками въ Государствѣ; но еще преступнѣе отвергать тѣ права и преимущества, какія съ видимымъ въ Таинствахъ соединилъ Законодатель Церкви. Правда, въ церкви разума (Каншовой) Таинства излишни; но они необходимы въ Церкви Божіей (не разумомъ, а Духомъ Божіимъ управляемой).

Въ заключеніе Каншъ хочеіть, кажеіся, всему Богопочтенію дать видъ какой-то слабости. «Человѣкъ» — говорилъ онъ — «изъ всѣхъ свойствъ «Божіихъ нравственныхъ, святости, благости и «правды принимаетъ одну благость, дабы избѣжать тѣхъ непріятныхъ условій, какихъ требуетъ сесть святость.» Изъ сего долженъ быть заклю-

чашь Кантъ, что человѣкъ развращенъ въ боязни правды Божіей, что онъ не смѣеть надѣяться на одну свою нравственность и потому прибѣгаешь къ благости Божіей. — «Трудно» — продолжаетъ Кантъ — «быти добрымъ слугою: потому лучше «хотяпъ бытъ друзьями; прибѣгаюпъ къ формальностямъ, и вымышляютъ себѣ средства «благодатныя. Но опыпъ еще не показалъ, чтобы «присвоилии себѣ Благодать (избранные) чѣмъ «либо превосходили человѣка естественнаго честнаго.» Вотъ ложь, которая обличается опытомъ и всею исторіею рода человѣческаго! Никто еще не доказалъ, что одна естественная нравственность когда-либо могла и можетъ исправить человѣка: но Христианство имѣетъ множества пріимѣровъ чудесныхъ обращеній и людей превосходной нравственности, одолженныхъ симъ не своимъ силамъ, а Благодати. (Спр. 311 и д.).

Овщія замѣчанія на Кантово учение о Религии.

Не льзя причислять Канта къ тѣмъ Нацуралистамъ, для которыхъ не быть не только Откровенія особеннаго, но и всеобщаго, п. е. нравственныхъ законовъ въ разумѣ, также Божественныхъ. Напротивъ едва ли кто изъ Философовъ столько благоговѣлъ предъ закономъ нравственнымъ, какъ Кантъ. «Две вещи» говорилъ онъ «болѣе всего «исполняютъ удивленія и благоговѣнія духъ мой: «звѣздное небо, надо мною, и законъ нравственный

« во мнѣ » (1). Спрогость его Нравоученія можно сравнивать съ Спиритуальною, какъ и самое начало его Нравоученія весьма сходно съ главнымъ начальствомъ закона (2). Только, сіе Нравоученіе приспособлено къ Христіанскому, и потому собственно не есть ни чистое ученіе Христіанское, ни языческое философское.

Глубокое уваженіе Канта къ закону нравственному показываетъ, что сей Философъ обращалъ преимущественное вниманіе на нравственность. Въ семъ-то вниманіи и уваженіи къ нравственности состояло все достоинство Канта. Сіе дало ему силы и ревностъ ополчаться противъ ложныхъ системъ нравственности и опровергнуть всѣ тѣ на ала ихъ, которыхъ основаны на понятіяхъ или чувствованіяхъ удовольствія и счастія. Опѣрь сего произошла и та услуга Кенигсберскаго мудреца Религіи Христіанской, какую замѣчаешьъ въ

(1) Бришка Практическаго Ума, при концѣ. — Мысль, безспорно, высокая и весьма сходная съ тою, какую выражашь весь Псаломъ (18) Давида: *Небеса поетъ славу Божію и пр. Законъ Господень испорогенъ и т. д.* Только Кантъ надлежало съ сюю мыслию соединить и сіе чувство Давидово: *Грядопаденія кто разумѣтъ? Отъ тайныхъ моихъ отисти мя.* — И (тогда) будутъ во благоволеніе словеса устъ моихъ (Псал. 18, 15, 16).

(2) Начало Кантово: поступай такъ, чтобы правило золи твоей могло имѣть достоинство закона всеобщаго, (чтобы «всѣ могли и мы всееда могъ поступать по тому же правилу. Начало Зеноново: тѣ омолохуи мѣнѣс ѡїу таго дѣс яхъ ёна лугои кал симферони ѡїу (Жанъ всегда согласно, по одному и тому же правилу — *Aequalitas ac tenor vitae per omnia consonans sibi. Sen. Ep. 81.* Сходство сихъ началъ показалъ Кругъ (W. T. Krug's System d. praktisch. Philosophie. Ч. 2. § 6, прик. 2).

немъ одинъ новѣйшій Философъ. «Кантъ»—говориша Баадеръ (*)—и опровергъ то пагубное, бывшее въ его время мнѣніе, будто Религія Христіанская имѣнть одну пріятную и нѣжную спорону, а «героизмъ и мужество принадлежали язычеству. «Призвавъ въ человѣкѣ коренное зло, онъ указалъ «волнительное и геройское свойство Христіанской Религії, непримиримую борьбу съ алымъ и начальомъ, которая не должна прекращаться ни «свѣтла до совершенного отпаденія добра отъ зла.» Но на семъ Кантъ и остановился. Утверждали спротивъ и святость Нравоученія и Религіи, онъ оставилъ у нихъ все упѣшильное и живописное для человѣка, по самому естеству своему сподѣлъ далекаго отъ требуемаго закономъ нравственнымъ совершенства; даль имъ видъ закона дѣлъ, изреченного на грозномъ Синѣ, но оставилъ у нихъ доспойный любви и поклоненія образъ закона Благодати, утвержденного на Голгоѳѣ. О законѣ Кантовомъ должно же сказать, что сказалъ Апостолъ о Законѣ Вещозавѣтномъ: «отъ дѣлъ сего Закона не оправдышся всяка плоть предъ Богомъ, ибо симъ закономъ познается только грѣхъ, но не дающіи оправданіе (Рим. 3, 20).»

Разсматривая ближе Кантову Религію, мы можемъ замѣнить главный недостатокъ ея, отъ котораго произошли всѣ прочіе, и не будемъ удивляться, какъ самое сильное чувство нравственное обратилось у Канта въ чувство безрелигиозное.

(*) *Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik*, стр. 34.

Ось столько возвысилъ нравственность, что для оной и при оной ничего болѣе не требовалъ, а потому въ самой Религії остался при одномъ практическомъ разумѣ, который замѣнялъ для него все. Глашный недоспашокъ какъ всей его Философіи, такъ и Религіи,—односторонность. Каніцъ смоширилъ на одну нравственную часть человѣка и какъ бы забывалъ, что человѣкъ есть не одна воля, но и разумъ и чувство и живопись природы. Сія-то односторонность заставляла его самыя важнѣйшія истины, какія представляются намъ въ разумѣ или въ Откровеніи, цѣнить только въ отношеніи нравственномъ, и во всемъ искать одного нравственного смысла или значенія. Оять сего идея совершенного человѣка у него есть чтолько идея нравственная, Церковь имѣеть цѣлую одну нравственность, міръ и Исторія существуя для той же цѣли и самъ Богъ едва примѣщень (такъ сказать) позади Нравоученія Каніцова. Истина въ цѣломъ, а не въ части, отдаленной отъ цѣлаго: носему сколь ни важна та часть, на кошнюю одну обращаетъ вниманіе Каніцъ, но учение Религіи къ сей одной части приспособленное столь же недоспашочно, какъ и учение нравственное Ариадніппа, ограничивающееся одною физической природою человѣка. Въ одностороннемъ учениѣ не можетъ быть духа и истины.

Впрочемъ самая нравственность не ведетъ насъ къ Религіи, къ Богу? Но односторонность Каніца, дабы не допустить насъ до ближайшаго единиція къ Богу (пребывающаго не двойной стороны духа) отвергаєтъ непосредственный должно-

стии наши къ Богу. Кантіанцы говорять: а) что мы не можемъ ничего дать Богу или на Него дѣйствовать, и только доброю нравственностью можемъ быть Ему угодными. Но дабы видѣть неосновательность сего, довольно замѣтить, что безъ религіознаго чувствія нравственность никогда не можетъ быть совершеною. Даѣте говорять: б) чувствованія не составляютъ обязанности, а суть необходимыя психологическія слѣдствія при разсматриваніи совершенства Божіихъ. Но разсматривать сіи совершенства, свободною дѣятельностію нашою способствоватъ продолженію и силѣ религіозныхъ чувствованій не есть ли нашъ долгъ? Даѣте: в) что называется должностію къ Богу, то есть или должностіе къ намъ самимъ, на пр. уваженіе, или къ другимъ, на пр. клятва. Но не удивительно, если непосредственныя наши должностіи къ Богу распространяютъ силу свою и на другія должностія: всѣ должностіи наши соединены неразрывно. Даѣте: г) только представленіе (идея) Бога необходимо намъ для исполненія должностей. Но разъ Богъ есть одна идея, а не дѣйствительное Существо? Если Кантъ требуетъ (и справедливо) уваженія къ разумной природѣ въ каждомъ человѣкѣ: то не требуется ли высочайшаго уваженія къ высочайшей природѣ разумной — къ Богу? Наконецъ: д) непосредственныя должностіи къ Богу имѣютъ видъ человѣкообразнаго служенія Власіямъ. (*Hofdienst*) и отклоняютъ насъ отъ долга нравственнаго. — Ложь и клевета! — Должностія сіи, питающія чувствіо благочестія, питають всѣ нравственные чувствіа. Посему нѣтъ воззанен-

вѣ, благотворнѣ, святѣ тѣхъ дѣйствій, ко-
рыя особенно посвящены Сущесству Верховному.
Сіе Сущесство, конечно, споль высоко, что не
имѣшь нужды въ нашихъ обрядахъ, но мы споль
малы предъ Нимъ, что для возвышенія духа па-
шего сіи обряды необходимы, и, если они выра-
жаютъ и возбуждаютъ въ насъ чувствованія ре-
лигіозныя, то всегда суть лучшія пособія и для
доброй нравственности.

Отвергни непосредственныя должностія наши
къ Богу, та же односторонность Кантса всю Релігію ограничиваетъ одною нравственностью, т. е.
исполненіемъ должностей нашихъ къ себѣ и другимъ.
Конечно, безъ доброй нравственности не можетъ
быть истинной Религіи, но для Религіи недовольно
одной нравственности. Религія имѣетъ преимуще-
ственное отношеніе къ Богу, а нравственность,
сама по себѣ, относится только къ нашему благу
и безъ отношенія къ Богу, ведетъ къ агоизму. У
Кантса выше всего добродѣтель, и притомъ добро-
дѣтель проспѣ человѣческая, человѣкамъ (или лучше
Кантсу) угодная, а не Богу. Достойно ли сіе на-
званія Религії?

Поставивъ такую добродѣтель на мѣстѣ Бога,
односторонность Кантса осправдывается на однихъ
естественныхъ силахъ человѣка и не признаетъ
нужды Откровенія и средст�ъ сверхъестествен-
ныхъ. Кантъ сославшись себѣ идеального человѣка
терялъ добродѣтели, и, кажеся, забываетъ, что
человѣкъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковъ, что
при слабыхъ силахъ нашихъ, при всегдашихъ
опасностяхъ для нашей добродѣтели, вицъшихъ и

внушрениихъ, вамиъ всегда необходима помощь
Вышивя, именно та, какую представляешь Религія
Ошкровеннаѧ.

Наконецъ, отнимая у человѣка высшія средства, односторонность Кантова хочеть отнять у него и вышешия средства Религіи. Уже ли человѣкъ есТЬ безплощный духъ, а не существо духовно-чувственное? Для самой нравственности не нужно ли учение вышешие, поощренія, побужденія, уничижа, общественное приличие и проч. — т. е. средства вышешия? Почему же не должны бытъ таковыя средства для Религіи? Средства сіи не только нужны на время, но и на всю земную жизнь человѣка. Ибо здѣсь человѣкъ никогда не выходитъ изъ дѣлъ предъ Небомъ.

И таکъ, что есТЬ Кантова Религія? *Движимъ* отдаляющій отъ человѣка, а не приближающій къ нему Бога, а потому отдаляющій и человѣка отъ Бога; *натурализмъ*, не допускающій ничего сверхъ-естественнаго и поклоняющійся одному практическому разуму. Такая Религія можетъ ли бытъ угодна Богу? Никогда! ибо Богъ не раздѣляетъ славы своей съ нашимъ практическимъ разумомъ, и не можетъ одобрить такого плана Боголюбленія, который мы составляемъ сами собою, сдѣль мало относя оный къ Нему и таکъ щѣсно ограничивая сей планъ собою. Можетъ ли сія Религія бытъ удовлетворительна и для человѣка? Нѣтъ! ибо не удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ его потребностямъ, довольствуясь одною (безизменною) нравственностью. Самые ученики Канта (какъ показано прежде) недовольны таکою Религіею.

Какимъ же образомъ могла она казаться испанною Кантю? Въ Критической своей Философіи опровергши испанию теоретического разума и опыта, Кантъ нигдѣ не находилъ твердаго основанія, кроме разума практическаго, и потому сей полу-скептикъ не могъ не радоваться, что по крайней мѣрѣ здѣсь находилъ онъ покой сомнѣющемуся своему духу. Но ошиваясь слишкомъ много въ одной части человѣка, онъ слишкомъ много положилъ въ другой. Философія его была волнующееся море, котораго воды успремились наконецъ въ одну спорону, и изъ песку и ила соспавили уединенный островъ, на которомъ никако не согласится жить: ибо онъ весьма далекъ отъ твердой земли и самъ собою не можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни человѣческой.

I. C.

4.

О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ ГАНЗЕЙСКИХЪ КОНТОРЪ ВООБЩЕ И ПРЕИМУЩЕ- СТВЕННО БЕРГЕНСКОЙ.

Ганза кромъ всеобщаго исторического интереса имѣеть для насъ еще особенную занимательность по вліянію ея на образованіе нашихъ Съверныхъ Областей — Новгорода и Пскова. Духъ, права и важность этихъ знаменитыхъ въ Древней Руси областей испекали изъ участія ихъ въ Ганзейской портгавѣ: потому раскрытие способовъ и средствъ этой портгавли ведепъ къ познанію источниковъ, при коихъ возникли особенности, отличающія эту часть Россіи отъ прочихъ ея Княжествъ. Сія мысль послужила поводомъ къ нижеслѣдующему описанію.

Ганза, имѣя одною изъ главныхъ опоръ своей монополіи певѣжество того времени и неумѣніе производить дѣла коммерческія, во многихъ случаяхъ облекалась покровомъ тайны: отъ того многое еще остается нелѣннымъ въ ея Исторіи. Между предупреждами, наиболѣе интересующими въ сей послѣдней, особенно занимательны внутренняя организація союза и устройство тѣхъ фахторій или конторъ заграничныхъ, въ коихъ сосредо-

шочивалась политическая и коммерческая деятельность постъ Ганзы и конторы странностию началь, служившихъ имъ основаниемъ, образующая на себя особенное вниманіе. Такъ какъ эти конторы были въ одно и то же время крѣпостями и монастырями, то къ сожалѣнію Лѣтописцы весьма мало сохранили намъ свѣдѣній о нихъ. Мы знаемъ общія ихъ черты, но къ нимъ не доспѣаетъ подробностей, когорыя бы представляли въ ясномъ свѣтѣ внутреннюю жизнь конторъ Ганзейскихъ. Такъ какъ долѣе всѣхъ существовала Бергенская, то и устройство ея описано съ большею подробностію, нежели устройство прочихъ конторъ. Это описание находится въ книгѣ Людовика Гольберга, переведенной въ началѣ XVIII столѣтія съ Данскаго на Нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «*Ludewig's Freyherrn von Holberg Beschreibung der berübtmen Haupt-und-Handelstadt Bergen. Copenhagen. Zweite Auflage 1750 года.*» Книга эта, о которой испорти Ганзы, Сарпоріусъ, опровергается съ большою похвалою (1), и которая — какъ самъ онъ говоритъ (2) — служила ему важнейшимъ источникомъ для описания устройства конторы Бергенской, довольно рѣдка; а такъ какъ Сарпорій заимствовалъ изъ нея только главныя черты, оставивъ многія подробности, которыя впрочемъ весьма любопытны, то, найдя эту книгу въ Королевско-Берлинской Библіотекѣ, я не излишнимъ почесть ознакомить съ нею Русскихъ читателей,

(1) *Geschichte des Hanseatischen Bundes.* Т. I., стр. 545.

(2) *Idem.* Т. II., стр. 522.

старалась извлечь изъ нея преимущественно то, что опущено Сарториемъ въ его Общій Ганзейской Исторіи.

Города Ганзейскіе вели торговлю съ Бергенемъ еще въ половинѣ XIII столѣтия; но сначала купцы ихъ не только не имѣли въ Бергенѣ никакихъ поселеній, имъ не позволялось даже останавливаться на долгое время въ городѣ. Мало по малу, смотря по успѣхамъ развитія внутренней силы и важности союза, Ганза пріобрѣщала отъ Королей Норвежскихъ болѣе и болѣе важныхъ преимуществъ, съ помощью которыхъ она старалась отшантрѣнить Бергенскихъ гражданъ отъ торговли и добывать шуземные товары прямо отъ производителей, безъ посредства гражданъ Бергенскихъ: чѣло было носителью политики Ганзы во всѣхъ Государствахъ. Жители Бергена, съ своей стороны, пропивались водворенію среди себя купцами иноземныхъ; но политическая сила Ганзы, а всего болѣе ея коварная политика, подкѣпленная насилиемъ, доспѣвила имъ средства свасть крѣпкою ногою въ Бергенѣ и сдѣлать этотъ городъ складочнымъ мѣстомъ для своей Норвежской торговли. Купцы Ганзейскіе получили право не только зимовать, но даже жить въ Бергенѣ и завести въ немъ свои дома, лавки, магазины—словомъ цѣлую факторію, занимавшую особую часть города. Всѣ эти заведенія ихъ испреблены были въ 1463 году пожаромъ и послѣ были выстроены заново, какъ мы опишемъ ниже.

Прежде вѣсколько словъ о положеніи Бергена.

Городъ Бергенъ лежитъ полукружіемъ вокругъ залива, служащаго ему гаванью; одно крыло этого полукружія состояло собственно городъ, другое же, противоположное первому, называлось «мостомъ» (*Brücke* или *Gargenbrücke*). Оба эти конца соединялись кварталомъ Шустеровъ (*Schustergasse*) или Нѣмецкихъ ремесленниковъ, поселившихся въ Бергенѣ для службы конторѣ и въ ссорахъ сей послѣдней съ городомъ всегда поддерживавшихъ ее спорому.

Мостъ или конторская сторона Бергена послѣ пожара 1463 года состояла изъ двухъ приходовъ — Преч. Дѣвы Маріи и Св. Мартина: къ первому принадлежало 13, а ко второму 9 дворовъ, изъ которыхъ каждый, съ принадлежащими къ нему зданіями, состоялъ почти цѣлый кварталъ. Дворы шинулись вдоль берега залива и предъ каждымъ изъ нихъ находился надъ водой мостъ (*Brücke*), т. е. пристань, снабженная крюкомъ (*Wippe*) для поднятия товаровъ, подводимыхъ на корабляхъ къ самыи мости мостамъ. Дворы раздѣлялись на простые и двойные. Послѣдніе имѣли вмѣсто одной дѣвъ пакихъ жашинъ на свое мосту или пристани. Каждый дворъ имѣлъ особое название и имѣль особый щитъ или гербъ.

(1) Слово *Garg* толкуютъ различно: одни почишають его общимъ наименованиемъ Нѣмцевъ на Сѣверѣ; другие думаютъ, что *Garg* означаетъ *сеза* и употреблялось для наименования Ганзейскихъ купцовъ, которые своимъ коварствомъ шорголью высасывали изъ горы и деньги у шузенцовъ, какъ это наскокомъ высасываютъ кровь человѣка; таковѣдѣ прѣмѣнѣ производить это слово отъ *Gard* — дверь и *rod* — клюша и шапка образовъ *Garg* приникающій за сокращеніе *Gargod* — конфорный тона, вулеческий проказникъ.

Въ самомъ маломъ дворѣ жило по крайней мѣрѣ 15 семействъ; но чѣмъ обширнѣе дворъ, тѣмъ болѣе онъ былъ населенъ. — Жищели каждого двора образовали особую общину, подраздѣленную на семьи или хозяйствы (Haushaltungen), находившися въ завѣданіи особыхъ хозяевъ (Hauswirthе). Для объясненія, что такое были эти хозяйства, должно дать понятіе о постоянныхъ жищеляхъ конторъ Ганзейскихъ.

По законамъ Ганзейскимъ ни одинъ изъ городовъ, принадлежащихъ къ союзу, не могъ вести торговли съ Норвегіею, если не имѣлъ въ Бергенской конторѣ своего двора или участка во дворѣ и не содержалъ особаго повѣренного съ достаточнымъ числомъ служителей для завѣданія его дѣлами. Эти юношеские были тѣ хозяева (Hauswirthе), о которыхъ мы упомянули выше; а подчиненные имъ прикащики, сидѣльцы и прочие коммерческие служители составляли ихъ семьи или хозяйствы (Haushaltungen). Хозяева были повѣренными не только одного какого-нибудь Ганзейского города, но иногда нѣсколькихъ мелкихъ городовъ, а иногда одного какого-нибудь важнаго купеческаго дома. Получая отъ нихъ жалованье для себя и деньги на содержаніе служителей или семьи, хозяева должны были въ общей торговлѣ преимущественно наблюдать выгоды своихъ вѣрищелей и завѣдавать всѣми ихъ дѣлами въ канторѣ, т. е. когда приходилъ корабль изъ того города, въ службѣ коего они находятся, то они принимали товары, хранили ихъ, обмѣнивали на пуземные, нагружали сіи послѣдніе на корабли и

отправляли ихъ своимъ вѣришелямъ, ведя всему счеты и давая имъ въ нихъ отчеты: словомъ, они завѣдывали всѣми оборотами общества, дома или города, въ службѣ коихъ находились. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ каждый хозяинъ былъ независимое лицо въ Конторѣ и давалъ отчетъ только своимъ вѣришелямъ. Но общіи выгоды всей Ганзы, всего торгующаго сословія, одинаковыя отношенія, почти всегда враждебныя, къ правительству и гражданамъ городовъ, въ которыхъ находились фабрики, ваконецъ порядокъ, устройство Конторы и прочія общественные потребности подчинили какъ хозяевъ, такъ и всѣхъ контористовъ общему конториальному правленію — Совѣту Осъмнадцати, о которомъ буде сказано ниже. Каждый хозяинъ былъ полный начальникъ, судья, попечитель надъ своею семьею или подчиненными ему служителями и прикащиками; онъ снабжалъ ихъ кушаньемъ, напитками и прочими потребностями жизни изъ суммъ отпускаемыхъ на то городомъ или домомъ, коего дѣлами они завѣдывали.

За хозяевами, по порядку званій, следовали гезели или прикащики (*Gesellen*). Они завѣдывали лавками, принимали, выдавали, продавали товары и обязаны были смотрѣть за работою и поведеніемъ учениковъ или юнговъ, словомъ были помощниками хозяевъ.

Юнги раздѣлялись на два класса: одни изъ нихъ были уже взрослые молодые люди, другие же мальчики и даже дѣти, моложе 10 лѣтъ. Первые назывались корабельными юнгами или прислужниками (*Bootsjungen oder Knechte*), пошому что

должность ихъ состояла въ надзорѣ за приходящими судами; обыкновенно въ каждомъ хозяйствѣ было отъ 3 до 4 такихъ юнговъ; впервые же носили название комнатныхъ юнговъ или прислужниковъ (*Stubenjungen*). Это была первая ступень въ контору, первое конторское званіе: каждый посвящавшій себя конторной службѣ долженъ быть начинать съ комнатнаго юнга и, постепенно вымыаясь до гезеля, хозяина и даѣ, пройти такимъ образомъ полный практическій курсъ Ганзейской конторной торговли. Никто не могъ быть гезелемъ не бывши бопсьюнгомъ, а въ бопсьюнта поступали не иначе какъ изъ штубенъ-юнговъ. Эти комнатные юнги несли самую низкую службу въ хозяйствахъ или семьяхъ и должны были, подъ надзоромъ старшихъ гезелей, служить за кухнѣ и погребѣ и исполнять всѣ домашнія комнатныя потребности этого хозяйства, къ коему принадлежала. Прослуживъ въ конторе число лѣтъ и достигнувъ юношескаго возрасла, комнатные юнги вступали въ разрядъ корабельныхъ юнговъ, во прежде же изъ сихъ послѣднихъ входили въ классъ гезелей — званіе имѣвшее уже важность въ дѣлахъ торговыхъ и въ Конторѣ — имъ надлежало выдержать проякій искусъ, о которому мы будемъ говорить ниже.

Всѣмъ чиновникамъ, служителямъ, словомъ, всѣмъ жителямъ конторы запрещалось, подъ страхомъ изгнанія изъ Конторы и исключенія изъ всѣхъ выгодъ и преамуществъ Ганзейскаго союза, вступать въ бракъ; въ первыхъ же сподѣлкахъ существованія Ганзы запрещалось даже подъ

страхомъ смертнаго наказанія оставлять Контору и селишься въ городѣ. Эта мѣра предпринята была недовѣрчivoю полицикою Ганзы съ тою цѣлію, чтобъ отклонить всякое средство съближенію контористовъ съ гражданами шого города, гдѣ находится Контора и чрезъ то отнявъ у нихъ всякую другую цѣль, всякое другое спрѣмленіе въ жизни, сосредоточилъ ихъ на тѣхъ меркантильныхъ выгодахъ, которыя, служа къ общей пользѣ союза, обогащали вмѣстѣ съ пѣмъ самихъ контористовъ, и такимъ образомъ признать ихъ на всегда къ интересамъ Конторы. Монопольная система Ганзы естественно была во вредъ пуземцамъ и Ганза справедливо опасалась, что, дозволивъ брачные союзы контористовъ съ пуземцами, или, допустивъ чтобъ служители ея имѣли какую-либо собственность въ Конторы, сіи послѣдніе должны бы были раздѣлить силы свои между семействомъ и Конторою и слѣдовательно не въ состояніи были бы ревностно прѣслѣдоватъ интересы сей послѣдней и также могли передать духъ торговой предпріимчивости гражданамъ и чрезъ то доставить союзу опасныхъ соперниковъ.

Каждый дворъ имѣлъ собственный права и законы. Пришомъ же эти права или законы каждого двора еще подраздѣлялись такимъ образомъ, что дворъ слѣдовалъ однимъ правиламъ лѣтомъ, когда различныя его хозяйства жили отдельно, каждое въ своихъ покояхъ; а другимъ правиламъ въ зимнее время, когда все семейства собирались въ одной определенной на то часѣ

двора и жили вмѣстѣ. Разумѣется, здѣсь подъ правами должно понимать не что иное, какъ полицейскія и хозяйственныя постановленія, опредѣлявшія отношенія лицъ между собою. Мѣсто, предназначеннѣе для зимней жизни называлось шиттингъ (*Schüttling*) и находилось въ задней части двора. Это было не что иное, какъ большой деревянный домъ или лучше сказать сарай безъ оконъ, съ одною только дверью для входа. Сѣть проникала въ него сверху, чрезъ сдѣланные въ крыше отдушины, большей или меньшей величины смотря по объему комнаты. Эти отдушины (*Loch*) закрывались рамою со стеклами, которая, посредствомъ прикрепленнаго къ ней шеста, могла вставляться и открываться по произволу. Такое устройство зимнихъ жилищъ заимствовано Ганзейцами у пуземныхъ Норвежцевъ, строившихъ дома свои точно такими же образомъ, т. е. съ отверстіями вверху для выпуска дыма отъ горѣвшаго среди комнаты ка очагъ огня; послѣ тепки эти отверстія закрывались рамою, для удержанія въ комнатѣ тепла и служили вмѣсто оконъ. Название *Schüttling* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Schütz* «защита», потому что въ жилищахъ такого рода контористы искали защиты отъ Сѣверныхъ морозовъ. Такъ какъ эти жилища принадлежали право всѣмъ партіямъ или хозяйствамъ цѣлаго двора, то въ нихъ находилось сполько споловъ, сколько считалось во дворѣ хозяевъ. Каждый хозяинъ имѣлъ свой споль, за которымъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ подвѣдомыми ему гезелями и юнгами. Обыкновенно контористы

переселялись въ эти шиппинги, осенью, окслюдня Св. Мартина и оставляли ихъ въ началѣ весны, Великимъ постомъ.

Общими дѣлами всей Конторы, ея сношеніями съ мѣстными властями, отчетами Ганзейскому Сейму, наконецъ внутреннимъ устройствомъ, полиціемъ и судопроизводствомъ въ ссорахъ между конторными служителями завѣдавалъ особый Совѣтъ, состоявшій изъ 18 особъ, избиравшихся изъ учитѣйшихъ и старѣйшихъ хозяевъ. Члены этого Совѣта назывались просто Осмнадцатью «Achtzehner oder 18 m nnig» и собирались въ особой предназначеннай для того залѣ, находившейся надъ главнымъ виннымъ погребомъ Конторы и носявшей название купеческой залы (Kaufmannsstube). Изъ этихъ осмнадцати Членовъ избирались два отличнѣйшіе и почтенѣйшіе, которые съ пищуломъ Альтермановъ предсѣдательствовали въ Совѣтѣ и представляли высшую исполнительную власть Конторы; остальные Члены Совѣта Осмнадцати, кроме присутствія въ засѣданіяхъ, исполняли также различнія должности при факторіи, какъ то, одинъ изъ нихъ былъ экономъ или казначей (Schaffner), другой сборщикъ пошлины (Einnahmier); третій выдавалъ суммы на конторные издержки (Ausgaben) и проч. Каждому изъ нихъ дано было достаточное число служителей, называемыхъ Kaufmannsdieneg для исполненія ихъ распоряженій; кроме того при Совѣтѣ находился Секретарь, отъ котораго требовалось, чтобы онъ имѣлъ ученую степень, по крайней мѣрѣ Лиценціата Правъ.

Въ дѣлахъ церковныхъ Бергенская Контора относилась сперва къ мѣстному Духовенству; но въ послѣдствіи контористы силою завладѣли двумя церквами, находившимися въ шой часпии города, контора называлась Моспомъ и послѣ по-сплошно выписывали изъ Германии Нѣмецкихъ Проповѣдниковъ съ причепомъ для этихъ двухъ приходовъ.

Медкія ссоры и вражды между гезелями и юнгами обыкновенно рѣшались хозяевами тѣхъ парцій, къ коимъ принадлежали ссорившиеся, или наконецъ Альтерманами дворовъ; но въ дѣлахъ болѣе важныхъ и въ ссорахъ спаршинъ розыскъ и рѣшеніе принадлежали Совѣту 18-ти. Недовольные его приговоромъ могли брать дѣло на апелляцію въ Любекъ и потомъ въ высшую инстанцію — съездъ Депупатовъ Ганзейскихъ городовъ, иначе называвшійся Общимъ Ганзейскимъ Сеймомъ. Совѣтъ 18-ти налагалъ на виновныхъ наказанія и штрафы; но въ случаѣ ссоры между контористомъ и шуземнымъ гражданиномъ онъ почти всегда являлся приспрашнымъ и не только не наказывалъ подчиненныхъ своихъ за обиды и притѣсненія, конторы они дѣлали Бергенскимъ жипелемъ, но явились даже ободряль ихъ въ помъ, такъ что бѣдные граждане рѣдко находили правосудіе въ дѣлахъ съ Ганзейцами, не подчиненными иному правительству, кромѣ конторнаго. Это правительство не только спѣсняло гражданъ, но даже явно возставало противъ шуземныхъ властей и вопреки запрещеніямъ Королей и къ подрыву Королевскихъ интересовъ имѣло свои пипейные дома;

давало у себя пристанище всякой сволочи и безнаказанно производило удивительный своеольствіа и насилия подъ покровомъ своихъ коммерческихъ привилегій. Короли Норвежскіе, по собственной слабости и изъ болезни Ганзейского Союза, не одинъ разъ силою оружія, принуждавшаго ихъ къ выгоднымъ для себя условіямъ, не смѣли и не могли взыть рѣшильныхъ мѣръ противъ Конторы, даже совершенно не выѣшивались въ коммерческія дѣла Бергена; а граждане много разъ претерпѣвавшіе разореніе отъ Ганзейскихъ военныхъ судовъ, боялись сами возвратить противъ факторію. При тѣсномъ единодушіи контористовъ, коихъ считалось до 3000 здоровыхъ и сильныхъ людей могущихъ носить оружіе, Контора не боялась незапыхъ нападеній; припомъ же она, или часть города, занимаемая ею, была укрѣплена каменною стѣною и шакъ хорошо оберегаема, чѣмъ, владѣя гаванью, рѣшительно была въ всякой опасности. Развратъ, гнѣздившійся въ шакомъ множествѣ богатыхъ и большою частию молодыхъ людей, давалъ Конторѣ новое оружіе на бѣдныхъ гражданъ. Контористы, прельщая женъ и дочерей ихъ, посъвали раздоръ и несогласіе въ семействахъ, вывѣдывали всѣ намѣренія, предпріятія мирныхъ своихъ прошивниковъ и такимъ образомъ совершенно опутывали ихъ своими сѣплами. — Авторъ, изъ коего мы заимствуемъ это описание, съ подробностію изображаетъ картина Ганзейского разврата и даже исчисляетъ по имѣнамъ пѣ вольные дома, кошорые, находясь въ конторской части Бергена, были пріютомъ грубаго разврата Ганзейцевъ и, говоря

о несчастныхъ женщинахъ, населявшихъ эти вертепы, замѣчаетъ, что ихъ памъ было больше, чѣмъ собакъ въ Конторѣ.

Не каждый былъ способенъ къ жизни такого рода между развратомъ и опасностю, въ вѣчныхъ ссорахъ и безпрерывной оппозиціи съ шуземцами; потребна была рѣшиимость, чтобы отказаться отъ семейства, мирнаго счастія и негрузиться въ это эгоистическое существованіе, въ которомъ предспавлялись только двѣ цѣли — золото и развратъ. Отъ того хотя Контора и принимала въ среду свою даже и дѣтей, но предъ вступленіемъ въ гезели каждый контористъ долженъ быть подвергнутъ искусу и тѣлесными страданіями доказать готовность свою къ этой жизни, отъ которой онъ уже не могъ отказаться, къ ея опасностямъ, удовольствіямъ и къ тому товариществу, которое было главною ея поддержкою. Ганза хотя имѣла важное политическое значеніе, однако бывала вмѣстѣ съ тѣмъ частнымъ обществомъ, сектою — т. е. имѣла интересы и цѣли, клонившіеся исключительно къ ея собственной пользѣ и противныя выгодамъ и цѣлямъ тогдашнихъ Государствъ. Подобно другимъ религіознымъ, политическимъ и проч. Обществамъ и sectамъ Среднихъ вѣковъ, она существовала, гласно имѣла открытою цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ спороння вамѣренія и цѣли, хранившіяся въ шайнѣ въ Конторахъ, бывшихъ важнейшими пунктами ея дѣятельности. Эти шайны, разумѣется, были не что иное, какъ извѣстныя средства удержать въ рукахъ своихъ монополію, уничтожить коммерцію страны, где находится Контора, сдѣлать себя

необходимою для пуземнаго Правительства; но отъ обнародованія ихъ могло ниспровергнуться все зданіе Ганзы: отъ того она такъ много заботилась о томъ, чтобы контористы не сливались съ гражданами, отказалась отъ семейства, общества, и посвящали себя службѣ ея на всю жизнь; отъ того приемъ въ гезели — первое конторское зданіе, имѣвшее важность — сопряженъ былъ, какъ приемъ во всѣ общества и корпораціи Среднихъ вѣковъ, съ искусствомъ, съ испытаніями. Впрочемъ Гольбергъ приводитъ другую причину этихъ испытаний: именно ту, что Контора посредствомъ ихъ *желала* отдалить отъ себя людей богатыхъ и сильныхъ, опасаясь, чтобы они не овладѣли всею торговлею и, имѣя собственныя достаточные средства, не были холодны и нерадивы въ опасномъ преслѣдованіи выгодъ Конторы. Въ этомъ случаѣ она, разумѣется, болѣе могла полагаться на людей бѣдныхъ, существующихъ только ею и для нея: а пошому для отдаленія богатыхъ ввела испытанія, тяжесть коихъ не многіе зажиточные люди рѣшились выдержать.

Каждый морской юнгъ (*Bootsjung*), вступившій въ гезели, долженъ былъ вынести три рода испытаний, называвшихся играми (*Spiele*), потому что они сопровождались грубыми комическими обрядами. Первое испытаніе или первая игра называлась *шера дымомъ* (*Rauchspiel*). Она оправлялась обыкновенно въ 10 часовъ вечера, когда большая часть народу спала. Съ того двора, въ которомъ находились принимаемые, начиналось шестивѣ къ улицѣ шутовъ или въ ину часть города, кото-

рая, соединяя собственно городъ съ Москою или Конторою, была населена Нѣмецкими масперовыми. Въ этомъ шествіи находились обыкновенно конторные весельчаки или шуты, изъ коихъ одинъ наряженъ былъ въ дурацкое платье, другой — крестьяниномъ, третій — крестьянкою; каждый имѣлъ при себѣ пустое ведро или какой-нибудь сосудъ. Когда шествіе достигало Шуспергауза или Ратуши шутеровъ, то эти пустые сосуды наполняемы были шамъ шерстью, волосами, гнилушками и разнаго рода вонючими веществами. Потомъ всѣ, участвовавшіе въ шествіи, возвращались попарно при звукѣ барабановъ на дворъ, съ коего вышли, и дорогою обрызгивали любопытныхъ зрителей грязью и всякаго рода нечистотою. Пришедши на дворъ, вводили принимаемаго въ шиппингъ и, обвязавъ веревкою, поднимали вверхъ къ отверстию предназначенному для выпуска дыму, а внизу подъ эпюмъ отверстиемъ раскладывали принесенные вонючія вещества и зажигали ихъ. Несчастный, вися на воздухѣ надъ эпюмъ смрадомъ, долженъ былъ отвѣтить на предлагаемые ему вопросы и оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не лишался намѣти опь дыму: послѣ его опливали водою.

Всльдъ за этимъ слѣдовалъ вторая якусь или игра водою (*Wasserspiel*). Она производилась однажды въ году, именно въ 10 день послѣ Троицына дни въ Среду. Сначала спрашивали принимаемыхъ, согласны ли они выдержать это испытаніе, и по получении утвердительного отвѣта ихъ угощали роскошнымъ столомъ, къ которому они имѣли право прігла-

щать своихъ пріятелей. Около трехъ или четырехъ часовъ послѣ обѣда принимаемые садились въ боты и вмѣстѣ съ гезелями отъѣзжали отъ берега на довольно большое пространство; попомъ совершенно раздѣвались, и гезели, взявъ ихъ за ноги, погружали въ воду, тогда какъ другіе, находившіеся на другомъ бортѣ, били ихъ розгами, когда они выплывали. Это погруженіе повторяли до трехъ разъ; попомъ возвращались во дворъ, тѣ выдергавшіе испытаніе угощаены были споломъ.

Третья игра называлась игрою бичей (*Staurenspiel*). Эта игра производилась четыре дни спустя послѣ испытанія водою и сначала каждогодно, по-помъ въ два года разъ и наконецъ въ три года разъ. Когда объявляли игру бичей, то всѣ вновь вступившіе или кандидаты въ гезеля, еще не подвергавшіеся этому испытанію, должны были собраться на предназначенномъ для того дворѣ, съ котораго они отправлялись на лодкахъ къ ближайшему вдоль берега лѣсу за березовыми вѣнцами и, возвратившись съ ними назадъ, угощаены были кушаньемъ и напитками. Между пѣмъ въ шиппингѣ опгораживали одинъ изъ угловъ и эту опгородку обвѣшивали полопинами, на коихъ на-малеваны были щиты каждого двора. Это мѣсто называлось *Borge* или *Paradies*. По срединѣ его ставили скамью, на которой должно было происходить испытаніе и связавъ множествомъ пучковъ розогъ сносили ихъ шуда же. Восемь или десять сильнѣйшихъ и здоровѣйшихъ гезелей избираемы были изъ всей конторской молодежи и имъ препоручалось стѣчь новоизбираемыхъ. На слѣдующій

день новопринимаемые, подъ предводительствомъ двухъ молодыхъ хозяевъ, при звукахъ барабановъ отправлялись за городъ въ садъ. Торжественное ихъ шествіе сопровождали шуты: одинъ въ дурацкомъ колпакѣ, другой одѣтый крестьяниномъ съ телячею шкурою на плечахъ и съ бородою изъ коровьяго хвоста. Тотъ и другой привѣтствовали встрѣчавшихся имъ на дорогѣ остройками въ спихахъ и попичивали виномъ, которое несли съ собою: за ч то получали отъ нихъ подарки; препій шутъ, переодѣтый крестьяниномъ, несъ въ одной рукѣ пѣсть, а въ другой ведро съ водою, которое обливалъ всѣхъ ему встрѣчавшихся. Въ шакомъ же порядкѣ — шолько съ березовыми вѣтвями въ рукахъ—возвращалось шествіе назадъ въ Контору и угощаемо было виномъ предъ Ганзейскимъ погребомъ: послѣ чего оно отправлялось на штоль дворъ, гдѣ собственно должны были происходить игры. Когда всѣ входили въ шиппингъ, то одинъ изъ старшинъ двора говорилъ краткую рѣчу къ новопринимаемымъ, въ коей поощрялъ ихъ къ труду; отклонялъ отъ пьянства и оканчивалъ воззваніемъ, ч то если они не желаютъ подвергнуться предстоящему испытанію или не надѣются выдержать его, по сказали бы о томъ заранѣе, пока есть еще время.

Такъ какъ эти грубыя и жестокія испытания сопровождались пиршествами и гаерствомъ, то на нихъ спекалась многочисленная толпа зрителей и почтеннѣйшие приглашались къ тому нарочно. Гости угощаемы были пиромъ, за компромѣтъ служили имъ новопринимаемые, а дуракъ и

крестьянины забавляли всѣхъ своими фарсами. По окончаніи пира являлись два конпорисса, одинъ, переодѣтый знаменнымъ господиномъ, а другой его слугою. Они входили въ жаркой между собою споръ, который оканчивался тѣмъ, что господинъ и слуга слагали вину своей размолвки на шута; тощасъ же присутствовавшіе, какъ бы силою, брали сего послѣдняго и отводили его въ такъ называемое скрытое мѣсто *Borge oder Paradies*, и если этотъ шутъ былъ также новопринимаемый, еще не выдержавшій своей пробы, то онъ первый долженъ былъ выдержать строгое испытаніе розгами; если же онъ былъ уже газель, то дѣло кончалось этою грубою комедіею. По удаленіи шута, поспоронніе поспѣшили, не принадлежавшіе къ Конпорѣ, должны были удалиться; а новопринимаемые между тѣмъ угощаемы были сыпаннымъ споломъ, на копоромъ ихъ спарались какъ можно болѣе напоить, чтобъ они не могли узнать, кто будетъ ихъ сѣчь; потомъ ихъ схватывали и вносили по однажды за упомянутую загородку (*Paradies*) и сѣкли шамъ до тѣхъ поръ, пока спаршины ударомъ въ пазъ не давали знака къ прекращенію этого тяжкаго испытанія. Обыкновенно шутъ первый выдерживалъ или приворался, что выдержалъ испытаніе, и выбѣгая изъ-за загородки, жаловался на преперѣнное имъ насилие; какъ бы въ отмщеніе за то онъ хваталъ спаршаго изъ новопринимаемыхъ, вносилъ его въ загородку, съ особеною прибаункою. Тутъ онъ клалъ бѣднаго на скамью, и начиналось испытаніе, въ копоромъ рѣдко оказывали пощаду юно-

сти: случалось, что въ этой и предыдущихъ играхъ несчастные потибали подъ тяжестью испытаній. Во все времена, пока сѣкли за загородкою новопринимаемыхъ, вокругъ шипинга раздавались крики голосовъ и звуки барабановъ, чтобы заглушить вопль несчастныхъ, спрадавшихъ подъ ударами. Вся эта кровавая комедія оканчивалась тогда, когда шупъ выносилъ на плечахъ изъ-за загородки младшаго изъ новопринимаемыхъ, который былъ пытаемъ посѣдній, и привѣспивавъ собраніе изъявленіемъ желанія, чтобы шакія игры продолжались постоянно для преуспѣянія и процвѣтанія торговли. Издержки этого праздника несли новопринимаемые, исключая кушанья, которые служили ихъ хозяева.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ игръ, существовали другія, оправдывавшіяся частію въ самой Конторѣ, частію въ кварталѣ шутеровъ. Эти игры были не менѣе безчеловѣчны, но еще болѣе отвратительны и даже развратны. Всѣ онѣ отмѣнены и спрѣгайше запрещены Королевскимъ повелѣніемъ въ 1671 году, когда Ганза уже почти не существовала и ограничивалась небольшимъ числомъ городовъ, союзъ коихъ не имѣлъ никакой политической важности. Но когда Ганза процвѣтала, эти игры наблюдались спрого. Въ нихъ всего яснѣ можно видѣть, что это было за общество, въ которомъ тысячи молодыхъ людей, въ спѣнахъ Конторы съ затворническимъ успавомъ, вели жизнь самую низкую, чувственную; но, опредѣленные отъ прочихъ людей, они находились въ прѣсномъ между собою союзѣ, питая духъ брат-

снва, предпримчивости, одваги — качества необходимыя при тогдашнемъ состояніи торговли.

Походиши ашу картина Ганзейской конторной жизни словами руководствующаго часъ Автора, Гольберга, который, какъ очевидецъ, описываетъ развалины Ганзейскаго обычая и постановлений въ Бергенѣ въ концѣ XVII вѣка до 1702 года.

Въ послѣдней половинѣ XVII сполѣши Совѣтъ Осмнадцати состоялъ уже и только изъ осми Членовъ, двухъ Альпермановъ и Секретаря. Осенью, когда все корабли Ганзейскіе горловы были къ оиницѣ изъ Бергена, Совѣтъ созывалъ всѣхъ сидаринъ дворовъ и всѣхъ хозяевъ въ купеческую залу. Молодые хозяева, недавно вступивши въ должность и еще не успѣвшіе сдѣлать обычной присяги Конторѣ, обыкновенно присягали въ этомъ торжественномъ собраніи и Секретарь читалъ имъ права ихъ и обязанности: при чемъ имъ давалось постановление, какъ весчи себя, и сопѣтывалось между прочими воздерживаться отъ рѣчей оскорбительныхъ для Короля и властей его или обидныхъ для женщинъ, наблюдать за своими подчиненными, чтобы они жили въ мирѣ ищиши съ гражданами и между собою. Послѣ этого наставлений следовали избрания въ конторы должности на предстоящій годъ. Если Альперманы были уже избраны прежде въ Любекѣ, то въ этомъ собраніи они вступали въ должность; если же нѣть, то избирались; въ случаѣ смерти или отбытия одного изъ Членовъ Совѣта, на мѣсто его избирался другой, и законецъ засѣданіе оканчивалось объявлениемъ, что каждый въ течение трехъ дней долженъ

внесши положенное количество пошлины съ объявленного имъ самимъ по совѣстїи числа ввезенныхъ въ Контору и вывезенныхъ изъ нее товаровъ.

Около дня Святаго Мартина собираемы были старшины со всѣхъ дворовъ и имъ дѣлалось увѣщаніе, чтобы они внимательно смотрѣли за шопкою и освѣщеніемъ въ подвѣдомыхъ имъ зданіяхъ, дабы отъ небрежности не приключилось пожара. Попомъ отъ обоихъ приходовъ избиралось по два смотрителя, которые должны были ходить по всѣмъ покоямъ, смотрѣть за свѣтильниками и фонарями, и наблюдать, чтобы въ каждомъ определеніи двора находились ведра и бочки съ водою. Подобнымъ же дозоромъ ходили по дворамъ два младшіе Члена Совѣта, поощряя вмѣстѣ съ пѣмъ хозяевъ прилежно посыпать подчиненныхъ своихъ въ церкви.

Когда всѣ контористы переселялись въ шиттинги, то каждый хозяинъ имѣлъ памъ свой особый столъ; свѣтъ же и огонь у всѣхъ былъ общий. Подъ страхомъ тяжкаго штрафа запрещалось обращаться другъ къ другу съ грубымъ словомъ или даже съ грубымъ взглядомъ, а пѣмъ болѣе дѣлать товарищу какое-либо беспокойство. Обыкновенно это переселеніе происходило или въ вечеръ Св. Мартина или восемь дней послѣ. Передъ переселеніемъ юнги должны были мыть и чистить комнашы, лавки, сполы, посуду. Въ первый день по переходѣ обыкновенно читали предъ всѣми жителеми шиттинга правила, которые обязанъ быть каждый наблюдать во время своего въ немъ жительства (*Schutlingsrecht*); за пѣмъ избирали двухъ

смотриштейл доме (Baumeister), которые должны были снабжать общину всемъ для нея нужнымъ; попомъ избирали писца или иоппаріуса, обязанность коего состояла въ записываніи всѣхъ проспупковъ и неисправностей жилей шиппинга; при иоппаріусѣ находился помощникъ; сверхъ того назначали кравчаго (Biermeister, надсмогрѣща надъ пивомъ), который долженъ быть смотрѣть, чтобы не было въ пивѣ недостатка; оспанокъ опѣтъ вѣренныхъ ему на то денегъ употреблялся на умноженіе запаса дровъ. Кромѣ этихъ чиновниковъ шиппинга избирался еще хозяевами сборщикъ штрафовъ (Zuchtleister), обязанность коего—какъ самое название показываетъ — состояла въ собирааніи штрафовъ за нарушение дисциплины шиппинга; а такъ какъ юнги не наказывались деньгами, то цуклемейстеръ или, какъ его обыкновенно называли — Мейстергань — за сдѣланныя ими проспупки надѣлль ихъ розочными ударами. Каждый вечеръ всѣ жилели шиппинга совершили общую молитву, и кто къ ней не являлся или опаздывалъ, того наказывали, Старшинъ—деньгами, юнговъ—розгами. Эти штрафы обыкновенно вносились въ книгу, и сборъ ихъ, равно какъ и общая расправа съ проспупившимися юнгами, производились торжественно два раза въ зиму. Эта церемонія называлась суднымъ днемъ (Gerichtstag).

Прибавимъ къ тому еще отдельная замѣчанія объ эпохѣ упадка Конторы. По уничтоженіи игръ, переходъ изъ юнговъ въ гезели ознаменовывался пиромъ, конторы новопринимаемые должны были угощать старыхъ гезедей. Послѣ пожара въ 1702

году Контора Бергенская, принадлежавшая уже
шелько тремъ союзнымъ городамъ Бремену, Гам-
бургу и Любеку, почти совершенно потеряла
прежній свой видъ и устройство: конторщики
были женщины, имѣли свои дома въ городѣ, а гра-
дане селились въ Конторѣ и жили съ цею въ доб-
ромъ согласіи. Мало по малу Совѣтъ 18-ти умень-
шился до двухъ Членовъ и совершенно потерялъ
свою значительность. Контора, не будучи уничто-
жена какимъ-либо актомъ или постановленіемъ, уни-
чтожилась сама собою, въ слѣдствіе истощенія силъ,
составлявшихъ ея живительное начало, и на мѣсто
Ганзейской монополіи поспѣшила торговая свобода,
соперничествомъ торговавшихъ здѣсь націй ожи-
вившая капиталы и промышленность штуземцевъ.
Отъ Ганзы остались одни только воспоминанія.

Мы не знаемъ, каково было внутреннее устрой-
ство прочихъ Ганзейскихъ фахторій въ Новѣгородѣ,
Лондонѣ, Бриссель. Естественно, что все эти
Конторы, устроенные съ одинаковою цѣлью, были
сходны въ главныхъ основаніяхъ, но местные по-
потребности и отношенія вводили многія измѣненія
въ это устройство. Вотъ, что Сарторій могъ
извлечь изъ документовъ о Конторѣ Новогородской:
жившіе въ Новѣгородѣ и прѣжившіе въ него на
время Ганзейскіе купцы подчинены были спрой, —
монастырской дисциплинѣ и порядку. Контора
управлялась алтареми и прасяжными Рашма-
нами — соопѣтствовавшими Бергенскимъ 18-ти.
Этимъ чиновникамъ предоспарены были и тѣ же
права и ванитія, какъ и въ Бергенѣ; шелько апел-
ляція на ихъ рѣшеніе шла въ какой-нибудь Ли-

фляндскій городъ или въ Любекъ, если дѣло пре-
вышало цѣну 10 Новогородскихъ марокъ, въ важ-
нѣйшихъ же случаяхъ дѣла могли бытъ переносимы
на разсмотрѣніе Общаго Ганзейскаго Сейма. Нѣ-
мецкій дворъ или Контора Новогородская имѣла
свою церковь, патрономъ которой и всей Конторы
почитался Св. Пепръ, а потому въ гербѣ Конторы
находился *ключъ*, какъ атрибутъ сего Свяшаго.
Пріѣзжавши въ Контору и живши въ ней купцы
~~и купцы~~ и общиа жилища, ~~и~~ все было окружено крѣпкою стѣною съ крѣпкими
воротами, которыя тщательно запирались на
ночь; кроме этой предосторожности ставили еще
стражу у церкви и спускали съ цѣпи большихъ
собакъ. Источникъ доходовъ на содержаніе Конторы
и вообще финансое ея устройство было то же,
какъ и въ Бергенѣ: словомъ общія черты являются
совершенно сходными, а такъ какъ подробностей
устройства Ганзейской Новогородской Конторы
Исторія намъ не сохранила: то вышеизложенное
устройство Конторы Бергенской можетъ отчасти
замѣнить этотъ недоспѣлокъ и показать, что
такое былъ Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ; разумѣется, не льзя упускать изъ виду, что многое въ
устройствѣ Конторы Бергенской принадлежало ей
только исключительно и что вмѣсто того другія
Конторы имѣли своего рода особенности, зависящія
отъ мѣстнаго ихъ положенія и отъ отно-
шеній къ жителямъ, среди коихъ они находились.

Н. Невѣровъ.

Берлинъ.

III.

ИЗВѢСТИЯ

о

УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ ВЪ РОССИИ.

1.

О СОСТОЯНИИ ДУХОВНОУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ въ 1836 году.

(Извлечено изъ Всеподданнѣйшаго Отчета
Облѣкъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода).

Въ 1836 году по Всеподданнѣйшему представлению
Комиссіи Духовныхъ Училищъ Высочайше удостоеніе
ны упвержденія въ 23 день Мая проекты новыхъ
Шпашовъ, коими жалование Насипавникамъ увеличено
на половину и усилены способы содержанія училищныхъ
домовъ и больницъ. — Прибавка къ прежнимъ Шпашамъ,
составляющая вообще 468,225 руб. въ годъ, назначена

изъ суммъ Комиссіи. Возвышеніе штатныхъ суммъ по оспальнымъ окладамъ отложено до слѣдующаго времени и для того собирающія ошъ Училищъ подробнія мѣсчныя свѣдѣнія, кошорыя должны служить данными къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и дѣйствіямъ.

Духовноучебные Заведенія Православнаго Исповѣданія раздѣлены на четыре Учебные Округа: С. Петербургскій, Киевскій, Московскій и Казанскій, изъ кошорыхъ послѣдній, за неоткрытиемъ въ Казани Духовной Академіи, состоишъ въ завѣданіи Московскаго.

С. Петербургскій Учебный Округъ, просшираясь ошъ Архангельска до Могилева, заключалъ въ себѣ въ 1856 году: 1 Академію, 8 Семинарій, 35 Уѣздныхъ Училищъ и 40 Приходскихъ. Изъ нихъ въ Академіи Преподавателей было 15, Воспитанниковъ 122; а въ прочихъ Заведеніяхъ 286 Наставниковъ и 9,808 учениковъ: всего въ Округъ 301 учащія и 9,930 учащихся.

Издаваемый при здѣшней Академіи журналъ *Христіанскоe Членіe*, началь 17 годъ своего существованія, постоянно предлагая читателямъ своимъ душеполезныя бесѣды древнихъ Св. Отцевъ и нынѣшнихъ нашихъ Архипастышрей и Процоовѣдниковъ.

Библиотека здѣшней Академіи получила ошъ щедрошъ Монаршихъ чрезъ Вице-Канцлера собраніе Византійскихъ Писателей въ 25 томахъ, а въ Семинарію поступили сданныя по Высочайшему повелѣнію въ Комиссію Духовныхъ Училищъ книги духовнаго содержанія, вышребованныя изъ конфискованныхъ имѣній.

Въ *Кievскомъ Округѣ*, объемлющемъ собою Епархии между Минскомъ, Кишиневомъ и Тифлисомъ, находилось, кроме древнѣйшей въ Отечествѣ нашемъ Духовной Академіи, 15 Семинарій, 42 Уѣздныя Училища и 59 Приходскихъ: въ первой 16 Наставниковъ и 100 Воспитанниковъ, въ оспальныхъ 405 Учителя и 17,560

учениковъ; всего въ Округѣ 419 учащихъ и 17,660 учащихся.

Открыто Приходское Училище въ городе Владикавказѣ, въ видѣ озыши для обучения дѣтей Горскихъ народовъ, и изъ доспавленныхъ свѣдѣній ошъ Энкарта Грузіи видно, что въ оное поступило уже 26 человѣкъ, которые все снабжены учебными книгами, а 6 пришли на полное казенное содержаніе.

Сверхъ того предположено открыть Уѣздное Училище въ Варшавѣ съ предугошительнымъ классомъ, а въ городахъ Ромнѣ и Лубнахъ Уѣздныя Училища съ Приходскими.

Въ Приходскомъ Воронежскомъ Училищѣ, при увеличеніи числа учениковъ, оказалось необходимымъ раздѣлить 2-й классъ на двѣ половины, съ назначеніемъ для сего особаго Наспавшина.

Напротивъ того, по малочисленности учащихся, закрыты Уѣздное Училище съ Приходскимъ въ Ростовѣ (Екатеринославской Епархіи) и Приходское въ Землянскѣ; ученики изъ нихъ переведены въ другія ближайшія Училища.

Библіотека Волынской Семинаріи умножена значительнымъ числомъ книгъ, принадлежавшихъ упраздненнымъ Базиліянскимъ монастырямъ.

Въ пользу Кіевской Академіи пожертвовано ревнителемъ Оіпечесвенной Испорїи, покойнымъ Мишрополитомъ Евгеніемъ, 4,000 р. съ пѣмъ, чтобы Академія изъ ежегодныхъ процентовъ съ сей суммы выдавала награжденіе тому, кто лучше опредѣлишь или объяснишь какую-либо древность.

Въ Семинаріи Кишиневскую и Воронежскую и въ другія Духовныя Училища поступили также ошъ разныхъ лицъ приношенія книгами и вещами: важнѣйшее для Училищъ Новочеркасскаго на сумму 845 руб. 50 к.

опъ бывшаго Смошнеля онъихъ Типулярнаго Совѣтника Мерхалева.

Семинарія Кишиневская, Волынская и Воронежская были, по распоряженію Комиссіи Духовныхъ Училищъ, обозрѣваемы Членами Академической Конференціи.

Округъ Московскій, состоящий изъ подмосковныхъ Губерній, имѣшъ 1 Академію, 9 Семинарій, 41 Уѣздное и спомъко же Приходскихъ Училищъ: въ немъ Академическихъ Преподавашелей 15, Воспитанниковъ 114; прочихъ за шѣмъ Наставниковъ 401, учениковъ 18,446: всего въ Округѣ 416 учащихъ чи 18,560 учащихся.

Къ Казанскому Округу, на проспансшъ опъ Тамбова до отдаленныхъ предѣловъ Сибири, принадлежанъ 11 Семинарій, 37 Училищъ Уѣздныхъ и 43 Приходскія: въ нихъ вообще Учителей 353, учениковъ 13,401.

По случаю окончанія курса въ Московской Академіи, выпущено 45 Воспитанника: изъ нихъ 20 Магистрами, 22 Кандидатами и 1 Студентомъ, а для пополненія открывшихся чрезъ то въ Академіи вакантныхъ мѣстъ выпребованы изъ разныхъ Семинарій 65 ученика, отличившіе по Наукамъ и поведенію; изъ Семинарій по двумъ Округамъ вышло 1,479 человѣкъ, въ шемъ числѣ съ званіемъ Студента 452.

Открыто Уѣздное Училище въ Екатеринбургѣ и при немъ, обще съ находящимся тамъ Приходскимъ, бурса на 50 человѣкъ, изъ коихъ половина на полномъ содержаніи.

Закрыто Приходское въ Сольвычегодскѣ по малочисленности учениковъ.

По значительному количеству учениковъ въ Семинаріяхъ Московской, Виеннской, Рязанской, Калужской, Владимирской, Тульской, Костромской и Тамбовской, десѧть классовъ ихъ раздѣлены, каждый на два от-

дѣленія, и потому для каждого класса назначены особые сверхштатные Насшавники.

По той же причинѣ въ 4-хъ Уѣздныхъ Училищахъ, Вологодскомъ, Пензенскомъ, Костромскомъ и Галичскомъ, четыре класса раздѣлены, каждый на двѣ половины, съ опредѣленіемъ также особыхъ Насшавниковъ.

Въ пособіе Воспитанникамъ, обучающимся Ташарскому языку, опечатанъ Словарь Ташарскій, составленный въ Казани Священникомъ Троянскимъ.

Сочинены Грамматики языковъ Чувашского и Черемисского, и первая уже опечатана, а о второй сдѣлано распоряженіе.

Професоръ Тамбовской Семинаріи Оришовъ представилъ еще Грамматику Мордовскую: ее поручено разсмотрѣть лицамъ, основательно знающимъ сей языкъ.

Въ прошедшемъ году признано нужнымъ обозрѣть Московскую Академію и Семинаріи Виѳансскую, Пензенскую, Тамбовскую, Вятскую и Пермскую.

Академія была обозрѣваема Преосвященнымъ Филарешомъ Митрополитомъ Московскімъ, а Семинаріи Членами Академической Конференціи.

По всѣмъ Учебнымъ Округамъ состояло въ 1836 году 3 Академіи, 41 Семинарія, 155 Уѣздныхъ Училищъ и 183 Приходскія, а всего 382 Учебныхъ Заведенія.

Общее число Преподавателей было: въ Академіяхъ 46, въ Семинаріяхъ и Училищахъ 1,443: и штого 1,489.

Общее число учащихся: въ Академіяхъ 336, въ Семинаріяхъ 14,398, въ Уѣздныхъ Училищахъ 25,195, въ Приходскихъ 19,624: во всѣхъ вмѣстѣ 59,551.

Духовноучебное Вѣдомство снабжаешь и прочія Вѣдомства молодыми людьми, доспешочно пригото-

ленными для дальнѣйшаго усовершенія въ Наукахъ. Такимъ образомъ по требованіямъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ уволено 53 Воспитанника изъ Семинарій: въ томъ числѣ 36 въ Императорскій Московскій Университетъ и со- сноящій при немъ Медицинскій Инспицшушъ, 16 въ С. Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и 1 въ Главный Педагогическій Инспицшушъ.

Грекоуниатскія Училища.

По Вѣдомству Грекоуниатскому въ прошломъ году состояло 2 Семинаріи (Бѣлорусская и Литовская), Уѣздныхъ Училищъ 10, Приходскихъ столько же: всего 22 Заведенія.

Въ нихъ Насшавниковъ 67, а учащихся 1339: въ- шомъ числѣ 310 въ Семинаріяхъ, 518 въ Уѣздныхъ Училищахъ и 511 въ Приходскихъ.

Примѣтание. Такимъ образомъ по вѣдомству Ком- миссіи Духовныхъ Училищъ общее число всѣхъ Ду- ховноучебныхъ Заведеній, вмѣстѣ съ Грекоуниатскими, въ 1836 году состояло 404, общее число Насшавни- ковъ 1556, учащихся 60,890.

2.

О Т Ч Е Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

за 1856—1857 Академический годъ (*).

Милостивые Государи!

Представиши вашему вниманию краткий обзоръ всего совершившагося въ Императорской Академіи Художествъ въ исшекшемъ академическомъ году — есть моя обязанность.

Исполняя ее каждогодно, я всякий разъ вспрѣчаю обиліе предметовъ новыхъ, занимательныхъ для любителей просвѣщенія и наблюдателей уснѣховъ его въ Отечествѣ, — обиліе, избавляющее меня отъ необходимости украшать слово, а пѣнье болѣе самца событія изображать красками яркими, блестящими.

И дѣйствительно! Къ чemu послужило бы витийство шамъ, гдѣ одно исчисленіе милостей Монаршихъ, дѣйствій Академіи, успѣховъ юныхъ талантловъ, произведеній ея Членовъ и особенно примѣчательныыхъ явленій въ нашемъ художественномъ мірѣ слишкомъ достаточны и для возбужденія и для удовлетворенія просвѣщенаго любопытства вашего?

(*) Читаніемъ въ общемъ собраниі Академіи Конференц-Секретаря В. И. Григоровича, 26 Сентября 1857 года.

Я начиная эпо исчислениe.

Въ испекшемъ академическомъ году, Всемилостивѣше пожалованы Академіи: а) въ пополненіе коллекціи Русскихъ медалей, находящейся въ Академіи, 337 бронзовыхъ медалей, вновь отбитыхъ на здѣшнемъ Монетномъ Дворѣ.

б) Экземпляръ панорамического вида С. Петербурга на трехъ листахъ, снятаго съ натуры Академикомъ Григоріемъ Чернецовымъ съ Александровской колонны, и литографированнаго въ Парижѣ.

с) Бронзовая медаль съ портретомъ почивающаго въ Бозѣ Императора Александра I-го, въ память царствованія Благословеннаго.

д) Два экземпляра первыхъ четырехъ тетрадей издания Г. Монферрана: *Plans et détails du monument consacré à la mémoire de l'Empereur Alexandre I.*

е) *Voyage autour du monde fait sous le commandement de Frédéric Lütke*, тетради 5, 6, 7, и 8, и при тома текста, и проч.

ф) Доставлена изъ Рима въ Академію копія съ знаменитаго творенія Рафаэля Санціо: *Прекрасные служители о Св. Троице*, Притчи, списанная, по порученію нашей Миссіи, на счетъ Правительства, Русскимъ художникомъ Вигантомъ.

г) Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше утвердить избраннаго Академію въ Ректоры по части Скульптуры, Профессора В. И. Демута-Малиновскаго; изъявилъ согласіе на отправленіе въ чужie краи для усовершенствованія: Живописцевъ Завьялова и Шашнина, Скульпторовъ Пименова и Логановскаго и Архитекторовъ Кудинова и Томаринскаго, и сперхъ того даровалъ способы къ путешесшвию съ тою же цѣллю за границею извѣстному Архиепищу Г. Академику Штакеншнейдеру; повелѣлъ войти въ сощеніе съ знаменитымъ Минкенскимъ Живопис-

цемъ Гессе, на счѣть принятія въ свое руководство Художника Тыронова, обратившаго на себя вниманіе прекрасными произведеніями своими, бывшими на прошлогодней Академической Выставкѣ; и наконецъ Все-милостивѣйше назначилъ Профессора Архитекчуры Беретти Главнымъ Архитекторомъ при Строительномъ Комишешѣ для возведенія, по собственному его проекту, зданій Университета Св. Владимира, въ Киевѣ.

Я упомянуль о тѣхъ только Монаршихъ милостяхъ, которыя официально объявлены были Академіи; но кроме сихъ, многія были излишы собственно на Художниковъ, трудившихся по непосредственнымъ повелѣніямъ Государя Императора. Академія, съ своей стороны, сдѣлала въ испекшемъ году, важныя издержки къ ободрению Художествъ и Художниковъ на счѣть суммъ, въ распоряженіе ея для сей цѣли Высочайше назначенныхъ,— издержки, просирающіяся до 37,056 рублей: а именно, выдала Г. Рейшору Шебуеву, за матеріалы, употребленные имъ для написанія плафона въ большомъ кругломъ залѣ, 8,000 руб.; Профессору Гальбергу, за произведеніе малой и колосальной моделей статуи Императрицы Екатерины II, 6,000; Художнику Тверскому, за произведеніе, по заказу Академіи, копіи съ знаменитой картины Гвидо Рени *Аврора*, къ прежде отпущенными шремъ тысячамъ, еще 8,000 руб.; Академику Маркову, за пріобрѣтенную у него картину: *Фортуну и Ниццій*, 5,000 руб.; Художнику Будкину, за копію съ портрета Государя Императора, писавшаго Крюгеромъ, 1,500 руб.; бывшему Советнику Академіи Васильеву, за картину его: *Видъ Красноярска*, 700 руб.; Художнику Іордану, начавшему гравированіе знаменитой картины Рафаэля, *Преображеніе*, въ пособіе, 1500 руб.— Остальная сумма выдана разнымъ Художникамъ, занимающимся произведеніями для вновь

отдаливающейся Академической церкви, въ счетъ охъ работъ, и также въ пособіе и награду молодымъ Художникамъ, за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ эстамповъ и художественныхъ изданій, и наконецъ за доставленіе изъ-за границы картины Г. Профессора Бруна.

Сверхъ этого, Академія пріобрѣла прекрасную копію, штудовъ Художника Пиратского, съ картины Крюгера, представляющей портретъ Государя Императора верхомъ, въ сопровождениі Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Павловича, Фельдмаршала Князя И. Ф. Варшавскаго и Генераловъ Князя П. М. Волконскаго, Графа А. Х. Бенкendorфа и Графа А. И. Чернышева. Долгъ справедливости побуждаешь меня упомянуть при семъ о примѣрномъ безкорыстіи Гг. Художниковъ, посвящающихъ труды свои въ пользу Заведенія, въ коемъ воспитаны и коему служатъ и дарованіями и искусствомъ своимъ въ теченіе всей жизни своей. Да проспятъ они мыть, если симъ оскорбившися скромносѣть ихъ. Истину скрывать не должно, и я бы почелъ себя виновнымъ, если бы умолчалъ о ней. Г. Шебуевъ написалъ плафонъ въ большомъ кругломъ залѣ Академіи—произведеніе, едва ли не обширнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи; употребилъ на него два года времени и труда тяжкаго (надобно вообразить себѣ все неудобство расписывать плафонъ такой обширности, и притомъ не имѣя другаго свѣща, кроме проходившаго снизу сквозь лѣса и подмостки), и впимъ-то трудомъ онъ пожертвовалъ Академіи. Сверхъ этого, онъ вызвался написать для Академической церкви, безъ всякой платы, три образа значительной величины и пришомъ многодѣльные. Профессоръ Егоровъ пишетъ два также значительной мѣры мѣстные образа, для той же церкви, безплатно, а Г. Профессоръ Вернеръ шесть образовъ въ Царскіе врата, разно безъ платы; всѣ прочіе Художники объявили са-

мых умъртвленных цѣлы за труды свои для Академического храма. Г. Профессоръ К. Тонъ занимается отстройкою церкви, какъ занимался отделькою залъ въ Академіи, безъ особаго оклада.

Церковь Академическая будеть окончена и освящена въ нынѣшнемъ году. Она, безъ сомнѣнія, принадлежашъ будеть, по доспоминству художественныхъ произведеній, къ замѣчательнѣйшимъ церквамъ въ Россіи.

Кромѣ сей постройки, о которой буду имѣть случай упомянуть подробнѣе въ будущемъ Отчечѣ, устроены въ большомъ садовомъ строеніи три обширныя мастерскія для Гг. Профессоровъ К. П. Брюлова, Бруни и Басина, и другія, меньшаго размѣра, для другихъ Художниковъ. Сумма, на этоѣ предметѣ употребленная, простирается до 23,000 рублей.

Въ прошломъ году число Казенныхъ Воспитанниковъ или Штатныхъ Академистовъ (послѣ бывшаго выпуска) было 34; Сверхштатныхъ или Своекоштныхъ Академистовъ 98; постороннихъ Академистовъ и учениковъ, посвѣщавшихъ рисовальныя классы Академіи, 142, и того всѣхъ учащихся 274, месѣс прошлаго года 8 человѣками. Признано Свободными, неклассными Художниками 26 ч., удостоено къ получению званія Рисовальныхъ Учителей въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ 25 человѣкъ. Изъ числа получившихъ за произведенія программы золотыя медали, положено оставить въ Академіи, для усовершенствованія, восемь Художниковъ, а именно: по Живописи Молдавскаго, по Скульптурѣ Иванова и Мануйлова, по Архитектурѣ Щурупова, по Гравированію на мѣди Калустина, Андрузскаго и Пиццалкина, и по Медальерному Искусству Лютина. Къ сожалѣнію, Капустинъ, по обстоятельствамъ своимъ, не могъ воспользоваться сею милостію Академіи. Гг. Профессоры Художествъ и Наукъ исполнили священную обязанность Преподавателей съ почноспію и усердіемъ.

Начальство Академіи обращало неусыпное вниманіе на благосостояніе Академіи, порядок вышреній и средства къ лучшему образованію Художниковъ.

Къ числу мѣръ, принятыхъ имъ съ сего полезною цѣлью, должно означеніе учрежденіе особаго класса практическаго обученія перспективѣ, преимущественно для приходящихъ учениковъ.

Перспектива преподавалась доселъ только Шашнимъ и Сверхштатнымъ Академицамъ; по сторонамъ учащихъ учились одному Рисованію, и какъ замѣчено, часто не имѣли даже поверхностнаго понятія о перспективѣ; должны были, или обучаться ей часами, или рисовать съ погрѣшностями и недосшапками, иногда даже непроописанными. Совѣтъ Академіи, принявъ во вниманіе этотъ обстоятельства, положилъ учредить означенный классъ, снабдилъ его нужными пособіями, опредѣлилъ способъ обученія и избралъ Преподавателемъ Г. Профессора Воробьевъ, извѣшнаго и познаніями своими по сей части, и гошвношю служиши пользу общей.

Художники Завьяловъ, Шамшинъ, Пименовъ, Логиновскій, Куликовъ и Томаринскій, отправлены нынѣшнимъ лѣтомъ въ чужie краи.

Находящіеся за границею трудились съ любовью и особынмъ успѣхомъ. Совѣтъ Академіи за труды по части Архитектуры, сосложившія въ проекшахъ возобновленія древнихъ зданій и вѣкошорыхъ собственнаго сочиненія, положилъ объявить Художникамъ Дурнову, Никишину (Александру), Рихтеру, Ефимову и Кузьмину удовольствіе Академіи.

Миссія наша лъ Римѣ поручила произвести копіи съ фресковъ Рафаэля: *Пожар въ Борго*, Академику Маркову, *Юриструденція*, Академику Иванову. Художники Живаго и Серебряковъ, путешесшвующіе на свой счетъ, и Павсіонеръ Меніцшершва Народнаго Просвѣщенія

Каневскій, предприняли скопировашь: первый, въ Болоніи, знаменитую каршину Гвидо Рени *La Pieta*, второй, въ Римѣ, *Смерть Св. Петрониyllы*, каршину Гверчино, и последній, фрескъ Рафаэля, изображающій *Аттилу*, османавливаемаго Папою Львонъ Великимъ.

Бывшій Пансіонеръ, Мозаическаго дѣла мастеръ Веклеръ, не задолго предъ симъ позвратился въ С. Петербургъ, и привезъ съ собою превосходную копію въ мозаїкѣ, *Преображеніе*, съ Рафаэлевой каршины. Произведеніе это доставило Художнику отличныя похвалы всѣхъ знашоковъ и любителей Рама, и даже особенное благоволеніе Папы. Йорданъ прислалъ описьскъ верхней части своего гравюра съ той же каршиной, изготовленный на крѣпкой водкѣ.

Совѣтъ Академическій, сравнивъ всѣ лучшіе копіи съ каршиной Преображенія существующіе, и въ шомъ числѣ Рафаэля Моргена, нашель, что трудъ Г. Йордана превосходашъ ихъ точносію рисунка и выраженіемъ, и что оконченный трудъ, безъ сомнія, принадлежать будеть къ лучшимъ памятникамъ гравировального искусства. Такимъ образомъ, слава передашь въ гравюре важнѣйшее изъ твореній безсмертнаго Рафаэля достойнымъ образомъ, будеть слава Русскаго.

Давно ли Италія гремѣла хвалами первой каршины нынѣшняго вѣка, давно ли неоконченное еще другое важное созданіе по части Живописи произвело общий восшоргъ въ Римѣ и доставило славу Художнику? Это каршины Русской кисти!

Теперь Веклеръ плѣнилъ Римъ мозаичною копією, и Русскій же граверъ входиша въ сословіаніе съ знаменитѣшими граверами въ свѣтѣ, и даешь надежду побѣдить ихъ.

.Побѣда принадлежность Русскихъ; и на повріщъ Художествъ Русскимъ можно быть побѣдителями. Но побѣды не бывають безъ лишеній: еще недавно юноша,

пламенѣйшій ко славѣ Отечества, любившій Искусство со страстью, въ шесть, семь лѣтъ сдѣлавшійся Художникомъ, получившій первенство на послѣдней выставкѣ въ Римѣ, писалъ ко мнѣ изъ Капри, отъ 4 Іюля: «Ахъ, если бы погода благопріяствовала и холера скорѣ кончилась, я бы и по ночамъ работалъ; хотѣлось бы все захватить — ревность есть;» и эпітѳ юноша, нѣсколько дней спустя, скончался отъ холеры. Кто зналъ Лебедева, понималъ необыкнвенный талантъ его и наблюдалъ, какими исполинскими шагами онъ шелъ къ совершенству, сколько тщѣ поймешь, кого лишились въ немъ Академія и Художество.

Къ несчастію, еще чувствительнѣйшему, не одинъ Лебедевъ оставилъ насъ. Профессоръ Кипренскій, какъ вами известно, также умеръ. Лишеніе эго важно и прискорбно для Академіи; но заслуги Кипренского были оценены всѣми; лучшее время жизни своей провелъ онъ въ трудахъ, и ему не много лѣтъ оставалось до старости; онъ справедливо пріобрѣлъ славу, и умеръ, не переживъ своей славы. А Лебедевъ!.... Едва расцвѣлъ его великий талантъ, и талантъ эпітѳ, и все прекрасное и изящное, что бы онъ могъ произвести въ послѣдствіи, все, все взято магилою.

Одно только что можетъ служить къ облегченію скорби нашей, что Лебедевъ, въ краткое существование свое, какъ Художникъ, показалъ поучительнѣйшій примѣръ любви къ Искусству и изученію Природы, и новое поколѣніе пейзажистовъ воспользуется, безъ сомнѣнія, симъ примѣромъ. Вы согласитесь, Мм. Гг.! что изъ нынѣ выставленныхъ работъ нѣкоторыя оправдываютъвшу надежду.

Да и возможно ли, чтобы Художники, пріобрѣшіе уже знаменитость, и тѣ, которые жаждутъ ея, оставались равнодушными?

Государь Императоръ покровительствуетъ и щедро награждаетъ Художниковъ; Академія дѣлаетъ все для развитія и ободрепія шалантовъ; Общество Попошренія Художниковъ всѣми средствами стремится къ достижению благотворной цѣли своей; частные особы начинаютъ дѣлать важные заказы, и предлагаютъ средства къ возбужденію вицшаго соревнованія между Художниками.

Почешный Членъ Академіи, Анатолій Николаевич Демидовъ, предложилъ ей открыть конкурсъ между Живописцами, для произведенія картинъ во славу Петра Великаго, и объявилъ условия конкурса и награды достойнѣйшимъ, публикованныя въ свое время въ Вѣдомостяхъ.

Упражненія учащихся въ Академіи имѣютъ вынѣ самое лучшее направление; въ прекрасныхъ моделяхъ цѣль недостатка; метода ученія болѣе и болѣе улучшаешься; молодые Художники получаютъ въ Академіи основательныя теоретическія свѣдѣнія, и Академія даетъ имъ средства къ практическимъ зананіямъ, оправляешь лѣтомъ питомцевъ своихъ, архитекторовъ, на важнѣйшия спроенія, а пейзажистовъ виѣ столицы, въ мѣста, болѣе обильныя красотами природы. Частные особы и въ семъ отношеніи благородно оказываютъ свое пособие и содѣйствіе Академіи.

Молодые Художники Фрике и Воробьевъ работали съ натуры на прелестной мызѣ Фаль, близъ Ревеля, и владѣлецъ ея, Г. Почешный Членъ Академіи Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкendorffъ, обращилъ на нихъ свое вниманіе, и оказывалъ милости, которыхъ Академія принимаетъ съ особеною признательностью.

Г. Камеръ-Юнкеръ Григорій Степановичъ Тарновский далъ средства Академисту Штернбергу писать съ натуры въ деревнѣ своей Каченовкѣ и въ Киевѣ, богашихъ необыкновенно живописными видами, величиемъ

и прелестями Южной природы. Академія не можетъ не засвидѣтельствовать ему своей признательности за вниманіе и милости къ Штернбергу.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Абрамъ Сергеевичъ Норовъ, въ бытность свою въ Египтѣ, открылъ стапную изъ чернаго гранича представляющую богиню Нейтъ, или производящую силу Природы, по мѣнию Г. Президента, исполненную во времена Аменвоеа III, или Мемнона, представилъ ее въ Академію, чтобы дать возможность письменцамъ Академіи и Художникамъ познакомиться съ симъ древнѣйшимъ памятникомъ Вавилонія, любопытнымъ и для всѣхъ любителей и знатоковъ Изящныхъ Искусствъ.

Академикъ Гайвазовскій имѣлъ счастіе находиться на морѣ во время путешесвія Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, и вполнѣ воспользовался симъ случаемъ для изученія морской и для дальнихъ успѣховъ въ живописи морскихъ видовъ.

Художникъ Аѳanasій Надежинъ учредилъ частную Школу Рисованія и Живописи, Тамбовской Губерніи, въ городѣ Козловѣ. Другой Художникъ, Чуриковъ, наимѣнь также учредилъ подобную въ Воронежской Губерніи.— Академія, по примѣру Арзамасской Школы Г. Академика Ступина, єбъщала имъ свое покровительство, и надѣлила Чурикова рисовальными образцами и другими пособіями.

Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, сообщивъ Академіи обь отличныхъ трудахъ Учителей Рисовальныхъ въ Московскомъ художественномъ классѣ, Художниковъ Алексея и Василя Добровольскихъ и Ивана Дурнова, и относя къ ихъ усердію на пользу общую самый составъ сего класса, ходатайствовалъ о возведеніи ихъ въ званіе Академиковъ. Совѣтъ Академіи, принимая во вниманіе свидѣтельство Г. Военнаго Генераль-Губернатора, извѣшнаго дарованія и успѣхи въ

Живописи Гг. Добровольскихъ и Дурнова, подожиль со-
гласно существующимъ примѣрамъ, возвести ихъ въ
званіе Академиковъ, безъ программъ; учениковъ же оз-
наченаго класса, оказавшихъ замѣчательные успѣхи въ
рисованіи, Щеколдина и Муратпова, наградить серебря-
выми медалями 2-й степени, а Бушину, Боддину и
Бодри объявить похвалу Академіи.

Какъ вѣсь пріятнью, я долженъ сообщить къ
свѣдѣнію вашему, что картины Г. Бруни: не окончен-
ная, но принесшая ему честь и славу въ Римѣ «Исцѣ-
леніе Израильтянъ отъ укушенія зміевъ въ пустынѣ», и
оконченныя: Спящая Нимфа и священныя изображенія
Благовѣщенія, Моленія о чашѣ, Спасителя и Богородицы,
заказанныя Г. Рахмановымъ для церкви, сооруженной
имъ въ своей деревнѣ, вынѣшнее лѣшо привезены въ С.
Петербургъ, и находятся въ мастерской Художника.

Вы конечно припомните, Мн. Гг., съ какимъ ра-
дущіемъ мы приняли по возвращеніи изъ Италии К. П.
Брюлова. Праздникъ, данный ему Членами Академіи:
ознаменованъ быль добрымъ дѣломъ, по Русскому обычаю,
въ часы радости не забывать о несчастныхъ. Съ Вы-
сочайшаго соизволенія положено было тогда сосла-
вить капишаль, для пособія вдовамъ и сиротамъ Худож-
никовъ, и сдѣлано начало подписки. Учрежденіе, должен-
ствующее быть прочнымъ, требовало соображеній и
нѣкоторыхъ правилъ. Прозѣктъ этихъ правилъ состав-
ленъ и утвержденъ Его Свѣтлостью Г. Министромъ
Императорского Двора.

При будущемъ годичномъ собраніи, я буду имѣть
честь довести до свѣдѣнія вашего о дальнѣйшихъ дѣй-
ствіяхъ Общества Художниковъ по сему предмету.

Люди, призванные природою видѣть, воспринимашь
и шпоришь изящное, должны и чувствовать прекрасно.
Эшо не разъ оправдывали наши Художники, и для вѣсъ
пріятно будешь услышать, что есть и были несчаст-

ные, поддержаные временно и даже на всю жизнь небольшимъ общесицомъ должностныхъ Членовъ Академіи. Теперь кругъ благотворительности ихъ распро- спранился болѣе.

Иностранные Художники не преспаюшь оказывашь уваженіе къ Русской Академіи. Извѣстный Профессоръ Архитектуры въ Миланѣ, Амата, доставилъ Академіи изданный имъ переводъ на Италіянскій языкъ Вишувія, описание улицы de зерні и проектированаго вновь храма Св. Карла Борромейскаго.

Общество Британскихъ Архитекторовъ вошло въ сношеніе съ Академіею и сообщило ей труды свои.

Заявія Гг. должностныхъ Дѣйствительныхъ Членовъ и Почетныхъ Вольныхъ Общниковъ Академіи, состояли въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

Г. Вице-Президентъ и Потетный Членъ Академіи, Графъ Ф. П. Толстой. Сверхъ нѣсколькоихъ портретовъ съ натуры, эскизовъ, историческихъ сюжетовъ и нѣкоторыхъ произведеній литературныхъ, сочинилъ и нарисовалъ проекты медалей для Министерства Народнаго Проеvщенія, на открытие С. Петербургскаго Университета во вновь отданномъ зданіи 12-ти Коллегій и для награды отличившихся Студентовъ; выѣпилъ изъ воску, въ большомъ видѣ, модель медали для дополненія коллекціи медалей на Отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ, которой разъѣза на сдали приводится къ окончанію, а изъ коллекціи проектированныхъ имъ 12-ти медалей на Персидскую и Турецкую войны въ Азіи и Европѣ, пять медалей выѣпилъ изъ воску, по коимъ уже приступлено къ рѣзьбѣ щемпелей.

По части Скульптуры.

Ректоръ В. И. Демутъ-Шаликовскій. Сдѣлалъ вновь Ангела къ группѣ Св. Евангелиста Машея для Академіи.

мической церкви, произвелъ модель Св. Евангелиста Иоанна, для той же церкви. Изваянія эти спичи изъ альбаспра и поставлены на мѣсто; дѣлаль проекты памятниковъ Сусанину и Князю Барклаю-де-Толли, для города Дерпта; нынѣ оканчиваешь модель Св. Евангелиста Марка для Академической церкви.

Гг. Профессоры:

С. И. Гальбергъ. Выльпиль для Академической церкви двухъ колѣнопреклоненныхъ Ангеловъ, и по особымъ заказамъ бюсты: А. С. Пушкина и Графини Ферзенъ, урожденной Графини Строгоповой; сверхъ того, произведено по его эскизамъ нѣсколько берельефовъ для Академической церкви, частію имъ самимъ, а частію другими Художниками, подъ его смотрѣніемъ и руководствомъ, и поставлены на мѣсто два колоссальные Ангела, произведенные имъ для Троицкой церкви, что въ Измайловскомъ полку.

Б. И. Орловскій. Окончилъ изъ мрамора, для Государя Императора, группу Фавна и Вакханки, и занимался окончаніемъ для Государыни Императрицы модели изваянія Божія Матери, эскизомъ фигуры Св. Александра Невскаго, для вновь сооружаемыхъ воротъ у Московской заставы, и произвелъ изъ мрамора бюстъ Императора Александра І-го для Егермейстера Князя Волконскаго, и шаковой же Профессора Архитектуры Мейера.

Академикъ Токаревъ. Занимался произведеніемъ въ берельефахъ шести Ангеловъ, каждый вышлюю въ 4 аршина, для строящейся въ Царскомъ Селѣ церкви во имя Св. Великомученицы Екатерины.

По части Живописи Исторической и Портретной.

Ректоръ В. К. Щебуевъ. Произвелъ для Академической церкви три образа: Св. Великомученицы Ека-

шерны, Св. Александра Невского и Тайная Вечери; занимался изготавлениемъ издания Антропометрии и Анатомии для Художниковъ, и началъ въ большомъ размѣрѣ картины Тайной Вечери для Сионскаго Собора въ Тифлисѣ.

Заслуженные Профессоры:

A. E. Егоровъ. Написалъ для того же Собора въ Тифлисѣ изображеніе Св. Евангелистовъ въ 4 картинахъ; портреты: перваго основателя Уральскаго горнаго завода, Демидова, и отставнаго Гвардій Поручика Шепелева; нынѣ приводится къ окончанію два юбільные Образа Спасищеля и Божія Матери для Академической церкви.

A. Г. Варнекъ. Сперхъ занялъ по классу Живописи и кабинету эстамповъ въ Академіи, и по служению при Императорскомъ Эрмитажѣ, въ свободное время занимался собственно для себя этюдами, и написалъ два портрета съ натуры Г. Коммерціи Совѣтника Фейги-па и жены его.

Профессоры:

K. П. Брюловъ. По Высочайшей волѣ сочинилъ и написалъ два эскиза для большой запрестольной картины въ церковь Казанскія Божія Матери: взятие Пресвятыхъ Дѣвъ на небо; писалъ портреты Государыни Императрицы и Великихъ Княжень Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Александры Николаевны для большой фамильной картины; произвелъ портретъ въ ростъ Генералъ-Адъютанта В. А. Перовскаго, и частію окончилъ, а частію началъ многое портреты разныхъ величинъ съ частныхъ особъ.

Ф. А. Бруни. По Высочайшей волѣ произвелъ копію съ картины Рафаэля Санціо *Мадонна д'Альба*, за каковой трудъ, съ оспичнымъ искусствомъ сдѣянный,

получилъ Всемилостивѣйше въ награждениѣ десять шы-
сачь рублей; сверхъ того сочинилъ и началъ писать,
по Высочайшему утвержденному эскизу, большую кар-
тину; Покровъ Пресвятыя Богородицы, для церкви
Казанская Божія Матери.

П. В. Басинъ. Занимался эпюдами для изображенія
Сошествія Св. Духа въ алтарной нишѣ Академической
церкви, кошорое и исполнилъ на мѣстѣ; сверхъ этого
сочинилъ эскизъ для большой картины: Введеніе во
храмъ Пресвятыя Девы, для церкви Казанской Божіей
Матери.

А. И. Ивановъ. Написалъ для Сіонскаго Собора въ
Тифлисъ большой Образъ Пророка Моисея, и оканчи-
валъ для Академической церкви: несущіе тѣло Спаси-
теля ко гробу, въ сопровожденіи Божіей Матери и
Святыхъ мужей и женъ.

Погорѣлый Вольный Общникъ А. П. Сапожниковъ.
Занимался окончаніемъ изданія литографированныхъ
военныхъ костюмовъ Русской Гвардіи, приступилъ къ
изданію шаковыхъ же костюмовъ Арміи, и сославшись,
по Высочайшему повелѣнію, сто рисунковъ военного
костюма для руководства образцовыхъ войскъ.

Академикъ Яковлевъ. Произвелъ нѣсколько Образовъ
для церкви, построенной помѣщицею Руденковою въ
Малороссіи, въ ея деревнѣ.

Яковъ Васильевъ. Написалъ портретъ Государя
Императора для Генераль-Маіора Бибикова, и восемь
иконъ мѣстныхъ, хоругви и плащаницу для Генераль-
Маіора Салова, въ деревенскую церковь.

Вигги. Окончилъ произведеніе Образовъ для иконо-
сната во вновь сооруженную церковь у Выборгской за-
ставы, Кашерину Васильевну Новосильцевою, урож-
денною Графинею Орловой, каковые Образа и сдали
уже для постановки на мѣста.

Шамшинъ. Произвѣль два Образа для Сіонскаго Собора въ Тифлісъ: Моленіе о чашѣ и преданіе Госпо-да Іисуса Іудою.

Антонелли. Сдѣлалъ копію съ картины Авг. Ка-раччи, представляющей Марию Магдалину, помазывающую муромъ тѣло Іисусово, исправлять плафонъ и сюпоршы въ зданіи 12 Коллегій, и произвѣль несколько копій поршешовъ Государа Императора съ Крюгера, для Присущественныхъ Мѣстъ въ Астраханскую Губернію и въ Новочеркасскъ.

Богаевскій-Благодарный. Написаль шесть копій поршеша Кназя В. П. Кочубея, съ Крюгера, по пору-ченію Сената Столы; сверхъ того занимался пор-шешами съ частныхъ лицъ, изъ коихъ нѣкошорые при-ведены къ окончанію.

Сазоновъ. Написаль шесть Образовъ въ серебряный иконостасъ Собора Казанскія Божія Матери, и спасеръ занимавшійся изготавленіемъ Образовъ для церквей: Св. Екашерины, что въ Царскомъ Селѣ, и Св. Апостоловъ Петра и Павла, что въ Пешергофѣ.

Яненко. Написаль при поршеша въ росѣ Госу-даря Императора, изъ нихъ два для Инженернаго Училища, а одинъ по порученію Г. Президента Импе-раторской Академіи Художесвъ, и нѣсколько шако-выгъ же колѣвныхъ для Губернскихъ и Присущственныхъ Мѣстъ: сдѣлалъ до сихъ поршешовъ акварелью для раз-ныхъ частныхъ лицъ; нынѣ занимается копію съ Му-рильо, что въ Эрмитажѣ: Убіеніе Свяшаго, и возобно-вленіемъ иконостасовъ для Троицко-Сергіевскаго мона-стыря, что по Пешергофской дорогѣ.

Теребеневъ. Произвѣль Образа: Несеніе Креста и Христосъ предъ Пилатомъ, для иконостаса въ Тифліс-скій Сіонскій Соборъ, и нѣсколько поршешовъ масля-ными красками, также миніатюрныхъ и акварелью.

Ф. Брюло. Написалъ при Образа для Тифлескаго Сионскаго Собора: Распятие, Положеніе во гробъ и Воскресеніе; иконостасъ для церкви въ Парголовѣ; нынѣ оканчивающъ Образа Архангела Гавриила и Михаила, для Академической церкви.

Майковъ. Написалъ запрестольный Образъ: Моленіе о чашѣ, для Графини С. В. Паниной, въ церковь села Марьина, что близъ Москвы,— и каршину, изображающую девочку съ гитарою, которая находится на Собственной дачѣ Ея Величества, въ Знаменскомъ.

По Живописи Батальной.

Професоръ и Вольный Общникъ Зауэрвейда. Занимался изготавленіемъ военныхъ рисунковъ по Высочайшему повелѣнію, кошорые хранятся въ чертежной Его Высочества Генераль-Инспектора по Инженерной части; другія же занятія его состояли по занимаемымъ имъ должностямъ.

Академикъ Дезарко. Написалъ каршину изъ двадцати пяти фигуръ, представляющихъ военныхъ чиновъ въ второй дивизіи Гвардейскаго Корпуса, и две картины группы конной Артиллеріи; картины сіи находятся у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича въ Каменноостровскомъ Дворцѣ; сверхъ того сдѣмалъ нѣсколько кабинетныхъ картинокъ, кошорые находятся въ мастерской Художника.

По Живописи Перспективной и Пейзажной.

Професоръ Воробьевъ. Написалъ три картины: видъ города Йерусалима, одну въ большомъ размѣрѣ для Государыни Императрицы, посланную Ея Величествомъ къ Королю Прусскому, другія дѣлѣ въ маломъ размѣрѣ для частныхъ особъ; шеpperь занимавшися изготавленіемъ вида Константинаополя въ большомъ размѣрѣ.

Академикъ Боденъ. Занимался писаніемъ разныхъ видовъ, сказанныхъ съ пастуры въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска, для Графа Сенішъ-При, бывшаго тамошнимъ Губернаторомъ.

Зеленцовъ. Въ свободное время отъ службы писалъ шри Образа, двѣ картины, представляющія внушительность комната съ фигурами, и двѣ картины: одну, представляющую женщину въ лодкѣ, а другую, кавалерийскаго солдата на лошади; также нѣсколько портретовъ акварелью.

И. Ивановъ. Занимался изготавленіемъ разныхъ рисунковъ для Императорскаго Стеклянного завода, и рисунками юнійровъ для Собственной Его Величества Кавалеріи.

Бывшій Советникъ Академіи Тимоѳей Васильевъ. Сверхъ занятія по обученію воспитанниковъ рисованію въ разныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, писалъ Сибирскіе виды съ рисунковъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ съ пастурами, во время своего путешесвія въ томъ краѣ.

По части Орнаментной Живописи.

Академикъ Медникъ. Занимался расписываніемъ плафоновъ въ Императорскомъ Знаменскомъ Дворцѣ, что близъ Петергофа..

По части Гравированія на медп.

Професоръ Уткинъ. Выгравировалъ двѣ доски съ рисунковъ Г. Шебуева, къ изданию Антропомешри; занимался гравированіемъ Св. Семейства съ картиной Бронзино, собственно для себя и по своему рисунку; нынѣ приводишь къ окончанію портретъ Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны, по заказу Г. Владиславлева, съ рисунка Г. Гау.

Професоръ Галактионовъ. Занимался гравированіемъ зиппеша съ рисунка Г. Шебуева, изображающаго навод-

веніе 1824 года, и приводитъ къ окончавію гравюръ, изображающей бурю, или смерть Варгиліи, съ картами Іосифа Вернеша.

Академика:

Ухтомскій. Занимался гравированиемъ для Герольдіи Правительствующаго Сената 60 гербовъ для Дворянскаго Гербовника, и въ большомъ видѣ Тихвинскаго монастыря съ предмѣстіемъ оного, по заказу Архимандрита онаго Иларіона.

Чесскій. Гравировалъ видъ процесіи при открытии и перенесеніи мощей Св. Митрофана въ Воронежѣ, также виньетъ, Ифигенія въ Авалидѣ, для Г. Лобанова, и вѣкошорыя части лошади для Г. Бобрикаго.

По части медальерной.

Академикъ Лалинъ. Рѣзаль пѣкопорые шлемы медалей, по моделямъ и рисункамъ Г. Вице-Президента Графа Ф. П. Толстаго, о коихъ упомянуто выше, и сверхъ того сочинилъ самъ и вырезаль два шлемы для медали въ память 50-лѣтняго юбилея Г. Рюля въ званіи Доктора.

По части Архитектуры.

Въ должности Ректора Профессоръ 1-й ст. Мельниковъ. Сверхъ занятій по должностямъ въ Императорской Академіи Художествъ въ Комиссіи Проектовъ и Сметъ и при Главномъ Управлении Пушей Сообщенія въ Публичныхъ Зданій, занимался слѣдующими постройками: Собора въ первокласномъ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, дома Г. Мальцева, постройкой дома почетнаго гражданина Челышева, дома купца Калугина, двухъ домовъ купца Лысникова, дома купца Целибѣева, дома купца Косшылева, въ домѣ купчихи Калгиной и купчихи Дурышкиной; составилъ проектъ для церкви

въ Орангелбаумѣ, шо же, проекшъ на постройку дома Г-жы Харичковой; произведь памятники изъ гранича почтенному гражданину Чаплину и покойному Вашелю И. П. Маршосу.

П р о ф е с с о р ы

А. Брюлловъ. Сверхъ занятій частными работами сославшись проекшъ, удостоившись Высочайшаго утвержденія, Гвардейскаго Штаба на Дворцовой площасти, который и начашъ постройкою.

К. Тонъ. По Высочайшему повелѣнію сославшись проекшы: церкви, Введеніе Пресвятыя Богородицы, для Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, который Высочайше утвержденъ и начашъ постройкою; церквей Св. Владимира въ Таврии, и въ городѣ Свеаборгѣ для оборонищельныхъ казармъ; дома для Дворянскаго Собрания, госпинницы, трехъ частныхъ домовъ въ Новѣгородѣ, на главную площадь и главнаго фасада Лѣсному Ипституту, которые и удостоены Высочайшаго утвержденія; сверхъ того для Генерала Клейнмихеля трехъ церквей на 1000, на 500 и 200 человѣкъ; для Члена Кабинета Его Величества Г. Сенявина, церкви же на 120 человѣкъ, и занимался постройками церквей Св. Екатерины въ Царскомъ Селѣ, Петра и Павла въ Петергофѣ и окончательно ошѣлькою Академической церкви.

А. Тонъ. Занимался, по Высочайшему повелѣнію сославленіемъ чистыхъ чертежей въ большомъ масштабѣ и моделей на пересстройку въ Таврическомъ Дворце залы для зимняго Ботаническаго сада, по собственно-му его проекшу.

Мейеръ. Устроилъ въ Красномъ Селѣ домъ для Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; занимался разными пересстройками на Михайловской дачѣ за Спиральною, а

также постройкою фермы и прочихъ зданій при Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, и составленіемъ проекшовъ церквей и прочихъ сброеній въ разныѣ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Состоящій въ службѣ при Академіи Ректоръ А. А. Михайловъ. Занимался составленіемъ разныхъ проекшовъ по Комитету для Строеній и Гидравлическихъ работъ, и по Городовому, а также постройками у Князя Бориса Николаевича Юсупова, и внутренними передѣлками въ домѣ Ея Высокопревосходительства Маріи Никифоровны Дурново.

Академикъ Аннерть. По Высочайшему Повелѣнію занимался составленіемъ проекшовъ: казармъ военныхъ для Оберъ-Офицеровъ въ Кронштадтѣ; Р. Кашолической церкви съ чугунною около оной оградою; Экзерцир-гауза, съ помѣщеніемъ въ ономъ части фрегата, для обучения матросовъ и другихъ военныхъ чиновъ; служебъ для военной госпитали; парадной лѣсницы для военной госпитали въ эскизѣ, каковые проекшты Высочайше одобреяны и поступили къ исполненію; бывшъ занять и другими проекшами по Департаменту Морскаго Министерства и по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ; составилъ проекты: Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ (Архитектуры), для построенія въ окрестностяхъ Колыванскихъ заводовъ на 200 человѣкъ, — монументовъ изъ чугуна въ Готическомъ вкусѣ, въ память подвиговъ Русскихъ воиновъ въ 1812 и 1813 годахъ, — для частныхъ лицъ, проектъ Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ, для построенія въ Рязанской Губерніи, въ помѣстїи Князя Крошкина на 600 человѣкъ, — проектъ павильона въ Китайскомъ вкусѣ для постройки въ С.-Петербургѣ Дворянину Конжуховскому, — и загородного дома для постройки въ С.-Петербургѣ на Каменномъ Островѣ, для Г. Нандельштедта.

Стасовъ. Упражнялся въ сошествлениі разныхъ проекшовъ, приспособляя оные къ здѣшнему климату, и предъявляемъ работы, начатыя въ прошломъ году по его проекшамъ.

Почетные Вольные Общники:

Штауберть. По Высочайше утвержденнымъ проекшамъ, занимался окончаниемъ зданія со службами, для двухъ баталіоновъ Дворянскаго полка; постройкою двухъ кінечныхъ флаголей при С. Пешербургской воен-ной госпиталѣ, для бани, прачечной, мастерскихъ и проч. и возведеніемъ новыхъ зданій для Лейбъ-Гвардіи конной баштарен, манежа, конюшень и сараи для орудій и обоза, на огородномъ мыщѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Монферранъ. Продолжалъ построеніе Исаакіевскаго Собора, кошорый возведенъ до той высоты, на которой имѣють бысть поставлены граничныя колонны, вокругъ большой главы онаго Собора. Колонны сіи предполагаешся поставиши въ нынѣшнемъ году.

Шарлемань. Занимался постройками въ Пешергофѣ четыре Кавалерійскихъ каменныхъ домовъ въ Готическомъ вкусѣ; такового же дома въ обыкновенномъ вкусѣ; шеашра; казармъ для Гвардейскаго Экипажа, и сошествлениемъ проекшовъ: на построеніе каменной казармы для помѣщенія мастеровыхъ и служителей вѣдомства Пешергофскаго Дворцового Правленія и деревяннаго Придворнаго манежа; въ Пешербургѣ, ошдыкою дома для помѣщенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Медицинскаго Департамента,— окончателлюю ошдыкою домовъ и церкви у Выборгской заставы, строющихся па иждивеніи Г-жи Новосильцевой, урожденной Гр. Орловой, — проекшомъ и постройкою новаго зданія для здѣшней Глазной Лечебницы, — по Высочайшей волѣ, проекшомъ дома для жительства

Военнаго Губернатора въ Казани; а также составле-
ниемъ проекшовъ для частныхъ лицъ.

*Професоръ Теорик Строительного Искусства Щед-
ринъ.* Перестройка и окончательно оштукатуривалъ зданія:
12-ти Коллегій, для помѣщенія въ ономъ С. Петербург-
скаго Университета и Главнаго Педагогическаго Инсти-
тута, — домъ для помѣщенія Ларинской Гимназіи на
Васильевскомъ Острову, — домъ для помѣщенія Г. Ми-
нистра Народнаго Просвѣщенія, чѣо у Чернышева
моспа, а также занимался проекшами и сметами по
служебию его въ разныхъ Казенныхъ Мѣстахъ.

3.

О СОСТОЯНИИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ПОДЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМЪ УПРАВЛЕНИЕМЪ И ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

(Извлечение изъ «Краткаго Ощепша по Учебнымъ и Благошврательнымъ Заведеніямъ, сосшоящимъ подъ непосредственнымъ управлениемъ и Высочайшимъ покровищельствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, предшавленнаго Стасъ-Секретаремъ Лонгиновымъ, за 1836 годъ»).

Благодѣянія, постоянно издаваемыя Государынию Императрицю на Учебныя и Благошврательныя Заведенія, сосшоящія подъ непосредственнымъ управлениемъ и Высочайшимъ покровищельствомъ Ея Императорскаго Величества, орошають землю не безплодную. Обильные плоды свидѣтельствующі, что разсадники сіи доспойны вѣжныхъ попеченій Августѣйшей Покровищельницы, доспигая годъ ошь году высшей совершеніи усовершенія. Успѣхи въ развитіяхъ образованія сей важной ошрасли народнаго благососшоянія очевидны изъ Ощепшовъ, ежегодно издаваемыхъ по управлению сими Заведеніями. Предшавляемый Ощепшъ за 1836 годъ, подобно предшесшовавшимъ, показываетъ то цѣлущее сосшояніе, въ коемъ находились Заведенія

сіи въ ишкешемъ году, и какія были приняты мѣры къ ихъ улучшенню. Самая дѣятельность лицъ, трудившихся на сеѧ похвальномъ поприщѣ, усугублялась преимущественно благодѣтельными поощреніями Ея Императорскаго Величества. Щедроты Монаршия не престанутъ ѿножати рвение къ общему благу, и праѧръ благошвореній Ихъ Императорскихъ Величествъ очражаетя въ сердцахъ ить подданныхъ.

Въ подтверждение справедливости сего служить вновь возникающее Благотворительное Заведеніе—*Иркутскій Сиротскій Домъ и учрежденный при немъ Частный Банкъ*. Получая устроеніе свое въ ошдаленномъ трапѣ Россіи, Заведеніе сіе, едва бышie воспріятое, поспѣшило уже подъ сѣнь благотворного непечения Августѣйшей Покровительницы всего полезнаго. Сего доспѣтиочно, чтобы ободрять себѣ надеждою, яко и оно, подобно прочимъ учрежденіямъ, осчастливленіемъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, сказанѣи на раду съ ними въ своеемъ устроеніи и благосостояніи:

I. Патріотическій Институтъ.

Патріотическій Институтъ, въ 1-му Генваря 1836 года, состоялъ изъ 150 Шашныхъ Воспитанницъ Комитета 18-го Августа 1814 года и 125 Пансіонеровъ: всего изъ 245 дѣвицъ. Въ теченіе 1836 года выпущено, по просьбамъ родственниковъ и по другимъ уважительнымъ причинамъ, Воспитанницъ 3 и Пансіонерокъ 6; въ шомъ числѣ не окончившихъ полнаго курса воспитаній 3. Вновь принято: Воспитанница 3, Пансіонерка 13; всего 16. — Число больныхъ просиралось во весь годъ до 60; въ шомъ числѣ находилось въ корѣ 56; умерли: 1 Воспитанница и 2 Пансіонерки отъ засырьной эболотухи, госпаденія и нервической горячки. Въ

1-му Февраля 1837 года состояло Воспитанницъ 119, Пансионерокъ 131; въ шомъ числѣ на иждивеніи:

Его Императорскаго Величества 35.

Государыни Императрицы 23.

Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича 1.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича 2.

Его Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны 3.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича 1.

Его Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны 1.

На счѣть капитала покойной Императрицы Елизаветы Алексѣевны 1.

Главнаго Казначейства 3.

Забалканскихъ Воспитанницъ, на счѣть капитала, подъщиковавшаго П. Н. Демидовы 12.

На иждивеніи частныхъ лицъ 49.

Ученіе продолжалось, прынѣшому порядку, подъ наблюденіемъ Шацальницы и Инспектора классовъ, 16 Учителей Наукъ, Имянныхъ Художесствъ и Искусствъ.

II. Санктпетербургскій Домъ Трудолюбія.

Къ 1836 году, Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 70 Воспитанницъ и 130 Пансионерокъ. При нихъ было: Надзирательницъ 18, Учителей 11, Врачей 2, Чиновниковъ 2, прислуги обоего пола 58 человѣкъ. Въ теченіе 1836 года выпущено: Воспитанницъ 10, Пансионерокъ 22; выбыло Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9. На ихъ места прінято: Воспитанницъ 8, Пансионерокъ 30, Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9, Учителей прибавлено 3. Вольныхъ въ разное время было 68 человѣкъ:

изъ нихъ 47 дѣвицъ имѣли корь; умерла ошь неизлечимой чахотки и заспорѣлой золотухи 3 Пансіонерки.

За шѣмъ къ 1-му Генваря 1837 года находилось въ Домѣ Трудолюбія Воспишанницъ 68, Пансіонерокъ 135; въ томъ числѣ: Государя Императора 20, Государыни Императрицы 20, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1, Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Николаевны 2, Государственного Казначеяша 11, на кашшаль Калинина 16 и на иждивеніи частныхъ лицъ 65.

III. Санктпетербургское Женское Патріотическое Общество.

Въ началѣ 1836 года, по истеченіи узаконеннаго трехлѣтія, въ чрезвычайномъ засѣданіи Совѣта Общества, бывшемъ въ покояхъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Марии Николаевны, вновь избрана Предсѣдательница онаго, супруга Сенатора, Агаѳоклея Марковна Сухарева, которая и утверждена Ея Императорскимъ Величествомъ въ семъ званіи.

Желая ознаменовать полезнымъ дѣломъ сіе засѣданіе, въ кошоромъ присутствовала Ея Императорскаго Высочество по званію Дѣйствицельнаго Члену, Совѣтъ положилъ учредить складочное мѣсто, для храненія и продажи различнаго рода рукодѣлій, доставляемыхъ Частными Школами Общества и привносимыхъ постороннимъ бѣднымъ. Для сего Совѣтомъ начершавы въ руководство правила, на первый случай, для опыта, съ шымъ, чтобы по истеченіи года прислушитъ къ новому оныхъ разсмотрѣнію. Мѣры сіи удостоены Высочайшаго одобренія Ея Императорскаго Величества, а Дѣйствицельный Членъ, Княгиня Голицына, пожертовала въ своеемъ домѣ квартиру для по-

мъщенія складочнаго мѣсца, которое Комиссіонеръ Общества, купецъ Бобковъ, опредѣль и снабдилъ мебелью безмѣдно.

Концерпъ, данный любищелями музыки, 6-го Апрѣля минувшаго года, много содѣствовалъ Обществу къ приведенію въ исполненіе благотворныхъ его намѣреній, доспавивъ ему (за исключеніемъ 1918 руб. 20 коп., употребленныхъ въ расходъ) дохода 18,941 руб. 30 коп. (2013 руб. болѣе, нежели въ 1855 году).

Столь значительное приращеніе къ капиталу Общества дало возможность отчислить 1440 р. въ годъ, изъ общихъ суммъ, на содержаніе восьми новыхъ Пансіонерокъ.

Совѣтъ состоялъ, въ 1856 году, изъ 12-ти Дѣйствищельныхъ Членовъ, въ числѣ коихъ состоялъ и Предсѣдашельница и пять Помощницъ. Въ число Печатныхъ Членовъ, въ 1856 году, вступили 8.

Въ минувшемъ году Совѣтъ предсдавлялъ на Высочайшее усмотрѣніе Ея Императорскаго Величества подробный отчетъ объ осмотрѣ Школы, кошорыя были найдены въ состояніи, сошвѣтствующемъ благотворительной цѣли, для коей учреждены сіи Заведенія. Изъ Школы выпущено въ минувшемъ году Пансіонерокъ: Ея Императорскаго Величества 3, Общества 2, частныхъ особъ 3, Воспитаницъ 21, всего 29 дѣвицъ. Ихъ выдано въ единовременное вагражденіе 1900 руб. На мѣста сихъ дѣвицъ приняты новые, именно: Пансіонерокъ Ея Величества 2, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника 1, Общества 11, Воспитаницъ 21: всего 35 дѣвицъ.

Купецъ 3-й гильдіи Алексѣй Долгинъ, движимый чувствами благотворенія, пожертвовалъ 15,000 руб. въ пользу Общества. Съ соизволенія Ея Величества, Совѣтъ Общества положилъ изъ процентовъ сего пожертвованія воспашывать въ своихъ Школахъ двукъ

дѣлъ бѣдѣйшаго состоянія, подъ именованіемъ *Пансионерокъ Долгина*, — объявивъ о сдѣлъ чоловѣколюбивомъ подвигѣ въ Вѣдомостяхъ, во всеобщее извѣстіе.

IV. Полтавскій Институтъ Благородныхъ дѣвицъ.

Къ 1836 году, Полтавскій Институтъ состоялъ изъ 99 Шушашныхъ Воспитанницъ, 55 Пансионерокъ и 11 дѣвицъ, содержимыхъ на счетъ экономіи. При нихъ находилось: Надзирательница и Печиньерокъ 11, Инспекторъ классовъ и Учителей 19, Шушашный Врачъ 1, 1, сверхштатный Девицѣшъ 1 и 2 Чиновника; прислу-ги: мужска пола 24, женска 59; всего на содержаніи Института 288 человѣкъ.

1-го Июля послѣдовалъ выпускъ дѣвицъ, окончившихъ обученіе, а именно: 40 Шушашныхъ Воспитанницъ, 18 Пансионерокъ и 1-й экономической Воспитанницы.

Изъ числа выпущенныхъ дѣвицъ, оѣмъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше пожалованы были награды семи отличившимся дѣвицамъ, а именно: 2-мъ золотые знаки, съ вензелемъ изображеніемъ Имени Ея Величества, 2-мъ серебряные, 1-й золотая медаль и 2-мъ серебряный.

На кѣсто выпущенныхъ дѣвицъ поступило: Воспитанницъ 54, Пансионерокъ 14 и 1 на счетъ экономіи; Надзирательница 2; Печиньерокъ уволено 5 и Учителей 4; поступило: 3 Надзирательницы, 5 Печиньеродъ, 1 Учитель и 2 чоловѣка прислуги; число больныхъ въ разное время простирадось до 118; изъ нихъ, къ прискорбію, умерло 2. За шѣсть, къ 1837 году, состояло: Воспитанницъ 91, Пансионерокъ, какъ Шушашныхъ Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы, такъ и частныхъ 51, на счетъ экономіи 11; при нихъ Надзирательница и Печиньерокъ 20, Инспекторъ и Учителей 16, Врачъ 1, Девицѣшъ 1, Чиновниковъ 2, прислуги: мужска пола 26, женска 59;

всего къ Инспицшушу принадлежавшихъ лицъ было 278 человѣкъ.

V. Московскій Домъ Трудолюбія.

По Московскому Дому Трудолюбія въ 1836 году состояло Воспитанницъ 50, Пансионерокъ 51, Пансионерокъ бывшаго Холернаго Заведенія, за которыхъ вносилися только половина платы, 9; при нихъ Надзирательницы 7, Пепицьерокъ 4, Учителей и Учищельницы 11, Врачей 2, другихъ чиновъ 4, прислуги 51 человѣкъ, всего 169 человѣкъ.

Выпущеныхъ, по окончаніи воспитанід: девицъ 5, Пансионерокъ 11: всего 16; въ шомъ числѣ воспитанныхъ на индивидуї Ея Императорскаго Величества 4, на счѣпъ капитала, пожершвованаго Казначеемъ Дома, Надворнымъ Советникомъ Губинымъ 1.

Вновь поступило: Воспитанницъ 5 и Пансионерокъ 11; для класса Французской Словесности прибавленъ 1 Учитель. На мѣсто выбывшей старшей Надзирательницы опредѣлена другая, и по представлениіямъ Совета Московскаго Дома Трудолюбія, для большаго порядка въ преподаваніи Наукъ, Высочайше разрѣшено поручить Учителю Россійской Словесности и Исторіи Кол. Асс. Преображенскому, исправленіе должностія Инспекшора классовъ.

Къ 1-му Генваря 1837 года состояло въ Московскому Дому Трудолюбія: Воспитанницъ 50, Пансионерокъ 50, поступившихъ изъ бывшаго Холернаго Заведенія, за которыхъ вносилися только половина платы, 9: всего 109; при нихъ Надзирательницы 7, Пепицьерокъ 4, Учителей 10; всего на содержаніи Дома, со включениемъ должностныхъ лицъ и прислуги, было 169 человѣкъ.

VI. Симбирское Общество Христіанского милосердія и состоящій при немъ Домъ Трудолюбія.

Въ Домѣ Трудолюбія въ Генварю 1836 года со-
стояло: Пансіонерокъ Ея Імператорскаго Вели-
чества 2, Шашныхъ Воспишаницъ 12, на выждивеніи
благощоришелей 6; изъ нихъ выпущены: 1 Пансіонерка
Ея Величества и 3 Воспишаницы; ваканціи сік
замъщены другими, и сверхъ того привлѣши 2 Пансіо-
нерки на сченѣ благощоришелей. Больнаго въ шече-
ніе всего года было 4, легкими болезнями. Къ 1837 году
Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 22 Воспишаницъ и Пан-
сіонерокъ. При нихъ Надзирательница 5, Учителей 6,
Врачъ 1, Чиновника по Дому 1 и прислузы 7 человѣкъ.

VII. Кронштадтскій Сиротскій Домъ.

Учрежденный въ Кронштадтѣ Сиротскій Домъ, въ
пятый годъ своего существованія, состоялъ изъ 50 ком-
плектныхъ Воспишаницъ и 3 Пансіонерокъ. Въ шече-
ніе 1836 года выбыло, по разнымъ случаямъ и по просьбѣ
родишелей, не кончившихъ ученіе Воспишаницъ 3 и 1
Пансіонерка; на мѣсто выбывшихъ поступило 5 Вос-
пишаницы и 2 Пансіонерки. Окончившихъ ученіе вы-
пущенено: Воспишаницъ 3, Пансіонерка 1; на мѣсто
выпущенныхъ имѣшь быть принято такое же число
сирошъ благороднаго и свободнаго состояній. За шѣмъ
къ 1837 году состояло Воспишаницъ 26, Пансіоне-
рокъ 3; всего 29.

*VIII. Киевское Общество для вспоможенія бѣдныхъ и
состолщее въ вѣдѣніи онаго Училище Графини Леви-
шевской.*

Въ 1836 году, Общество состояло изъ 10 Почеш-
ныхъ и 28 Дѣйствительныхъ Членовъ. Поспособными
дособіемъ отъ Общества воспользовались 165 бѣдныхъ

семействъ. Свѣртъ того 20-ти семействамъ преподанъ способъ пропитанія, посредствомъ продажи издлій ихъ въ лавкѣ Общества. Сиротъ отдано на воспитаніе въ Училище Графини Левашевой 16, въ Домъ Призрѣнія малолѣтныхъ женскаго пола 11, въ ученіе къ мастерамъ 4. Всего оказано пособія болѣе 200 семействамъ.

IX. Подмосковное именіе Студенецъ.

Въ прошедшемъ году, по ходатайству осношаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Московскаго Общества Любителей Садоводства, Ея Императорскому Величеству благородно было соизволить на уступку сему Обществу еще участка земли, для разведенія плодового питомника. Также, по волѣ Ея Величества, сдѣлано предварительное соображеніе объ обращеніи всей дачи Студенецъ, съ числящимся при ней денежнымъ капиталомъ, въ пользу Общества, на учрежденіе въ оной Практической Школы Садоводства.

X. Российское Общество Любителей Садоводства, въ Москвѣ.

Общество, начавъ съ 14-го Ноября 1855 года дѣйствія свои, въ штченіе 1856 года привело уже въ исполненіе наложоряя предположенія Высочайше утвержденного Устава своего.

Предположеніе учрежденіе Школы Садоводства задѣ же приводится въ исполненіе. Августійшая Покровительница Общества, одобравъ вполнѣ цѣль Школы, Всемилостивѣйше соизволила предоставить на содержаніе сего Заведенія всю трехгорную дачу Студенецъ, вмѣшъ съ накопившимся ошь доходовъ и другихъ сущашихъ капиталомъ въ 40,000 рублей. Уставъ и Шта-

шы Школы Садоводства, для 50 человѣкъ на первый разъ, въ 1857 году, уже утверждены Ея Величествомъ. Подробный свѣдѣнія о правилахъ устава и о самонь учрежденіи Школы войдутъ въ составъ Отчѣй за 1857 годъ.

Въ концѣ 1856 года Общество состояло изъ Членовъ: 109 Дѣйствительныхъ, 16 Почетныхъ и 25 Корреспондентовъ.

XI. Объ учреждаемъ въ городѣ Тамбовѣ Александриинскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвокъ.

Въ сѣдѣшніе Высочайшей Его Величества воли, Сашесь-Секретарь Лонгиновъ, бывъ въ Тамбовѣ, для соображенія на мѣсто мѣръ и способовъ къ приведенію въ дѣйствіе предположенія объ учрежденіи Александрийскаго Института Благородныхъ Дѣвокъ, между прочими, имѣть счастіе ходатайствовать о предоставлѣніи оному, для постройки зданій его, мѣста на усадьбу, принадлежавшую бывшему Губернаторскому дому, соединяющаго всѣ условія, къ построенію зданій Института необходимыми.

Его Императорскаго Величества, одобравъ сіе всеподданійшее представленіе, при Высочайшемъ посыпаніи города Тамбова, якою созидалъ удостоиться въ удобствѣ указаннаго мѣста, въ Всемилостивѣйшѣ пожаловать оное Институту, ель шѣкъ, чтобы отданы были въ его полезу и вѣт отроенія, на той усадьбѣ состояція. Планы предположеніи для Института зданій, начертанныхъ въ Тамбовѣ, по неодобрѣніи оныхъ Его Императорскаго Величества, были составлены здѣсь, по Высочайшей волѣ, извѣстными Архитекторомъ Брюловымъ, собразно съ замѣненіемъ Его Величества и съ правилами, принятыми въ зданіяхъ Заведенія. Въ 20-й день

Ноября новые планы удостоены Высочайшаго Его Величества утверждения, и препровождены въ Комитетъ, завѣдывающій дѣлами учреждаемаго Инспиціуша, для составленія по онымъ сметъ, кои, какъ предполагать должно, не превзойдутъ пред назначенной на постройку суммы 189,000 рублей.

XII. Демидовскій Домъ Пріорѣнія Трудящихся.

Школа, учрежденная при Демидовскомъ Домѣ Трудящихся для пріорѣнія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, открыта 22-го Февраля 1836 года.

XIII. Объ учреждаемомъ въ городѣ Иркутскѣ Сиропитательномъ Домѣ и при немъ Частномъ Банкѣ.

Бывшій Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири, Генералъ-Лейтенантъ Сулака, еще въ 1834 году сообщилъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ о предложеніи въ Иркутскаго мѣстнаго Начальства на очелье учрежденія въ Иркутскѣ Сиропитательного Дома для дѣтей жильскаго пола. Мѣстное Начальство пригласило членовъ жилелей принять участіе въ исполненіи сего благотворительного предложенія. Такимъ образомъ, въ короткое время собрано добровольныхъ приспешникъ до 80,000 руб., въ тоинъ числа 70,000 руб. постепенно Иркутскими членами купцами и почетными гражданами Иваномъ и Логиномъ Медведниковыми, кои, испоянивъ волю умершей матери ихъ, изъявили готовность учредить въ Иркутскѣ Сиропитательное Заведеніе. При семъ Генералъ-Губернаторъ, подтверждая съ своей стороны необходимость въ учрежденіи предполагаемаго Заведенія, ходатайствовалъ о дозволеніи купцамъ Медведниковымъ прислушать къ его устройству, съ тѣмъ чтобы, согласно желанию ихъ, Заведеніе тѣо позоргнуши

Высочайшему покровительству Государыни Императрицы, и испросить назначения в сносе Начальницы изъ Пешербургскихъ Учебныхъ Заведеній, для женского пола, дабы учреждаемый въ Иркутскѣ Домъ Призрѣнія Сиропь могъ быть управляемъ сообразно съ правилами споличныхъ Заведеній, и удастся Всемилостивѣйшаго покровительства, пріобрѣть обществоенное довѣрие. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы проектъ помянутаго Заведенія предложенъ былъ на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Въ посѣдствіи, Ея Величество соизволила изъявить согласіе на принятие подъ Августѣйшее Ея покровительство Сиропишательного Дома и Частнаго при немъ Банка, предположеннаго по тому проекту на счетъ отдалемой для сего учреждѣнія части пожертвованнаго капитала: чрезъ чѣ, кроме упомяненія, средицѣ къ распространенію самого Заведенія, открыта будетъ для торговаго въ Сибири купечества возможность пользоваться способомъ въ денежныѣ оборотахъ. Высочѣсть съмѣ, Ея Величеству благоугодно было принять на Себя назначеніе въ сіе Заведеніе Сиропишательницы изъ С. Пешербургскихъ Учреждений.

Въ исходѣ 1838 года, Положеніе Иркутскаго Дома и Банка, съ примѣрами Штадтомъ и Росписаниемъ, по распоряженію Г. Министра Внушреній Дѣлъ, получивъ законное утвержденіе, возвращены Г. Генералъ-Губернатору для приведенія въ надлежащее дѣйствіе; нынѣ ожидающія подробнѣйшія свѣдѣнія о предпринятой купцами Медвѣдниковыми постройкѣ зданій, для помѣщенія учреждаемаго Заведенія, и вообще о дальнѣйшемъ ходѣ сего предприятия, обѣщающаго пользу во многихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, Его Императорское Величество, по ходатайству Государыни Императрицы,

благоволиъ опредѣлить Смошришельницъ, прошиву первоначальнаго Штата, значительную прибавку жалованья отъ Казны, и повелѣшъ, сверхъ того, отправление ея въ Ириушскъ ошнесши на счепъ Государственнаго Казначейства, и шаковыми щедростами положить начало будущимъ успѣкамъ возникающаго въ ошдаленномъ краю Имперіи первого, отчасти воспитательнаго, но существенно благоприятствующаго Заведенія.

Въ заключеніе, для общаго обозрѣнія состоянія учебной части Заведеній, состоящихъ подъ Высочайшицъ Ея Величества покровительствомъ, прилагаемъ таблицу о числѣ Учащихъ и учащихся въ сихъ Заведеніяхъ.

	Учащихся:			
	Воспитан- нице.	Пансионе- рокъ.	Надзиравше- нице.	Учителей.
1. Нашрионический Иисусиушъ.	119	151	20	18
2. Санктпетербургскій Домъ Тру- домюбія.	68	135	18	14
3. Женское Нашрионическое Об- щество и Нашрионическая Часовая Школы.	300	91	12	12
4. Полтавскій Иисусиушъ Бла- городныхъ девицъ.	91	62	20	16
5. Московскій Домъ Трудомюбія.	50	59	11	11
6. Симбирское Общество Хри- стіанского Милосердія и при- немъ Домъ Трудомюбія.	12	10	3	6
7. Кронштадтскій Сиропскій Домъ.	26	5	1	2
8. Киевское Общество для вспо- моженія бѣднымъ и состоящее въ его вѣдѣніи Училище Гра- фини Левашевой	27	—	2	3
9. Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудащихся	57	16	1	2
<hr/>				
Всего.	750	507	88	84
	<hr/>			
	1267			

IV.

ИЗВѢСТИЯ

о въ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ и УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ.

КОРОЛЕВСКАЯ ПАРИЖСКАЯ ШКОЛА

для чтенія хартій.

Въ числѣ многихъ Специальныхъ Учебныхъ Заведеній, которыми по справедливости можетъ гордиться Парижъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Королевская Школа для чтенія хартій (*l'Ecole royale des chartes*), какъ по обширной пользѣ, приносимой ею Исторії Франції, такъ и потому, что доселе она есть единственный Заведеніе въ своемъ родѣ во всей Европѣ. Многогрудная Наука чтенія хартій требуетъ занудной постоянства, продолжительности: посвящающей себѣ заботой Наукѣ, конечно, плюсъ Историка-Практика;

но за то онъ необходимъ его спутникъ: они оба должны имѣти рука обь руку на поприщѣ, ими избранномъ; соединенными силами вѣрно доспигающъ своей цѣли; раздѣльно — и тѣшь ^и другой будуть прудиться безуспѣшино. Ученый, посвятившій себѣ изученію харпій, служитъ посредникомъ между Историкомъ и временами минувшими: оръ пригодованиемъ материала, уцѣльвшіе отъ погибели, объясняешь, очищаешь ихъ, и передаешь въ руки его въ такомъ видѣ, въ какомъ они необходимы для созиданія прагматической Исторіи. Отнимите эти пособія отъ Историка-Прагматика, призваннаго увѣковѣчить память народа, въ великомъ твореніи: надѣть чѣмъ онъ долженъ будеть провести жизнь свою? Надѣ разборомъ мѣривой буквы, надѣ объясненіемъ и исполненіемъ општѣльныхъ словъ, надѣ разстановкою запятыхъ и точекъ, надѣ сличеніемъ одной и той же фразы въ двадцати или тридцати рукописяхъ.... Это ли работа, свойственная Генію? Нѣтъ! Онъ погибаешь подъ ея ^{шлажѣстю}, подъ ея холодностію, такъ сказать, и Литература народа лишаєтся великаго творенія; на нѣколько сподѣлѣй, до тѣхъ поръ, пока не явится новый Геній-Историкъ, а Природа не очень щедра на Геніевъ.

Великій примѣръ совершился въ глазахъ нашихъ: бессмертный Сочинитель Исторіи Государства Россійского скончался, оставивъ намъ твореніе, не доведенное и до половины, хотя Авторъ прудился надъ нимъ двадцать четыре годаряду. Твореніе это есть образецъ величайшихъ красотъ, хотя и не безъ ошибокъ: красоны неопѣляемая собственность Карамзина; ошибки — неопѣляемая собственность того времени; въ кошоромъ онъ жилъ. Карамзинъ провелъ лучшее время своей жизни надѣ разборомъ харпій и приготовленіемъ материаловъ для своего творенія — шрудъ ^и неизвестенный Генію и несопрѣвѣтный съ силами

одного человека. Когда Карамзинъ началъ писать свою Исторію, Румянцевское Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, представляющее Историку документы драгоценные для политической жизни нашего Отечества, только что появилось, и то не вполнѣ; но не было еще ни Археографической Экспедиціи, извлекшой изъ архивовъ памятникъ, по копмъ можно восстановить внутреннюю жизнь древней Руси, ни Археографической Комиссіи, трудящейся надъ великимъ дѣломъ изданія Актописей, повѣствующихъ о судьбѣ народа Русскаго. То, что дѣлаютъ нынѣ и дѣлали не задолго передъ симъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, Карамзинъ принужденъ былъ дѣлать одинъ. Послѣ этого, должны ли мы удивляться ошибкамъ въ его Исторіи? И вместо того, чтобы обвинять Карамзина, какъ многіе это дѣлаютъ, не лучше ли и не справедливѣе ли будешь обвинять то время, въ которое онъ жилъ, и которое не умѣло приготовиться къ принятию Генія, посланаго ему Природою. Карамзину слѣдовало родиться гораздо позже, чтобы явить себѣ еще большемъ блескъ.

Говорить ли послѣ того, какъ далеко можетъ подвинуть Науку Учебное Заведеніе въ родѣ Школы для чтенія хартій, и какъ огромны могутъ быть его слѣдствія? Разумѣется подъ выражениемъ «чтеніе хартій», я понимаю не одно простое произношеніе словъ, находящихся въ какомъ-нибудь письменномъ памятнике. «Прочесть хартію», по моему понятію, значитъ восстановить ея текстъ и объяснить филологически, исторически, хронологически, географически, юридически, и т. д., словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ только она можетъ быть разсмотриваема. Слѣдовательно, Школа, которая учила бы насы читать хартіи такимъ образомъ, была бы разсадникомъ съдѣйствий филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ,

географическихъ, юридическихъ. Она совмѣщала бы въ себѣ всѣ историческія вспомогательныя Науки, служащія основаніемъ дослѣдѣніо-прагматической Исторіи. Она заставила бы насъ обращать пашу древнюю Географію, Генеалогію, Хронологію, Юриспруденцію, даже Филология. Она принесла бы насъ къ изслѣдованію прочными, глубокими, добросовѣстными. Она наполнила бы наши архивы и библиотеки людьми, знакомыми съ скроемъ дѣлъ. При такой Школѣ легко бы было предпринимать самыя огромныя изданія источниковъ Отечественной Исторіи, и что, чѣмъ пытъ совершился въ десять лѣтъ, тогда совершалось бы въ два, иного въ три года.

Французы, неуважающіе прудящіеся надъ изданіемъ письменныхъ памятниковъ, относившихся до Отечественной Исторіи ихъ, очень хорошо понимали всю пользу и необходимость подробнаго рода Ученаго Заведенія. Когда, въ существіе новыхъ политическихъ и гражданскихъ дослѣдованій, монастыри были упразднены по всей Франціи, Наука чтенія хартий, живущая между монахами и передававшаяся изъ устъ отъ одного поколѣнія ихъ къ другому, спала мало по малу пропадать, и, нѣшь сомнѣнія, вслѣ исчезла бы, если бы не были прияты мѣры для возстановленія ея въ новомъ блескѣ. Въ 1821 году, Г. Симеонъ (*Siméon*), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ (*), представилъ Лудовику XVIII проекцію учрежденія, при Королевской Библиотекѣ и Государственномъ Архивѣ (*archives du Royaume*) Школы для чтенія хартий, «дабы возстановиши родъ занятий, необходимый для славы Франціи и доставиши

(*) Въ это время во Франціи еще не было Министерства Правосудия, и все узбнѣя дела въ веденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Академії Надписей всѣ нужныя средства для успішнаго совершенія затѣденныхъ ей работъ (*), въ Лудодикѣ XVIII утвердила представленаій ему проектъ, и съ 22 Февраля 1821 года получила свое начало Королевскад Школа для чтенія хартий. Число Воспитанниковъ не должно было превышать двѣнадцати. Они назначались, по предсвадленію Академії надписей, самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и, при вступленіи, должны были имѣть не менѣе 20 и не болѣе 25 лѣтъ. Воспитанники должны были пройти два курса: одинъ, учрежденный при Государственномъ Архивѣ, и имѣвшій предметомъ своимъ простое чтеніе хартий; другой, при Королевской Библіотекѣ, обнимавшей всѣ діалекты, существовавши въ Франціи въ Средніе вѣка. Оба Профессора, читавши эти два курса, назначались также самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденій Школы, и курсы ея были почти вовсе оставлены Воспитанниками. Такъ и должно было быть, во-первыхъ по дурному устройству курсовъ, а во-вторыхъ потому, что Воспитанникаѣ не было никакого целища. Послѣ двухъ лѣтъ птижихъ, безирерывныхъ занятий, Воспитанники не знали, что имъ дѣлать съ знаніями, приобрѣтенными въ Школѣ, на что и куда употребить ихъ? По выходѣ изъ Школы, они были въ шлагостѣ и самимъ себѣ и Правительству, которое, давъ имъ средства узнать Науку, не могло способствовать имъ въ дѣлѣ. Другой, не менѣе важный недостатокъ, заключался въ дурномъ устройствѣ Школы, раздѣленной на два отдаленія, не имѣвшія между собою ничего общаго, кроме предмета преподаванія: каждое

(*) Подлинная слова Королевскаго Удѣла, 22 Февраля 1821 г. Съ Моніонг университет, № 64, 1821 года.

действовало отдельно, имѣло свой порядокъ и свой ходъ занятій, и не хотѣло знать ни объ успѣхахъ, ни о способностиахъ Воспитанниковъ другого отдѣленія. Сверхъ этого оба курса ограничивались простымъ чтеніемъ и переписываніемъ харпій различныхъ эпохъ, никакъ не занимаясь ни Дипломатикою, ни Палеографіею, между тѣмъ, какъ посредствомъ эпихъ двухъ Наукъ опредѣляется достовѣрность рукописей, время, къ которому они относятся, различные почерки, принадлежащіе къ той или другой эпохѣ, неизвѣнныя формулы, принятія въ то или другое время, и наконецъ характеръ, отличающій различные роды харпій: грамотъ, договоровъ, наказовъ, отписокъ, памятей и проч.

Еще въ 1824 году, въ засѣданіи 23 Генваря, Академія Надписей сильно протестовала противъ дурнаго устройства Школы: она настоятельно требовала преобразования ея и принятія Воспитанниковъ подъ особое покровительство Министерства, которое должно было заботиться объ обеспеченіи ихъ будущности. Протестъ Академіи долго оставался безъ вниманія, и только въ концѣ 1829 года Г. Лабурдонне (*La Bourdonnay*), бывшій въ то время Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представилъ Карлу X новый проектъ Школы для чтенія харпій, проектъ совершенно основательный и показавшій знаніе дѣла, соединенное съ большею опытностью. Карль X утвердилъ проектъ 11 Ноября 1829 года, и со 2-го Генваря 1830 года преобразованная Школа вспрѣяла свои дѣйствія, не испытавъ съ того времени никакихъ значительныхъ измѣненій. Такова исторія Королевской Школы для чтенія харпій. Показавъ, какимъ образомъ она образовалась, приступимъ теперь къ изложенію ея внутренняго устройства, какъ въ отношеніи къ управлению, такъ и въ отношеніи распределенію курсовъ, способу преподаванія и порядку испытаній Воспитанниками.

Курсы Школы для чтенія хартій раздѣляються на первоначальный, продолжающійся годъ, и на курсъ Французской Дипломатики и Палеографіи, читающійся два года. На первый курсъ могутъ записываться всѣ молодые люди, имѣющіе не менѣе 18 и не болѣе 25 лѣтъ, и получившіе Степень Кандидата (*bachelier des lettres*). Во впоромъ курсѣ число Воспитанниковъ можетъ быть не менѣе шести и не болѣе восьми: они называются Пенсіонными или Казеннокоштными (*élèves pensionnaires*) и получаются отъ Правительства, въ два года, каждый по 800 франковъ содержанія. Въ первомъ курсѣ ежегодно бываешь отъ 45 до 50 человѣкъ учащихся. По окончаніи курса открывается конкурсъ для поступленія въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ. Испытанія производятся особою, постоянно для пого существующею Коммиссіею, состоящею изъ Непремѣнного Секретаря и двухъ Членовъ Академіи Надписей, трехъ Хранителей манускриптовъ Королевской Библіотеки и Главнаго Хранителя Государственного Архива (*). Конкурсъ этотъ открывается чрезъ каждые два года, по окончаніи втораго курса. Онъ бываешь публичный, въ присутствіи Коммиссіи, въ одной изъ залъ Королевской Библіотеки, и происходитъ слѣдующимъ образомъ.

При открытии засѣданія кладется на столъ число пакетовъ, равное числу Воспитанниковъ, явившихся на конкурсъ. Всѣ эти пакеты означены нумерами и въ каждомъ изъ нихъ находиться по двѣ хартіи различныхъ япохъ: одна на Французскомъ, другая на Лапинскомъ языке. Каждый Воспитанникъ выдергиваетъ на удачу одинъ пакетъ, и въ послѣдовательномъ порядке нуме-

(*) Извѣстную амту составляютъ: Сильвестр де Сен, Ноде (*Nodet*), Пардессю (*Pardessus*), Рауль-Рожеъ, Шамполлюзъ, Гасе и Дону (*Dauou*).

ровъ вызываемся на испытание Пакетъ вручается ему штогда только, когда наступаетъ его очередь. Прежде всего онъ долженъ прочесть Латинскую харпію, перевести ее, объяснишь на Французскомъ языке, и отвѣтить на всѣ вопросы, которые будуть ему дѣланы Членами Комиссии, какъ относительно материальной, такъ и графической части рукописи. То же самое дѣлается и съ харпіею, писаною на Французскомъ языке: она переводится съ древняго на новый языкъ. Когда всѣ Воспитанники подвергнутся вѣдому первому испытанию, продолжающемся нѣсколько засѣданій, смотря по числу конкурентовъ, харпія Латинскія и Французскія снова перенумеровываются безъ различія языковъ. Послѣ того Воспитанники выдергиваются на удачу, каждый по одной харпіи, и обязаны, въ присутствіи Комиссии, написать сочиненіе, которое имѣло бы предмѣтомъ своимъ выдернутую харпію. Сочиненіе это должно состоять, во-первыхъ, изъ вѣрно снятаго съ нея списка, въ кошоромъ должны быть подчеркнуты всѣ слога и буквы, въ подлинникѣ написанныя сокращенно, и во-вторыхъ, изъ точнаго перевода Латинскаго текста на Французскій языкъ, или древне-Французскаго на новый. Къ эшому переводу должны быть присоединены примѣчанія критической, исторической, хронологической и т. д., безъ всякаго другаго вѣнчания пособія, кроме книги *l'Art de r閏iger les dates*, которая на сей конецъ и находится въ залѣ испытаний. Сочиненіе это должно быть написано въ одно засѣданіе, продолжающемся отъ 12 до 4 часовъ, и пришомъ въ присутствіи всѣхъ Воспитанниковъ. Оно поступаетъ въ Комиссию вмѣстѣ съ запечатаннымъ пакетомъ, содержащимъ въ себѣ имя Сочинителя. Комиссія разсмотриваетъ каждое сочиненіе порознь, и большинствомъ голосовъ опредѣляется число баловъ, котораго оно достойно. Тогда распечатываются па-

Женщины въ Именами Сочинительей, и, приступающія къ окончательному назначенню осьмерыту кандидатовъ: при чемъ принимается въ соображеніе и первое изуспінное испытаніе. Списокъ кандидатовъ представляется Комиссію на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія (1).

Кандидаты, принятые въ число Казеннихъ штатныхъ Воспитанниковъ, переходяще на второй курсъ и въ продолженіе его, т. е. два года, получаютъ по 800 рублей содержанія. Въ это время они обязаны посещать лекціи, читаемыя Профессоромъ втораго курса (2) и принимать участіе въ приведеніи въ порядокъ ману-скриптовъ Королевской Библиотеки и Государствен-наго Архива, и въ этомъ отношеніи они находятся подъ одинаковою ответственностью съ Чиновниками того и другаго вѣка. Сверхъ того, они должны участвовать въ трудахъ Академіи Наукъ, которой ежегодно представляется имъ къ денежному награжденію: для чего и назначаются три тысячи франковъ ежегодно изъ суммы, опредѣленной бюджетомъ на поощре-ніе занимающихся Науками и Искусствами. Представ-леніе Академіи утверждается Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По выслушаніи двухъ-годичнаго курса, Воспитанники, по представлению Комиссіи, которой разсмотриваются труды, совершенные ими въ продолженіи этого времени, удостоиваются Министромъ Народнаго Просвѣщенія диплома на званіе Архиваріуса-Палеографа (archiviste-paléographe). Съ этимъ дипло-

(1) Засѣданія; бывшія по случаю курса, ведущія профес-ссы. Оба Профессора школы привлѣченій Комиссіей участвовали въ промежахъ и присуждѣніи баловъ; но они изъносили только совѣщательные голоса (voix consultatives).

(2) Каждый Профессоръ читаетъ два раза въ недѣлю; лекція продолжается не менѣе часа. Оба курса преподаются въ залахъ Королевской Библиотеки.

имъ оны имѣють право требовать себѣ вакансиъ мѣста во всѣхъ Библиотекахъ (исключая Королевской) и Архивахъ предпочтительнно предъ всѣми прочими являющимися кандидатами. Если какая-нибудь Библиотека, или какой-нибудь Архивъ имѣетъ четыре вакансиъ мѣста, то онъ можетъ располагать только двумя, а два другихъ мѣста обязанъ отдать Воспитанникамъ, осправившимъ Школу для чтенія харпій, съ дипломами Архиваріусовъ-Палеографовъ. Такимъ образомъ обеспечена судьба молодыхъ людей, посвятившихъ себя Наукѣ споль же многопрудной, сколько и неблагодарной.

Таковъ порядокъ поступленія въ Школу, перехода изъ одного курса въ другой и выпуска Воспитанниковъ. Теперь о самыx курсахъ и о способѣ преподаванія. Я уже сказалъ, что курсы раздѣляются на первоначальный курсъ и на курсъ Французской Дипломашки и Палеографії. Предметомъ первого курса, преподаваемаго нынѣ Г. Гераромъ (Guérard), Членомъ Института, — простое чтеніе и переписываніе харпій. Руководствуясь Дипломашкою Бенедикциою, преподаватель объясняетъ своимъ слушателямъ различные роды письма въ Средніе вѣки, различные роды материаловъ и орудій, для того употреблявшихся, словомъ все, что касается до графической и материальной части рукописей. При чтеніи харпій, онъ особенно обращаетъ вниманіе слушателей на сокращенія, отъ уразумѣнія которыхъ зависить правильное уразумѣніе рукописей, и предпочитительно на эти сокращенія, которые были предметомъ недоразумѣній и споровъ между Учеными. Когда Воспитанники получаютъ уже вѣковорый навыкъ въ чтеніи харпій, преподаватель заставляетъ ихъ переписывать рукописи, въ спискахъ писать вполнѣ эти слова, которые въ подлиннике означены сокращенно, и представлять вмѣстѣ съ ними въ примѣчаніяхъ при-

чики, по кошорымъ они принимаютъ то или другое членіе. Въ этихъ упражненіяхъ проходишь весь первый годъ, по исчезненіи кошораго Воспитанники являющіяся на конкурсъ для перехода во вшорой курсъ.

Во вшоромъ курсѣ объясняются различные діалек-
ши. Среднихъ вѣковъ, бывшіе въ употреблениі во Фран-
ції, и преподавающія кришки письменныхъ памятниковъ
этой эпохи, способы узнавать ихъ дословность или
подложность, и относить къ тому времени, къ кошору-
ному они дѣйствительно принадлежашъ. Собственно
говаря, это курсъ не Дипломатики и Палеографіи, а
Исторической Кришки, принимаемой въ обширѣйшемъ
значеніи. Метода преподаванія въ этомъ курсѣ, создан-
ной знаменитымъ Шамполлономъ, есть единственный
въ этомъ родѣ. Г. Шамполлонъ, преподавашель вшо-
раго курса, сообщившій уже мнѣ многія свѣдѣнія о
Школѣ для членія харпій, былъ такъ добръ, что не
отказался посвятившій мнѣ нѣсколько времени и по-
знакомилъ съ способомъ своего преподаванія. Трудно
вообразишь себѣ, чтобы можно было имѣть въ Исто-
рической Кришкѣ и Археологіи свѣдѣнія глубже и
обширѣ Шамполлоновыѣ! Только съ-сѣтѣ знаніями
и съ его умѣньемъ можно было сполна сухую и мерш-
вую Науку, какъ Археологія, превратить въ самую
занимательную и исполненную жизни. Послушаюсь
передашь здѣсь то, что слышалъ отъ Г. Шамполлона,
и чѣмъ, разумѣешься, могло быть объяснено мнѣ самимъ
преподавашелемъ лучше, нежели кѣмъ-либо другимъ.

Г. Шамполлонъ начинаетъ преподаваніе не съ
древнейшихъ рукописей, а съ тѣхъ, кошорыя находящихся
такъ сказать на границѣ новаго письма. Начиная шак-
ими образомъ съ легчайшаго, онъ пошепенно и не-
чувствительно углубляется въ древность, и наконецъ
докодишь до первыхъ рукописей, удалѣвшихъ до нашего

времена. Являясь на лекцию съ древнею харшію, онъ заставляешь Воспитанниковъ разбирать ее, и то, что не можешь быть прочтено однімъ Воспитанникомъ, разбираешся другимъ, третімъ, и т. д. Г. Шамполлонъ не мѣшаешь въ ашу работу учениковъ своихъ: онъ останавливается наъ сколько погоды, когда они не-правильно читають что или другое слово. Такимъ образомъ Воспитанники сами рабошають, сами тру-дашися, и когда возвращаешьъ шекснь харшія, Г. Шамполлонъ заставляешьъ одного изъ слушателей написать ее на доскѣ: прочто переписываютъ. Къ слѣдующей лекціи они обязаны приготошиъ сочиненіе, въ ко-ромъ прочтенная харшія была бы объяснена филологи-чески, исторически, хронологически, географически, юридически, словомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ сколько она можетъ быть разсмотриваєма. Если хар-шія *sine anno*, то воспитанники должны пріурочить ее къ шому или другому году, посредствомъ розысканий о шомъ лицъ, комъ она подписаны, о шѣхъ факахъ, которые въ ней упоминаются, и т. д. Если вто какая либодь грамоша, подписанная Генрихомъ, Лудовикомъ, Карломъ, то опредѣлишь, какимъ именно изъ Королей ящого имени она дана, принимая въ соображеніе скрѣпу Канцлера, мѣсто, где она утверждена, события, о ко-ихъ въ ней упоминается, и пр. Каждый Воспитанникъ, коменшук харшію, распространяется обѣ вѣй болѣ въ шомъ или въ другомъ отношеніи, смотря цо тому, какая Наука болѣе заинтересуетъ его. Такимъ образомъ, одинъ распространяется о харшіи болѣ въ филологи-ческомъ отношеніи, занимаясь древними формами язы-ка; другой въ хронологическомъ, показывая различіе въ хронологіи древнихъ Проянцій Франціи; третій въ юридическомъ, и т. д. Въ слѣдующую лекцію Воспи-танники читають свои сочиненія. Г. Шамполлонъ поправляетъ изусшио ихъ ошибки, дополняющъ то, что

ими пропущено, нам прибавляется то, что вовсе забыто. Попомъ, когда всѣ сочиненія прочтены, Г. Шамполіонъ начинаешь самъ объясняешь харпію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Тутъ раскрываются вполнѣ обширная и глубокая свѣдѣнія ученаго преподававшага въ отечесственной Археологии. Объяснивъ подлинность, характеръ и предметъ исторического документа, онъ показываетъ, въ чёмъ эпоха документа можетъ быть полезна для Истории: какие факты изложены имъ, или опровергаются, или пополняются; какие результа-ши можно вывести изъ него для состояния общества во Франціи въ то время, для нравовъ и обычаяевъ, для промышленности, торговли, земледѣлія, для вѣтшаго спошеннѣй той эпохи; словомъ, преподаваешь поль-зуючись малышины указаниемъ харпіи, малышею чёрною, могущею характеризовать современность. Попомъ, та же самая харпія разбирается филологически; здесь объясняются различные диалекты, бывшие въ употреблении въ Средніе вѣки въ различныхъ провинціяхъ Франціи, древнія формы языка, слова, вышедшия уже изъ употреблений, или перемѣнившія свое значение. Эта часть комментаріевъ Г. Шамполіона споль же любопытна, какъ и первая: удивляешься тому только, какимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ совмѣстить въ себѣ сполько разнообразныхъ свѣдѣній!

Когда Воспитанники сдѣлаютъ уже некоторые усѣнія въ Исторической Крипикѣ и ознакомятся съ характеромъ антиковъ и сочиненій различныхъ эпохъ, Г. Шамполіонъ пріучаетъ ихъ къ новому роду упражнений, которыя могутъ называться *такітит* въ Исторической Крипикѣ. Онь приноситъ слушающимъ свои листочки, взятый на удачу изъ какої-нибудь рукописи. Возстановивъ шеготъ, они обязаны опредѣлить — изъ какого сочиненія взяты эти листочки? Сначала они опре-деляются вѣль, изъ какородку оно относится, попомъ

содержание его, далее какому Писателью это принадлежит — священному или духовному, и на конец, по соображениям историко-литературнымъ докладить до того, къемъ писанъ принесенный листочекъ и къ какому именно сочинению онъ принадлежитъ. Разумѣешься, шакія розыскания дѣлаются не въ одну лекцію, но и требующіе занятій кабинетныхъ, и при этомъ при многихъ, пособіяхъ и справкахъ.

Кромѣ этого, Г. Шамполлонъ указываетъ слушающимъ своимъ на предметы, достойные розысканій, въ огромныхъ историческихъ собранияхъ, извѣшныхъ подъ заглавіемъ: *Recueils d'Historiens et Ordovinaces de France, Gallia Christiana, Analectes, Spicileges*, и пр. Онъ заставляетъ ихъ сличать различные сдѣлки одной, и той же рукописи, природиши варианты, показывать прибавки переписчиковъ, или мропуски, и т. д. Воспитанники занимаются также, подъ его руководствомъ, переводами актовъ и сочиненій различныхъ эпохъ.

Такова метода преподаванія Г. Шамполлона. Я представилъ здѣсь одинъ только очеркъ ея, безъ дальнѣйшаго развиція и всѣхъ частныхъ приложенийъ. Но и изъ этого слабаго очерка можно уже видѣть, какъ плодошворна она въ своихъ посѣщеніяхъ, и какое празднинное, твердое, шакъ сказать, направление даѳеть она молодымъ людямъ, посвящающимъ себя отечественнымъ Древностямъ. Если бы присоединились къ ней Нумизматику и Геральдику, то, кажется, не было бы почти ни одного археологического случая, въ кошоромъ учившійся по ней могъ бы не дашь удовлетворительного решенія.

Я сказалъ уже, что по прочтеніи каждой лекціи, воспитанники пишутъ сочиненія, для конкѣ она служитъ предметомъ. Сочиненія эти, напечатанные послѣ лекціи, въ кой они были читаны, отсымаются Г. Шамполлономъ въ Комиссію, о которой говорено

выше. Кожеїсій розсчитанаєшъ якъ, и большинствомъ голосовъ опредѣляєшъ число баловъ, когою они достойны. Меньшее число баловъ означаетъ наиболыше успѣхъ; большее — наименшіе успѣхи. По окончаніи курса, то есть черезъ два года, Комиссія пересчищаетъ число баловъ, находящихся на всѣхъ сочиненіяхъ каждого Воспитанника; и по итогу путь составляеть списокъ, ставъ впереди тѣхъ Воспитанниковъ, кошорые имютъ меньшее чилю баловъ. При втой классификаціи при-
надлежитъ въ соображеніе и тѣ сочиненія, кошорые Воспитанники обязаны присыпать приносъ въ Комиссію каждые три мѣсяца. Составленный Комиссію списокъ Воспитанникамъ, достойнымъ диплома Архиваріусъ-Писографъ, утверждаемъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія: послѣ чего они получающъ вакантныя места въ ббліотекахъ Архивахъ по мѣру спарши-
енія свѣтъ.

Въ Королевскомъ указѣ, состоявшемся 11 Ноября 1829 года, сказано между прочимъ, что Королевская типографія ежегодно будетъ издавать по одному тому Библиотеки Королевской Школы для членія хартий (Bibliothéque de l'École royale des chartes), въ кошорой должны помещаться письменные памятники, приготовленные въ Елані, вместе съ переводами, Воспитанниками Школы, и одобренные Комиссію; и также по одному тому Библиотеки Французской Исторіи (Bibliothéque de l'histoire de France), кошорая должна заключать въ себѣ различного рода акты, касающіеся Исторіи Франціи, съ критическими примѣчаніями, составленными Воспитанниками и одобренными Комиссію. Тѣмъ же указомъ назначалось ежегодно три тысячи франковъ для награжденія тѣхъ изъ Воспитанниковъ, кошорые наиболѣе способствовали къ изданію этихъ двухъ собраній. Но обѣ эти статьи указа не были приведены въ исполненіе, и Воспитанники, вза-

шінь звісихъ земель, призначають участія въ тежгоде
быть изданихъ Академіи Надцесей, и по ей предста-
влению, какъ уже сказано выше, получающаѧ пріруды
свою денежное награждение, состоящее ежегодно изъ
шрехъ п'ятисичъ франковъ.

Таково устройство Школы для членія парижій! Не должны ли мы желать, для подъы пації Исторіи, чтобы споль шолезое и необходище для якъ усердії? Заведеніе явилось въ нашей Стартії, спомінда, боязной дрезинами письменными памішниками? То, что же вер-
шило Правительство въ неслѣднее десятилітіе, для Отечественной Исторіи, служить для насъ парцымъ за-
логомъ шої надежды, что скоро, можешъ бысть ожидъ
скоро, и у насъ явится разсадникъ молодыхъ Археологовъ.
Археографическая Экспедиція вызвала учрежденіе Архео-
графической Комміссії; Археографическая Комміссія
вызоветъ учрежденіе Школы, которая дасть ей воз-
можность привести въ исполненіе ея обширные, вели-
кие планы — переданіе настоміству то, что, завещано
намъ предками нашими о судьбахъ земли Руви....

"Корреспонденция Археографической Комміссії"

C. Спросъ.

Парижъ.

III

20 $\frac{1}{3}$ Октября, 1887 года

V.

НОВОСТИ И СМЕСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ.

1) *Чтения о Словесности. Курсъ первый и второй.* Москва, въ Унив. тип. Двѣ части, въ I — 326, во II — 327 стр. in-8°.

Кому изъ людей, хощя иѣсколько изучавшихъ Исторію Наукъ, не известно, чи по съ постепеннымъ ходомъ времени пошепетливо измѣняются и сферы Наукъ, склоняясь или раздвигаясь въ своихъ объемахъ? Это истинна неоспоримая, ежедневно подтверждающаяся Просмотрите на Теорію Словесности. Сколько измѣнений пронеслась она, начиная съ Аристотеля и до нашихъ временъ. Какая громада разсужденій, руководствъ, курсовъ Словесности! И чио же? Къ чему повели всѣ эти руководства, курсы и проч.? Авторы ихъ смотрѣли на утвержденіе положительныхъ правиль Науки, да ся самобытность, какъ на дѣло второстепенное, не заслуживающее особеннаго вниманія; они забывались только о томъ, чтобы научить сотни

нять учащихся — и загромоздил свои курсы много-различными правилами, какъ должно расположать, украшать и изобрѣтать мысли. И находились же такие добрые люди, кооторые ошь души вѣрили, что можно научиться изобрѣтать мысли; что выучивъ ошь-доски-до-доски какой-нибудь курсъ Словесности, непремѣнно сдѣлаешься Фрашоромъ, Поэтомъ. Но какая Теорія образовала Гомера, Данти, Шекспира? Какія правила могутъ замѣнить въ душѣ человѣка шошь давній огонь, который называютъ вдохновеніемъ? Кто можетъ вложишь въ успа человѣку непрізванному шь гармонические звуки, ошь кооторыхъ убогій забываетъ свое спраданіе; кооторыхъ заслушивающей и веселые богачи, погружаясь ошь нихъ въ сладкое раздумье? Великіе люди родились, а не дѣлаются, какъ то воображали никогда бѣдные курсы Словесности, напрягавшіяся изо всѣхъ силъ, чтобы швориши Поэзовъ.

Однако изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Теорія Словесности не существовала или была рѣши-щельно бесполезна. Утверждать это нельзя. Общіе законы Изящного существующіи. Изучишь эти законы, изъ нихъ вывѣсти необходиимость Словесности и опредѣлить ей мѣсто въ кругу другихъ Изящныхъ Искусствъ, вошь что требуетсѧ отъ современнаго курса Словесности. Это ошѣично выполнено Издателемъ Членій о Словесности, Г. Профессоромъ Московскаго Университета Давыдовымъ. — Книга его пред-ставляетъ свѣдѣнія объ Изящномъ въ видѣ до возмож-ности точномъ и опредѣлительномъ. Издатель гово-ришь въ предисловіи:

«Издаваемыя Членія о Словесности, или соб-ственно о Философіи Словесности, содержащія Теорію Слова, Краснорѣчіе и Поэзію, изложены по ру-ководству Блера. Уроки о Риторикѣ и Изящной Словесности, надъ кооторыми трудился Блеръ въ

продолжение 24-лѣтняго преподаванія, давно переведены на Нѣмецкій и Французскій языки. Въ нихъ находишь всѣ важнѣйшія изслѣдованія по предмету Философіи Словесности, повѣренныя поучительными наблюденіями Сочиншеля; самое же изложеніе пѣвъ ясно, просто и изящно: это живая рѣчь бесѣды умнаго и учёного человѣка. По этимъ урокамъ сошествлены многіе учебники, къ числу которыхъ принадлежитъ и опытъ Риторики, вскорѣ послѣ появленія подлинника изданій на Русскомъ языкѣ въ одной книжѣ, но съ излаганіемъ *Опыта Риторики*, сокращеннаго изъ Блера.

Въ преподаваніи Теоріи Словесности, для разви-
тия изящнаго вкуса и образованія дара слова, уроки Блеровы приглашаются всемъ другимъ руководствамъ. Въ Изыщнаго, какія появлялись въ разныи времена у разныхъ народовъ, разногласіе и даже противорѣчіе происходящіе отъ исключительнаго послѣдованія одному изъ началь всякаго вѣдѣнія: или идеальному, постигаемому внутрѣннимъ созерцаніемъ, или чувственному, пріобрѣщаемому вѣнѣніемъ наблюденіемъ. — Отсюда два прошривоположныхъ одностороннія ученія, встрѣчаемыя въ области Изыщнаго вообще и Изыщнаго въ словѣ: метафизическое, со-
стоящее въ построеніи системъ безъ всякаго приложенія къ Искусству, и эмпирическое, теряющееся въ разсмотританіи вѣнѣнія языщепива. Въ древнѣи представлѣніи ихъ были Платонъ и Аристотель; въ наше время эти учены раздѣляютъ философіей Германіи и Франціи. Но Англійскіе Писатели преимущественно занимаются средину между двумя крайностями: идеализмомъ и эмпиризмомъ въ Изыщномъ. Таково въ эпохѣ опиошениіи и сочиненіе Блера. Драгоценныя его опытыныя сведения въ дѣлѣ слова, заимствованные изъ древнихъ и новыхъ Писателей, или переведены, или изложены въ Членѣстѣ о Словесности

съ необходимыми измѣненіями; иные уроки замѣнены лекциями, согласно съ современнымъ вѣзѣніемъ на Словесность; обѣ основныхъ предметахъ показаны всѣ методики и ученыя способа, для желающаго подробнѣйшаго изслѣдованія; общіе законы Слова, Краснорѣчиа и Поэзіи выведены изъ началь Изащнаго и приложены къ Слову Отеческому. Многіе примеры изъ древнихъ и, въсихъ образцовыхъ Писателей, приводимыъ Блеромъ,держаны въ Членіяхъ, шольхъ въ Русскомъ переводе, пошому чѣо образцы Изащнаго въ Словѣ, какъ въ Ждаониса и Валкіи, равно изящны для всѣхъ народовъ, и, во всѣ времена.

Г. Давыдовъ замѣнивъ иѣкошные уроки Блера, ~~ко-
смы~~, согласно съ современнымъ вѣзѣніемъ Науки, ока-
заль прѣмъ большую услугу учащимся. Блеръ, Профессоръ
Редпорицъ и Пиллаки въ Эдинбургскомъ Университетѣ,
хощя и бытъ ученикомъ съавнаго Джонсона, но въ сво-
ихъ понадіяхъ, обѣ Искусствъ явно, следовалъ Францу-
замъ, и доказалъ это, вводнъ изданіемъ своего курса въ
1783 году. Онъ, даже менѣе всѣхъ щерешниковъ Англі-
їи, держаць середины между двумя крайностями,
о кошорыхъ говорицъ Г. Давыдовъ, идеализмо и
дѣлѣризмо. въ Изящномъ цъ бояе, другиѣ западни
дамъ вѣку, въ юшоромъ, подвилскъ. Припомните его
туполѣзу о происхожденіи языка; не забудьшь, что
Шекспиръ онъ называлъ *срубымъ, необработаннымъ*
Геніемъ, Шекспиръ; передъ юшорами даже Драйденъ,
Аддисонъ и Поле — аши закоснѣые Столасники, благо-
говѣши, какъ передъ *верблюжющими, мровыми Геніемъ*,
кѣи созданиемъ юшораго лѣ сиамъ, прикладывать свои
бланки, «классическіи» мѣрою! Впрочемъ, въ час-
тийнѣйшы Науки, въ замѣчаніяхъ практическихъ, юшоры
шолько здогутъ *аріебрѣшаша*, опытомъ, *аріебор-*
мендемъ, 20-тыс.ю спичнѣю, Блера (*житъ 40-*
пополнено) *неспоримъ!*

Но обращимся къ «Чтедіямъ р Словесності». Первая, объективная ея часть: *Теорія Слова*, изложена въ первомъ курсѣ; впрочемъ заключающа въ себѣ *Теорію Красноречія*, субъективную часть Философіи Словесности. А какъ основанія Науки обь Изящномъ должны будучи введеніемъ въ Теорію Красноречія, то **XVI** членія посвящено раскрытию оныхъ. **XVII** и **XVIII** членій содержатъ въ себѣ Исцерпію Красноречія Греціи и Рима, духовнаго и новѣйшаго временъ. Объясненіе сопственныхъ настѣнъ и разныхъ родовъ оранжерейскій рѣчи, послѣ даждішаго красноречія, дающимъ семь членій до конца курса (**XIX — XXV**). **XXVI** членіе обь искусствъ произношенія особымъ необходимо для випадка; **XXVII**, **XXVIII**, и **XXIX** членія заключающія въ себѣ теоріи исцерпіи и философическихъ сочиненій, — и наконецъ посѣднєе **XXX** разсуждає о средствахъ и способахъ къ усовершенствованію Оранжера.

Ждемъ съ нещерпѣщемъ изданія III курса, который будеть заключать въ себѣ Теорію Поэзіи.

Трумъ изложенія «Чтени» совершился слушателями Профессора Давыдова, Гг. Студентами Московскаго Университета, имена которыхъ высказаны въ предисловіи.

2) *Теорік Поэзіи въ историческомъ разсмотріи* у Адреасія и новыхъ народахъ. Сочиненіе, писанное на степень Доктора Философскаго Факультета, первого Отделенія, Альянциемъ Московскаго Университета. Составлено Шевырецъ, Москва, въ типографіи Н. Соловьевъ, 1836. in-8°.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ Русскихъ, когда исполнено 1837 года (*), относящихся до Теоріи Сло-

(*) «Въ обрѣкѣ сочиненія Г. Шевыреца выписаны 1838 годъ, но въ «Бремені» изданіе именемъ его же отдано, и въ концовъ тѣрѣе — въ 1839 году».

всюность, принадлежащая, безъ всякаго сомнія, книга, заглавіе которой мы здесь выписали: Г. Адъюнкти Московскаго Университета Шевыревъ, Авторъ превосходнаго сочиненія «Исторіи Поэзіи», о которой мы отдавали отчетъ въ свое время, избралъ предметомъ для диссертациі на Степень Доктора Философскаго Факультета перваго Отделенія — Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Предметъ обширный и сложный: отъ тогоже сочиненія Г. Шевырева перешло границы «обыкновенныя» диссертаций. Оно составляеть толькъ въ 572 стр., и заключаетъ въ себѣ 41 тезисъ: «Основная мысль его состоящая въ томъ, что Искусство было прежде Теоріи, а Теорія есть следствіе Искусства. Авторъ говоритъ (стр. 1), что мысль эта подтверждается опытомъ всѣхъ народовъ и народовъ, «сылающихся на міръ Востока древній и новый», на Трецію и Маконеца указывающими на величія произведений Италии, Испаніи и Англіи, живущими «безъ участія Науки. Даній, Лопеца де Вега; Кальдеронъ и Шекспиръ служатъ для него лучшимъ доказательствомъ того, что Искусство не есть следствіе Теоріи; что эти великие письменники заставляютъ изучать явленіе и изслѣдывать законы, управляющіе имъ поэтическою дѣятельностью и что здѣсь уже заражается Теорія, нап., какъ говоритъ Авторъ (стр. 2) Наукой Поэзіи: «А если эта Наука есть продолженіе тойъ, — то она полезна и необходима.» Указывая на Германію, какъ на «создательницу нѣсторійской (Чебуринской) Ноющей Искусства, основанной на глубокомъ образованіи и изученіи образцовъ древнихъ и новыхъ, Г. Шевыревъ фактически, сказанный и въ началѣ, «обращаетъ» книгу, и, въ заключеніи, Искусство, въ Германіи будто бы доказано Наукой, а на Наука является: Искусство. Такъ, по его словамъ, надлежало быть въ «поздней» книге.

свѣтъ. Пройдемъ бѣгло за Аристоромъ вѣсъ явленія Теоріи Поэзіи, какія только совершались у разныхъ народовъ и укажемъ Читателямъ на безчисленныя ссылки, которыя онъ дѣлаешьъ почти да каждой страницѣ, и ко-щорыя служать еще новымъ доказательствомъ много-стороннѣхъ его свѣдѣній и обширной начинанности.

Начиная съ древней Европы, Г. Шевыревъ прежде всего говорить о Теоріи Поэзіи въ Греціи, гдѣ она собственno раздѣляется (стр. 4); размаштруиваетъ Греческие имена или поэтическую прелюдию къ Теоріи Поэзіи (стр. 6); учение Плашона о Прекрасномъ и Поэзіи, извлеченнное изъ его сочиненій (стр. 20); учение Аристотеля (стр. 49) и царемъ между учениями ящихъ двухъ великихъ мужей міра древняго (стр. 78). Потомъ онъ переходитъ къ Риму и, упомянувъ о сочиненіи Лонгина о Высокомъ, образующемъ, по мнѣнію его, переходъ отъ Теоріи древней, основанной на подражаніи Природѣ, къ Теоріи новой, основанной на дѣятельности духа (стр. 101), онъ обращается къ новой Европѣ и здѣсь раздѣляетъ Науку Поэзіи на три главные періода: *первый*, представляющій свободное образованіе новой Поэзіи во всѣхъ оригиналъныхъ образцахъ ся, при существованіи древней Теоріи, до конца XVI и начала XVII вѣка; *второй* — сильнѣшее вліяніе древней Теоріи и образцевъ, дурно понятыхъ, во Франціи и въ Англіи, въ послѣдней половинѣ XVII и XVIII столѣтій; *третій* — освобожденіе отъ сего ига и открытие началъ новой Теоріи въ Германіи, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (стр. 114). Опять сего общаго обозрѣнія, онъ переходитъ къ обозрѣнію частному и говоритъ: 1) о Теоріи Поэзіи въ Испаніи (стр. 123), 2) во Франціи (стр. 158); характеризуетъ Буало, Башшѣ, Мармонтеля (*).

(*) Опрывокъ о Мармонтеле напечатанъ былъ прежде въ журнале *Министерства Народного Просвещенія*.

и Магарпа (отъ 139 до 200 стр.); 3) въ Англії, и наконецъ 4) въ Германії (стр. 219). Здѣсь онъ разбирается: 1) отношеніе между Философию и Теорію Искусства въ Германіи; 2) Исторію Критики и Поззи: Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте, Фридриха и Августа Шлегеля (221 — 306 стр.), и 3) Исторію Теоріи въ Германії. Указавъ на испинное начало Теоріи и приготовивъ много для нея матеріаловъ, Германія, по мнѣнію Г. Шевырева, не имѣть еще однако Теоріи совершенной, которая представила бы равновѣсіе элемента философического и критического, сошавляющее главное условіе сего совершенства. Авторъ полагаетъ: «ши разряда Теорій, кошоры слѣдовали другъ за другомъ въ Германіи: 1) Теорія шѣхническая, 2) психологическая, 3) метафизическая, изъ коихъ впоралъ была порождена частію вліяніемъ Англичанъ, частію ученіями Вольфа и Канта; послѣдняя же ведетъ свое начало отъ ученія Шеллинга.» *Буттерека* считаетъ онъ представителемъ Теоріи психологической; *Аста* и *Бахмана* — представителемъ Теоріи метафизической; *Жанъ-Поля Рихтера* — основателемъ критико-философского направления, выразившагося въ формѣ поэтической (306 — 386 стр.). Представивъ въ краткомъ очеркѣ Теорію Поззи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, по снешнемъ Г. Шевырева, мы выпишемъ заключительныя слова его:

«Послѣ Германіи намъ слѣдовало бы разсмотрѣть развитіе Теоріи въ нашемъ Отечествѣ; но мы должны скромно сознаться, что у насъ сія Наука не сдѣлала никакихъ национальныхъ пріобрѣтеній. Сначала робко и набожно мы слѣдовали Теоріи — Французской; пошомъ, утвержденные Нѣмцами, отказалась отъ Французовъ, и теперь, съ шакою же покорностию, слѣдуемъ Теоріямъ Нѣмецкимъ. Но должно замѣтить къ сожалѣнію, что

въ послѣднемъ нашемъ Германскомъ спрѣмлениі, мы, увлекаясь болѣе умозрительными и бесплодными Теоріями нашихъ учителей, слишкомъ мало знакомились съ критическими трудами той же цаці и вовсе не слѣдовали ея примѣру въ живомъ и своенародномъ изученіи Поэзіи. Должно однако, къ чести нашей, сознаться, что мы со времени Германскаго вліянія, спали глубже вникать въ идею Искусства и въ эпоху отношеніи опередили прочіе народы Европы, которые, держась крѣпко национальныхъ предразсудковъ, до сихъ поръ не доступны новому ученію Германцевъ обѣ Искусствѣ. Должно надѣяться, что и въ Теорії Искусства, Германия, уже давшая намъ мысли болѣе вѣрныя, наведетъ насъ и на путь своенароднаго изученія. .

Возложимъ эти оправдныя надежды на будущее. Кто знаешьъ, можешьъ быть, это будущее недалеко? Уже въ послѣднее время элементы народности начали замѣтно проявляться у насъ въ Искусствахъ. Шагъ едѣланъ, и шагъ важный, мы конечно не остановимся при самомъ началѣ.

3) *Славянскія Древности. Сочиненіе П. И. Шафарика. Переводъ съ Чешскаго І. Бодянскаго. Часть Историческая. Томъ первый, книга вторая. Москва, 1837. 881 стр. in-8°.*

О первой книгѣ Шафарикова штуренія замѣчательнаго и занимательнаго въ высокой степени, говорено было въ 7-мъ numerѣ нашего Журнала за прошедшій годъ. Познакомимъ теперь Чешашелей съ содержаніемъ второй. Доказавъ, что до V вѣка Славяне скрывались въ Европѣ подъ именемъ Виндовъ и Сербовъ, Авторъ не удовольствовался тѣмъ, что открылъ предковъ своихъ въ этихъ двухъ народахъ, и пошелъ ошибки-ваться Славянъ далѣе. Убѣжденный вполнѣ, что всякий

первобытный и далеко распространившийся народъ, кроме своего обыкновенного имени, имѣть еще другія отдельныя, и пришомъ чѣмъ далѣе народъ, чѣмъ ихъ болѣе, Авторъ разсудилъ, что и огромный и многочисленный народъ Виндовъ точно такими же образомъ, еще въ глубокой древности, долженъ быть носить множество мѣснійъ названий по различію племенъ и жилищъ. Въ эпохѣ митніи утверждающіе и слова Горицца увѣряющаго, что въ его время названія Виндовъ, смотря по различію племенъ и жилищъ, были различны, и что народы Славянскіе появились въ Испоріи подъ множествомъ именъ, въ послѣдующее время, отъ VI до IX столѣтія. Въ первоначальномъ отечествѣ Славянъ — краѣ Закарпатскихъ, между Балшійскимъ моремъ и Дономъ, древніе Историки и Географы, кроме Виндовъ, предковъ Славянъ, помѣщающіе еще множество другихъ народовъ и народцевъ, называвшихся разными именами. Изъ соображеній этого съ предшествовавшимъ необходимо рождающейся мысль: не скрывающейся ли подъ нѣкоторыми изъ эпикъ именъ вѣти Винского племени? не принадлежали ли многіе изъ этихъ народовъ и народцевъ къ семейству Славянъ? Шафарикъ принимаетъ это предположеніе за несомнѣнную истину, и въ слѣдствіе этого вторую книгу посвящающіе розысканіямъ какіе изъ числа эпикъ народовъ были племени Славянскаго и какіе принадлежали къ другимъ вѣтвямъ человѣческаго рода. Розысканія начинаются временемъ Геродота; но Шафарикъ вовсе исключилъ изъ круга своихъ изслѣдований народы подобные Гипербореямъ, Кинокефаламъ, Андрофагамъ, Аринаспамъ и другіе, всѣрѣчающіеся въ Писашемъ Греческихъ и принадлежащіе болѣе къ областямъ Мистологіи, чѣмъ Исторіи. При опредѣленіи племеннаго сродства народовъ, Авторъ обращалъ прежде всего обращать вниманіе на ясныя свидѣтельства древнихъ дословій.

зыкъ Писашелей, пока они согласуются съ испорченскою испиниою, извѣсшною изъ другихъ источниковъ, пошомъ на природный свойства, нравы и обычай каждого народа, сколько древнія извѣсція доставляющъ намъ материалъ для эшого, далѣе на географическое положеніе народа и сравненіе снарядъ жилищъ его съ новѣйшими; наконецъ внимательно и осторожно изслѣдывашь самое имя его. Всѣмъ эшимъ правиламъ, предписаннымъ Шафарику Испорическою Крипикою и собственнымъ вкусомъ, онъ остался вѣренъ вездѣ и во всякомъ случаѣ.

Въ числѣ народовъ, помѣщаемыхъ Геродотомъ къ Сѣверозападу отъ Чернаго моря, Авторъ нашъ признаетъ вѣшими Славянскаго племени только два: Будиновъ и Невровъ или Нуровъ. Птоломей въ Европейской Сармашіи своей насчишываешь болѣе 50 различныхъ народовъ и народцевъ. Изъ нихъ Шафарикъ находишь признаки Славянскаго происхожденія въ 29, именно: въ Венедахъ, Булаахъ, Арсіашахъ, Сабокахъ, Пынгинахъ, Бѣссахъ, Сшаванахъ, Шилліонахъ, Щестобокахъ, Траномоншанахъ, Вельшахъ, Карбонахъ, Карешахъ, Рагришахъ, Саварахъ, Борускахъ, Акизахъ, Каскахъ, Ивонахъ, Идрахъ, Стурнахъ, Карюнатъ, Карнианахъ, Гевиахъ, Бодинахъ, Амадокахъ, Наварахъ, Таграхъ и Тирангишахъ. «Вошь народы въ Европейской Сармашіи» — говорить Авторъ — «которыхъ сродство съ Виндами можешь быть доказано съ большою или меньшою испиниою. Послѣ Птоломея не льзя искаль новыхъ, поливѣшихъ извѣсцій объ эшихъ земляхъ и обишающихъ въ нихъ народахъ. Все, что позднѣйшіе Римляне оставили объ эшихъ краяхъ, ограничивающіеся едва нѣсколькими именами народовъ, исключаютъ и выживающихъ ошуда другъ друга, и не-постоянными названіями городовъ и рѣкъ; мѣстного описанія краевъ, новыхъ географическихъ связей —

и не ящите у нихъ, Геродотъ и Птоломей во всей древности — два единственные Писатели, которые въ сочиненияхъ своихъ оставили намъ о краяхъ западныхъ извѣстія отчетливыя и испытанныя, основанные на изслѣдованіи и опытаюсши. (ст. 74).

До сихъ порь разысканія Шафарика о древнейшемъ жилищахъ Славянскихъ народовъ обращены были только на ту изъ нихъ, которые обитали въ странахъ, лежащихъ въ отношеніи къ намъ по сю сторону Карпатовъ. Окончивъ эту сѣашью, онъ переходитъ къ изслѣдованію о Славянахъ, обитавшихъ по берегамъ Дуная и Адриатического моря, прежде чмъ они сдѣлялись здесь извѣстны подъ эшимъ названіемъ въ VI вѣкѣ. Всѣ прежнія разысканія о старобытию Славянъ въ Европѣ основаны были на показаніяхъ и свидѣтельствахъ Писателей иноземныхъ — Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и частію Скандинавовъ; теперь Шафарикъ ищетъ подтвержденія результата этихъ разысканій въ источникахъ национальныхъ. Разсмотрѣніе вещественныхъ памятниковъ народной жизни, представляемыхъ самою землею, въ которой обитали Славяне, и изслѣдованіе устныхъ преданій, сказаний, пѣсенъ, обрядовъ и обычаяевъ, сохранившихся у нихъ и могшихъ пролить свѣтъ на происхожденіе нашихъ праотцевъ, онъ оставляетъ до времени въ сторонѣ, потому что предметы эти входятъ въ сословъ правоописательного отдѣленія «Древностей»; доказательства, какія можно извлечь изъ нихъ разсмотрѣнія и изслѣдованія въ подкрайніе положеній, выведенныхъ изъ иноземныхъ источниковъ, общающіе изложены во всей полнотѣ въ концѣ правоописательного отдѣленія, послѣ изслѣдованія всѣхъ единичныхъ его предметовъ. Здѣсь, въ историческомъ отдѣленіи «Древностей», изо всѣхъ национальныхъ источниковъ, онъ обращаетъ вниманіе только на одинъ исключенный извѣстія народныхъ Историковъ.

Древнѣйшіе изъ Славянскихъ Дѣпісателей, кошо-
рыхъ сказаниія имѣють цѣну при изслѣдованіи вопроса
о старобытности Славянъ въ нашейъ часпи Свѣща,
сущь: Русскій Несторъ (ум. около 1115), Чекъ Дали-
мъ (1282—1314) и Поляки Кадлубекъ (писалъ около
1220) и Богуфаль (ум. 1253). Несторъ далеко превы-
щаешь прочихъ. Въ Лѣтописи своей онъ предла-
гаешь важныя извѣстія, много объясняющія сказанный
вопросъ. У остальныхъ трехъ всрѣчаются сказаниія
незначительныя, сами по себѣ шемныя, но при сравне-
ніи ичъ съ другими то же годныя. По этому Шафа-
рикъ сказаніе Нестора разсматривается преимуще-
ственno предъ прочими. «Несторъ» — говоришъ онъ —
«имѣль у себя подъ руками два преданія о старобыт-
ности Славянъ: слѣдя одному, онъ полагалъ, что Сла-
вяне, обиравшіе въ его время на Сѣверѣ, были изстари
жилищами эпіхъ краевъ, и занимали въ эпоху Рожде-
ства Христова и проповѣди Апостоловъ, тѣ же самыя
жилища, какъ и въ XI столѣтіи; слѣдя другому, — что
эти же Славяне въ древнѣйшее время жилищами свои-
ми проспирѣались гораздо далѣе на Югъ, т. е. черезъ
Карпатскія горы касались Иллірика и Адріатическаго
моря, откуда бывъ изгнаны Влахами, утратили на вре-
мя эти края и ограничились Карпатами.» Первое видно
изъ разсказа Нестора о прибытіи Св. Андрея къ
Русскимъ Славянамъ, именно въ окрестностяхъ Кіева и
Новагорода; впороге доказывается многими мѣстами
его Лѣтописи, которыя Шафарикъ приводитъ всѣ до
одного. Сказаціе Инока-Лѣтописца о Св. Андреѣ, ко-
торое Добровскій и Шлецеръ счищали подозрительнымъ
и прибавленнымъ въ послѣдствіи, Аѳторъ нашъ прини-
маешь за истинное и вполнѣ достовѣрное. Вошь слова
его обѣ ятомъ: «Несторъ не былъ невѣждой въ Лѣто-
писемъ и хорошо зналъ, сколько вѣковъ прошло съ
времени Р. Х. и Апостоловъ до прибытія Варяговъ къ

Славянамъ, или до Княженія Святополка II, при ко-
торомъ онъ писалъ свою Лѣтопись, какъ онъ самъ о
томъ всюду прямо говориша. Равнымъ образомъ не
былъ сполько недальновиденъ, чтобы предложиши сво-
имъ Славянскимъ чишашелямъ чѣ-нибудь шакое, чѣ-
бы совершенно прошиворѣчило ихъ сердечному убѣждѣ-
нію. Мнѣніе о жицельствѣ Славянъ на Руси уже во
времена Апостоловъ сосставляло, безъ сомнѣнія, при
Несшорѣ всеобщее повѣрье Славянъ на Сѣверѣ. А по-
шому Несшорѣ и не затрудняется повторить со всѣмъ
довѣріемъ своего Христіанскаго чистосердечія и про-
шиты древнее сказаніе о прибытіи Св. Андрея въ Русь
и общеніи его съ Славянами, именно въ томъ видѣ,
какъ онъ самъ его принялъ изъ древнѣйшаго преданія,
зналъ, что оно сосставляетъ всеобщее вѣрованіе. Стало
быть Славяне Русскіе, а съ ними и Преподобный Не-
шорѣ вѣрили, что предки ихъ уже во времена Апосто-
ловъ обишли на Руси. И это для нашего предмета
особенно замѣчательно и важно. (стр. 81).

О времени изгнанія Славянъ изъ странъ Поду-
найскихъ Волохами, Несшорѣ не говориша ничего
определеніишеаго; равнымъ образомъ и ничего точнаго
не сообщаешь онъ и о томъ, что за народъ были эти
Волохи. Прислушая къ разрѣшенію этой важной ис-
торической загадки о древнихъ жилищахъ Славянъ на
Дунай и изгнаніи ихъ отъ руку Влахами, Шафарикъ
разсматриваетъ три вопроса: 1) откуда заимствовалъ
Несшорѣ это свое извѣстіе? 2) кто шаковы его Вла-
хи? 3) что говориша Исторія о справедливости или
ложности этого преданія? Первый вопросъ решаетъ
онъ такъ, что Несшорѣ не могъ ци откуда взять
этого извѣстія, какъ сполько изъ народнаго преданія,
именно изъ народныхъ сказаний, сохранившихся въ
Песняхъ Славянъ. О Влахахъ доказываетъ, что это
было у древнихъ Славянъ общее названіе народовъ

Галльского или Кельтического племени, точно такъ же, какъ Чуды назывались у нихъ всѣ народы Финскіе, а Нѣмцами всѣ Германскіе; чѣмъ по этому и Несторъ подъ именемъ Влаховъ, кошорые изгнали Славянъ изъ земель Подунайскихъ, не разумѣлъ никого другаго, кроме Галловъ; но чѣмъ введенный въ заблужденіе сходствомъ имени Влаховъ или Галловъ, съ Валахами, народомъ, образовавшимся въ V и VI сполѣшіи по Р. Х. изъ смѣси Гетовъ, Римлянъ и Славянъ въ Дакіи, смѣшаль въ одно два разныхъ преданія о Славянахъ Подунайскихъ, изъ кошорыхъ по одному, древнѣйшему, Славяне въ незапамятное время жили на Дунай въ землѣ, называемой Иллірикъ; по другому же, позднѣйшему, Славяне, поселись уже снова въ нынѣшней Венгрии и Мезіи, покорены были Венграми и Булгарами. При разрѣшеніи шретъяго вопроса, сказавъ, чѣмъ свидѣтельство Нестора о древнемъ пребываніи Славянъ въ краяхъ Иллірійскихъ и войнахъ ихъ шакъ съ Валахами, подшверждается также и другими Славянскими дѣшописцами Кадлубкомъ, Богуфаломъ и Далимиломъ, Шафарикъ разсматриваетъ: въ самомъ ли дѣлѣ Кельты владѣли Подунайскими землями и изгнали оттуда другихъ, древнѣйшихъ, чѣмъ они, народовъ; и можно ли, по крайней мѣрѣ близко къ правдоподобію, доказать, чѣмъ Славяне обишли уже въ этихъ краяхъ до времени всѣмъ извѣснаго своего прибытия въ страны Подунайскія въ VI и VII сполѣшіи.

Въ подшвержденіе первого мнѣнія о владычествѣ Кельтовъ въ странахъ Подунайскихъ и о томъ, чѣмъ они вытѣснили оттуда прежнихъ обитателей, Авторъ представляетъ многочисленныя свидѣтельства Ливія, Юстиніана и другихъ. Историковъ древности, изъ кошорыхъ видно, чѣмъ Галлы дѣйствительно вооруженною рукою вшорглись въ Иллірикъ, Паннонию и осадильные Подунайскія земли, между 350 и 356 годомъ до Р. Х.,

и жившіе тамъ народы часію истребили, часію обращали въ услуженіе и рабство, продали, часію же разогнали, вышѣнили и навсегда удалили. По вішому позволительно думать, что народное преданіе, сохранившееся даже до Нестора, основаніемъ своимъ имѣло истинное событіе, и что Славяне оставили Дунай точно для Галловъ, хотя Древніе и не упоминають Славянъ между выгнанными оттуда народами. Пребываніе Славянъ надъ Дунаемъ, прежде прихода ихъ сюда описано въ VI и VII вѣкѣ, Авторъ доказываетъ преимущественно называемъ горъ, рѣкъ, озеръ и городовъ этой страны, встрѣчающимися у Писателей, жившими прежде VI и VII вѣка, названіями чисто-Славянскими, звуки которыхъ понятны досель уху Славянамъ, безъ всякой пересстановки ихъ или другой подобной нашажки, къ какимъ нерѣдко прибывающъ корисловы для подтвержденія своихъ ипотезъ.

Доказавъ существованіе Славянъ въ земляхъ Подунайскихъ ранѣе IV столѣтія до Р. Х. и оправдавъ такімъ образомъ вполнѣ сказаніе Нестора, Авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію другой трудной загадки исторической: собственно такъ называемые Иллірійцы и союзіи ихъ, Адріатическіе Венеты, были ли также народы племени Славянскаго, или иначе. -- Вообще все Иллірійцы по мнѣнію Шафарика не были Славянами, но на основаніи того, что многія названія горъ, рѣкъ и городовъ въ Иллірикѣ — Славянскія, онъ думаетъ, что въ то древнее время, когда Славянскіе народы обишли въ Подунайскихъ краяхъ, до изгнанія ихъ оттуда Кельтами, некоторые вѣтви ихъ просперировали до земель, названныхъ въ послѣдствіи Иллірійскими, т. е. до нынѣшней Хорватіи и Адріатического поборья. Возможно и вѣroяшно также, по мнѣнію Автора, что спустя довольно времени по нашествію Кельтовъ на Славянъ Подунайскія, осаждки ихъ, вы-

гнанные изъ прежнихъ привольныхъ жилищъ своихъ, и принужденные удалившись въ неизвестныя горы Иллірійскія, сохранили шамъ между иночлененными народами языкъ свой до тѣхъ поръ, пока подавши всеобщей участіи небоѣвшихъ, покоренныхъ народцевъ, подобно рѣкѣ въ морѣ, не погрузились и совершенно не исчезли цѣювой, образовавшейся во время Римскаго господства, смѣси. — О происхождениі Венетовъ, какъ Адріатическихъ, такъ и Арморійскихъ, равно какъ и обѣ Генешахъ Пафлагонскихъ и Альційскихъ Винделиахъ, кошорыхъ нѣкошорые изслѣдователи древности по же почитающъ принадлежащими къ племени Славянскому, Авторъ нашъ не даетъ никакого рѣшишельного мнѣнія. Вотъ собственныя слова его: «Если народы эти были дѣйствительно племени Виндскаго или Славянскаго (что можно предполагать по нѣкоторымъ доводамъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же не были, если должно вовсе отказатьсь отъ сродства съ ними — разстанемся съ ними безъ сожалѣнія. Достовѣрно-исторически извѣстно намъ только то, что предки наши, подъ иноземнымъ назраніемъ Виндовъ или Вендовъ, и отечественными именами Сербовъ, Славянъ, Полянъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Венетовъ, Кривичей и т. д. въ историческую эпоху, начиная со временъ Геродота, занимали жилищами своими обширные края по обѣ стороны Карпашовъ, съ одной стороны — отъ Балтійскаго моря до Венгерскаго Дуная и даже до береговъ Адріатическаго моря, а съ другой — отъ истоковъ Волги и Дона до предѣловъ, полагаемыхъ Вислой и Одеромъ, пока Кельши и Влахи нападеніями своими, большую часцію, не выгнали ихъ изъ подъ-Карпашскихъ земель и не принудили подвинуться далѣе на Сѣверъ.»

Вотъ общіе результаты разысканій Шафарика, посвященнѣе насаждорадію: какіе изъ числа народовъ,

обитавшихъ въ Европѣ до великаго переселенія народовъ, принадлежали къ племени Славянскому. За эими слѣдуетъ обозрѣніе прочихъ древнихъ Европейскихъ племенъ и народовъ, выѣхавшихъ какія-либо общенія съ Славянами до сказанной эпохи. Такой обзоръ Авторъ почелъ нужнымъ сдѣлать для лучшаго утвержденія изложенныхъ выше выводовъ о первобытныхъ жилищахъ Славянъ, равно какъ и для лучшаго объясненія древности, эшого племени, его дѣяній, переселеній и проч.

«Когда» — говоришь опь — «надлежащимъ показаніемъ мысль и жилище каждого племени, находившагося въ древности въ соприкосновеніи съ Славянами, доказано будешь вполнѣ, что эши иноязычные народы въ означенную нами эпоху нигдѣ дѣйствительно не занимали и не наполняли своими поселеніями земель и справъ, признанныхъ нами прародиной Славянъ, такъ, чтобы въ нихъ не было уже для Славянъ никакого мѣста, шо возраженіе, кошорое съ эшои стороны можно бы сдѣлать, и кошорое нѣсколько разъ предлагали, совершенно оправдываясь и уничтожаясь». Въ этомъ обзорѣ, кошорый Авторъ называетъ скромны, но кошорый во вшорой книгѣ занимаетъ болѣе 170 страницъ, и продолженіе кошраго въ томъ же объемѣ потребуетъ по крайней мѣрѣ столько же мысля въ шрецѣй книгѣ, онъ обращаешь вниманіе преимущественно на мысль жильства и Исторію народовъ, о кошорыхъ идешь рѣчъ, и довольно спокойно въ эшомъ случаѣ выводами лучшихъ современныхъ изслѣдователей, удрученія сколько можно болѣе, опь подробнаго разъясненія.

Всѣ народы, сосѣдствовавшіе или даже и жившіе выѣхавши съ древними Славянами въ ихъ землѣ, въ продолженіе времени опь V вѣка предъ Р. Х. до V вѣка по Р. Х., Авторъ, по происхожденію пхъ и языку, раздѣляешь на семь племенъ: Скиеское и Чудское или Финское, при-

численныи къ шакъ называемому поколѣнію Сѣверному, и Сариапское, Кельпское, Нѣмецкое, Лишовское и Фракійское, который онъ относилъ къ поколѣнію Индо-Европейскому. Во второй книгѣ размашривающейся шолько при первыи племени. Эта чась розыскайій довольно пошороннихъ предмету «Древностей» любопытна и обработана нисколько не менѣе предшествовавшихъ, и также знакомитъ Русскихъ читателей со множествомъ фактovъ и доказываній, которыхъ они не могли бы найти ни въ какомъ другомъ сочиненіи. Удовольствіе сказать объ нихъ подробнѣе мы откладываемъ до выхода въ свѣтъ прещѣй книги «Древностей», гдѣ спашти о народахъ сопредѣльныхъ Славянамъ будешь окончена совершенно.

4) *Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовыхъ отношеніяхъ, произведенное и изданное по Высочайшему сокволенію. С. П. Б. 1856, 4 Части, in-8°.*

Кавказъ и страны, лежащія къ Югу отъ него, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и попому въ отношеніи къ наимъ называемыи Закавказьеи, страны замѣчательныи по богатству естественныхъ произведеній, по разнообразію вѣръ, языковъ и обычаевъ своихъ обитателей, обращали на себя вниманіе Европейцевъ уже съ давниго времени, и сдѣлались предметомъ многихъ путешесвій и ученыхъ экспедицій. Результатомъ такой любознательности было пріобрѣтеніе значительного количества свѣдѣній географическихъ, энтомографическихъ и лингвистическихъ. Собирасть известія о спашистикѣ края не было никакой возможности. До поступленія подъ владычество Россіи, страны эти находились почти постоянно въ самомъ смущеніи состояніи, которое дѣяло не безо опасности

длговременное пребывание здесь путешесственикъ; пришомъ съѣднія спашическия шамъ, гдѣ они не обнародываются, можно получать только отъ Прави-
тельства, а мелкие Владыцы Кавказа и Закавказья не имѣли даже понятия о пользѣ спашическихъ исчи-
сленій. Такимъ образомъ въ продолженіе прошедшаго
сѣолѣтія, Закавказье въ спашическомъ отношеніи,
ославалось извѣшными ученымъ миру не болѣе другихъ
Азіашкихъ странъ; а это очень не много. Наше Пра-
вительство, расширяя постепенно владычество свое
въ этихъ странахъ, сшаралось, разумѣвшись, познако-
мишься съ ними во всѣхъ отношеніяхъ и сдѣлать край
сколь возможно извѣстнѣе. Нѣкоторые изъ Русскихъ
Чиновниковъ, по занимаемымъ ими должностямъ, имѣв-
ши свободный доступъ къ съѣдніямъ собраннымъ Пра-
вительствомъ, подѣлились своимъ богатствомъ съ со-
отечесственниками, и мы получили прекрасное сочиненіе
С. Броневскаго «Извѣстія о Кавказѣ», «Спашиче-
ское описание Закавказского края» О. Евецкаго, и нѣ-
сколько другихъ книгъ; но все съѣднія, какъ обнаро-
дованныя, такъ и осправившіяся въ рукахъ Прави-
тельства, не могли дать и десятой части машерадовъ для
составленія чего-нибудь похожаго на Спанишуку За-
кавказья. Между тѣмъ Правительству нужно было
имѣть вѣрнѣшія и точнѣшія извѣстія о Закавказ-
скихъ владѣніяхъ нашихъ, въ настоящее царствованіе
шоль далеко развинутыхъ Русскимъ оружиемъ: прі-
обрѣтеніе и охраненіе ихъ силою можершваній и
крови, а земля эти, обильныя еспесшвенными богаш-
ствами и находящіяся въ положеніи выгодномъ для
успѣховъ торговли, не вознаграждали Россію за ея
спарадія ко благу ихъ. Чтобы предпринять какій-
либо преобразованія на пользу края и вывести Рос-
сію, надлежало прежде изслѣдовашъ его средство и
мужамъ, унашъ его короче со всѣхъ сторонъ. Съ

этого члмю Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ представилъ, въ 1827 году, на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ свой о приведеніи Закавказья въ извѣстность и о средствахъ поспашить егъ на лучшую ногу. Представление сіе удостоено было Высочайшаго утвержденія, и въ слѣдующеѣ штого на-
режданія была экспедиція изъ нѣсколькихъ избранныхъ Чиновниковъ, которые должны были совершишь описание края по данному имъ наставленію. Къ исполненію этого предпріятія присуждено въ концѣ 1828 года, а въ началѣ 1835, когда многолѣтній трудъ Чиновниковъ былъ оконченъ и представлень Г. Министру Финансовъ, онъ довѣръ о шомъ до свѣдѣнія Комитета Гг. Министровъ, полагая полезнымъ: всѣ счастлиническія свѣдѣнія, собранныя о Закавказскомъ краѣ напечатать для всеобщаго свѣдѣнія; издание же ихъ поручить за-
нимавшемуся поспоянино въ числѣ прочихъ Чиновниковъ, Легкобытову, который, въ ищечіе пяти лѣтъ, обозрѣлъ важную часть края. Предположеніе это было Высо-
чайше утверждено: благодаря чому мы и имѣмъ раз-
бираемое нами «Обозрѣніе». На оберпкѣ его высшав-
ленъ 1856 годъ, но оно вышло изъ печати только въ прошедшемъ 1857 году.

Въ политическомъ отношеніи Закавказскія владѣ-
нія наши раздѣляются на *совершенно подвластныя* Россіи и на находящіяся только подъ ея покровитель-
ствомъ, или зависящія отъ нея. Первые управляются Русскими Чиновниками непосредственно, послѣднія
своими собственными Владѣтелями или Старшинами.
Изъ числа подвластныхъ Россіи владѣній, четыре тома «Обозрѣнія» заключающъ въ себѣ описание слѣдующихъ:
1) Грузіи съ причисленными къ ней а) Дистриціями Горскихъ народовъ, б) Оссешию, с) Дистриціями: Казахскою, Шамнадильскою, Борчалинскою, Бомбако-
Шурагельскою, д) Округомъ Елисаветпольскимъ; 2)

Военнымъ Округомъ Мусульманскихъ Провинцій, куда принадлежалъ Провинціи Ширванская, Карабахская, Шекинская и Ханшво Талышинское; 3) Военнымъ Округомъ Дагестанскихъ Провинцій, въ которомъ заключающейся Провинціи Бакинская, Кубинская и Дербентская; 4) Провинцій, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Турціи и Персіи, какъ-то: Ахалцихского Пашалыка, Армянской Области и Ордубадского Округа. Изъ числа зависящихъ отъ Россіи, помѣщено описание владѣній Шамхала Тарковскаго, Кара-Кайшакскаго, Табассаранскаго, и нѣкошорыхъ вольныхъ Дагестанскихъ общесловъ. Имеретія, Гурія, Джаро-Белоканская Область, подвластныя Россіи, и Мингрелія, Абхазія, владѣнія Судзана Элансуискаго, Ханшва Аварское и Казы-Кумыкское, состоящіе подъ ея покровительствомъ, не вошли въ сославъ Обозрѣнія.

Всѣ частіи Закавказья, подвергшіяся осмотрѣ экспедиціи, описаны по одному плану. Всѣ Области, Провинціи, Дистрикты, Округи и уезды размѣшиваются въ «Обозрѣніи» отдельно, въ отношеніи къ географическому положенію, состоянію и качеству почвы, климату, естественнымъ произведеніямъ, пушемъ сообщенія, народному богатству; промышленности, торговли, производительности фабричная, заводская и мануфактурная, описывающіяся со всею возможной подробностію и во всѣхъ видахъ. Вездѣ показано различіе монетъ, мѣръ и вѣсовъ. Разнородное населеніе каждого небольшаго округа изображающееся въ отношеніи къ происхожденію, языку, нравственнымъ и физическимъ свойствамъ, Вѣровѣспованію, спеленн образованности, образу жизни. Обычаи, предразсудки, описание одежды, жилищъ, — все нашло мѣсто въ «Обозрѣніи». О городахъ говорится сообразно всемъ требованіямъ Статистики и Топографіи; о каждомъ прежде отдельномъ владѣніи сообщающіяся свѣдѣнія историческая. Передъ описаниемъ

Грузіи помѣщено введеніе, гдѣ обозрѣвающіяся вкращѣтъ исторія, характеръ, нравы и степень образования Грузинскаго народа. Въ другомъ введеніи къ обозрѣнію Мусульманскихъ Провинцій, изложены догмы, обряды и религіозныя постановленія Мусульманъ Закавказья. Сверхъ этого въ началѣ «Обозрѣнія» есть еще «Общий взглядъ на Закавказье, какъ на колонію Россіи, и на состояніе Закавказскаго края въ статистическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ». Въ этомъ «Взглядѣ», на основаніи данныхъ, собранныхъ экспедицію, показывающіяся выгоды, кошорыя можетъ получить Россія отъ своихъ Закавказскихъ владѣній, съ усиленіемъ въ нихъ промышленной и торговой дѣятельности, съ развишиемъ естественныхъ ис точниковъ богатства и лучшимъ устройствомъ финансовой системы.

Изъ сдѣланнаго нами изложенія содержанія и плана «Обозрѣнія», довольно видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершено экспедицію описание Закавказья. Правда, что о большей части предметовъ, о кошорыя говорится въ «Обозрѣніи», писано было уже и прежде въ разныхъ сочиненіяхъ, какъ Русскихъ, такъ и иностраннѣыхъ; но то, о чёмъ говорилось какъ-нибудь, въ «Обозрѣніи» изложено со всевозможною отчетливостью, знаніемъ дѣла и большими вкусомъ. Свѣдѣнія статистическая и особенно финансовая, составляющія самую важную часть сочиненія, поражающія невольно своею новою. Читая ихъ, вы чувствуешь, что бессѣдуешъ съ людьми опытными, исполнившиими долгъ свой съ любовью и усердіемъ, и пользовавшимися всѣми пособіями, кошорыя можетъ дашь Правительство, когда какъ предшественники ихъ не имѣли и десятой части этихъ пособій, и занимались составленіемъ своихъ описаний только во время оспававшееся у нихъ свободнымъ отъ другихъ занятій. Нѣкошорыя части Закавказья являются въ «Обозрѣніи» описаными въ

первый разъ даже и въ топографическомъ ошиноженіи. Столько же новаго сообщаешь оно и по Эннографії. Мы узнаемъ множеству обычаевъ, обрядовъ и другихъ особенностей жизни Закавказцевъ, о кошорыкѣ не нашли бы ни слова въ прежнихъ пущешесвіяхъ или описаніяхъ. Свѣдѣнія о сословіи Мусульманскаго Духовенства, о законахъ Вахшана, объ устроїствѣ и управлѣніи различныемъ владѣній до поспущенія ихъ въ подданство Россіи, и многія другія слашь любопытны въ высочайшей степени и не были обработаны ни въ одномъ сочиненіи, предшествовавшемъ «Обозрѣнію». Вообще, по части Спашистики и Эннографіи и въ ошиноженіи финансовою «Обозрѣніе» сообщаешь такую массу новыхъ свѣдѣній, что, желая познакомить читашелей съ какою-нибудь изъ слашь его по эннамъ предмешанъ, мы, теряемся въ окружающемъ насть богатствѣ. Не зная, что выбрать для представления въ образчикъ, совѣщаемъ всѣмъ образованнымъ людямъ прочитать самимъ «Обозрѣніе» отъ первой страницы до послѣдней. Новыхъ извѣстій объ языкахъ Закавказья, розысканій о средствѣ и происхожденіи населяющихъ его народовъ — мы не въ правѣ и ожидать отъ «Обозрѣнія»; оно ничего такого не обѣщало на свою заглавную листъ. Открытий и пріобрѣтеній въ этой области знаній надѣемся мы отъ Г. Академика Шегреня, пущешесвовавшаго съ эпою цѣлью по Кавказу. То, что говорится въ «Обозрѣніи» о языкахъ и происхожденіи Закавказцевъ, заимствовано изъ сочиненій ученыхъ иностраницъ, преимущественно Кларуша. При этомъ слушать можно замѣнить, что во всѣхъ сочиненіяхъ о Кавказѣ, вышедшихъ въ свѣтъ на Русскомъ языкѣ, послѣ появленія «Извѣстій» Броневскаго, почти всѣ историческія свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ жительства разнообразившія народовъ, заимствуясь изъ послѣдняго сочиненія съ прибавлениемъ еще

кое-чего изъ Клапрота. Соблюдемъ будущимъ Писателемъ обѣ этомъ предметѣ обращеніе вниманіе на сочиненіе Д'Оссона *Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim*, Paris, 1828, где они найдутъ о народахъ Кавказа много нового и основательнаго свѣдѣній, кошорыми могутъ замѣнить то, чѣмъ опѣшало опѣ настоящаго состоянія знаній въ Броневскомъ, и чѣмъ чакоро слѣплено у Клапрота. Самая слабая часть въ «Обозрѣніи», вто спашы въ Магомешанскомъ Вѣрюсоповѣданіи. Въ ней говорится, на примѣръ, что Коранъ писанъ на древнѣмъ книжномъ Арабскомъ языке, который называемъ Куфическимъ или Коптскимъ (Т. III, стр. 10). Но такиѣ ошибки немногіе: онѣ вовсе незначительны и почти неизбѣжны для людей, незнакомыхъ съ языками Востока и постому не могущихъ почерпать свѣдѣнія изъ источниковъ. Притомъ религіозное законодательство Мусульманскіхъ народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи — предметъ еще вовсе не тронутый; и мы должны быть благодарны составителю «Обозрѣнія» и за пѣв немногія свѣдѣнія, которыя они передали намъ о немъ.

Вѣрюсти свѣдѣній, сообщаемыхъ «Обозрѣніемъ», мы не можемъ быть судьями (*). Для этого надлежало бы намъ совершить новое путешесствіе въ Закавказье, и имѣть въ путь средства, кошорими пользовались Чиновники Экспедиціи и опложиши рецензію на пашь лѣпъ. Ручательствомъ въ желаемой вѣрюсти кромѣ образованности составителей и знанія дѣла,

(*) Описаніе Шахіцеванской Провинціи, произведенное Г. Григорьевымъ, и изданное въ 1828 году за два до появленія его въ статіи въ «Обозрѣніи» вѣдѣшъ съ трудами другихъ Чиновниковъ Экспедиціи, въ «Современникѣ» за 1836 годъ, подверглось сильныхъ обвиненій въ неѣстественности испанскихъ извѣсій.

кошорых видны на каждой страницѣ, служить еще увѣренія ихъ, что они занимались возложенными на нихъ порученіемъ, не только ех officio, но и сою ашоге, не щадя трудовъ и здоровыя. Стараниями Гг. Флоровскаго, Вышеславцева, Зубарева, Яновскаго, Григорьева, Гордѣва и особенно Г. Легкобышова, Закавказскія владѣнія Россіи сдѣлались самыми свѣтлыми уголкомъ въ познаніяхъ нашихъ обѣ Азіи. Иль принадлежишъ чесѣшь, что Правительство точно имѣешь шеширь «полную и по возможносши вѣрную картины естественныхъ средствъ Закавказскаго Края, народа, населенія, духа, нравовъ, обычаевъ народа, промышленосши во всѣхъ ея видахъ, и наконецъ системы существующихъ нынѣ Казенныхъ доходовъ, съ замѣчаніями и предположеніями, сдѣланными на мѣстѣ.. Они совершили въ лѣтъ лѣтъ шо, что Англичане не могущь сдѣлать для своихъ Индійскихъ владѣній, въ продолженіе многихъ десѧтковъ годовъ. Вонъ чиозначатъ Русскіе, когда они захотятъ дѣлать; когда трудились съ увѣреносшию принесши пользу Отечеству!

Къ «Обозрѣнію» приложена прекрасно ошрабанная Карта Закавказья, составленная въ 1858 году Корпуса Топографовъ Поручикомъ Колоколовымъ, и вѣсколько шаблицъ, показывающихъ народонаселеніе различныхъ частей Закавказья и доходы Правительства по разнымъ отраслямъ финансового управления.

B. Г.

5) Dzieje staroѣtne narodu Litewskiego. Przez Teodora Narbutta. Tom drugi. Sledzenia poszczekow narodu Litewskiego i poszczekki jego dziejow.— Z trzema Kartami geograficznemi. (Изслѣдованіе происхожденія Литовскаго народа и первокатальской его Исторіи. Сок. Ф. Нарбута.

Томъ 2, при коемъ приложены три географических карты). Wilno, 1837. въ шипогр. Марциновскаго, IV и 576 стр. in-8°.

Литовскія племена становятся нѣсколько извѣстнѣе въ Исторіи съ началомъ XIII вѣка; древнійшія дѣла сего народа и происхожденіе онаго, несмотря на шруды нѣкоторыхъ, какъ Литовскихъ, такъ и чужеземныхъ Писашелей, предшавляющъ еще обильное поприще для историческихъ изслѣдований.

Тъмъ любопытнѣе должно быть для любителей Исторіи нашеающее сочиненіе, имѣющее предметомъ разысканіе первоначального происхожденія сего народа и переселенія ихъ на земли, занимаемыя нынѣ Литовскими племенами.

Авторъ этого сочиненія, Г-нъ Нарбунъ, полагаетъ, что при переселеніи людей послѣ Попюпа изъ Малой Азіи въ Европу, нѣкоторая часть преобразилась чрезъ Лапландію въ Скандинавскій полуостровъ, имѣвшій тогда гораздо вышшую температуру, и образовала народъ Сѣверный, разлившійся въ послѣдствіи по всей Европѣ подъ именемъ Варяговъ, Готеовъ, и т. д.; другая часть обратилась къ Югозападу, и поселись на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, основала народъ Пелагетовъ, ошь кошораго произошли разныя мелкія отрасли, въ томъ числѣ и Гелоны (*Gelones*). Древнѣ же всѣхъ начали подвигаться въ предѣлы Европы Скіевы, распространившіеся мало по малу подъ именемъ Кимбріи (*Cimbri*), Кельтовъ и другихъ ошь рѣки Дона, Азовскаго и Чернаго морей, вверхъ по Дунаю и Днѣпру до Балтійскаго мора.

Впрочемъ народы, поселившіеся по берегамъ сего послѣдняго моря, около 190 года до Рождества Христова принуждены были оставить онѣ по случаю чрезвычайныхъ физическихъ переворошовъ, произшедшихъ ошь покрыша части Балтійскаго моря обломками

другъ раздробленыхъ планетъ или спутниковъ земли, и измѣнившій совершенно прежнюю почву (?).

Въ числѣ народовъ, смѣшившихся со Скиѳами, Авторъ отмѣчаетъ племя Индійскіе выходцевъ, поклонниковъ Будды (?), изгнанныхъ изъ своего отечества за введеніе и распространеніе новой Вѣры. По его мнѣнію они поселились первоначально въ Арmenіи на берегахъ Аракса, (который называется также Россомъ) и сдѣлались родоначальниками древняго народа Колховъ, обитавшаго по Азовскому морю къ Западу отъ горъ Кавказскихъ; отъ Колховъ же произошли Будины, племя Indo-Скиѳское, поклонники силенныхъ рѣкъ. — Будучи вытѣснены изъ своей родины возвращающіе могуществою Персидской Монархіи, Будины подвижались къ Волгѣ, и назвали оную именемъ протекавшей въ прежнемъ ихъ отечествѣ рѣки Рось; въ половинѣ же шестаго вѣка до Рож. Хр. перешли на лѣвый берегъ Дона, и распространяясь между Дономъ и Донцемъ смѣдались съ Гелонами, о коихъ упомянуто выше.

Отъ сихъ-то двухъ народовъ ведеть Авторъ происхожденіе Липовцевъ. Лишь за 80 до Рож. Хр., говорить онъ, Гелоны и Будины, шѣснадцати Сарматами и другими Надволжскими народами, наводнившими Скиѳію, устремились къ Западу по теченію Сеймы, Десны въ Днѣпро; оселившись въкоторое время около рѣкъ Мерепа и Луни, дошли до береговъ Ильмана и перенесясь на лѣвый берегъ Зельзы въ нынѣшнемъ Волковскомъ уѣздѣ, начали тутъ поселяться, назвавъ эту рѣку, по обыкновенію предковъ, священнымъ именемъ Рось.

Отъ этой рѣки Рось или Роси вся страна, населенная упомянутыми народами, какъ утверждаетъ Авторъ, получила название Россіи или Руси, и подъ симъ именемъ была известна скандинавскимъ народамъ, находив-

шился съ нею въ безпрерывной войнѣ. Скандинавскій народъ Вераги, покоривъ часть нынѣшней Литвы, присвоили себѣ название Руссовъ, которое и сообщили въ послѣдствіи Россіи.

Размножившееся поколѣніе Пелазго-Скіеское, или Будиньо-Гелонское, распроспранясь болѣе и болѣе, раздѣлилось на три главныя части: на Пруссію, собственную Летту (получившую название отъ языческихъ боговъ Ліешна и Ліешуванисъ), и Лотту. Авторъ объясняешь постепенное развитие сихъ отраслей и стараешься открыть слѣды Литовскихъ племенъ въ самодревѣйшихъ временахъ подъ именемъ Геруловъ предъ нашимъ Христіанскимъ лѣтосчисленіемъ.

Главная его цѣль есть доказать, что Литовцы, какъ происходящіе отъ двухъ образованныхъ племенъ, не были народомъ дикимъ, какъ другіе Писатели утверждающіе, но образованными, въ свѣдѣніи въ Искусствахъ и земледѣліи. Вирочемъ, занимаясь преимущественно изслѣдованиемъ Исторіи Литовцевъ, Авторъ сообщаетъ также свои замѣчанія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ народахъ древней Европы, какъ то: Сарматахъ, Гошахъ, Эспахъ, Ливи, Венетахъ, различныхъ племенахъ Славянскихъ, Половцахъ и Ятвягахъ.

Ошступивъ рѣшишельно отъ мнѣній предшественниковъ своихъ о происхожденіи Литовскаго народа и избравъ путь новый, Г-нъ Нарбушъ руководствовался въ замѣчаніяхъ своихъ ощущеніи авторитетомъ Геродота и языковѣдами нѣкоторыхъ Немецкихъ Ученыхъ (*), ощущали же догадками, выводимыми изъ историческихъ соображеній, и даже сказаніями, признанными за баснословныя. Конечно онъ стараешься доказать свои предположенія довольно удачными лингвистическими разысканіями, указаніемъ физіономического сродства Индо-

(*) Риннере, Ваера, Фоккин, Гаршикох и другихъ.

Скіеовъ съ Лишовскими племенами, начонецъ сходствомъ обычаевъ и древнихъ религіозныхъ понятий обоянъ изродовъ, что все заслуживаетъ вниманіе читателей; но самая новость предположеній, и основаніе выводовъ на доказательствахъ, требующихъ ближайшаго изслѣдованія, не дозволяютъ принять его мнѣнія, шѣмъ болѣе, что и самъ Авшоръ предлагаетъ свое сочиненіе только въ видѣ опыта, могущаго служить путеводителемъ послѣдующимъ Историкамъ Лифовскаго народа. Въ концѣ книги присовокуплены любопытныя замѣчанія о предметахъ, относящихся къ Исторіи Латвы, и три географическія карты, изображающія народонаселеніе древней Европы по системѣ Авшора.

2.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

ОВѢДЪ, ДАННЫЙ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ КРЫЛОВУ,
ВЪ ЗАЛѢ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНИЯ, 2 ФЕВРАЛЯ 1838
ГОДА.— Нѣсколько извѣстнѣйшихъ нашихъ Писателей,
припомнивъ, чѣмъ въ наспоящемъ году совершился
пятидесѧтилѣтіе диперашурваго поприща Ивана
Андреевича Крылова, предположили озnamеновать день
его рожденія, 2 Февраля, торжествомъ небывалымъ
въ Россіи. Мысль, внушенная уваженіемъ и признатель-
ностію къ знаменитому нашему Басноцисцу была еди-
нодушно прината многими Академорами, Художни-
ками и любишелями Отечественной Словесности;
кооторымъ предложили участвовать въ намѣреніи дашь
Крылову обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собрания.

Къ назначенному времени, въ 5-ть часовъ по полу-
дни, собрались въ домѣ Госпожи Энгельгардѣ пригла-
шенные посыпшили, число коихъ просигралось болѣе
двухъ сошь. Собрание необыкновенное! Здѣсь, на ам-
перашурномъ торжествѣ въ лицѣ любишелей Словес-
ности, видѣли многихъ Государственныхъ Сановниковъ:
Г. Предсѣдашель Государственного Совета Графъ Н. Н.
Новосильцовъ, Г. Военный Министръ Графъ А. И.
Чернышевъ, Графъ А. Х. Бенкendorфъ, Г. Министръ
Финансовъ, Графъ Е. Ф. Каикринъ, Г. Министръ
Внутреннихъ Дѣлъ Д. И. Блудовъ, Г. Министръ Госу-
дарственнѣйшъ Имуществъ П. Д. Киселевъ, и многие
другіе были гостями на пиру Крылова, вмѣстѣ съ из-

въснѣйшими Русскими Писателями, Художниками, Артистами. Знаменитый старець А. С. Шишковъ также почтилъ на нѣсколько времени сей праздникъ своимъ присутствіемъ. Съ живѣющими участиемъ видѣли, какъ В. А. Жуковскій вель подъ руку доспопочтенаго Неспора нашей Словесности, ~~французовъ~~ славою Государственныхъ заслугъ, почти уже лишенаго зрѣнія въ машистой старости, но съ пламеннымъ сердцемъ любящаго все, что служитъ къ пользѣ и славѣ Отечества. Почти всѣ гости собрались, не доспивало только виновника праздника: поедали званцы И. А. Крылова; онъ уже шелъ на лѣстницу.... и его встрѣтилъ у входа въ приемную залу, его начальникъ и благодѣтель, Г. Директоръ Императорской Публичной Библиотеки, мужъ, который покровищельствомъ дарованіемъ спажалъ себѣ споль же достойную славу, какъ и глубокими своими свѣдѣніями въ Изящныхъ Искусствахъ, другъ Державина, руководитель къ славѣ и успехамъ Озерова, Башюшкова, Гнѣдича и многихъ другихъ Писателей (не говоримъ уже о Художникахъ, обизанныхъ его покровищельству при щедрошахъ Монарха золотыми вѣкомъ Русскими Художеснвь) А. Н. Оленинъ, Предсѣдатель праздника, первый и привѣтствовалъ Крылова. Можно предшавиши, съ какимъ выражениемъ признательности слушать сго Крылова, и съ какимъ участиемъ смотрѣли на это всѣ окружающіе. Черезъ чѣсколько минутъ къ довершению общаго удовольствія прибылъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и присутствующіе съ восшоргомъ узнали о Всемилостивѣйшемъ вниманіи Государя къ знаменитому Баснописцу; С. С. Уваровъ, прочитавъ Высочайшій Рескрипты (*), возложилъ на грудь Крылова

(*) Члены же наши прочитали сей Рескрипты на своемъ засѣданіи въ честь Всеславчайшихъ Повелѣй за Генварь нѣсколькаго года.

звезду Ордена Св. Станислава второй степени. Всъ спѣшили поздравить И. А. Крылова съ сею почестшю, въ кошорой каждый видѣлъ Высочайшее участіе Государя Императора въ торжествѣ Русской Словесности, и благословлять въ душѣ любовь Монарха ко всему прекрасному и полезному въ Отечествѣ.

Великолѣпная зала Дворянскаго Собрания была освѣщена тысячами свѣчъ; блескъ люстры и цѣпи огней по стѣнамъ отражались въ зеркалахъ. Обѣденный столъ былъ украшенъ померанцовыми и лавровыми деревьями, пирамидами цветовъ, и съ другой стороны, прошивъ входа, зеленѣла бесѣдка изъ живыхъ лавровъ и мирѣй, обставлена была благоухающими гіацинтами и нарциссами; шамъ возвышался на пьедесталѣ бюстъ Крылова, изваянныи Гальбергомъ. Хоры пестрѣли нарядами дамъ, желавшихъ быть свидѣтельницами необыкновенного пира; подъ хорами помѣщенъ былъ оркестръ музыкантовъ Л. Г. Измайлова полка. Гости сѣли за столъ, и загремѣла очаровательная увертиюра изъ Волшебной Флейты Моцарта. Между тѣмъ глаза каждого обращались на лежавшій предъ нимъ красивый листокъ. Это была программа обѣда, въ кошорой заглавіе оспроумно дридумано художническимъ изображеніемъ Брюлова (*). Обѣдь, данный Крылову, начи-

(*) Первая изъ буквъ изъ словъ Обѣдъ представляла рода окна, изъ кошораго видѣнія былъ самъ Баснописецъ, изображенный облоконившимися на льва, и какъ бы слушающимъ пѣніе Гайдскихъ птицъ, когда какъ по рамѣ окна спиралась вскарабкаться обезьяна, а внизу зѣлья шипѣла въ безсильной злости, поглядывая на льва, но только могла устрипить одного робаго яролика; на слѣдующихъ буквахъ, увѣличенныхъ виноградными листьями и гроздами, спѣшенній копъ, шевеля пушиншими хвостами, ошдыхалъ изъ В; любопытна мышка поглядывала на него изъ-подъ листьевъ буквъ З; другія спѣшили бѣжать съ букви А; а изъ заключеніе пѣшукъ распѣвалъ изображеніе на букву Ъ.

иался съ *Демьяновой ужин*, и между многими лакомыми блюдами оплчалась и *Крыловская кулебяка*; шампанское пынилось въ бокалахъ, между штымъ, какъ слухъ поперемѣни обворожали музыка Бешговена, Глинки, Марліани, Мендельзона-Баршольди, и съ особеннымъ удовольствиемъ слышали знакомые звуки Кавоса: эшо былъ торжественный хоръ изъ Оперы *Илья Муромецъ*, давно уже сочиненной Крыловымъ, хоръ, прекрасно выражавшій веселье Русского сердца, и очень приличный для наступающаго праздника. Первый шоспъ пары былъ предложенъ Г. Предсѣдателемъ празднества за здоровье Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамилии; всѣ вспали и умилишельный хоръ: *Боже Царя храни, сопровождался громкимъ крикомъ ура!* Послѣ сего А. Н. Оленинъ произнесъ привѣтствіе И. А. Крылову (*).

За спиѣ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ шоспъ за здоровье И. А. Крылова и крашкою рѣчью возбудилъ общій воссторгъ, выражавшій признательность къ Монарху, Отцу Отечества (**).

(*) «*Иванъ Андреевичъ! Русскіе Литераторы Стварной нашей Столицы, Художники и любители Отечественной Словесности, собрались въ день вашего рождения, чтобы единодушно праздновать пятидесятилѣтие ваши усїихъ на поприще Русской Словесности.*

«*Пришло по сену случаю искреннее ваше поддѣржаніе и величайшее желаніе, чтобы ипотѣ еще годы вы украшали знатнейшихъ, полезныхъ и пріятѣльныхъ нашихъ трудовъ, Русскую нашу Словесность!*»

(**) «*За здоровье Ивана Андреевича Крылова! — Да будешь его литераторное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ правѣщенному свойству исправлѣн, пріѣброй для возраставшихъ плавателей, поощрѣніемъ для современныхъ, радостными воспоминаніемъ пошониста!* Я очищаю однинъ изъ пріятѣльныхъ дней моей жизни день, въ кошорый я удостоенъ бытия посреди Васъ, Ми. Гг., орудіекъ Всеуклонѣшавшаго зиданій ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРДъ изъ нашему

Третій шосты былъ предложенъ В. А. Жуковскимъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Русской Словесности. Пѣвецъ Ощечесшеннай славы и одинъ изъ первыхъ учредителей праздника, привѣтствовалъ Крылова рѣчью, въ которой съ глубокимъ выраженіемъ чувства, осплинишельнымъ премущесшвомъ своего прекраснаго генія, онъ былъ изъяснишель народной благодарности къ любимому Русскому Баснописцу (*).

изъѣзженному Брылову и на аконѣ праздника Русской Словесности представителю Его Державнаго благоволенія къ ея трудаамъ и успѣхамъ!»

(*) «Любовь къ Словесности, входящей въ сословіе благоденствія и славы Ощечесшва, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ! Мы выражаемъ эту нашу общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь пеникіе, есть праздникъ национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ весь участіе съ пѣнѣемъ самыи чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и мы охотъ наше мненійъ услышали бы голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ во-первыхъ за самихъ себѣ: за столь многія счастливыя минуты, проведенные въ бесѣдѣ съ вашими геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей, прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ великимъ мненіемъ начали и будущій начинать любить Ощечесшенній языкъ, понимать изящное и знѣкомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за Русской народѣ, которому въ спикошвореніяхъ своихъ вы такъ вѣроѣтно высказали что учи и съ шакомъ прелестію дали спотыко глубокихъ изысканій; наконецъ благодаримъ васъ и за знаменитосте вашего имени: оно сокровище Ощечесшва и внесено нынѣ въ альбомы его славы. Но, выражая передъ вами шѣя чувства, которыхъ все находящіеся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбью, что на праздникѣ вашемъ не доспѣшило двухъ, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще шакъ скажа въ нашемъ сердцѣ. Однѣмъ, знаменитый предшественникъ вѣшъ на избранной вами дорогѣ, подадно хотѣлъ прекрасную свою жизнь, доспѣтиикуи спросилъ

Рукоплесканія нѣсколько разъ прерывали рѣчъ В. А. Жуковскаго. Слова его, чѣто, когда бы можно было пригласить на эшотъ праздникъ всю Россію, то она бы приняла въ немъ участіе съ шѣмъ самыми чувствомъ, которое въ эшу минушу оживляло всѣхъ присущихъ, были общимъ сочувствіемъ. Но не только двухъ вспомянутыхъ имъ Поэтовъ желали бы видѣть соотечественники; Карамзинъ, Державинъ, Ломоносовъ, Хемницеръ также представлялись воображенію, и въ облакѣ благоуханій и блеска, казалось —

На славный пиръ смотрѣли.

Княземъ В. Ф. Одоевскимъ предложенъ былъ шостъ за здоровье присущихъ; онъ же говорилъ привѣтствіе Крылову отъ лица юнаго поколѣнія (*). Нако-

глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное Отечество имъ. Другой, едва расцвѣтшій, и въ немногіе годы измѣнивший слову пародию, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ Отечествѣ его гениемъ. Вспоминаніе о Дмитриевѣ и Пушкинѣ само собою сливалось съ Отечественнымъ праздникомъ Крещенія. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Прорѣдѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ Писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цѣпчущею спирою, и радовать насть произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будешь спросомъ. Оглядываясь спокойными окомъ на прошедшее, продолжайше наслаждаться изъ него шѣ поэтическия уроки мудрости, которыми шакъ давно и шакъ пѣнительно поучаше вы современниковъ, уроки, которыя дойдутъ до поноса и никогда не покерлютъ въ немъ свой спамъ и съмѣши: ибо они обращались въ народныя пословицы; а народныя пословицы живущи съ народами и ихъ передживавши.»

(*) « И принадлежу къ шону поколѣнію, которое училось читать по записямъ басни, и до сихъ поръ перечитываешь ихъ съ новыми, всегда свѣжими наслажденіями. Мы еще были въ колыбели, когда ваши птиреи уже сѣвались дорогомъ собствен-

недъ планишельные и гриюю мыслю спахи Клавя II.
А Вяземского, еще более исполненные омызгами сердечного чувства и выражениемъ Русскаго ума, положенные на музыку Графомъ Вельгорскимъ и пѣшии Петровымъ, довершили удовольствіе гостей (*). Каждый

кошью Россіи и предищемъ удивленія для изоземцевъ: ошь раннихъ лѣтъ мы притихли не отъдѣлить нашего имени ошь именемъ нашей Слобесности. Существо умнѣя пронизденія знаменитыя, но доспупныя лѣтъ тому или другому возрасту, большей или менѣйшей симѣюю образованности; земного ширина, которыя близкы человѣку во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Велики спахи, во всѣхъ концахъ нашей величественнейшой родины, застеченья иллѣніи, поворождить кумъ, воспоминающъ старецъ; ихъ пропыкаютъ проспоки, какъ уроки возомнѣлой мудрости, ихъ изучаютъ лишершпорть, жена образцы социроумной Позиціи, изящества и испития.

«Принцип же даъ благородиескии ошь лица иладшихъ дѣлателей на шоиъ посвящѣ, которое въ проходите съ шакою чеснью для васъ и для Русскаго слова; пустъ долго, долго вашъ притирь будешь иже пушеводителъ; пустъ повынившими твореніемъ вы обогашшие ссы ве славу вашу, то по крайней мѣрѣ сокровище лѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніемъ высокаго искусства. Голосъ нашей приватнелюбости исчезаетъ въ общекъ голосъ нашихъ сооличичей, во это чувство въ насъ путь живѣ, что для насъ прелестъ снаряды и иладеческихъ воспоминаній возвышающся наслажденіемъ видѣшъ въ лицо впечатнѣшаго современника, бышъ очевидными свидѣтелами его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца.»

(*)

«На радость полузвѣковую
Скликаешь насть веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золошую
Сего-дня празднуешь Бриловъ.
На этой свадѣбѣ — ифъ имъ свадьба!
И вѣ хъ чену шакинъ визу,
Воз за одно, всѣ безъ изъльши,
Ми влюблены въ это жену.

купчень сопровождался громкими рукоплесканиями; единодушнымъ выражениемъ восшорга, и что окончаниемъ симъ си были повшорены по общему желанію слуша-

Данъ счастливую судьбою
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ милой женой,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И знала бракъ былъ не безплодный!
Санть Фебъ его благословилъ!
Поповому нашъ Поесть народный
Свое воинство укрѣпилъ.
Изба его дѣшина богата
Подъ сѣлою братчаго вѣща:
И дѣши — славные ребята!
И дѣши все учили въ оцира.

Данъ судьбами военлагими
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ дѣшками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ итрыній и глубокій,
Простосердечное дышло,
И доскамъ онъ давалъ уроки,
И башнюшекъ училъ шупти.
Искусствомъ ловкаго обиажа
Гдѣ и колыбель изъ-подъ пера:
Такъ Петръ киасетъ на Жака,
Жакъ киасетъ на Петра.

Данъ счастливую судьбою
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ милой женой,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ извесить ужасъ
Свое волшебное соколо,
И въ зеркалѣ его яслье
Суровой испыты чело.
Весь миръ въ рукахъ у чародѣя,
Весь шаръ дать ему погонъ:
По дудкѣ нашего Орея
Все авѣри плашущъ и плашъ.

щелей. Г. Министр Народного Просвещения предложилъ шоссъ за Поэзіа и Виртуозъ, привѣтный съ живѣйшою признательносью, а пошомъ Г. Министр Вицешреннихъ Дѣлъ прочель прекрасные стихи Бенедиктова (*). Крылову поднесли лавровый вѣнецъ и

Данъ судьбами всеблагими
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ дѣлами своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онь людей исправилъ,
Слепая съ нихъ пороковъ пыль:
Онъ баснякъ себѣ прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по Русски говоряшъ:
Ее давно мы запомнили,
Ее и звуки запомнили.

Данъ очестнѣю судбою,
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ милую женой,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему наше пожелать бы?
Чтобы онь свадьбы золотой
Онъ домилъ до алмазной свадьбы
Съ своей ополѣтию женой.
Онъ шакъ беспечно, шакъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до счастья не буденъ путьно
Ему привлечь и ощдохнуши.

Данъ судьбами всеблагими
Нашъ любезныхъ наше годы!
Здравствуй съ дѣлами своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ! *

(*) «День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталь, — и полный хвоя
Душъ отвершашихъ хвоя согласный
Возвѣшанъ наше праздникъ лесный,
Просвѣщенъ окончаний пиръ.

самые дамы привыкли ходить съ хоровъ рукощеска-
ниемъ, и дили за его здоровье. Славы нѣсколько разъ
блѣлошали въ глазахъ счастливаго Писашеля; это было
христоречивый ознѣчъ на свидѣтельство общаго
къ нему уваженія и любви.

По окончаніи спола, одни изъ гостей взяли на
память букеты миртовъ, гіадинтовъ и нарциссовъ,
другіе брали по выбору своему одну или двѣ книги изъ
множества изданій разныхъ сочиненій Крылова, разло-
женныхъ на особокъ сподѣ, подъ лавровымъ вѣнкомъ,
наконецъ молодые Писашели, окружавшіе знаменишаго
Басноязца, одинъ передъ другимъ старались получить
изъ собственныхъ рукъ его лавровый листокъ изъ его
вѣнка. Еще нѣсколько времени продолжалась радостная
бесѣда, и упѣшильно было видѣть, что Г. Министръ
Народнаго Просвѣщенія желалъ сколько можно долѣ
участвовать въ общемъ удовольствіи присущшую-
щихъ, какъ радушный хозяинъ на пирѣ Русской Сло-
весности, и осправилъ залу шогда только, когда сѣали
уже угасашь огни торжества.

Небеса! благодареніе —
И Владыкъ Русскихъ силь,
Кто — въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Прозволъ благословилъ!

Духомъ юности молодое —
Онъ предъ нами, славы сынъ!
Витыхъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его садне!

Не соамути сердцъ мороазъ;
Въ насъ горяще къ мену сердца.
Онъ предъ нами — смызнувшись розы;
Лейтесь радостными слезы
На лицемъ его вѣнца!»

Праздникъ 2 Февраля послужилъ самымъ блесча-
щимъ примѣромъ уваженія, съ какими цѣнить великия
дарованія въ Отечествѣ наше, и останешся навсегда
памятнымъ въ лѣтописяхъ Русской Словесности.

Б. Ф.

ПЕРУВИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ. — *Подземный городъ.*
 Капишанъ Б. Рей (Ray), Командиръ корабля «le Logon»,
 возвратился въ концѣ прошедшаго Декабря въ городъ
 Бедфордъ и привезъ съ собою множество вещей, най-
 денныхъ въ развалинахъ подземного города, кошорый
 еще недавно ошкрытъ въ окрестностяхъ Гвармая, въ
 области Трухиалло (Truxillo, подъ 10° Южной Широты)
 ч'о кошоромъ жители той страны не сохранили ни
 малъшаго воспоминанія, ни преданія. Капишанъ Рей
 осматривалъ положеніе этого города, спускался въ вы-
 рытые мѣста и ходилъ по развалинамъ его. Стѣны
 домовъ онъ нашелъ еще цѣлыми, а въ самыхъ домахъ
 ошкрытъ множество человѣческихъ оспововъ, домашней
 ушвари и прочихъ общеупотребительныхъ вещей. Ни-
 кошорый изъ найденныхъ шѣль сохранились соверши-
 но: волосы, ногти, кожа ни сколько не измѣнились, и
 даже мускульные части весьма мало сжались, хотя со-
 вершенно высохли. Нынѣшнее положеніе эпіхъ мумій
 заставляешь думать, что городъ эпохи (народонасе-
 леніе кошораго, полагаютъ, должно быть не болѣе 30,000
 чл.) непремѣнно былъ засыгнутъ и истребленъ по-
 среди своихъ обыкновенныхъ занятій, какимъ-нибудь
 внезапнымъ переворотомъ той почвы, на кой онъ
 споинъ. Между прочими вещами вырыли человѣка, въ
 стоячемъ положеніи, и въ плащѣ его нашли нѣсколько
 монетъ, кошорый мѣстное начальство послало въ Лиму
 Лица, свидѣтельствовавшія ихъ, заключающъ, что
 истребленіе города произошло по крайней мѣрѣ за 250
 лѣтъ предъ симъ.

Г. Рей увидѣлъ въ одномъ домѣ пѣмо женщины, кошорая была одѣша въ минкалевое платье, сидѣла за рукодѣльемъ и вѣрояно въ минуту своей смерти занималась шканьемъ. На ея рукодѣльномъ сполѣ, сдѣланомъ изъ шросшника, разложенъ быль маленький кусокъ машеріи, частью уже вышитной; въ руцѣ у нея была осштая игла ошь 8 до 9 дюймовъ длины, на кошорой намощана бумажная нитка; ниши штого же вещества и ниши льняные разныя цвѣшовъ были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

Капишанъ Рей оставилъ у себя кусокъ недоконченной машеріи, иглу или верешено, и множество образчиковъ иишей. Машерія имѣла около 8 квадратныхъ дюймовъ, ш. е. половину длины, какую бы она должна имѣть.

УПСАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Въ половинѣ прошаго года считалось въ Упсальскомъ Универсиштѣ 1344 Студента. Въ Богословскомъ Факульштѣ читали лекціи: 4 Ординарныхъ Профессора, 3 Адъюнкта и 2 Доценща; въ Юридическомъ: 2 Профессора, 2 Адъюнкта и 1 Доцентъ; въ Медицинскомъ: 4 Профессора и 1 Адъюнктъ; въ Философскомъ: 14 Профессоръ, 9 Адъюнктовъ и 23 Доценща.

СИЛЬВЕСТРЪ ДЕ САСИ. — Ученый міръ понесъ новую, невознаградимую потерю: 21 Февраля (и. ст.) скоропостижно скончался въ Парижѣ патріархъ Ориен-тиалисповъ, знаменишій Баронъ Сильвестръ де Саси, осмындеши дѣшь ошь роду.

АКАДЕМИКЪ КЕЛЕРЪ. — И Русская ученость ли-шилась шакже своего Ученаго. 22-го сего Генваря скончался здесь, въ С. Петербургѣ, на 73 году ошь

рождения Французский Академикъ Императорской Академіи Наукъ, Действительный Статский Советникъ и Кавалеръ, Г. Кёлеръ, управлявший въ течениe сорока лѣть Первыми оспѣніемъ Императорскаго Эрмитажа, заключающимъ въ себѣ инострannую Библиотеку и антики. Сочиненія его по части Археологии и Нумизматики служили закономъ для всѣхъ, занимавшихся эшою отраслью Наукъ. Знаменитѣйшие Ученые нашего времени, Шамполлонъ, Рауль-Ропешъ, Гумбольдтъ и другie, единогласно признавали его однимъ изъ первыхъ Археологовъ нашего времени.

ОРУДІЕ ДЛЯ ПОМІРЕННЯ ВЫСОТЫ МОРІЙ. — Въ засѣданії Парижской Академіи Наукъ, 30 Октября минувшаго года, поручено было Гг. Араго, Пюссану и Гамбе, разсмотрѣть новый инструментъ, изобрѣтенный Г. Леже (Legey), и названный имъ *депрециометръ*, или орудіемъ для измѣренія высоты морей. Извѣстно, что мореходцамъ необходимо какъ для определенія Широты мѣста, гдѣ они находятся, шакъ и Долгоши его, измѣришь высоту солнца надъ горизонтомъ. Но иногда случается, что ша спорона, гдѣ находиться звѣзда, которую нужно измѣрить, покрыта шуманомъ, шогда какъ горизонтъ другой стороны совершенно чистъ. Для извѣщенія эшого неудобства, въ рефлекціонныхъ инструментахъ придумали разныя измѣненія, посредствомъ которыхъ можно было вѣрою получать дополнительный уголъ. Борда изобрѣлъ лучшій для этого секстантъ; но Воллестонъ предложилъ послѣ него другой, который можно употреблять и во время шумана. Французская корветша «La Bonite» употребляла уже эшо орудіе, во время путешесствія своего вокругъ свѣта. Инструментъ, изображенный Г-мъ Леже, конечно, еще совершеніе, и окажеть большую услугу навигаціи.

КУРСЫ СЛОВЕСНАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ СОРВОНИИ.

— Послѣдніе курсы въ Словесномъ Факультетѣ Сорбонны открылись 4 Декабри прошедшаго года. Они суть слѣдующіе:

Греческая Литература, по Понедѣльникамъ и Четвергамъ, въ три часа. Профессоръ Г. Буассонадъ; Адьюнкъ-Профессоръ Г. Юлій Давидъ. Объясняется осмая книга Геродота.

Латинское Краснорѣчие, по Понедѣльникамъ и Субботамъ. Профессоръ Г. Леклеркъ; Адьюнкъ Г. Шармонише. Лекціи о духовной и свѣтской Латинской Литературѣ віораго и третьяго столѣтій.

Латинская Поэзія, по Вторникамъ и Средамъ; Проф. Нашенъ. Исторія Латинской Поэзіи временъ Августа, Виргилія и Горациі.

Французское Краснорѣчие, по Четвергамъ и Пятницамъ; Проф. Вильиенъ, Адьюнкъ Г. Жерюзѣ. Исторія Литературы во Франції въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Французская Поэзія, по Понедѣльникамъ и Вторникамъ; Профессоръ Сенъ-Маркъ-Жираденъ. Исторія Французской Литературы въ XVIII столѣтіи.

Философія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Жоффруа. Краткій курсъ Психологии и подробный изкоторыхъ ея частей.

Исторія древней Философіи, по Средамъ и Субботамъ; Проф. Кузенъ, Адьюнкъ Порсь (Рогін). Начало Греческой Философіи, и въ особенности Іонійской Школы.

Исторія новѣйшей Философіи, Г. Ройе-Колларъ. Курсъ еще не начался.

Древняя Исторія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Гизо, Адьюнкъ Ласорманъ. Начало Греческой образованности.

Новіл Исторік, по Чешвершнамъ; Проф. Лакрель, Исторія XVIII століття.

Географія, по Среданъ и Суббошамъ; Проф. Гинне (Gignaut). Географія Грековъ въ еженощемії къ книзь Лишераптуръ.

Інострannая Litteratura, по Понедѣльникамъ; Проф. Форель. Исторія Испанской Litterатуры опись начала до конца XVIII століття.

КОНКУРСНЫЕ ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ПАРИЖСКОЮ АКАДЕМИЕЮ НАУКЪ. — Парижская Королевская Академія Наукъ предложила, два года тому назадъ, слѣдующія ученые задачи на соисканіе ея премій:

- 1) Разобрать въ подробности Аристотелеву Метафизику и опредѣлить ея планъ и образъ соспанленія.
- 2) Изложить Исторію ея соспанленія и вліяніе, какое она имѣла на послѣдующія философскія сисшемы древнихъ и новѣйшихъ временъ.
- 3) Разобрать ложное и истинное въ эпохѣ швейцаріи; показать, какія идеи, въ ней заключающіяся, существовали доселѣ, и какія изъ нихъ могли бы съ пользою войти въ Философию нынѣшняго століття.

Необычайная точность, какой требовали эти три задачи, не могли обѣщать слишкомъ блестящаго Академического конкурса. Однакожъ Г. Мишеле, Профессоръ Философіи въ Берлинѣ, уже известный извѣстными своимъ нравственно-философскими сочиненіями, и Г. Равессонъ (Ravaission), Профессоръ Парижскаго Университета, дали весьма удовлетворительные отвѣты на эти темы.

Г. Равессонъ получилъ первую премію. Онъ доказывалъ (въ чёмъ согласенъ съ нимъ и Г. Мишелемъ) несправедливость мнѣнія, основанного на Страбонѣ и Плутиархѣ, будто бы книги Аристотеля доспались по его смерти въ руки несведущихъ наследниковъ, у ко-

шорыкъ съ єдѣялъся добицѣю червей и смротіи, и будто бы Мешафизика его приведена Адроникомъ Родосскимъ въ порядокъ, въ какомъ мы находимъ ее въ каноногахъ Діогена Лазарція.

Академія не тоштила, однакожъ, освашься въ долгу и передъ дочиненіемъ Г. Мишеле: вопросы своему обыкновенію, она присудила награды Германскаго Профессора вшорою шакю же премію.

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

—

ДЕКАВРЬ 1857.

—

I. Азбуки.

885) Новая Энциклопедическая Русская Азбука и общеполезная дѣлская книга членія. Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ принаровленіемъ къ отечественному воспитанію, Викторъ Бурьяновъ. С. П. Б. въ тип. Газенбергера, 1858. XII, 359 стр. in-16°.

886) A. B. C. Buch. M. въ тип. Университетской, 1857. стр. in-8°.

II. Грамматики.

887) Grammatyka Rossyjska przez Nikolaja Grecza написана; tłumaczona z Rossyjskiego. Вильно, въ тип. Завадскаго, 1858. 216 стр. in-8°.

III. Другій пособій къ изученію языковъ.

888) Chrestomathie fran aise gradu e,   l'usage des gymnasies de l'arrondissement universitaire de Moscou, par Th odore Courtener. Premi re partie destin e   la

quatrième et à la cinquième classe. Seconde partie destinée à la sixième et à la septième classe. M. въ тип. Семена, 1837. 175 и VI, 184 и IV стр. in-8°.

889) Книга для членовъ бывшаго, начинающихъ учиться Немецкому языку. Съ Русскимъ подстрочнымъ переведомъ. Издание вдърое; С. П. Б. 1838. въ тип. Гинца, 66 стр. in-12°.

IV. Дѣтскія Книги.

890) Анекдоты о животныхъ, собранные для дѣтей. Перев. съ Англійскаго А. Михайловъ, С. П. Б. въ тип. Гинца, 1838. X и 160 стр. in 16°.

891) Советы для дѣтей, или рассказы занимательные анекдотовъ, поэтическихъ, происшедшій и другихъ назидательныхъ примѣровъ, посвященные сыновьямъ и дочерямъ. Новое сочиненіе Г. Бульи, съ раскрашенными картинками. Переводъ съ Французскаго В. Бурьянова. Издание книгопрод. брашьевъ Закинныхъ, С. П. Б. 1838. въ тип. Имп. Кн. Академіи, 249 стр. in-12°.

892) Прогулка съ дѣтьми по С. Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова. Часть первая, вторая, и третья, С. П. Б. въ тип. Главнаго Управления Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и въ тип. Гуштенберговой, 1838. 286, 581, и IV, II, 249, 19, стр. in-12°.

893) Зимніе вечера или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ Земного Шара. Соч. Деппніга. Переведено съ четвертаго Французскаго изданія, съ вѣюшорыми измѣненіями и дополненіями Викторомъ Бурьяновымъ. Томъ I и II. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли, 1838. VI, VIII и 373, V и 540 стр. in-8°.

894) Библіотека д'ятскихъ повѣстей и разсказовъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова, въ четырехъ частяхъ. С. П. Б. въ тип. Гречъ, 1837 — 1838. 202, 169, 170, 174 стр. in-12°.

895) Д'ятскій альбомъ, на 1838 годъ. Собраніе повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Подарокъ на праздникъ А. Попова. Часть I. Повѣсти и разсказы. Часть II. Драматические разговоры. С. П. Б. въ тип. Гинца. 1838. 122 и 172 стр. in-16°.

896) *Kołeda dla dzieci przez A. Antoniego Moszyńskiego S. P. Wilemo*, въ тип. Завадского, 1838. 155 стр. in-12°.

V. Словесность.

a) Собраниі стихотвореній:

897) Сочиненія Александра Пушкина. Томъ второй С.П.Б. въ тип. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1838. 376 стр. in-8°.

b) Стихотворенія лирическаго рода:

898) *Zur Feier der heiligen Christnacht Abends um 6 Uhr, in der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauls Kirche zu Moskva.* М. въ тип. Университетской, 1837. 15 стр. in-8°.

899) *Zur Feyer der heiligen Christnacht Abends um 17 Uhr, in der Evangelischen Altkirche zu St. Michael.* М. въ тип. Института Лазаревыхъ, 1837. 8 стр. in-8°.

900) *Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach.* Вильно въ тип. Завадского, 1837. VIII и 111 стр. in-8°.

c) Стихотворенія повѣстовательного рода:

901) Рассказы изъ Русской Исторіи въ стихахъ. П. Ш. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 161 стр. in-12°,

902) Смирный мужъ и бравчива жена. Русская сказка, въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Василія Чистова. С. П. Б. 1857. 111 стр. in-8°.

d) Драматическая сочиненія:

903) Три водевиля: I. Хороша и дурна, и глупа, и умна, Д. Ленского II. Крестный отецъ, (служащій продолженіемъ водевиля: хороша и дурна и глупа и умна). П. С. Федорова, III. Стряпчій подъ штоломъ. Д. Ленского. Второе изданіе, С. П. Б. 1838. 592 стр. in-82°.

904) Архиваріусъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. С. Федорова. Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ Александринскомъ театре 19 июля 1837 года, въ пользу актера Г. Дюра. С. П. Б. въ тип. Воейкова и Ко. 1838. 106 стр. in-16°.

905) Купеческая дочка и чиновникъ 14-го класса, комедія водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. Соколова, М. въ тип. Шепанова, 1837. 102 стр. in-12°.

906) Слѣпой, или девъ сестры, комедія-водевиль въ 3-хъ оцѣненіяхъ, соч. Ансело, переведенная съ Французскаго П. М. Шепановымъ. М. въ тип. Шепанова, 1838. 104 стр. in-8°.

907) Нечаянность или старый другъ лучше новыхъ двухъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе И. Ланского. М. въ тип. Кирилова, 1837. 95 стр. in-12°.

908) Дѣва Дуная, Паншоминный балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Соч. Г. Тальони. Музыка Г. Адольфа Адама. С. П. Б. въ тип. Глазунова и Ко. 1837. 50 стр. in-8°.

909) La fille du Danube, ballet-pantomime en deux actes et en quatre tableaux. Par M. Taglioni. Musique de M. Adolphe Adam. С. П. Б. въ тип. Глазунова и Ко. 1837. 55 стр. in-8°.

а) Разные сочиненія:

910) Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ Литературныхъ трудовъ Бернета, В. А. Владиславлева, П. А. Вяземскаго (Князя), Ф. Н. Глинки, Е. П. Гребенки, Э. И. Губера, В. И. Даля, М. Д. Деларю. И. И. Дмишриева, П. П. Ершова, П. П. Каменскаго, И. И. Козлова, Н. В. Кукольника, В. Ф. Одоевскаго (Князя), И. И. Панаева, И. Я. Пожарскаго, А. С. Пушкина, Е. Ф. Розена (Барона), Е. П. Р. ой (Г. ни), В. И. Соколовскаго, Н. А. Степанова, А. П. Струговщикова, Д. Ю. Струйскаго, Л. А. Якубовича, С. П. Б. въ тип. Военаой, 1838. 349 стр. in-12°.

911) Biruta. Część druga. Wydawca Józef Krzeczkowski. 1838. Вильно, въ тип. Блумовича. 230 стр. in-12°

912) Живописное обозрѣніе. Томъ III. Листы 15 по 20, съ 113 по 160 стр. in-4°.

913) Картины свѣта. Часть II. Листъ 27, съ 418 по 452 стр. in-4°.

914) Wizerunki i roztrząsania naukowe. Roczet nowy. Tomik dwudziesty. Вильно, въ тип. Завадскаго, 1857. 166 стр. in-12°.

б) Повѣсти и Романы:

915) Русскіе повѣсти и разсказы А. Маринскаго. Часть седьмая. Издание впорое, С. П. Б. въ тип. Вингебора, 1837. 306 стр. in-8°.

916) Повѣсти. Сочиненіе дѣвицы Юрьевой. М. въ тип. Селивановскаго, 1837. 120 стр. in-12°.

917) Испанка. Сочиненіе Герцогини Абраншесъ. Переводъ съ Французскаго, Н. Бобылева, М. въ тип. Кириллова, 1837. 72 стр. in-12°.

918) Бѣмошапочки, или Нидерландскіе машежи, феодальныя картины XIV столѣтія. Сочиненіе Боф-

девейна Стумфіуса брата Минора, Кларика Геншской
рашущи. Переводъ съ Фламандскаго. С. П. Б. въ тип.
Грече, 1838, 175 стр. in-8°.

919) Piotr Jasmin albo wzór doskonałego slugi, na-
pisany przez M. B. D'Esauvillez. Przetłumaczony z dră-
giego wydania Francuzkiego na język Polski przez X.
Stanisława Soarskiego Dominikana L. R. Вильно, въ тип.
Неймана, 1837. 250 стр. in-12°.

VI. Теорія и Исторія Словесности и другихъ Изящныхъ Искусствъ.

920) Чтенія о Словесности. Курсъ первый. Изда-
вие второе, исправленное. М. въ Университетской типи.
1837. XXX и 259 стр. in-8°.

921) Очеркъ Русской Словесности XVIII столѣтія.
Сочиненіе Н. Спрекалова. М. въ тип. Семена, 1837.
XV и 111 стр. in-8°.

922) Французская Литература въ теченіе XVIII
столѣтія. Сочиненіе Барона де Баранта, Пера Фран-
ціи, Члена Французской Академіи и нынѣшнаго Фран-
цузскаго Посла при Россійскомъ Императорскомъ
Дворѣ. Переводъ съ Французскаго, съ 5-го издавія, Ф.
Молдинскій. Изданіе М. Калишпратова. С.П.Б. въ тип.,
Департамента Вышней торговли, 1837. 174 стр.
in-8°.

923) Фасады и планы разнаго рода сельскихъ
строеній, и въ особенностяхъ садовыхъ украшеній,
какъ-то: бесѣдокъ, павильоновъ, пустынекъ, грошаъ,
крышыхъ алей и разныхъ предметовъ увеселеній, съ
прировокупленіемъ: купаленъ, ранижерей, галлерей, пала-
садниковъ, загородокъ, заборовъ, воротъ и въездовъ въ
селеніе. Составлены и изданы Архитекторомъ, Коллеж-
скимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ А. Кушевовымъ, М. въ
тип Сипянова, 1837. 22 стр. in-folio и 70 чертежей.

VII. Ареало-классическая Филология.

924) De locis nonnullis, qui leguntur in Sexti Empirici libro adversus grammaticos. Programm vom Oberlehrer der Lateinischen Sprache Cedergren, als Einladung zum öffentlichen Examens im Gymnasium und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat im December 1837. Дерпть, въ тип. Шюнманна, 1837. 30 стр. in-8°.

VIII. Философія и Педагогія.

925) Курсъ Философіи. Сочиненіе Е. Жерюзе. Переводъ съ Французскаго. Издание вшорое. С. П. В. въ тип. Депаршамента Внѣшней торговли, 1837. 328 стр. in-8°.

926) Ueber die Vorzüge und Nachtheile des gleichzeitigen oder Parallel-Unterrichts. Programm als Einladung zur öffentlichen Prüfung in der Girsengohn'schen Privatlehranstalt, welche am 13, 14 und 15 December dieses Jahrs von 9 bis 1 Uhr Vormittags, und zum Redactus, welcher am 16 December von 4 Uhr Nachmittags an im Lokale der Schule stattfinden wird. Angehängt sind einige Nachrichten über das vergangene Jahr, die Schule betreffend. Дерпть. 1837. въ тип. наследниковъ Линдфорса. 48 стр. in-8°.

927) Зимнія забавы и искусство бѣга на конькахъ съ фигурами. Сочиненіе Г. М. де Пауля, учителя Гимназии въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. С. П. В. въ тип. Воробьевъ, 1838. 56 стр. in-16.

IX. Богословіе.

928) Sind wir wahrhaftig zu Christo gekommen? Predigt am Feste Epiphanias. Gehalten in der Bethalle der St.

Ola! Gemeinde am 6 Januar 1857 von A. F. Huhn, Pastor-Diaconus zu St. Olai und Oberlehrer der Religion am Revalschen Gymnasium. (Zum Besten der Armenschulen in Reval). Peselъ. 1837, въ тип. наследниковъ Линдфорса, съ 23 по 38 стр. in-8°.

929) Letzte Predigt von Friedrich von Rheinbott, General-Superintendent, Pastoren zu St. Annen und Rittern, über Jesus Sirach 30, 15, niedergeschrieben zum 20-sten Sonntage post Trinitatis. Aus dem Manuscrite nach dem Tode des Verfassers herausgegeben. С. П. Б., въ тип. Крайя, 1837. IV и 16 стр, in-8°.

930) Worte des Dankes. Zuruf am Grabe des weil. Generalsuperintendenten und Ritters Friedrich von Rheinbott, am 5 Nowember 1837, von Georg Reinfeldt, Prediger bei der Ehstnischen Gemeinde hieselbst. С. П. Б., въ тип. Крайя, 15 стр. in-8°.

931) Se õige Soldat ehk Peter Lohbekki Ello-Käük. Derpъ, въ тип. Шюнманна, 1837. 16 стр. in-8°.

932) Deewa wahrdu mihiotajeem pa bribscheem jauna grabmatina 2-tras sehjas 9-ta 10-ta sauja. Para. 1837; въ тип. Казенной, съ 385 по 480 = IV стр. in-8°.

933) Kaks kord wiiskümmend kaks Piibli-luggemist wannast ja uest testamentist, ja Luggemisseid pühha Apostolide teggudest, ja kuida nemmad kulutanud Jummala riki, mis meie Ma rabwa laste öppetusseks Saksa kelest Ma kele on ülespannud Karel Maddis Henning. Teist korda trükkitud, ja esmalt ueste läbbiwade tud. Selle-sinnatse ramato seest leitakse üks ees-pilt ja kakskümmend übbeksa luggemisse pilti. Мишана, въ тип. Грес-сепа, 1837. 347 стр. in-8°.

934) Katohlika Mahzibas-, Luhgschanu-un Dseesmu-Grahmata, Deewam tam wissu augstakam par gohdu un par ismahzischanan to nemahritu, zaur weenu kas sawa tuwaka swehtibu lohti mihloja saraktita. Taggad no jauna pahrlubkota un wairota zaur J. H. Folhard, Li-

wenbehrsес mahzitaju, un zettortà reisè isdohta. Мышава.
1837, въ тип. Схеффенагена и сына. 366 и 224 стр.
in-8°.

935) Directorium horarum canonicarum et missarum
juxta Ritum S. R. E., et Rubricas Breviarii et Missalis
Romano Seraphici. Pro Fratribus Minoribus de Obser-
vantia et Monialibus Tertiī ordinis S. P. N. Francisci
caeterisque confratribus eodem Breviario et Missali
utentibus in Dioecesibus Mohiloviensi, Vilnensi, Minscensi
Samogitiensi, Luceoriensi existentibus pro anno Domini
1838. In Modum Kalendarii Juliani dispositum. Вильно,
въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (6 печ. листовъ). in-12°.

936) Elenchus Cleri Regularis Ordinis Minorum S.
P. N. Francisci Observantium Anno 1837 Mensis No-
vembris 28 die. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837.
(2 печ. листа). in-12°.

937) Directorium divini officii juxta ritum monasti-
cum Conformiter ad rubricas Breviarii Missalisque Mo-
nastici ac Decreta S. R. C. persolvendi in commodum
monachorum sub regula S. P. N. Benedicti Almae Congregat: Benedictino-Cister: in Imperio Rossiae degentium
authoritate congregationis regiminis. Per P. Antonium
Clementem Budziński Horodiscensis Benedictini Monas-
terii ad S. Annam Professum in annum Domini
MDCCCXXXVIII, ordinatum diebus ultimis Mens. Martii
1837 An. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (2 печ.
листовъ). in-12°.

938) Directorium divini officii recitandi Missarumque
celebrandarum juxta rubricas breviarii et missalis fratrum
B. V. D. G. Mariae de Monte Carmelo A. R. O. Pro
fratribus et Sororibus Provinciae Lithuaniae Omn. S. S.
et Rubrae Ross. S. Joseph Sp. B. V. M. Prot. J. O. N.
in annum Domini 1838 v. s. dispositum. Вильно, въ
тип. Базиліянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

Х. Исторія.

а) Отечественная:

939) Родословное древо Государей Россійскіхъ, изображенное на сводѣ паперти Соборной церкви Ново-спаскаго Ставропигіального монастыря. И. С. издаю Архимандритомъ онаго монастыря Аполлосомъ. М. въ тип. Кирилова, 1837. VIII стр. in 4°.

940) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, стариинной вотчинѣ Романовыхъ, Ивана Снегирева, М. въ тип. Селивановскаго, 1837. 36 стр. in 12°.

941) Описание древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе первое. М. въ тип. Селивановскаго, 1837. VIII и 63 стр. in 8°.

942) Сказания современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Издание второе. Часть I. Берода Лашопись Московская. Часть II. Записки Георга Цаерле. Часть III. Записки Маржерета и Президенса де-Ту. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XVIII и 284, XI и 216, XVI и 241 стр. in 8°.

943) Замѣчанія на статью въ Съверной Пчѣлѣ 1837 года въ № 150 напечатанную о книгахъ: обзоръ монетъ Русскихъ Б. Шодуара и Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. 49 стр. in 8°.

944) Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразовавшаго Россію, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенные по годамъ. Сочиненіе И. И. Голикова. Точъ шрештій. Издание второе. М. въ тип. Степанова, 1837. 484 стр. in 8°.

945) Записки о Москвѣ и о загравичныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 года, съ присовокупленіемъ спешей: 1) Александръ Первый и

Изаплеонъ. 2) Наполеонъ въ Москвѣ. Сочиненіе Сергея Глинки. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XXIII и 370 стр. in-8°.

946) Исторія о избраниі въ ісшествіи на престоль блаженныя и рѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Ioannovны Самодержицы Всероссійскіи. Сочиненіе Феофана Прокоповича, 1730 годъ. С. П. Б. въ тип. Грече, 1837. 52 стр. in-8°.

947) Отеческійская портретная галлерея, знаменитыхъ особъ въ Россійской Исторіи, отъ ваянія XVIII вѣка до нашихъ временъ, съ краткими ихъ біографіями. Тетрадь VII. Біографіи и портреты: Императрицы Екатерини I; Кабинетъ-Секретаря Алексія Васильевича Макарова, Лейбъ-Медика Блюменпроста и Графа Савы Лукича Владиславича Рагузинскаго. С.П.Б. 1837. съ 105 по 115 стр. in-4°.

948) Живописный Карамзинъ, или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево. Часть втоярая, тетрадь 5. С. П. Б. въ тип. Праца и К°, 1837 съ 77 по 84 стр. in-8° мај.

949) Pamiętniki do historii Rosji i Polski wieku XVI i XVII. Pamiętniki Samuela Maskiewicza początek swoj bierze od roku 1594 w lata po sobie idące. Wydany z rękopisów Biblioteki Szczorsowskiej Hrabiego Czeprowitza, przez Jana Zakrzewskiego Radcy Dworu, nauczyciela Gubern. Wilen. gimnazyum. Wilno, wъ тип. Glikoborga, 1858. 112 стр. in-8°.

950) Analyse einer Charte von der Kirgisensteppe zwischen der Wolga und dem Ural, nebst historischen Andeutungen über den früheren Zustand dieser Gegenden so wie der benachbarten Steppen zwischen dem Don und der Wolga insondereheit zu den Zeiten der Griechen und Römer, nebst einer Charte von Prof. Dr. Fr. Kruss. Besonders abgedruckt aus Prof. Dr. Fr. Goebels Reihe

in die Steppen der südlichen Russlands. Дерптъ. 1858.
27 снр. in-4°.

951) Einige Blicke in die Geschichte der Vorzeit Fellins. Erster Blick auf die schöne Natur Fellins und auf der alten Ehesten Provinzen und Gebiete, Religion und Aberglauben. Von Th. E. Kriese der Z. Inspector der Schulen zu Fellin. Einladungsschrift zur öffentlichen Prüfung in der Fellinschen Kreisschule am -ten December 1857. Пермовъ, въ тип. Марквардта, 1857.
12 снр. in-4°.

б) Другихъ Государствъ:

952) Полицейская и военная жизнь Наполеона, сочиненіе Генераль-Адъюшанта, Барона Жомини, переведенное съ Французскаго Ушинскаго Ушинскимъ, съ присоединеніемъ плановъ всѣхъ замѣчательныхъ сраженій, данныхъ Наполеономъ; лежандъ, для объясненія этихъ плановъ; картъ, предшествующихъ различные шеашры военныхъ дѣйствій; и портретовъ всѣхъ полководцевъ и знаменитыхъ современниковъ Наполеона. С. П. Б. въ тип. Штаба Оподольнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1857. 214 и 27 снр. in-8°.

953) Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочиненіе Сира Валтеръ-Скошта. Переъвѣль съ Авглійскаго, С. де Шаделль. Томъ четвертый. Часть 12, 13, 14, С. П. Б. въ тип. И. Глазунова, и К°, 1857. 521 снр. in-8° тај.

954) Записки Герцогини Абраншесъ, или Историкъ воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, дирекціи, консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ, переведенные съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XV. М. въ тип. Семена, 1857. 355 и VI снр. in-8°.

XI. Географія и Путешествія.

955) Учебные руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній. Географія. Часть первая. Географія Математическая и Физическая и краткій обзоръ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ отношеніи. Составилъ Н. И. Соколовскій. С. П. Б. 1858. въ тип. Глазунова и Ко, IV и 188 стр. in-8⁰.

956) Путешествіе вокругъ свѣта, составленное подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвилья, изъ путешесствій совершившихъ донынъ извѣстившими мореплавателями. Переводъ пересмотрѣнъ и обогащенъ любопытными примѣчаніями, по части морской и Географической Адмираломъ Крузенштерномъ; по части Ботаники Директоромъ Императорскаго Ботаническаго Сада Г. Фишеромъ; по части Зоологии Членомъ Императорской Академіи Наукъ, Г. Беромъ. Тетрадь двадцать первая. (Третія штрандъ послѣдней (четвертой) части). Изданіе А. Плюшара. С. П. Б. 1857. Съ 113 по 178 стр. in-4⁰.

XII. Математика.

957) Ариѳметика, служащая къ легчайшему обучению малолѣтнаго юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная, исправленная и пополненная Коллежскимъ Ассессоромъ Петромъ Куминскимъ. Издание десятое. М. въ тип. Лазаревыхъ Извѣшупа Восточныхъ языковъ, 1857. II и 187 стр. in-12⁰.

958) Курсы чистой Математики, составленный по порученію Беллявена, Профессорами Математики: Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро. Съ Франц. со многими перевѣнами и дополненіями, переволь И. Пого-

ральскій. Издание штетіе. М. въ Университетской типп. 1837. 172 стр. in-8°.

959) Тригонометрія прямолинейная и сферическая и опредѣленный Геометрическій анализъ. Сочиненіе Лефебюра де Фурса. Переведены съ Французского (съ 5 изданія) для Главнаго Инженернаго училища. С. П. Б. въ типп. Глазунова и К°. 1838. 186 и 51 стр. in-8° (съ 4 чертежами).

960) Наспавленіе къ употребленію чишишельной линейки Коллярдо, принаровленной къ мѣрамъ и вѣсамъ Россійскимъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Маіоромъ Дмитріевымъ. С. П. Б. въ типп. Крайя, 1857. 84 стр. in-8°.

961) Разсужденіе о зажигательныхъ линіяхъ и поверхностихъ. Кандидата Николая Панова, написанное для получения степени Магистра. М. въ Университетской типп. 1837. IV и 186 стр. in-8°.

962) Vorlesungen über Mathematische Analysis von Dr. J. M. C. Bartels, Staatsrath, ordentl. Professor der Mathematik zu Dorpat, und Corresp. Mitgli. der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. Herausgegeben von F. G. W. Struve. Дерпшь. 1837, въ типп. Шюнманне. 64 стр. in-4°.

963) Геодезія, или руководство къ изслѣдованию общаго вида земли, построению картъ и производству тригонометрическихъ и топографическихъ съемковъ и нивелировокъ. Составилъ А. Болотовъ, Генерального Штаба Подполковникъ. Часть II. Проекціи картъ, нивелирование, Топографія. С. П. В. 1837. въ типп. Винкебера. IX и 445 стр. in-8° (и XXI таблица).

XIII. Военные Науки.

964) Военная Библіошка, съ Высочайшаго созволенія посвященная Россійской арміи. Книга п'ятая.

Военная Библиотека. Ксенофонтъ, Каронедія. С. П. Б. 1837. Съ 179 по 884 стр. in-8° шај.

965) Правила, употребляемыя при облежаніи крѣпостей, распределеніи, расположеніи и дѣйствіи войскъ подъ оными. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. 75 стр. in-8°.

966) О обязанностахъ артиллеріи при оборонѣ крѣпостей. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. 67 стр. in-8°.

967) Журналъ Военныхъ дѣйствій союзныхъ армій со времени переправы ихъ за Рейнъ, въ Декабрѣ мѣсяца 1813 года, до выступленія изъ Франціи, въ Маѣ 1814 года. Составленъ при Главномъ Штабѣ 1-й арміи съ подлинныхъ, офиціальныхъ бумагъ, хранящихся нынѣ въ Архивѣ Генерального Штаба. Часть первая и вторая. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. IV и 569, VII и 457 стр. in-8°.

XIV. Естественные Науки.

968) Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou. Année 1837. № VIII. М. въ шип. Семена, 1837. 169 стр. in-8°.

XV. Сельское Хозяйство и Технологія.

969) Разговоры о сельскомъ хозяйстве съ воспитанниками Удѣльного Землемѣрческаго Училища. Тетрадь чешвертая. Разведеніе хозяйственныхъ растеній. С. П. Б. въ шип. Департамента Вышней Торговли, 1837. 66 стр. in-8°.

970) Описание и изображеніе вновь изобрѣтенной простой и дешевой машины, помощью которой во время пожарныхъ случаевъ удобно и безъ всякой опасности можно подниматься и спускаться съ высоты разныхъ

зданий, спасашъ людей и всякаго рода имѣніе. М. въ шип. Кирилова, 1857. 7 стр. in-8°.

971) Попашный фабриканъ, или руководство къ приготовленію сырого и жженаго попаша изъ камней и изъ отечественныхъ расщеповъ, кои въ то же время можно употреблять вмѣсто шлифованаго машеріала, съ присообщеніемъ новѣйшихъ средствъ къ узнанію различныхъ примѣсей при покупкѣ попаша, къ очищенію онаго и къ добыванію гораздо въ большемъ прошивъ прежняго количества. Сочиненіе Едгарда Фридриха Лейхса, Профессора Технологіи и Члена многихъ Ученыхъ Обществъ. (Съ 11 чертежами). М. въ шип. Кирилова, 1857. 16 стр. in-8°.

972) Улучшенные бришвы и ремни, съ показаніемъ новоизобрѣпленныхъ средствъ къ скорѣйшему напачиванію бришвъ, къ узнанію доброты оныхъ при покупкѣ и къ сбереженію отъ ржавчины и порчи, съ описаніемъ искусственныхъ шлифовальныхъ камней и химическихъ составовъ для дѣланія и для смазыванія бришвенныхъ ремней. М. въ шип. Кирилова, 1857. 11 стр. in-8°.

XVI. Медицина.

973) Краткое разсужденіе о чумѣ (*pestis*). Статскаго Советника Степана Добронравова. М. въ шип. Смирнова, 1857. IV и 74 стр. in-8°.

974) *Dissertatio inauguralis pathologico-therapeutica de phthisi pulmonali tuberculosa, quam e decreto amplissimi Medicorum ordinis Universitatis Caesareae Mosquensis pro gradu Doctoris Medicinae legitime obtinendo elaboravit et publice defendet Chirurgus 1-mi Ordinis Alexius Pogorelsky.* М. въ шип. Университетской, 1857. 67 стр. in-8°.

XVII. Смъсъ.

975) *Découvertes sur le Cavalier* (suite). Съ 17 по 67 стр. in-8°.

976) *Tarto-ja Wörro-ma rahva Kalender ehk Täht-ramat 1838.* Ajastaja päle, perran Issanda lesussé Kristusse sündimist. Sel ajastajal om 365 paiva. Дерптъ, въ тип. Шюнманна. 60 стр. in-8°.

977) *Dörpischer Tafel-Kalender auf das Jahr 1838, welches ein gewöhnliches Jahr von 365 Tagen ist.* Дерптъ, въ тип. Шюнманна (таблица).

978) *Rechnungs - Abschluss der Städtischen Spar-Casse in Riga von 1832. Vom 1 December 1836 bis zum 30 November 1837.* (таблица).

979) *An die resp. Mitglieder der wohlthätigen Beisteuer.* 4 стр. in-4°.

980) *Statuten der neuen Sterbe-Casse des groszen zünftigen Schumacher-Amts zu Riga, errichtet im Jahre 1837.* Рига, въ тип. Мюллера, 1837. 14 стр. in-8°.

981) *Gesetze für das Theater in Riga.* Рига, въ тип. Геккера, 1837. 24 стр. in-8°.

982) *Quinzième rapport de l'Ecole, établie en faveur des enfants-pauvres parmi les étrangers, qui se trouvent à St. Pétersbourg, pour l'année 1837.* С. П. Б. 1837, въ тип. Иверсена, стр. in 8°.

983) Ключъ къ изъясненію сновъ, составленный по сочиненіямъ славнѣйшихъ сноопкователей: Калюстро, великаго Альберта Мартина Задека, Индѣйскихъ, Цыганскихъ, Китайскихъ и Африканскихъ мудрецовъ, и новъреній съ изъясненіями знаменитой Чухонской ворожеи; изданный въ лицахъ Михайломъ де ла Портомъ, въ Парижѣ; и вновь исправленный и дополненный Московскими ворожеями. Со 105 литографированными картинами. С. П. Б. въ тип. Винкебера, 1838. 21 стр. in-16°.

984) Ворожея на картахъ. М. въ тип. Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ, 1837. 40 стр. in-24.

985) Kuchnia zdrowia albo przepisy przyrządzenia
potraw z produktów krajowych, najprościejszym, najwłas-
ciwszym sposobem, dla osób tak chorych jako też i
powracających do zdrowia, służących. Przez J. Jankow-
skiego autora Nowy Kucharki Oszczędnej. Warszawa и
Вильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 124 стр in-12°.

О Б Ъ Я С Н Е Н И Е

К А Р Т Ы

УСПѢХОВЪ НАРОДНАГО ОБУЧЕНИЯ ВЪ РОССИИ.

По Высочайшей волѣ собраны въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія официальные свѣдѣнія изъ всѣхъ Вѣдомствъ о числѣ Учебныхъ Заведеній, учащихъ и учащихся. Число учащихся въ каждой Губерніи сообразено съ числомъ жителей ея, и выведены какъ сравнишельные между Губерніями, такъ и общій въ Имперіи результиантъ успѣховъ народнаго обученія. Всѣ сіи свѣдѣнія уже поступили въ печать и издаются особою книжкою, о выходѣ кошорой въ свѣтъ будеъ объявлено въ свое время.

Междудишиль, на основаніи сихъ выводовъ, представляется Чипашелль нашего Журнала Общая Карта успѣховъ народнаго обученія въ Россіи. Сравнишельное состояніе успѣховъ въ разныхъ Губерніяхъ выражено постепенностю пѣней и сверхъ того означенено цифрами. Ежели кому покажется спраннымъ, что Омская Область и Губернія Астраханская, Иркутская и т. д. первенствующій здѣсь предъ многими такими, кошорыя по общему всѣхъ мнѣнію должны быть го-

раздо просвѣщеннѣе ихъ, то пусть вспомнятъ, что эша Область и поименованная съ нею Губернія принадлежатъ къ числу самыхъ малолюдныхъ и что результашъ успѣховъ народнаго обученія въ каждой Губерніи основывається не на одномъ числѣ находящихся въ ней Учебныхъ Заведеній и учащихся, а на содержаніи числа учащихся каждой Губерніи къ числу ея жишелей. Счишаємъ нужнымъ къ сему присовокупить еще, что при составленіи Карты каждая Губернія покрывалась приличною ей шѣню вся, не отличая въ ней мѣстъ обитаемыхъ отъ безлюдныхъ. Такъ на примѣръ Иркутская Губернія вся покрыта одною шѣнью; само же собою разумѣется, что въ большей ея части нѣть ни Училищъ, ни учащихся. Скажемъ наконецъ, что обѣ наши Школицы разсматривались нами ощѣльно отъ своихъ Губерній, и изображены на Карте особо, какъ двѣ самыя свѣтлые точки въ Имперіи: за ними должны сѣдовать шѣ изъ городовъ, въ кошорыхъ находятся Университеты, Академіи, Лицеи и т. д.

Нижеслѣдующими цифрами означены на Карте:

1. Обл. Омская.
2. Губ. Саратовская.
3. — Херсонская.
4. — Астраханская.
5. — Таврическая.
6. — С. Петербургская
7. — Эспланндская.
8. — Екатеринославская.
9. — Лифляндская.
10. — Архангельская.
11. — Иркутская.
12. Обл. Бессарабская.

13. Губ. Новгородская.
14. — Смоленская.
15. — Томская.
16. — Олонецкая
17. — Виленская.
18. — Ярославская.
19. — Вишебская.
20. — Псковская.
21. — Пермская.
22. — Орловская.
23. — Владимирская.
24. — Харьковская.
25. — Курляндская.
26. — Воронежская.
27. — Нижегородская.
28. — Казанская.
29. — Калужская.
30. — Рязанская.
31. — Тульская
32. — Тверская.
33. — Оренбургская.
34. — Вологодская.
35. — Енисейская.
36. — Костромская.
37. — Черниговская.
38. — Тобольская.
39. — Минская.
40. — Могилевская.
41. — Гродненская.
42. — Курская.
43. — Симбирская.
44. Земля Донскихъ Казаковъ.
45. Губ. Пензенская.
46. Обл. Българская.
47. Губ. Московская.

- 48. Губ. Тамбовская.**
 - 49. — Киевская.**
 - 50. — Полтавская.**
 - 51. — Волынская.**
 - 52. — Вицкала.**
 - 53. Обл. Кавказская.**
 - 54. Обласши Закавказскія.**
 - 55. Губ. Подольская.**
-

Ж У Р Н А Л Ъ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.
1838.

№ II.

ФЕВРАЛЬ.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ
ПОВЕЛЕНІЯ.

(За Генварь мѣсяцъ.)

1. (13 Генваря) О дозволеніи Экстраординарному Профессору Щуровскому предпринять ученое путешествіе на Уральский хребетъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ съдѣствіе всеподданнѣйшаго доклада Г. Министра Народного Проповѣщенія, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на ошбышіе Экстраординарного Профессора Московскаго Университета Щуровскаго въ ученое путешествіе по Уральскому хребту, для осмотра его въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи.

2. (18 Генваря) *Объ учреждении въ Якобштадтъ Русскаго Начального Училища.*

По представлению Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ городѣ Якобштадтѣ, для обученія дѣпей памошникъ жителей Русскаго и Польскаго происхожденія, Начальное Училище, съ употребленіемъ на содержаніе оного по 1200 р. ежегодно, и сверхъ того на первоначальное обзаведеніе 300 р., изъ проценійъ съ общаго экономического капитала Гражданскихъ Учебныхъ Заведеній.

3. (18 Генваря) *О перегисленіи изъ Дерптскаго Университета въ С.-Петербургскій двухъ стипендій, для содержанія въ ономъ двухъ Воспитанниковъ Литовскаго Евангелическо-Реформатскаго Синода.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, основаниему на внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія запискѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа учрежденныхъ при Дерптскомъ Университетѣ шести стипендій, по 200 р. серебромъ, для содержанія шести Воспитанниковъ Литовско-Евангелическо-Реформатского Синода, перечислить двѣ стипендіи, именно 400 рублей серебромъ въ годъ въ С.-Петербургскій Университетъ, для содержанія въ числѣ Студентовъ-Пансионеровъ двухъ Воспитанниковъ того Синода, предназначенныхъ къ занятію въ Службкой Гимназіи Учи-

шельскихъ ваканцій, съ шѣмъ, чтобы осплатою оль сказанной суммы быль выдаваемъ имъ, по окончаніи курса ученія, на издержки возвратнаго пупти.

4. (20 Генваря) Объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Комиссіи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Комиссіи, Высочайше разрѣшилъ соизволилъ: для безоспановочнаго продолженія дѣйствій сей Комиссіи, опредѣлить въ ся распоряженіе, въ теченіе будущихъ 1838 и 1839 годовъ, до пятидесяти тысячъ рублей изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

5. (20 Генваря) О дозволеніи Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, предпринять въ теченіе первого Семестра настоящаго года ученое путешествіе въ Парижъ.

Согласно представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на предпріятіе Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, въ теченіе первого Семестра настоящаго года, ученаго путешесштвія въ Парижъ, съ сохраненіемъ жалованья и съ выдачею ему сверхъ того за необходимыи издержки трехъ тысячъ рублей изъ штатной, опредѣленной на ученая путешесштвія, суммы.

ВЫСОЧАЙШІЛ

6. (20 Генваря) *О временному Штатѣ для
Митавской Гимназіи.*

На подлинномъ написано:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ утвердить
на три года. 20 Генваря 1838.

Министръ Народнаго Просвещенія Уваровъ.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ

МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		Итого рублей. лѣтъ ассигн.
	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	
Директору		5850	—	1200	5050
Ему же на разыѣзы для осмотрѣа Учебныхъ Заведеній въ Губерніи. . . .	—	—	—	—	600
На канцелярскіе припасы. . . .	—	—	—	—	500
Инспектору	—	2600	—	750	3350
Осми Старшимъ Учителемъ (*). . . .	2400	19,200	750	6000	25,200
Двумъ Учителямъ Наукъ.	1500	3000	600	1000	4000
Учителю Французскаго языка	—	1000	—	400	1400
Учителю Англійскаго языка	—	1000	—	400	1400

(*) Въ штатъ числѣ два Учителя Русскаго языка.

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		Итого рублей засыпн.
	Одноку.	Всѣмъ.	Одноку.	Всѣмъ	
Учителю Рисования и Численности.	—	1000	—	400	1400
Законоучителю Греко-российского Исповѣданія.	—	600	—	—	600
Учителю Музыки и Пения.	—	600	—	—	600
Учителю Гимнастики.	—	600	—	—	600
Учителю Танцевания.	—	600	—	—	600
Письмоводителю при Директорѣ.	—	800	—	300	1100
Канцелярскому Служителю.	—	400	—	—	400
Старшему Учителю Математики за изготавление Календаря.	—	—	—	—	500
На Стипендию.	—	—	—	—	3000
На учебные книги для бывшихъ учениковъ.	—	—	—	—	300
На Библиотеку.	—	—	—	—	500
Учителю за смотрѣніе въ Библиотекою.	—	—	—	—	300
На математические и физические инструменты.	—	—	—	—	500
На обозрение по часамъ Естественной Истории.	—	—	—	—	200
Двумъ Чужителямъ.	—	—	—	—	600
На содержание дома и разныя издержки по хозяйственной части.	—	—	—	—	1500
На два лѣсные класса при Гимназии:	—	—	—	—	—
Двумъ Старшимъ Учителямъ.	2400	1800	750	1500	6500

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		Итого рублей и центовъ.
	Одному. Всемъ.	Одному. Всемъ.	Одному. Всемъ.	Одному. Всемъ.	
Одному изъ нихъ суточного содержания во время лѣтнихъ экскурсій.				—	180
На содержаніе сада и плану спорожу, на библиотеку, аппара-ши для лѣтніхъ классовъ и непредвидимыя издержки.			—	—	972
					61,252

Примѣганія.

1) Штапъ сей приводится въ дѣйствіе постепенно, по мѣрѣ выбытия прежнихъ Преподавателей, такъ что Учителя, коихъ мѣста или вовсе уничтожаются, или оклады уменьшаются, будутъ пользоваться прежнимъ содержаніемъ; въ описаніи же къ пѣмъ лицамъ, коихъ жалованье увеличивается, или для коихъ учреждаются новые мѣста, а равно и къ прочимъ спатъямъ, Штапъ сей приводится въ исполненіе, какъ скоро представится къ тому удобные случаи.

2) Минавская Гимназія продолжаетъ получать на свое содержаніе тѣ же суммы, какія иныя получаетъ; остатки отъ нихъ образуются въ Экономическую сумму Гимназіи и употребляются

на възбуждение основанія въ ей пользу, а въ послѣдствіи, когда эти оспітанія сдѣлаются довольно значительны, на устройство и усиленіе средстівъ въ содержанію при Митавской Гимназіи Благороднаго Пансіона; на правила, постановленныхъ въ Уставѣ 8 Декабря 1828 года.

3) Вакансій Учителей: Англійскаго языка, Гимнастики и Танцовани, въ случаѣ выбытия ихъ, не замѣщаются впредь до учрежденія Благороднаго Пансіона.

4) Нынѣшніе Учители Искусствъ остаются на прежнихъ правахъ и содержаніи; опредѣляемые же впредь (кромѣ Учителя Рисованія и Числоми-санія), не считаются въ Государственной службѣ, будучи только пользоваться опредѣленною въ семъ Штатѣ платою.

5) По учрежденіи Благороднаго Пансіона, и въ случаѣ умноженія заявленій Учителей: Закона Божія Грекороссійскаго Исповѣданія, Французскаго языка и Искусствъ, предоставляемся Министерству Народнаго Просвѣщенія, по представленію Попечителей, увеличить штатные ихъ оклады, на счетъ суммы, остающейся въ распоряженіи Гимназіи.

6) Гимназіи опускаются дрова, а Директору и Учителямъ оной хлѣбные припасы на прежнемъ основаніи; по мѣрѣ же выбытия нынѣшніхъ Чиновниковъ, припасы обращаются, чрезъ продажу, въ пользу Гимназіи.

Подлинный подпись: Министръ Народнаго Просвѣщенія *Сергей Уваровъ*.

7. (13 Генваря). О дозволеніи Камергеру Башуцкому издаватъ «Листки ремесль, промысловъ и фабрикъ.»

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по всеподданѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о дозволеніи Камергеру Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества Башуцкому издаватъ *Листки ремесль, промысловъ и фабрикъ*, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на означенное изданіе.

8. (23 Генваря) О дозволеніи Статскому Секретнику Гречу издаватъ «Музикальныя прибавленія» къ Стъверной Пчелѣ.

По всеподданѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о просимомъ Издателемъ Стъверной Пчелы, Спашскимъ Секретникомъ Гречемъ позволеніи издаватъ при сей газетѣ *Музикальныя прибавленія*, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на помянутое изданіе.

ОПРЕДѢЛЕНИЯ И НАГРАЖДЕНИЯ.

ВЫСОЧАЙШИЯ ГРАМОТЫ,

даныя въ С.-Петербургѣ:

а) 21 Генваря.

Г. Генераль-Лейтенанту, Попечителю Дербенского Учебнаго Округа Крафтстрему.

На заступничество Министра Народнаго Просвѣщенія обѣ омъично-усердной службѣ вашей и

трудъ по управлению Дерптскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ вась Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Быаго Оrlа, знаки коего, при семъ препровождаemyе, повелѣваемъ вамъ возложитъ на себя и просить по установленіи. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостию Нашею благосклонны.

6). 26 Генваря.

I.

Г. Действительному Статскому Совѣтнику, Управляющему Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія Князю Ширинскому-Шихматову.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія обь отлично-ревностной службѣ и неусыпныхъ трудахъ вашихъ по управлению Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше жалуемъ вась Кавалеромъ Ордена Св. Аны первой степени, знаки коего, при семъ препровождаemyе, повелѣваемъ вамъ возложитъ на себя и носить по установленію. Пребываемъ Нашею Императорскою милостию къ вамъ благосклонны.

II.

Г. Действительному Статскому Совѣтнику, Печателю С. Петербургскаго Учебнаго Округа Князю Дондукову-Корсакову.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія обь отлично-ревностной службѣ и неусыпныхъ трудахъ вашихъ по управлению С. Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ вась Кавалеромъ Ордена Св. Аны первой степени, знаки коего при семъ препровождаemyе, повелѣваемъ вамъ возложитъ на себя и носить по установленію.

вію. Пребываємъ Нашею Імператорскою милостію
къ вамъ благословимъ.

.Д

III.

Г. Статскому Советнику, Помощнику Попечителя
Бѣлорусского Учебного Округа Груберу.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго
Просвѣщенія обь отлично-усердной службѣ вашей и
трудахъ по управлению Бѣлорусскимъ Учебнымъ Окру-
гомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ
Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Спа-
сислава второй степени, знаки коего при семъ пре-
провождаемые, повелѣваемъ вами возложить на себя и
носить по установленію. Пребываємъ къ вамъ Импера-
торской и Царской милостию Нашею благословимъ.

О предѣдѣны:

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Состоящий по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ,
въ зданіи Каммергера Двора Его Императорскаго
Величества, Князь Григорій Волконскій (20 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Академии Наукъ —
Императорской Академіи Наукъ Брандъ и Фусъ, Ординарные
Профессоры С. Петербургскаго Университета Фрей-
тагъ и Калмыковъ — Инспекторами надъ частными
Пансионами и Училищами въ С. Петербургѣ на 1838
годъ (20 Генваря).

По Московскому: Ординарные Профессоры Мо-
сковскаго Университета Дасыдовъ и Брашманъ — И-
нспекторами надъ частными Пансионами и Училищами
въ Москвѣ, на 1838 годъ (20 Генваря).

По Харьковскому: Отставной Полковникъ Шре-
теръ — Почетнымъ Попечителемъ Харьковской Гимназіи
на шкоду здесъ трехлѣтнє (18 Генваря).

Награждены:

а) Орденами.

Св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною: Пасторъ здѣшней Евангелическо-Реформатской Церкви Фель-Муралбѣтъ (22 Генваря).

Св. Анны 2-й степени: Профессоръ Университета Св. Владимира, Статский Советникъ Даниловичъ — въ награду трудовъ его при первоначальномъ составлѣніи Свода мѣщанскихъ Законовъ Западныхъ губерній (10 Генваря).

Св. Станислава 3-й степени: Директоръ 2-й Виленской Гимназіи, Коллежскій Ассессоръ Кисловъ (22 Генваря).

Св. Владимира 4-й степени: Академикъ Императорской Академіи Наукъ фонъ Беръ и Директоръ 1-й Виленской Гимназіи Надворный Советникъ Устиновъ (22 Генваря).

Св. Анны 3-й степени: Профессоръ Дерптского Университета Докторъ Шмальцъ — за заслуги, оказанные въ образованіи отправленныхъ въ учрежденный имъ Альфустгофскій Агрономическій Институтъ Казенныхъ Воспитанниковъ (14 Генваря); Исправоръ 2-й Виленской Гимназіи, Тишуллярный Советникъ Блэкстеръ (22 Генваря).

Св. Станислава 4-й степени: Старший Учитель 2-й Виленской Гимназіи Коллежскій Ассессоръ Калиновскій и Учитель той же Гимназіи Тишуллярный Советникъ Герардъ (22 Генваря).

б) Подарками.

Почетный Попечитель Виленской Гимназіи Действительный Статский Советникъ Графъ Храптовичъ — золотою шабакеркою, съ вензелевымъ изображеніемъ

Имени Его Императорскаго Величества (20 Генваря); Профессоръ Дѣтишѣка Университета Нироговъ — за поднесение Его Императорскому Величеству изданныхъ имъ Анатомико-Хирургическихъ шабляцъ (20 Генваря).

c) *Единовременною выдачею денегъ.*

Директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, Стапшкій Совѣтникъ Новосильскій — 4,000 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія (20 Генваря).

d) *Объявлено Высочайшее благословеніе:*

Учителю Инспитуша Глухонемыхъ въ Вильне, Коллежскому Секретарю Мазахосцу (20 Генваря).

Государь Императоръ удостоилъ Благосклоннаго принятія поднесенная Его Величеству чрезъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія книги: Двѣицею Ишиковою — IV-ю Часть «Исторіи Россіи въ разсказѣ для дѣтей»; Титуларнымъ Совѣтникомъ Терещенко — «Опытъ обозрѣнія жизни Савонниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи»; Членочъ Вольнаго Экономического Общества Усовымъ — «Курсъ Землемѣрия»; Коллежскимъ Совѣтникомъ Глаголевымъ — «Записки Русскаго путешественника»; Полковникомъ Чертковымъ — «Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ» и «Воспоминанія о Сциліи»; Операціоннымъ Маюромъ Глинкою — «Записки о Москвѣ 1812 — 1815 года», и Докторомъ Грумомъ — Хирургическое его сочиненіе (1 Генваря).

2. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

(За Генварь мѣсяцъ).

1. (5 Генваря) *Объ опредѣленіи при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представлѣнію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ опредѣлить при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера, съ жалованьемъ по пяти сотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ оной.

2. (13 Генваря) *О скіданіи преобразованія Ришельевскаго Лицея по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ 25 Мая минувшаго года, съ 1 Генваря сего года, а курсъ ученія съ 1 Сентября истекшаго года.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, согласно представлѣнію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, изъявилъ согласіе, чтобы преобразованіе Ришельевскаго Лицея, по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ 25 Мая минувшаго года, было счищаемо съ 1 числа текущаго Генваря, а курсъ ученія въ оконъ съ 1 Сентября испицшаго года, сообразно съ курсомъ ученія по Учебному Округу.

3. (19 Генваря) *Объ утверждении платы съ вольноприходящихъ учениковъ Таврической Гимназии.*

Въ елѣдѣтье представления Г. Попечителя Одесского Учебного Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ съмѣнѣе Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврической Губерніи распоряженіе касательно взиманія платы съ вольноприходящихъ учениковъ шамошней Гимназии по десяти рублей въ годъ съ каждого, съ освобожденіемъ отъ сего бѣдныхъ учениковъ.

4. (27 Генваря) *О утверждении взимаемой съ полупансионеровъ Благороднаго Пансиона при Новогородской Гимназии платы по сту пятидесяти рублей въ годъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленіи Г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебного Округа, утвердилъ взимаемую съ полупансионеровъ Благороднаго Пансиона при Новогородской Гимназии плату, по сту пятидесяти рублей въ годъ.

5. (27 Генваря) *О дозволеніи Адъюнктамъ и состоящимъ въ сихъ должностяхъ присутствовать въ Сочинѣ Рижевскаго Лицей.*

Согласно представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебного Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чтобы къ присутствованію въ Сочинѣ Рижевскаго Лицей допущены быки Адъюнкты и состоящие въ сихъ должностяхъ, если они занимаютъ особый каѳедры.

6. (27 Генваря) О привиліях, на основанії яких можуть переводити молоді люди изъ одного Університета въ другої.

Г. Міністръ Народного Просвѣщенія, въ дополненіе къ окружному предложенію своему отъ 3 Ноября прошедшаго года, постановилъ еще сдѣдующее:

Студентъ, оставившій одинъ изъ Університетовъ и желающій, по испеченіи за шѣмъ болѣе полугодія, поступить въ другой, долженъ подвергнуться въ послѣднемъ испытанію, отъ выдержанія хощораго зависицъ принадлѣніе его въ соотвѣтствіи званіемъ его курсъ и сообразно съ цѣмъ, зачедѣ времени пребыванія въ прежнемъ Університетѣ.

Опредѣленія, перемѣщенія, и увольненія.

О предѣленіи:

По Департаменту Народного Просвѣщенія.

Оставленной Поручикъ Ушаковъ — Старшина Помощникомъ Сполоначальника (27 Генваря); Коллежскій Регістрапторъ Курклинскій — Младшій Помощникъ Сполоначальника, въ Коллежской Регистраторъ Путеводитель Художниковъ Археографической Комиссии (19 Генв.).

По Університетамъ.

По С. Петербургскому: утверждены въ званія Почетныхъ Членовъ Генераль-Фельдмаршаль Князь Варшавскій, Графъ Паскевичъ-Эриванскій, Новороссійскій Генераль-Губернаторъ Графъ Воронцовъ, Оберъ-Прокуроръ Святѣшаго Синода Графъ Пратцковъ, Цопечицъ Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ и Дѣйствительные Статскіе Советники Арсеньевъ и Куникінъ (27 Генваря).

По Харьковскому: Ординарный Профессоръ Университета Св. Владимира Мицкевичъ — перемѣщенъ съ шимъ же званіемъ (29 Генваря).

ХХХVI: МІНІСТЕРСКИЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

По Університету Св. Володимира: Старший Учитель 1-й Київської Гімназії Дамбровський определенъ Адъюнктомъ (19 Генваря); Экстраординарный Профессоръ Харьковскаго Университета Федотовъ; Чеховскій перемещенъ исправляющимъ должность Ординарного Профессора (29 Генваря).

По Одесскому Угебному Округу,

Штабсь-Капітанъ Нелидовъ определенъ Исправляющимъ должность Директора Училищъ Херсонской Губерніи (5 Генваря); уволенный отъ службы изъ Члпова Бобрійского Инженерно-Строительного Комитета 9 Класса Бернадский — Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврійской Губерніи (13 Генваря); Губернскій Секретарь Палажевъ — Почетный Смотритель Евпаторійского Уезднаго Училища (5 Генваря).

Уводеи:

По Канцелярії Г."Міністра.

Коллежскій Секретарь Виноградовъ — отъ должности Помощника Секретаря, по прошению (4 Генваря).

По Департаменту Народного Просвіщенія.

Коллежскій Секретарь Комовскій — отъ должности Старшаго Помощника Начальника Стола, по прошению (19 Генваря); Тишуларный Собашникъ Ольговъ — отъ должности Младшаго Помощника Начальника Стола, по прошению (19 Генваря).

По Університету Св. Володимира.

Чиновникъ 5 класа Ложинцій — отъ завѣдованія Музеемъ Київскихъ древностей, по прошению (29 Генваря).

По Московскому Угебному Округу.

Коллежскій Секретарь Яковлевъ — отъ должности Почетнаго Смотрителя Александровскаго Уезднаго Училища, по прошению (12 Генваря).

II.

Н А У К И.

1.

ОБЪ УПРЕКАХЪ, ДѢЛАЕМЫХЪ ФИЛОСОФИИ ВЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМЪ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ОТНО- ШЕНИИ, ИХЪ СИЛѣ И ВАЖНОСТИ.

Рѣчъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОВРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Св. ВЛА-
ДИМИРА, 15 Іюля 1857 ГОДА, ОРДИНАРНЫМЪ ПРО-
ФЕССОРОМЪ ФИЛОСОФІИ ОРЕСТОМЪ НОВИЦКИМЪ.

Ω^δ μακάριος, μὴ πάντι δυτῶ τῶν πολλῶν κατη-
γόρει. ἀλλόσιαν τοῦ δόξαν θέουσιν, ἐν ἀντδεις μὴ
φιλοσοφῶν, ἀλλὰ παρεμνθεμένος, καὶ ἀπολιθ-
μένος τὴν τῆς φιλομαθείας διαβολήν, ἔγδεικνυε
οὐς λέγεις τὸν φιλοσόφῳ, καὶ διορίζον, ἀσπερ
ἄρτε, τὴν τε φύσιν ἀντῶν καὶ τὴν επιτήδευσιν.
ἴνα μὴ ἡγώνται σε λέγειν οὓς διτοὺς διοντας.

Plato de Repub. Lib. VI. p. 499.

Мм. Гг.!

У всѣхъ образованныхъ народовъ, съ самыхъ древнихъ временъ, Науки были предметомъ уваженія и похвалъ; издревле признавали ихъ особынныемъ

Часть XVII.

16

даромъ боговъ, и вынѣ признаютъ ихъ украшеніемъ и лучшимъ достояніемъ человѣческаго рода. Если та, или другая Наука ^и частности можетъ не имѣть особеннаго достоинства для лицъ того, или другого сословія, и потому не возбуждаетъ общаго къ себѣ вниманія и участія то чѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ можетъ находить для себя испытанныхъ цѣнителей въ другихъ званіяхъ и состояніяхъ людей. — Не такъ счастлива судьба Философіи. Среди порождения другихъ Наукъ, едва ли не она только издревле была предметомъ болѣе порицаній, чѣмъ похвалъ. Ей давались и посвящали жизнь свою лишь не многіе мудрецы; а цѣлая масса людей нефилософствующихъ всегда была то равнодушною къ ней, то враждебною для нея; ее превозносили похвалами Платоны и Цицероны, но общій голосъ народа нигдѣ и никогда не бывалъ въ ея пользу. Еще въ первыя времена своего появленія въ благодатной Индіи, у одного изъ самыхъ философствующихъ народовъ древняго Востока, она испытывала уже непріязненную судьбу! Въ счастливой Элладѣ, сполько прославленной геніальными ея мыслителями, она подвергалась изгнаніямъ, испивала чашу смертную; и въ самое цвѣщее время ея развитія у Аѳинянъ, великой Платонъ чувствовалъ потребность защищать ее отъ предубѣжденія народнаго. Среднія времена имѣли также своихъ Философовъ — и не мало жертвъ Философіи. Въ дни новѣйшей гражданственности, въ самыхъ образованныхъ націяхъ Европы, богатыхъ мыслителями отличными, не менѣе замѣтны въ публикѣ то нерасположеніость,

то не заслуженное равнодушіе къ Любомудрію. И въ нашемъ Отечествѣ, встрѣчаешь ли Философія тоинъ общей прізвѣшь, то общее вниманіе и участіе, которыхъ ожидать ей надлежало бы? Не многие у насъ пишутъ о ней, и то по большей части для того, чтобы высказать свои замѣчанія и мысли въ ея осужденіе!

Въ двухъ главныхъ отношеніяхъ можно разсматривать Философію: можно разсматривать ее *въ ней самой, какъ Науку*, и можно слѣдить за нею въ дальнѣйшемъ *ея примѣненіи къ практическимъ выгодамъ и утѣшамъ жизни*. Въ первомъ и другомъ отношеніи, Философія равно подвергалась и подвергается нареканіямъ и осужденіямъ. Предающіеся Точнымъ Наукамъ оприцаютъ достоинство Философіи, какъ Науки; а иѣ, которые живутъ и дѣйствующіе преимущественно для цѣлей практическихъ, оприцаютъ значение Философіи въ *ея примѣненіи практическомъ*.

Справедливы ли основанія такихъ взглядовъ на Философію, — это предметъ, разсмотрѣнію котораго я желаю посвятить теперь нѣсколько минутъ. Не думаю, чтобы не выгодное о ней мнѣніе публики не имѣло никакихъ причинъ и побужденій; но твердо также уѣренъ, что Философія, понимаемая въ ея истинномъ смыслѣ, имѣетъ полное достоинство, какъ Наука, и самое высокое значение въ *примѣненіи практическомъ*. Чувствуя, какъ трудно быть судью въ этой тысячелѣтней тяжѣ Философіи съ мнѣніемъ общеславяннымъ, но пѣмъ не менѣе сознаю внутреннюю потребность принять самое живое участіе въ судьбѣ ея.

Знаю, что слабый голосъ мой не можетъ противопоставить голосу многихъ; но пытъ не меюще признаю справедливымъ — въ эпохѣ Свапнилицѣ Наукъ, гдѣ по волѣ Августѣйшаго Монарха созданъ притворъ и для Философіи — по возможности защищать ее отъ предубѣждений и недоразумѣній.

I.

Тѣ, котормъ не нравится Философія, какъ Наука, не удовлетворяютъ ею, безъ сомнѣнія, пошому, что она не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ Науки. И дѣйствительно: три должно быть существенныхъ принадлежносніи въ каждой Наукѣ, понимаемой въ истинномъ ея значеніи: во-первыхъ, *содержаніе*, раскрытиемъ и уясненіемъ котраго должна заниматься она; во вторыхъ, опредѣленный *способъ воззрѣнія* на это содержаніе; и въ третьихъ та *форма*, въ которой она выражаетъ свои представлениія и понятія о данномъ предметѣ. И во всѣхъ эпизодахъ описаніяхъ Философія равно представляетъ поводы къ осужденію.

1. Дѣло слишкомъ знакомое каждому, кто хотя сколько-нибудь занимается Науками, что каждая изъ нихъ должна имѣть содержаніе, и при этомъ содержаніе *дѣйствительное, опредѣленное и ей одной принадлежащее*. Удовлетворяеть ли Философія эпизъ первымъ и непремѣннымъ требованіямъ Науки?

Содержаніе каждой Науки обыкновенно выражается въ ея опредѣленіи. Что жъ говорятъ намъ

о Философії всѣ донынѣ известныя намъ ея опредѣленія? Съ первого взгляда представляется каждому, что прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ послужить въ пользу Философії.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдня мыслью за философствующимъ человѣчествомъ — отъ первого появленія Философіи до настоящихъ временъ — мы почти никогда не найдемъ и двухъ самоспоястельныхъ мыслителей, которые согласились бы между собою въ общемъ понятіи о Философії. Каждый изъ нихъ смотритъ на вещи своимъ особымъ способомъ, и признавая прежніе взгляды на Философію недостаточными и нефилософскими, даетъ новое, нерѣдко совершенно противоположное прежнимъ понятіе о существѣ ея; но послѣдующій мудрецъ то же дѣлаетъ съ опытомъ предшественника, и въ свою очередь извѣждываетъ ту же судьбу въ попомѣствѣ.—Удивительно ли послѣ этого, что Скептики и противники Философіи отвергаютъ дѣйствительность ея содержанія? При мысли о томъ, что Философія, въ теченіе тысячелѣтій, не успѣла и донынѣ установить понятіе о содержаніи своемъ, что напротивъ она безпрерывно погрѣается въ самыхъ противорѣчащихъ взглядахъ на саму себя, — какъ ис пришли къ тому заключенію, что и никогда она не успишетъ понятія о самой себѣ; что, по этому, предметъ философствованія зависитъ только отъ прихоти каждого, есть не болѣе, какъ произвольная мечта празднаго ума, и что слѣдовательно содержаніе Философіи, собственно говоря, не есть содержаніе, годное для Науки?

И однакожъ, мы не справедливо бы укоряли Философію въ недоспѣшкахъ дѣйствительнаго содержанія, если бы остановились на эпохѣ первомъ, и довольно поспѣшномъ заключеніи. Наше сужденіе о ней было бы слишкомъ пристрастнымъ, если бы, по невѣроносніи опредѣленій Философіи, мы захотѣли дѣлать рѣшишельцое заключеніе оничтожествѣ и произвольности ея содержанія, тогда какъ понятіе зависиши отъ предѣла, но предметъ не зависиши отъ понятія. Еще и донынѣ Эстепеники не согласились въ понятіяхъ объ Изящномъ и сущности Искусства; а между тѣмъ Изящный Искусствъ и вѣрный эстетической вкусъ уже издавна существуютъ и безъ понятій о нихъ. Еще и теперь спорятъ о верховномъ началѣ нравственности, о существѣ Религіи; а между тѣмъ добродѣтель и духъ благочестія не ждутъ, пока согласятся въ понятіяхъ о существѣ ихъ; напротивъ, самыя понятія эпохи сдѣлавши за развитіемъ добродѣтели и благочестія. — Такъ точно и въ Философіи; ея существенное содержаніе вовсе не зависиши отъ общегоднаго, окончательнаго опредѣленія; напротивъ, это опредѣленіе можетъ установиться только тогда, когда ея содержаніе будешь развишю по всемъ возможнымъ для него направленіямъ.

Въ чёмъ же именно заключается это содержаніе Философіи? — Оно такъ близко къ намъ самимъ, что искать и находишь его не спошь почти никакого труда: оно положено во глубинѣ нашего собственнаго духа. Гдѣ и когда ни развивалась бы Философія, какое направленіе ни принимала бы

она, подъ юакимъ бы именемъ и опредѣленіемъ ни
здавалась,— всегда и вездѣ она трудится надъ однимъ
и шѣмъ же великимъ дѣломъ. Раждаясь во глубинѣ
человѣческаго духа, она хочетъ озарить его новымъ
свѣтомъ вѣдѣнія—свѣтомъ отчетливѣйшей мысли,
и для того подураиваетъ изысканіи до коренныхъ
актівъ нашего сознанія, развить вѣшу неизвестнѣ-
вѣщую точку, чашего бытія и прославовать его
по главнѣйшимъ пущимъ его движенія. А сознаніе,
какъ извѣстно, выступаетъ изъ себя, ограничивающіе
въ спремлениі своею чѣмъ-то спороннямъ,—
предметами познанія; и, оправдаясь отъ нихъ къ
самому себѣ, посправляетъ себя центромъ, а всѣ
прочіе предметы — окружносшю познанія; но
эта окружность оправдывается въ нашемъ сознаніи
только идеально, а не реально, потому что дѣй-
ствительное бытіе вещей не зависитъ отъ на-
шего сознанія и познавія. Отъ этого сознаніе пер-
воначально подаетъ также иѣчто выше себя и
всего прочаго міра, иѣчто такое, въ чёмъ вѣшъ
центра и окружности, а единая безконечность, въ
чёмъ вслѣдъ вѣдѣніе и бытіе составляютъ одинъ
предвѣчный способъ существованія и самое су-
щество. Такимъ образомъ, въ перворазвивающемся
сознаніи доспраудается, познающій себя духъ,
ограничиваемый въ своемъ спремлениі предметами
внѣшними, посправляется міръ внѣшній, опредѣляемый
идеально сознающими духомъ, и сверхъ этого
приводится существо начьмъ не ограничиваемое,
высшее нашего познающаго духа и познаваемаго
міра, — Богъ. Въ этихъ-то предметахъ сознанія
Философія находитъ свое содержаніе, надъ раз-

випшіемъ и уясненіемъ котораго должна прудитъся непрестанно. Что въ этихъ предметовъ сознанія Философія не можетъ искать и находить для себя содержанія,—это само по себѣ ясно потому, что въ круга нашего сознанія нѣть и быть не можетъ для насъ никакого познанія. Что эти предметы Философія, хотя иногда безъ отчесливаго уразумѣнія, однако дѣйствительно, всегда и вездѣ, поставила своимъ содержаніемъ, о томъ свидѣтельствуетъ намъ ея Исторія: были Философические школы и системы, даже огромныя эпохи Философіи, въ которыхъ она обращала испытательный взоръ свой преимущественно на то, или другой предметъ нашего сознанія, но и это для того только, чтобы послѣ перейти къ остальнымъ.

Эти предметы сознанія не суть только отвлеченностіи логической. Человѣкъ, какъ лицо свободно-дѣйствующее, вѣшняя Природа, и Причина причинъ, существующіе безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительно. И следовательно содержаніе Философія есть самое *дѣйствительное содержаніе*, а не мечта празднаго духа.

Но послѣ этого тощась скажутъ намъ: предметами сознанія не указывается ли на всю безпредѣльность сущаго, потому что, кроме сознующаго духа, сознаваемаго мира и Первопричины того и другаго, нѣть и быть не можетъ ничего болѣе? А если это справедливо, то содержаніе Философіи не есть ли нѣчто безграничное и *неопределеннное* до того, что она сама не знаетъ, где и какъ размѣся ей за предместь свой?—Къ тому же,

всеобщность предметовъ уже распределена по участкамъ между другими Науками, и следовательно содержаніе Философіи не принадлежитъ ли, хотя по частимъ, другимъ Наукамъ такъ, что она пользовалась достояніемъ чужимъ, не можетъ уже имѣть никакой самостоятельности относительно предмета своего?

Мысль объ этой неопределенности Философіи — не безъ основанія. Всѣ другія Науки, не могли обнаглить однимъ взглядомъ совокупности предметовъ, раздѣляя ихъ на части определенные и вставляя предметы свои въ рамы болѣе или менѣе тѣсные и определенные; между тѣмъ Философія, расширяя область свою въ безпределность, созерцаетъ все сущее, какъ бы заключеннымъ въ одной необъятной панорамѣ: и человѣка и человѣчество, и духа и вещества, жизнь и смерть, конечное и безпределное, потому что обо всемъ этомъ можно философствовать, — все это должно быть проникнуто Философіею, оживлено, прояснено ею. И однако же, при самой безпределности вещей, ей представляющихся, она умѣетъ определить и установить свое содержаніе, какъ неизрекаемую собственность, обозначая его *существенную сторону*, и обращаясь къ *особенному источнику* для познанія своихъ предметовъ.

Содержаніе Философіи составляютъ существенные предметы нашего сознанія: следовательно это содержаніе есть чѣчто непосредственно наше данное, чѣчто, первоначально положенное въ природѣ нашего мыслящаго духа. Но въ природѣ мыслящаго духа нашего первоначально нѣть ничего, кроме

собственцою его природы. Въ нашей мыслящей и познающей силѣ нѣть ничего первоначально, кроме всеобщихъ условій мышленія и познанія, кроме тѣхъ законовъ, по которымъ мы понимаемъ всякое бытіе, кроме тѣхъ формъ единства и необходимости, которыя существенно принадлежатъ нашему самодѣятельному разуму. Какъ расподѣлены предметы природы вѣнчайшей, что совершилось въ жизни человѣчества, объ этомъ не извѣщаешь насъ, сама по себѣ, наша разумная природа; но логическіе законы мышленія, частные предписанія права и обязанности, всеобщіе законы, которыми подчищается всякое бытіе въ Природѣ, высокія идѣи Божества и жизни вѣчной, — это положено въ нашемъ собственномъ разумѣ, и каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ условія подготвленія для того, чтобы дойти до уразумѣнія ихъ и самоубѣжденія въ нихъ: нужно только размысленіе, нужно развиціе того, что заключено въ насъ.

И такъ, не смотря на то, что взглядъ философической прѣспирается на все бытіе; что Философія, обнимая всѣ предметы вѣдѣнія, а съ ними вмѣстѣ и всѣ ощѣльныя Науки, по праву именуется *Наукою обо всемъ, Наукою Наукъ*; не смотря на это, она не поспавдешь содержаніемъ своимъ безконечнаго разнообразія вещей, которое не можетъ быть обнаружено никакимъ сознаніемъ конечнымъ; она не заключаетъ въ себѣ частичаго содержанія всѣхъ прочихъ Наукъ: такая Наука не возможна для людей; она противорѣчить природѣ человѣческаго познанія. Не разнообразныя явленія бытія, а только его общія формы, его законы

пославляешь предметомъ своимъ Философію; она есть *Наука обо всемъ* только въ томъ отношеніи, что приводитъ къ сознанію законы и основанія всякаго бытія; она есть *Наука Наукъ* только потому, что содержитъ въ себѣ условія, начала и формы всякаго вѣдѣнія. Она исключаетъ изъ своей области все то, что въ частности можетъ быть подчинено общимъ законамъ и формамъ бытія; только эти *формы и законы составляютъ ея истинное содержаніе*, на которое не могутъ имѣть претензій другія Науки.

Правда, и другія Науки не всегда ограничиваются однѣми частностими, а нерѣдко восходашь къ законамъ общимъ, занимаются не столько самими вещами, сколько ихъ формою. Такъ напр. Естествознаніе не удовлетворяется несвязными явленіями, отдельными наблюденіями и опытами, какъ не полными и отрывочными отвѣтами Природы, а доискивается основаній наблюденій и опытовъ, общихъ законовъ цѣлаго круга явленій. Но при всемъ томъ, общіе законы и формы, какъ ближайшее содержаніе Философіи, далеко отличны отъ всѣхъ другихъ законовъ и формъ, по самому *истоку*, изъ котораго почерпаетъ познаніе обидѣхъ. — Три есть источника непосредственнаго познаванія: *наглядность, гистология и чистый разумъ* съ его идеями. И какъ въшенный почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ *наглядности*, обращаясь къ свойствамъ и дѣйствіямъ предметовъ; самые законы ихъ, для извѣстнаго рода явленій, суть не иное чѣмъ, какъ сведеніе усмопрѣній къ единству посредствомъ простаго, эмпирическаго

синтеза; есть не болѣе, какъ обобщеніе наглядныхъ же частностей посредствомъ наведенія. Но всеобщіе законы бытія, разматриваемые Философію, не могутъ быть взяты отъ опыта, потому уже самому, что они всеобщи; ихъ *первоначально созерцаетъ* въ самомъ себѣ *нашъ разумъ*, какъ свою собственную природу; открываетъ ихъ не дѣйствіемъ синтеза, а анализа; не доходитъ до высочайшаго закона своего, закона единства, путемъ обобщенія частностей, а напротивъ, созерцая законъ единства въ самомъ себѣ, въ собственныхъ идеяхъ, и раздробляя его на части, отражаетъ его какъ бы въ раздробленыхъ лучахъ свѣта, въ различныхъ представленихъ: въ представлениіи единства въ нашемъ познаніи, въ представленихъ обѣ одной испинѣ, одномъ мірѣ, одномъ основаніи всякаго бытія. — Болѣе сходства съ Философію предстаютъ намъ Науки Математическія, обращенные къ формамъ единства. Математическія формы, построенные въ чистомъ *воззрѣнніи*, суть представлениія пространства и времени, оправданные отъ всякаго эмпирическаго содержанія; подъ эти формы подпадаетъ уже каждый чувственно воззрѣваемый предметъ, опредѣляясь по времени и пространству: следовательно онъ — какъ и общія формы разматриваемыя въ Философіи — положены въ насъ прежде всякаго возбужденія вѣшняго и принадлежатъ самодѣятельности нашего духа. Но при этомъ сходство шѣхъ и другихъ формъ есть между ими значительное различіе. Чистыя формы математическихъ воззрѣній принадлежатъ самодѣятельности духа *чужестранный*,

попкому что годятся только для предметовъ чувственныхъ; между тѣмъ какъ философическое познаніе возвѣщаетъ формы свои, какъ формы познанія вообще, и потому онъ принадлежать самодѣятельности разума, отъ котораго отражаются первоначально въ нашемъ сознаніи. Отъ того, чистыя формы математического воззрѣнія, хотя также суть формы единства, по которымъ былевый усмопрѣнія приводятся къ формамъ пространства и времени, — но формы *единства външняго*, связующія разнообразіе наблюдений по внѣшимъ отношеніямъ ихъ преемственности и послѣдовательности; а формы чистаго разума суть формы *внутренняго единства*, опредѣляющія собою внутреннія отношения всѣхъ вещей.

Философія, почерпающая познаніе всеобщихъ законовъ и формъ бытія изъ самодѣятельности нашего разума, изъ его идей, конечно, не отвергаетъ участія и низшихъ силъ души: все отъ приносится дань Философіи, все хотятъ быть органомъ ея вѣщакій. Память предлагаетъ ей сокровища мудрости, которыя философствующіе умы различныхъ временъ и мѣстъ завѣщали потомству; чувство представляетъ ей необъятное разнообразіе Природы и явленій нашего собственнаго, внутренняго міра; разсудокъ зиждется для нея новый міръ мыслей, сводящій все разнообразіе явленій къ двумъ главнымъ началамъ — веществу и духу. Но все это для него только, чтобъ разумъ озарилъ эпостъ двуспорній міръ, съ его разнообразіемъ, своимъ высшимъ свѣщомъ идей, и внесъ въ него жизнь, единство, гармонію. За то,

и одна позшая сила духа, сама по себѣ, не имѣшъ особеннаго значенія для Философіи. Какъ бы ни обширна была память, но она можетъ обнимать только прошедшее, а не настоящее и будущее. Какъ бы ни пространенъ былъ кругъ дѣятельности нашихъ чувствъ, вооруженныхъ даже всѣми пособіями Искусства, все еще этотъ кругъ будеши слишкомъ малъ и ограниченъ въ безпредѣльномъ кругѣ Природы. Какъ бы ни высоко было зданіе понятий, построеваемыхъ разумомъ, а все еще оно не достигнетъ до Неба, до того единаго Всесущественнаго, въ кошемъ заключено все. Философія требуетъ непрѣходящаго, вѣчнаго: а вѣчное отражается только въ идеяхъ; Философія требуетъ неограниченаго, безпредѣльнаго: а безпредѣльное отражается также въ идеяхъ. Міръ идей есть родина Философіи. Тамъ зараждается она; оттуда черпаешъ свои силы и является въ міръ дольный, какъ провозвѣстница горяго.

2. Но это происхожденіе Философіи изъ высшей области духа, изъ области самодѣятельнаго разума, и потому самый способъ *ея воззрѣнія* на вещи, ея взглядъ, возвышающійся надъ обыкновенною сферою опыта, издавна были предметомъ укоризнъ ея, какъ Науки. — Правда, нынѣ уже никто не отвергає умозрѣнія, какъ вещи вовсе небывалой; въ наше время, послѣ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій человѣческаго духа, произведенныхъ преимущественно Кантомъ и замѣчательнѣйшими его последователями, не льзя уже

найдти почти ни одного человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ настоящимъ соспоаніемъ Наукъ, который съ жаромъ и убѣжденіемъ захотѣлъ бы еще защищать основанія эмпирізма въ томъ видѣ и съ такою исключительностию, какъ въкогда онъ былъ развиць Локкомъ и его послѣдователеми въ XVIII столѣтіи, во Франціи. Но и теперь, не отвергая психической возможности умозрѣнія, по большей части, даютъ рѣшильное предъ нимъ предпочтеніе наглядному, эмпиріческому познанію; и теперь, и преимущественно теперь, сдѣлалась едва не общимъ мнѣніемъ та мысль, что только *опытъ даетъ намъ отчетливое и полное знаніе, а умозрѣніе не ведетъ насъ ни къ тому положительному и определенному; что только массъ эмпиріческихъ и историческихъ свѣдѣній принадлежитъ основательность и вѣрность, а всякий взглядъ на предметы, направляемый по высшимъ нагаламъ есть поверхностное и произвольное умножанье*, которое можно терпѣть, какъ безвредную игру празднаго духа, но которое не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на образованіе Науки. Съ этой-то точки зрѣнія, одностороннимъ эмпирікамъ и Историкамъ Философія является чѣмъ-то слишкомъ бѣднымъ и ненадежнымъ. Отсюда-то происходятъ жалобы на сухія отвлеченности и пустой формализмъ *Философіи*; отсюда же и то желаніе многихъ, чтобы Философія обращалась не къ утонченностиямъ разсудка, а къ проспому, общему смыслу человѣчества, прямо и ясно постигающему испину; желаніе; чтобы Философія почерпала свои сѣ-

дѣнія не изъ безжизненныхъ взглядовъ умозрѣнія, а изъ силы чувства, какъ живаго и непосредственнаго источника всякаго вѣданія.

Это понятіе о годности опыта и зыбкости умозрѣнія, а съ шѣмъ вмѣстѣ о начищесквѣ философическаго взгляда на предметы, весьма напурально можетъ возникать въ духѣ человѣка отъ того, что спорона чувствъ нашихъ гораздо больше развита въ насъ, чѣмъ высшая спорона духа. Чувства наши предстаютъ собою высо-чайшее развитіе земной природы, и сильно и непосредственно поражаютъ явленіями и качествами міра вѣнчанаго, потому уже самому, что они для нихъ родныя. Между шѣмъ духъ нашъ есть только младенецъ въ міре духовномъ; онъ спошь еще на первой, самой низшей ступени самосознанія, въ неизмѣримой лѣспнице существъ разумныхъ. Удивительно ли послѣ этого, что сфера опыта, въ которой живемъ мы всѣми нашими чувствами, кажется намъ сплошь ясною и опредѣлительною, а область, собственно духу принадлежаща, область его высшаго разумѣнія, кажется сплошь шуманною и неопределенною? — Но не смотря на все это, понятіе объ исключительной прѣнности опыта, при всей многочисленности голосовъ въ его пользу, есть взглядъ односторонній и ограниченный. — Основаніе умозрѣнія положено во внутреннѣйшемъ существѣ нашего духа, такъ же точно, какъ и основаніе эмпиріи. Духъ человѣческій не безусловно дѣятеленъ въ своемъ мышлѣніи и познаваніи; онъ связанъ отношеніями чувственными, пребудетъ возбужденія извѣтъ; но съ другой спороны, онъ не

есть способность только спиритуальная, только воспримощая и чувствующая: въ немъ самъ первоначально положены чистыя формы и законы, по которымъ единственно онъ можетъ и долженъ дѣйствовать и при которыхъ онъ дѣйствуешь самоспособно, потому что направляетъ свою дѣятельность по законамъ и формамъ, только ему единому существенно принадлежащимъ. Внѣшнее возбужденіе нашихъ чувствъ при наглядномъ ус茅трѣніи вноситъ въ нашу душу предмѣтность, которую мы воспринимаемъ въ нашемъ познаніи, какъ представлениія о вещахъ, и следовательно изъ нагляднаго ус茅трѣнія дается ламъ всякое содержаніе, всякая дѣйствительность, все были нашего познанія. Но съ другой стороны, вѣчные законы разумѣнія, законы единства и необходимости, какъ формы, въ которыхъ должно быть отражено чувственно-воспріянное содержаніе нашего познанія, какъ условія, при которыхъ вообще возможно для насъ познаніе дѣйствительного, — эти законы зрачатся только въ нашемъ духѣ. И такъ, въ нашей чувственности и восприемлемости дается только содержаніе, и изъ глубины духа нашего почернается форма; въ опыте — дѣйствительность, въ умозрѣніи — необходимость; тамъ были, здесь законы; тамъ разнообразіе, здесь единство. — Вотъ причина, по крайней мѣрѣ, совершенно *равной цѣлности опыта и умозрѣнія*, и вмѣстѣ ихъ недостаточности въ ихъ различіи; здесь же скрыта причина вѣчной борьбы между безформенною наглядностью и безсодержа-

шельною идеальностию, и вмѣстѣ — основаніе потребности ихъ единства!

И точно, опытъ и умозрѣніе, какъ содержаніе и форма, равно необходимы для полноты и очевидности нашего вѣданія. Опытъ безъ умозрѣній есть только мертвъ, беспорядочная громада одиѣхъ особенностей и быдѣй,расно какъ умозрѣніе безъ опыта есть не болѣе, какъ пустая форма единства и законъ необходимости безъ разнообразнаго содержанія и дѣйствительности. Самое полное, доконченное познаніе состоялось бы тогда, когда по всемъ отношеніямъ опредѣлились бы: содержаніе формою, дѣйствительность необходимости, были закономъ, разнообразіе единству. Правда, это единство формы и содержанія для насъ оспаєтся только желаннымъ, но недостижимымъ идеаломъ, потому что неисчезающее богатство познаваемаго содержанія никогда не можетъ быть исчерпано опытомъ, а отъ того и первоначальная форма разумѣнія не можетъ быть наполнена всецѣло, и закону необходимости, въ насъ положенному, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительность. По крайней мѣрѣ, чѣмъ многостороннѣе и богаче будетъ опытъ, тѣмъ вѣрѣ и выше можетъ возноситься въ своихъ отвлеченностяхъ мыслящій разсудокъ и тѣмъ болѣе можетъ приближаться къ высочайшему единству разума. И на оборотъ, чѣмъ больше удалось умозрѣнію сознать высочайшій законъ единства, чѣмъ обширнѣе его начала и общѣе законы, тѣмъ полнѣе будетъ взглядъ его на разнообразіе опыта, тѣмъ яснѣе и глубже проникнетъ онъ во внуриренію

связь егъ былей. А при такомъ отношеніи между идеальностію и опытоштію, если шапки и неудачи должны быть попытки умозрѣнія, — когда оно, пренебрегая опытомъ, заключаєтсѧ въ собственной, чисто-идеальной сферѣ, и вместо того, чтобы прилагать только свои законы и формы въ данному (изъ опыта) содержанію, само покушаєтсѧ творить были и поспироевать содержаніе: то, съ другой стороны, вовсе неосновательный и во всѣхъ опровергаемыхъ несправедливы припізанія эмпиріи, когда она, признавая умозрѣніе не ведущимъ ни къ чему, думаетъ, что въ самой себѣ можетъ найти отчеливость и полноту знанія, и потому или совершиенно опровергаєтъ годность законовъ и формъ разума, или надѣется произвестіи ихъ изъ опыта.

Выѣстъ съ этимъ, сама собою открывается односторонность столь усилившагося теперь мнѣнія, будто основательность и вѣрность Науки принадлежитъ только массѣ опытныхъ и историческихъ сведеній — этому набору отдельныхъ фактовъ; а Философія съ ея высшими начальами и взглядами если только *пустое умничанье*, ничтожная оправдательность, не имѣющая никакого исправнаго вліянія на образованіе Науки. Основательность Науки не заключается въ простомъ накопленіи фактовъ, а склонить въ единство и органической связи нашихъ познаній; но этой связи, этого единства ни чутъ не даепъ вамъ сами; все это можетъ быть почерпаемо только изъ умозрѣнія, изъ Философіи. Относительная вѣрность Науки зависитъ отъ степени

уразумѣнія въ ней истины, дѣйствительностикъ. Но уже въ первоначальныхъ и дробныхъ актахъ наблюденія и опыта открываешь недостаточность эмпиріи и болѣе, или менѣ явное участіе въ нихъ разума. Такъ въ самыя обыкновенныя понятія, въ початіе напримѣръ о расщепленіи, уже привносятся понятія предъопытныя — математическая формы пространства и времени и метафизическая понятія о сущности, основы бытія (субстанціи), причинности, и взаимодѣйствіи. Тѣмъ менѣе можетъ эмпирія, сама по себѣ, въ цѣломъ и огромномъ удовлетворить истиннымъ требованіямъ Науки и проспѣхъ только наблюденіемъ дознать истину и дѣйствительность бытія. Истина и дѣйствительность Природы, уже ли это есть несвязная масса отдельныхъ вещей, которая дается въ чмъ проспѣхъ усмѣтрѣніемъ и наблюденіемъ, а не внутреннее, органическое сведеніе особей въ однѣ великие цѣлые, и съдѣвателно что, чмо дознается наимъ собственно изъ Философіи, изъ всеобщихъ формъ и законовъ единства? Равнымъ образомъ, истина и дѣйствительность Исторіи уже ли заключается единственно въ хронологической послѣдовательности событій и сказаній; напротивъ, не во внутренней ли прагматической связи частностей, не въ живоносныхъ ли идеяхъ, движущихъ событіями Исторіи, состоять эта истина, и припомъша глубокая истина, которой не можетъ открыть намъ ни опытъ, ни историческая многоученость, а только одно философствующее размышленіе? Если же самая эмпирія обнимаетъ частные предметы въ

ихъ цѣлостнї и единствѣ, и потому пользуется всеобщими законами разума, хотя безъ отчего-либо о томъ сознанія и безъ методического приема, что такъ обвинять намъ въ личтожестѣ отвлеченностей и пустотѣ умствованій Філософію, когда она, для того, чтобы чище сознать всеобщія понятія и законы единства и потому съ отчего-либо отвѣтственіемъ и надежнѣйшимъ методомъ вновь приложить ихъ къ частностямъ, предварительно отвлекаетъ эти понятія и законы отъ ихъ разнообразного содержанія? Не должна ли, напротивъ того, эмпірія почерпать въ этихъ отвлеченностяхъ и основательность своей наглядности и вѣрность высшей дѣйствительности и истины?

Конечно, нападенія на пустой формализмъ Філософіи и нигтожность еї отвлеченностей иногда бываютъ и справедливы; потому что отвлеченное мышленіе, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, первѣдо отторгалось отъ своего содержанія, какъ эмпіріческаго, такъ и идеального, и покушаясь само собою творить истиину изъ своихъ всеобщихъ понятій, перералось въ фантастическихъ, воздушныхъ построеніяхъ. Но нападенія, въ этомъ случаѣ, на отвлеченностіи філософической должны касаться не самаго существа ихъ, а только ихъ злоупотребленія въ Філософії: по существу своему, онъ не суть уродливые плоды напряженного мышленія; сами по себѣ, въ свою истиннотъ видѣ, онъ имѣютъ высокое достоинство. Мы довѣряемъ собственно якимъ только отвлеченностямъ, которыми такъ осуждаемъ; мы

дѣримъ и только имъ, ихъ и только понижаешь, въ нихъ и посредствомъ ихъ разумѣшь все прочее. И это очевь ясно. Наша слова суть выраженія нашихъ понятий, а всѣ наши понятия суть определенности: и, следовательно, все наше мышленіе и наша рѣчь есть определенность. Безъ определенности мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу въ познаніи, самомъ по видимому прошломъ и обыкновенномъ; такъ напр. безъ определеностей мы не можемъ имѣть познанія о числѣ. Въ Природѣ нетъ числа; здѣсь только одинъ, одинъ, одинъ, а совокупленіе въ числа, это определенность. Скажуѣшь, что определенныя предшественія всеобщаго сами не исклюютъ никакой дѣйствительности; что всеобщія понятия о родѣ, качествахъ, отношеніяхъ сами по себѣ пусты, потому что это суть только формы, въ которыхъ мыслимъ о бытіи дѣйствительномъ, которое принадлежитъ только частностямъ. Но и въ этомъ случаѣ нельзя называть определеностей *пустою формальностью*, сухимъ, безжизненнымъ основомъ мышленія; и въ этомъ случаѣ не теряюши онѣ значенія въ познаніи дѣйствительности, потому что онѣ не суть произвольныя порожденія мыслящаго разсудка; они извлекаются изъ частнаго, дѣйствительного бытія, а потому и указывающъ всегда на дѣйствительное бытіе, изъ котораго почерпнуты думы.

Если же философическіе умозрѣнія его определеностями не есть пустая, изысканно-напряженная игра мыслей; если въ самыхъ определеностяхъ есть жизнь, есть дѣйствительность:

шо, излишни забошы щыхъ, которые, желая избавиши Философію отъ ошалеченностей, какъ будто недуга, ее удручающаго, ошсылаютъ ее къ здравому человѣческому смыслу и къ силѣ живаго, непосредственнаго чувства. Конечно, Философія, по возможности, должна жити въ мірѣ и согласи съ иакъ — называемымъ здравымъ человѣческимъ смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ. Если, неоспоримо есть въ человѣческомъ духѣ голосъ, который прямо и безыскусственно возвѣщаєтъ намъ объ испинномъ, правомъ и прекрасномъ, и который слышится шо изъ чувства, ли изъ общаго смысла. Тѣкотъ практическій тактъ, эстетическій вкусъ, таково религіозное чувство. И Философія не права, если разнодушно отвращается отъ внушеній этого голоса, или легко-мысльно пропиворѣчить ему тогда, какъ его внушенія вѣриje привели бѣ ее къ испинѣ, чѣмъ самое высокое искусство умозрѣнія. Она виновна, когда до того удалещь область свою отъ обласци общаго человѣческаго смысла, что поспа-вляетъ славу свою въ именъ пропиворѣчіи пред-сказаниемъ его, какъ это мы видимъ въ Фило-софіи Гегеля, который выражается объ эпомъ иакъ: «Философія только чрезъ то становишся «Философіею, чѣмъ она прямо противоположна «разсудку; а еще болѣе — такъ-называемому здравому человѣческому смыслу, подъ которымъ «разумѣешся временная и мѣстная ограниченность «человѣческаго рода; въ отношеніи къ эпому «смыслу, мірѣ Философіи, въ себѣ и для себѣ, «есть міръ на измѣнку.» (Krit. Journals. d. Phil. B.

1, S. XVII). При шаковомъ отпораженіи Философіи отъ здраваго человѣческаго смысла и решительномъ противопостановлениі ему·своихъ помытій, она легко можетъ запуташися въ неестественныхъ хитросплетеніяхъ мышлений, въ напряженной, изысканной діалектике: и однакожъ, при всемъ этомъ, шакъ—называемый здравый смыслъ человѣческій не можетъ бысть ни исключениемъ, ни показателемъ философическихъ истинъ. То, что въ обыкновенной жизни называюши естественнымъ и особенно здравымъ смысломъ, частю вовсе бываетъ чуждо естественности и здравомыслия. По большей части, это есть не иное чѣто, какъ общее мнѣніе, случайно образованное въ теченіе разнородныхъ обстоятельствъ, есть неспирал смысль успирѣвшихъ понятій, предразсудковъ, любимыхъ взглядовъ, бевъ внушенія единства. Кто же захотѣлъ бы искалъ истины въ этомъ безвидномъ и бесодержательномъ сплетеніи, случайныхъ обстоятельствъ, въ этомъ хаосѣ беспорядочныхъ, мимолетныхъ мнѣній, а не въ стройномъ мышлении философическомъ? Кто захотѣлъ бы право суда и приговора въ дѣлѣ философствованія уступить этому нестройному сліянію голосовъ различныхъ мѣстъ и временъ? Развѣ предаться приходившому теченію мнѣній безознательной полны значить лучше и вѣрнѣе стремиться къ цѣли, къ познанію истины, чѣмъ при самосостоятельномъ, всеспытывающемъ философствованіи? Истино-здравый человѣческий смыслъ есть частю совсѣмъ не то, что въ обыкновенной жизни привыкли называть эпімъ именемъ. Это

не есть поверхностно-образованное размытие, избегающее глубины идейного вида; на первом обращенное к общимъ мистику суждений; затѣ не есть жесткость и безвидность мышления, такъ часто пользуясь почтеннымъ таинствъ ясности и пуританности; здравый смыслъ только тщетъ, который какоетакъ разынется и движется по законамъ своей собственной природы и "следовательно" по законамъ "Философіи", очищаемыи "Наукю" отъ менѣй прихотливой моды, отъ господствующихъ "предрассудковъ" и застарѣвшаго суеты.

Больше участія въ философізованіи можно бы предположить жиже му чувству; оно важно и драгоценное для человѣка! это есть благодатный вѣшникъ того, до чего еще не дошли мы въашимъ пошадамъ, и вѣсть краинѣ того, чѣмъ шель легко мы можемъ отвергнуть изъ сферы природы. Важны и священны для рода человѣческаго искания, каковы: бытие Божія; бессмертие души, нравственныя предпосылки, — эти искания возбуждающиця намъ въ живомъ чувствѣ гораздо прежде, чѣмъ успѣмъ познать ихъ разсудкомъ и убѣдиться въ нихъ логически. Простой, необразованній человѣкъ, только съ чувствомъ уже раскрытымъ, не пужаєтъ въ доказательствахъ бытия Божія, бессмертия души, нравственныхъ требованій; все это онъ слышитъ въ собственномъ духѣ, въ сиянилищѣ чувствъ, и слышитъ такъ ясно, что никакія ухищренія софизмовъ не могутъ поколебать его твердой увѣренности. Есть эпоха въ человѣческой жизни, критическая эпоха, когда

развиваешься, часть діалектическій разсудковъ, и раздѣляется односторонне, наль чѣо беречь рѣшишельный, прерѣсь, наль всѣми силами духа. Тогда возбуждается въ насъ падкая превога духа, дрожащя за душу, какъ мрачныи тѣни, сомкнуты обе вселы. Тогда вспрошаешьъ человѣка и сномъ, если ли Богъ приема ли душа наша бессмертна и чѣо такое изребованія нравственныя? Въ дніи-то бѣдствищніи минуты предожного скептицизма, когда ведутъ вокругъ насъ, надъ нами и въ насъ сущиъ колебающиися и тодово обрушишися, въ эти-то минуты одно чувство испытывъю обшасиця вѣрамъ хранителемъ ея. Оно скорбаетъ этимъ оскверненіемъ ясности, и съ презрѣніемъ отвергаетъ эти обидные вопросы золото-логіческаго разсудка. Но же, смотря на эти безцѣнныя услуги живаго чувства живой испытывъ не смотря на то, что Философія никогда не можетъ ими безизменно залечи ясному и непреренаемому чувству; не смотря на все это, и оно не можетъ быть ни судьею, ни органомъ философствованія. Только рѣдко оно бываетъ чистымъ и здоровымъ чувствомъ, въ конторомъ вѣрою отсвѣчивающемся обликъ истины, особенно въ черпахъ ея подобныхъ; и эта глубина нашего духа, наше чувство, нерѣдко воамузаетъ движениемъ спрасшей. И не только болѣненюю, но и здоровое чувство, какъ чувство, не можетъ быть органомъ Философіи. Правда, содержаніе ея, пускло отражающееся изъ высокреннихъ идей разума въ сознаніе, первоначально воспріемлется здѣсь не мышленіемъ, ве отчешливыми союзѣніемъ, а единственно чувствомъ. И

каждый человѣкъ, образованный и необразованный, не только воспринимаетъ въ чувствѣ возможное содержаніе Философіи, но и пользующійся имъ по чувству. Такъ каждый человѣкъ съ здоровымъ мысломъ мыслишь по законамъ Логики, еще не сознаваю ихъ; каждый человѣкъ обсуждающъ явленія Природы по всеобщимъ законамъ ея, каждый чувствуяще и действуяще по непрѣцѣннымъ законамъ добра, еще не приведши этихъ законовъ въ уразумѣнію. Такимъ образомъ, и все дошедшее по познанію философическому, уже непосредѣдѣнно присуще человѣку въ его чувствѣ: но все это содержаніе, пока возвращается въ однѣмъ чувствѣ, каждъ первоначальному органѣ неразвинутаго сознанія, подождя въ такой глубинѣ духа, где вспыхнется оно еще безвиднымъ и неопредѣленнымъ; въ чувствѣ все дается намъ первоначально, но дается въ сѣченіи, племъ, барышничомъ, санитѣ. Между пѣмъ содержанію иное дѣло — только чувствовашь чю-либо, и понимашь это; совершение иное дѣло — вѣть только познаніе о чемъ-либо, и сознавашь это самое познаніе съ отчетливостью; а познаніе философическое поддому и становящимся философическимъ, чю оно ничего не полагаетъ непосредѣнно, а все хотѣть знать съ отчетливымъ знаніемъ.

Если же есть въ нашемъ чувствѣ начапки возможного разумнаго вѣдѣнія, еще племные, завитые, то должна быть въ насъ и *особенная способность* развивашь эти начапки. Что же это за способность, и какъ она разъяснишь то, чю всѣмъ и каждому возвращается чувствомъ? Она

пробуждающейъ въ насъ тогда , когда сознаніе , вы-
ступая изъ неопределенного , смѣшанного чувства ,
 обращаешьъ взоръ свой и къ самому себѣ ; когда
сознаніе , единичное само по себѣ , какъ бы раз-
деляется , становиться вопросающимъ и вопросае-
мымъ , живымъ зеркаломъ истины и дѣятельной
силою , глядящимъ въ него . Это обращеніе сознанія
къ себѣ самому , это свободное самовладѣніе
его есть внутреннѣйшее самовнаніе , есть въ
собственномъ смыслѣ философическое размышленіе (рефлексъ) , какъ особенное дѣйствіе *разсудка* ,
который , по этому самому , есть надежащій
органъ философскаго познанія . Философиче-
ское размышленіе разсудка , какъ чистое мышленіе ,
какъ произвольно воспроизводящее движение его ,
не даетъ въ философствованіи никакого содержа-
нія , а только овладѣваетъ тѣмъ содержаніемъ ,
которое изъ областей разума первоначально отра-
жается въ акты сознанія , но сначала воспричи-
мляется теминымъ ; безотчетнымъ чувствомъ . Самоизнающій разсудокъ есть какъ бы внутреннее
око нашего духа , созерцающее отраженіе высшихъ
идей въ пространѣ сознаніи , есть внутренний ,
духовный Химикъ , анализирующій то , чѣмъ возвѣ-
щается намъ чувствомъ въ его темиомъ , смѣшан-
номъ синтезѣ . Какъ Химикъ разлагаетъ данную
массу на составные части ея , и чрезъ это разло-
женіе достигаетъ напослѣдовъ до простѣйшихъ
элементовъ тѣль : такъ самоизнающій разсудокъ
дробитъ на частіи наши смѣшанныя представленія ,
и путь анализа поступая все далѣе и далѣе , отъ
единаго къ многому , отъ сложнаго къ простоку ,

доспігаешь наконецъ до простѣйшихъ, основныхъ элементовъ познанія; а какъ только однажды овладѣли мы этими простѣйшими элементами, то вѣше мышленіе отъ приемовъ разложенія переходитъ тощасъ къ дѣйствію возсозданія, вновь спроизвѣтъ сославное изъ простаго и чрезъ то ограничивающее разложеніе построеніемъ, а вѣль — синтезомъ. Такимъ образомъ, наше философствующее размышленіе, дѣйствіемъ построенія, приводитъ насъ къ пѣмъ же предметамъ познанія, отъ которыхъ мы выступили въ цѣль, но только эти предметы примыкаютъ тогда къ цѣлой системѣ нашихъ познаній, и лежащія намъ въ синтезѣ новомъ, окруженному вышешимъ стѣномъ вѣданія, стѣномъ отчелливаго, созиателнаго вѣданія. Тогда-то усматриваемъ мы то, чѣго прежде и не подозрѣвали въ себѣ,—узнаемъ, чѣдо прежде только чувствовали, воспринимаемъ мыслю свободно, чѣдо прежде представлялось намъ невольно, созиаемъ ясно, чѣдо представлялось намъ шемно, познаемъ вѣданіе, познаемъ философически, чѣдо знали прежде прошло, фактически.

Но и разсудокъ, какъ органъ философствованія, по видимому, не соотвѣтствуешь своему назначению. Самодѣятельный разумъ, какъ источникъ философического вѣданія, со стороны его содержания, всегда и вездѣ единиченъ, самъ съ собою согласенъ и неизмѣнчивъ по существу своему. Во внутреннемъ свидѣлищѣ его мирно и позыблемо покоящія высшренняя идея испиннаго, какъ неисчерпаемая полнота вѣданія, какое только доспушно для человѣчества. Не то бываетъ въ разсудкѣ,

какъ источникъ философскаго познанія, со стороны его формъ. Это есть двупланность духа въ вышней степени произвольной. Подвергая своему изслѣдованию иден разума, его чистые законы и формы бытія, яо не могши обнять полноты ихъ своимъ мыслью, ограниченную взглядомъ, разсудокъ раздѣляетъ ихъ на части и по произволу видоизмѣняетъ и преобразуетъ ихъ: одиѣ опровергаетъ безъ вниманія, другія развиваются; то соединяетъ ихъ, то разлучаетъ; то разлагаетъ ихъ, то приводитъ къ цѣлостнѣ; восходять отъ простаго къ сложному, исходятъ отъ единаго къ разнообразному; отвлекасть отъ частнаго, срѣвниваются общее. А при этомъ способѣ (рефлексивнаго) взаимнѣе на содержаніе Философіи, какой плодъ философствованія представляется намъ въ ея Исторіи? Несправдѣ смысь разнообразныхъ понятій и ученій, въчное сиюминовеніе и борьба Философическихъ школъ, быстрое чередованіе и прохожденіе Философическихъ системъ! Нечально это времіе, представляемое намъ философствующимъ мышленіемъ въ Исторіи Философіи, и вмѣстѣ это есть самое сильное побужденіе пропагандистамъ Философіи къ ея осужденію. Каждая Наука должна быть единична, сама съ собою согласна, тверда и постыдна; а между тѣмъ Философія,— говорить намъ ея пропагандисты,— и на одаль шагъ не приблизилась къ этой цѣли. И быть, какъ издавна, въ областнѣ Философія усподспеваешь самое необыкновенное разнообразіе взглядовъ и понятій; и допынѣ спорить въ ней, какъ спорили издавна, не только о неважнѣхъ и

несущественныхъ" философахъ вѣдѣй, "но и" о "высочайшихъ" началихъ человѣческаго познанія; и "нынѣ философическія системы" не "являются," то иначе звѣстить, какъ то было издревле?" И теперь, съ дальнѣйшимъ поступлениемъ философического умозрѣнія, разнѣе *сознаній* сделалось даже разнообразнѣе и нестрѣ, противорѣтии *жизни* еще глубже и рѣаче, уподонь и *превожденіе* системъ еще чаще и быстрѣе!"

Ири "запахъ" "обвиняющихъ" философствующей имели, а по потому и самой Философіи, что оспреняется дѣцать *иныхъ*? Опровергнуть эти обвиненія, сдѣлавшіяся теперь едва не общими мыслью? Но въ подтверждение "иѣ" представляются шокирующие факты. Отказаться отъ философствованій, какъ попытки духа, слишкомъ неудачной? Но это значило бы заключиться въ тѣсный яругъ безотчетнаго чувства, и всегда подавитъ въ себѣ чистое философское наѣтъ стремленіе къ высшему, сознательному вѣдѣнію? Отвергнуть въ Философіѣ такъ называемое рефлексивное мышленіе, — самовиниженіе; какъ орудіе, рѣшиительно для нея непригоднѣ? Но это значитъ отвергнуть всю Философію, которая безъ него не можетъ и существовать. Но крайней мѣрѣ, осуждать это отъ способъ мышленія, наѣ самую слабую и невадежную сторону нашего познаванія? Но это значило бы уже отказаться отъ самовинижающей мысли, которая въ самой себѣ находить оправданіе своихъ дѣятелій; какъ взмыль для нашего любознательнаго духа, при всѣмъ томъ, что съ первого взгляда они могутъ показаться вичтовыми и жалкими.

Содержание Философіи, первоначально сообщающее въ сиюже драме, необыкновенное въ сюжетъ, различіе и богатство націями, самыми разнообразными. Чтобы развить и уяснить его, хотя сколько-нибудь, недобро, не только разработать его на часті, но и преслѣдовати каждую изъ иорозъ до самыхъ дробныхъ ея отвѣщеній: следовательно, что самой многочисленности, и разнородности началь, сюда входящихъ, философическое размышленіе, можетъ и дальше смотрѣть преимущественно или на одно, или на другое изъ нихъ; следовательно замынать свою мысль за предѣлъ самонадѣльно соединять и раздѣлять ихъ въ различныхъ направленияхъ и формахъ, а вмѣстѣ съ этимъ и самой Философіи, дававшь различныи науки, выражать ее въ различныхъ формахъ, представившись подъ различными наименованіями, цѣлому чѣю, каждый особенный образъ возрѣши на то, или другое начало философического содержанія, развивающее до послѣднихъ ея предѣловъ и приведеніе въ Науку, дающъ особенную систему, образующую отдельную школу философскую. И такъ, то лицо разнообразіе Философіи, какое представляется намъ въ ея Исторіи, не только не должно служить же ея осужденію и укоризнѣ, а напротивъ того, еще должно говорить намъ въ пользу. И Природа вещественная роскошно, разливающаяся, какъ бы въ богатѣи въ изображеніяхъ, въ безчисленныхъ формахъ и явленіяхъ, и ячко эпизодъ выражаетъ необыкновенную, не оскудѣвающую идею своей внутренней жизни. Такъ и философическое размышленіе, искыншыя всѣ возможныи

точки въззрѣнія на предметъ свой и проявляясь во всевозможныхъ формахъ Науки, только этииъ, мало по малу, выражаютъ виупречное, неисчерпаемое богатство Философіи, и съдовательно чѣмъ многочисленнѣе взгляды философствующаго ума, чѣмъ разнообразнѣе философической системы, тѣмъ разностороннѣе объемлема самая идея Философіи, пѣмъ и глубже обозначается ея недовѣдомое существо.

Самая даже противоположность и борьба философическихъ системъ имѣетъ глубокое основаніе въ человѣческомъ духѣ и высокое значеніе въ ходѣ его развитія. Въ силѣ чувства, непосредственно открывающей намъ существенные испытны, иѣнь между ими ни противоположностей, ни борьбы; у людей съ счастливѣйшою настроенностю природы, чувство эго можетъ открываться явственнѣе и сильнѣе; но, кроме большей, или меньшей степени энергіи, оно одинакъ и пѣмъ же способомъ раскрывается у всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ что его тождество у всѣхъ людей составляетъ тождество человѣческаго рода. Опѣтого существенные испытны, въ своей первоначальной формѣ, формѣ чувства, повсюду однѣ и тѣ же. Это, можно сказать, золотой вѣкъ мысли. Но какъ только эти испытны воспринимаются отчеливымъ сознаніемъ, то между ими непремѣнно открывается противоположность и борьба, потому что противоположность и борьба составляютъ существо самого сознанія нашего. Въ нашемъ сознаніи, при его развитіи, представляется намъ познающій духъ нашъ и міръ познаваемый; но первое суще-

специальное отношение между ими есть именно отношение борьбы и противоположности. Тогда какъ външній міръ вносить въ душу свои впечатлінія, впечатлінія напр. звуковъ, света, холода, онъ ограничиваетъ ими дѣятельность нашего духа, полагаетъ ему предѣль, какъ нѣчто чуждое ему; и наоборотъ, духъ, овладѣвъ впечатлініями, преобразуетъ ихъ, опредѣляетъ ихъ, измѣняетъ въ представлениія, понятия и т. д. Отъ этого наше сознаніе есть зреюще въчной борьбы между духомъ познающимъ и міромъ познаваемымъ, такъ точно, какъ наша физическая жизнь есть не иное чѣто, какъ борьба внутрен资料оначала жизни съ силами външними, съ спихіями разрушающими. Духъ познающий борется съ міромъ познаваемымъ, какъ начало свободное съ началомъ несвободнымъ, какъ начало дѣйствующее съ началомъ, подлежащимъ дѣйствію. И эта борьба доходитъ до рѣшительной противоположности, до взаимного исключенія другъ другомъ, потому что самъ, гдѣ есть духъ познающий, нѣтъ уже міра познаваемаго, и гдѣ этотъ міръ, самъ именно есть познающего духа: они совмѣстно быть не могутъ. Это какъ бы два противоположные полюса, или лучше сказать, центръ и окружность: духъ познающий — центръ, а предметы познаваемые — окружность; центръ и окружность, раздѣлившіеся якъ точки безразличія и дѣйствующіе взаимно другъ за друга. И однако же, при этой видимой враждѣ и исключительности, они необходимы другъ для друга, потому что каждое изъ нихъ поддерживается и развивается только другимъ. Отнимище отъ безпредѣльной

Природы, отъ якого необъятнаго *не-я* всякое созидающее *я*, тогда вся Природа будеъ безпредѣльною окружносцію безъ центра; означимше всякое *не-я* отъ созидающаго *я*, тогда погрузится оно въ самаго себя, въ невещественную точку безразличія и покоя. Такъ существенно необходимы въ сознаніи нашемъ противоположность и борьба между нашимъ духомъ и вѣщимъ міромъ! — Но поприще вѣкой борьбы есть именно то самое поприще, на кошоромъ суждено действовать философствующей мысли. Отъ того, первоначальная противоположность и борьба сознанія, по непреложному свойству нашего духа, должна выражаться и выражается и во всемъ развитіи Философіи, какъ непреложный законъ самаго ся развиція. Обращаетъ ли философствующая мысль вниманіе свое непосредственно на самую противоположность первыхъ актовъ сознанія и развиваетъ ее въ Науку? Тогда воздвигнется она первую философическую систему, систему дуализма, которая все сущее раздробляетъ на двѣ великия, рѣжко противоподложныя другъ другу частіи: духъ и вещества, разумное и неразумное, жизнь и смерть, добро и зло, и по этому сама въ себѣ носить сѣмена вражды и раздора. Останавливается ли наше вниманіе на которойнибудь одной изъ сторонъ нашего сознанія, развиваетъ исключительно явленія нашего духа, или вѣщнаго міра? Въ первомъ случаѣ оно даетъ намъ систему рационализма и идеализма; а въ посѣднемъ систему сенсуализма, или эмпиризма; но въ томъ и другомъ случаѣ оно разрушаетъ уже первое созданіе свое — дуализмъ, потому что до-

пускаетъ бывшіе одного только начала, во всесть видитъ или одинъ только духъ, или одно только веществство; и не только врагами дуализма являются идеализмъ и эмпиризмъ: они рапаютъ и другъ противъ друга, по тому ч то ѿ суть пропаво-положности непримиримыя. Всматривается ли философствующая мысль ближе въ борьбу идеализма и эмпиризма и открываетъ обоюдныя ихъ слабости? Тогда воздвигаетъ она грозный скептицизмъ, который равно поражаетъ основанія какъ рационализма, такъ и сенсуализма, и не только основанія этихъ противоположныхъ системъ, но и достовѣрность всякаго познанія человѣческаго. Оспаєтъ ли скептицизмъ одинъ, какъ духъ разрушитель, на печально-опустошеніемъ поприще сознанія: тогда философствующая мысль ищетъ убѣжища у того самаго чувства, которому первоначально довѣрены всѣ существенные истины, и переводя чувство въ понятія, образуетъ философскій мистицизмъ, который, возвышаясь къ первоначалу всякаго бытія и первоосновѣ нашего сознанія—къ Богу, съ высоты начала всѣхъ началь поражаетъ скептицизмъ и всякий догматизмъ. Заключается ли наша мысль въ тайнственной области квіетизма, неразлучного съ мистицизмомъ: тогда вниканіе снова обращаешь взоръ свой на поприще борьбы между познающими духомъ и міромъ познаваемымъ и снова начинаешь томъ же процессъ разрушенія и испреблениія, только съ большимъ упорствомъ, съ большею опечаливостію, въ большемъ объемѣ.

И всѣ эти рѣзкія, несогласимыя пропаво-

ложности взглядовъ такъ необходимы другъ для друга; эта жестокая и упорная борьба философическихъ учений такъ нужна и благодѣтельна для полноты развитія нашего разумѣнія! Устранимъ изъ сцены сознанія хотя одну изъ непримиримыхъ противоположностей философствующей мысли, значитъ нарушишь великий законъ равновѣсія въ поступательномъ ея движеніи и пѣмъ разрушить всю Философию. Устранимъ изъ сцены сознанія дуализмъ: тогда философствующая мысль не замѣтитъ той разнѣтельной противоположности, какал выражасяется повсюду, и въ актахъ нашего сознанія, въ борьбѣ духа и міра, и во всѣхъ явленіяхъ неизмѣримаго созданія,— какъ свобода и необходимость, бессмертие и смертность, необъятность и ограниченность, величие и ничтожество. Устранимъ реализмъ и идеализмъ, какъ спремленіе къ исключительному единству начала: тогда разсудокъ, всматривалсь въ двуспиронній и враждебный самому себѣ міръ явленій, потеряетъ изъ виду тошь законъ единства и гармоніи (нашего разума), которымъ приимиряются все видимыя противоположности такъ, что производятъ одну разнообразную, но спройную игру жизни. Захотимъ ли отвергнуть сенсуализмъ? Мы уничтожимъ сиспему, которая возбуждаетъ и питаетъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ Природою, какъ дѣйствительностю самою очевидною; въ тому же — что еще важнѣе — опнимемъ у идеализма его, такъ сказали, изнанку, которой однакожь многое поясняется онъ самъ, опнимемъ спасительное противодѣйствіе, которыми удерживается онъ на

и поклономъ и скользкомъ путѣ своихъ предположений и гаданий. Устранимъ ли идеализмъ? Въ такомъ случаѣ много попрѣпить изученіе и частнѣйшее уразумѣніе человѣческой мысли и ея законовъ, до которыхъ никакъ не льзя дойти путемъ сенсуализма. І напротивъ, сенсуализмъ, оставленный самому себѣ, безъ противодѣйствія идеализма, умѣряющаго его направленіе, самъ потеряетъ въ результатахъ, самыхъ неподходящихъ — въ материализмъ, фапанизмъ и атеизмъ. Не станемъ отвергать и скептицизма, какъ необходимое противоборство и притязаніе догматизма. Если мы захотимъ философствовать и построить системы, то крайне нужно помнить, что мы труждимся передъ глазами недовѣрчиваго скептицизма, который потребуетъ у насъ опичета въ основаніяхъ, послѣдовательности и успѣхахъ нашего труда, и однимъ дуновеніемъ испровергнетъ все наше умственное построеніе, какъ скоро оно не опиралось на дѣйствительности, на точномъ и строгомъ методѣ. Но и скептицизмъ требуетъ сильнаго противоборства. Свою неумолимою діалектикою онъ низвергаетъ въ прахъ и ощущеніе и идеи и доходитъ до индифферентизма, до насмѣшки надъ всемъ человѣческимъ познаніемъ. Нужно тогда явиться миссионеру для восстановленія священныхъ правъ вдохновенія, энтузиазма, вѣры и первоначальныхъ истинъ, которыхъ не даютъ намъ ни ощущеніе, ни отвлеченіе, ни размышеніе въ своей особности; крайне нужно напомнить, что испания нѣрѣдко изнемогаютъ и погибаютъ въ высокостахъ идеализма и подъ холоднымъ діа-

лектическимъ допросомъ скептицизма; погибаешь въ школьныхъ состязанияхъ, какъ и среди разъянности міра, а сберегаешься и пишешься только въ святилищѣ души, на жертвенникѣ религіознаго убѣжденія. Наконецъ и мистицизмъ, мало по малу, изъ понятій переходящій въ утонченное чувство, слова требуетъ возврата мысли въ лоно отчетливаго сознанія. Такъ, въ противоположностяхъ философическихъ учений, владычествуетъ разумный законъ. Такъ, въ упорной борьбѣ ихъ, замѣнила глубокая психическая таинница; и только изъ исперзанномъ лонѣ сознанія выраспашетъ испина въ ея развитії, какъ изъ изрытыхъ нѣдрахъ земли прозябаетъ сѣя.

Конечно, при взаимной борьбѣ философическихъ взглядовъ, филосоѳемы людей, самыхъ геніальныхъ, скоро должны изживать вѣкъ свой и уступать свое мѣсто другимъ; но и ятопъ упадокъ, это исчезаніе самыхъ замѣчательныхъ системъ не должны приводить насъ къ осужденію Философіи. Цѣлостность содержанія Философіи можетъ быть разсматриваема нашимъ мыслію не иначе, какъ только по частямъ; и каждая частная идея, для того, чтобы развиться и проявить существенные моменты, скрытые въ ея нѣдрахъ, должна быть изучаема въ своей особности и отдельности; чтобы познать всѣ изгибы идей, надлежитъ разсматривать ее одну, надобно отдѣлить ее отъ всѣхъ прочихъ идей и изслѣдовашъ ее въ ея началѣ, продолженіи и концѣ; только послѣ этого исключительного испытанія можемъ узнатъ, что она. Но какъ только развитіе частной идеи испощено,

какъ только познали ее со всѣхъ точекъ зреїнїя, то ей не останется уже дѣлать ничего; она исполнила свое назначение на сценѣ сознанія и должна уступить свое мѣсто другой, которая, въ свою очередь, сменится новою. Жаловаться ли намъ, послѣ этого, на движимость идей, а съ пѣмъ вмѣстѣ на безпрерывное измѣненіе системъ, выражющихъ обыкновенно ту, или другую частину идею? Но это значило бы жаловаться на усовершенствованіе нашего знанія, на дальнѣйшее поступаніе въ развитіи общаго содержанія Философіи. Все человѣчество должно идти впередъ на пупкѣ умственной усовершенствованности; а философіческіи оригинальныи способы суть тѣ, болѣе или менѣе свѣтлыя точки, которыми преимущественно обозначается путь умственной жизни человѣчества. Это торжественные эпохи, которыми возвѣщаются новые усилия человѣческаго вѣдѣнія, новое ощущеніе проявленіе безконечной идеи Истиннаго. Правда, что Философія явлаетъ себѣ чрезъ то вѣчно зыблемою и переходящую; но въ концѣ движений и переходеній и соединить жизнь всего конечнаго: и въ Природѣ вещественной — тамъ жизнь ея услышана и подавлена, гдѣ она коснется въ однѣхъ и пѣхъ же формахъ бытія. Напроприя, живая сила органическая измѣняетъ и воспроизводитъ свой организмъ, разрушаетъ его, какъ бы недовольная собственнымъ произведеніемъ и вновь расцѣпляетъ въ формѣ юной, обновленной. Такъ и въ Философіи, и во всѣхъ человѣческихъ познаніяхъ. Продолжительное господство однѣхъ и пѣхъ же формъ, и такъ сказать, застой умовъ

есть печальный вѣстникъ одряхлѣнія и изнеможенія умственной жизни. Но безпрерывное движение мыслей, частое появление новыхъ взглядовъ и всегдашнее воспроизведеніе новыхъ системъ и формъ Науки есть вѣрный признакъ жизни мышленіююной и свѣжей. Если же въ Философіи болѣе, чѣмъ въ другихъ Наукахъ, выражается эпохи движение и преображеніе, то это потому, что здѣсь преимущественно проявляется жизнь нашего духа.

Пусть разнообразіе, борьба и переходчивость философическихъ взглядовъ положены въ существѣ нашего мыслящаго духа, который не иначе можетъ спренимѣться къ знанію, какъ только переходя отъ одной частиности къ другой, отъ однихъ крайностей къ другимъ, противоположнымъ; но при такомъ состояніи философствованія — скажутъ намъ — осуществляется ли когда-либо тѣ требованія, удовлетворенія которыхъ по праву должно бы ждать отъ Философіи, какъ Науки? При эпюмъ разнообразіи и преображеніи философскихъ взглядовъ, какое предстаиваетъ намъ въ Исторіи Философіи, дождается ли когда-либо человѣчество собственно-Философіи, единигной и стройной системы философской, — и въ самой Философіи найдеть ли когда-либо истину, півердую и неизмѣнную, а не временное признаніе чего-либо за истину? При безпрерывномъ столкновеніи и преображеніи философическихъ системъ, найдеть ли когда-либо духъ нашъ миръ и успокоеніе въ области Философіи, или онъ вѣчно долженъ тушь жить въ раздорѣ съ самимъ собою и двигаться по плому же луши несогласныхъ противорѣчій и

сражашься съ заблуждениями, какъ съ чудовищами, размножающимися отъ самаго пораженія ихъ?

Желаніе единігной, спройной философской системы, а не разныхъ ученій объ одномъ и шомъ же предметѣ, есть самое справедливое желаніе, подкрѣпляемое требованіемъ нашого разума, признающаго законъ единства и гармоніи. Но если законъ единства и гармоніи выражается только при многочленности и разнообразіи, то это желаніе не можешь ли найти для себя удовлетворенія въ самомъ разнообразіи существующихъ ученій? Въ разныхъ и съ виду такъ неспрытыхъ фактахъ Исторіи Философіи, не дается ли наимъ уже самая Философія, единичная и спройная? — Философія, говоря собственно, не есть ша, или другая отдельная система, система Платона, Аристотеля, Канта, такъ точно, какъ человѣчество не есть шо и другій народъ въ частности. Философія, въ испинномъ ея значеніи, есть дѣло всего человѣчества: это есть сознательное развитие всеобщей идеи вѣданія. Идея вѣданія, какъ неиспощимое начало бытія Философіи, не есть какое-либо частное понятие, какая-либо опредѣленная система: это есть совокупная цѣлостность человѣческаго вѣданія, совмѣщающая въ себѣ всѣ понятия съ ихъ формами, но только въ совершенномъ ихъ безразличіи,—цѣлостность еще склоняющая въ самой себѣ, не озаренная сознаніемъ, почивающая въ себѣ самой. Въ Философіи, идея эта, въ себѣ покоящаяся и безгранична, выступаетъ изъ своего покоя, приходяще въ движение и ограничивающееся; въ себѣ самой склоня-

тая, хочетъ развиться изъ своего собственнаго кнѣдра, дабы — по выражению Гегеля — снова возвратиться къ самой себѣ, и сдѣлаться тѣмъ, *что она есть* (Hegel's Werke. B. XIII. S. 33), т. е. проявить сознательно и раздѣльно то, что она есть тѣмно и слипно, проявить *для себя*, въ дѣйствительности, то, что она была *въ себѣ*, въ чистой возможности. Это дѣйствие возвращенія идеи къ самой себѣ есть высшая безусловная цѣль ея. Все, что ни происходитъ въ области философствованія, имѣетъ одну цѣль: чтобы идеи, выступая изъ самой себя и отражаясь въ сознаніе, сдѣлалась предметомъ собственной дѣятельности; чтобы познала себя, нашла себя и сдѣлалась *для самой себя*. При этомъ выступленіи идеи изъ самой себя и возвращенія къ себѣ же, она двину преобразуется подъ анализирующими приемами размышлений: единая въ себѣ, она, подобно солнечному лучу, разсыпающемуся отъ призмы роскошной радуги, раздробляется тогда на понятия и мысли определенные, разные; чуждая въ себѣ формы, она, какъ Проптей, принимаетъ тогда на себя виды безконечно-разнообразные; неподвижная въ себѣ, но выступивъ изъ себя, она не успаетъ въ движении, пока не возвращается къ себѣ, пока самосвѣдѣніемъ вполнѣ не исчерпаетъ сокровища, въ ней самой заключенного. Но при всѣхъ превращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ она не дѣлается иною. Если она разрозняется, опечуждается себя, выступаетъ изъ себя, то это единственно для того, чтобы лучше войти въ саму себя, войти съ большими, отчелѣнѣйшими самосознаніемъ.

Въ своемъ поступательномъ, и вмѣстѣ возвращеномъ движениіи къ своему началу, она оспавлаешь слѣдъ, обозначаемый множествомъ круговъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключающіеся другіе, частнѣйшіе круги; но эти круги, какъ слѣдъ одной и той же точкѣ, разнообразно, по непрерывно движущейся къ самой себѣ, образуютъ одно цѣлое, окружность одного круга; или, что то же, идея всеобщаго вѣданія, въ своемъ развитіи, поспавляешь, какъ точки движенія, различныя эпохи, смыкающія въ себѣ разнообразныя философическія школы, въ которыхъ опять заключаются разнообразныя системы, различные взгляды философическіе; но всѣ эти эпохи, секти, системы, понятия, какъ моменты развитія одной и той же идеи человѣческаго вѣданія, образуюшъ собою одну и ту же Философию.

И такъ, та самая множественность, что самое разнообразіе, какое представляется намъ въ Исторіи Философиі, уже даютъ намъ самую Философию. Всѣ философическія ученія выпекаютъ изъ одной и той же идеи, всѣ ищутъ одного — чтобы проявить во времени и развить эту идею; всѣ спремяются къ одному, чтобы идея, выступившая въ нихъ изъ себя, могла посредствомъ ихъ же лучшее найти себѣ и войти въ себя. Различие системъ, началъ, взглядовъ есть не иное чѣмъ, какъ различіе формъ, въ которыхъ облекается одна и та же идея, проявляя за времени, въ своемъ кругопоступательномъ развитіи свое недомыслимое и неисчерпаемое существо. Правда, что безчисленные факты философствующей мысли, разнооб-

разные моменты идеи, разделены по разнымъ временамъ и мѣстамъ, разбросаны по народамъ и эпохамъ, какъ будто нѣть между ими никакой связи, никакого соотношенія и единства. Но эта несвязность философскихъ фактовъ, эта видимая случайность ихъ, есть только кажущаяся, мнимая. Каждая въ частности философическая система развиваетъ свою идею, и развивается сама, не наудачу, а обдуманно, съ глубокимъ сознаниемъ необходимости развиваться такъ, а не иначе; и не только развивается сознательно, сама въ себѣ, каждая порознь система, но и слѣдуетъ одна за другою съ такою же необходимостію, съ такимъ же сознаниемъ необходимости, потому что и последовательность системъ опредѣляется идею самовникающей мысли. А все факты философствующей мысли, представляемые намъ ея Исторію, суть тѣ же самые частные системы, развивающіяся съ определенною последовательностью; и потому, при всемъ ихъ разнообразіи и видимой нестыкности, все они проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ члены одного живаго организма; все срошены внутреннейшею связью и состоятъ въ необходимомъ соотношеніи. И открыть это необходимое соотношеніе, сознать эту внутреннюю связь самыхъ разнообразныхъ фактовъ философствующей мысли — возможно въ самой Исторіи Философіи. Здѣсь, та же самая мысль, которая въ Философіи спремится къ самосознанию по определеннымъ ступенямъ развитія, возвышающейся надъ самой собою и уразумѣвающей, какъ спремилась она къ сознанію себя,

что сдѣлала на этомъ поприщѣ, и почему сдѣлала такъ, а не иначе. Если по этому — какъ говорилъ Гегель — очистить только основный нача-ла системъ, называющихся въ Исторія, опь всего, что принадлежитъ къ виѣшней ихъ формѣ и частн-ымъ примѣненіямъ: то мы увидимъ, что мы увидимъ здѣсь различныя степени идеи, опредѣляемыя діа-лектически; увидимъ, что въ реальности, что въ самой Философіи предстааетъ намъ въ чистой возможности, такъ, что все многообразіе фактовъ Исторіи Философіи предстающъ тогда предъ нами, какъ самая послѣдовательная и связ-ная система Философіи. (Hegel's Werke. В. ХІІІ S. 43).

Развороные съ виду факты философствую-щей мысли выражаютъ единичную и послѣдовател-льную систему Философіи; но что же заклю-чается въ этой огромной, необъятной системѣ? Въ единичныхъ ея фактахъ истина ли кроется, или только заблужденіе? И въ самой истиинности ихъ, при ихъ послѣдовательности и безпре-пашномъ измѣненіи, тверда ли и незыблема истина, или это есть только счастливое мѣніе, быстро и мгновенно, я за то не на долго воззы-шающееся на степень истины, такъ, что вся огромная система Философіи есть только общир-ное кладбище давно вымершихъ ученій?

Не будемъ приспрашивы къ философствующей мысли; не скроемъ ея слабостей и недослышковъ. Характеръ идеи есть движимость, развитіе; условіе движимости и развитія — послѣдователь-ность, частностъ; условіе частности — ошибка,

заблужденіе, разнообразіе заблужденій. И такъ, всякий разъ, съ появленіемъ на сценѣ міра новой философической сиспемы, какъ частнаго выраженія въ движениі идеи, всякий разъ человѣчество всپрѣчаетъ новое заблужденіе! Однакожъ и ошибка есть одинъ изъ реальныхъ элементовъ мысли, только взятый исключительно, только приспав-ный мыслю цѣлою; и заблужденіе, какъ односшо-ронность, есть испина же, только испина непол-ная, а привнесла за испину безусловную. Мы не иначе можемъ заблуждаться, какъ только подъ условиемъ мышленія, и слѣдовашельно подъ условіемъ сознанія; а сознаніе возможно только подъ птимъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія элементъ. Чтобъ состоялось сознаніе чего-либо, хотя бы то ошибочное, надобно непречѣнно, чтобы въ немъ находилось усмопрѣніе какой-нибудь реальной вещи, то, есть, какой-нибудь испины. Слѣдовашельно заблужденіе наше никогда не есть заблуж-деніе цѣлое, совершенное; подъ заблужденіемъ должна всегда находиться какая-либо испина. И такъ, всякий разъ, съ появленіемъ новой филосо-фической сиспемы, какъ частнаго выраженія въ движениі идеи, человѣчество вспѣчаетъ не только заблужденіе, но и испину; и слѣдовашельно въ фактахъ Испорії Философіи, или чѣ шо же, въ самой Философіи, есть заблужденіе, но есть и испина. Только плюнь, кло не знатъ тайны движенія идеи, плюнь при взглядѣ на такое мно-жество философическихъ сиспемъ, все частныхъ, все односшороннихъ, думаетъ, что родъ чело-

вѣческій всегда заблуждается въ своемъ философствующемъ мышленіи, что его философствованіе есть вѣчный оупливъ и приливъ заблужденій; между нѣмъ какъ всякое заблужденіе въ движениі идеи Философіи есть, такъ сказать, частная и только форма испини въ преемственномъ чередованіи философическихъ системъ. И это чередованіе ихъ, это происходженіе въ нихъ испинъ и заблужденій не есть всецѣлая для насъ утрага. Всѣ взгляды, всѣ системы и эпохи Философіи, какъ частності и односторонности, разрушаются одинъ другими и проходятъ; однако же иѣщто остается при всемъ томъ; остается то, что предшествовало имъ и переживаетъ ихъ, остается человѣчество. Человѣчество все обзирается, пользуется всѣмъ и всегда поспѣшаешь впередъ. И не только человѣчество, но и самая идея Философіи, съ ея степенями развитія, какъ и всякая другая идея человѣчества, не погибаетъ въ ея движениі и исчезаніи. На полѣ сознанія, гдѣ совершается торжественный ходъ ея, мы видимъ не заблужденіе только, но и испину, а испина вѣчна, и въ одно время существуетъ не менѣе какъ и въ другое. Тѣла мыслителей, герои-завоеватели новыхъ идеи въ Философіи, ихъ временная жизнь — все прошло; но ихъ подвиги, ихъ шворенія, ихъ мысли не последовали за ними, потому что ихъ подвиги есть произведеніе въ сущтвѣ сознанія такого, что кроется въ недрахъ бессмертного духа. И теперь творенія Философовъ, давно сошедшихъ съ сцены земного бытія, сложены не въ одномъ храмѣ воспоминанія; и теперь онѣ для насъ также близки

и живы, какъ во время своего происхожденія; и теперь почерпаемыя изъ нихъ мысли, напечатлѣнныя въ мысли, составляютъ настоящее бытіе нашего духа!

Въ системахъ философическихъ заключается испина и заблужденіе: какъ же опличить ее отъ заблужденія, когда каждая система себя одну выдаетъ за справедливую и предлагаетъ свою особую мѣру истины? всякая новая Философія возникаетъ съ припізаніемъ не только опровергнуть всѣ прежнія системы, но и замѣнить ихъ, какъ будто бы она наконецъ нашла истину: какъ же достигнуть здѣсь до внутренняго *покоя и безопасности* убѣжденія? Не слишкомъ ли неблагородно было бы искать этой цѣли только въ философствованіи и чрезъ философствование?

Неоспоримо, что Философія не дѣставляетъ намъ такого покоя, какого ищетъ въ ней большая часть людей; и топъ горько обманулся бы, кто понадѣлся бъ найти въ Философіи мягкое изголовье, на которомъ бы можно было опдохнуть отъ изнурительныхъ трудовъ изслѣдованія истины, или безъ напряженія душевныхъ силъ погрузиться въ спокойствие духовнаго усыпленія: внутренній миръ самоубѣжденія не приходитъ извнѣ, а возникаетъ въ насъ и чрезъ насъ; но по этому же самому топъ наиболѣе зыблется волнами противорѣчивыхъ мнѣній, кто не довѣряя силѣ собственного мышленія, ищетъ мира въ авторитетѣ другихъ людей, и съдовашельно топъ, кто не философствуетъ. Напротивъ того, мыслишель самостоятельный, Философъ, среди борьбы са-

мыхъ противоположныхъ системъ и взглядовъ, въ своемъ собственномъ, внутреннемъ мірѣ умѣешь находить твердое, непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ: борьба философическихъ учений съ ея переворотами, — не въ немъ, а въ его. Даже въ эпомъ враждебномъ спорѣновеніи матвій заключаешься самое сильное побужденіе къ тому, чтобы дѣйствіемъ собственного мышленія, и следовательно дѣйствіемъ Философіи, возвысишися надъ всѣми противорѣчіями взглядовъ и въ себѣ самому утвердить единство съ самимъ собою.

3) Наконецъ, нерѣдко осуждаюшъ Философію, какъ Науку, со стороны ея *формы*. Въ двухъ отношеніяхъ можетъ быть понимаема форма Науки: какъ внутренняя связь и діалектическое движение мыслей — *форма внутренняя, система-тигность, методъ*, и какъ опредѣленное выраженіе взглядовъ и понятій Науки въ словѣ — *форма внѣшняя*, оболочка Науки, языкъ ея. Обѣ эти стороны формы служатъ предметомъ укоризнъ Философіи. Даже тѣ, которые не отвергаютъ въ ней ни опредѣленности ея содержанія, ци законности способа ея воззрѣнія на вещи, осуждаютъ иногда ту спротивную научную форму, какую сообщаютъ Философія мышленію, признающъ излишними и вредными ея діалектическую систематичность и сухой методъ, къ которымъ такъ любятъ обращаться философическія школы; еще болѣе осуждаютъ слишкомъ опредѣленную, нерѣдко жесткую терминологію философскую, ошмаченный, искусственный схематизмъ пондшій; однимъ словомъ, осуждаютъ весь формализмъ философи-

ческаго мышленія, какъ безпodeзный приборъ, мъшающій только свободному движенію мыслей, и желали бы освободить Філософію отъ строго логическихъ формуль ея, дабы привести ее, какъ говорятъ, къ natуrальности, простотѣ, обще-понятности.

Всѣ эти желанія относительно Філософіи, конечно, проис текаютъ изъ хорошихъ побужденій, но не совсѣмъ вѣрны въ своихъ требованіяхъ. Совершенно справедливо, что *строгий методъ, непреклонная систематичность, нѣкоторымъ образомъ сковывающіе мысль, подобно тому, какъ приличіи высшаго общества ограничивають и спасняютъ первобытную простоту обхожденія;* но тѣмъ не менѣе, строгая систематичность необходима въ Філософіи; эта необходимость основана на природѣ нашего познаванія, на требованіяхъ нашего разсудка и разума. Источникъ всякой истины для человѣка, — истины, разумѣю, зависящей единственно отъ человѣка, есть разумъ, какъ ближайшій хранитель идеи истины. Но мы не иначе можемъ сознавать то, что заключено въ разумѣ, какъ только при посредствѣ логическихъ формъ разсудка, а полное образование нашего познанія по логическимъ формамъ и есть система; такимъ образомъ потребность полноты въ образованіи познанія сама собою приводитъ насъ къ формѣ системы. Если, по эпому, нефілософствующіе умы съ пренебреженіемъ отвергаютъ въ Філософіи систематичную форму познаванія, и на каждую систему глядятъ, какъ на яичконый снарядъ, какъ на пустую формаль-

ность, что пѣмъ самыи они отказываются отъ испиннаго, строго-научнаго развиція своихъ познаній; хотя впрочемъ и они, въ своихъ взглядахъ, никакъ не могутъ обойтись безъ формъ логическихъ, потому чюо каждый человѣкъ мыслишъ по нимъ также необходимо, какъ необходимо каждое расщеніе прозябаетъ въ своей формѣ, въ своемъ видѣ. И не одинъ только разсудокъ требуетъ систематической формы для нашихъ познаній; еще болѣе глубокое основаніе этой потребности положено въ самомъ разумѣ, такъ какъ и логическая формы мышленія получають свое истинное значеніе только отъ того, что въ нихъ опирающіи и отсвѣчивающіи первоначальные законы разума: такъ потребность единства системы опирается на законъ единства разума, какъ высочайшемъ законъ истины; и только то испинно для человѣческаго разума, что сообразно съ закономъ единства, чюо понимается изъ единства и подчинено единству; какъ въ вещахъ, всю ихъ совокупность, мы, по необходимости, мыслимъ въ формѣ одного цѣлого, одного міра: такъ въ нашихъ познаніяхъ, попуждаемся все ихъ разнообразіе приводить къ одному цѣлому, къ одной системѣ и подчинять ихъ одному началу. Если строгоспѣть сиспемы, по видимому, спѣсняетъ свободный порывъ мысли, то это пошому только, что она не позволяетъ мышленію разливаться, безопасно, а хотеть подчинить его разумному закону дѣйствованія; но, говоря собственно, законъ разума не только не спѣсняетъ испинной свободы мышленія, или дѣйствія, но еще укрѣпляетъ ее и

возвышаешьъ. Строгая систематичность Философіи для многихъ каже́йся слишкомъ искусственнымъ образованіемъ мышлѣнія, и потому не напу́ральнымъ и излишнимъ. Но вообще, это ложный идеаль напуральности, когда устранишъ отъ себя всякое образование и усовершенствованіе посредствомъ Искусства: Искусство не искашаетъ Природы, и для мышленія, искусственное образо́ваніе не неприлично и не излишно: только здѣсь мышленіе находитъ свое высокое, надлежащее усовершенствованіе. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, мышленіе обыкновенное, чуждое образованности и правиль, движущееся на удачу, признать способнѣйшимъ къ уразумѣнію испини, чѣмъ мысль научно-образованную и развивающуюся въ пріемахъ познаванія по самымъ строгимъ правиламъ? Развѣ безопечное, слѣпое впирженіе въ область мыслей было бы удачнѣе сознательного, искусно направляемаго размышленія?

Съ большою справедливостію подвергается осужденію *енъшилл форма* Философіи. Образованное общественное мнѣніе требуетъ отъ Философіи (и по праву), чтобъ она не уклонялась отъ общаго разумѣнія, какъ будто какая-либо таинственная Наука, доступная только одной ученой каскѣ; чтобъ не выключала себя изъ круга жизни своимъ непонятнымъ, искусственнымъ языкомъ, изысканными и ненужными упложеностями. А между тѣмъ, споитъ только заглянуть въ творенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ Германскихъ Философовъ и ревнospинныхъ приверженцевъ ихъ формализма, чтобы всшрѣхъ верварски-схоластической,

ненапурально объискусствленный языкъ, подъ ко-
торымъ часпо шаятся, какъ подъ непроницаемою
бронею, сильная и глубокія мысли; при чтеніи
подобныхъ сочиненій не лъзя не убѣдишься въ спра-
ведливоски жалобъ на невразумительность Фило-
софіи, и въ умѣстности шого чувства неудоволь-
ствія, съ какимъ оправдаются многіе отъ пы-
желыхъ ед формулъ.

Впрочемъ и эти жалобы справедливы не во
всѣхъ отношеніяхъ; и здѣсь вина нерѣдко падаетъ
не столько на Философію, сколько на тѣхъ, ко-
торые жалуются на особенность и невразумитель-
ность ея языка. Философія, какъ и всякая другая
Наука, какъ всякое Искусство, должна по самой
особенности предметовъ своихъ имѣть свой языкъ.
И такъ, несправедливо то требование, чтобы
языкъ философскій былъ понятнымъ для всѣхъ и
каждаго, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ былъ вра-
зумительнымъ даже для тѣхъ, которые вовсе не-
знакомы съ предметами философическими, — какъ
будто бы Философію издѣжало понимать каждому,
безъ школьнаго, научнаго образованія въ ней, по-
шому только, что у каждого человѣка есть распо-
ложенность къ философствованію. Не лъзя опри-
цасть, что условія, необходимыя къ философство-
ванію, вообще положены въ природѣ человѣческаго
духа, потому что въ каждомъ человѣкѣ живетъ
первоначально сила свободнаго мышленія, въ каж-
домъ можетъ быть чистое побужденіе къ вѣданію
и въ каждомъ находящемся одинъ и тошь же законъ
разума: отъ чего издревле говорили, что человѣкъ
есть Философъ по самой природѣ своей. И

однакожъ мысль эта только въ половину испинна, поэтому чѣю не одна расположенностъ къ философствованію дѣлаетъ Философомъ, а надлежащее образованіе этой обще-человѣческой расположенностіи. — И не только по свойству предметовъ своихъ Философія должна имѣть свой особенный языкъ, но и по самому способу ихъ разсмотриванія. Два есть способа воспринимать предметы уразумѣніемъ и обозначать ихъ свойства: можно воспринимать ихъ со стороны возврѣнія, чувства, желанія — вообще подъ формою *чувственныхъ представлений*, и можно уразумѣвать ихъ рефлексомъ, подъ формою *отвлеченныхъ мыслей, категорий, гистыхъ понятий*. Характеръ мышленія философического собственно тѣтъ, что оно поставляетъ численія понятія на мѣсто чувственныхъ представлений, которыхъ суть только *метафоры понятій*. Опѣтого и языкъ философической преимущественно обращается въ области отвлеченности, столь необходимыхъ въ Философіи; и здѣсь-то скрывается главнейшая причина его невразумительности для многихъ. Причиной тому — частію неспособность, или лучше сказать, *не-приязька* мысли опираться, удерживать единственно численія мысли и двигаться только въ ихъ области. Въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи, духовный элементъ мысли связуетъ и соединяетъ съ чувственнымъ, какъ духъ съ плотью; въ самомъ размышлении и умствованіи мы обыкновенно приносимъ въ нашимъ мысламъ чувствованій, возврѣнія, представлениа; а между тѣмъ совсѣмъ иное дело — поставлять самыя же мысли предметомъ

мысли, безъ всякой примѣси чувственныхъ пред-
ставлений, какъ это должно быть въ Философіи.
Другою причиною невразумительности философи-
ческаго способа выраженій есть *нетерпѣливое
желаніе* имѣть въ формѣ чувственныхъ представ-
леній то, что является въ нашемъ сознаніи, какъ
мысль, какъ чистое понятіе. Отъ этого такъ
часто говорятъ, что при такомъ-то философи-
ческомъ понятіи не знаешь самъ, что должно ду-
мать, тогда какъ при этомъ понятіи не должно
мыслить ничего, кромѣ самого понятія. Выраженіе
это рождается отъ сожалѣнія объ отсутствіи
легкаго, давно знакомаго для нась чувственного
представлениія. При отвлеченнѣ мышленіи и
отвлеченнѣ же способѣ выраженія мыслей, един-
ственno приличномъ Философіи, у сознанія какъ
бы похищается та почка, на которой оно чув-
ствуетъ себя въ надежной, такъ сказать, родной
сторонѣ; и какъ только находить оно себя пере-
несеннымъ въ чистую область понятій, то часто
не знаешь, въ какомъ мірѣ оно находится. И такъ
неудивительно, если языкъ философической для
многихъ, даже нѣсколько знакомыхъ съ предметами
Философіи, кажется слишкомъ пылевымъ и пруд-
нымъ; по самому существу дѣла, онъ не можетъ
быть столь свѣтлымъ и легкимъ, чтобы безъ
всякаго напряженія мысли, и какъ бы шутя, можно
было понимать его каждому, какъ языкъ Романовъ.
Конечно, темнота выраженій не всегда бываетъ
следствиемъ глубины мыслей, а происходить не-
редко отъ неясности мышленія у самого фило-
софствующаго, и Философія по возможносши

должна заботиться о томъ, чтобы не удаляться отъ обширного способа выражений, чтобы не вымышлять безъ надобности своего особенного языка, и сколько это можно безъ ущробы глубины мыслей, стремиться ко всеобщей понятливости. Но съ другой стороны, стремление къ общепонятности выражения легко можетъ перейти въ неосновательность; къ тому же Философія, въ своемъ мірѣ мышленія, нерѣдко упреждаешьъ понятие своего времени, и потому для новыхъ мыслей должна творить и новый способъ выраженія; въ такомъ случаѣ, при всемъ желаніи быть удобопонятною своему вѣку, она не можетъ не оставаться невразумительной для него, какъ пришелецъ иноязычный. Такова была, при первомъ появленіи своемъ, Философія Канта. Языкъ ея сухой, отвлеченный, но сильный и гениальный, высказывающій мысли новые и глубокія, долго казался странносію даже для инѣхъ, которые сами могли имѣть притязаніе на имя Философовъ. Но при всей понятности своей, въ свое время, онъ заслуживалъ и теперь заслуживаетъ не прицаніе, а изученіе, какъ языкъ высокородныхъ словъ гениального человѣка. Если многіе изъ безчисленныхъ послѣдователей знаменитаго мудреца Кенигсбергскаго, не имѣя духа его, хотѣли повторять его звуки, игратъ его формулами и выражениями, и впали въ намѣренную непонятность, зашли въ такую темноту, въ которой едва ли понимали и сами себя: то подобнаго рода недоспѣшки философствованія можемъ ли по справедливости ставить въ укоръ самой Философія?

И такъ, Философія, безпристрастно разсматриваемая въ области Наукъ, имѣть всѣ права на достоинство Науки, какъ со стороны своего содержанія, такъ и относительно способа, по которому она разсматриваетъ свое содержаніе, и той *формы*, въ какой выражаетъ свои идеи. Но такова ли она въ области практики? имѣть ли она свое достоинство и значеніе въ практическомъ примѣненіи, котораго по праву можно требовать отъ каждой Науки?

II.

Даже и тѣ, которые не отнимаютъ у Философіи достоинства въ ея собственномъ чисто-теоретическомъ мірѣ, признаютъ ее вредною и опасною въ практическомъ употреблении; не рѣдко признаютъ ея вліяніе *вреднымъ въ Наукахъ эмпиритическихъ и опаснымъ для Религіи и Государства*.

1) Вліяніе Философіи — частно говорятъ тѣ, которые особенно занимаются Науками опытными — вліяніе Философіи, съ ея идеальнымъ, трансцендентальнымъ взглядомъ на вещи, паносить рѣшительный вредъ эмпирическимъ Наукамъ, потому что она, произвольно построевшая факты, дѣлаетъ наслів очевидной дѣйствительности и тѣмъ сворачиваетъ эти Науки съ надлежащаго пути и удаляетъ ихъ отъ ихъ испинной, общеполезной цѣли. Такъ въ Наукахъ Естественныхъ — говорятъ защитники эмпиріи — Философія, наскоро построевшая Природу изъ числовыхъ повалій ума, по-

ставляется преграду медленнымъ, по основательнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ наглядности и замысленіи икъ пустою игрою мнамо-созерца-мельныхъ мечтаний. При изложеніи Исторіи, какъ будто прозирал въ шапинишвенную книгу неисправ-димыхъ судебъ Божественного міроправлія, Фи-лософія, въ бѣдныхъ ея ошваченостяхъ, не только изрекаетъ съ безусловною необходимостію вѣчные законы, по которымъ должны были совершаться событія прошедшія, но и событія грядущія предписываетъ опредѣленный ходъ по своимъ умозрительнымъ понятіямъ. Даже Положительнымъ Наукамъ Философія навязала свой умозрительный методъ и породила здѣсь, на пр. ту, такъ назы-ваемую Догматику, которая испортическую спо-рову Христіанства построеваетъ изъ ума, и по-ложительному Церковному учению, въ своихъ умо-зрительныхъ понятіяхъ, даетъ насилиственное толкованіе.

Что сказать намъ въ оправданіе Философіи отъ этихъ нареканій я не вѣрю? — Дѣйствительно, Философія покушалась иногда построевать эмпирическое содержаніе и были, или даже творить ихъ по числовому умозрѣнію; и нерѣдко она величалась пѣмъ, что возвысилась надъ мышленіемъ об-щаго разсудка, спѣвающагося давнымъ эмпиріческимъ содержаніемъ, и что успѣла возвестись до высочайшаго идеального способа познанія. Такъ уже Фихте, въ своемъ *Наукогученіи*, замы-нилъ произвести все бытіе изъ чисто-филосо-фическихъ началь; такъ Шеллингъ и Гегель, съ ихъ послѣдователями, покушались своимъ Филосо-

фическимъ умозрѣніемъ возвыситься, независимо отъ эмпирическихъ условій, до абсолютного вѣдѣнія всѣхъ вещей. Спрашнемъ ли защищать это самоуправство Философіи съ бытіемъ дѣйствительнымъ? Какъ ни значительна доля, которую предоставляемъ мы вліянію Философії на образованіе Наукъ эмпирическихъ, все однакоже не можемъ не допустить, что и она, для собственной полноты своей, требуетъ опыта, потому что умозрѣніе философическое даетъ для нашего знанія только формы и законы, которыми подчиняются всѣ предметы, а содержаніе нашего познанія получаемъ эмпирически, чрезъ усмотрѣніе; не можемъ не допустить, что философической познаніи суть только условія, при которыхъ мы можемъ понимать данные предметы, а не самыѣ предметы познаваемые; что Философія ничуть не можетъ дать намъ бытей, дѣйствительности для нашего познаванія, а даетъ только законы и сообразный съ ними взглядъ на гипотезы бытия, такъ что всѣ факты, всякая дѣйствительность въ нашемъ познаніи ичептъ происхожденіе эмпирическое. И следовательно, мы никакъ не будемъ оправдывать Философіи, если она переступаетъ завѣтную черту раздѣленія между содержаніемъ и формою, между бытіями и законами нашего познаванія: эмпирія по праву пропагандируетъ притязанія на нее эксцентрическаго и насильственнаго умозрѣнія. Понятно, по этому, и просимительно, что столь многіе эмпиріки, въ чувствѣ негодованія на злобредность умозрѣнія метода для Наукъ Точныхъ, недовѣрчиво глядяшъ на Философію вообще,

а особенно на примѣненіе ея къ Наукамъ эмпірическимъ, и заключаются единственно въ сферѣ опыта. Впрочемъ, соглашаясь съ эмпіриками до извѣстной степени, мы никакъ еще не должны осуждать Філософіи. Какъ скоро мы внимательнѣе всмотримся въ ея существо, какъ скоро не станемъ смыслять ея злоупотребленія съ ея подлежащимъ употребленіемъ, то мы тотчасъ согласимся, что еще другая Філософія, которая можетъ находиться съ эмпірією въ совершенномъ мирѣ и согласіи.

Болѣе важны осужденія Філософіи въ поэмѣ, чѣмъ будто она, питаю своеысліе, оскорбляетъ святыню Религії безвѣріемъ, а питая своеоліе, разрушаєтъ установленный порядокъ гражданской жизни.—Правда, что эти обвиненія Філософіи, съ постепеннымъ распросстраненіемъ образованія, и при многостороннѣйшемъ развитии самой же Філософіи, со дня на день становятся рѣже; однакожъ и донынѣ еще они повторяются перѣдко, и слѣдовательно отвѣти на нихъ неизлишень.

По словамъ знаменитаго мыслителя Германскаго, *Шеллинга*, ближайшій отвѣтъ на эти упреки, весомнительно, быль бы слѣдующій: «Чтобъ это было за Государство, чтобъ это была за Религія, для которыхъ можетъ быть опасною Філософія? Будь это дѣйствительно такъ, шо лина, въ этомъ случаѣ, должна бы пасть на самую Религію и Государство.» (Vorlesungen über die Meth. des academ. Stud. Stutt. und Tüb. 1830. S. 183).!

При всемъ уваженіи нашемъ къ этому Керифею Германской Философіи, не можемъ не замѣтить, что слова эти только полуиспинны. Они вѣрны, если подъ именемъ Религіи и Государства будемъ разумѣть ишько чистую, отвлеченню идею. Идея истинной Религіи и благоустроеннаго Государства, какъ идея истины вообще, неразрушима и невыблема, въ какомъ бы отношеніи къ ней ни поставили себѣ человѣкъ; она превыше всѣхъ его заблуждений и спираслей, и не можетъ померкнуть отъ ихъ тучи, какъ лучезарное солнце, далеко вознесенное надъ атмосферою нашей планеты, не можетъ помрачиться ея туманами и облаками. И наоборотъ, та идея Религіи и Государства, безъ сомнѣнія, была бы ложною идеей, для которой могъ бы быть опаснымъ спрятой, испытующей взоръ здравой Философіи. Но совершенно другое дѣло, когда мы рассматриваемъ идею Религіи и Государства въ ея дѣйствительномъ отношеніи къ человѣку, въ ея временномъ проявленіи. Тогда Религія, не, если ужь идея самобытная; она заключена въ чувствѣ и помыслахъ человѣка, а здѣсь, при всей чистотѣ и святости своей, она можетъ въ недѣлимыхъ лицахъ покрадаться и извращаться, какъ и всякое чувство, какъ и всякие помыслы смертнаго. Тогда и Государственный порядокъ не есть только мысль отвлеченнай; это уже дѣйствительная жизнь людей, общественная дѣятельность существъ чувственно-разумныхъ; а потому общественной жизни и дѣятельности людей можетъ принимать, какъ ложное и гибельное направленіе, такъ и искинное и благоизворное. И такъ, если

Религія и Государство, понимаемыя въ эпомъ, послѣднемъ смыслѣ, признающіе извѣснаго рода Философію опасною для себя, что ина въ эпомъ сдучицѣ не поплчасъ еще падаешь на самую Религію, на самое Государство. Чѣмъ чище Религія, чѣмъ благоустроеннѣе Государство, тѣмъ вреднѣе была бы для нихъ та Философія, которая несообразна была бы съ ихъ духомъ и вела бы къ вольнодумству и своеволію. Но дѣйствительно ли эта опасность предстоитъ Государству и Религіи со спороны Философіи, понимаемой въ испинномъ, ея смыслѣ, — это иной вопросъ, на которой мы, теперь и обратимъ наше вниманіе.

Философическій способъ воззрѣнія на вещи, какъ способъ умозрительный, отличающійся отъ всѣхъ другихъ родовъ познаваній свободнор. дѣятельностію вашего духа. Философское мышленіе, по преимуществству, есть мышленіе свободное. Человѣкъ пробуждается къ жизни, преимущественно, какъ существуетъ чувствующее. Начальная жизнь его, вся преданная чувственнымъ впечатлѣніямъ предметовъ, его окружающихъ, есть не иное чѣмъ, какъ игра перемѣнчивыхъ ощущеній. Собственная самодѣятельность человѣка слишкомъ еще слаба тогда для того, чтобы прошводить спровождать этиамъ впечатлѣніямъ съ равною силою, и отъ того, долго осѣаетъ онъ въ состояніи почти совершиенно страдательномъ. Чувственнымъ воззрѣнія даютъ первую пищу его духу, чувственныхъ жажды и потребности суть первые двигатели его дѣйствій. Мало по малу чувственно-возбуждаемая жизнь, уединявшаяся въ посюдинахъ формахъ;

принятый впечатлѣнія оставляють въ мягкомъ и удобопрѣемлющемъ духѣ постоянные слѣды; появляются привычные наклонности и пожеланія; переходчивыя усмѣшкія сосредоточиваются въ памяти и образуются въ мнѣнія; жизнь кристаллизируется въ науки. Въ безотчетной привычкѣ, съ разными предразсудками, подрастаетъ тогда духъ человѣческій, и ни одинъ человѣкъ не можетъ избѣжать ихъ въ первые годы своей жизни. Но наконецъ пробуждаются въ человѣкѣ, мало по малу, самодѣятельная сила его духа и вступаетъ въ борьбу съ чувственностью и привычками, для защиты самостоятельнаго уѣждениѣ и свободнаго дѣйствованія. И тогда-то зараждается свободное философическое мышеніе. Въ развитіи отдельныхъ лицъ, какъ въ Исторіи цѣлыхъ народовъ, всегда выступало къ жизни философическое мышленіе тамъ, где духъ начинай освобождаться отъ узы чувственности и привычки. И такъ, свободное философическое мышленіе, въ противоположность мнѣніямъ, независимо отъ нашего сознанія и познанія, подъ влияніемъ чувственности въ насъ образовавшимся, есть мышленіе по преимуществу *самостоятельное*; въ противоположность привычнымъ и безотчетнымъ мнѣніямъ и понятиямъ, оно есть мышленіе, все успремленное къ непосредственному, живому уѣждению въ испинѣ.

Это свободное философическое мышленіе, склоняя взоръ свой на явленія нашего внутренняго мира, тощасъ урзумъваетъ въ насъ самихъ свободно-дѣйствующее начало, признающе въ наше душѣ свободнаго производителя нашихъ мы-

слей, чувствованій, преднамѣреній и дѣйствій, въ противоположность тому первоначальному его состоянію, въ которомъ онъ, подавляемый чувственностью, выражаетъ себя только спрадащельно. Конечно, и безъ философического мышленія, и даже прежде его, возникаетъ въ глубинѣ человѣческаго духа чувство собственной свободы, какъ живаго источника нравственной жизни; однакожь къ ясному сознанію приводится это чувство только въ философическомъ мышленіи, какъ свободномъ и притомъ сознательномъ возвышеніи духа надъ принудительной силою Природы. Но это сознаніе свободы, производимое самостоятельнымъ философическимъ мышленіемъ, это признаніе духа свободнымъ производителемъ его дѣйствій, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ пресуппымъ *своеволіемъ*; только явная злонамѣренность можетъ смѣшиваться два эти понятія, совершенно другъ другу противоположныя. Буйное своеволіе, какъ исчадіе ада, есть плодъ неразумѣнія свободы, этой божественной черпы въ нашемъ духѣ; есть следствіе ложнаго, извращеннаго взгляда на существство ея и ведеть къ самому жалкому унижению разумной человѣческой Природы; а между тѣмъ сознаніе свободы въ томъ видѣ, въ какомъ понимается ее здравая Философія, и особенно, въ какомъ изображеніи намъ ее Слово Божественное, ведеть насъ прямо къ *нравственному настроенію*, и къ уразумѣнію нашего высокаго *предназначенія*. Есть сверхчувственный міръ свободныхъ духовъ, которые вознесены далеко надъ безсознательною

необходимостію міра физического и подчинены другимъ, чисто разумнымъ законамъ; и мы сами, какъ люди, т. е. какъ свободно-разумныя существа, имъемъ участіе въ этомъ неземномъ мірѣ: при этой мысли, ясно и живо сознанной, не чувствуемъ ли мы себя вознесенными превыше свое-хорыстныхъ побужденій и мелкихъ расцеповъ этоизма; не научаемся ли мы тогда особенно цѣ-нить, какъ высшую спорону нашей жизни, внутреннее значеніе и достоинство нашего духа, и не тогда ли преимущественно становимся спо-собными къ великимъ подвигамъ, къ дѣламъ безко-рыстія и самопожертвованія, которыхъ по праву требуетъ Отечество отъ своихъ вѣрныхъ сыновъ? Не при этой ли мысли мы яснѣе сознаемъ свое высокое назначеніе, не тогда ли уразумѣвъ, что явленія чувственного міра должны быть подчинены самодѣятельности нашего духа, а не духъ требо-ваніямъ чувственности? Не тогда ли убѣждаемся, что не слѣпыя спрасли, а высоко свѣтия, какъ звѣзды, на тьверди нашего духа, идеи испиннаго, доброго и прекраснаго должны направлять движенія воли на путь нашего дѣйствованія? И слѣдова-тельно, не тогда ли особенно побуждаемся съ сознаніемъ и ревносѣю содѣйствовать внутрен-нему порядку и благосостоянію Государства, какъ ближайшему практическому осуществленію въ человѣчествѣ идеи добра? — И такъ философическое мышеніе, попому что оно есть мыщеніе свободное, т. е. отторженное отъ чувственности, не только не опасно по своимъ дѣйствіямъ для благосостоянія Государства, а напротивъ того,

оно есть одно изъ надежнѣйшихъ и при этомъ самыхъ сознательныхъ психическихъ движителей общественнаго порядка.

Съ сознаниемъ свободы и нравственнаро человѣческаго пред назначенія мысль наша возможнаа уже надъ предѣлами конечнаго и паритъ къ вѣчному и безусловному. Уже и по внутреннему чувству дозвышающеи духъ каждого, даже необразованнаго человѣка, надъ этимъ мѣромъ явленій, съ его конечностью, переходчивостю и несовершенствами, и гадаешь о высочайшемъ, совершающемся бытіи, но только въ зыбкихъ и неопредѣленыхъ предошущеніяхъ сердца. Уже во внутренней глубинѣ каждого неизвращеннаго человѣка запечено религіозное убѣжденіе естественной вѣры въ жизнь вѣчную и бытие Бога, но какъ племяное чадище духа. Философическое, свободно-испытующее мышленіе хочетъ это неопределеннное чувство, эту простую, естественную вѣру духа въ высшій порядокъ вещей возвести до возможнаго сознанія, до крѣпкаго, очепитывающаго убѣжденія. А при этомъ выступленіи изъ первоначальнаго чувства, при этомъ иссыпающемъ вниканіемъ въ предметъ простой, естественной вѣры, философическое мышленіе имъ мало не спровоцировало противникомъ чувства, разрушившемъ вѣры, естественной человѣку, и слѣдовательно оскорблениемъ Религіи, почющѣй преимущественно въ вѣрѣ. Философическое, свободно-испытующее мышленіе, при глубочайшемъ вниканіи духа въ самого себя, попытка открытия въ немъ, какъ первоначальный и высочайший законъ нашего разу-

ма, полагаемый въ основавіе всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ, законъ единства и разумной сообразности творенія съ цѣлію. Но міръ, съ его чувственнопознаваемыми предметами, является намъ въ формахъ разнообразія, противоположностей, несовершенства, а следовательно это не есть то исшинное бытіе, какого требуютъ первоначальные, коренные законы разума. Отъ того въ чистомъ разумѣ, далеко вознесенномъ надъ чувственными условіями познанія, въ его высшемъ, философическомъ мышленіи, проявляется неоправдимое требованіе — признавать бытіе Высочайшаго, истиннѣйшаго Существа, въ которомъ находятъ свое полное осуществленіе законы единства и сообразности творенія съ цѣлями, признавать это бытіе непосредственно, безъ доводъ, т. е. призываясь одною *стюрою*. Такимъ образомъ философическое мышленіе, выступая изъ первоначального чувстваго, доходитъ только до основавій того, что внушаетъ каждому чувство же; исходя изъ простой, естественной вѣры, опять приходитъ къ вѣрѣ же, къ идеальному убѣженію въ бытіи Существа совершеннѣйшаго. Явно по этому, что философическое, свободноиспытывающее мышленіе и познаніе ни чуть не противоположно вѣрѣ естественной; на высшей степени своего развитія, оно не только не отвергаетъ вѣры естественной, а напротивъ, полагаетъ ее первымъ основаніемъ всякаго возможнаго вѣданія; тѣмъ менѣе философическое убѣженіе можетъ производитьствовать свидѣніемъ Вѣры Откровенной, къ которой оно обращено всѣмъ

существомъ своимъ, попому чѣто, какъ вѣра первоначального чувства не имѣеть твердости безъ убѣжденія философического, такъ философическое убѣженіе, безъ Вѣры Откровенной, есть только превозное состояніе духа, ничѣмъ неудовлетворяющагося; это взоръ самосознающаго разума, оіпъ земли, его неудовлетворившей, по склону обращенный къ небу, въ ожиданіи спасуда высшей, Божественной помощи.

Но Философія, какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ возбудителей воли къ осуществленію идеи добра въ жизни общественной, какъ сознательная защитница испыты пропивъ неправыхъ пришланій мечтательного всезанія, Философія съ эпохъ высшимъ ея направленіемъ, подумаютъ, есть удѣль не многихъ, а цѣлыхъ школы и періоды Философіи не рѣдко рѣшиительно противопоставлялись всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ идеямъ и явно предавались материализму и эгоизму. Съ первого взгляда, эпохъ справедливо, попому что Исторія человѣческой мысли предстаиваетъ намъ, дѣйствительно, самая рѣзкія противоположности въ ея направленіяхъ. Во всѣ времена всپрѣчаемъ мы здѣсь великихъ мыслителей, изъ глубины своего духа износившихъ свѣтъ вѣдѣнія, который служилъ путеводною звѣздою для народовъ, невѣдавшихъ испинной Религіи; вспѣчаемъ тѣхъ благотворительныхъ Геніевъ, которыхъ имена сияютъ и донынѣ въ Исторіи человѣчества, вмѣстѣ съ свѣтлыми ихъ мыслями и чувствованіями. Но видимъ нерѣдко, какъ на поприщѣ міра появлялись цѣлыхъ полчища дерзкихъ

жечтапелей, которые, желая по своему пересоздать человѣчество, воспламенили умы своихъ послѣдователей до изспущеннаго энтузіазма, презиравшаго все священное въ Религіи и обществѣ. Во всѣ времена Философія имѣла ревностныхъ защитниковъ испинь и доспописства человѣческаго, имѣла своихъ мучениковъ; но съ другой стороны, появлялись въ ней нерѣдко и визкие предатели испинь, которые даже въ вѣдрахъ общества Христіанскихъ хотѣли зародить, и зараждали, духъ своеыслія и своеволія. Самый нечезальный и самый близкій къ вамъ по времени примѣръ тому представлѣніе Французская Философія, разлившаяся до Революціи, въ школѣ такъ называемыхъ Энциклопедистовъ, въ сочиненіяхъ Гельвеція, Ла Метри и въ извѣстной *Системѣ Природы*. Это была Философія, рѣшительно погрязшая въ самомъ трубой материализмѣ, надѣвавшемся надъ всѣмъ духовнымъ и идеальнымъ, какъ надъ пустыми грэзами; Философія, поставившая визкій, чувственныій эгоизмъ основнымъ началомъ человѣческой жизни, и такимъ образомъ исказившая нравственность въ самомъ ея корнѣ. Такое легкомысленное нападеніе на все священное и высокое въ жизни не могло не заключать въ себѣ разрушительныхъ элементовъ и въ политическомъ отношеніи; политической теоріи этой школы не могли оставаться безъ влиянія на Французскую Революцію и бросили сѣмь, изъ котораго произросъ чудовищный Якобинизмъ. Но, такъ какъ это суть заблужденія, зараждающіяся въ предметахъ философическаго мышленія, въ поверхносипномъ и потому

не философическомъ умствованіи , то явно , чѣмъ и это не можетъ быть посвящаемо въ вину самой Философіи . Кто спанетъ утверждать , что это превратное направлѣніе человѣческой мысли принадлежитъ къ существу Философіи ? Если идея Религіи , добродѣтели и права положены въ природѣ человѣческаго духа , а философическое свободное мышеніе обращено собственно къ внутреннейшей природѣ нашего разума , то по самому существу своему , оно должно созиавать и признавать эти идеи ; и только отъ тѣхъ , которые , выступивъ изъ первоначального чувства , остановились на половинѣ пути къ философствованію , которые , заключившись въ безплодной области діалектическаго разсудка , ограничились поверхностнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на вещи , только отъ тѣхъ могутъ укрыться свѣтозарныя идеи испиннаго и доброго . Чѣмъ глубже проникаешь мышеніе во внутреннейшее существо вещей , чѣмъ болѣе оно принимаетъ форму Науки , чѣмъ болѣе оно дѣлается философскимъ , въ испинномъ смыслѣ этого слова , тѣмъ полнѣй и яснѣй сіяющъ предъ нимъ благотворный идеи . Гибельное , обращенное противъ Религіи и нравственности ученіе Французскихъ Энциклопедистовъ , не если порожденіе Философіи ; это слѣдствіе того , чѣмъ легкомыслѣ и вѣтренностъ возобладали надъ Наукою и Философіею ; это плодъ въ самомъ кориѣ поврежденного образованія , и съ существомъ Философіи не имѣетъ ничего общаго , кроме имени . И если первоначальное образованіе Философовъ какого бы то ни было народа зависить

собственно отъ духа и направлениі самаго народа, среди котораго являются они, то зловредный источникъ вольнодумства, разливающагося изъ сочиненій мнимыхъ Философовъ, выпекаетъ собственно не только не изъ Философіи, но даже и не изъ умовъ философствующихъ, а изъ глубокаго нравственнаго поврежденія самого же народа. Всѣ великие люди, и въ особенности замѣтѣнѣйшіе Философы, суть представители своего народа; они, какъ фокусы, только сосредоточиваютъ въ себѣ то, что уже разсѣяно въ народѣ, приводить къ сознанію, что и безъ того шапится въ духѣ народномъ, только племенно и безопечено. Слѣдовательно, если Философы выражаютъ въ своемъ учениіи вредное и превратное направлениe духа, то это единственно потому, что шаковъ духъ представляемаго ими народа; они возвращаютъ ему то, что прияли отъ него сами, возвращаютъ только въ другомъ, болѣе разширомъ видѣ; это опливъ волны народныхъ же мыслей и чувствованій, только усиленный новымъ напряженіемъ мысли, болѣе могучей и дѣятельной. Только при этомъ условіи философическое ученіе можетъ изѣть значительное влияніе на самый народъ; только тогда восхищается онъ философическими идеями; только тогда принимаетъ ихъ съ живымъ участіемъ и усвояетъ ихъ съ воспоминомъ, когда находитъ въ нихъ выраженіе своихъ собственныхъ понятий и чувствованій. Въ пропавшемъ случаѣ, философическая идеи, самые высокія и свѣтлые, оспариваются неузнанными, какъ чуждыя духу народному; онъ не примутся въ общественномъ мнѣніи,

какъ расшепеніе, въ несвойственной для него почвѣ; самыя внешнія и искреннія вѣщанія Философіи не найдутъ себѣ сочувствія, замрупъ какъ одинокій звукъ въ пустомъ пространствѣ. Вліяніе народнаго духа на духъ Философіи, неоспоримо таково же, какъ и дѣйствіе Философіи на дальнѣйшее развитіе, понятій народѣ. Такъ всегда было и будетъ съ Философіею; такъ было съ нею и во Франціи въ XVIII столѣтіи. Народъ развращилъ и испортилъ тѣхъ, которые по дарованиемъ своимъ могли быть Философами.

2) Но если Философія, по существу своему, не опасна ни для Вѣры, ни для порядка жизни общественной, то конечно, скажутъ, она и непригодна ни къ чему въ практической жизни, въ которой должно дѣло дѣлать, а не философствовать. Эта мысль о бесполезности Философіи до безмѣрности усилилась въ настоящее время, когда пользу поспѣляютъ выше всего, спремяясь преимущественно къ пользѣ и пользою измѣряютъ и оцѣниваютъ все. Справедливъ ли это? упрекъ, дѣлаемый Философіи въ ея *безполезности*?

Обращая взоръ на то отношеніе, въ какомъ находится Философія въ теперешней, современной намъ жизни большей части людей, мы приходимъ въ крайнее затрудненіе, когда хотимъ оспоривать едва не общую мысль о бесполезности Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пригодна она въ жизни человѣческой? Изъ всѣхъ Наукъ она кажется самад бесполезная Наука. «Тѣмъ, которые посвящаютъ

«ей жизнь свою», говорить одинъ замѣчательный мыслитель Германскій, «не доспавляешь она ни въраго дохода, ни прибыльного мѣста, ни высокихъ отлий; и въ частномъ выполненіи должна поспи не можетъ имѣть она приложенія ближайшаго: не нуждается въ ней непосредствѣнно Божіе словъ для того, чтобы проповѣдывать и назидать другихъ; не обращается въ ней Судья въ дѣлопроизводствѣ и рѣшеніи пажебъ; не требуетъ ея содѣйствія Врачъ, когда предписываетъ рецепты; еще менѣе можетъ она помогашь въ изобрѣтеніи и улучшеніи ремесла.»

Такъ; для исключительныхъ практиковъ Философія совершенно бесполезна! Но къ чему же самая польза? Какая цѣль ея? Еслибъ отвѣчали на этотъ вопросъ защитники исключительной полезности, то указали бы, конечно, или на низшія только чувственнаго благосостоянія, или на безконечный рядъ однихъ средствъ, не приводящихъ къ какой цѣли. И втотъ послѣдній случай есть собственно испинный характеръ полезнаго: только то именно полезно, что служитъ средствомъ къ чему-либо; отъ этого сама въ себѣ польза не заключаетъ никакой цѣли; а между тѣмъ исключительное стремленіе къ пользѣ, отвергая всякую другую цѣль, должно выдастъ само себя за цѣль всего, и чрезъ то смѣшиваетъ средства съ цѣлями жизни. Тогда работа и прибыль представляется самимъ главнымъ въ жизни, весь міръ признается фабрикой, жизнь торговую биржею, а человѣкъ рабочею машиной. Только самостоительный философический взглядъ на вещи пропчась

открываєтъ намъ , что все полезное имѣетъ до-
споинство только какъ средство къ доспіженію
высшихъ, духовныхъ цѣлей жизни; чѣмъ мы живемъ
не для ніого только, чтобы работать, а работаемъ
для тога, чтобы жить, т. е. чтобы испинно жить,
чтобы осуществлять испинныя цѣли нашей жизни.
Когда же теряются изъ виду испинныя цѣли жизни,
когда польза поставляется выше всего и при-
знается мѣрою для оцѣнки и обсуживанія всѣхъ
прочихъ вещей, тогда не погибаетъ ли все высокое
и благородное въ жизни народа, вся энергія
его духа? Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, устрой-
ніе чугунныхъ дорогъ, становится тогда гораздо
важнѣе , чѣмъ самая значительная открытия въ
области Наукъ, и неупомимая заботливость че-
ловѣка промышленаго благороднѣе, чѣмъ вдохновен-
ный подвигъ самопожертвованія для высшей идеи
жизни ; гдѣ все измѣряется единственно пользою,
шамъ быть и быть не можетъ геройскихъ под-
виговъ безкорыстія, самопожертвованія, и вообще
испинно великихъ характеровъ. Такъ исключи-
тельное стремленіе къ пользѣ становится, по
своимъ непремѣннымъ слѣдствіямъ, не говорю без-
полезнымъ , а вреднымъ и гибельнымъ для духа
народнаго !

Неоспоримо , что стремленіе къ пользѣ , огра-
ничиваемое должными предѣлами, сосставляетъ одну
изъ существенныхъ потребностей человѣческой
жизни. Но потому только одному, что Философія
не подходитъ подъ категорію вещей непосред-
ственно полезныхъ, должно ли отвергать и уни-
жать ея значеніе для жизни человѣческой ? Идея

пользы есть первая изъ идей , надъ осущество-
ніемъ которой должно трудиться человѣчество ;
но кромѣ идеи пользы есть еще въ разумной че-
ловѣческой природѣ нѣчто высшее, нѣчто сущест-
венное для нашего духа , къ развитію и уясненію
чего онъ долженъ стремиться непрестанно. И въ
самомъ дѣлѣ , человѣкъ поставленъ на землѣ , въ
мирѣ не только чуждомъ для него, но и враждебномъ
ему. Скоро изнемогъ бы слабый организмъ человѣка
подъ разрушительнымъ вліяніемъ міра спихійного ,
если бы человѣкъ предался ему безотчетно , какъ
рабъ послушный. Но человѣкъ научается пропаго-
носиваясь свою собственную силу , силу разумнія
и свободной воли , силѣ вицѣней Природы и , мало
по малу , поборавшъ ее , торжествуетъ надъ нею
и явлеется ея самостоятельнымъ владыкою.
Успранія препятствія , ему вспрѣчающіяся , из-
мѣня дѣйствія и явленія физического міра , пре-
образуя , пересозидая ихъ въ свою пользу , онъ
творитъ мало по малу Художество : первая побѣда
человѣческой воли надъ силами Природы ! Измѣряя
проспранство , его окружающее , исчисля предметы ,
ему представлющіеся , и замѣчая ихъ свойства и
дѣйствія , онъ кладеть основаніе Наукамъ Мате-
матическимъ и Физическимъ ; и вотъ новое тор-
жество человѣка , — торжество его разумнія надъ
тайнами Природы вицѣней ! Эта побѣда человѣка ,
мало по малу одерживаемая надъ Природою , вѣпо
больѣе и больше возрасшающее торжество надъ
враждебными ея силами , есть постепенное развиціе
въ человѣчествѣ первой существенной ему идее —
идее полезнаго ! Славна эта побѣда его ; но еще

далеко не удовлетворяетъ она требованіемъ его духа. Сквозь глубокую шму страшней первона-чального, еще неустроенного общества, какъ молнія, пропоргаетсѧ въ сознаніе человѣка, лучъ новой свѣтозарной идеи— идеи *Правды*; сильнѣй и силь-нѣй поражая вниманіе человѣка, наконецъ зароплетъ эта идея въ сердцѣ его неопрѣдѣльную потребность осуществлять ее на дѣлѣ. Тогда является общество гражданское и политическое, какъ осуществленная правда, какъ правда на дѣлѣ. Торжество правды надъ неустроеною общежительностью человѣческою уже блестательнѣе побѣды человѣка надъ силами Природы физической, но не предѣль благороднѣмъ его стремленіямъ. При внимательномъ взглядѣ человѣка на вѣшнюю Природу, онъ тощ-часъ поражается ея величиемъ и красотою, пора-жается величиемъ и красотою при взглядѣ на океанъ безбрежный, на громады горъ исполинскихъ, при видѣ свѣтлого звѣздного неба, или спройной и величественной фигуры человѣка. Тогда пробудилась въ немъ самомъ идея *Изящнаго*. Овладѣть ею, человѣкъ разыываетъ ее, очищаетъ и возвы-шааетъ въ своихъ мысляхъ, и въ творческой фан-тазіи является идеаль красоты, предъ которыми блѣднѣетъ и тускнеетъ красота отдельныхъ предметовъ міра дѣйствительнаго. Тогда пере-созидається человѣкъ предметы, пробудившиe въ немъ идею Изящнаго, по собственной идеѣ красоты и творить ихъ еще прекраснѣе. Это міръ Искус-ства. Но и этотъ міръ Изящнаго недостаточенъ для человѣка. Превыше міра Художествъ, обще-житія и Искусства, человѣкъ усматриваетъ Бога,

Сознаніе Бога, ощічного опъ міра, по являющаго
свомъ совершенства въ мірѣ,— это *Религія* естественнаѧ. Но человѣкъ чувствуетъ въ себѣ еще
новую подлубность, потребность дать въ пред-
ментахъ свога вѣдѣнія одичепъ самому себѣ: это
пробужденіе въ немъ идеи *Истиниаго*. Но данія
одичепъ самому себѣ возможно только при одножъ
условії, при условіи анализа, разложенія того, въ
чемъ жаждемъ дань самимъ себѣ одичепъ, при
условіи преобразованія въ чистыя понадія іншого,
чи то подвергаєтса изслѣдованію духа. И такъ за
естественною Вѣрою человѣка, за впливъ про-
цессы движениемъ человѣческаго сердца, слѣдующъ
вниканіе, рефлексъ. Но какъ только предался че-
ловѣкъ углубленію, анализирующему размышенію,
какъ только мысли своей подчинилъ свою же соб-
ственную мысль, то въ это самое время рожда-
лась уже въ его духѣ *Философія*. Достигла ли
мысль самой себя? Она достигла своего крайнаго
естественного предѣла. Конечно, она можетъ озар-
иць высшимъ сферпомъ Оскровенной Религіи: но
это не есть степень ед собственнаго развитія,
а дивная Божественнаѧ помощь человѣческому роду.
И такъ Философія есть высочайшее торжество
человѣческой природы, торжество мысли надъ
самой собою, въичаемое сыщозарию идею *ис-
тиниаго!* Удивительно ли послѣ этого, что для
искателей обыкновенной пользы, Философія ка-
жется рѣшишельно бесполезною? Область Фило-
софіи далеко вознесена надъ областю пользы съ
ея прибылью и расчешпомъ, такъ же точно, какъ
выше эшой области ея все великое и завѣшное въ

жизни человѣчества: добродѣтель, Искусство, Религія!

Впрочемъ, когда говоримъ мы, что Философія выше областіи обыкновенной пользы, то, по этому только, мы еще ни мало не соглашаемся съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думають, будто Философія не имѣетъ никакой цѣны практической. Не до-справляя намъ выгодъ жизни обыкновенной, она не оспаєтъ безполезною для той высшей жизни человѣка и человѣчества, къ которой сама относится она, какъ одно изъ лучшихъ ея проявленій. Тамъ, на свойственной для нея почвѣ, не оспаєтъ она безплодною такъ же, какъ не оспаєтъ безплодными для человѣчества проявление идеи Справедливаго въ устройствѣ Государства, низведеніе идеи Изящнаго въ мѣръ дольный, осуществленіе идеи Святаго, идеи Религіи во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ человѣка. Философія, по существу своему, есть чистая любовь къ мудрости, есть стремленіе духа къ сознательному уразумѣнію истины: а кто познаніе истины назовешь безполезнымъ?

Если же, когда-либо, опыты показываютъ, что Философія оспаєтъ безъ видимаго дѣянія на жизнь человѣка во всѣхъ ея отношеніяхъ: что это зависитъ не отъ Философіи, а отъ инныхъ представителей ея и тѣхъ, для кого представляется она безполезною. Свѣтлое созерцаніе высшихъ идей человѣческой природы дается не каждому человѣку самою Природою. Только избранныхъ своихъ она вводитъ въ то недоспупное для другихъ святилище, гдѣ почтѣшь идея вѣчной кра-

сопы; только посвященнымъ въ ея таинства открываетъ она обликъ изящества неземного, и то только въ немногія, рѣдкія минуты вдохновенія; только своимъ любимцамъ позволяетъ Природа возноситься до созерцанія идеаловъ Прекраснаго и возвѣщать о нихъ міру дальному, что въ гармоническихъ звукахъ, что въ спройныхъ и пѣнистыхъ формахъ. Такъ и въ Философіи. Идеи Испиннаго, какъ существенное и неоскудѣвающее содержаніе ея, такъ глубоко положены въ недрахъ нашего собственнаго духа, такъ завиты предъ нашимъ собственнымъ сознаніемъ, что многіе усомнились даже въ дѣйствительности бытія ихъ. Потребна особенная сила и крѣпость духа, дабы низойти въ глубину его, озарить ее своимъ сознаніемъ, развишь хопя одинъ изгибъ въ завѣшномъ свиткѣ нашихъ идей, постигнувъ смыслъ хопя одной черты въ необъятной книжѣ испини, и тѣмъ явить себя достойнымъ дѣятели на поприщѣ Философіи, свыше призваннымъ жрецомъ въ ея храмъ. Но эта сила и крѣпость разумѣнія дается не многимъ. И изъ этихъ не многихъ всѣ ли постигаютъ свое предназначеніе? Изъ тѣхъ, которые темно ощущали въ себѣ высшіе порывы духа, пылкое влеченье къ любомуудрію, всѣ ли могутъ, среди неумолимыхъ обстоятельствъ вицнейшей жизни, предаться эпому благородному спремленію духа? Изъ числа тѣхъ, наконецъ, которые могли бы, при внутреннемъ возваніи, поспѣшишь въ храмъ любомуудрія, многіе ли рѣшаются на эпо дѣйствительно? Не часто ли человѣкъ бѣгаешь именно того, для чего создала его Природа? Не

частю ли, какъ бы на перекоръ ей, во всю жизнь свою ищетъ занятій и успѣховъ именно въ томъ, къ чему отказалась Природа въ способности нушевной? Чѣмъ должно произойти тогда съ Философіею? Одни не сознали въ себѣ внутренняго призванія къ ней; другіе не поспѣшили по эпому зову: и вотъ явлюются нерѣдко самозванцы-Философы, люди беспаланные и бесполезные для Философіи, собственнымъ недостоинствомъ безславящіе имя ея въ мнѣніи общемъ, какъ имя Науки безплодной; непризванные пророки, они выдаютъ мечты своего слабаго, незрѣлаго духа за свѣтлое видѣніе истины, и звуки собственнаго неспройнаго голоса за ея небесныи вѣщанія.

И не одни только мнимые представители Философіи дѣлаютъ ее бесплодною для людей, какъ софизмъ пустоцѣпный. Философія есть самое нѣжное распеніе, требующее не только почвы ему приличной, но и атмосферы благопріятной. Мнѣніе публики — это атмосфера Наукъ вообще, и Философія въ частності. Только шамъ роскошно развивается она, цвѣтѣть и приносить плодъ свой, гдѣ находить общее къ себѣ вниманіе и участіе, общую расположенностъ и надлежащее содѣйствіе. Напротивъ того, она скоро глохнетъ среди общихъ предубѣжденій противъ нея, преждевременно упадаетъ цвѣтъ ея отъ равнодушія къ ней, и скучный плодъ ея кажется дикимъ и невкуснымъ безъ теплоты сердечнаго въ ней участія. Это непремѣнно: гдѣ общее мнѣніе признаетъ Философію бесполезною, шамъ она и дѣлается бесполезною, вопреки ея собственной природѣ.

Съ другой стороны, Философія нерѣдко предста-
вляется безполезною потому, что ожидаютъ и
потребуютъ отъ неї не того, чего можно и должно
потребовать отъ неї; требуютъ, на пр., чтобы Фи-
лософія, въ Психологіи, научила разгадывать душу
такого, или другаго человѣка, въ частности; чтобы
она, въ Логикѣ, научила написать то, или другое
сочиненіе; чтобы она, въ Метафизикѣ, пошчасъ
пояснила намъ какія-либо частныя явленія Приро-
ды въ ихъ ближайшихъ причинахъ и слѣдствіяхъ;
однимъ словомъ, желающъ, чтобы Философія дала
намъ свои наставленія для всякихъ, хотябы-то са-
мыхъ мелкихъ и незначительныхъ обстоятельствъ
жизни. Но Философія не занимается и не можетъ
заниматься этими частностями: она разсматри-
ваетъ только общія формы, общіе законы всякаго
бытія, а приложеніе ихъ къ даннымъ частностямъ
зависитъ не отъ неї; примѣненіе, и особенно
удачное ихъ примененіе къ случаямъ, требуетъ
еще особаго умѣнія и знакомства съ опытносію.
Къ чому же именно, спросишь нась, годится Фи-
лософія? Какую досставляетъ она людямъ пользу,
хотябы-то высшаго разряда?

3) Говорить о пользѣ Философіи значить
обращаться, вѣкоторымъ образомъ, къ общимъ
мѣстамъ рѣчи. Но для тѣхъ, которымъ непремѣнно
нужна польза во всемъ, коснемся здѣсь и этой
стороны Философіи, скажемъ хотя и всколько
словъ о ея пользѣ относительно *другихъ Наукъ*
и жизни длительной.

Мы сказали, что Философія занимается только
общими законами и формами бытія. Легко могутъ

подумать, что отношение Философии къ другимъ Наукамъ ограничивается, по этому, однимъ только влияниемъ на нихъ чисто логический. И многие эмпирики дѣйствительно вѣрятъ, что они оказали совершенное уваженіе достоинству Философии, когда признали полезными для Опытныхъ Наукъ ея спрого логической формы, ея определенія, раздѣленія, систематичность, оспавляя неприосновеннымъ для нея самое содержаніе этихъ Наукъ. На пр., Испытатель Природы уверенъ, что онъ совершенно философически развилъ свою Науку, когда своихъ заѣрей, своимъ распеніемъ и минералы распредѣлилъ по классамъ и разрядамъ въ спрого логической формѣ. Конечно, эта форма значиша уже весьма много для Опытныхъ Наукъ, пошому особенно, что приводитъ къ ясному порядку и легчайшему обзору накопленные опытною матеріалы; однакожъ, употребленіемъ логическихъ формъ мышленія не ограничивается влияніе Философіи на другія Науки. Она имѣетъ еще гораздо важнѣйшия формы и глубочайшіе законы,— формы и законы *метафизическихъ*, формы и законы не мышленія только, но и самого бытія. Въихъ-то даєтъ Философія пѣ условія, при которыхъ вообще возможно для человѣческаго познанія эмпирическое бытіе; и въ нихъ-то получающъ эмпирическія Науки высочайшія начала, отъ которыхъ должны выступать всѣ ихъ объясненія и теоріи.

Вмѣстѣ съ этимъ открывается, что всѣ частный, эмпирическія Науки болѣе или менѣе нуждаются въ Философіи; что всѣ они должны обращаться къ ней, въ ней искать и въ ней на-

ходиши свои высшие законы и умственную для себя основу. Такъ Естествознаніе должно изъ Философіи почерпать свою Философію Природы, Исторія — свою Философію Исторіи; Филология — философическое учение о словѣ, Юриспруденція — Естественное Право, Политика — философическое учение о Государствѣ, Медицина — свою систему и теорію, основанныя на Философіи Природы. Не входя въ подробное объясненіе вліянія Философіи на каждую изъ эпохъ Наукъ, коснемся здесь только тѣхъ, которыхъ признаются главнейшими въ нашихъ Факультетахъ, каковы: *Естествознаніе, Исторія и Право*.

Богатство и полнота явлений Природы, конечно, ближайшимъ образомъ дознающіяся только возврѣніемъ и наблюдениемъ, и эта эмпирическая опора не можетъ быть опримаема оѣь Наукъ Естественныхъ. Кто не согласится, что необыкновенные успехи этихъ Наукъ въ новѣйшія времена были плодомъ неусыпныхъ наблюдений, неупомимаго собранія фактовъ, осмотрительныхъ опызовъ, а не умозрѣнія, такъ часто теравшагося въ бесплодныхъ построенияхъ? И однажды, тѣмъ не менѣе, Науки Естественные должны обращаться къ Философіи. Наука, собственно, если подчиненіе частнаго и разнообразнаго закону единства, и потому Естественные Науки должны пояснить всѣ отдѣльные явленія Природы изъ общихъ ея законовъ, должны имѣть *теорію Природы*. Но каждая теорія предполагаетъ общіе и необходимые законы прежде бытей, которыхъ должны быть еще пояснямы; и слѣдовашельно должна существовать

Философія, или лучше сказать, *Метафизика Природы*, которой независимо отъ опыта, изъ чистаго разума поставляла бы всеобщіе и необходимые законы Природы. Этимъ не требуется для Наукъ Естественныхъ философическое *построение Природы*, а только теоретическое объясненіе эмпирическимъ явленіямъ. И испытаннымъ методомъ для такого объясненія въ Наукахъ Естественныхъ признаемъ не движение синтеза отъ началъ и законовъ къ бытіямъ, отъ причинъ къ дѣйствіямъ, а обратный, аналитической путь, восходящій отъ особыхъ случаевъ къ правиламъ общимъ, отъ дѣйствій къ ихъ причинамъ: однимъ словомъ, не умозрѣніе, а *наведеніе*. Но и самое наведеніе, какъ учитъ Логика, возможно попутно, чѣмъ уже предполагаются общіе законы, къ которымъ были могутъ быть сводимы. И чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, побудило бы насъ при взгляде на измѣненіе Природы, доискаваться причинъ, еслибы до того еще не имѣть значенія въ нашемъ духѣ законъ причинности? Такимъ образомъ, даже метода Наукъ Естественныхъ предполагаетъ бытіе рациональной основы, предполагаетъ *Философію Природы*.

Гораздо пруднѣе, кажется, подчинить всеобщимъ и необходимымъ законамъ *Философіи* частные были *Исторіи*. Въ Природѣ господствуетъ необходимость, которой сама собою приводитъ насъ къ общимъ и непремѣннымъ законамъ явленій; а Исторія, напротивъ, есть дѣло человѣческой свободы, рядъ свободныхъ дѣйствій людей: какъ же опредѣлить ее по общимъ и необходимымъ за-

коими философическийъ безъ уничтоженія человѣческой свободы? И однакожь, свобода въ себѣ, идеальная свобода, ни мало не уничтожится, когда дѣйствія людей, какъ явленія, будуть подлежать закону необходимости. Воля человѣческая свободна въ ідеѣ, но въ своихъ временныхъ проявленіяхъ она подпадаетъ подъ законы міра явленій, законы Природы; эти только проявленія вносятся въ Исторію. Свобода сама въ себѣ вовсе не имѣеть Исторіи; она всегда одна и така; только явленія свободы измѣняются, и только они образуютъ міры Исторіи. Если же Исторія человѣчества есть рядъ временныхъ проявлений человѣческаго духа, то и она, какъ Природа, должна быть цѣлостною, связаннымъ организмомъ, и ея частные были, следовательно, могутъ поясняться изъ общихъ законовъ, изъ теоріи, какъ и явленій Природы. Эта идея и задача есть исходная почка *Философіи Исторіи*.

Историческіе факты, какъ и явленія Природы, дознаются конечно опытомъ; но для совершеннаго знанія еще недостаточно этого. Простой разсказъ историческихъ былей еще не можетъ имѣть притязанія на Науку. Истинная Наука Исторіи не есть только хронологическое размѣщеніе событій, простой перечень именамъ Царей, вождей и героевъ, списокъ войнъ, пораженій, изобрѣтеній, несправа смысь замѣчательнѣйшихъ происшествій: только единство и порядокъ, планъ и идея, приведенный къ ясному сознанію, дѣлаютъ Исторію наукой, чѣмъ быть она должна, дѣлаютъ Наукою. А это возможно только подъ влияниемъ

высшихъ законовъ Философіи Исторіи. Но законы, по которымъ она хочетъ опредѣлить въ Исторіи движение событий, не суть законы вѣчнаго, идеального міроправленія, а естественные законы развитія человѣчества; она не можетъ высказать намъ Божественные планы о родѣ человѣческомъ, а научаетъ только, по какимъ законамъ развивается человѣчество, сообразно собственной природѣ его; она не поспроеваешь Исторіи умозрительно, а только поясняетъ ее мало по малу, изъ законовъ человѣческой природы. И следовательно истина, разумная основа для Исторіи есть *Антропология*, во всемъ ея объемѣ. Кроме антропологическихъ, или иначе теоретическихъ законовъ, Философія Исторіи содержитъ въ себѣ еще практическіе законы, по которымъ должны быть обсуждаемы историческія дѣйствія, какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и временъ. Эти законы нравственныхъ цѣлей, тѣ вѣчныи идей и добродѣтели, которыя ведутъ человѣка и человѣчество къ высшему ихъ предназначению: въ нихъ только можно найти истинную меру для практическаго обсужданія Исторіи; въ нихъ сокрыты штѣпь зиждательный элементъ, которыемъ все распределется въ Исторіи, безъ котораго все спускается и смѣшиваются, или представляется только мерзкою необходимостию Природы. Слѣдить постепенное осуществление высшихъ нравственныхъ идей въ Исторіи человѣчества, уловить единство свободнаго, духовнаго человѣчества,— это наиполнишая задача истиннаго, т. е. философствующаго Историка.

Философический элементъ необходимъ и для *Правовѣдѣнія*, будеъ ли оно разсматривать предметъ свой доктринальски, или исторически. При доктринальскомъ направленіи, Правовѣдѣніе осуждается, такъ сказатьъ, на буквѣ закона, и довольствуется тѣмъ, когда данный матеріаъ определенныхъ законовъ распределенъ по строго логической формѣ и понятъ смыслъ ихъ по первому взгляду и умозаключенію. Но подобное воззрѣніе на законъ недостаточно, ни для приложенія его къ дѣлу, ни для Науки и Законодательства. Кто хочетъ правильно прилагать законы къ слу-чаямъ, тошь долженъ напередъ выразумѣть ихъ вполнѣ; но истинное уразумѣніе дается только Наукой, выводится изъ началь; а послѣдняя начала для уразумѣнія Положительного Права извлекаются изъ философическихъ понятий о Правѣ. Истинный смыслъ закона заключается не въ буквѣ, а въ духѣ его. Но духъ законовъ постигается частію изъ исторического ихъ происходенія и образованія, а частію, и даже преимущественно, изъ идеи Права, первоначально почіющей въ духѣ человѣческомъ, и изъ основныхъ философическихъ понятий о Правомъ. Въ этомъ отношеніи, такъ называемая Историческая Школа имѣеть уже значительнейшее достоинство предъ доктриналью, потому что старается постигнуть внутренній смыслъ закона изъ связи его съ прошедшимъ, изъ народного духа и изъ первоначальной Природы учрежденія Правъ. Но и это направление Правовѣдѣнія недостаточно и неполно безъ участія элемента рационального. Законовѣдѣніе Исторической

Школы есть только срединъ безъ начала и конца, отрывокъ безъ точки исходной и конечной цѣли. Школа эта слѣдитъ за историческимъ развитіемъ Права и предполагаетъ бытіе и цѣнность его, какъ фактъ исторической; но она не изъясняетъ, какъ вообще Право переходитъ въ Исторію, какое происхожденіе его въ человѣческой Природѣ, куда спремишился его развитіе, къ какой цѣли движущія оно? Это почерпаетъ только изъ первоначальной идеи Права, которая положена въ человѣческомъ духѣ прежде всякой Исторіи, восходитъ далѣе всякой Исторіи и указываетъ ей путь и цѣль ея движенія. Чѣмъ Права имѣли и имѣютъ свое значеніе въ человѣческой жизни, объ этомъ знаеъ Историческая Школа; но почему они имѣютъ и должны имѣть значеніе, на какомъ основаніи утверждаютъ они, — это только философствующій Юристъ можетъ показать изъ Философіи Права; только онъ провидитъ, что Право основано на личномъ дослышаніи людей, какъ существъ разумныхъ, и проходитъ изъ одного источника съ идеей добра вообщѣ, что это есть не вицемъ и физическая, а внутренняя и нравственная сила, которой подчиняется человѣкъ по нравственнымъ же побужденіямъ.

Таково вліяніе Философіи на другія Науки! Но это еще далеко не ограничивается ея польза, просирающаяся на всю жизнь человѣка съ ея высшей стороны. Содѣйствуя умственному образованію духа, Философія не хочеть осправляться только мертвымъ знаніемъ, а хочеть жить и выражать себя въ чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и

поступкахъ, потому что всякое знаніе, а шѣмъ болѣе знаніе высшее, сослышитъ въ живомъ со-ошношеніи съ сердцемъ и волею. Конечно, есть случаи жалкаго искаженія Природы, когда знаніе вовсе отрекаешься отъ вліянія на спасительный дѣй-ствія духа и распоргаетъ связь съ жизнью сердца. И Испорка предшавляетъ намъ не мало примѣровъ этого, что и Философія устраняла себя отъ практической жизни, шерясь въ безплодныхъ ученияхъ, въ пустыхъ ощущеніяхъ. Но здравая Философія, и припомъ въ здравомъ духѣ, всегда была и есть практическою въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова; не шеряя изъ виду своего описанія къ жизни и ея цѣлямъ, она дѣятельно помогаетъ ихъ осуществленію своими свѣтлыми понятіями. Открываетъ ли намъ Философія по-знаніе Испиннаго—сущности, основы всѣхъ вещей? Это познаніе въ здравомъ духѣ дѣйствуєтъ и на сердце, отпугвая его отъ всего мелкаго и ни-чтожнаго и направляя къ испинному и существен-ному. Приводитъ ли насъ Философія къ убѣжденію въ бытіи высшемъ, нежели земной міръ съ его переходчивыми явленіями, къ бытію вѣчному, Бого-существенному? Тогда вноситъ она въ нашу душу миръ и спокойствіе, возвышающъ ее надъ всѣмъ скоро гибающимъ и воспламеняющъ любовью къ не-бесному. Уясняетъ ли въ насъ Философія сознаніе о высшемъ предназначеніи нашей жизни? Этимъ самымъ она возбуждаетъ волю къ его осуществле-нію, побуждающъ ее къ чисто-правственному спо-собу дѣйствованія. Если цѣль философического мышленія сослышитъ въ томъ, чтобы вознесшись

до созерцанія гармонії Вселеної, то бути не можеть, чтобъ Философія не отразила этой гармонії въ жизни человѣка; чтобъ ова не привела въ согласіе съ высшою цѣлію Божественнаго міроправленія мыслей, чувствованій, желаній и дѣйствій того, чьи взоры обращены къ созерцанію этой гармонії. «Невозможно»—говорилъ Платонъ—«не-а престанно приближаться къ предмету съ любовью а и удивленіемъ, и не желать уподобиться ему. «Отъ того Философъ, обращенный къ тому, что «Божественно и подчинено закону гармоніи, и въ а себѣ отражаетъ эту гармонію и все Божествен-а ие, сколько это возможно для человѣка.»

Еще важнѣе то посредственное, однакожь существенное вліяніе, какое имѣеть Философія на жизнь человѣческую въ связи съ *Религіею*, *Нравственностью* и *Искусствомъ*. Три свѣтозарныи идеи сіяютъ на гнверди нашего духа: идея Испиннаго — въ нашемъ разумѣ, идея Прекраснаго — въ силѣ чувствованія и фантазіи, идея Доброго и Святаго — въ сердцѣ и волѣ. Отсюда — Наука, Искусство, Нравственность и Религія, какъ существенѣйшія проявленія высшей стороны духа, какъ главнѣйшіе движители въ спремленіи человѣчества къ испинному его предназначению. Но всѣ эти движения и проявленія нашего духа суть выраженія одной и той же внутреннѣйшей его жизни; и потому онъ связаны между собою тѣсно, взаимно поддерживаются и условливаются собою, такъ что въ разлученіи другъ отъ друга легко извращаются и искажаются. Отъ того и Философія, какъ жизненное начало, какъ душа Науки, охраняя

въ жизни человѣческой чувство религіозное и нравственное, чувство всего благородного и прекрасного, еще болѣе сама поддерживается и охраняется ими.

И въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что Философія, какъ скоро она желаетъ быть здравою и полной силъ жизненныхъ, должна быть нравственную и религіозную, должна заключать въ себѣ идеи Доброго, идеи Вѣчнаго и Божественнаго. Уклоняясь отъ этого идеального содержанія, Философія становится пустою, ничтожною игрою понапаѣй, и погибаетъ въ своихъ умозрѣніяхъ, въ этихъ полярно-холодныхъ спирнахъ опьяченного разсудка, въ которыхъ замираетъ и цѣпенѣетъ всякая жизнь чувства и дѣйствія. Но съ другой стороны, *Религія и Нравственность*, безъ связи съ Наукой, легко могутъ попремнѣться. Конечно, Религія и Нравственность происшкующіе не изъ Философіи; благочестіе и добродѣтель переходящіе въ жизнь, не дожидались, пока Наука сообщитъ имъ религіозныя понятия и нравственные законы; никакая Философія, никакое умозрѣніе не могутъ дать человѣку силы благочестія; добродѣтель испекаетъ изъ сердца и воли, живопворимыхъ наимпіемъ Высшей, неземной силы. Но оберегаетъ это драгоцѣнѣйшее достояніе наше отъ прымѣси чуждаго и споронняго, между прочимъ, и мысль разумнаго сознанія — Философія. Она защищаетъ религіозную Вѣру и Нравственность противъ невѣрия и суетвира.

И *Искусство*, какъ Религія и Нравственность, есть одинъ изъ предшавштелей высшей спороны

духа. Искусство и Философія происшепаютъ изъ различнаго исщочника: Философія — изъ идеи испини, а Искусство — изъ идеи Изящнаго; но испина и изящество условливаются другъ другомъ, такъ же точно, какъ Нравственность и Религія, относительно Философіи. Испина, для полноты своей, требуетъ изящества; и только въ эстетическомъ возрѣніи находить свою доконченность философической взглядъ на міръ, пошому что Наука оставляетъ непроходимую бездну между конечнымъ и бесконечнымъ, и только Искусство можетъ непосредственно сочленить бесконечное съ конечнымъ, какъ Изящное: Изящное есть не другое чѣло, какъ ощущительное выраженіе бесконечнаго въ конечномъ. Но за то и изящество только иногда бываетъ испинно изящнымъ, когда содержитъ въ себѣ, или представляетъ собою испину, — не ту испину эмпирической дѣйствительности, надъ которою далеко возвышается Искусство своей свободнопворческою силою, а идеальную испину бытія вѣчнаго. Она должна отпечатливаться во всемъ изящномъ, изъ всего изящнаго должна просвѣчиваться эпоха испина идей. Отъ этого и въ жизни оба эти элемента — Испинное и Изящное, должны проникать себя взаимно и восполняться другъ другомъ. Тогда Философія и Искусство, въ своемъ соединеніи, будутъ указывать человѣку испинную точку зрѣнія на все бытіе земное, и испинный способъ нравственнаго дѣйствованія: Философія, какъ испина, скажетъ ему, что все чувственное, коничное, переходящее не имѣть само по себѣ никакого доспоянства;

Искусство, какъ изящество, напомнишь ему, что все это, само по себѣ незначительное, если однажды проявленіе и покровъ идеи Вѣчнаго; а шѣсть побуждая духъ его спремѣниться превыше всего переходившаго и ничтожнаго жъ этимъ внутреннеѣшимъ идеямъ Вѣчнаго, удержитъ его однажды отъ того мрачнаго взгляда на жизнь, по которому настоящій міръ предстающею только темнинею духа. При сочетаніи Философіи съ Искусствомъ, изящество умлгчить спротоность испытаны, которыя, въ своей исключительности, легко можетъ переходить въ суровость; съ другой стороны, испытана дастъ надлежащій правильный вѣсь шѣсть изящныхъ дѣяній, которыя такъ легко могутъ ограничиваться одною видимостию, безъ внутреннаго духа требованій правильныхъ. Въ шадомъ слушать вся жизнь человѣка предстала бы собой то, чѣмъ быть она должна, выразила бы истиину въ правильныхъ поступкахъ и изящество въ способѣ ихъ выполненія.

Таково влияніе Философіи на всю дѣятельность человѣка, въ ея благороднѣйшемъ направленіи! А если это справедливо, если Философія дѣйствительно есть живописцее начало Наукъ, если она, сколько это возможно для познаній, движетъ практическую жизнію людей въ ея направленіи къ высшимъ цѣлямъ: то какъ отрицать ея высокое практическое доспоянство, какъ отвращаешься отъ нея, или нападаешь на нее, не уиждая собственнаго доспоянства, какъ человѣка, какъ существа правильнаго разумнаго? Не должны ли, напротивъ, всѣ признавашь высокое значеніе

Философії? Не должны ли всѣ безъ исключенія бышь еи поборниками и друзьями? Не должны ли занимашся ею, по возможносши, какъ существен-ною широровою испыткою человѣческаго образованія? Конечно, не всакій человѣкъ въ частносши можетъ заниматься Науками, а тѣмъ болѣе, не каждый можетъ и долженъ посвящать жизнь свою Филосо-фії; но если безъ Философії легко можетъ обходи-шися шопъ, или другой человѣкъ, это, или иное сословіе, то тѣмъ не менѣе она необходима для народа вообще. Что такое народъ въ своемъ общеспіенномъ бышу? какая цѣль существованія Государства? Народъ — это не есть шолпа сущеспівъ, соединенныхъ въ одну массу виѣшнею силою, или страхомъ виѣшнихъ насилий, какъ думали некогда Французскіе Сенсуалисты; общеспіва людей существовали прежде, чѣмъ спали они подвергашся насилиямъ другъ опѣрь друга. Народъ — это не есть сборъ людей, занявшихъ удѣльный лоскутокъ земли для шого только, чтобы сово-купными силами физическими удобнѣе оправдатъ нападенія непріятелей, и попомъ спокойнѣе добыва-вать только хлѣбъ насущный, и удовлетворять другимъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни просплю живопшной. Побужденія виушренней, разум-ной природы, побужденія, заключающіяся въ нашемъ разумѣ, въ нашей волѣ и силѣ чувствованія, хотя въ началѣ и неознаваемыя, влекутъ людей къ общежитію и удерживаютъ ихъ въ общежитіи; для разумныхъ цѣлей живетъ человѣкъ на землѣ: тѣмъ болѣе изъ осуществленія вишихъ же цѣлей образуются Государства подъ Верховною власшю.

Но разумные цѣли, для которыхъ собственно должны жить и подвизаться народы и все человѣчество, заключающиеся въ удовлетвореніи высшимъ потребностямъ нашей разумной, духовной природы, заключающіяся въ осуществлениіи идей, положенныхъ Богомъ во глубинѣ нашего духа, въ осуществлениіи идеи Нравственности и Религіи, идеи Доброго и Святаго, какъ высочайшей потребности для нашей воли, въ осуществлениіи идеи Прекраснаго, какъ требованія нашей силы чувствованія, и идеи Испиннаго, какъ существенной потребности нашего разума; при движеніи къ эпимъ цѣлямъ все прочее въ жизни народовъ должно быть признано только средствомъ. А постепенное осуществление въ человѣчествѣ идеи Испиннаго есть плодъ медленныхъ, пляжихъ усилий здраваго философствованія. Какъ же оказалось народу отъ занятій Философіею, какъ скоро онъ хочетъ спремиться къ осуществленію своихъ испинянныхъ цѣлей?

Напрасно нѣкошорые, ссылаясь на духъ настоящаго, такъ называемаго *положительного* времени, думають, что теперЬ всѣмъ и каждому надобно спремиться единственно къ непосредственному полезному въ жизни, и что пошому легко можно пренебречь Философіею въ системѣ воспитанія народнаго. Чѣмъ значить это *положительное* время, чѣмъ оно собственно требуетъ? Если различныя эпохи въ жизни человѣчества, какъ и человѣка. Первоначально живешь и дѣйствуешь оно инспиративно, силою непосредственнаго чувства: эпоха періодъ младенчества, золотой вѣкъ

человѣчества. За шѣмъ первоначальное чувство уступаетъ мѣсто представлениемъ смысла, который, поражаясь явленіями Природы, но, не постигая существа ихъ, обращается къ силѣ производительного воображенія и подъ вліяніемъ его изворитъ вымыслы и смѣшиаетъ ихъ съ дѣйствительностью: это эпоха человѣчества, начинающаяся героическими временами Исторіи и развивающаяся посреди миѳовъ, самыхъ роскошныхъ вымысловъ и поверхностнаго взгляда на дѣйствительность. За этими временами поэтической жизни человѣчества, пробуждается въ немъ потребность сознательного дѣйствованія и отчепливаго разумѣнія: это и есть такъ называемое *положительное время*; это эпоха спрого-вникающей мысли, опровергающей все целонапіное и неестественное, и. е. все, чему не находишь она причины; это младчество понятія, которое во всемъ доискивается отчепливости, все раздробляетъ, анализируетъ, дабы дойти до послѣднихъ основаній, и разрушенное вновь воспроизвѣтъ съ знаніемъ дѣла, съ разумнымъ убѣженіемъ. Но самовникающее понятіе, мысль, во всемъ доискивающаяся основанія и требующая живой, дѣйствительной испинѣ, а не вымысла, или безотчетной довѣренности принятыхъ мнѣній, — это и есть собственно мышленіе философическое. И такъ настолѣтее, положительное время наше не только не опровергаетъ Философію, а напротивъ, только въ ней и чрезъ нее можно и должно развиваться и осуществлять свои испытанные требования.

И такъ ненапрасно и въ нашемъ любезномъ

Часть XVII.

Отечество, по волѣ Августѣйшаго Монарха, мудрымъ и дѣятельнымъ Правительствомъ вводится Философія въ систему высшаго общественнаго образования; неизрасно и здѣсь, въ этотъ еще новомъ свящилищѣ Наукъ, поставляемая Философія на ряду съ другими высокими занятиями благороднаго и любознательнаго юношества. И въ ией наше Отечество должно искать и находиць осуществленіе одной изъ величественнѣйшихъ идей человѣческой Природы. Оправдано сказавъ, что требованіе осуществленія этой идеи уже пробуждается въ духѣ народа Русскаго. У насъ повсюду начали теперь сознавать высокое требованіе народности, а благоразумное стремленіе къ народности можетъ притти въ исполненіе только подъ однимъ условиемъ—подъ условiemъ народнаго самопознанія; между тѣмъ самопознаніе народа, съ овоей стороны, можетъ осуществляться мало по малу только тогда, когда онъ, обративъ свою мысль на самого себя, не только изучить свою прошедшую жизнь, жизнь своихъ предковъ, какъ историческій фактъ, но и зслѣдуешъ свои собственные, настоящія силы, физическія и психическія, дознаешьъ все богатство ихъ для дѣятельности великой и разнообразной, поймешь свой существенный потребности, выразумѣешь, что можетъ онъ сдѣлать своими силами, и къ чему, по этому, онъ долженъ стремиться и въ будущее время. Но это обращеніе мысли къ своему началу, это испытывающее самовнканіе, какъ въ отдельныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, есть предвѣстникъ появленія Философіи, или лучше

сказать, это есть уже самое философствование. И такъ, если мы хотимъ съ успѣхомъ стремиться къ народности, то мы должны обращать теперь свой силы, между прочимъ, и къ изученію Философіи: иначе мы пожелали бы достигнуть высокой цѣли, отвергая средство самое существенное.

Какова же должна быть Философія народа Русскаго, по своему *направленію* и своему *духу*? Философія есть развиціе и уясненіе движений нашего сознанія; но какъ въ сознаніи нашемъ проявляется три существенныхъ момента: *я*, или духъ познающій, міръ, или *не я*, и причина этого и другого — Богъ: что главнейшихъ направлений въ Философіи должно быть три: систематическое развиціе явленій и законовъ нашего познающаго духа, научное и припомъ опытное развиціе законовъ міра чувственнаго, и наконецъ примиреніе этихъ противоположностей въ высочайшемъ ихъ начальѣ. Первое изъ этихъ направлений господствуетъ въ Германіи; второе развишо во Франціи; но ни то, ни другое не удовлетворить насъ: Философія Русская не можетъ и не должна быть Философіею ни Французскою, ни Германскою. По теоріи можно доказать, что числовыя теоріи идеализма, сами по себѣ, въ своемъ оппортунизмѣ отъ опыта, теряются въ заоблачныхъ созерцаніяхъ, въ пустыхъ построенияхъ; но съ другой стороны, числовые опыты свидѣтельствуютъ, что и опытъ, исключительно практическій вендетъ Философіи, приводитъ къ результатамъ, совершенно ложнымъ; на концѣ пути, на которомъ движется сенсуализмъ, рано

или поздно вспрѣчаютъ неосторожнаго мыслишеля материализъ, фатализъ, атеизмъ. Отъ того въ Германіи лучшіе мыслители начинаютъ чувствовать потребность не только соединенія теоріи съ опытомъ, но и высшаго примиренія ихъ въ верховномъ началѣ всякаго бытія, идеальнаго и реальнаго. Но двухъ различныхъ направлений одной и той же ідеи не выражаетъ, въ равной степени, одинъ и тотъ же народъ: и потому осуществленіе этого трепѣнья, еще ожидаемаго *направлениемъ* новой Философіи должно быть представлено иному народу, — народу великому и сильному, который, полагая краеугольнымъ камнемъ философствованія не опытъ и не умозрѣніе, а Вѣру, съ этой высоты духа могъ бы обнять однимъ взоромъ требованія и опыта и умозрѣнія, и тогда уже воздвигнутъ спройное зданіе мысли, завершенное, какъ свѣтозарнымъ куполомъ, идеей всѣхъ идей — идеей Бога. Какому жъ народу представлень великой удѣль воздвигнутъ это великолѣпное зданіе мысли? Если вѣрию, что нашему Отечеству сужено вѣкогда обобщить частный идеи шестерыхъ народовъ Европы: то несомнѣнныи должно быть и то, что ему же представлено и это объединеніе прошивоположныхъ направлений Философіи, въ ея высшей основе.

Каковъ долженъ быть духъ философствованія въ нашемъ Отечествѣ, угадать не трудно. Философія есть, въ высшей степени, самосознаніе народное; следовательно въ ней долженъ выражаться собственно духъ самого народа; а духъ народа Русскаго кому не язвѣшь? Примѣрное

благочестіе, глубокая преданность Отечеству и Царю—вотъ господствующія черты его характера и духа! Этимъ-то духомъ Философія нашего Отечества должна быть вся проникнута и животворима, потому что только тогда она будетъ достойною великаго народа Русскаго, только тогда она будеть Философіею національною, произведеніемъ и доспояніемъ нашимъ собственнымъ, а не заимственнымъ. И если гдѣ-либо, шо не особенно ли здѣсь, въ этомъ святынищѣ Наукъ, она должна быть запечатлена такимъ характеромъ? Здѣсь поставлена колыбель Философіи на тѣхъ завѣтныхъ для нась берегахъ Борисовна, гдѣ зародилось нѣкогда Отечество наше; здѣсь водружено знамя Любомудрія на тѣхъ Священныхъ горахъ, гдѣ впервые водруженъ былъ Крестъ Христовъ, какъ залогъ имѣвшаго процвѣсти здѣсь Христианства; а у колыбели Отечества, у самаго исходища нашей Святой Вѣры, какъ не развиваться и Любомудрію въ духѣ Вѣры и любви къ Царю и Отечеству?

2.

ОБРАЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ ЛАТИНСКОЙ ЕВРОПЫ.

(Изъ лекцій овъ Исторіи Словесности).

Всѣ языки Югозападной Европы, владѣющіе
теперь споль богатыми лигературными сокрови-
щами, а именно: Испанскій, Испанскій, Порту-
гальскій, Французскій и частію Ааглійскій по
влиянію Французскаго, суть, какъ извѣстно, дѣти
древняго языка Латинскаго, и было время, когда
этия языки, которые теперь богатствомъ произ-
веденій своихъ досѣйно спорятъ съ языками
Древности, представляли одно грубое,варварское
искаженіе своего языка коренного, то же самое,
что представлялъ теперь намъ образованный
Русскій языкъ въ усахъ иностраннныхъ племенъ
Азиатскихъ и Европейскихъ, обитающихъ въ
Россіи и говорящихъ по Русски. Какое поучи-
тельное и любопытное явленіе видимъ мы въ
этихъ нарѣчіяхъ, изумляющихъ насъ теперь неис-
точимъ рудникомъ выражений для всякаго оши-
щника мысли! — Чѣмъ же были они въ началѣ?

грубымъ, безобразнымъ лѣпетомъ варваровъ, по своему говорившихъ на языкѣ Латинскомъ.

Изученіе образованія сихъ языковъ есть занятие любопытное вообще, но особенно полезное и необходимое у насъ въ Отечествѣ, гдѣ всѣ Юго-западные языки процвѣтаютъ болѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ народѣ. ОпѣР Россіи, гдѣ языкознаніе пустило корни въ самое восплипаніе народное, должно бы ожидать изобрѣтенія системы для легчайшаго и прочнѣйшаго обученія языкамъ Европейскимъ. Но для того, чтобы найти ключь къ этой системѣ, необходимо выкупить въ Исторію языковъ Запада, въ ихъ первоначальное образованіе. На такомъ изученіи только можешьъ быть основана Общая Сравнительная Грамматика Европейскихъ языковъ — сочиненіе, вызываемое господствующею у насъ потребностию. Но, къ сожалѣнію, при всемъ эпомъ, Исторія образованія Западныхъ языковъ есть для насъ предметъ совершенно новый, котораго рѣдкіе Ученые въ Россіи касались.

Какъ всѣ Государства Юго-западной Европы основались на развалинахъ Западной Римской Имперіи, которой первоначально были они соспавленными частями, точно такъ же всѣ Юго-западные языки произошли изъ развалинъ одного языка — Латинскаго, который есть ихъ общій и главный корень. Отсюда слѣдуетъ, что Исторія языковъ Западной Европы должна начинаться съ этого времени, какъ Римляне вмѣстѣ съ оружиемъ своимъ распространили по всѣмъ завоеваннымъ областямъ Запада свой языкъ, и пѣмъ привнесли общую

почву, на которой должны были родиться языки новые. Каким же образомъ произошло это?

Въ системѣ завоеванія Римскаго было правило— налагать на покоренные народы не только иго законовъ, но также и языка. Римляне понимали эту сильную связь, которая соединяетъ народы между собою посредствомъ слова. Особымъ закономъ повелѣно было, чтобы Преторы обласѣй всѣ декреты и эдикты свои не иначе обнародовали какъ на языкѣ Лапинскомъ; чтобы просьбы въ Сенатъ сочинялись по Латыни и чтобы судъ надъ покоренными не иначе совершался какъ на этомъ же языкѣ. Не только между варварскими народами, даже въ просвѣщенной Греціи и Азіи, Римляне распространили свой языкъ, по свидѣтельству Валерія Максима, и не иначе принимали оправдѣяния отъ Греціи въ сношенияхъ съ нею, какъ на языкѣ Лапинскомъ. Посланники отъ народовъ покоренныхъ отвергались, если не знали языка Римлянъ. Не только частные лица, но даже цѣлые областї получали право гражданства и политической выгода, если соглашались подчиняться обычаямъ Рима, дисциплинѣ воинской и гражданской, и Римскому языку.

Народы, покоренные Риму, сначала по необходимости узнавали языкъ, уступая насилию, а пошомъ уже спали изучать его, побуждаемые къ тому выгодами и честолюбиемъ. Для просвѣщенной Греціи такая мѣра могла казаться насилиемъ, но для ваварскихъ странъ она была благодѣяніемъ, потому что вмѣстѣ съ языкомъ Римляне разливали и собранное ими со всѣхъ концовъ міра

просвещеніе. Притомъ же и мысль Римскаго Сената была великая: всѣмъ этимъ разнороднымъ племенамъ не льзя было дать иного единства, кроме единства языка. Пліній Напурающій прекрасно выразилъ мысль сюо слѣдующими словами: «Предки наши совокупляли во едино различныя области, укрощаю ихъ нравы, и споль разногласные и грубыя народы соединили союзомъ одного языка, въ томъ намѣреніи, чтобы человѣкъ позналъ человѣческво, и чтобы разрозненная семья народовъ имѣла одну отчизну.»

Римляне славно достигли своей цѣли. Варвары быстро покорялись магнитной силѣ Римскаго образованія. Съ тою же охотою, съ какою варваръ мѣнялъ свой грубый плащъ на славную, почетную Римскую шогу, съ тою же охотою мѣнялъ онъ и грубыя слова свои на звучное слово Римское. Страбонъ говорилъ, что Бетнические Испанцы, во время Римскаго владычества, такъ подчинились нравамъ иноземнымъ, что забыли свое родное на-рѣчіе; что еще при Августѣ большая часть Галліи приняла нравы и языкъ Римлянъ. Даже самый Карѳагенъ, по свидѣтельству Бл. Августинна, бывшаго тамъ проповѣдникомъ, промѣнялъ свой языкъ на Римскій. Августинъ, обращаясь къ народу Карѳагенскому съ одною древнею его пословицей, говорилъ: «такъ какъ вы не вѣ понимаете по Карѳагенски, я вамъ скажу ее по Латыни.» Вскорѣ эти страны, т. е. Испанія, обѣ Галліи и даже Африка, не только приняли языкъ Римскій, но дали Риму мужей знаменитыхъ въ войнѣ, въ Сенатѣ и даже на поприщѣ Словесности. Начиная со

второго вѣка, Римскіе Писатели, по большой части, ведущъ свой родъ изъ варварскихъ областей: Испанія произвела Фамілію Сенекъ, Лукана, Помпонія Мелу, Колумелу, Марціала, Силлія Ішалика; Галлія дала Корнелія Галла, Петронія, Лактанція, Авзонія; Клавдіанъ и Аврелій Немезіанъ родились въ Африкѣ. Самая Исторія Литературы Римской блистательно свидѣтельствуетъ всемірное распространеніе Лапинскаго языка и оправдывающъ слова Плутарха, который говорилъ, что, во время Траяна, почти всѣ смертные говорили по Лапыни.

Перенесеніе столицы изъ Рима въ городъ Фракійскій, въ Византію, предавши Римъ нападенію варваровъ и удаливъ изъ него образованность Двора и мужей государштвенныхъ, могло имѣть весьма вредное вліяніе на языкъ Римскій и особенно на его Западное единство. Но шопъ же самый Константинъ, который перенесеніемъ столицы на Востокъ могъ нанести большой вредъ языку, принялъ Христіанскую Религію и уступилъ мѣсто новой Духовной власти, которая воздвиглась въ Римѣ, и оттуда просперши свое благотворное вліяніе на весь Западъ, распространениемъ Христіанской Религіи содѣйствовала также и къ большему утвержденію единства въ языке Лапинскомъ. Сей послѣдній изъ языка политического сдѣлался языкомъ Церкви, которая повсюду разсыпала своихъ миссіонеровъ для Христіанской проповѣди и обращенія варварскихъ народовъ. Уже не только опредѣленія Препоровъ и Прокон-соловъ возвѣщались по Лапыни, но опредѣленія и

глаголы самого Бога, и учение Христіанское вмѣстъ съ словами сильнѣе врѣзывалось въ проспыхъ сердцахъ дикарей, чѣмъ эдикты Римской власти; а потому, какъ прежде свѣтская власть меча и гражданственности Римской способствовала къ подворенію Латинскаго языка на Западъ, такъ потому Духовная власть Церкви едва ли еще не болѣе содѣйствовала къ утвержденію его единства.

Теперь мы ясно можемъ видѣть, какимъ образомъ Латинскій языкъ сдѣлался общимъ на всемъ Западѣ Европы и какъ уготовилась та почва, на которой должны были произрасти новые языки ея. — Какимъ же образомъ испортился и искалился этотъ языкъ Латинскій?

Первоначальная порча его послѣдовала, разумѣется, еще тогда, когда онъ смѣшался съ нарѣчіями грубыхъ племенъ, которыхъ обищали въ спранахъ, покоренныхъ Римлянами. Говоря о упадкѣ слога въ Поэзіи Римской, я упоминалъ вамъ, что одною изъ причинъ этого упадка было также смѣщеніе языковъ. Многіе солецизмы Латинскіе этой эпохи отсюда ведутъ свое начало. Когда же настали времена смѣшения, беспрестанныхъ варварскихъ набѣговъ и опустошеній, въ то время не могли уже по прежнему процвѣтать публичныя Школы и поддерживать единство изящнаго Латинскаго слова. Къ тому же должно присоединить, что и Начальники Церкви, будучи проникнуты болѣе духомъ Религіи, нежели ученою, пренебрегали правильностію языка. Григорій Великій, жившій въ VI вѣкѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ обнаруживаетъ

великое презрение къ Грамматикѣ и сознается въ томъ; что онъ не избѣгаешьъ варваризмовъ, что онъ не хочетъ наблюдать управлениія предлоговъ и проч., потому что ему кажется недостойнымъ дѣломъ подчинять глаголы небеснаго вѣщанія правиламъ Грамматики Донастата, и по тому, что никакой толкователь Св. Писанія никогда не уважалъ ихъ. Узнавъ, что Дирихъ, Епископъ Віенскій, училъ Грамматикѣ, Григорій Великій, какъ Папа, писалъ ему сильные за то упреки. Безпредѣльная ненависть къ язычеству довела Григорія Великаго до того, что онъ смѣгъ даже все экземпляры Типа-Ливія, какіе только могъ найти. Григорій, Епископъ Турскій, первый Лѣтописецъ Франціи, также говорилъ, что онъ часто замѣстъ женскаго рода ставилъ мужскій, женскій употребляешь за средній, пропускаешь предлоги, замѣняешь винительные падежи лъвторительными и обратно. Такимъ образомъ первые Литераторы того времени, которыми были Духовныя особы, содѣствовали сами порчу Лапинскаго языка: можетъ быть, въ эпоху случаѣ они хотѣли быть попытнѣе для простаго народа, кошораго языкъ еще болѣе быль испорченъ. При Папѣ Захаріи, жившемъ во второй половинѣ VIII вѣка, были уже Священники, которые не умѣли правильнымъ образомъ произнести простой формулы, употребляемой при крещенії.

Такъ портился Лапинскій языкъ; но главною виною его искаженія и преобразованія въ новыя формы были варвары. Прежде чѣмъ измоку мнѣнія Ученыхъ о томъ, какъ совершилось это преобразованіе, я долженъ предложить мнѣніе некошорыхъ

Италіанскихъ Филологовъ, отрицающихъ вліяніе варварское на языкъ Италіанской.

Хотя мнѣніе это касается только происхожденія новаго языка Италіи, но оно связывается вообще съ нашимъ предметомъ. Эти Ученые суть: Леонардо Бруни, Кардиналь Бембо, Чельсо Чиппидили, Квадри и Маффеи. Они отвергаютъ вліяніе варваровъ на языкъ Италіанской и утверждаютъ, что онъ такъ же древенъ, какъ въ Латинской; что въ лучшія времена Римской Словесности; искони существовало въ Римѣ два языка: одинъ изящный Латинскій, который употреблялся Пoэтами, Оранжерами и Учеными, а другой простонародный, который говорила чернь, — и сей-то языкъ, по ихъ мнѣнію, есть корень языка Италіанского. Они основываются на словахъ, вспрѣчающихся въ Комедіяхъ Плавта, которыхъ языкъ, какъ известно, приближается къ языку Римской черни; тѣ же самые слова находятся и въ пеперешнемъ Италіанскомъ языке, какъ напр. *сатиаge* вмѣсто *ретиаge*, *батио* (по Италіански *ballo*) вмѣсто *вербего* или *рекcello*. Такъ на итальянскихъ словахъ основывается цѣлая система, объясняющая происхожденіе языка. Одинъ изъ Ученыхъ, немнушнымъ именемъ, именно Маффеи, думаетъ, что господство этого языка народнаго надъ языками грамматическими и правильными послѣдовало въ то время, когда столица перенесена была изъ Рима въ Византию; чѣмъ искаженіе Латинскаго языка началось еще до нашествія варваровъ и, увеличиваясь постепенно, произвело языкъ совершенно новый, отличный отъ прежняго.

Не лъзя не признать, что искониорыя слова вошли въ Ишталіянскій языкъ изъ дрѣвняго Плебейского языка Ціцаліи и вошли такимъ образомъ, какъ объясняетъ это Маффеи. Но, чтобы весь Ишталіянскій языкъ произошелъ изъ особенного языка Римской черни, пакоре мнѣніе вѣдѣпо. Римская чернь хоти и имѣда нарѣчи грубѣшее, въ концомъ находились многія особенныхъ слова въ выраженія, какія находятся въ языке вслой черни; но ни одинъ Писатель Римской ц. говорищъ, чтобы языкъ народа былъ совершенно иной, чѣмъ языкъ Литтературы. Это мнѣніе Леонардо Бруни и Бембо, разлитое болѣе ученымъ Маффеи, о происхожденіи языка Ишталіянского отъ варѣчія Римской черни, происцеекаєть изъ штого источника, что всѣ эти Ученые смотрѣли на Лапинскій языкъ, какъ на языкъ высокой Литтературы, а на Ишталіянский, какъ на простонародный, и отдавали предпочтеніе первому. Поэтому и производили они Ишталіянский языкъ отъ языка Римской черни, въ смыслѣ унишельномъ, а не пакъ, какъ думаетъ Вильменъ, утверждая, что причина этому была Ишталіянская гордость и желавіе произвести начало отечественнаго языка отъ временъ Цицерона. Исторія Ишталіянской Словесности, содержащая въ себѣ непрерывную борьбу языка Лапидскаго съ Ишталіянскимъ, представицъ намъ это въ самомъ ясномъ свѣщѣ.

Источникъ заблужденія помнущыхъ. Ученыхъ заключался въ томъ, что они смотрѣли на образование своего языка отдельно, а не въ связи съ прочими языками Западной Европы. Только изъ

шагого, общаго воззрѣнія происходеніе каждого изъ нихъ можетъ намъ объясняться. Мурашори, неупомянутый Филологъ Италійскій, собравшій вѣсъ памятники Латинской письменности варварскихъ вѣковъ, по Архивамъ Италіи, для составленія Исторіи смѣчественнаго языка, первый нанесъ ударъ мѣнію, каки приведеному, и утверждалъ чистосредневѣкное содѣйствіе варварскихъ языковъ въ образованіи языка Италійскаго. За Мурашори последовали Апостоло Зено, Фондацина и другие; но всѣхъ основательнѣе изслѣдователь апо дѣло Миланскій Филологъ Графъ Перникари, другъ и родственникъ знаменитаго Монти, человѣкъ глубокомысленный, который много содѣйствовалъ возрожденію Италійскаго языка въ началѣ нынѣшнаго столѣтія и, къ сожалѣнію, былъ похищенъ радио смертю у своего отечества. Перникари положилъ почти полную Исторію Италійскаго языка въ своихъ сочиненіяхъ: *De la difesa di Dante, e degli Scrittori del Trecento.*

Возвратимся же теперь къ нашему вопросу: какимъ образомъ Латинскій языкъ, распространявшійся по всему Западу Европы, былъ преобразованъ варварами? — И здесь образованіе подвержало впоричную побѣду, совершенство обратную предыдущей. Прежде завоевавши образованные, Римляне, положили свой языкъ на грубые народы, имѣющіе; въ послѣдствіи же необразованные, грубые завоевавши принуди языкъ изродить, имѣя побѣжденныхъ, разумѣется, исказиа его по своему. Такимъ образомъ Латинскій языкъ, какъ языки просвѣщенія, насилиемъ вошелъ въ уста варварскія

и вложилъ главную спихю въ новые нарѣчія. Первикори, объясняю это преобразованіе, приводитъ одно явленіе, весьма замѣчательное, которое извлекъ онъ изъ сочиненій, писанныхъ въ тѣхъ первоначальныхъ смыщленіяхъ языковъ новой Европы: онъ нашелъ, "Что всѣ слова", относящіяся къ необходимости военному житію, — по большей части Латинскій; "Слова же", принадлежащія въ дѣлахъ управлений и войны, — большою частию варварскія. Причина тому очевидна: побѣдивший по неволѣ усавалъ ить слова, которыя предписывали ему наслѣдие побѣдителя; побѣдитель же тѣ, которые требовали тужда. Тому хотѣлось ильбо онъ слышать какъ Латинскіе Плебеи говорили: *da mihi iustitiam*. Онъ хотѣль подражать имъ, но какъ варваръ, недоговаривая словъ, опредѣляя ихъ окончанія, говорилъ: *da mihi rap*, и "такимъ образомъ" превращалъ древній Латинскій языкъ въ свой новый. Съ своей стороны, побѣдивший, безпрестанно слышавшій о войнѣ и о всѣхъ ея принадлежностяхъ, невольно перенималъ слова побѣдителя, выражавшія эти предметы. Такимъ образомъ въ Италийской языке и въ другій Западныхъ, съ другими измѣненіями, вошли слѣдующія слова: *guerra* отъ *war*; *wehr*; *arvese* отъ *harnois* (*harnois*), латы; *sprada* шпага; *strale* стрѣла; *attizzare* отъ *shazza* (*mässue*) булава; *aboggamenti* квартиры войска; *schermia* (*schirm*); *scaramuccia* (*escarmouche*) и проч. Такимъ же образомъ вошли имена: *Feudatario*, *Vassallo*, *Barone*, *Maisoalco* (*maréchal*) и иные, выражавшія разныя званія военныхъ Саковниковъ. Съ другой стороны, есть имена,

относящіяся къ Искусствамъ, къ Наукамъ, къ разнымъ удобствамъ жизни, которыя не могли быть известны трубымъ варварамъ, переходили къ нимъ отъ народовъ Римскихъ или Романскихъ. Такимъ образомъ языкъ искажался взаимными усилиями обѣихъ сторонъ — и побѣдителей и побѣженныхъ. Сисмондъ прекрасно объясняетъ измѣненіе или, лучше, смышеніе двухъ языковъ посредствомъ примѣра, который въ новое время совершился на островѣ Сенъ-Доминго, где Французскій языкъ игралъ роль Лапинскаго, Африканскіе языки роль варварскихъ или Тевтонскихъ, а Креольскій, происшкій изъ смѣщенія Французскаго и Африканскаго, роль того новаго языка, который въ вѣкахъ варварства рождался отъ Лапинскаго съ Тевтонскимъ.

Это смѣшеніе языковъ продолжалось въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, начиная съ VI вѣка по XI, пока наконецъ не образовался изъ сего смѣщенія новый языкъ. Письменнымъ же языкомъ продолжалъ быть языкъ Лапинскій. Искаженіе изустное содѣйствовало также и къ искаженію языка на письмѣ. Ренуаръ замѣчаетъ, что акты, принадлежащіе къ Духовному сословію и управлѣнію Церкви, какъ напр. декреты Соборовъ, буллы и грамоты Папъ, сочиненія нѣкоторыхъ Епископовъ, относящіяся къ эпохѣ вѣкамъ варварства и невѣжества, отличаются еще, если не изяществомъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторою правильностью слога. Но напротивъ этого, все акты свѣтской власти, какъ-либо: хартии или дипломы Королей, Графовъ, Феодальныхъ владѣтелей, равно и акты свѣтскихъ

Чиновниковъ VI, VII, VIII, IX и X вѣка, наполнены ошибками. Мурампори въ Архивахъ Италіи отыскалъ контракты Лашинскіе, писанные Ношаріусами въ VIII вѣкѣ, въ которыхъ особенно видно это искаженіе и замѣчательны уже новые обороты. Такая Латынь, необходимая для дальнѣскихъ, болѣе приближалась, разумѣется, къ обыкновенному употребительному языку, чѣмъ языкъ особъ Духовныхъ, болѣе ученый. Высчитаемъ общія признаки искаженія Лашинскаго языка въ эпохѣ сполѣтияхъ. Всѣ гласные перемѣнивались между собою и становились одна вмѣсто другой, напр. *e* вм. *i* (*basileca* вм. *basilica*, *pagina* вм. *paginam*), *i* вм. *e* (*plinius* вм. *plenius*, *recto* вм. *recte*, *quatinus* вм. *quatenus*), *o* вм. *u* (*volumus*, *locrari* вм. *volumus*, *lucrari*), *u* вм. *o* (*aucturalete*, вм. *auctoritate*, *nus* вм. *nos*, *temprege* вм. *tempore*). При этомъ не соблюдалось никакого условнаго правила, никакой аналогіи, а все это было произвольно. Правила Грамматики совершенно нарушились. Формула крещенія, какъ ее произносили при Папѣ Захаріи, можетъ служить обрацемъ такого искаженія: *in nomine de Patria, et Filia, et Spiritua Sancta.* Но и въ памятникахъ письменности то же самое. Предлоги управляли падежами произвольно, какъ напр. *ab hodiernum die*, *ab eundem Salomonem*, *absque praejudicium* и проч. Прилагательные имена и мѣстопонимія почти никогда не согласовались съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ напр. *cum dominibus ei viueis ad se pertinenles; casa qui appellatur* и проч. Подлежащее ставилось очень часто не въ именительномъ па-

дѣжъ: *Ipsas monachas vel eorum abbatе debeat possidere; si aliquas causas adversus istud monasterium ortas fuerint.* Такой же произволъ уничтожалъ управление глаголовъ, именъ, творительный мѣста и времени. Ренуаръ въ своемъ сочиненіи приводитъ безчисленные поому примѣры, взятые имъ изъ актовъ Государственныхъ. Въ нихъ же находится примѣры новыхъ оборотовъ, какіе начинали уже быть вводимы. Такъ напр. для означенія родительного падежа, который не умѣли означать окончаніемъ, употребляли предлогъ *de*, для означенія дательного падежа предлогъ *ad*, а самымъ именамъ существительнымъ давали окончаніе произвольное, какъ напр. *donatio de omnia bona*, *Episcopos de regna nostra, in praesentia de judices*; *donabo ad sociis, praeceptio ad viro illustri data.* Вспрѣчаются также очень часто мѣстоименія: *ille* и *ipse*, въ видѣ члена. Въ этихъ примѣрахъ вы видите уже начало оборотовъ новыхъ языковъ, означеніе падежей посредствомъ предлоговъ. Такъ съ одной стороны, языкъ Лапинскій теряетъ свою грамматическую правильность, разрушаются, съ другой принимаетъ новые обороты.

Если Лапинскій языкъ такъ искашается на письмѣ, то какъ же долженъ онъ быть искашаться въ устахъ народа! Такъ, мало по малу, посредствомъ этого искаженія образовывался языкъ, такъ называемый, сельскій или простонародный Романскій (*lingua Romana rustica seu Latina rustica*), или, какъ онъ еще называется, *lingua vulgaris*. Романскимъ назывался этотъ языкъ потому, что все народы, которые имъ говорили, были издревле

подданными Рима и приняли название Римлянъ, какъ и называются они во всѣхъ испорическихъ свидѣтельствахъ того времени. Даже по настолющему слѣдовало бы называть этотъ языкъ Римскимъ, но въ опличіе отъ настоящаго Римскаго мы называемъ его Романскимъ, такъ какъ и Французы называютъ его *langue romane*, а не *Romaine*. Отъ имени сего-то языка, какъ извѣстно, ведутъ свое начало имя Романтической Поззіи, какъ Поззія тѣхъ народовъ по преимуществу, которые говорили языкомъ Романскимъ.

Сей-то языкъ, по мнѣнію Ренуара, былъ вѣ сколько времени общимъ языкомъ всего Запада Европы. Черезъ него прошли всѣ тѣ языки, которые ведутъ свое начало отъ языка Латинскаго. Ренуаръ изслѣдоваль формы сего Романского языка по памятникамъ, предшествовавшимъ 1000 году, подвѣль ихъ подъ общія грамматическія правила, и изложилъ Исторію этого языка, извлеченную имъ изъ испорическихъ свидѣтельствъ. Руководствуясь его ученымъ сочиненіемъ, я изложу вамъ акратіѣ эту Исторію, и попомъ формы, въ какихъ явился самый языкъ. Въ этихъ формахъ мы окончательно увидимъ то искаженіе, какое принялъ языкъ Латинскій отъ варваровъ.

Начало этого Романского языка Ренуаръ относитъ къ началу Монархіи Французской: ибо съ экихъ самыхъ временъ Писатели начинаютъ различать два языка: Романскій и Щеотійскій, т. е. Тевтонскій. Въ некоторыхъ Лѣтописяхъ, къ концу VI вѣка, находятся вѣрные признаки существованія сего языка въ словахъ солдатъ, приводимыхъ

Льтописцами, какъ напр.: *torna*, *fratre*, *retorna*. — Указъ Албоасема, Короля Мавровъ, царствовавшаго въ Испаніи, писанный по Лапіни въ 734 году, заключаетъ въ себѣ много выраженій, относящихся явно къ языку Романскому. Луитирандъ, писавшій около 950 года, говоря о происшествіяхъ 728 года, свидѣтельствуетъ намъ, что въ Испаніи существовали уже тогда языкъ Валенціи и языкъ Каталанскій, которые въ существѣ своемъ были не что иное, какъ топъ же языкъ Романскій. Во многихъ памятникахъ Исторіи Италіи VIII и IX вѣка вспрѣчаються слова: *cogge*, *avent* (ауант), *ога* (теперь), слова языка Романскаго. Въ жизнеописаніи Св. Адалгарда, Аббата Корбійскаго, который родился около 750 года, сказывають объ немъ, что онъ прекрасно говорилъ на языкѣ проспонародномъ. Въ 960 году, одинъ ученый Италіянецъ, Гонзонъ, пишетъ, что ежедневное употребленіе языка проспонароднаго, приближающагося къ Лапинскому, не мѣшає ему знать правила Грамматики Лапинской: слѣдовательно, вѣдь Романскій языкъ находился уже въ всенародномъ употребленіи. Одна Эпитафія Папы Григорія V, умершаго въ концѣ X вѣка, славицъ его за то, что онъ говорилъ и на языкѣ проспонародномъ (*Usus francisca, vulgari, et voce latina, Institut populos eloquio triplui*).

Изъ всѣхъ эпохъ прямѣровъ, которыхъ привести можно бы было еще болѣе, мы видимъ, что сей языкъ давно существовалъ и скоро вошелъ во всеобщее употребленіе. Когда же онъ сдѣлался общимъ всему Западу Европы и признанъ за языкъ

всенародный? — Ренуаръ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, относитъ это событіе къ вѣку Карла Великаго и полагаетъ, что въ его время языкъ Романскій былъ уже общимъ простонароднымъ языкомъ всего Юга Франціи, части Испаніи и всей Италіи. Ренуаръ приводитъ одинъ, любопытній анекдотъ, который разсказанъ въ жизни Св. Любы, въ актахъ Бенедиктинцевъ. Въ царствование Карла Великаго, одинъ больной Испанецъ путешествовалъ по Святымъ мѣстамъ Франціи, Италіи и Германіи, моля Бога о своемъ излечениіи. Наконецъ пріѣхалъ онъ въ Фульду, городъ Гессенскій, ко гробу Св. Любы, и былъ исцѣленъ. Священникъ Фульдскій разспрашивалъ его о любопытномъ исцѣленіи, и онъ все рассказалъ ему. Какъ же могли они понимать другъ друга? Историкъ, современный происшествію, объясняетъ это тѣмъ, что Священникъ былъ Италіянецъ и понималъ языкъ Испанца (*quoniam lingua eis, eo quod esset Italus, notitiam habebat*). Этотъ анекдотъ есть доказательное свидѣтельство того, что у Италіянцевъ и Испанцевъ былъ въ то время языкъ общей.

Простонародный языкъ пакъ уже началъ господствовать во Франціи во время Карла Великаго, что сей Государь въ 787 году счелъ за нужное призвать изъ Рима Грамматиковъ, чтобы возобновить во Франціи изученіе Латинскаго языка. Наконецъ, въ началѣ IX вѣка, а именно въ 813 году, на Соборахъ, собранныхъ въ Турѣ и Реймсѣ, для возстановленія Духовной дисциплины, закономъ постановлено, чтобы каждый Епископъ имѣлъ у

себя гомиліи или народных поучений о вѣчной на-
градѣ добрымъ и о вѣчной казни ожидающей злыхъ,
о воскресеніи мертвыхъ, о Страшномъ Судѣ и
проч., и чтобы эти поученія переводились или
на простонародный языкъ Романскій или на Тео-
тическій, для всеобщаго уразумѣнія (*ut eadem homilias quisque aperite transferre studeat in rusticas romanaam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur*). Такъ
поставлено было на Соборѣ Гурскомъ. XV спатыя
актовъ Реймскаго Собора повелѣваетъ Епископамъ
проповѣдывать на томъ языкѣ, какой понятенъ
народу. Въ томъ же 813 году, Карль Великій под-
твердилъ это повелѣніе особымъ капишуларіемъ.
Такимъ образомъ, Романскій языкъ былъ уже зако-
нами и Духовными и свѣтскими признанъ за языкъ
народного поученія, и изъ приведенныхъ спатей
Соборовъ мы можемъ заключить, что въ то время
всѧ Имперія Карла Великаго говорила двумя язы-
ками: Романскимъ народнымъ и Нѣмецкимъ.

Наконецъ самый древній памятникъ Ро-
манского языка, какой только дошелъ до насъ,
относится къ 842 году. Это есть торжественная
клятва, которая произнесена были Людовикомъ,
Королемъ Германіи, и Карломъ Лысымъ, Кородемъ
Франціи, и народами ихъ, въ 842 году 13 Марта,
въ Спразбургѣ, въ знакъ ихъ прочнаго мира между
собою, коимъ намѣрены они были прекратить
свои долговременные несогласія. Каждый изъ нихъ
долженъ быть произнесши клятву на языкѣ врага
своего: по этому Людовикъ Германскій и народъ
его ялись на языкѣ Романскомъ. Испорякъ Нап-

тарь, рассказывающей сие событие, приводить и самую кляпту. Языкъ сего памятника, по мнѣнію Ренуара и Графа Перникари, занимаетъ совершенную средину между древнимъ Латинскимъ языккомъ и новыми языками Европы. Остроумный Перникари поставилъ эпопѣ первый памятникъ Романскаго языка между Латинскимъ его переводомъ, такъ какъ бы написали его по Латыни въ пятомъ вѣкѣ, и между Италіянскимъ его переводомъ, въ прозѣ XIII столѣтія, и ученымъ образомъ доказалъ, что языкъ сей есть настоящій переходъ отъ Латинскаго языка къ Италіянскому, совершенная средина между третьимъ и другимъ. Все, что входить въ текстъ Романскій, Перникари напечаталъ въ обоихъ трехъ образцахъ крупными буквами, а всѣ измѣненія какъ Латинскаго, такъ и Италіянскаго образца, напечаталъ мелкими буквами такъ, что если вы прочтете въ обоихъ боковыхъ образцахъ, т. е. Латинскомъ и Италіянскомъ, только то, что напечатано крупными буквами, то выйдеть изъ нихъ одинъ и тотъ же средній текстъ Романскій. Очевидное, математическое доказательство, и верхъ филологического остроумія! Другой еще важнѣйшій памятникъ языка Романскаго, который, по мнѣнію Ренуара, писанъ до 1000 года, т. е. въ X вѣкѣ, есть Поэма въ стихахъ на заключеніе Ёзція, изданная Ренуаромъ вмѣстѣ съ другими памятниками языка Романскаго.

Не смотря на то, что языкъ Романскій, судя по эпопѣ очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ языккомъ народнымъ въ то время,—Латинский языкъ

еще долго продолжалъ быть языкомъ письменнымъ; но что особенно важно, есть даже народные памятники на этомъ языке, а именно двѣ солдатскіи пѣсни, копіорыя Сисмонди приводитъ въ своей Исторіи Южныхъ Литературъ. Одна изъ этихъ пѣсенъ была сочинена въ Италии въ 871 году солдатами Императора Людовига II, копіорые эпюю пѣснью возбуждали другъ друга къ освобожденію своего Государя отъ пѣна, въ коемъ содержалъ его Аделгизъ, Герцогъ Беневентскій. Эта пѣсня писана длинными стихами въ 15 и 16 слоговъ, съ цезурою по срединѣ. Латинскій языкъ этой пѣсни исполненъ грамматическихъ ошибокъ всякаго рода. Другая пѣсня писана гораздо позднѣе, относится къ 924 году и сочинена была для солдатъ Моденскихъ, защищавшихъ стѣны своего города противъ Венгерцевъ. Латинскій языкъ этой пѣсни гораздо правильнѣе чѣмъ предыдущей: видно, что ея Авторъ нѣсколько зналъ древнихъ Писателей. Стихи состоятъ изъ 12 слоговъ и съ цезурою въ срединѣ: всѣ они риѳчуютъ посредствомъ со-звучій, по образцу стиховъ Испанскихъ. Эти народные Латинскіе памятники свидѣтельствуютъ намъ, что Романскій языкъ былъ еще грубъ въ то время и безсильенъ для того, чтобы создать народную пѣснь. Не мудрено, что пѣсни Духовныя и Поэмы этого времени сочинялись на языкѣ Латинскомъ, потому что это былъ языкъ Церкви и Ученыхъ; но если пѣсня солдатская пѣлась по Латыни,—это значитъ, что не было другого языка, на которомъ можно бы было выразить народную пѣсню. Должно замѣтить однакожъ, что эти двѣ

пѣсни суть уже послѣдніе памятники народной Латинской Поэзіи; и къ концу X вѣка даже ученая Поэма о Бозціи написана по Романски: великий шагъ човаго языка, пріуготовившій рожденіе юныхъ Словесностей Юга!

Изложивъ Исторію Романского языка, слѣдуетъ теперь перейти къ формамъ его измѣненій, вошедшихъ въ составъ всѣхъ новыхъ языковъ Западной Европы, отъ него происходящихъ, по мнѣнію Ренуара. Здѣсь Ренуаръ предлагаетъ множество любопытныхъ филологическихъ фактовъ.

Во-первыхъ, весьма замѣчательно образованіе имень существительныхъ. Почти всѣ они безъ исключенія составились отъченіемъ окончанія отъ нѣкоторыхъ падежей, преимущественно винительного. Какъ здѣсь живо видѣть слѣдѣмъ этихъ варваровъ, которые не могли произносить иначе словъ, какъ отскакая ихъ концы, и по свойству Сѣверныхъ языковъ, изобилующихъ согласными, давали словамъ такое же окончаніе на, согласную букву. Такъ напр. множество существительныхъ имень образовалось посредствомъ отскеченія окончанія Винительного падежа на *et*, какъ-то: *abbat*, *accident*, *art*, *infant*, *mont*, *nativitat*, *virtut* и проч. Также всѣ слова въ Романскомъ и Французскомъ языкахъ, кончащіяся на *on*, по порядку Словаря, начиная отъ *abdication* до *vocation*, всѣ составились отскеченіемъ винительного падежа. Я не знаю, почему Ренуаръ принимаетъ винительный падежъ, а не другой, но это все равно, потому что тогда падежи не существовали. Ренуаръ дѣлаєшь это вѣроятно съ цѣллю, чтобы всѣ измѣненія подвести

подъ нѣкоторыя общія формы Грамматики. Иные имена существительные образовались описченіемъ окончанія именительного, какъ напр. *aug-um*, *ban-nus*, *chor-us*, *lup-us*, *thug-us*, *hom-o*, *sac-cus*, *tiv-us*, *odorat-us*, *abus-us*, *ablativ-us*, *accent-us*, *sus-cus*, *fund-us* и проч. Иногда же прибавлялась гласная, когда слово, отъ усъченія, оканчивалось двумя согласными, какъ напр. вм. *arbitrum arbitr-e*, *simulacrum simul-um*, *templum templ-um*. Когда же имя существительное Латинское своимъ окончаніемъ на согласную сообразовалось съ характеромъ Сѣвернаго языка, то оно такъ безъ измѣненія и оставалось, какъ напр. *animal*, *atog*, *valor*, *thugum* и проч. Прилагательные имена составились точно такимъ же образомъ посредствомъ усъченія окончаній: *assidu-us*, *human-us*, *just-us*, *long-us* и проч.

Склоненія были попернны въ новомъ языкѣ, потому что надежи уже не наблюдались. Надобно было однако восстановить оные, ибо безъ нихъ не лзя же было выражать отношений предметовъ между собою. Мы уже видѣли изъ примѣровъ понорченной Латыни VIII и IX вѣка, какъ прибѣгали въ этомъ случаѣ къ предлогу *de* для выраженія родительного падежа и къ предлогу *ad* для выраженія дательного. Но когда не было въ рѣчи этихъ предлоговъ, существительные имена, утратившія свои окончанія, были не узнаваемы. Для того, чтобы узнавать ихъ, прибегнули къ посредству мѣстоименій, изъ которыхъ образовался членъ. Нѣкоторые Ученые еще у древнихъ Писателей Римскихъ находятъ зародышъ такого члена. Вильменъ приводитъ одну фразу Цицерона, а именно: *Romani sales salsiores*

sunt quam illi Atticorum, которую можно было бы, какъ онъ говоритъ, принять за галлицизмъ. Но, что мудренаго! Цицеронъ самъ же предосперега-
етъ современниковъ прошивъ солецизмовъ, кото-
рые даже въ его время, начинали вкрадываться въ
языкъ. Мудрено ли, что онъ какъ-нибудь пропустилъ такой солецизмъ въ своей прозѣ? Виль-
менъ видитъ въ этой фразѣ Цицерона стремленіе
къ новымъ формамъ языка. Но Вильменъ часто на
одной фразѣ строитъ цѣлую систему ученую.
Члена у древнихъ Римлянъ въ языкѣ рѣшиительно
не было: Ренуаръ полагаетъ, что языкъ Готскій
и Франскій, имѣвшіе членъ, содѣствовали къ
образованію члена въ языкѣ Романскомъ, и для
этого-то послужили мѣстоименія Лапинскія: *ille*
и *ipse*. Во всѣхъ памятникахъ исторической Ла-
тыни, начиная съ VI вѣка до X, мы безпрестанно
встрѣчаемъ эти два мѣстоименія *ille* и *ipse*,
употребляемыя вмѣсто члена для означенія суще-
ствительныхъ, напр. *calices argenteos* IV.....
Illc medianus valet solidos xxx.... Et ille quartus
valet solidos XIII (VI в.). *Illi Saxones..... Resol-
vant de illos navigios* (VII в.). *Ipsum monaste-
rium..... vastatum est, et omnes res quas ipsi*
monachi habebant cum ipsis chartis deportata (VII
в.). *Dono praeter illas vineas, quomodo ille rivulus*
curgit.... totum illum clausum и т. д. Примѣровъ
безконечное множества. Изъ этого *ille*, *illa* про-
изошелъ черезъ нѣкоторыя перемѣны членъ въ
языкѣ Романскомъ, а потомъ во всѣхъ языкахъ
Югозападныхъ. Изъ мѣстоименія же *ipse*, *ipsa*,
произошло мѣстоименіе указательное — и произ-

воздшво сдѣлалось посредствомъ опісъченія ір отъ зе и за. Замѣчательно, что Сардинское изрѣчіе, сохранившее въ чистотѣ многія формы первобытнаго Романскаго языка, имѣетъ членомъ зо и за, явно происходящій отъ ipse, ipsa. Романскій членъ il, lo, la, происходящій отъ мѣстоименія ille, illa, сокращеннаго успами варварскими, послужилъ для склоненія именъ существительныхъ съ придачею предлоговъ de и a. Мѣстоименія образовались также черезъ сопращеніе: Jo, jec отъ ego, mi отъ mihi, me изъ me, ti отъ tibi, il отъ ille, el отъ ellum, которое вспрѣчается еще въ Комедіяхъ Плавта и Теречція вмѣсто illum; lui отъ illui, lo отъ illo, ella отъ illa, ella отъ illos, loro (leurs) отъ illorum; este, esto, (Испанское и Романское) отъ iste, ista; qui отъ quid; que, также часто вспрѣчающееся, отъ quem; qual, quel отъ qualis и т. д. Я не могу вамъ въ подробностихъ излагать всѣхъ измѣненныхъ формъ новаго языка, а указываю на вѣкоторыя главныя.

Точно такъ какъ имена существительныя и прилагательныя образовались посредствомъ опісъченія окончаний, — такъ и общая форма глаголовъ въ неокончателномъ наклоненіи составилась посредствомъ опісъченія окончателльной гласной *e*, которую они кончаются по Лапыки, какъ напр. изъ ашаге, тенеге, зубиге произошло ашаг, тенег, зубиг. Здѣсь опять ясно видѣнъ обычай варварскій — опісъкать гласныя. Но главная перемѣна послѣдовала въ общей системѣ спряженій, а именно введеніе глаголовъ вспомогательныхъ. Откуда же явилась эта новая форма? Ренуаръ и за вимъ

Вильменъ видятъ зародыши этого вспомогательного глагола во многихъ изреченияхъ древнихъ Латинскихъ Писателей, а именно: воТЬ фразы Т. Ливія: *Urbeum quam parte captam, parte dirutam habet; еще: praemisit omnem equitatum quem ex omnī provincia coactum habebat. . . . vectigalia rāgo pretio redempta habet. . . . De Caesare satis dictum habeo*, которое въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ Французскому: *j'en ai dit assez sur Cé.аг. . . .* Эти примѣры весьма замѣчательны; они встрѣчаются и въ позднѣйшихъ памятникахъ Латыни уже испорченной. Но все же сіи фразы не показываютъ еще цѣлой системы спряженій, основанной на глаголахъ вспомогательныхъ. Глагола *habere*, какъ вспомогательного, мы въ Грамматикѣ Латинской не находимъ. Здѣсь явно видно влияніе формъ варварскихъ, Готескихъ или Германскихъ, переведенныхъ на языкъ Латинский. Но не льзя отвергнуть того, что Латинскій языкъ, заключая въ себѣ вѣкоторыя подобныя формы, предложилъ ихъ для новой системы спряженій, и что прежде было въ немъ исключеніемъ, то сдѣгалось въ послѣдствіи общею формою. Для Германского *haben* послужило исковерканое изъ *habere* — *aver*, для *'seyn* — *esse*, превращенное въ *esset*, и *stare*, превращенное въ *estar*, которое сохранилось въ Испанскомъ. Должно замѣтить, что Ренуаръ въ этомъ случаѣ слабо допускаетъ влияніе языковъ Сѣверныхъ и хочетъ вывести новую систему спряженія глаголовъ изъ вѣкоторыхъ древнихъ оборонзовъ языка Латинского. Онь говоритьъ, что Сѣверные языки имѣли сверхъ этихъ

глаголовъ вспомогательныхъ еще другіе, какъ то видно въ Англійскомъ и Нѣмецкомъ: *werden*, *mögen*, *können*, *sollen*, *wollen* и такъ далѣе. *Plusieurs considérations permettent de douter que l'exemple de ces langues ait influé directement sur l'emploi des auxiliaires *aver* et *esset* dans l'idiome roman.* Однако онъ не опровергаешь совершенно злого вліянія, а отрицаешь только одно прямое и исключительное вліяніе. Чѣмъ касается до частицы *que*, связывающей глаголы между собою и замѣняющей неопределенную Латинскую рѣчь,—онъ находишь это путь оборотъ у Готтесовъ и Франковъ, но находишь его также и въ нѣкоторыхъ оборотахъ Лапинскихъ. Всѣ предлоги, нарѣчія и союзы Романского языка суть, въ корѣ своемъ, предлоги, нарѣчія и союзы Лапинскіе, искаженные варварами и иногда измѣнившіе свое значеніе.

Изъ этого общаго обозрѣнія мы можемъ нѣсколько видѣть, какъ образовался языкъ Романскій или простонародный Римскій изъ Лапинскаго смыслинаго съ варварскимъ, или лучше, искаженнаго варварами. Сей-то языкъ, по мнѣнію Ренуара и Перникари, въ продолженіе нѣкотораго времени, а именно отъ Карла Великаго до XI вѣка, былъ общимъ языкомъ всего Запада Европы. Всѣ языки, происходящіе отъ Латинскаго, а именно Италійскій, Французскій, Испанскій, прошли такъ сказать черезъ этотъ языкъ, и потому-то гораздо болѣе имѣютъ сродства съ нимъ, чѣмъ между собою. Языкъ же, который всѣхъ болѣе къ нему приближается, есть языкъ Провансальскій, и остатки этого первоначального Ново-Европей-

скаго Романского языка находятся еще и теперь, по свидетельству Ренуара, на всемъ Югѣ Франціи, въ языкѣ простаго народа, на островахъ Балеарскихъ; а Перпікари находятъ развалины онаго во всѣхъ проспонародныхъ нарѣчіяхъ, которыхъ и теперь еще слышны въ разныхъ часахъ Италіи.

Вильменъ опровергаетъ мнѣніе Ренуара, чтобы сей Романскій языкъ былъ когда-нибудь общимъ всему Западу и Югу Европы, гдѣ только распространился языкъ Латинскій, и чтобы все языки Ново-Европейскіе, происходящіе отъ Латинскаго, прошли черезъ него. Онъ представляетъ шому несолько опроверженій, которыхъ мы высчитаемъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что это измѣненіе Латинскаго языка варварами не могло во всѣхъ странахъ совершаться однообразно, по одни и шесть же правиламъ Грамматики, подъ которыми Ренуаръ подвелъ формы языка Романскаго. Случай не можетъ быть вездѣ однообразенъ: однообразіе предполагаетъ Науку, условные законы. Напр. одно и то же слово *Domibus* въ разныхъ мѣстахъ измѣняется различно: будетъ и *Domice*, и *Dom*, и *Dou*, и *Ducop*, какъ случится; но чтобы во всѣхъ мѣстахъ разные народы исковеркали его одинаково — это быть не можетъ. Отъ общаго опроверженія а priori Вильменъ переходитъ къ самому частному доказательству. Онъ говоритъ: если все существующіе языки Латинской Европы перешли черезъ Романскій, и Романскій языкъ есть посредствующій между сими языками и Латинскимъ языкамъ: то они должны бы во всѣхъ своихъ формахъ и словахъ быть ближе къ Роман-

скому, чѣмъ къ Лапинскому. Вильменъ приводилъ прямѣръ противнаго, въ Италіянскомъ глаголѣ *tenege*. Прошедшее не совершенное по Италіянски будеТЬ *teneva*, по Романски *tentia*: *teneva* не ближе ли къ Лапинскому *tenebat*, чѣмъ *tentia*? «Слѣдова-щельно какимъ же образомъ»—говоритъ Вильменъ—«можно предполагать, чтобы *teneva*, дабы произойти отъ *tenebant*, перешло черезъ *tentia*?» Доказа-щельство остроумно, но одно слово чѣмъ же значить? Однимъ словомъ можно ли опровергнуть цѣлую систему? Да и какъ же въ такомъ букваль-номъ смыслѣ принимашь слова Ренуара, чтобы всѣ слова Испанского, Португальского, Француз-ского и Италіянского языковъ, всѣ слова до ма-лѣйшаго, перешли чрезъ слова языка Романского? Напр. это слово *tentia* по Испански будеТЬ точно такъ же какъ по Романски. Испанскій языкъ въ этомъ случаѣ оправдываетъ Ренуара, а Италіян-ской нѣтъ. Изъ такого частнаго прямѣра можно ли что-нибудь заключить? И что же значить одно слово противъ того философического срав-ненія, которое сдѣлалъ Перникари, сличивъ первыи памятникъ Романского языка съ Латынию V вѣка и съ Италіянскимъ языкомъ XIII столѣтія и доказавъ переходъ?

И такъ, частное опроверженіе Вильмена, взятое отъ прямѣра, ни къ чему не можетъ вести; не общее его опроверженіе, взятое имъ a priori, не льзя не принять въ уваженіе. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Лапинскій языкъ, входя въ усту разноплеменныхъ варваровъ, и еще до ихъ наше-ствія едавъ ли не представлявшій уже нѣкоторыхъ

различій мѣстныхъ, въ разныхъ спрахахъ, какъ то въ Испаніи, на Югѣ Франціи, по всей Италіи, измѣнялся всюду одинаково, по однообразнымъ формамъ одной Всеобщей Грамматики, какъ будто бы все варвары въ одно время на то согласились? Такое предположеніе было бы нелѣчно. И я недумаю, чтобы такъ разумѣлъ это неупомянутый изслѣдователь Романского языка, Ренуаръ. Конечно, онъ, какъ Философъ, можетъ быть слишкомъ увлекся сприменениемъ своей Науки, и желая подвести подъ слишкомъ общія формы все эти измѣненія, впалъ въ нѣкоторую крайность. Но такое спримененіе въ ученомъ Филологѣ весьма повсипно и проспишельно. Не будемъ же однако привлазываться къ его словамъ и принимать ихъ въ буквальномъ смыслѣ съ пѣмъ намѣреніемъ, чтобы привести ихъ *ad absurdum*.

Есть много доказательствъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ то Итальянское слово *teatre*, на коемъ утвердился Вильменъ, изъ которыхъ видно, что былъ уже въ то время такой языкъ, съ которыми все новые языки, опись Лапинскаго происходящіе, гораздо сходнѣе, чѣмъ между собою. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣлѣ, Испанецъ, вылечившійся у гробницы Св. Любы, могъ разговаривать съ Итальянскимъ Священникомъ и понимать его? Вильменъ говоришъ, что и теперь Итальянецъ пойметъ Испанца. Можещь быть, въ нѣсколькихъ словахъ, но цѣлаго разговора они *весли* не могущь. Конечно, мы не можемъ знать, долго ли разговаривали они между собою; но замѣчаніе Альпописца, который прибавляешьъ, что они могли понимать

другъ друга, потому что одинъ быль Испанецъ, а другой Италінецъ, имѣеть важную силу. Теперь не льзя бы было привести однако такого замѣчанія. При другихъ доказательствахъ этотъ анекдотъ очень важенъ.

Возьмите первый памятникъ этого Романско-го языка — клятву, говоренную Людовикомъ Германскимъ и его народомъ — разберите это памятникъ по одному слову: какихъ словъ вы не найдете здесь? Вы найдете еще слова чисто Латинскіе: *vincent*, *jurat*, *conservat*, *nulla*, *in damno sit*; вы найдете слова и ново-и древне-Италіянскія: *altresi*, *cosa*, *salvarai*, *fradre* почти *fratre*, *cadhuna* (*cadauna*); вы найдете слова Испанскія: самое слово *cadauna* есть Испанское, такъ какъ и древне-Италіянское; опять *pueblo* въ Испанскомъ происходятъ *poblar*, *poblazo*, *poblacho*; *savir*, *podir* близко къ Испанскому *saber* и *poder*; есть слова древне-Французскія: *salvament*, *sagacement*, *prindrai*, *plaid*; есть слова ново-Французскія: *en avant*, *sou*, *nul*; Провансальскихъ словъ больше чѣмъ другихъ. И такъ въ этомъ небольшомъ опрывкѣ, не видите ли вы въ самомъ дѣлѣ смышенія всѣхъ новыхъ народнїй Латинской Европы, какого-то хаоса, гдѣ всѣ они являются въ зародышѣ, — и съ пѣмъ вмѣстѣ никакихъ формъ, постоянно утвержденныхъ, никакого языка, уже образовавшагося? Однимъ словомъ, этотъ языкъ не даетъ ли намъ вѣкоторое понятие о томъ языкѣ Вавилонского столпопворенія, въ которомъ были смѣшаны языки всѣхъ народовъ, въ которомъ заключался зародышъ каждого изъ нихъ, но ни

одного еще изъ нихъ не было въ настолищемъ видѣ?

Памятники всѣхъ языковъ Лапинской Европы, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе приближаюпія къ эпому языку Романскому. Провансальское нарѣчіе, ранѣе всѣхъ образовавшееся, есть самое къ нему близайшее. Замѣчательно, что Ренуаръ, подводя эпопѣ языкъ подъ формы грамматической, держался болѣе формъ Провансальской Грамматики. Першакари, столь глубоко и окончательно изучивши древніе памятники Испанійской Поэзіи въ сравненіи съ памятниками Провансальской, замѣчаешьъ, что произведенія сей послѣдней, чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе подходятъ къ Испанійскому языку, и напротивъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе отъ него удаляются. Еще Данпъ говорилъ, что Испанійскій, Провансальскій и Испанскій языки суть три нарѣчія одного и того же языка. Изъ Исторіи Испанійской Поэзіи намъ известно, что всѣ первые Поэты Испаніи, особливо Сѣверной, писали на Провансальскомъ языкѣ; что при дворѣ Эстровъ, при фамиліи Аццо, Поэзія Провансальская находила особенное покровительство. До самыхъ временъ Данпта, Провансальская Поэзія процвѣтала въ Испаніи, и Данпъ въ своей Поэмѣ влагаетъ Провансальскіе стихи въ уста одному Поэту, котораго выводитъ онъ въ числиющіе. Изъ всего этого не слѣдуетъ ли заключить, что было время, когда языкъ Испанійской былъ весьма близокъ къ Романскому и составлялъ съ нимъ почти одно? Першакари находитъ, что теперешнее Римское нарѣчіе есть древнѣе варѣчіе Провансальское.

Италіянскій языкъ, какъ извѣстно, позднѣе образовалъ свои музыкальныя окончанія на гласныя. Извѣстно, что онъ въ эпохѣ слuchaѣ послѣдовалъ вліянію Сицилійскаго нарѣчія: ибо въ Сициліи собственно началась Италіянская Поэзія, и окончанія на гласныя называются окончаніями Сицилійскими. Стало-быть, древній Италіянскій языкъ не имѣлъ эпихъ окончаній музыкальныхъ, а въ немъ господствовали окончанія на согласные. Таковъ именно характеръ Романскаго языка, какъ мы это видѣли: волгъ еще новое и сильное доказательство тому, что древне-Италіянскій языкъ приближался къ Романскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ на Сѣверѣ Италіи, въ нарѣчіяхъ Венеціанскомъ и Ломбардскомъ, слова кончаются на согласные.

Изъ эпихъ доказательствъ ясно, что Италіянскій языкъ въ своемъ источникеѣ былъ одно и то же, что языкъ Романскій. Это можно утверждительно сказать и объ Испанскомъ языкѣ, который Кашалонское нарѣчіе, самое древнѣйшее, первоначально служившее Поэзіей Испанской, есть почти совершенно то же, что и Провансальское.

Чѣмъ болѣе вы будете узнавать Французскій, Испанскій, Италіянскій языки, въ ихъ древнѣйшихъ памятникахъ и въ ихъ разнообразнѣйшихъ нарѣчіяхъ, тѣмъ доступнѣе будетъ для васъ языкъ Прованса и языкъ Романскій. Не мудрено, потому что въ немъ вспрѣчаесте вы по Италіянскому слову, то Испанское. Если же вникнете во всѣ простонародныя нарѣчія, которыхъ теперь еще живы въ разныхъ областяхъ Испаніи, Италіи, и

особенно Южной Франции, что может совершенно воскресить эпопею загадочный Романский язык, который говорила Западноюжная Европа Средних вековъ, Европа Карла Великаго.

И такъ, къ какому же заключенію мы должны прийти послѣ всѣхъ нашихъ изслѣдований? Къ тому во 1-хъ, что всѣ языки, происходящіе отъ Лапинскаго, вѣкогда были гораздо ближе между собою, потому что они были ближе къ единому и общему ихъ источнику, т. е. къ языку Лапинскому; что, удаляясь отъ него болѣе и болѣе и образуясь самосостоятельно, эти языки постепенно теряли свое сходство между собою и сдѣлались другъ другу непонятны. Языки, какъ воды, говорилъ извѣстный Иштванскій Филологъ Ланцъ: чѣмъ болѣе отдалаются они отъ своего источника, темъ болѣе измѣняются. Во 2-хъ, былъ въ древности, во времена Карла Великаго, языкъ называемый проспионародный Романскій языкъ, который предшевствовалъ первоначальное искаженіе Лапинскаго языка варварами и былъ безобразнымъ смѣшеніемъ или хаосомъ всѣхъ языковъ Лапинской Европы, хаосомъ, въ коемъ всѣ народы имѣли свой зародышъ. Неправильность и произвольность этого искаженія въ разныхъ странахъ была причиной того, что народы понимали другъ друга, хотя всакій искажалъ языкъ по своему; но такъ какъ они искажали одинъ и тотъ же коренной языкъ, следовательно могло понимать другъ друга. Въ послѣдствіи эти искаженія привели уже формы болѣе правильные и мѣстные, и переспали быть понятны. Предшевшее себѣ: если бы Французъ,

Нѣмецъ, Испанецъ, Англичанинъ спали говорить по Руски: всякий искажалъ бы Русскій языкъ по своему; но всѣ они понимали бы другъ друга. Весьма замѣчательно, что теперь въ Испаніи промышленники, а особенно извоѣники, перѣезжающіе изъ Франціи въ Испанію и Германію, составляютъ себѣ какой-то особенный языкъ, какую-то безобразную, неправильную смѣсь, посредствомъ коей однако они даютъ себѣ разумѣть народамъ тѣхъ странъ, черезъ которыхъ проѣзжаютъ. Языки Европы Среднихъ вѣковъ былъ не лучше этого. Хотя всѣ измѣненія Романскаго языка были неправильны, безобразны, и невозможно ихъ подвесити подъ самыя положительныя формы Грамматики, какъ это хотѣлъ сдѣлать Ренуаръ; однако по какому-то инстинкту ума человѣческаго, который не можетъ дѣйствовать безъ единства, который утвержденья самимъ Творцемъ на началѣ согласія, даже и въ эпохѣ хаостическомъ языкъ существуешьъ нѣсколько общихъ правилъ, которыхъ послужили особенно къ образованію Ировансальскаго языка, имѣющаго уже полную свою Грамматику. Вотъ почему сія послѣдняя, какъ ближайшая къ первоначальному, коренному языку Латинской Европы, необходима для совершеннаго изученія языковъ Югозападныхъ, и многое, что является намъ въ ихъ Грамматикахъ исключениемъ, въ ней подведено подъ общее правило. Время, когда языки хаостическій господствовали во всей Юго-западной Латинской Европѣ, есть время Карла Великаго, когда всѣ эти народы были въ большомъ движеніи между собою, когда самый Государь под-

держивалъ безпрерывныя сообщенія между Испаніею и Южною Франціею. Можно сказать, что какъ Имперія Карла Великаго подъ формою наружнаго единства представляла уже разрозненность феодальную, такъ и въ языкѣ эпохѣ Лапинской Европы, подъ формою наружнаго единства, уже начинали зарождаться безчисленно-разнообразныя народы, происходившія отъ одного и того же корня, изъ коихъ иныя уже заключали въ себѣ съмь новыхъ Европейскихъ языковъ.

Здѣсь вспрѣчаемъ мы невольно явленіе замѣчательное и находимъ чудное согласіе между Исторіею словеснаго міра и Исторіею политическаго бытца народа. Сей часъ упоминаль я вамъ объ этомъ дивномъ согласіи, которое господствуетъ въ такой рознообразной и по видимому произвольной стихіи, каковъ языкъ человѣческій, которое поддерживаетъ условные законы этого языка на разныхъ концахъ міра, на льдистомъ Сѣверѣ и на знойномъ Поднѣ. Такова сила мысли человѣческой, все приводящей въ гармонію! Такое же согласіе господствуетъ и во всей Исторіи человѣка, во всѣхъ явленіяхъ его жизни безъ исключенія; въ ней одно отвѣчаетъ другому.

Характеръ древняго міра, котораго главнымъ и послѣднимъ представителемъ былъ для насъ Римъ, заключался въ стремлениіи къ единству. Въ самомъ началѣ Рима, возьмите вы эпоху Римлянъ: все они сливаются въ единый характеръ; идея общества поглощаетъ, такъ сказать, въ себѣ все частные лица. Люди исчезаютъ въ гражданахъ Римскихъ. Далѣе, система завоеванія Римскаго все

основана была на началѣ уподобленія себѣ другихъ народовъ. Римъ, завоевывая страны Европы, Азіи и Африки, все усвоивалъ себѣ, все приводилъ къ одному знаменателю. Вы видите единство управления, единство Религіи, единство обычаевъ и наконецъ единство въ языкахъ. Все, что подвластно было Риму, все должно было имѣть единый языкъ. Чѣмъ же кончилъ древній міръ? Единымъ всемірнымъ Римомъ и единымъ Римскимъ языкомъ. Вопръ, чѣо видимъ мы въ заключеніе древней Испорії.

Характеръ новаго міра совершенно противоположенъ древнему. Тамъ единство, — здѣсь безконечное разнообразіе. Тамъ всепоглощающая идея общественности, — здѣсь необузданная независимость Германскага. Тамъ единая Римская Имперія, все совокупляющая въ себѣ, — здѣсь Германскій феодализмъ, все раздѣляющій. Тамъ однообразныя муниципія, города, по одной мѣркѣ устроенные, однимъ управлениемъ руководимые, — здѣсь неприступные замки феодаловъ и ненависть къ городамъ. Тамъ одна Римская краска на всѣхъ племенахъ, даже варварскихъ, убивающая всякую пестроту, всякую частность, — здѣсь безчисленное разнообразіе племенъ, и всякое изъ нихъ самоспояльно развивается. Наконецъ, тамъ одинъ Римскій языкъ, — здѣсь многіе языки одного и того же корня и штма разнообразныхъ нарѣчій.

Имперія Карла Великаго была послѣднимъ усиленіемъ великаго Генія — дать единство всей южной Западной Европѣ, которая приготовилась уже къ своему феодальному, разрозненному бытію. Своими войнами съ Саксонцами и съ племенами Славян-

скими, Карль Великий, первый, положил конецъ папивѣковому попопу народовъ дикихъ и, утверждая плопину, у Пиренеевъ пропливъ Мавровъ, на Востокъ противъ Славянъ, установилъ границы: какъ быть теперешней Германской Европѣ. Великий спроишель первоначального хаоса долженъ былъ своими мощными руками охватить всѣ предѣлы Европы, провести мечемъ волшебную черту и сказатъ народамъ дикимъ, которые все приливали къ Западу: не далѣе! Оградивъ извѣ, надобно было устроить единство и внутри. Карль схватился за корону древней Римской Имперіи, и она засіяла на головѣ его, въ послѣдній разъ, отвсюду видимымъ свѣтомъ, всѣ связующимъ магическою силою власти. Мечемъ своимъ онъ смѣпалъ на живую пѣпку всю ѿту разносчикійную Европу Средняго вѣка, уже заключавшую въ себѣ начала феодализма. Карла не спало, не спало и великой его Имперіи. Она расшилась на безконечное множество клочковъ, изъ которыхъ долго еще не могли образоваться Государства, единые, сильныя, самобытныя.

Что видимъ въ политической жизни народовъ Европы ѿтого времени, то же самое находимъ въ мірѣ словесномъ. При Карль Великомъ по всему Югозападу Латинской Европы господствуетъ какой-то смѣшанный, искаженный Латинскій языкъ, споль же безобразный, споль же нестройный, споль же чуждый всякой организаціи, какъ и Имперія Карла Великаго, — языкъ, заключавшій въ себѣ уже начало безконечныхъ мѣстныхъ измѣненій, безчисленныхъ нарѣчій, равно какъ и Имперія

Кардова заключала въ себѣ зародыши безчисленнаго множества феодальныхъ областей. По смерти Карла, какъ только Европа образовалась феодально, такъ и эпопѣ языкъ, мнимо единый, сталъ распадаться на самостоятельный нарѣчія, которые чѣмъ болѣе удалялись другъ отъ друга, тѣмъ болѣе становились между собою непонятны. Не только въ обширныхъ областяхъ, даже въ городкахъ и мѣстечкахъ составлялись особенные нарѣчія. Феодальная жизнь, разъединившая народы, способствовала этому. До сихъ поръ Испанія, носящая на себѣ живые признаки феодализма, изобилуетъ безчисленнымъ множествомъ нарѣчій по городамъ и мѣстечкамъ. Ни одна страна, кроме Германіи, не можетъ поспорить съ нею въ эпомъ отношеніи: ибо Испанія въ особенностіи всегда была чужда единства и представляла крайнюю степень раздѣленія. Въ одномъ и томъ же городѣ возникали два разныхъ нарѣчія, потому что и города дѣлились на нарѣчи. Такое феодальное устройство жизни политической народовъ, разрознивая ихъ между собою, вводило феодализмъ и въ словесный міръ, и долго служило препятствиемъ къ образованію единообразныхъ и самобытныхъ языковъ, которые поглотили бы въ себѣ нѣсколько вполнѣ разнообразныхъ нарѣчія и дали бы имъ хотя насильственное единство.

Наконецъ изъ феодальныхъ, дробныхъ частей Европы начинаютъ сосредоточиваться отдельные, самобытные Государства и расширять власть свою: по мѣрѣ того, какъ эта власть распространяется и смыкается части въ одно цѣлое, —

нарѣчія городковъ и мѣстечекъ сливаются также въ одинъ общій языкъ. Такія счастливыя обстоятельства сосредоточенія государственной власти и съ пѣмъ вмѣстѣ распространенія жизни общественной, способствовали раннѣйшему образованію Провансальскаго языка на Югѣ Франціи. Южная Франція, бывъ долгое время удѣломъ нѣкоторыхъ наследниковъ Карла Великаго, въ 879 году была возвыщена на степень независимаго Королевства Бозономъ, который короновался въ городѣ Мантье подъ именемъ Короля Арльскаго или Провансскаго, и покорилъ своему владычеству Провансъ, Дофиній, Савою, Ліонскую область и нѣсколько Бургундскихъ Графствъ. При Бозонѣ, какъ видимъ мы, сосредоточивается власть отъ 877 до 887 года; при немъ начинается образованіе Провансальскаго языка, а при наследникахъ его, въ X вѣкѣ, создается уже и процвѣташъ Поэзія, особенно въ то время, когда Провансальцы соединяются съ Каталонцами посредствомъ супружества дочери Жилиберта, послѣдняго изъ рода Бозоновъ, съ Раймондомъ Беранжеромъ, Графомъ Барселоны.

Междудишина пѣмъ на Сѣверѣ Франціи, за Ліарой, образуетъ новое Государство, и съ пѣмъ вмѣстѣ новый языкъ Романо-Валлонскій, отъ имени Валлоновъ или Вельшей, которое Германскія племена давали жителямъ Сѣверной Франціи. Думаютъ, что это есть испорченное имя Галловъ (*Galli*); ибо буква Г переходитъ иногда въ В, какъ это мы видимъ въ имени Гильомъ и Вильгельмъ. Долго Сѣверъ Франціи не имѣлъ единства политическаго: наконецъ въ X вѣкѣ, одна изъ его

прозинцій принимаетъ въ свои кѣдра новый народъ, Норманновъ, которые подъ предводительствомъ Ролло или Рауля Дацкаго завоевываютъ ее и дають ей имя Нормандіи. Языкъ новыхъ пришельцевъ сливаєтъ съ прежнимъ языкомъ Романо-Валлонскимъ, и еще болѣе отдалаетъ его отъ Провансальскаго. Дѣятельный духъ Норманновъ скоро сосредоточиваетъ власть. Нормандія въ 912 году образуетъ Герцогствомъ при славномъ Ролло: новый языкъ болѣе и болѣе утверждается; черезъ полтора вѣка, при Вильгельмѣ Завоевателѣ, онъ занимаетъ не только Сѣверъ Франціи, но даже вводится и въ Англіи, и тамъ вытесняетъ языкъ ошечествленный. Скоро образуетъ онъ и свою Литературу, обильную произведеніями.

Такимъ образомъ во Франціи, на Югѣ и на Сѣверѣ, образуются два языка около двухъ сильныхъ Дворовъ — языкъ Романо-Провансскій, совершенно исчезнувшій изъ областей Литературы и оставшійся въ устахъ черпи тѣхъ мѣстъ, где онъ никогда процвѣталъ, и языкъ Романо-Валлонскій, родоначальникъ настоящаго языка Французскаго. Оба они известны были въ Среднія времена подъ именемъ *Langue-d'oc* и *Langue d'oïi* или *Langue d'oïl*, по звуку утвердительной частицы *да*. Здѣсь ксплати замѣчу, что и языкъ Италіянскій, по звуку той же частицы, въ Среднія времена назывался языкомъ *si* (*Langue de si*), почему Данте именуетъ Италію: *il bel paese dove si suona*; а Нѣмецкій языкъ носилъ название *langue de ya*.

Испанскій языкъ образовался въ видѣ трехъ

главныхъ нарѣчій. Древнѣйшее изъ нихъ есть Капталонское или Лимузинское, которое есть почти одно и то же, что языкъ Провансальскій, и съ нимъ вмѣстѣ приближается къ языку Романскому. На Капталонскомъ или Провансальскомъ нарѣчіи писали всѣ первые Поэты Испаніи, такъ что Исторія Поэзіи Испанской сливается съ Исторіею Поэзіи Прованса: точно то же явленіе, какое находимъ и въ Италіи. Капталонское нарѣчіе было языкомъ литературы при томъ же Раймондѣ Веранджерѣ, который соединилъ Капталонцевъ съ Провансальцами. Оно господствовало по всему Арагону, вдоль Средиземного моря, отъ Пиренеевъ до Королевства Мурціи.— Другое нарѣчіе Испанское, которое въ послѣдствіи, побѣдивъ Капталонское, образовалось настоящимъ языкомъ Литературы Испанской, было нарѣчіе Каспильское. Оно находилось въ центрѣ Испаніи и имъ говорили отъ Пиренеевъ до Королевства Гренады. Санчіо III, Король Наваррскій, умершій въ 1034 году, соединилъ всю Христіанскую Испанію въ одно цѣлое. При немъ-то родился знаменитый Родриго Ланпесъ, прозванный Сидомъ. По смерти Санчіо III, Королевство Каспильское доспалось сыну его Фердинанду, при которомъ Сидъ прославился своими подвигами надъ Маврами. Ко времени сего-што Фердинанда, т. е. къ XI вѣку, должно отнести образованіе нарѣчія Каспилланскаго, котораго первые памятники суть пѣсни о Сидѣ, Героѣ эпохи. Но не прежде конца XV вѣка это нарѣчіе становится общимъ литературымъ языкомъ Испаніи.

Наконецъ яречье, образовавшееся въ Испаніи, было нарѣчіе Галлиціі, или Gallego, проспиравшееся отъ Галлиціи до Королевства Алгавры: отъ него-то Португальскій языкъ принялъ свое начало. Образованіе сего языка должно описеши къ началу XII вѣка, а именно къ тому времени, когда Генрихъ Бургунскій, женившись на дочери Короля Кастиліи, получалъ отъ него въ даръ Португальское Графство. Но еще болѣе утвердился этотъ языкъ при Альфонсѣ, который своими завоеваніями распроспиранилъ Графство въ Королевство и наименовался первымъ Королемъ Португалии. Вмѣстѣ съ Монархіей, еще при Генрихѣ, возникла и Поэзія Португалии.

Испаніянскій языкъ образовался позднѣе всѣхъ своихъ братьевъ, происходящихъ вмѣстѣ съ ними отъ одного отца. Причина тому двоякая. Во-первыхъ, Испалія долго чужда была всякаго единства, а безъ жизни политической и общественной не могъ изъ мелкихъ нарѣчій создаться единый літературный языкъ. Во-вторыхъ, Испалія, болѣе нежели какая-либо страна Западной Европы, включала въ себѣ множества различныхъ нарѣчій: почему причиной были праливы народовъ варварскихъ, одни за другимъ вспоргавшихся въ Испалію. Въ Галліи было только три народа: Вестготы, Бургунды и Франки. Въ Испаліи, послѣ первыхъ вторженій Готіевъ, Гунновъ, Геруловъ, Вандаловъ, послѣдовали Ломбарды, Франки, Венгерцы, Сарацины, Германцы. Языкъ Прованса усиѣль уже дойти до своего совершенства; языкъ Валлонской на Сѣверѣ Франціи имѣлъ также Словесность; Испалія

и Португалия произвели уже несколько языковъ, прежде чмъ Испанскій языкъ явился языкомъ литературнымъ. Въ Сициліи, при двухъ Рогерахъ и двухъ Вильгельмахъ, сосредоточилась вдастъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образовался языкъ, въ первой половинѣ XII вѣка. При Дворѣ Палермскомъ раздались первые звуки Поэповъ Италіи. Сицилійское нарѣчіе наслѣдовало отъ древней Греціи особенную музыку языка: оно оканчивало всѣ слова на гласный, тогда какъ въ другихъ областяхъ Италіи господствовали на концѣ согласный; и такъ Сицилія придала гласные грубымъ согласнымъ древняго Романскаго языка, господствовавшаго до тѣхъ поръ въ Италіи. Переводчики приводятъ стихи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Поэповъ Италіи и Провансальцевъ, и весьма искусно, посредствомъ придачи гласныхъ, превращающи ихъ въ настоящія Италіянскія. Напр. вотъ стихъ Илія Баріоло, древняго Поэта: *Ahi! com' tragg' grev' repenteuz'*; прибавьте Сицилійскія гласные и будешь: *Ahi! come traggo greve repenteza.* Рег qual ragion che non avet cantat

(стихъ Бернарда да Венпадормо, одного изъ Провансальцевъ); прибавьте гласные и будешь прекрасное Тосканское нарѣчіе: *Reg qual ragione c'le non avete cantato.* Такимъ образомъ, Муза Сициліи, по преданіямъ Музы Греческой, сохранившая любовь къ гласнымъ, сообщила Италіянскому языку преимущество музыкальности передъ всѣми языками новой Европы. Первымъ Поэтомъ Сицилійскимъ Ученые единогласно почитаютъ Чіулло изъ Алькамо, жившаго во второй половинѣ XII вѣка. При Фредерикѣ II, вступившемъ на престолъ Сициліи въ

1197 году, еще более процвѣла Поэзія. Фредерикъ II и Секретарь его Піеро (*delle Vigne*) принадлежали къ числу первыхъ Поэтовъ Италіи.

На голосъ Музы Сицилійской скоро во всѣхъ концахъ Италіи откликнулась Поэзія; но нарѣчія долго мѣшали еще утверждиться единому языку. Только въ концѣ XIII вѣка Данпъ рѣшиительно усстановилъ существование литературного языка Италіи.

Такъ изъ безобразнаго хаоспіческаго смѣщенія языковъ, или изъ Лапинскаго языка, искаженнаго варварами, мало по малу, вмѣстѣ съ полиптическою жизнью народовъ, образовались и ново-Европейскіе языки, какъ то: Французскій въ видѣ двухъ главныхъ нарѣчій, изъ которыхъ Сѣверное превозмогло надъ Южнымъ; Испанскій въ прѣхъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ Каспилланское превозмогло надъ Кащалонскимъ, а Галлійское образовало языкъ Португальскій; Итальянскій языкъ сначала въ видѣ множества нарѣчій, которыхъ могли бытіе приведены къ единству только великимъ подвигомъ генія Италіи, Данпъ. Нарѣчія продолжали существовать и даже теперЬ продолжаютъ бытіе свое; но литературная жизнь народовъ создаетъ единство языка и потому его поддерживается. Народъ, не имѣющій Литературы, всегда чуждается и единства въ языкѣ своемъ.

*Экстраординарный Профессоръ Московскаго Университета
С. Шевыревъ.*

5.

О ЛИТОВСКОМЪ СТАТУТѢ.

Одинъ любитель археологическихъ языканій, желая имѣть ближайшее свѣдѣніе о Литовскомъ Статутѣ, спарался собрать старинные экземпляры онаго, и получилъ слѣдующіе:

Изъ Вильны: на Русскомъ языкѣ, печатанный въ Вильне 1588 года, въ типографіи Мамонячей, шрифтомъ, похожимъ на писанный, вообще хорошо сбереженный, и четыре на Польскомъ, печатанные: 1-й 1614 г., 2-й 1619 г., оба въ Вильне же, въ типографіи Льва Мамонича: къ послѣднему приложенъ въ концѣ Трибуналъ, выданный на Сеймѣ Варшавскомъ въ 1581 году; 3-й 1648 г. въ Варшавѣ, въ типографіи Элерса, съ Трибуналомъ, и 4-й 1693 г. въ Вильне, въ типографіи Іезуитской Академіи, въ концѣ такжѣ съ Трибуналомъ: всѣ изданія Польскія, какъ сіи, такъ и изъ другихъ мѣстъ доставленныя, печатаны Готическими буквами.

Въ отношеніи рѣдкости, преимущественно заслуживаетъ вниманіе Русскій экземпляръ, ибо, по удостовѣренію Рекпорта бывшаго Варшавскаго Лицея, Доктора Самуила Ланде (въ книгѣ его подъ заглавіемъ: «О Литовскомъ Статутѣ, на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами печатаниемъ,

Варшава, 1816 года»), известны были только четыре экземпляра Стапула на Русскомъ языке: 1-й, доставшийся ему Линде изъ библиотеки Графа Суходольского, 2-й при Литовскихъ Магистрахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, 3-й въ библиотекѣ Московскаго Общества любителей Исторіи и Древностей и 4-й въ библиотекѣ Гродненскаго (упраздненного въ 1833 году) Доминиканскаго монастыря: въ семь послѣднемъ мѣсяцѣ, впрочемъ, означеннаго экземпляра не оказалось.

Изъ Гродно: два экземпляра на Польскомъ языке, печатанные въ 1819 году, и одинъ шаковой же, перепечатанный въ 1623 году, съ приложеніемъ въ концѣ Трибунала.

Изъ Киева: копію Стапула 1566 года, на Русскомъ языке, спасенную съ современной рукописи, принадлежащей Профессору Даниловичу, и экземплярь Стапула на Польскомъ языке, печатанный въ Вильне 1693 года, съ Трибуналомъ.

Сверхъ того, Сводъ конспикуції Стапуловъ, или собраніе древнихъ Польской Республики Законовъ, изданныхъ съ 1347 по 1600 годъ, и напечатанныхъ въ семь послѣднемъ году въ Краковѣ. Сводъ Законовъ сихъ, составленный трудами частнаго Законовѣдца Янушевскаго, не объемлеть Литовскихъ Законоположеній, для коихъ тогда же составлялся отдельный Сводъ, и хотя въ немъ на стр. 741 помѣщены вѣкоторыя Литовскія привилегіи, но онъ относится только къ Публичному или Государственному Праву, Законовъ же Гражданскихъ, Уголовныхъ и Судопроизводства Княжества Литовскаго въ себѣ не содержашъ. Онъ былъ

представляемъ Сейму въ видѣ проекти, но силы дѣйствующаго закона и въ самой Польшѣ не имѣль.

Изъ Житоміра: Польскій экземпляръ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ, Таможеннымъ Тарифомъ и разными другими приплеченными постановленіями.

Изъ Бѣлостока: Стапушъ, на Польскомъ языке, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ и Воинскимъ Успавомъ; сверхъ шого доставлена книга, въ коей переплетены: 1) Statuta Regni Poloniae, in ordinem alphabeti digesta, на Лапинскомъ языке, изданные въ Краковѣ 1563 г., и 2) Конституціи и привилегіи, на Коронныхъ Сеймахъ съ 1550 по 1569 годъ состоявшіяся, безъ года печашанія.

Изъ Витебска: свѣдѣніе о рукописи первого для Липцы Стапуша и о предметахъ, заключающихся въ изданіи 1529 года, въ двухъ частяхъ, на Польскомъ языке, составленное Фаддеемъ Чацкимъ, въ коемъ онъ за основаніе взялъ Лапинскій переводъ онаго 1538 года, подаренный ему Королемъ Польскимъ Станиславомъ Августомъ IV.

Примѣръ. Экземпляръ Стапуша, принадлежавшій Чацкому, проданъ въ послѣдователіи, со всею библіотекою его, оспавшеюся по немъ вдовою, за 400,000 золотыхъ Князю Адаму Чарторійскому, и поступилъ въ сославъ Пулавской библіотеки, которая нынѣ перевезена въ С. Петербургъ и часть коей присоединена къ Императорской Публичной Библіотекѣ; но сказываютъ, что мать Князя Адама, покойная Фельдмаршальша Чарто-

рійская, успѣла вывезти изъ оной драгоцѣнѣйшія книги въ Галицію, а въ томъ числѣ вѣроятно и вышеозначенный Спапушъ.

Изъ саѣдній, доспавленныхъ при сихъ экземплярахъ, разсмотрѣнія самыхъ Спапушовъ и разысканій, дѣлаемыхъ въ С. Петербургѣ, открывается слѣдующее:

Липовскій Спапушъ первоначально былъ изданъ на Русскомъ языке и Славянскими литерами. Извѣстный Чацкій и Линде, въ своихъ сочиненіяхъ, говоряшъ о семъ подробно. Послѣдній изъ нихъ, сравнивая Польскіе переводы съ Русскимъ печатнымъ изданіемъ Спапуша, указываетъ въ нихъ даже самыя мелкія, умышленные или неумышленные ошибки, дающія другой смыслъ закону. И дѣйствительно извѣстно, что Спапушъ былъ съ умысломъ переведенъ превратно, такъ какъ Русскій подлянникъ онаго писанъ болѣе въ духѣ Монархическомъ (*), отъ чего и не могъ быть привороженъ къ республиканскому правленію Польши: по сему-то на Коронѣ, какъ называли Поляки, Спапушъ и не дѣйствовалъ, а тамъ, где онъ имѣлъ законную силу, какъ-то въ Липѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и Малороссії, Польскіе Законовѣдцы употребляли превратный переводъ, по собственнымъ видамъ.

Первое начертаніе Спапуша иѣкоторые полагаютъ въ 1505 году при Король Александрѣ, который хотѣлъ было сдѣлать оный повсемѣстнымъ,

(*) Нѣкоторыя изъ спашей его въ послѣдствіи вошли почище цѣлкомъ въ Уложение Царя Алексія Михайловича. Ред.

но послѣдовавшай вскорѣ смерть его уничтожила сіе замѣреніе; за всѣмъ пѣмъ Стапутъ сей въ Малороссіи по Присущевскому Мѣстамъ употреблялся уже съ многою времени, а чрезъ годъ послѣ того, въ началѣ царствованія Сигизмунда I, выданы для онаго же края, какъ пишетъ Чацкій, права или привилегіи, кошорыя также, быть можетъ, были не что иное, какъ подтвержденіе сего же Стапута или дополненіе къ оному. Внимательное разсмотрѣніе обстоятельства сего ведеть къ развитію мысли, что Стапутъ, въ коемъ многіи постулаты заимствованы изъ Русскаго быта, первоначально былъ составленъ для Малороссійскаго края, сохранившаго, нѣкоторымъ образомъ, и въ самомъ Законодательствѣ Отечественный духъ и Русскую самостоѧтельность. Отысканіе древнихъ манускриптовъ онаго въ нынѣшихъ Губерніяхъ Новгородской и Черниговской, особенно въ Сѣверныхъ уѣздахъ первой и Южныхъ послѣдней, болѣе прочихъ участниковъ въ переворотахъ соединенія съ Литвой, объясняющіе со временемъ справедливость сей догадки, и съ пѣмъ вмѣстѣ обозначающіе эпоху самого изданія Стапута.

Въ 1522 году Король Сигизмундъ I, видя потребность таковыхъ же письменныхъ узаконеній для Литвы, и желая въ то же время сдѣлаться Законодателемъ Польши, повелѣлъ исправить Стапутъ въ Рускомъ подлинникѣ и Нольскомъ переводѣ, кошорый, по утвержденію въ 1529 году, и былъ принятъ Литовскими Чинами единогласно; но Король не имѣлъ удовольствія согласить на то Польскихъ Вельможъ, въ то время уже прошивши-

шихся общему благоустройству и домогавшихся однѣхъ только частныхъ выгодъ, въ послѣдніи Конституціями запрещанно умножаемыхъ. Спашутъ сей многіе, относя къ принятію Липовскими народомъ, признающъ за первое изданіе; предшествовавшій же ему, какъ нигдѣ, кроме Малороссіи, не получившій дѣйствія, однимъ только приготовленіемъ къ оному: оба они, какъ тощь, такъ и другой, напечатаны не были. Современные рукописи сего послѣдняго весьма рѣдки: ихъ, сколько известно, сохранилось, на Русскомъ языкѣ, только три: одна, спинаяя, какъ полагать должно, около 1554 года, находящаяся въ библиотекѣ Виленской Римско-католической Духовной Академіи, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ оную изъ бывшаго памощнаго Университета, съ заглавіемъ: «Права писаные старого Спашуна и дание Великому Князину Липовскому, Рускому, Жомонскому и иныхъ, черезъ наиснейшаго Пана Жигимонта зъ Боке милости Короля Польского, Великого Князя Липовскаго, Рускаго, Прускаго, Жомонскаго, Мазовецкаго и иныхъ многихъ.» Другая находилась въ библиотекѣ Варшавскаго Общества Любителей Словесности, нынѣ присоединенной къ Императорской Публичной Библиотекѣ, а третья у Графа Дзилинскаго въ Пруссіи. Сія послѣдняя рукопись важнѣе прочихъ: Профессоръ Лелевель имѣлъ намѣреніе издать ее въ свѣтъ, и уже опечаталъ 18 листовъ въ Познави. Польскій же переводъ сего Спашуна известенъ только одинъ, 1533 года, у Помѣщика Сенномирскаго Воеводства Константина Свидницкаго; а Лапинскій

переводъ онаго, принадлежавшій Чацкому, доспался Князю Адаму Чарторыйскому и находился въ Пулавской Библіотекѣ, нынѣ также перевезенной въ С.-Петербургъ; но между книгами, присоединенными къ Императорской Публичной Библіотекѣ, означеннаго экземпляра, какъ выше сказано, не оказывается. Всѣ означенныя при экземпляра, большою частію, не были извѣстны Чацкому, который, при всѣхъ своихъ разысканіяхъ, неправильно полагалъ, что въ его время было только два списка съ изданія 1529 года Стапути: одинъ въ Лапинскомъ перевода у него, которому дѣлалъ онъ и разборъ, а другой, теперъ уже затерянный, въ Вильне въ Земскихъ актахъ.

Стапутъ Сигизмунда I, въ послѣдствіи, былъ дважды исправляемъ и дополняемъ; въ первый разъ на Литовскомъ Сеймѣ въ Бѣльскѣ въ 1564, и во второй на Сеймѣ Виленскомъ въ 1566 году; исправленная редакція въ семъ послѣднемъ году утверждена Сигизмундомъ Августомъ для Волыни и Подоліи, и извѣстна подъ именемъ Волынского Стапути, или Стапута Сигизмунда Августа, а по времени принятия Липовцами вторымъ Стапутомъ. Рукописные экземпляры сего Стапута, также не напечатанного, на Русскомъ языкѣ, хранятся: одинъ въ Музей Графа Румянцева, другой въ библіотекѣ Графа Ходкевича, въ имѣніи его Млыновѣ, Волынской Губерніи, 1564 и 1566 годовъ, а третій у Профессора Университета Св. Владимира Даниловича. Переводы онаго извѣстны: одинъ, на Польскомъ языке, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ

овую 1794 года изъ Библіотеки Задускаго, другой, на Польскомъ и Лапинскомъ, у Графа Хрептовича, Гродненской Губерніи, въ имѣніи его Щорсахъ, а третій, Лапинскій, у Графа Сѣрацковскаго въ Варшавѣ; также находился одинъ экземпляръ, на Польскомъ языке, въ Радзивилловскомъ архивѣ, но взятъ оттуда Княземъ Адамомъ Чарторийскимъ. Кроме того были Польскіе переводы онаго, какъ видно изъ записокъ Радзивилловскаго архива, въ библіотекахъ Варшавскаго и Віленскаго Университетовъ, Варшавскаго Общества Любителей Словесности и Луцкаго Тринитарскаго Монастыря; но сохранились ли они и гдѣ теперь находятся, не известно; въ Пулавской библіотекѣ, славившейся рѣдкими манускриптами, находился подлинникъ сего изданія и нѣсколько Польскихъ переводовъ; но всѣ они, какъ полагать должно, увезены оттуда за границу, ибо въ числѣ книгъ, присоединенныхъ изъ оной къ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотекѣ, ни какихъ древнихъ экземплировъ Спашута не открываются.

Волынскій Спашутъ былъ также дополненъ и окончательно уже въ 1588 году утвержденъ, также на Русскомъ языке, Сагизмундомъ III, въ день коронаціи его въ Краковѣ, съ повелѣніемъ напечатать оный какъ на Русскомъ, такъ и на Польскомъ языкахъ. Сія-то редакція и есть нынѣшній Липковскій Спашутъ, дѣйствующій досель въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ отъ Польши, Губерніяхъ. Онь составленъ или пополненъ Воеводою и Канцлеромъ Гашпольдомъ, при помощи Віленскихъ Городскихъ Законовѣдцевъ и Докторовъ

Законовѣдѣнія: Милезія Ротунда, Станислава Гілонзки и другихъ; переведенъ же на Польскій языкъ, какъ иные полагаютъ, Подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою, прилагавшимъ особенное спараніе въ напечатаніи онаго по Русски: отъ чего Стапутпъ сей, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, болѣе извѣстенъ подъ его именемъ.

Всѣ признаютъ за нѣоспоримую истину, что Литовскій Стапутпъ бытъ напечатанъ въ 1588 году только по Руски, въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Значительная часть манускрипта сего Стапутпа, написанного современнымъ Русскимъ почеркомъ, сохранилась у Профессора Даниловича; печатные же экземпляры онаго, на Русскомъ языкѣ, кроме показанныхъ въ сочиненіи Линдѣ и присланного изъ Вильны, находятся еще: въ Музейѣ Графа Румянцева (*), въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Университетѣ Св. Владимира, но штулы же послѣднимъ двумъ не сохранились. На Польскомъ же языкѣ Стапутпъ въ первый разъ напечатанъ въ 1614 году, тоже въ Вильнѣ, въ типографіи Мамонича, сына уже того, который напечаталъ Русское изданіе; экземпляры онаго, кроме доставленного также изъ Вильны, открываясь во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ одинъ въ Румянцевскомъ Музейѣ (**) и шаковой же находился въ Радзивиловскомъ архивѣ, но, вместе съ прочими Стапутпами, взашь опинуда Кильземъ Адамомъ Чарторыйскимъ.

(*) Три экземпляра. Ред.

(**) Другой въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Ред.

Нигдѣ не видно, чтобы послѣ 1588 года Польскимъ Правительствомъ давалось дозволеніе на печатаніе Спашупта по Руски; но искониорыя разности, какъ въ бумагѣ, такъ и въ самыхъ буквахъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подъ симъ годомъ онъ не сколько разъ перепечатывался; время же изданія каждого изъ нихъ не высправлялось, вѣроятно, по трудности полу-
чить привилегію, или же и совершенно по недозволенію на то Правительства, имѣвшаго цѣлью сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ по-
всемѣстнымъ (*). На Польской языке Спашупъ печатанъ былъ впервые въ 1619 году и послѣ этого, при Сигизмундѣ III же, въ 1623, а попомъ, при сыиѣ его Владиславѣ IV, въ 1642 и 1648 годахъ. Всѣ сіи изданія, какъ видно и изъ доспи-
вленныхъ экземпляровъ, суть кѣрыя подражанія напечатаному въ 1614 году; Польское Прави-
тельство, давая дозволеніе на печатаніе оныхъ, спрото всегда обизывало Издателей не допускать никакихъ исправленій или перемѣнъ, и это выполнялось съ такою точностью, что не шолько всѣ ошибки въ переводѣ, но даже и типографическая опечатка, вкравшаяся при первомъ Польскомъ из-
даніи, повторены и во всѣхъ прочихъ. Въ вышед-
шихъ же послѣ 1648 года изданіяхъ Липовскаго Спашупта, который не сколько разъ перепечаты-

(*) Изъ сличенія разныхъ экземпляровъ Русскаго Спашупта 1588 года открыывается, что ихъ было всего три штуками, безъ сомнѣнія разныиѣ лѣти, хотя на всѣхъ выставленъ одинъ 1588 и печатаніе произведено съ такою пещательностью, что не скро можно открытие разности штуками. Ред.

вался, начали вводить уже измѣненія Польскихъ Конституцій: къ чему первый примѣръ показала Виленскай Іезуитская Академія, напечатавъ въ 1693 году, по давной отъ Короля Иоанна III Собiesского грамотѣ, Статутъ, съ подведеніемъ въ ономъ подъ артикулы Сеймовыхъ Конституцій, и измѣнивъ чрезъ то не только форму, но и самую сущность первого начертанія.

4.

ПРИВАЛЕНИЕ.

Къ симъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о Липовскомъ Статутѣ не лишнимъ почтаемъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній:

Статутъ Липовскій есть памятникъ не шолько Липовскаго Законодательства, но и древней Русской письменности въ Литвѣ и во всей Западной Руси. Онь лучше всѣхъ другихъ свидѣтельствъ напоминаетъ жителемъ Западныхъ Губерній, что ихъ происхожденіе (за исключеніемъ прѣхъ Уѣздовъ Виленской Губерніи) есть коренное Русское, и что природный языкъ ихъ есть Русскій же, который по соѣдствію съ Польшею нѣсколько отличался отъ Сѣверовосточного или Великорусского нарѣчія. За двѣстѣ лѣтъ предъ симъ всѣ законы, всѣ привилегія Великихъ Князей Липовскихъ и наконецъ самый сей Статутъ были писаны на языкѣ Русскомъ; на немъ, какъ на самомъ общеупотребительномъ, опиралось и судопроизводство. Отъ тогдашнихъ Судей и другихъ

Чиновниковъ требовалось непремѣнное знаніе Русской грамоты. См. присягу на должность Писара, въ Статушъ, Разр. IV, и другія мѣста. Но при переводѣ Статуша на Польскій языкъ нѣкоторыи изъ сихъ мѣстъ были уже выброшены изъ текста, и когда въ послѣдствія времени Русское изданіе 1588 г. сдѣлалось рѣдкимъ, а напротивъ того Польскій переводъ издавался многократно, то наконецъ изгладилось изъ памятки жителей Западной Руси и самое существованіе Статуша первоначально на Русскомъ языкѣ, которое только въ недавнее время обратило на себя вниманіе Ученыхъ.

Почтенный Авшоръ предлагаемой нами статьи весьма справедливо языкъ Статуша именуетъ просто Русскимъ, а не Бѣлорусскимъ, какъ счищалось съ нѣкотораго времени ошибочно называть всѣ письменные памятники Западной Руси. Бѣлорусское нарѣчіе существуетъ и нынѣ: оно употребляется простымъ народомъ въ Губерніяхъ Витебской, Могилевской и Минской; оно отлично отъ Южнорусского, называемаго Малороссійскимъ; но языкъ Статуша, какъ бывшій дипломатической языку Литвы и Западной Руси, отличенъ отъ сихъ обоихъ нарѣчій сполько же, сколько вышешиї нашъ книжный Русский отъ простонароднаго. Языкъ Статуша гораздо ближе подходишь къ Великорусскому нарѣчію, нежели Бѣлорусское и Малороссійское: т. е. въ немъ, какъ въ книжномъ, было болѣе общаго съ письменностю Сѣверо-восточной Руси.

На Польскій языкъ Статушъ былъ переведенъ

буквально: Переводчики боялись исказить испанский смысл закона и потому въ труде своимъ предпочитали даже употреблять нѣкоторые обороты, не свойственные Польскому языку, лишь бы не отступить отъ подлинника: они сохранили почти вѣ Russkij слова и въ штомъ же самомъ порядке, давая имъ только Польское окончаніе и вездѣ перемѣня звуки Russkie на Polskie. Не смотря на все сie, Польскій переводъ былъ принялъ съ похвалою и слогомъ своимъ весьма дѣйствовалъ на самую Польскую Словесность. Однакожъ въ слѣдующихъ изданіяхъ стали забочиться о замѣнѣ нѣкоторыхъ Русскихъ оборотовъ и терминовъ настоящими Польскими: это было даже причиной отступлений въ разныхъ мѣстахъ отъ настоящаго смысла закона, и отъ этого вообще Польскія изданія Статута пѣмъ погрѣшилъ, чѣмъ позднѣ.

Съ одного изъ новѣйшихъ Польскихъ изданій сдѣланъ былъ при Правительствующемъ Сенатѣ Русскій переводъ, который по Высочайшему повелѣнію напечатанъ вмѣстѣ съ Польскимъ текстомъ въ 1811 году въ Сенатской Типографіи въ 2 томахъ, въ 4-ю долю листа, и донынѣ еще принимается въ руководство въ Судебныхъ Мѣстахъ Западныхъ Губерній, хотя уже и сдѣлася весьма рѣдкимъ. Между тѣмъ изъ полнаго Собрания Законовъ Россійской Имперіи (см. Собрание второе, Томъ III, № 2437, Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Гг. Министровъ, 17 Ноября 1828) видимъ, что по изданіи ученымъ Линде его розысканій о Статутѣ и опредѣленій

имъ, что самыи вѣрныи текстомъ долженъ почишаться самый древній, именно же Русскій 1588 года, предположено исправить вкравшіяся въ нынѣшній Русскій переводъ ошибки, сличивъ оній съ первоначальнымъ Русскимъ изданіемъ 1588 года и напечатать вмѣстѣ съ симъ древнимъ текстомъ.

Думаемъ, что Читатели наши съ удовольствіемъ примутъ подробное исчисленіе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Русскаго изданія 1588 года. Вотъ они:

1. Долженствующій хранимый при Литовской Метрикѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Онъ былъ описанъ Г. Сопиковымъ.
2. Императорской Публичной Библіотеки.
- 3.
4. } Румянцевскаго Музеума.
- 5.
6. Московскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей.
7. Бывшаго Виленскаго Университета, пожертвованій оному Іосифомъ Твардовскимъ (видѣній Г. Даниловичемъ).
8. Того же Университета (видѣній Г. Даниловичемъ).
9. Волынскаго Лицея, нынѣ Университета Св. Владимира (видѣній Г. Даниловичемъ).
10. } Виленскаго Грекоунионскаго монастыря
11. } (видѣніе Г. Даниловичемъ).
12. Жировицкаго Грекоунионскаго монастыря.
13. Гродненскаго Доминиканскаго монастыря.
14. Ковенскаго Училища (Dzied. Wil. 1823).

15. Парижской Арсенальной Библиотеки (видѣнnyй Грекоунишскимъ Священникомъ Бобровскимъ).
16. Пудавскій.
17. Графа Суходольского (описанный Г. Линде).
18. Графа Храптовича, доставленный ему Брестскимъ Каноникомъ Сосновскимъ, который отыскалъ оный въ Супрасльскомъ монастыре (Dzien. Wil. 1823).
19. Принадлежащей Г. Даниловичу, полученный имъ отъ Жмудского обывателя Мирского (много потерпѣвшей отъ времени).
20. Принадлежащей упомянутому въ помѣщаемой нами спатьѣ любителю древностей.

Ред.

III.

ИЗВЕСТИЯ

о

УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ ВЪ РОССИИ.

1.

О Т Ч Е ТЪ
О ТРУДАХЪ И ДѢЙСТВІЯХЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
за 1837 годъ,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЕЯ ЗАСІДАНІИ 29 ДЕКАБРЯ 1837, НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ ЕЯ,
П. Н. Фусомъ.

Празднованіе сто-одиннадцатаго года учрежденія нашей Академіи снова привлекло въ сей храмъ Наукъ многочисленное и блестящее собраніе знашнейшихъ особъ здѣшней Столицы, друзей Наукъ и Словесности,

которые уже однимъ своимъ присуществиемъ и благосклоннымъ вниманиемъ къ трудамъ сего ученаго сословія свидѣтельствуюшъ, что эшо торжество, хоща и возобновляемое каждый годъ, всегда возбуждаешъ новыя мысли и чувствованія, представляешь новую занимательность. И въ самомъ дѣлѣ, всякий согласится, что Исторія нашей Академіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣсно соединена съ Исторіею умѣшеннаго развитія сей обширной Имперіи, приближающейся исполинскими шагами къ высокой чредѣ образованнѣйшихъ Государствъ міра. И такъ, каждому Русскому, не равнодушному къ славѣ Отечества, должно быть занимателно слѣдить годъ за годомъ труды сословія, кошорое сославляется какъ бы средоточіе, откуда разливаются лучи свѣта, предназначенные озарить со временемъ всѣ классы общества, — сословія, хранители самыхъ возвышенныхъ познаній, кошорыя рано или поздно должны обращиться въ собственность народа. Слѣдя внимательно за ежегодными успѣхами Академіи, всякий мыслящий человѣкъ съ удовольствіемъ замѣшитъ изъ нихъ такіе, кошорые уже сдѣмались общимъ достояніемъ и результашы коихъ уже оппозавались и виѣ пѣснаго круга, собственно такъ называемаго, ученаго свѣта. Внимая членамъ Отечества, кошорый мы подвергаемъ суду нашему, вы безъ сомнѣнія остановитесь съ наибольшимъ участіемъ на тѣхъ трудахъ нашихъ, кошорые или ведутъ къ ближайшему знакомству съ отдаленнѣйшими частями любезнаго нашего Отечества, въ отношеніи физическихъ свойствъ ихъ и естественныхъ произведеній, или относятся къ Исторіи Государства, нравамъ и обычаямъ, языкамъ и нарѣчіямъ, условіямъ внутренней жизни и благосостоянія нынѣшихъ его жителей, или же спремятся къ улучшенію какой-либо важной отрасли промышленности и къ распространенію вообще полезныхъ свѣтлнй между соотечественниками. Смѣнь также на-

дѣясья, что просвѣщенныя особы, удостоивающія на-
ши ежегодныя засѣданія своимъ присутствіемъ, не пре-
небрегутъ и шѣми трудаами, которые не поражають
взоровъ съ первого взгляда непосредственнымъ примѣне-
ніемъ къ практическимъ пользамъ Отчества и къ ве-
щественнымъ нуждамъ человѣка, но шѣмъ не менѣе важны
сами по себѣ: я разумѣю шѣмъ именно труды, которые
хотя и не могутъ потвѣлишься многочисленностью
чишашелей, но опредѣляютъ степень, какую Академія
должна занимать виѣ страны, въ которой она суще-
ствуєтъ, и составляютъ, если позволено такъ выра-
зиться, *всемѣрный* ея характеръ. По счастію, мы жи-
вемъ въ такое время, когда спрашивашь о какомъ-
либо ученомъ открытиї: «къ чemu оно служитъ?» или
«какая въ немъ польза?» значило бы изобличить свое
глубокое невѣжество на счесть Испори изобрѣшеній ума
человѣческаго, достоинства Науки и благороднаго на-
значенія, которое наша Академія призвана выполнить
въ отношеніи къ чужимъ краямъ, какъ органъ умствен-
ной жизни народа Русскаго.

Нынѣ уже двѣнадцатый разъ я выполняю обязан-
ность, возлагаемую на меня Уставомъ Академіи —
развить предъ взорами вашими картины дѣятельности
моихъ соповарищѣй; и если, съ одной стороны, без-
прерывно возрастающее число и разнообразіе мате-
ріаловъ содѣлывающъ трудъ изготавленія Отчествовъ
изъ года въ годъ болѣе сложнымъ, шо съ другой, зани-
мательность, которую они чрезъ то пріобрѣтаютъ,
и убѣжденіе въ томъ, что я оказываю услугу Наукамъ
и Академіи, придають сему труду въ моихъ глазахъ
привлекательность, еще болѣе возвышающую надеждою
снискать такое же одобрение и ту же синхронитель-
ность, съ какими доселѣ каждый годъ принимаемъ быль
сей трудъ, котораго все достоинство заключается

въ самой сущности его, а наружный видъ или изложеніе
составляешь только дѣло вшороспеченной важности.

Академія въ 1837 году испытала не сколько весьма
ощущительныхъ потерпь: споишишь только напомниши
здесь имена нашихъ знаменитыхъ соопечеславниковъ:
Преосвященнѣйшаго *Евгения*, Мишрополита Кіевскаго
и Галицкаго, который, пользуясь благопріятымъ сво-
имъ положеніемъ въ древней Столицѣ Россійской Іе-
пархіи, спяжалъ себѣ заслуженную славу глубокими
историческими изысканіями; Дѣйствищельнаго Тайна-
го Совѣщника Энгеля, Члена Государственнаго Со-
вѣта и одного изъ достойнѣйшихъ мужей Государ-
ственныхъ; Генерала отъ Инфантеріи Эмануэля, ко-
торый въ 1829 году принималъ подъ свое непосред-
ственное покровищельство и подкрепляль сильнымъ
своимъ содѣйствіемъ нашихъ пушеславниковъ на
Кавказѣ; далѣе, знаменитаго Орієнталіста Кольбрука,
въ Лондонѣ, и Членовъ-Корреспондентовъ: Барона
Шиллинга фонъ-Канштадта, Профессора Ницша, въ
Галле, и молодаго оспичнаго Орієнталіста Розена,
въ Лондонѣ.

Академія, исполненная признательностью къ услу-
гамъ, оказаннымъ ей достойнѣмъ ея Вице-Президен-
томъ, Княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, столь
благоразумно и осмотрительно управлявшимъ хозяйственными
ея дѣлами, рѣшила единогласно поднесши
Его Сиятельству дипломъ на званіе Почетнаго Члена.
Къ величайшему ея удовольствію, эта усердная дань
принята имъ съ шакою же искренностью, съ какою и
была подносима нами. — Это было дѣйствіе справед-
ливости, невольное изліяніе благодарности, кошорое,
произнесекал изъ самаго чистаго источника, дѣлаешь
столько же чесчи и ученому сословію, воздающему
почесть, сколько и лицу, кошорому она воздаєтся. Его

Съшольемъ избранъ быль съ совершеннымъ единодушемъ і члена нынѣшняго мѣсяца.

Открытый въ прошедшемъ году конкурсъ на упразднившися мѣста Адъюнкты доставилъ Академіи случай пріобщить къ себѣ двухъ здѣшихъ Ученыхъ: Экстраординариаго Профессора С. Петербургскаго Университета, Николая Герасимовита Устрялова, извѣшнаго критическими евоими изданіями «Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» и «Сказаній Князя Курбскаго», Автора «Русской Исторіи», первые томы которой снискали ему похвалу Фишаковъ; и Коллежскаго Совѣтника Петра Ивановита Каппена, Автора многихъ сочиненій по части Лишерашурной Исторіи, Археологіи и Статистики Россіи. Эти два выбора воснослѣдовали 13 и 27 Генваря и удостоились Высочайшаго утверждения Государемъ Императоромъ.

Г. Броессѣ, о назначеніи которого мы уже упомянули въ послѣднемъ нашемъ Отчетѣ, прибыль въ С. Петербургъ 7 Іюня; одно исчисленіе трудовъ его показываетъ, съ какимъ усердіемъ сей Ученый принялъ за исполненіе обязанностей новаго своего званія.

Вы найдете, по обыкновенію, разложенными на вѣкомъ сполѣ сочиненія, изданныя Академіею въ ишешающемъ году. Мы укажемъ вкрашцѣ содержание ихъ, останавливаясь только на шѣхъ, о которыхъ еще не было вовсе говорено, или о которыхъ мы могли только предварительно упомянуть въ предыдущихъ нашихъ Отчещахъ.

«Записокъ» Академіи издано въ нынѣшнемъ году семь книжекъ, составляющихъ болѣе ста печатныхъ листовъ. Изъ этихъ семи выпускъ, одинъ принадлежитъ отдѣленію Наукъ Математическихъ и Физиче-

скихъ, два Наукамъ Историческимъ, Филологическимъ и Политическимъ и четыре собранію Записокъ постороннихъ Ученыхъ. Третій томъ сего послѣдняго собранія оконченъ и заключаешь въ себѣ, безъ малаго на 100 печатныхъ листахъ, Разсужденія, чрезвычайно важныя, каковы вычислениія наблюдений барометрическихъ и симплеметрическихъ, также надъ тропической пелотою и постояннымъ маяшникомъ, произведенныя знаменитымъ нашимъ мореплавателемъ, нынѣ Концръ-Адмираломъ Ф. П. Липкѣ, въ путешесвіе его около Свѣта, и вычисленыя имъ самимъ и Г. Гельстрѣмомъ въ Гельсингфорсѣ; описанія путешесвій Г-на Геблера на Алтай и Г-на Рашке въ Крымъ; микроскопической наблюденій надъ плодостворною пылью расщепей, сдѣянныя съ удивительнымъ шлангомъ Г. Фрицше и обѣщающія объяснить намъ явленія нового міра— шансіства рожденія расщепей. Сверхъ нѣкошорыхъ Разсужденій, менѣе обширныхъ и болѣе занимательныхъ въ частности, Гг. Лѣвеншперна, Траушфѣшера и Мейера, прешій Томъ «Собранія разсужденій постороннихъ Ученыхъ» предшавляє еще замѣчательный трудъ, въ кошоромъ Г. Артеландеръ, въ бышность свою въ Россіи, первый вывелъ изъ собственныхъ наблюдений, что наша солнечная система имѣетъ особое движение, направленное къ созвѣздію Геркулесъ, — исхина, кошорая уже была подозрѣваема Гершелемъ, оштремъ, и утверждаема по теоріи Геометрами, занимавшимися высокими умозрѣніями Небесной Механики. Эшо Разсужденіе служитъ дополненіемъ къ «Каталогу движений неподвижныхъ звѣздъ» того же Аввшора, и спажало ему полную Демидовскую премію.

«Собраніе актовъ публичнаго засѣданія 1856 года», вмѣшѣ съ Опѣшомъ за шолѣ же годъ и прекрасною рѣчью Г-на Грефе о образованіи и средствѣ языковъ, вышло въ Маѣ мѣсяцѣ и роздано всѣмъ Академіямъ и Ученымъ Обществамъ въ Имперіи и въ чужихъ краяхъ,

также зѣмъ Почесными Членамъ и Корреспондентамъ Академіи; въ слѣдъ за шѣмъ и «Ощечѣпъ о раздачѣ Демидовскаго премій за 1856 годъ». Въ изданіи сего посѣдѣнія єдѣлцы нѣкоторыя измѣненія, а именно: къ Общему Ощечѣпу присоединены такие разборы увѣнчанныхъ преміями сочиненій, которые по своей обширности не могли помѣститься въ самомъ Ощечѣпѣ. Такимъ образомъ донесеніе о послѣдней раздачѣ сочинило книжку, заключающую въ себѣ около пятидесяти листовъ, Общий Ощечѣпъ напечатанъ на Русскомъ, а каждый изъ разборовъ, на томъ языке, на которому онъ представлень Академіи.

Журналъ засѣданій Академіи, подъ заглавіемъ: «*Bulletin scientifique*», основанный въ прошедшемъ году нацболѣє съ цѣлію своевременно знакомить Европейскихъ Ученыхъ съ трудами и предпріятіями Академіи, вскорѣ оказалъ значительное влияніе на образъ дѣйствій Академіи и характеръ ея засѣданій. Открыть возможность къ сообщенію мелкихъ сплетей и отдаленныхъ розысканий, которыхъ прежде оставались безъ дальнѣйшаго употребленія въ портфеляхъ, пока Академія не представлялся случай воспользоваться ими для какого-либо подробнѣйшаго Разсужденія, журналъ ашопть дѣлать удовлетворилъ и желаніямъ поспороннихъ Ученыхъ и самымъ нужданъ Академіи. Въ такое время, каково наше, когда уже не позволено Ученому, уединясь още свѣща, вовсе не знать о чудныхъ изрѣдакъ, и когда прѣсная свѣдѣнь Наукъ между собою и многосторонніе ихъ разныши доказали въ області знаній, не менѣе какъ и въ промышленности, всю важность и пользу раздѣленія труда, — въ такое время, говорю я, обратилось какъ бы въ необходимую потребность искать въ журналахъ самыхъ новѣйшихъ ознакомительнѣе къ Наукамъ, какъ и къ Печати; и независимыхъ земельныхъ земѣніи, и мѣсто обширныхъ кор-

респонденцій и письменныхъ сношеній прошлыхъ вѣковъ, когда Науки были удѣломъ только самаго малаго числа избранныхъ лицъ, передававшихъ одинъ другому свои открытия. И такъ, основаніе журнала, послуживъ существенно къ умноженію числа предметовъ, обсуждаемыхъ въ нашихъ засѣданіяхъ и введя больше разнобразія въ наши годовые Опичеты, съ другой стороны дѣлаетъ для насъ излишнимъ подробнѣе распроспрашиваться о трудахъ, кошорые уже доведены до свѣдѣнія публики, вмѣстѣ съ ихъ посѣдствіями, и уже извѣстныи шѣль, кто принимаетъ въ нихъ участіе. Два, по нынѣ вышедшіе тома сего журнала вмѣщаютъ въ себѣ 35 выписки изъ Рассужденій, читанныхъ въ засѣданіяхъ, и 67 Записокъ; всѣ шри разряда Академіи, соразмерно числу Наукъ и Членовъ въ каждомъ изъ нихъ, почти равнѣ участвовали въ изданіи двухъ первыхъ томовъ: ибо если прибавишь къ сказаннымъ 100 спашьянь выписки изъ ученой корреспонденціи, то классъ Математическихъ и Физическихъ Наукъ, вмѣстѣ съ разрядомъ Наукъ Естественныхъ, доставили каждый по 38 спашей, а разрядъ Наукъ Историческихъ и Филологическихъ — 29 спашей, не считая донесенія о пятнѣ ученыхъ пушечнѣйшихъ, о кошорыхъ равнымъ образомъ было говорено въ *Bulletin scientifique*. Печатаніе трешьяго тома производится безоспановочно.

Еще желаемъ мы обратить внимание ваше на сочиненіе Г-на Спруве о микромешническихъ измѣреніяхъ сложныхъ звѣздъ. Послѣ того, что уже было сказано о семѣ важномъ шрудѣ въ прежнихъ нашихъ Опичетахъ, намъ остается шолько, извѣщая о совершенномъ его окончаніи въ началѣ нынѣшняго года, привесши нѣкоторые изъ разищельнѣйшихъ выводовъ сего изворенія относительно къ почнѣйшему познанію звѣздной шверди. Слишкомъ далеко завлекло бы насъ исчисление здѣсь даже и однихъ лишь самыи замѣтнѣ-

ныть звѣзды съ системъ, движение коихъ впервые было изслѣдовано Г-мъ Спруве. Достаточно сказать, что нашъ Астрономъ въ теченіе не болѣе двѣнадцати лѣтъ замѣтилъ въ разныхъ системахъ споль разнѣльный превращенія, что напр. звѣзды, прежде считавшіяся двойными, являлись ему одинакими, между тѣмъ какъ другія, знакомыя его предшественникамъ на шомъ же поприщѣ, да и ему самому, какъ проспѣши, распоргались и предсказывали его взорамъ сложные системы, и что онъ успѣлъ опредѣлить съ довольно большою точностью періоды обращенія этихъ свѣтиль около общаго ихъ центра тяжести, періоды несравненно кратчайшіе уже давно известныхъ & Большой Медведицы и р. Звѣзносца. Въ обширномъ введеніи, присоединенномъ къ шкѣту, Г. Спруве излагаетъ Исторію своего труда, объясняетъ техническую часть наблюдений и выкладокъ и входишь въ строгое разысканіе точности своихъ выводовъ и причинъ разногласія между прежними измѣреніями разстояній и его собственными. Наконецъ, въ послѣдніхъ главахъ введенія, Г. Спруве сосредоточилъ подъ нѣкоторыми общими штоками зреїя многочисленныя данныя обширнаго своего труда и разсматриваетъ видимую величину неподвижныхъ звѣздъ и въ особенности сложныхъ, измѣненія въ свѣтиль сихъ небесныхъ тѣлъ, ихъ цвѣтъ, расположение по порядкамъ и классамъ, судя по видимымъ разстояніямъ отдаленныхъ звѣздъ, собственная и общая ихъ движенія, а равномѣрно и относительная въ орбита, и ихъ параллаксы. Тѣ, которые, не углубляясь въ выкладки нашего ученаго Астронома, желають ближе ознакомиться съ результатами 23-лѣтняго труда его, найдутъ подробнѣйшія свѣдѣнія въ донесеніи Г. Министру Народнаго Просвѣщенія и Президенту Академіи, отдельно напечатанномъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, и сверхъ этого въ Русскомъ переводѣ

въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвещенія
(Т. XIII, Мартъ) (*).

Переходимъ теперъ къ исчислению какъ рукописныхъ сочинений, представляемыхъ въ Академію, шафр и Разсужденій, читанныхъ въ ея засѣданіяхъ.

I. Отдѣленіе Наукъ Математическихъ и Физическихъ.

Г. Коллинсъ читалъ диссертацию подъ заглавіемъ: *Разсужденія о нѣкоторыхъ статьяхъ изъ Теоріи алгебраическихъ уравненій*. Авторъ, опложивъ на время

(*) Въ то самое время, когда мы писали эту статью, получили мы Окштабскую книжку «Берлинскихъ Академическихъ Вѣдомостей», где помѣщены разборы сочиненія Г-на Струве, написаннаго Г-мъ Бесселемъ. Заманичный Кенигсбергскій Астрономъ отрываялся о немъ слѣдующими словами: «Wir haben eine grossartige Leistung anzugeben, eine Leistung, welche sich in die Reihe der umfangreichsten stellt, die man in neuerer, die Worte in dieser Hinsicht weit übertrifenden Zeit, durch astronomische Beobachtungen erlangt hat; einen Leistung, welche einen wesentlichen und merkwürdigen Theil der Kenntniss des Fixsternhimmels betrifft.— Der wissenschaftliche Werth und die äussere Ausstattung des vor uns liegenden Werkes sind einander entsprechend. Der erstere ehrt seinen Verfasser; die letztere ehrt die Petersburger Akademie der Wissenschaften, welche das Werk hat drucken lassen. Vielfältige und grosse Anerkennung, welche eine solche Arbeit ihrem Urheber eingebracht hat, ehrt das Land, in welchem er lebt.» Т. е. «Доводимъ до свѣдѣнія публики о трудахъ величественныхъ, трудахъ, который можетъ снискать на раду съ саками огромныи, превосходныи посредствомъ астрономическихъ наблюдений въ новейшее время, коему въ вѣномъ отношеніи далеко уступающіе древнест; трудахъ, который отвѣтился къ существенной и достоприятельной частинѣ познанія неба неподвижныхъ звездъ. Ученое доказательство и выраженный видъ предполагаемого соединенія соединяющихся одно другому. Другое доказательство Аппору, послѣдней — Петербургской Академіи Наукъ издавшей это штуреніе. Общиі и громкіи одобреія, снисканные виновникомъ столь важного труда, приносить честию Европѣ, будь она живуща.»

издание этого труда въ полномъ его видѣ, представилъ, для помѣщенія въ Bulletin, два оправыка изъ своей диссертациі: одинъ заключающъ въ себѣ доказательство двухъ теоремъ, относящихся къ цѣлымъ функциямъ о двухъ переменныхъ, а другой — приложеніе этихъ самыхъ теоремъ къ новому элементарному доказательству разложимости цѣлыхъ функций на вещественные множители первой и второй степени. Это доказательство, со стороны своей прошлюти, строгое и особенно удачныхъ приемовъ, можетъ счищаться образцевымъ. Въ другомъ Разсужденіи, на Нѣмецкомъ языке, подъ заглавиемъ: *Изслѣдованіе, относящіеся къ теоріи симметрическихъ функций*, Академикъ Коллинсъ имѣлъ въ виду выразить, посредствомъ явныхъ функций коэффициентовъ какого-ни-есть алгебраического уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, не только сумму степеней всѣхъ корней этого уравненія, но и различные суммы, получаемыя чрезъ перемноженіе корней, совокупляемыя по два, по три и проч. при чемъ еще въ произведеніи, получасомъ такимъ образомъ, каждый множитель можешь имѣть своего особеннаго показателя. Извлеченіе изъ этого Разсужденія было напечатано Г.-мъ Коллинсомъ въ видѣ Записки, въ кошорой онъ, упомянувъ знакоположеніе Роша, выводишь общую формулу, выражющую сумму степеней всѣхъ корней уравненій алгебраическихъ съ показателями цѣлыми, положительными или отрицательными. — Г. Остроградскій, кромѣ «Умозрительной Механики», лишографированной для преподаванія въ Инспиції Корпуса Пушей Сообщенія, и о кошорой мы уже говорили въ нашемъ Отчетѣ за прошедшій годъ, представилъ въ Академію при Записки о разныхъ предметахъ машинническаго анализа. Въ первой изъ нихъ, Авторъ занимавшися функциями показательными, во второй — *особеннымъ родомъ функций сферическихъ координатъ*; предметъ

третій Записки — *Варіаціонное Исследование*. Академикъ Остроградскій въ нынѣшнюю зиму возобновилъ также публичные чтенія о математическомъ Анализѣ, начатыя имъ въ прошломъ году въ Морскомъ Корпусѣ. Лекціи за прошедшій годъ были написаны двумя изъ его слушателей, Гг. Зеленымъ и Бурачкомъ, и изданы ими на Русскомъ языке въ двухъ томахъ. — Г. Буняковскій продолжаетъ заниматься изданиемъ своего «Математического Лексикона»; первое отданіе первой части вышло уже въ свѣтъ, и показываетъ, что Авторъ значительнымъ образомъ распространилъ первоначальный планъ своего сочиненія. Независимо отъ этого обширнаго труда, Г. Буняковскій представилъ въ Академію продолженіе своихъ изслѣдованій о приложеніи Анализа Вѣроятностей къ опредѣленію приближенныхъ величинъ трансцендентныхъ чиселъ. Первый изъ трехъ вопросовъ, решенныхъ во впоромъ его Разсужденіи, приводитъ къ выражению вѣроятности, опредѣляющей дугу въ функции ея синуса, впоромъ вводить въ рѣшеніе функции эллиптическія первого и втораго рода, а третій, сверхъ поименованныхъ функций, дославляетъ еще количество логарифмическое. Извѣстно, что дуги круга, равныя соотвѣтственнымъ своимъ тангенсамъ, составляютъ рядъ, кошораго законъ еще не найденъ: для общаго члена этого ряда имѣютъ только приближенное выраженіе. Занимаясь симъ предметомъ въ краткіе досуги, которыми могъ располагать при многочисленности другихъ занятий, я нашелъ конечныя численныя выраженія для суммъ определенныхъ членовъ степеней сихъ дугъ или тангенсовъ, а также и для суммъ пѣхъ же степеней тангенсовъ, когда сіи послѣдніе равны, не проще соотвѣтствующимъ имъ дугамъ, но краткимъ отъ сихъ самыхъ дугъ. Доказательство этихъ формулъ было предложено Записки, кошорую я имѣлъ честь читать

Академії. Равнымъ образомъ читана мною, въ одномъ изъ засѣданій, малаго объема Записка, сообщенная мнѣ Профессоромъ Ришельевскаго Лицея Бруномъ. Въ этой Запискѣ Г. Брунъ излагаешьъ содержаніе и доказательство одной теоремы изъ Аналитической Геометріи, никогда еще не предложенной въ такомъ общемъ видѣ, и которая показалась мнѣ довольно важною для определенія кривыхъ второго порядка по даннымъ точкамъ. Наконецъ, Г. Шульпенъ, Профессоръ въ Гельсингфорсѣ, недавно прислалъ намъ дополнительную Записку о безконечно малыхъ кистяхъ свѣла; разсмотрѣніе этого труда поручено Академику Освободительному

По части Астрономіи осталось намъ, сверхъ труда Г. Спруве и Аргеландера, уже приведенныхъ выше между сочиненіями, изданными Академіею, упомянуть еще о двухъ Разсужденіяхъ по инструментальной Астрономіи: о призматическомъ кругѣ, усовершенствованномъ Г. Штейнгейлемъ, въ Минхенѣ, и о превосходномъ переносномъ пассажномъ инструментѣ, снабженномъ вертикальнымъ кругомъ и сдѣланномъ для Дерптской Обсерваторіи братьями Репольдъ, отличными Художниками въ Гамбургѣ. Этотъ небольшой инструментъ устроенъ по указанию Г-на Спруве и представляетъ результаты удивительной точности. Остальные труды нашихъ Астрономовъ имѣли предметомъ свою Географию, въ особенности Россійской Имперіи: Г. Вишневскій, въ двухъ Разсужденіяхъ, сообщилъ намъ астрономическое определеніе прицати главныхъ мѣстъ Европейской Россіи, а Г. Спруве вычисление значительного числа географическихъ координатъ мѣстъ, лежащихъ часцію въ Турціи и Малой Азіи, часцію въ Россійскихъ Областиахъ по сю и по ту сторону Кавказа, на основаніи наблюдений, произведенныхъ въ послѣднія кампании съ 1828 по 1832 годъ Офицерами Главнаго Штаба.

Г. Вице-Адмиралъ И. Е. Крузенштернъ, который сре-
ди многочисленныхъ своихъ должностныхъ занятий,
находилъ еще досугъ следовать внимаательнымъ окомъ
за всѣми новѣшими открытиями, которые могущь
служить къ пополненію нашихъ свѣдѣній о Гидрографіѣ
Южнаго Океана, сообщилъ намъ въ одной Запискѣ
критической свои замѣчанія о нѣкоторыхъ островахъ,
вновь открытыхъ въ этой часши Океана Фаннигомъ,
Мореллемъ, Виллингсомъ и Дюго-Силли. Другой кри-
тическій трудъ, относящийся къ новой Карте Евро-
пейской Россіи, изданной Военно-топографическомъ
Депо Главнаго Штаба Его Императорскаго Ве-
личества, доставленъ намъ Г. Кешченомъ, нынѣ Адъ-
юнктомъ Академіи. Наконецъ Г. Беръ читалъ намъ
весьма занимательное донесеніе о новѣшитѣ откры-
тияхъ, сделанныхъ Русскими мореплавателями на берегахъ
Новой Земли. Нѣкоторыя изъ сихъ любопытныхъ
свѣдѣній были ему доставлены молодымъ искусствѣнникомъ
Офицеромъ Корпуса Штурмановъ, Г. Циволкою, кото-
рый самъ, въ двухъ экспедиціяхъ, принималъ участіе въ
съемкѣ береговъ этого острова. Два ряда метеороло-
гическихъ наблюдений, произведенныхъ въ два послѣдніе
плаванія на Новую Землю и объемлющіе каждый про-
странство двѣлого года, были ввѣрены Г. Беру пять
же самыми ревностными морлкомъ и послужили пред-
метомъ трехъ диссертаций, читанныхъ въ непродолжи-
тельный промежутки одна послѣ другой, и разсу-
жающихъ о климатѣ Новой Земли, о дневномъ и го-
дичномъ ходѣ температуры, и о средней температурѣ,
которую Г. Беръ находилъ около — 9° С. Мы будемъ
еще имѣть случай возвращаться къ симъ прудамъ и
важныи ихъ послѣдовательности. Тотъ же Академикъ зани-
малъ насъ, въ разныи заstadtія, нѣкоторыми весьма лю-
бопытными геологическими фактами, каковы напр.
справляющія груды камней, коихъ еще не давно

замѣчено два достопримѣчательные образца на Южномъ берегу Финляндіи, и феноменъ постепенного убыванія водъ Балтийскаго моря, которое по мнѣнію Плейфера, Буха и Лейбеля должно приписывать не погженію уровня сего моря; а болѣе поднятію земли, происходящему отъ причины, еще не извѣданной. По предложению Г. Бера и съ разрѣшенія Г. Морскаго Министра, Академія обратила на этотъ предметъ вниманіе Г. Рейнеке, Калишана корабля, который, производя съемку береговъ Финляндіи, можетъ удобно изслѣдовать воз- вышеніе прежнихъ знаковъ поверхъ нынѣшняго уровня моря и прикажетъ вырубить въ скалѣ на данныхъ высотахъ новые знаки для будущихъ измѣреній. Третій геологическій вопросъ, на который обращено вниманіе Академіи Г. Беромъ, относится къ глубинѣ, до какой можетъ проникать въ землю холода въ Сѣверныхъ Широтахъ. Уже и въ прежнія пушечныя времена, когда предпринимали наши Академіи, было замѣчено, что почва Сибири, начиная отъ Ледовитаго моря до Байкала, заключаетъ въ себѣ вѣчные льды. Долгое время однако же не обращали вниманія на это наблюденіе, можетъ быть потому, что почтѣлись не вероятными, чтобы обильное произрастеніе, находимое въ тѣхъ мѣстахъ, могло развиться на оледенѣлой почвѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшими и основательнѣйшими розысканіями относительно распространенія шелопоны па нашей¹ планетѣ, доказано, что температура отнюдь не соображается съ одною лишь географическою Широтою, а вообще уменьшается во внутренности обширныхъ материковъ Сѣвера, каждое новое свѣдѣніе о шумперашурѣ земли въ Сибири приобрѣло новую занимательность. А какъ до此刻ъ намъ вовсе не дославало шочныхъ данныхъ на счетъ толщины ледяныхъ слоевъ, то Академія съ большимъ удовольствиемъ узнала, что одинъ Русскій купецъ, по имени

Шергинъ, Коммісіонеръ Россійско-Американской Компаниі въ Якутскѣ, единственno для удовлетворенія своего любопытства, велѣлъ вырыть на свой счѣть колодезь, въ кошоромъ на глубинѣ 11 сажень (77 Англійскихъ фунт.) нашлась еще температура въ 54° Р. ниже нуля, увеличивавшаяся постепенно до глубины 54½ сажень, гдѣ почва уже найдена была до того размягченію, что не смѣли ищиши далѣе безъ особыхъ мѣръ предосторожности, кошоры значительно увеличили бы издержки работы. Протоколъ вырываній Г-на Шергина, сообщенный Г. Гельмерсену, подальше сему послѣднему поводъ къ сославленію Записки, кошорую онъ предоспавилъ Академіи для помѣщенія въ ученомъ ея журналѣ. По предложенію Г-на Бера, Академія нарядила комиссію изъ своихъ Физиковъ, Гг. Парроша, Купфера и Ленца, для изслѣдованія, можно ли еще продолжать вырыванія и какой всего приличнѣе дашь ходъ дальнѣйшимъ розыскамъ.— Небольшой вулканіческій осшровъ, внезапно появившійся въ 1831 году между Юго-западнымъ берегомъ Сициліи и Африкою, послужилъ Г-ну Араго подтвержденіемъ гипотезы о поднимающихся изъ земли крашерахъ. Г. Парронъ, въ Запискѣ, читанной въ Декабрѣ сего года, утверждаетъ противное, а именно, что осшровъ Юлія вовсе не есть поднявшійся крашерь, а только взгроможденіе вулканіческихъ веществъ, выброшенныхъ во время изверженія на дно моря, и что мнимое поднятіе, отъ котораго будто бы произошелъ осшровъ, есть дѣло вовсе несбыточное по законамъ Физики. Записка Г-на Парроша напечатана въ Бюллешенѣ. — Мешеорологія, имѣющая въ нашей Академіи досѣйшаго представищеля въ Г. Купферѣ, болѣе и болѣе распространяющійся въ Россіи; число мѣстъ, гдѣ правильно производится мешеорологіческія наблюденія, снова увеличилось въ нынѣшнемъ году городами: Вологдою, Смоленскомъ, Клеванью,

Херсономъ, Якушкомъ и Симферополемъ, такъ что число всѣхъ метеорологическихъ станцій въ Россіи, о которыхъ Академія имѣетъ свѣдѣніе, проспираешся нынѣ до тридцати семи. Г. Купферъ самъ читалъ намъ свои замѣчанія о вліянії луны на шемпературу воздуха на поверхности земли, основанныя на метеорологическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ С.-Петербургѣ въ штученіе тринацати лѣтъ. — Падающія звѣзды, коихъ по видимому правильное появленіе въ году возбудило въ наши времена любопытство Физиковъ, обратили на себя, въ историческомъ отношеніи, вниманіе нашего ученаго Орієнталіста Г-на Френа. Отыскавъ въ Восточныхъ Писанияхъ всѣ мѣсца, въ которыхъ упоминается о появленіи сихъ метеоровъ, а особенно такія, где приводится и самое число мѣсяца, онъ нашелъ, что, сходственно съ новѣйшими замѣчаніями, время, когда эти звѣзды падаютъ въ наибольшемъ числѣ и блескѣ, обыкновенно приходится въ послѣднихъ числахъ Октября, и въ первой трети Ноября. Г. Френъ, въ подкрепленіе этого вывода, присоединилъ къ своей Запискѣ подлинные тексты Арабскихъ Авторовъ, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ.

Электричество и алектромагнетизмъ въ нынѣшнемъ году много занимали нашихъ Физиковъ. Какъ химическая теорія электричества, въ слѣдствіе трудовъ Г-на Де ла Рива и опытовъ Гг. Бекереля и Фарадея, пріобрѣла большое число приверженцевъ во Франціи и Англіи, то Г. Парротъ, одинъ изъ самыхъ старшихъ Физиковъ въ Европѣ и виновникъ основанной теоріи, рѣшился произвести рядъ опытовъ, могущихъ, по его мнѣнію, доказать неопровергнутымъ образомъ, что вовсе не существуетъ переходящаго по прикосновенію электричества и что электричество гальваническаго сполба и всѣхъ приборовъ подобнаго рода происходитъ единственно отъ окисленія металла.

Сей-то труда составилъ предметъ Разсужденія его, подъ заглавіемъ: *Nouvelles recherches en faveur de la théorie chimique de l'électricité.* — Извѣстно, что Г. Якоби изъ Кенигсберга, братъ знаменитаго Геометра того же имени, состоялъ нынѣ Профессоромъ Гражданской Архитектуры въ Дерпштѣ, трудился съ большимъ успѣхомъ на новомъ поприщѣ, отвергнѣомъ Физикъ безсмертнымъ открытиемъ Г-на Эрспеда, лѣть семнадцать тому назадъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, доказавшихъ въ Разсужденіи, напечатанномъ еще въ Германіи, посредствомъ остроумнаго прибора имъ самимъ устроеннаго, что электромагнитическая сила можетъ быть приспособлена къ движению машинъ. Въ началѣ нынѣшняго года, Г. Якоби подвергнулъ суду Академіи рукописное Разсужденіе, которое можно почесть продолженіемъ выше приведенного, и которое предсталяетъ описание большаго числа опытовъ, относящихъ къ магнитной силѣ пустыхъ желѣзныхъ трубокъ, намагниченныхъ электрическимъ зарядомъ, — вопросъ чрезвычайно важный, колѣ скоро идетъ дѣло объ употреблении электромагнетизма для приведенія въ движение машинъ. Въ слѣдь за симъ, въ письмѣ къ Г. Ленцу, ученый Дерпштѣский Профессоръ даетъ отчетъ о употребленномъ имъ способѣ для полученія постоянныхъ электрическихъ течений, который состоять въ погруженіи пластинокъ металла, изъ которыхъ состоятъ столбы, въ союзвѣтственную жидкость. Онъ именно выбралъ для мѣди пресыщенный растворъ сѣрнокислой мѣди, а для цинка растворъ нашатыря, и опредѣлилъ обѣ жидкости посредствомъ непроницаемой перепонки. По этому случаю онъ пригласилъ Г-на Ленца определить посредствомъ магнитно-электрическаго его прибора сопротивленіе, какое сѣрнокислая мѣдь въ прикосновеніи съ мешалломъ противополагаетъ течению электрической жидкости, — трудъ, щательно

выполненный Г. Ленцомъ и результатомъ онъ сообщилъ Академіи въ особой Запискѣ, напечатанной въ Бюллетењѣ. Изъѣсно, что въ послѣдствіи Г. Якоби, призванный въ С.-Петербургъ, получилъ опись щедропѣ Государя Императора потребныхъ средствъ для произведенія опытовъ въ большомъ видѣ, и между прочимъ для устройства электро-магнитического прибора, довольно сложного для приведенія въ движение судна. Комиссія, въ коей участвовали четыре Академика: Гг. Купферъ, Остроградскій, Ленцъ и я, призвана присуществовать при штудахъ Г-на Якоби и дать опись Правительству по совершенномъ ихъ окончаніи. Наконецъ ученый нашъ Членъ-Корреспондентъ Г. Норденскіольдъ, Чиновникъ Горнаго Вѣдомства въ Финляндіи, дославши намъ описание манометра, имъ усовершенствованного и весьма удобнаго къ измѣренію давленія воздуха въ машинахъ для душія.

Нашъ Химикъ, Г. Гессъ, совершилъ въ нынѣшнемъ году путешествіе по Германіи, Швейцаріи и Франції, для изученія переговоровъ съ означенними Европейскими Химиками на счетъ разныхъ предмѣтовъ своей Науки; онъ поѣхалъ лабораторіи Гг. Мишнер-лиха и Розе въ Берлинѣ, Г-на Вёлера въ Геппингенѣ, Г-на Либига въ Гисенѣ, Г-на Дюма въ Парижѣ, и разнымъ образомъ техническимъ заведеніямъ, показавшимъ ему достойными вниманія. Мы уѣрены, что эшо путешествіе, главною цѣлью кошего было удовлетвореніе досконального любопытства, не оспаривается безъ пользы для Отечества, потому что всякий Ученый, сколько бы онъ ни былъ искусенъ и дѣятеленъ, необходимо иногда чувствовать потребность изученія объясненія; особенно же въ области наблюданійъ Наукъ одно чтеніе сочиненій по своей части недостаточно, замѣнивъ выгоды личнаго сведенія и взаимнаго обмѣна идей. Опись шоего-то мы

и видимъ въ наше время, что эта потребность породила сначала въ Германіи, а потомъ во Франціи, Великобританіи и Бельгіи, пѣ ученыя съезды или конгрессы, единственная цель которыхъ есть сближеніе Ученыхъ между собою и польза коихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кабинетные труды Г-на Гесса ограничиваются въ нынѣшнемъ году двумя Разсужденіями, изъ которыхъ одно предшествуетъ опроверженіе мнѣнія, будто бы молочный сахаръ не способенъ къ броженію; а другое — изслѣдованіе состава сахарной кислоты. Важный выводъ изъ сего послѣдняго состоявшагося въ шоу, что органическія вещества могутъ заключать въ себѣ ашомъ воды въ водяномъ состояніи, но только соединенный съ ними еще непостижимымъ для насъ образомъ, и что для превращенія камеди въ обыкновенный сахаръ стоять только пріискать способы извлечения содержащагося въ ней атома воды. Г. Гессъ сверхъ того возобновилъ нынѣшнею зимою публичныя лекціи о Химії, читанныя имъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію Минералогического Общества. — Г. Докторъ Фришце, о шрудѣ котораго по части Физіологии растеній мы уже прежде имѣли случай говорить, сообщилъ намъ въ прехъ Запискахъ микроскопической свои наблюденія надъ сѣрными цвѣшами и результирующими нѣкоторыхъ химическихъ своихъ опытовъ, а именно новое соединеніе сѣрнокислой магнезіи съ водою, и два кристаллическия соединенія кремнекислой соды, также съ водою.

II. Разделъ Наукъ Естественныхъ.

Изъ Разсужденій по части Естественныхъ Наукъ приведемъ прежде всего двѣ Записки, доставленныя намъ Г-мъ Гельмерсеномъ, Маюромъ Корпуса

Горныхъ Инженеровъ, уже снискавшимъ цвѣтношь геогностическими своими путешествіями по Россіи. Въ одной изъ этихъ Записокъ Авторъ бросаетъ физической и геогностической взглядъ на Ураль и Алтай, а въ другой занимается изслѣдованіемъ отдельной горы первого изъ сихъ хребтовъ, именно съверной его части — Благодати, горы, состоящей изъ магнитного пирита, и коей геогностическое изслѣдованіе со-ставляеть предметъ этой Записки. Г. Гельмерсенъ умѣлъ облечь свои описанія въ занимательную форму, копорая, отнюдь не вредя ученому ихъ достоинству, придаещъ имъ подобіе привлекательныхъ картинъ, такъ что многие шумовые и иностранные журналы поспѣшили украсить ими свои листы: что и освобождаешь насъ отъ дальнѣйшаго распространенія о ихъ содержаніи.

Г. Бонгаръ чидалъ Разсужденіе о расширительности острововъ Бонинъ-Симы, на основаніи образцовъ, собранныхъ Г-мъ Мерпенсомъ въ экспедицію Сенявина; Г. Фишеръ сообщилъ намъ свои наблюденія о новомъ *Astragalus* изъ племени *Antibylooidiae*, а Г. Мейеръ свои замѣчанія о нѣкоторыхъ видахъ рода *Hymenobrychis*, и описание нового вида изъ рода *Catalpa*. Г. Нордманиъ прислали намъ предварительное опредѣленіе признаковъ нѣсколькихъ новыхъ породъ расценій, собранныхъ въ путешесствіе, совершенное имъ въ минувшемъ году по западнымъ областямъ Закавказья. Число этихъ породъ просширается до двѣнадцати и опредѣленіе ихъ сдѣлано Г-мъ Ледебуромъ: Г. Гепперть, Профессоръ въ Бреславль, помѣстилъ въ нашемъ ученомъ журналь весьма любопытный отчетъ о новѣйшихъ своихъ розысканіяхъ на счетъ строенія ископаемыхъ расценій. Г. Брандъ, призванный въ посредники ученаго спора, завязавшагося между Гг. Эльбъльдомъ и Де Фризе относительно расценія, дающаго звѣздочатый списокъ и описаніаго

нашимъ Академикомъ въ его продолженіи Врачебной Ботаники Гайе, произнесъ въ особой Запискѣ свое сужденіе объ этомъ спорномъ вопросѣ. Наконецъ Г. Трауфштѣръ, Адъюнкѣ при Императорскомъ Ботаническомъ Садѣ, поднесъ Академіи очеркъ Исторіи Ботаники въ Россіи, или лучше сказать полное обозрѣніе Литературы по этой части, въ кошоромъ собраны и распределены систематически всѣ сочиненія, изданныя какъ Отечественными, такъ и иностранными Ботаниками, если сіи относятся къ Россійской Флорѣ. Это обозрѣніе есть только предвѣстникъ труда обширнѣйшаго, составленіемъ кошораго теперь занимается Авторъ Г. Трауфштѣръ имѣть цѣлю предувѣдомить о томъ здѣшнихъ Ботаниковъ и пригласить ихъ къ дославкѣ ему такихъ свѣдѣній, которыхъ могли ускользнуть отъ его вниманія. Академія, признавая пользу подобнаго предпріятія, охотно приняла на свой счетъ изданіе этого обозрѣнія въ числѣ 200 экземпляровъ, половина кошорыхъ предосставляется въ распоряженіе трудолюбиваго Автора.

Труды по части Зоологіи, которыми занималась Академія въ нынѣшнемъ году, ограничиваются починою одною шолько Естественною Исторію птицъ, насекомыхъ и моллюсковъ, потому что Г. Брандшъ былъ преимущественно занятъ двумя довольно обширными работами а Г. Берь, сначала пріуготовленіями къ весьма важной ученой экспедиціи, а потомъ самымъ пурпешесшиемъ, послѣ же своего возвращенія составленіемъ отчета о своихъ прудахъ, о кошорыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить послѣ. Занятія Г.-на Брандша относятся во-первыхъ къ гребнымъ птицамъ (*st ganopodes*), къ нихъ оспеологія и сродству съ плавашельными (*plongeurs*) вообще и съ другими семействами птицъ. Далѣе нашъ Академикъ окончилъ подробное свое описание щитоносныхъ или зонтиковыхъ акалефовъ, открытыхъ

Мерленсомъ и уже отдалъ въ печать вмѣстѣ съ общими примѣчаніями и почти полною Естественною Исторіею сего рода медузъ. Систематический обзоръ всѣхъ извѣстныхъ породъ, который предположено было присоединить къ этому сочиненію, до того распроспрашивался въ объемѣ, чѣмъ Авторъ предпочелъ напечатать его отдельно въ слѣдь за самымъ описаніемъ, которое войдетъ въ составъ Записокъ Академіи. — Несколько отрывковъ изъ этихъ двухъ сочиненій, особенно изъ первого, и Записка о свѣтиящихся акалефахъ, замѣченныхъ Мерленсомъ, были сообщены ученой публикѣ въ *Bulletin scientifique*. Г. Брандтъ сверхъ того занимается монографіею семейства *Alcadeae*, — трудомъ, о кошоромъ онъ уже представилъ намъ предварительный отчетъ, и который, судя по собраннымъ Г.-мъ Брандтомъ матеріаламъ, обещаетъ сдѣлаться весьма полнымъ. Мы можемъ привести еще четыре Записки того же самаго Ученаго, изъ которыхъ одна опредѣляется съ большою иночношію отличительные признаки трехъ породъ, составляющихъ родъ фазона; вторая основывается новую породу кашарактовъ; третья излагаетъ наблюденія надъ нѣсколькими новыми видами рода бакланъ (*cagno phalacrosogah*), находящихся въ нашемъ Зоологическомъ Музеумѣ, а послѣдняя разсуждаетъ о четырехъ новыхъ породахъ змѣй, открытыхъ Г.-мъ Карелинымъ на западномъ берегу Каспійскаго моря и въ Сѣверной Персіи. — Желая доспавить нашему Музсуму нѣсколько видовъ птицъ, свойственныхъ Сѣверозападному берегу Америки, но запрудняясь въ указаніи Правителіямъ разныхъ Конторъ Россійско-Американской Компаниіи тѣхъ породъ, на которыхъ они должны преимущественно обратить свое вниманіе, Г. Брандтъ предложилъ Академіи разослать симъ Конторамъ литографированныя изображенія видовъ, менѣе извѣстныхъ. По одобреніи ѿшої мѣры и приведенія ея въ исполненіе искусственнымъ

нашимъ рисовщикомъ Г-мъ Папе, Г. Брандтъ вѣдомъ умножилъ число литографическихъ описковъ и издать ихъ съ приложеніемъ иллюстраціи на Русскомъ языке, подъ заглавіемъ: *Замѣтительныя птицы Сѣверозападнаго берега Америки*. Первый выпускъ сего сочиненія скоро будеъ приведенъ къ окончанію. Г. Нордманъ доказалъ намъ въ особой Запискѣ, что въ Европѣ существуетъ порода птицъ, котѣрую до сего времени встрѣчали только въ Сенегамбіи, Сиріи, Нубіи и Египтѣ, а именно порода ржанки, *charadrius spinosus* Линнея, которую Г. Нордманъ поймалъ въ окрестностяхъ Одессы. Тотъ же самый Ученый открылъ и описалъ въ другой Запискѣ орудіе голоса бабочки мертвовой головы (*gruox или acberontia atropos*), единственной, сколько донынѣ известно, породы чешуекрылыхъ, кото-рая бывъ встрѣчена, издаєтъ пронзительный, унылый звукъ, источникъ коего оставался до сихъ поръ неоткрытымъ. Г. Менетріе составилъ систематическую опись насѣкомыхъ, собранныхъ между Константи-нополемъ и Балканами, — трудъ, снискавшій одобрение Академіи и назначаемый къ изданію въ ея Запискахъ. Наконецъ Гг. Брандтъ и Беръ, сверхъ трудовъ, выше приведенныхъ, доставили намъ еще обстоятельные разборы трехъ сочиненій, изданныхъ въ Германіи: «Польской Палеонтологіи» Г-на Профессора Пуша въ Варшавѣ, сочиненія, посвященное Академіи, «Лѣсной Энтомологіи» Г-на Раццебурга, въ Нейштадтѣ-Эбер-сальде, и «Описанія жестокрылыхъ Бранденбургской Маркіи» Г-на Эрихсона, въ Берлинѣ. Что же касается до трудовъ Г-на Брандта въ званіи Директора Зоологического Музеума, то самое помѣщеніе, въ кото-ромъ мы сегодня собраны, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его дѣятельности: отличное состоя-ніе предметовъ, которые мы видѣли, пробѣгая эти об-ширные залы, порядокъ, въ нихъ повсюду господству-

ющій, и можно даже сказать, отчасти нынѣшнее богатство нашего Зоологического Музеума должны быть приписаны Г-ну Брандту: ибо сюда ни значительны суммы, издержанныя Академію въ пять послѣднихъ годовъ на зиоптъ Музеумъ, но безъ усердія и дѣятельности Дирекціора было бы совершенно невозможно въ такое короткое время достичнуть столь удовлетворительныхъ результатовъ. Съ будущей весны мы предполагаемъ назначить одинъ день въ недѣлю, въ который публика будетъ имѣть доступъ въ сіи залы для своего посещенія, и съдѣствено сегодняшнее наше засѣданіе можетъ быть сочтено какъ бы зиохой торжественного открытия новыхъ нашихъ Музеумовъ.

Исторія съ ея вспомогательными Науками, Нумизматикою и Археологію; Восточные языки съ ихъ необходимыми пособіями, Словарями, Грамматиками и литерапурными сочиненіями; розысканія по частямъ классической и сравнительной Филологии, и наконецъ Науки Политической, равнымъ образомъ, въ свою очередь дославили многочисленные предметы занятій нашей Академіи. Начиная съ Исторіи, мы приведемъ Разсужденіе Г-на Моргенштерна, Заслуженаго Профессора Дерптскаго Университета «О изученіи Византійскаго Историковъ», — историческая розысканія Г-на Успирялова «О постепенномъ развитіи внутренней жизни народа Русскаго» — предметъ, который онъ выбралъ также именемъ своей вступительной рѣчи, — Записку Г-на Шмидта «О герояхъ до-исторического времени», — роспись Афганскихъ поколій, составленную Г. Дорномъ, и небольшую записку, въ которой Г. Френъ повѣрилъ несколько неисправностей, вкравшихся въ Европѣ въ именахъ нынѣшихъ владѣтелей Хивы и Бухаріи. — По части Археологии, приводимъ прежде всего пространное сочиненіе, въ которомъ нашъ ученикъ Археологъ, Г. Келеръ, изложилъ результаты гла-

бокихъ своихъ изслѣдований о рѣзныхъ камняхъ, и которое должно было выйти на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Руководства къ точному познанію древнихъ рѣзныхъ камней, съ соображеніемъ геммъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ и доступимъ чашельнѣйшимъ камней другиѣ Европейскихъ коллекцій». Но по несчастію знаменитый Авторъ слишкомъ долго замедлилъ изданіемъ сего важнаго труда, плода многолѣтнихъ неувыомимыхъ розыскавій, и въ то самое время, когда началось печашаніе онаго, былъ постигнушъ шляжкою болѣзнию, которая и въ сей день лишаетъ насъ его присущістїи и которая, судя по его престарѣлымъ лѣтамъ, оставлеши намъ мало надежды видѣть его трудъ скоро оконченнымъ. Другой трудъ, имѣющій предметомъ древности Тавриды, недавно изданъ на Русскомъ языкѣ новымъ нашимъ Адьюнктомъ, Г. Кеппеномъ. Г. Моргенштернъ сообщилъ намъ въ особой Запискѣ нѣсколько лишерашурныхъ замѣчаній о грифонахъ древнихъ Авторовъ, изъписанные имъ въ опроверженіе слишкомъ смѣйной гипотезы Г-на Фишера фонъ-Вальдгейма въ Москвѣ. Г. Фрэнъ описалъ въ одномъ Разсужденіи нѣсколько искусственныхъ издѣлій и монетъ, найденныхъ въ курганахъ Южной Сибири и снабженныхъ надписями опредѣленного времени: что всپрѣчающіяся только весьма рѣдко на сихъ издѣліяхъ шансіевскаго происхожденія; сверхъ того онъ объяснилъ двѣ куфическія надписи, находящіяся въ Нахичеванѣ въ Арmenіи, одну на ворошахъ крѣпости, а другую надъ входомъ Ханского шерема, и съ колпорыхъ Г. Дюбуа де Монпере снялъ вѣрный копіи. — Упоминая о надписяхъ, привезенныхъ симъ любознательнымъ путешесственникомъ, мы скажемъ еще, что онъ вѣрилъ довольно значительное число Грузинскихъ надписей Г-ну Броссе, и что сей Академикъ избралъ ихъ предметомъ первого Разсужденія, читан-

шаго имъ Академіи и теперь нечашающагося, а сверхъ
того вручилъ ему кошю Тибетской легендѣ, выѣзан-
ной на колоколь Эчміадзинскаго монастыря и обья-
сненной Г. Шмидтомъ. Наконецъ, Г. Броссе принялъ
на себя трудъ испылковать нѣсколько Армянскихъ
надписей въ развалинахъ Болгаръ, коихъ снимокъ былъ
ему сообщенъ Г. Френомъ. По части Восточной Ну-
мизматики, Г. Френь описалъ нѣсколько важныхъ прі-
обрѣтеній Кабинета медалей Его Сілтельства Графа
Сергія Григорьевича Строганова въ Москвѣ; повѣрилъ
нѣсколько ошибокъ, вкравшихся въ «Нумизматику Сред-
никъ вѣковъ» Г-на Лелевеля; объяснилъ монеты, выры-
тые въ 1830 году близъ Шпекборна въ Тургавѣ и
ошибки которыхъ были ему присланы знаменитымъ
Германскимъ Еществониспытателемъ Г. Океномъ;
также изслѣдовалъ большое число монетъ, недознан-
ныхъ или недосшашочно описанныхъ другими Нумизма-
тами и указалъ имъ мѣста, которыя онѣ должны
отыскать занимать въ каталогахъ Восточной Нумизма-
тики. Просматривая монеты Али Ризы, онъ открылъ
годъ смерти этого Имама, и наконецъ въ двухъ Запис-
кахъ досставилъ намъ дополненія къ Нумизматикѣ Чин-
гизидовъ Ирана и свѣдѣнія о древнѣйшихъ монетахъ
династіи Сефи. Г. Броссе чипаль Записку о нѣкото-
рыхъ Грузинскихъ монетахъ Азіашскаго Музеума и
монографію Армянскихъ монетъ разныхъ коллекцій С.
Пешербурга и Парижа, а Г. Дорнъ опечель о разныхъ
Восточныхъ монетахъ, поступившихъ изъ бывшаго
Виленскаго Университета въ Университетъ Св. Влади-
міра въ Кіевѣ. Относительно трудовъ, имѣющихъ
цѣлію облегчишь изученіе разныхъ языковъ и Ліппера-
туръ Востока, уже изъ прежняго Отчета извѣстно,
что Г. Шмидтъ занимался Грамматикою и Словаремъ
Тибетскаго языка. Первая печатается, и уже приго-
шивающіяся матрицы мелкаго Тибетскаго шрифта для

напечатанія въ сльдѣ за симъ и Лексикона. Тотъ же Академикъ читалъ намъ обширное Разсужденіе о нѣкоторыхъ особенностихъ Тибетскаго языка и письменъ.

— Г. Броссе издалъ въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ свою Грамматику Грузинскаго языка, и первое препорученіе, возложенное на него по прибытии сюда, сошлось въ просмотрѣ рукописнаго и весьма полнаго Словаря сего языка, представленнаго Академіи однимъ молодымъ Грузинцемъ, Студентомъ здѣшняго Университета Г. Чубиновымъ, который Г. Броссе нашелъ совершенно достойнымъ одобренія. По предложению нашего Академика, типографія должна быть снабжена полнымъ заводомъ Армянскихъ літеръ, и двумя разными корпусами Грузинскаго шрифта, изъ коихъ болѣе крупный въ пунсонахъ, которые будуть вырезаны здѣсь по Парижскимъ образцамъ, а другой по мельче, вылитый по машрицамъ, который Его Свѣтлость Грузинскій Царевичъ Теймуразъ выписалъ на свой счетъ изъ Парижа и предоставилъ въ распоряженіе Академіи. Сверхъ того Г. Броссе сообщилъ публикѣ въ *Bulletin scientifique* занимательный разборъ одного Грузинскаго романа, подъ заглавиемъ: Амиранъ Дареджаніани, а молодой Оріен탈истъ Г. Петровъ сдѣлался извѣшнимъ Академіи Русскимъ переводомъ Санскритскаго отрывка, подъ заглавиемъ: Сиша-Гаранамъ, «Похищеніе Сиши», извлеченаго изъ Поэмы Адгіашна-Рамаяна, — переводомъ, который онъ обогашилъ пояснительными замѣчаніями и грамматическимъ разборомъ. Можно надѣяться, что Г. Петровъ, пробывъ несколько времени въ Берлинѣ, Боннѣ, Парижѣ и Лондонѣ, будетъ весьма способенъ къ замѣщенню среди насъ покойнаго Г-на Р. Ленца, о преждевременной кончинѣ кошораго мы съ прискорбіемъ извѣщали въ прошедшемъ году. — Какъ наиважнѣйшія произведения Восточной Літературы существуютъ, по большей

частии, только въ рукописи, то необходимо для пѣхъ, которые посвящающъ себѣ сему роду завѣшай, знашь по крайней мѣрѣ, гдѣ храняще сіи драгоцѣнныя, хар-щии и въ чёмъ именно состоящіе сокровища, стоящіяся въ разныхъ хранилищахъ Восточной письменности. Въ этомъ-то отношеніи мы обязаны благодарностью нашимъ Ориенталистамъ за то, что они по временамъ сообщающъ намъ по крайней мѣрѣ кашалоги сихъ многочисленныхъ мирныхъ доспѣховъ, непрерывно по-хищаемыхъ съ Востока ненасытнымъ духомъ Европей-ской любознательности. Такимъ образомъ Г. Френъ далъ намъ отчेपъ о первыхъ послѣдствіяхъ мѣръ, при-нятыхъ Г. Министромъ Финансовъ для пріобрѣтенія пушемъ размѣна важныхъ Восточныхъ рукописей. Г. Дорнъ описалъ намъ Эвіопскія рукописи, хранящіяся отчасти въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отчасти въ Библіопекѣ Азіатскаго Института при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Г. Броссе на-конецъ доставилъ свѣдѣніе объ Армянскихъ рукописахъ, принадлежащихъ тому же самому заведенію и кашалогъ рукописныхъ Грузинскихъ Карпъ, составленныхъ Ис-торикомъ Вахуштіомъ для обширнаго географическо-исторического его сочиненія. Подлинникъ сихъ Карпъ находился въ Москвѣ, и Академія доставила себѣ копію, снятую съ нихъ для Имеретинской Царицы Анны. Карпы сіи, по увѣренію Г-на Броссе, служать весьма много къ поясненію древняго состоянія Грузіи, а въ новѣйшее время даютъ обильныя историческія свѣдѣнія о раздѣленіи страны въ административномъ отноше-ніи подъ династіею Багратидовъ, и равномѣрно для синонимики мѣстъ, перемѣнившихъ свои названія.

Нашъ Филологъ, Г. Грефе, предающійся съ отлич-нымъ постоянствомъ и успѣхомъ розысканіямъ по части Лингвистики и Сравнительной Грамматики, пригото-вилъ для очереднаго своего чтенія два Рассужденія,

одно о желательномъ и сослагательномъ наклоненіяхъ Греческаго языка, а другое о дигаммѣ, оптическомъ діалектическомъ признакѣ Indo-Германскихъ народій.— Въ заключеніе приведемъ еще Разсужденіе по части Нравственной Статистики Г-на Германна, слѣдующее къ прежнимъ его разысканіямъ о томъ же предметѣ и двѣ спатии, присланныя къ намъ изъ Кяхты нашимъ Членомъ-Корреспондентомъ, Отцемъ Іакинеомъ, одну о управлениі и народонаселеніи Китая, а другую о состояніи народнаго просвѣщенія (*) въ сей достопримѣчательной странѣ, коей гражданственность, какъ полагаютъ, современна Исторіи прочихъ образованныхъ народовъ.

Соединяя подъ одинъ общий итогъ всѣ ученыя спатии, читанныя въ наши засѣданія и только бывшіе здѣсь обозначенные, мы найдемъ, что разрядъ Наукъ Математическихъ и Физическихъ представилъ ихъ 46, разрядъ Естественныхъ 30, а Наукъ Историческихъ, Политическихъ и Филологическихъ 42, и что слѣдовательно всѣ вмѣстѣ составляютъ 118 спатий, ш. е. вдвое больше противъ прежнихъ годовъ. Перебирая сіи разные труды въ отношеніи къ ихъ объему, мы всшрьчаемъ 10 ошѣльно печатаемыхъ сочиненій, 40 распространенныхъ диссертаций, которыя войдутъ въ составъ Академическихъ Мемуаровъ и 68 Записокъ или ошѣльныхъ спатий, о которыхъ можно утверждительно сказать, что онѣ обязаны своимъ бытіемъ учрежденію нашего ученаго журнала. — Мы можемъ еще присо-купить, что изъ числа сихъ 118 спатий, 86 сочинены Академиками, и что изъ двадцати постороннихъ Уч-ныхъ, приславшихъ намъ свои труды, 11 состоять въ званіи нашихъ Почетныхъ Членовъ или Корреспонден-товъ, а двое въ службѣ при Музеумахъ Академіи.

(*) Эта любопытная спатия будешь понятна въ слѣдующей Части нашего Журнала. Ред.

Извѣстно, что въ прошедшемъ году Академія предложила Правительству снарядить Экспедицію для окончательного определенія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей, потому что многія барометрическія нивелированія, произведенныя отчасти наблюдателями, коихъ одно и мя должно было внушать довѣріе къ полученнымъ ими результатамъ, представили данные споль между собою разногласныя, что, можно сказать, въ 1836 году вопросъ былъ споль же мало рѣшенъ, какъ и 25 лѣтъ назадъ, до первыхъ нивелированій. Между тѣмъ выводъ, полученный изъ сихъ нивелированій относительно къ понижению уровня Каспійскаго моря, послужилъ основаніемъ для самыхъ важныхъ геологическихъ гипотезъ, и потому необходимости требовала снова приняться за разсмотрѣніе сего вопроса, но при томъ такимъ способомъ, который привелъ бы къ неопровергимому заключенію. Способъ сей не могъ быть иной, кроме тригонометрическаго нивелированія, которое, въ связи съ одновременнымъ барометрическимъ, повело бы вмѣстѣ и къ точному определенію искомой разности и къ удовлетворительному объясненію неправильностей, замѣченныхъ дополѣ въ геодезическихъ результатахъ, выведенныхъ изъ соответственныхъ наблюдений надъ давленіемъ атмосферы. Такова была задача, которую предложила себѣ Академія послѣ изданія въ свѣтъ послѣдняго пушечнаго Г-на Паррота и имѣя въ виду трехъ молодыхъ Ученыхъ, кошорые соединяютъ съ потребными свѣдѣніями пламенную ревность, неохлаждаемую трудностями предпріяїя, Академія безъ дальнѣйшаго отлагательства представила планъ экспедиціи на усмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Мы не имѣемъ нужды напоминать здѣсь, съ какимъ живымъ участіемъ проектирующій былъ одобренъ двумя Министрами и съ какою щедростью Августѣйшій Монархъ созволилъ ас-

сигновашь сумы на издержки сей важной экспедиції. Обо всемъ этомъ уже было говорено въ послѣднемъ Отчєтѣ, а равно и о томъ, что путешесшвеникіи оправдвались отсюда въ Іюль мѣсяцѣ, приступили къ своимъ работамъ въ Октябрѣ, но по причинѣ неблагопріятнаго времени года, приуждены были прервать ихъ только въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ онѣ были начаты. Мы признаемся, что въ то время едва смѣли ожидать такого быстрого успѣха, о кошоромъ имѣемъ удовольствіе тешеръ уведомить: пошому что въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года наши Астрономы уже окончили свое важное порученіе, произвели тригонометрическое нивелированіе, которое, судя по обширности нивелированного проспранства, должно безпрекословно занимать первое мѣсто въ числѣ самыхъ трудныхъ предпріятій этого рода; а при томъ превосходство употребленныхъ орудій, выборъ метода и спеченіе разныхъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, все заставляешь надѣяться, что окончательный результатъ не оставилъ ничего болѣе желать въ отношеніи къ точности. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, отзывъ Г-на Струве, но разсмотрѣніе журналовъ наблюдений. Но за всѣмъ пѣмъ, чтобы достигнуть продолжительнымъ и труднымъ вычислениимъ многочисленныя даныя, собранныя въ продолженіе цѣлаго года, и наши Астрономы здѣмушся апою рабою безъ замедленія времени. А покамѣсть, чтобы удовлетворить общему любопытству, они сообщили намъ предварительный выводъ изъ приближительного вычисленія шолько нѣкошорыгъ наблюденій. По этому результату, который отъ дѣйствительнаго можетъ различься не болѣе какъ на пять фунтовъ, уровень Каспійскаго моря ниже уровня Чернаго моря на 101,2 Англійскихъ фунтовъ, или $14\frac{1}{2}$ сажень (около 16 щазовъ). Барометрическія высоты, определенные по всей

операцио́нной линиí, доставлять намъ вѣрный масштабъ для оцѣнки ступени точности шакъ называемыхъ нивелирований по станціямъ, потому что каждую разность высоты, найденную помощью барометра, можно будетъ сравнивать съ высотою, опредѣленною на той же станціи барометрическимъ нивелированиемъ. Соответственныя барометрическія наблюденія, произведенныя на двухъ крайнихъ пунктахъ, въ Астрахани и Таганрогѣ, въ теченіе цѣлаго года, посредствомъ инструментовъ, съведенныхъ со всевозможнымъ спариваниемъ; покажутъ намъ также, одинакова ли средняя барометрическая высота въ двухъ мѣстахъ, оставленныхъ одно отъ другаго на 9° долготы и лежащихъ почти подъ одною параллелью, принимая, само собою разумѣется, въ соображеніе относительное возвышение этихъ мѣстъ надъ поверхностью Океана, возвышение, которое теперь можно будешь опредѣлить во всей точности. И отсюда-то мы выведемъ другое заключеніе, не менѣе важное: а именно узнаемъ, до какой степени можно полагаться на барометръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вывесить разность высоты двухъ пунктовъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго, изъ соотвѣтственныхъ барометрическихъ наблюденій, произведенныхъ на тѣхъ же самыхъ пунктахъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Но не одна только Геология и Геодезія извлекутъ пользу изъ этой экспедиціи: она умножитъ также сумму нашихъ географическихъ и физическихъ познаній, потому что во-первыхъ дѣйствія ея доставляютъ намъ уже довольно точную съемку относительного положенія всѣхъ пунктовъ, чрезъ которые проходила операцио́нная линія, и тѣхъ, которые были съ нею соединены. Эта съемка будешь щащелько повѣрена большими числами измѣренныхъ экспедицію полярныхъ высотъ и азимутовъ, и абсолютная положенія каждого изъ сихъ мѣстъ будуть

определены посредством долготы крайних пунктовъ, выведенныхъ изъ наблюдений закрытія звѣздъ. Въ числѣ пунктовъ, определенныхъ въ отношеніи къ ихъ географическому положенію и высотѣ, всѣхъ занимательнѣе, безъ сомнѣнія, верхи Кавказскихъ горъ, потому что всѣ топографическія съемки тѣхъ странъ отнесены къ симъ вершинамъ и высоты ихъ на этотъ разъ измѣрены съ основанія, косо возвышеніе надъ поверхностью Океана определено математически. Далѣе можно надѣяться, что эти же самыя измѣрensiа поведутъ къ любопытнымъ заключеніямъ относительно дѣйствія земного преломленія лучей и послѣдовательнаго хода сего явленія въ посвѣщенномъ краѣ, какъ по времени года, такъ и по разнымъ periodамъ дня и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, ошь которыхъ зависиши большая или меньшая его сила: ибо эшо явленіе должно было постоянно и въ высокой степени обращать на себя вниманіе путешественниковъ, уже для того, чтобы прискать средстива къ отвращенію его вліянія на результаты наблюдений. Намъ остается привести еще два любопытныхъ замѣчанія, представившіяся нашимъ Астрономамъ. Предварительное вычисление показало нынѣ въ точности шѣ пункты, гдѣ, подавалось впередъ, что Восточному склону погруженной земли, они должны были переступить чрезъ водяную линію Океана и спускись ниже уровня моря. И въ самонѣ дѣлъ въ этомъ мѣстѣ они увидѣли разительное и почти неизапное измѣненіе въ свойствахъ почвы, а потому отнюдь не сомнѣваются въ томъ, что здѣсь именно начиналось прежнее ложе моря. Въ окрестностяхъ Чернаго Рынка, гдѣ поставленъ былъ послѣдній сигналъ на берегу Каспійскаго моря, жители утверждаютъ, чѣмъ защищашь море еще омывало ихъ селеніе, но пошомъ, убывая мало по малу, отступило на вынѣшнее разстояніе, шо сесь, на три или четыре версты.

Наші Астрономы приписываютъ поснепенное понижение водь этого моря дѣйствію испаренія, которое неспопльно лишаетъ его большаго количества воды, въ сравненіи съ птьмъ, которое оно получаетъ изъ синихъ пришоковъ, и они убѣждены въ томъ, что это понижение прекращится не прежде, какъ когда чрезъ поснепенное уменьшеніе поверхности озера, снова придуши въ равновѣсіе убыль водь его отъ испаренія и вознагражденіе ихъ посредствомъ пришоковъ.

Одинъ изъ пушечниковъ, Г. Фусъ младшій, возвратился въ С. Петербургъ 14 Декабря, ищащельно сѣривъ свой барометръ съ птьмъ, который служилъ для произведенія въ Астраханіи соотвѣтственныхъ наблюденій ламошинъ Апшекаремъ Г-мъ Оссе. Два другие Астронома, Гг. Заблеръ и Савичъ, отправились изъ Севастополя въ Таганрогъ, равномѣрно для поверки барометровъ.

Другая экспедиція, которая со временемъ сошлась въ эпоху въ лѣтомисахъ пушеческій по Россіи, если первое посѣщеніе пустынныхъ береговъ Новой Земли ученымъ Еспенсвойнштаделемъ. Извѣстно, что уже съ давняго времени животный Гренландія были изслѣдованы и описаны Ошпономъ Фабрициусомъ съ такимъ радѣнемъ, что можно смѣло сказать, Фавна шай земли въ концѣ прошлаго столѣтія, была лучше извѣстна, нежели Фавна Франціи. Благодаря усилиямъ Маршенса, Фиппса и Скоресби, наше знакомство съ произведеніями Природы въ Шпицбергенѣ довольно коротко и полно. Лапландія и Исландія принадлежатъ къ числу странъ наиболѣе изслѣдованныхъ въ отношеніи сущесніиенныхъ произведеній. Рас степенія Лабрадора, собранныя Миссіонерами Общеслава Моравскихъ брашьевъ, недавно были описаны Г-мъ Мейеномъ. Многочисленныя экспедиціи, предпринятныя Англичанами въ Сѣверныхъ странахъ Америки подъ начальствомъ Парри,

Ричардсона, Бака, всюду имѣла въ виду также живописные и расшения, свойственные синь сибирякъ, и Флора остррова Мельниля вѣроюно была намъ короче знакома, нежели Петербургская до изданія послѣдняго Кашалота Г-на Вейнманна. Однимъ словомъ, сношить только взглянувшись на Карпту, чтобы съ огорченіемъ удословѣришься, что познаніе произведеній глубокаго Сѣвера прекращающееся у самаго рубежа Россійскихъ владѣній, и что только на Восточной оконечности обширнаго нашего Отечества, близъ Берингова пролива и въ Охотскомъ морѣ снова вспрѣчаются иѣкоторые слѣды пребыванія шамъ отъ времени до времени Натуралистовъ. Въ нашемъ вѣкѣ географическое распределеніе живописныхъ и расшений, и Исторія переселенія первыхъ, составляющіе любимый предметъ изслѣдованія многихъ Ученыхъ. Но ища шаковыхъ же свѣдѣній для Сѣвернаго Полярнаго Пояса, безпрѣссанно вспрѣчаешь совершенное невѣдѣніе относительно Новой Земли, коей дѣственная почва никогда еще не была попираема спонсами Натуралисга и которая однако составляетъ важное звѣно въ сей цѣпи странъ, омываемыхъ водами Ледовищаго моря: ибо здѣсь должны стыдливаться естественные произведения Шинцбергена съ произведеніями Лапландіи, уже весьма различныя одни отъ другихъ, поэтому что это единственный островъ, который, образуя Сѣверную оконечность Европейскаго материка, представляетъ Сѣверный предѣлъ Фавны и Флоры этой части Сѣвера. По сей причинѣ каждое и самое незначительное расшеніе, привезенное съ Новой Земли, имѣшь право на наше вниманіе, и если бы даже мы знали напередъ, что не найдемъ шамъ ни одной новой породы, то и тогда еще не следовало бы заключать, что посыщеніе сей страны не приведетъ насъ къ весьма важнымъ результатамъ. Можешь быть, намъ скажешь, да и намъ самимъ

не безъизвѣстно, что Новая Земля была уже въ продолженіе шестнадцати лѣтъ предметомъ многочисленныхъ экспедицій, снаряженныхъ туда нашимъ Морскимъ Министромъ. Но всѣ эти экспедиціи имѣли цѣль чисто географическую, никогда не были сопровождаемы Натуралистомъ, никогда Академія не была призываема принимать въ нихъ участіе, и всѣ наши познанія о Природѣ сего острова въ началѣ нынѣшняго года ограничивались, сверхъ расписи употребительныхъ между шуземцами именъ разныхъ птицамъ, собранныхъ пому уже за полѣтка Лепехинымъ, и даже еще не подведенныхъ подъ систематическія названія, только коллекцію расщепл., привезенныхъ одною изъ послѣднихъ экспедицій и еще не доведенныхъ до свѣдѣнія публики.

На основаніи сихъ-то доводовъ, Г. Беръ въ Мартѣ нынѣшняго года сдалъ Академія свое предложеніе. Пишая съ самой юности неизрѣодолимое влеченіе къ Сѣверу, нашъ ученый Сочленъ немедленно по возвращеніи своемъ въ Россію, искалъ съ нестерпѣніемъ личнаго знакомства съ Русскими моряками и пушнинниками, посѣвшими разные пункты Арктическаго Пояса, коего, болѣе половины, проспиряясь на три части Сѣвера, подвластила Россійскому Скипетру. Уже извѣстно изъ прежнихъ нашихъ Отчепшовъ, съ какимъ пищаніемъ Г. Беръ умѣлъ воспользоваться драгоценными свѣдѣніями, собранными изъ усть сихъ неуспрашивыхъ пушнинниковъ Сѣвера, и мы еще сего дня въ спать о трудахъ Академіи, упомянуши о превосходныхъ разсужденіяхъ Г.-на Бера о Новой Землѣ. Г. Циволка, Офицеръ Корпуса Штурмановъ, сообщившій ему много показаній обѣ этой странѣ, уведомилъ его, что въ вынѣшнемъ году готовившаяся экспедиція для окончанія съемки Сѣверокосточного берега острова, единственный, который еще не опредѣленъ астрономическими наблюденіями. Г. Беръ немедленно возымѣлъ мысль

воспользовалась эшою экспедицио для осудешвиеніа
девниниаго своего желанія, и узная въ посѣдшииа,
что она ошложена, подаль Академіи идею снарядитъ
экспедицио на свой собственныи счѣть единшвейно
въ пользу Наукъ Еспесшвиеныхъ. Академія съ удоволь-
швіемъ одобрила эшопъ проекшъ, который быль при-
нятии съ немедышею готовносію и просвѣщенными
Начальникомъ Морскаго Штаба Княземъ А. С. Мен-
шиковымъ. Испросивъ Высочайшее разрѣщіе, Его
Святлости предоспавилъ въ распоряженіе Академіи не
только Офицера выше поименованнаго, но и небольшое
военное судно, стоявшее въ Архангельскомъ порту, съ
потребнымъ акипажемъ. Г. Беръ, въ сопровождениі од-
ного ученика нашей Зоологической лабораторіи, и Гг.
Леманна, Геогноста, и Редера, рисовальщика, оставилъ
С. Петербургъ около половины Іюля.

Увѣредные въ шомъ, что большая часть нашихъ
слушателей съ участіемъ читали историческое по-
рѣшованіе о семь пушшеславіи, мы не спааемъ здѣсь
повторять его въ подробности ц даже возвращаемся
съ сообщенія извлечениія изъ ученыхъ результатовъ
экспедиціи, изложенныхъ нашимъ ученымъ пушшес-
лавенникомъ въ предварительномъ отчетѣ, гдѣ онъ
масштраскою кистью начерталъ картины геогностиче-
скаго образованія, распределеніи, климата и Фавы
посвѣщенаго имъ края. Подобное извлечение, при уди-
вицельномъ изобилии любопытныхъ фактовъ и новыхъ
видовъ, заключающихся въ семь отчетѣ, было бы на-
дсякій случай весьма неудовлетворительно, а пошому
мы предпочлиась для окончанія эшой статьи, замѣ-
шивъ вообще, что наша экспедиція, благодаря Прови-
денію, принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ, ко-
торыи быди когда-либо предприняты въ шомъ краѣ.
Пушшеславенники провели шесть недель на берегахъ
Новой Земли и видѣли свои уездія удачными желаетъ

жизнь уединясь, ибо воинъ что Г. Беръ говорилъ един-
сменно о материальной добычи своего пушечества: «Многимъ показалось изумительнымъ, что мы, въ странѣ,
которая во всѣхъ отношеніяхъ представлена сплошь
сводства съ Шпицбергеномъ, нашли около 90 различ-
ныхъ породъ яйцебрачныхъ и около половины того же
числа яйцебрачныхъ расщеповъ, между ними какъ въ
Шпицбергенѣ, который былъ опять разъ посыщенъ
Нануралисами, не известно даже въ 50 породъ
изъ сихъ классовъ. Мы имѣемъ даже причину
полагать, что испещрили до нѣкоторой степени чи-
слу яйцебрачныхъ расщеповъ, чего конечно не можемъ
сказать о яйцебрачныхъ. Ч то касается до Зоологии,
то мы льстимъ себѣ увѣдѣніемъ, что разрѣшили за-
дачу довольно важную. Рыбная и звѣринная ловля, про-
мыселъ значительного числа нашихъ соотечественни-
ковъ, представлена множествомъ животныхъ, до сихъ
поръ знакомыхъ единственно подъ названіями прошпо-
народными, но коихъ ученыя имена оставались неиз-
вѣстными, такъ что, къ спѣду Наукъ Естественныхъ,
ни одно сочиненіе по части Зоологии не упоминаешь
о нихъ хотя съ нѣкоторою подробносцію, и многія
изъ нашихъ Русскихъ Руководствъ даже упоминаюшъ о
разныхъ породахъ тюленей, вѣдущіяся въ Гренландіѣ
и Шпицбергенѣ, вовсе не подозрѣвая, что ихъ ловили
цѣлыми тысячами на Бѣломъ морѣ; которое въ сплошь
многихъ отношеніяхъ несравнѣнно для насъ занима-
тельне. Сверхъ того мы надѣемся сообщить довольно
полную Фауну Новой Земли, одинаковольно къ выс-
шимъ разрядамъ, какъ изъ собственныхъ нашихъ на-
блюдений, такъ и изъ свѣдѣній, собранныхъ на самомъ
местѣ. Хотя море конечно заключаетъ въ себѣ еще
несмѣшное число животныхъ низшихъ разрядовъ, ко-
торыхъ мы не имѣли случая видѣть, но любопытно
будетъ узнать, что наши изысканія на Новой Земли

и берегахъ его доставили намъ болѣе 70 видовъ безъ позвоночныхъ животныхъ, погода же Скоресби уменьшаетъ ихъ не болѣе 57 для Шпицбергена. Вообще — присовокупляя Г. Беръ — если все маннеріады экспедиції будуть обработаны, то Фавна и Флора Новой Земли сдѣлаются болѣе извѣстными, нежели какой-либо другой страны, подъ шакою Ставрио Широтою, исключая развѣ Западную Гренландію, которая пользуется благопріятнейшимъ климатомъ, естественно должна быть богаче произведеніями и прошломъ была посѣщена вѣсколько лѣтъ сряду отъличными Натуралистами, и гдѣ обитающіе въ довольною чистѣ Европейцы представляютъ болѣе средѣшъ къ изслѣдованію. Сложеніе горнокаменныхъ породъ составляло предметъ изслѣдованій Г-на Лемана вѣмѣ, Гдѣ мы ни выходили на берегъ. Конечный результатъ состоялъ въ томъ, что глинистый и шальковый сланецъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, образуетъ главное основаніе горъ, перерѣзанныхъ шамъ и сямъ посѣщенными слоями другихъ породъ, принадлежащихъ къ той же формациѣ. На Югъ отъ Кослина Шара видѣнъ авгиштовый порфиръ, лежащий на ортоцератитовой известкѣ, и точно шакъ, какъ шо замѣчено и въ Иордании Гг. Бухомъ и Гаусманномъ, Наконецъ Г. Циволка замѣрилъ высоту значительныхъ горъ въ окрестностяхъ Машочкина Шара и далъ наблюденія по части мешеородогіи и магнезизма, а Г. Редеръ снялъ вѣсколько видовъ и срисовалъ разные предметы Еспесианной Исторіи.

Въ 1835 году мы увѣдомляли о любопытномъ путешесствіи, предпринятомъ Г. Шегреномъ для южнѣйшаго изученія народовъ Кавказа, ихъ нравовъ и обычаяевъ, преданій и звѣрованій, и преимущественно для основательного изслѣдованія спроенія грамматическихъ формъ и особенностей ихъ нарѣчій. Сіи послѣднія уже неоднократно привлекали вниманіе Европейскихъ Уче-

тъть съѣхъ порь, какъ Гильдѣишаедъ собралъ первый Словарь свой. Въ новѣйшее времѧ они сдѣлялись предметомъ ревностныхъ изысканий Клаиропса, и не тѣлько ему, конюре по видимому существовало между сими языками и пѣмы, книжъ изученіемъ занимался Г-н Шегренъ въ прежня свои пушеческія, онъ должны были возбудить въ высокой степени его любопытство и породить въ немъ желаніе познакомиться съ ними на самонъ мѣстѣ. — Въ послѣднѣмъ нашемъ Отчєтии мы обざались сообщить объ эшой экспедиціи болѣе подробностей, коль скоро она була окончена. Она еще недовершена; но за всѣмъ пѣмы мы не можемъ не упомянуть сегодня, чѣмъ, судя по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, она обѣщаєтъ всыма удивительные результаты. Кроме Грузинскаго и Черкесскаго нарѣчий, нашъ ученый Сочленъ въ особенности, занимался изученiemъ Осетинскаго языка — важнѣйшаго изъ всѣхъ Кавказскихъ по его рѣшильному сродству съ главными Европейскими языками и съ большими числомъ Азиатскими. — Онъ не ограничился богослужбами и образованійшими нарѣчіемъ сего языка, Тагаурокимъ; но воспользовался также многочисленными, отчасти печатными и отчасти рукописными матеріалами, доставляемыми ему досшойнымъ Экзархомъ Грузин, для того, чтобы ознакомиться съ Южнымъ Осетинскимъ нарѣчіемъ. И наконецъ, желая ознакомиться также съ Западнымъ Дигорскимъ нарѣчіемъ, а въ то же время наблюдать домашній бытъ Осетинцевъ въ отдаленѣйшей части ихъ земли и повѣришъ также свѣдѣніямъ, которыми мы обязаны покойному Клапрошу, онъ предпринялъ трудное спранствіе въ Дигорію, коего цѣль однакожъ, за недостаткомъ подмачей, не вполнѣ была досыгнута. Это-то обстоятельство побудило Г-на Шегrena испросиши въ Іюнѣ сего года продолженіе срока своего пушеческаго. Онъ узналъ въ Дигорѣ,

яко болѣвъ лѣстѣ Османскаго народенаго генія во
Моздокѣ воспомѣнъ изъ дареславшися Дигорцѣвъ, въ
какъ вѣши городъ бытъ долгое время пребывалъ
Миссіонеръ, которыи даже надѣянъ шамъ Османскій
Кашханъ, то Г. Шегренъ могъ обѣщать себѣ не
мало найдти шамъ случай въ изученію Дигорскаго
народа, но еще въ ожиданію какихъ-либо древнихъ
пишьменныхъ документіевъ, которыхъ могли бы послу-
жить къ изученію Исторіи Османцевъ и другіе
измены поколій. Сверть этого онъ надѣялся найти
шиль средоточія къ усовершенствованію себя еще въ
Черкассномъ языке, а можетъ быть даже и въ сослан-
іемъ Грамматики онаго, которая, кроме важности
въ ученомъ-отношеніи, была бы не безъ пользы и
въ политической нашихъ соображеніяхъ съ Кавказскими
горцами. Непрашиваемая оторочка была дана Г. Шег-
рену, и мы полагаемъ увидѣть его слова среди часть-
и будущемъ Генварѣ именій:

Скажемъ еще нѣсколько словъ обѣ экспедиціи,
предпринятой въ прошедшемъ году Г. Профессоромъ
Нордманномъ изъ Одессы въ страны на Восточномъ
берегу Чернаго моря. Экспедиція сія занимательна для
насъ во-первыхъ по уваженію, которое она внушаетъ
шамъ къ дарованиимъ и мужеству пуштешесливника, и
во-вторыхъ потому, что Академія содѣствовала ему
денежными вспоможеніемъ, и слѣдственно часть ученой
шашы, собранной въ это пуштешесливіе, обращавшейся
къ обогащенію нашихъ Музеумовъ. Въ этомъ-то по-
свѣднѣи отношеніи мы и сочли справедливымъ упомя-
нуть о немъ въ этомъ мѣстѣ. И такъ, не останав-
ливаясь на исторической части экспедиціи и опасно-
ся, есъ которыми пуштешесливникъ долженъ быть
бросаюся въ страну, где враждебный духъ природныхъ
живелей и пагубное влияніе климата противополагающій
артиллериї Фоккому ученому разысканію, мы скажемъ

проще, что жалва, собранные Г. Нордманномъ, состояли изъ 20 образцовъ сосцевидныхъ, 242 птицы, 89 земноводныхъ, 492 рыбъ, 40 черепокожихъ, 3600 насекомыхъ, 300 раковинъ, почви изъ 850 породъ расщепленъ въ 13,260 образцахъ, включая 30 видовъ, щадиобразныхъ, и изъ 155 породъ живыхъ расщепленъ и смытъ. Предметы сіи собраны въ окрестностяхъ Геденчика, Бамбара, Сухумъ-Кале и Дранде въ Абхазіи, вдоль берега отъ Редушъ-Кале до самой Турецкой границы, близъ рѣчки Челока въ Области Гургель и на плоской возвышенности Сомали между Гургеломъ и Ахалцихомъ, въ окрестностяхъ Трацезунта и Ризи, въ долинахъ Имеретии, у подошвы Лечгумскихъ горъ въ Мингрелии и въ самыхъ предмѣтахъ японской Области. Въ числѣ рыбъ, привезенныхъ Г. Нордманномъ, заключающиеся съ неимногими исключениями, всѣ породы, волнистые до соловья Падласа въ Черномъ морѣ и соединенные рѣкахъ, и сверхъ этого множество видовъ до сихъ поръ можно почесть новыми въ Фаунѣ шамоцкаго края. Г. Нордманнъ, конечно, не замедлилъ ближе ознакомить публику съ дослѣдованиеми своихъ разысканій, и Академія, благопріятствовавъ этой экспедиціи,можетъ поздравить себя не только съ пѣмъ, что обогатила сокровища Музеума большими числомъ шуземныхъ породъ, но и съ пѣмъ, что содѣйствовала успѣхамъ Науки.

Присужденіе Демидовскихъ премій по конкурсу 1836 года, происходило 17 Апрѣля, въ день Тезониенаписца Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Наслѣдника Престола, и было провозглашено въ публичномъ засѣданіи 2 Мая сего года. Полная премія въ 5,000 рублей были присуждены Г. Вице-Адмиралу Крузенштерну за его Атласъ и Гидрографический Записки Южнаго моря; Г. Аргедандеру, бывшему тогда Профессоромъ Астрономіи при Гельсингфорскомъ Универси-

шепть, за его Кашалогъ 562 неподвижныхъ звѣздъ, имею-
щихъ собственное движение и за важные результаты, выведенныя имъ изъ этого труда, и Г. Полковнику
Ушакову, Автору Исторіи войнъ въ Персії и Турції
въ 1828 и 1829 годахъ. Сверхъ того восемь другихъ
сочиненій получили поощрительную премію, въ 2,500
рублей каждая. Г. Крузеншернъ предоставилъ въ
распоряженіе Академіи премію, ему присужденную, съ
просьбою, чтобы она выдала ее при одномъ изъ по-
следующихъ конкурсовъ.

Въ 1829 году Академія назначила премію за разрѣ-
шеніе слѣдующей задачи по части Ботаники: произ-
вести новыя, основанныя на наблюденіяхъ и опытахъ,
изслѣдованія о возрастаніи ствола двудольныхъ расте-
ній, какъ въ цѣлости, такъ и въ отношеніи къ раз-
нымъ частямъ, принадлежащимъ къ образованію ствола:
при чёмъ должны быть повторены и подвергнуты
точному разсмотрѣнію опыты и наблюденія Дюгамеля
и Обера дю Пеппи-Туара, и въ особенности предполо-
женія, сдѣланныя Мирбелемъ и Дюшроше.

Академія въ то же время вызывала состоявшихъ
сообщить ей образчики ствола и тѣхъ частей ра-
стеній, надъ кошорыми будуть дѣланы опыты, если
они будуть способны къ сохраненію. Срокомъ кон-
курса опредѣленъ былъ 1833 годъ. Но какъ на эту за-
дачу не было получено отвѣта, достойнаго вниманія,
и въ то же время новыя догадки Г-на Вивіані въ Ге-
ннѣ на счетъ сплошныхъ орудій расщепленій и ихъ на-
значеній, возбудили важный сомнѣнія касательно основ-
ныхъ началь прежней расширенной Физиологии: что
Академія, желая видѣть сей важный вопросъ разсмо-
трѣннымъ съ новой стороны, отсрочила конкурсъ къ
1 Августа 1837 года.

На этотъ разъ Академія получила два Разсужденія,
одно на Французскомъ языке съ автографомъ изъ Бон-

иша : *Quel est le sujet d'histoire naturelle qui ne nous offre pas des abîmes ? Le sage choisit entre ceux qu'il juge les moins profonds, il les côtoie avec une modeste et respectueuse réserve ;* другое на Немецкомъ съ добавлениемъ : *Opinione commenta delet dies, naturae judicia confirmat.* Разсмотрѣніе сихъ диссертаций было поручено Г. Академику Бонгарду и Членамъ-Корреспондентамъ Академіи, Г. Шапшаку Фишеру и Г. Доктору Мейеру. Мы ограничимся приведеніемъ здѣсь въ немногихъ словахъ приговора, пронесенного Академію, на основаніи подробныхъ и весьма оптическихъ разборовъ ея Комиссаровъ.

• Первое изъ сихъ двухъ Разсужденій есть безспорно шрудъ весьма пищательный и достойный вниманія Бушаниковъ; но оно не разрешаетъ вопроса, предложеннаго Академію, пошому что Авторъ представляетъ болѣе разсужденія, нежели факты, критической разборъ трудовъ своихъ предшественниковъ, а не собственныхъ наблюденія, и въ этомъ видѣ оно конечно не могло быть сопровождаемо препаратаами, которыхъ требовала Академія, какъ бы въ подтвержденіе доводовъ.

• Авторъ втораго Разсужденія также не вполнѣ разрѣшилъ предложенный вопросъ. Онъ ограничился пущеніемъ наблюденія, съ умысломъ успранивъ всѣ опыты. Кришка, которой онъ подвергаетъ труды Французскихъ Бушаниковъ, не удовлетворительна; не подтверждая и не опровергая гипотезъ сихъ Ученыхъ, онъ вовсе умалчиваетъ о трудахъ Г. Вивіана. Наконецъ и это сочиненіе представлено безъ препараторовъ, какъ и первое. Однако съ другой стороны Авторъ даетъ намъ ощущеніе о многихъ Физиологическихъ изысканіяхъ, имъ самими сдѣланныхъ и весьма любопытныхъ, по нашему мнѣнію, особенно въ отношеніи къ расщепленіямъ, конъкъ внутреннее строеніе образуетъ какъ бы пер-

ходъ ешь однодольныхъ и двудольныхъ. Сравниваль-
ные наблюденія, раздѣленій праляныхъ и деревянистыхъ,
подходящихъ подъ одинакія физиологія семейства,
былъ сопутствіе иного содѣйствующаго къ объясненію сло-
вора образованія спвода. Сверхъ того Авторъ прило-
жилъ къ своему шруду 65 анатомическіе рисунка,
превосходно выполненные и не осправляющіе ничего
делаешь въ отношеніи къ точности, сколько о томъ
могли судить Комиссары, повѣривъ вѣконорыя изы-
сканія. Во всякомъ случаѣ это Разсужденіе, хотя и не
вполнѣ соотвѣтствующее усдоянію нашей программы,
но содержитъ въ себѣ много новыхъ идей и поучитель-
ныхъ изысканій, которые, сдѣлавшись известными,
могутъ указать другимъ Ботаникамъ спезу къ полно-
му разрѣшенію пруднаго вопроса Физиологии растеній,
составляющаго предметъ нашей Ботанической задачи
1829 года.

• Третій ученый, Г. Прѣфессоръ Мейенъ въ Берли-
нѣ, прислалъ намъ свое сочиненіе, изданное на Нѣмец-
комъ языке, подъ заглавіемъ: «Новая система Физиологии
растеній, Берлинъ 1837», съ письмомъ, въ кошоромъ
онъ просилъ Академію обратить свое вниманіе на гла-
зу, разсуждающую о предложенномъ вопросѣ и пред-
ставляющую, по мнѣнію Автора, довольно удовлетво-
рительное его разрѣшеніе. Г. Мейенъ присовокупляетъ
впрочемъ, что онъ ошпюдъ не намѣренъ войти въ со-
чиненіе, потому что обстоятельства не позволили
ему сообразоваться съ обыкновеніями, употребляемы-
ми при дочущеніи къ Академическимъ конкурсамъ.
Однако жъ въ спорону, Академія, по щашельномъ
разсмотрѣніи сочиненія Г-на Мейена, нашла однако же,
что предложенная задача не разсмотрѣна въ немъ со
войтъ споронъ. Впрочемъ она признаетъ превосходство
этого сочиненія передъ многими другими и благодаритъ
Берлинскаго ученаго Ботаника за сообщеніе доучи-

шельныхъ образчиковъ разныхъ породъ деревъ, приложенныхыхъ имъ къ его книгѣ.»

Послѣ всего сказаннаго нами, Академія должна была ошѣнишь свою задачу. Но чтобы публично за-свидѣтельшвовашъ участіе, возбужденное въ ней изысканіями, содержащимися въ Рассуждениѣ подъ № 2, она присудила Автору второстепенную награду во 100 Голландскихъ червонныхъ и сверхъ этого принимаетъ на себя, если пожелаетъ Авторъ, надать шрудъ его на свой ечёшъ, представивъ въ его распоряженіе 50 экземпляровъ (*).

(*) По распечаткамъ записки, принадлежавшей къ упомянутому сочиненію, оказалось, что Авторъ онаго есть Докторъ Ульдеръ, Профессоръ Зоологии и Ботаники за Грецѣ, за Аистиріа.

2.

ВЫПИСКА

изъ протоколовъ засѣданій

археографической комиссіи.

Засѣданіе 29 Ноябрь.

Читано оглашеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 18 Ноября, объ осмотрѣ, по распоряженію мѣстныхъ Начальствъ, архивовъ Присутственныхъ Мѣстъ въ Кавказской Области и Енисейской Губерніи, и о неошысканіи шамъ древникъ рукописей.

Читано утвержденное Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія определеніе, отъ 25 Ноября: «Соспоящаго ие у дѣлъ Коллежскаго Ассессора Онацевича занимашъ при Комиссіи, по ея усмѣшрѣнію, приготовленіемъ къ печатанію актовъ, относящихъ до дѣлъ Западной Руси и Ливонскаго Ордена, на языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Польскомъ и Французскомъ, съ порученіемъ ошыскивать для включенія въ это собраніе подобные акты въ С.-Петербургскихъ Библіотекахъ.»

Чиновникъ Комиссіи Маишевъ, при донесеніи отъ 7 Ноября, представилъ списки спаринныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Астраханскаго Губернскаго Правленія подъ № 23, 24 и 36. Положено: передать списки актовъ, для разсмотрѣнія Главному Редактору Бередникову.

Шаршій Учитель Костромской Гимназії Федотовъ, при письмѣ отъ 29 Октября, представилъ Комиссіи принадлежащій ему рукописный Хронографъ. Положено: поручить разсмотрѣніе онаго Члену Усприлову, а Г. Федотову изъявить благодарность отъ имени Комиссіи.

Коллежскій Ассесоръ Князь Енгалычевъ пожершовалъ въ пользу Комиссіи двѣ рукописи, подъ заглавіемъ: а) О рожденіи Петра Великаго, и б) Алфавишъ (родъ Словаря). Положено: первую рукопись передать для разсмотрѣнія Члену Комовскому, а вторую, какъ относящуюся къ занятіямъ Императорской Россійской Академіи, препроводить въ ону; Князя же Енгалычева благодарить за дославленіе сихъ рукописей.

Засвіданіе 13 Декабря.

Читаны: а) описаніе Г. Сташевъ-Секретаря Танѣева къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 5 Декабря, съ возвращеніемъ всеподданѣйшей докладной записки Государю Императору о дѣйствіяхъ Археографической Комиссіи, и б) означенная докладная записка.

Корреспонденція Комиссіи, Коллежскій Ассесоръ П. Строевъ, письмомъ отъ 27 Ноября, доноситъ Г. Предсѣдашелью, что въ Государственномъ Спбърѣ Архивѣ просмотрѣно иль болѣе десяти шысѧть сподѣлевъ и шепрадей, съ которыхъ списки онъ дѣяшельно приготовляшь для Комиссіи.

Г. Предсѣдашель объявилъ, что онъ описаніе къ Г. Библіотекарю Его Императорскаго Величества, Управляющему Эрмітажною Библіотекою Седжеру, о допущеніи Правителія дѣлъ Комиссіи Коркунова къ

осмотру цешорическихъ рукописей, хранящихся въ означенной Библиошкѣ. Въ сльдь за пть читаніо отношеніе Г. Управляющаго Эрмитажною Библиошкою къ Г. Предсѣдателю, отъ 30 Ноября, о распоряженіи, сдѣланномъ имъ по сему предмету. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Читано отношеніе Г. Министра Внушренійъ Дѣль къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 28 Ноября, съ препровожденіемъ отрывка Разрядной книги, ошыканной въ Обоянскомъ Городническомъ Правлениі. Положено: хранить въ Комиссіи, передъ до особаго распоряженія.

Г. Министръ Внушренійъ Дѣль, при отношеніяхъ отъ 28 и 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія присланые изъ Верхнушурскаго Уѣзднаго и Иркушскаго Губернскаго Архивовъ, сшаринные столбцы и десѧть счещныхъ и другихъ шепрадей, относящихся къ управлению Сибирскаго края. Положено: столбцы передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову, а счесныя и другія шепрады Члену Краевскому.

Г. Сшасъ-Секретарь Балугіянскій, при отношеніи отъ 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Предсѣдателю составленный Директоромъ Типографіи II Ошѣдленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, примѣрный расчетъ, во что обойдется печашаніе «Юридическихъ актовъ» и «Указашеля къ чепыремъ томамъ Актовъ», собранныхъ Археографическою Экспедицію. Г. Предсѣдатель присемъ объявилъ, что онъ уже отнесся къ Г. Сшасъ-Секретарю Балугіянскому, о сданіи по сему предмету нужныхъ распоряженій.

Читано отношеніе Г. Управляющаго Азиатскимъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

иъ Г. Предсѣдашю, опъ 30 Ноембра, съ препровождениемъ списка съ донесенія Драгомана Сашскаго Совѣтника Ярцова, которому поручено было размощрѣть переводы съ Ташарскаго и Турецкаго языковъ Ханскаго храмка XVI, и Турецкаго Судебнаго дѣла XVII вѣка, при чмъ приложены и самыя копіи съ означенныхъ переводовъ. Положено: донесеніе Г. Ярцова, вѣсѣть съ переводами, препроводить въ Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, для напечата-нія по ея усмотрѣнію.

Г. Министръ Внуширеній Дѣлъ, при ошношеніи опъ 30 Ноембря, дославши Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, старинные столбы, хранившіеся въ архивахъ Тульскаго Губернскаго и Каширскаго Городническаго Правленій. По донесенію Г. Исправляющаго должностъ Тульскаго Гражданскаго Губернатора, Г. Министръ Внуширеній Дѣлъ изъясняетъ, что въ архивахъ прочихъ городовъ Тульской Губерніи не описано никакихъ примѣчательныхъ рукописей. Положено: означенные акты передать для размощрѣнія Члену Бородинкову.

Члано ошношеніе Г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, опъ 5 Декабря, о сдѣланномъ ми распоряженіи къ исходашайшвованію у Любекскаго Правительства доаволенія допускши Корреспондентъ Комиссіи Коллежантъ Секретарей Невѣрова и Сироеева въ Любекскій Архивъ для осмотрѣа хранящихся тамъ историческихъ актовъ, относящихся къ Россіи. Г. Предсѣдашель объявилъ, что онъ уже даль знать о семъ находящимся за границею Гг. Невѣрову и Сироееву, и просилъ ихъ войти между собою въ предварительное по сему предмету соглашеніе.

Члано ошношеніе Г. Помощника Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа къ Г. Предсѣдашю,

ошь 20 Ноябръ, о томъ, что къ осмотрѣ архивъ Молчанского монастыря, Софроніевой и Глинской пустыни и Пуптивльскаго Уѣзднаго Суда онъ полагать бы назначить Штатнаго Смотрителя Училищъ Тешерина. Положено: испросить по сему предмету разрешеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Членъ Устриловъ читалъ слѣдующее донесеніе:

• Разсмотрѣвъ двадцать актовъ, доспавленныхъ въ Комиссію изъ архива Полшавскаго Уѣзднаго Суда и Переяславской Городовой Ратуши, имѣю честь донести, что изъ числа ихъ при акта на Польскомъ языке суть грамоты Короля Владислава, ошь 7 Марта 1633 и 12 Марта 1637 года, о подтвержденіи шаможенныхъ и цѣховыхъ правъ, данныхъ городу Переяславлю прежними Королями; въ прочихъ же семиадцати актахъ заключаются одиннадцать манифестовъ и грамоты Петра Великаго къ Малороссійскому народу во время Шведской войны, большую часть печатные, объ измѣнѣ Мазепы, объ избраніи въ Гепманы Скоропадскаго и о земскихъ повинностяхъ, одинъ Указъ Императора къ Кексгольмскому Команданту о посыпкѣ соли для работъ при Олонецкихъ марціальныхъводахъ; при грамотѣ Императрицы Анны къ Малороссійскому народу о избраніи впредь до повелѣнія Гепмана и о уменьшеніи разныхъ сборовъ, и два Указа Императрицы Елизаветы о назначеніи Гепманомъ Графа Разумовскаго. Три первыя грамоты, по мнѣнію моему, могутъ войти въ «Собрание актовъ о Западной Россіи» если только, по сличеніи съ другими подобными, не окажутся они одного содержанія; осшальная за шѣсть ошчастіи напечатаны въ «Полномъ Собраниі Законовъ», ошчастіи не имѣютъ исторической важности. Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Устрилова, напечаташъ три первыя грамоты въ «Собраниі Актовъ Западной Россіи».

Главный Редакторъ и Членъ Комиссіи Бередниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Въ 41 статьѣ Высочайше утвержденныхъ Правилъ для руководства Археографической Комиссіи сказано: «приготовляшь къ изданію Русскія Лѣтописи по спискамъ наиболѣе вѣрныхъ, съ присовокупленіемъ къ каждому вариантовъ изъ однородныхъ или побочныхъ списковъ». Приспуштавъ къ приготовленію текста «Опѣльного Временика Нестора», я принялъ за основаніе Лавренціевскій списокъ, какъ наиболѣе древній, который долженъ быть объясненъ множествомъ вариантовъ, заключающіхся въ другихъ спискахъ Лѣтописей и Лѣтописныхъ Сборниковъ. Между тѣмъ чесьшъ имѣю предложить на разрѣшеніе Комиссіи слѣдующій вопросъ: Извѣстно, что въ самомъ исправномъ спискѣ, принятомъ въ основаніе текста какой-либо Лѣтописи, могутъ встрѣтиться погрѣшиности, пропуски и цѣлые мѣста, испорченныя переписчиками; въ такомъ случаѣ настоящаго чтенія должно уже опыскивать въ побочныхъ спискахъ. Приведу примѣръ. Въ Лавренціевскомъ спискѣ сказано, что народы, принадлежащіе къ колѣну Іафетову, населяющему Польччнія и Западные страны, принадлежатъ къ полуночи и сѣдятъ съ племенемъ Хамовыми. Здесь слово къ полуночи явная ошибка, потому что страны, входящія въ удѣль Хамовъ, лежать ошь Іафетова колѣна къ Югу. Въ Ипашевскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ именно къ полуночи сказано къ полуночью. Чтеніе вѣрное! — Какой же способъ употребили при изданіи Русскихъ Лѣтописей? Принявъ за основаніе текста какой-либо исправный списокъ, должно ли передавать его безъ малѣйшей ошибки, со всеми его ошибками и погрѣшиностями, какъ бы они ни были явны, или испорченныя слова и выраженія основнаго списка замѣняшь соотвѣтственными имъ изъ побочныхъ, если они окажутся болѣе правильными? Въ

первомъ служитъ главный спосо́бъ передашии съ дипломатическому языкошю, а все разнословія, заключающіяся въ побочнѣхъ спискахъ, показууютъ въ подстрочныхъ выноскахъ; во второмъ случаѣ, на оборотѣ, соообщавшими искаженнымъ въ главномъ спискѣ слова и выраженія внесущія въ текстъ изъ побочныхъ спискахъ, а пограничноши главного обозначающія въ варианшахъ. — Если издатель «Полнаго Собрания Русскихъ Лѣтописей», при множествѣ списковъ, спешъ рабски придерживавши одного изъ нихъ, т. е. излагашъ шеконъ какой-либо Лѣтописи только по одному списку: что такое издашь ли по преимуществу правильно? Такъ ли ученые Нѣцы издавали Гомера, Виргиля, Цицерона, Таціана? Такъ ли новѣйшие Германскіе Археологи печатающъ свои *Монумента historicæ*?... Будешь ли такое изданіе даже удобно для чтенія? Предположимъ, что все разнословія главного и побочнѣхъ спискахъ ощешливо показууютъ въ подстрочныхъ выноскахъ: но не затруднишь ли на каждой строкѣ читателя опыскиваниемъ испиннаго чтенія во множествѣ варианшахъ? Всъ эти неудобства, по моему мнѣнію, устраняются, если при изданіи Русскихъ Лѣтописей будешь принять способъ, который руководствовалась знаменитѣйше изъ Европейскихъ коменшишоровъ, и которому Гг. Тимковский и Спроевъ упошребили при изданіи Лаврентьевскаго Несшора и Софійскаго Временика: т. е. начинать шеконъ каждого основнаго списка, гдѣ онъ окажется правильнымъ, безъ малайшей ошибки онь подлинника, но испорченныи мѣста исправлять по однородныи или побочнѣхъ спискахъ, съ показаниемъ ихъ въ варианшахъ. Изложивъ мнѣніе мое, честнь имѣю испрашивашъ разрешенія Комиссіи: какой изъ списъ способовъ долженъ быть упошребленъ при изданіи «Полнаго Собрания Русскихъ Лѣтописей»? — Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Бе-

редникова, мыша явно испорченный въ каждомъ основ-
номъ спискѣ какои-либо Лѣтописи, исправлять по
однороднымъ или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ
ошибокъ подлинника точными его словами въ вариан-
тахъ, пр. съ настоящею помѣщать въ текстѣ.

IV.

НОВОСТИ И СМЕСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ.

1) *Письма о Богослужении Восточной Кавказской Церкви*. С. Петербургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелярии 1858. 448 стр. in-8°.

Съ тѣхъ поръ, какъ Промысломъ Божиимъ и заботливостию Русскихъ Самодержцевъ Отечество наше взошло на чреду знаменитѣйшихъ Державъ и какъ сознаніе внутренняго доскональства обратило насъ къ внимательному изслѣдованию собственныхъ нашихъ сокровищъ, не проходишь и года, чтобы мы не разрабатывали ихъ болѣе и болѣе. Богатство,шаившіяся въ недрахъ нашей земли; живописныя свойства нашей обильной, благозвучной рѣчи; блестящія картины нашей Исторіи — возбуждающъ общее всѣхъ вниманіе. То же должно было послѣдовать и съ высшою, духовною широтою жизни нашей — съ Вѣрою, которую мы наследовали отъ предковъ. Правительство неусыпно печелся о семъ великомъ предметѣ. Между тѣмъ ирѣшно видѣть и частными усилиями, съ особыми усиліемъ обращенные къ той же цѣли. Къ числу ихъ мы

обязаны ошиесши книгу, наии разсматриваемую, ко-
шорой предметъ не можеть не быть близокъ къ сердцу
и каждого испиннаго Христіанича, а пѣмъ болѣе
члена той Церкви, коей мы, Русскіе, одолжены и свѣ-
щомъ Евангельскаго ученія и самою щердостію нашей
Государственной силы.

Кто изъ нась могъ бытъ равнодушнымъ зришемъ
священнодѣйствія въ храмѣ Божіемъ? кто не прибли-
жался съ благоговѣйнымъ прешепомъ къ престолу, на-
коемъ совершаєця спрашная шайна нашего спасе-
нія? не внималъ съ умленіемъ стройному хору, сла-
вящему Царя Царей? Но кому шакже не случалось
упрекашь себи и въ развлечениі во время церковной
службы? Кроме врожденной человѣку слабости, причи-
ною шому бываєшъ не рѣдко и самое незнаніе наспоя-
щаго значенія Богослужебныхъ обрядовъ. Вотъ поводъ
къ сочиненію пѣхъ Писемъ, за которыя не лъзя не
благодаришь Автора отъ искренняго сердца. Въ ка-
комъ духѣ Христіанской любви и крохотности и съ
какою скромностию они написаны, о томъ Читашели
могущъ получиши понятіе изъ самаго вступленія, слу-
жащаго сей книгѣ предисловіемъ. Припомнивъ другу
своему, къ которому обращены письма, совокупное
съ нимъ посвѣщеніе нѣкоторыхъ священныхъ мѣшъ,
Авторъ говоритъ: «Не смотря на торжественность
служенія, на согласіе хоровъ, я замѣчалъ въ тебѣ уста-
лость преждевременную, и она была болѣе правдивая,
нежели физическая. Наружное величие обрядовъ,
безъ ихъ внутренняго, глубокаго смысла, не могло за-
нимать тебя; чтеніе же маловнапное и совершиенно
тебѣ познаніе, хотя и прерывалось иногда гармо-
ническимъ пѣніемъ, но невольно продолжало для тебя
всенощную, ибо ты не зналь ея наспоящаго хода; а
незнакомый путь во мракѣ казешся намъ всегда безко-
ническимъ. Между пѣмъ я также замѣшиль, что всякий

разъ, когда до твоего слуха доходила знакомая молитва, ты съ благоговѣніемъ ей предавался, и это мнѣ подало благую мысль объяснить тебѣ, по мѣрѣ слабыи силъ моихъ, тѣ мысли краснорѣчіаго и пропагандистскаго служенія нашей Православной Церкви, съ которыми ты менѣе моего имѣль случаѣ познакомишился. Не ожидай однако же многаго отъ собственной моей иконышиности въ дѣлѣ, требующемъ духовныхъ познаній. Безполезно даже и предосперегашь тебѣ, ибо ты довольно знаешь, сколько поверхности мої свѣдѣнія; но сіе самое даетъ мнѣ смѣлость говорить съ тобою откровенно о предметѣ близкомъ моему сердцу. Быть можетъ, если бы ты подозрѣвалъ во мнѣ больше духовнаго знанія, ты избѣжалъ бы меня, какъ скучнаго учителя; но ты не спаешь уклоняющаго друга, во всемъ тебѣ равнаго, кошораго успа говорить отъ избышка сердца.

Сочиненіе раздѣлено на четьре главныя части или книги, слѣдующаго содержанія: I, О Литургіи и Всенощной; II, О Великомъ Поспѣхѣ и Пасхѣ; III, О седьми Тайниствахъ, и IV, О праздникахъ и погребеніяхъ. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ въ особенности.

I. *О Литургіи и Всенощной.* Учрежденіе Литургіи ведетъ свое начало отъ первыхъ временъ Христіанства; ея обряды сохранились свято и донынѣ, имень видъ символическій. Удивительно ли, что человѣкъ, не углублявшися никогда мыслю въ сокровенное значеніе ихъ, колеблется при совершении онъ между суевіемъ любопытствомъ и недоумѣніемъ? Авторъ предвидѣлъ эпоху прагматичное состояніе души, и признавая шому источникомъ недостатокъ сравненія нынѣшней Литургіи съ первоначальнымъ ея установлениемъ и упущеніе изъ виду цѣпи постепеннаго образования ея подробностей въ щечнѣе нѣсколькихъ вѣковъ, онъ зна-

комитъ Чишателей съ порядкомъ Богослуженія первыѣ времена Христіанскихъ, указываєшъ въ немъ то же раздѣленіе на Проскомидію, Литургію оглашенныхъ и Литургію вѣрныхъ, которое донынѣ сохранилось; изъясняєшъ наконецъ древнее учрежденіе просфоръ и разныхъ обрядовъ, также сокращенія Литургіи Апостола Іакова (перваго Іерусалимскаго Епископа) Святыми Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ — изъ снисхожденія къ немощи человѣческой, тогда какъ она и донынѣ поется вси сполна въ день памяти Апостола Іакова въ Іерусалимѣ.

Вниманіе Чишателя обращается въ особенности къ Архіерейскому служенію. Онь слѣдуешь мыслю за Святымъ ко вратамъ алтаря и потомъ къ возвышенному итешу среди церкви и народа, присуществуешь при облаченіи его въ священный одѣжды, узнаешь значеніе существенныхъ частей облаченія и поспигаешь мало по малу молитвы и обряды, болѣе открытыя вниманію всякаго предстоящаго. Поясненія, Авторомъ при семъ случаѣ употребляемыя и направленыя къ назидательной цѣли, возбуждающи небольно чувства благочестія и смиренія. Можно ли читать равнодушно мысли его при заключеніи Литургіи оглашенныхъ! «Ты скажешь» — говорить онъ — «за чѣмъ шептерь обрядъ сей почти ющешный, когда уже идти разряда оглашенныхъ, готовящихся къ Св. Крещенію, потому что все окрещены съ изадечствомъ, а разрядъ кающихихся и оплутченныхъ онь Тамистъ большею часцію не примѣтъ въ церкви? Подумай однако же, сколько есть между нами такихъ, которые только оглашены Вѣрою Христовою, но не вѣрющъ, призваны ко спасенію и не идутъ; ющешно спрашиваются Церковь умягчить ихъ сердце молитвою, произнить его словомъ Божіимъ, — они имѣющъ уши, чтобы не слышать, и очи, чтобы не видѣть, и оправившися къ погибели какъ бы на иккѣ пиръ, имъ уго-

шованный рукою вѣчной смерти, ошклоняя ошь себя
шу духовную шрапезу, какую предлагашъ имъ Искуши-
тель, въ пріобщеніи собственнаго шѣла и крови, взы-
вающій: придиша ко мнѣ всѣ шружающія и обре-
мленніи и Азъ упокою вы. И что говорю я о другихъ?
Взглянемъ на самихъ себя: не мы ли первые оглашен-
ные? — Что скажешь? мы исповѣдаемъ Христа! шакъ,
но не успами ли шолько? дѣла же наши лучше ли
языческихъ? а по словамъ Писания вѣра безъ дѣлъ
мершва. Нашъ, другъ мой, съ трепетомъ преклоняю я
голову при возглашениіи Діакона: «оглашенніи главы
ваша Господеви приклониша!» послѣ кѣтораго они
должны изгоняясь изъ храма; молюсь въ сию минуту
шолько же за самого себя, сколько и за нихъ, чтобы
не быши изгнаныи страшными Ангелами изъ Цар-
ствія Небеснаго, подобно какъ изъ церкви изгоняющія
Діакономъ оглашенные, и когда попомъ онъ призыва-
ешь уже однихъ шолько вѣрныхъ къ молитвѣ, знаешь
ли, что я не всегда дерзаю молищася?»

Изложивъ и изъяснивъ обряды Литургіи, Авшоръ
приступаетъ къ описанію Всенощной въ трехъ глав-
ныхъ ея часахъ: вечерни, упредня и первого часа, и
указываетъ въ постепенномъ развишіи ея хода прога-
щельное представленіе важнѣйшихъ событий духовной
судьбы человѣчества. Отвѣрзающія царскія врата,
какъ бы Царствія Небеснаго; свѣтъ и ємніамъ прони-
кающій во всѣ часы храма и великолѣпный Псаломъ
«Благослови душа моя Господа», изображаетъ дивную
картину міродзданія. Вскорѣ закрыпіе царскихъ вратъ
даетъ чувствоватъ изгнаніе человѣка изъ рая сладо-
сти, сердце сѣбѣняется печалю, но мало по малу пѣніе
Псалмовъ оживляєтъ въ немъ надежду; къ воззваніямъ
«изведи изъ племницы душу мою исповѣдалися имена
Твоему», хоръ начинаетъ прибавляющіе другіе сияхъ
новозавѣщіи, изображающіе празднество дна, какъ бы

въ радостномъ ожиданіи Искупленія. Вечерня приближается къ концу среди громкихъ благословеній имени Господня. Начинается утрення. Все утихло, и вдругъ раздается Ангельскій привѣтъ Виолеемскімъ пасхальнымъ, возвѣщающій Рождество Спасителя.

Изъяснивъ дальнѣйшій ходъ всенощного служенія, Авторъ оканчиваетъ первую часть своего сочиненія описаніемъ Литургіи преждеосвященныхъ, которая исключительно совершається во дни Великаго поста и отличається отъ обѣдни Святыхъ Василія и Златоуста. Она состоитъ собственно изъ вечерни, предшествующей часами, и нѣкоторой частию обыкновенной Литургіи, кромѣ важнѣйшаго, что есть освященія даровъ; называется же преждеосвященною поштому, чѣмъ предлагаемые въ ней дары освящаются прежде на Воскресной Литургіи.

II. *О Великомъ Постѣ и Пасхѣ.* Человѣкъ, увлекаемый вихремъ свѣта, или углубленный въ однѣ мірскія обязанности, не всегда понимаешь, или, лучше сказать, не всегда думаешь объ упшеніяхъ, предлагаемыхъ ему торжественнымъ временемъ Великаго Поста. Къ нему можно обращишь слова Автора: «Не думай, чтобы я привѣтъ тебя къ вѣкої безводной пустынѣ, на отдаленномъ краю коей съ нетерпѣніемъ будешь ты ожидать появленія Свѣтлаго Праздника. Нѣть, и сю минимую для тебя пустыню оживили благодатными водами Святые Ощи Церкви; и ее обратили они въ землю воздѣланную, усѣянную цвѣтами Иисуса Христа, ибо вершоградарими были Дамаскинъ и Косма, и Студийши и Андрей Критскій, свѣтильники своего вѣка и послѣдующихъ, возсіявшіе изъ глубины уединенныхъ келлій.»

Каждому Христіанину должны быть известны и цѣль учрежденія Великаго Поста, и обязанности, онымъ возлагаемы; но едва ли каждый знаешь, сколько можешь содѣйствовать исполненію ихъ самое обра-

ды, чьи это время Церковью установленные. Въ рѣчомъ можешьъ убѣдить изъясненіе сихъ обрядовъ, кошоромъ Авторомъ написано съ сердечнымъ краснорѣчиемъ: «Попиши». — говоришъ онъ — «благая Церковь, забоявшись о спасеніи дѣлъ своихъ, есмъю недѣлями Великаго поста и премя имъ предшествующими, какъ будто написала (если только позволено такъ выразиться) Песни всего человѣчества, рѣзко обозначивъ при его граняхъ: падение, Искушение и Послѣдній Судъ! все же пространство сей прогащельной Поэмы наполнила она то горькимъ плачемъ покаянія, то исаломными восшоргами, то Пророческимъ вдохновеніемъ о грядущемъ спасеніи, то самымъ изображеніемъ спраданій Искуснителя, уже не только въ Пѣсняхъ духовныхъ, но и въ обрядахъ для большаго впечатлѣнія. Весь наружный человѣкъ долженъ содѣйствовать внушенному въ дѣлъ своего спасенія: и ухо его должно слышать и око видѣть, и молитвъ усна, и руки подымашася къ небу и припадашъ колѣна, и смиряясь къ землю гордо чело, и наконецъ поспашася алчна ушроба, злекущая долу высокіе помыслы духа.»

По сей Авторъ говориши напередъ о трехъ недѣляхъ, предшествующихъ Великому Посту, въ комъ приличи о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сыне и членіе спрашнаго Евангелія о Послѣднемъ Судѣ, приводя насъ въ сокрушеніе, должны служишь пріуготовленіемъ къ Четыредесятицѣ, и выписывашъ лучшіе отрывки изъ Духовныхъ Пѣсней, сему времени присвоенныхъ. Не льзя безъ сердечнаго удовольствія читать прекрасное и назидашельное изъясненіе жалобной Пѣсни пѣсниковъ Вавилонскихъ, кошорую Церковь возглашаешьъ прогащельнымъ напѣвомъ въ каждый изъ трехъ Воскресныхъ днѣй, предшествующихъ Великому Посту. «Сія Пѣснь (На рѣкахъ Вавилонскихъ, тало сѣдогомъ и плакахомъ, снесда помянути намъ Сиона и

пр.) сильная и поразительная, какъ воспоминаніе, пред-
ставляется еще болѣе возвышеннаю, какъ иносказаніе:
Вавилонъ, *смѣщеніе*, есть образъ смыщеннаго множе-
ства оправшей и грѣховъ, кошорые господствуютъ
въ мірѣ, берущъ въ пльзь невнимательную душу и по-
рабощающъ ее; Іерусалимъ, *городъ мира*, значицъ со-
стояще души, собравшейся изъ разстяяня и обращив-
шейся къ Богу, миръ непорочной или покаяніемъ очи-
щенной совѣсти. Ахъ, другъ мой, не забудемъ сего
Іерусалима, поспараемся не забывать его! Мысль о
сокрушеніи юдѣянцевъ Вавилонскихъ о камень, кошо-
рая была бы слишкомъ жескока въ буквальномъ значе-
ніи, есть напротивъ самая числа въ иносказаніи.
Это значицъ: блаженъ, кто имѣшъ довольно твердо-
сти сокрушающъ о камень Вѣры едва рождающіяся дур-
ные мысли и желанія, прежде нежели они вырастутъ
въ злыя дѣла и навыки. — Въ какое сокрушеніе и сми-
реніе приводишь сердце, но выѣшь какую оправду
доспавляешь душъ шопъ превосходный Канонъ покая-
нія, который шакъ прекрасно изложенъ Авторомъ —
Канонъ Св. Андрея Кришскаго, гдѣ примѣняются къ
духовной жизни Христіанина всѣ важнѣйшія событія
Ветхаго и Нового Завѣща и представляешь душъ¹
поучительная жизнь Праотцевъ, Патріарховъ, Судей,
Царей и Пророковъ! Переходя къ объясненію обрядовъ
самаго Поста, въ шести недѣляхъ онаго Церковю упо-
щребляемыхъ, и посвященныхъ большою частію воспоми-
наніямъ духовныхъ подвиговъ на поприщѣ Вѣры, Авторъ
присшупаешь къ описанію Богослуженія Великой Сед-
мицы. «Каждый день Спаслиной Седмицы» — говоришъ
онъ — «есть какъ бы шагъ въ вѣчность, ибо ся днями
послѣднюю обозначены послѣдніе дни земной жизни
Христовой и съ ними идущъ они роковой сплою, —
какой страшный отголосокъ событій! Сколь же вни-
мательны мы должны быть къ симъ искупишельнымъ

днамъ, ибо и мы призваны ишли въ путь земной и небесный вмѣстѣ за Христомъ.»

Три первые дни, сходные между собою Богослуженіемъ, наполняющіяся поперемѣнно молитвами и членіями изъ Всѣхаго Завѣща и Евангелій, но при посыль-
дающіе носить на себѣ разищельный ошпарашокъ
молитвъ и обрядовъ, исключительно присвоенные
каждому изъ нихъ, сообразно съ важностию воспоминаній,
особенно же Великій Пятокъ, который изображеніемъ
Спрастшей Господнихъ являемся, какъ нѣкій возвышен-
ный Крестъ, пріосенняющій суббоѳій гробъ Христовъ.

«Таинственнымъ ожиданіемъ наполнена вся чрез-
вычайная утрата Великой Суббоы, достойная быть
преддверіемъ Пасхи. Христосъ во гробѣ посреди церкви,
вокругъ, въ черныхъ ризахъ, стоять Священнослужи-
тели, но ошпарены враты алтаря, какъ бы во срѣ-
діе Божественному мѣртвецу, и пѣніе погребальное
безпрѣстанно прерывающееся воскресными гимнами и
возженныя въ рукахъ народа свѣчи проливають свѣтъ
по всему храму, какъ зарю шого невѣцественнаго скъ-
ща, который возсіяешь заупра изъ гроба.»

Приближающіяся иаконецъ радосная, давно ждан-
ная ночь Свѣтлого Воскресенія. Кто выразить и
торжественность совершающей тогда службы и впе-
чатлѣніе, производимое ею на умъ, а еще болѣе на
сердце Христианна, восхищаемаго горѣ зреющими
небесными? Прочтишь слова Альтора: «У Западныхъ
заключенныхъ вратъ останавливающаяся приголовищель-
ное шестивѣ. Между штымъ пускайтъ храмъ, за клиромъ
слѣдуешь народъ; дѣши Адама спремяется къ новому
Адаму, чтобы при радосной вѣсти о его возшаніи,
узкими вратами войти въ его новую жизнь, и здѣсь,
какъ первое лепешаніе младенца, раздающіеся въ устахъ
возрожденного человѣчества: «Христосъ воскрес изъ
мертвыхъ, смертью смерть поправъ, и сущимъ во гро-

бѣхъ живопись даровавъ. — Съ чѣмъ можно сравнить сю возвышенную упречию? Нѣкое духовное восхищеніе владѣеть всѣми; каждый въ порывѣ священной радости хотѣлъ бы выразить свои чувства — и вмѣсто рѣчей текущихъ изъ устъ Пѣсни; каждый готовъ былъ бы взыграшь предъ Господомъ, какъ Давидъ предъ знаменательнымъ Кончегомъ, ибо люди Божіи видяши нынѣ исполненіе древнихъ образовъ во Христѣ. Когда узнавали, долго пломившимся во мракѣ шеманицы, вдругъ отверзаются двери и являются освободитель — до изступленія доходиши воспоргъ ихъ: сбрасывая цѣпи, они бросаются къ ногамъ своего благодѣтеля, или въ объятия другъ другу, и скачутъ и плачутъ, и смыкаются и поютъ, и прощаются взаимно и молятся, и опять плачутъ и опять поютъ; — шакъ и на упражненіи Пасхи..

III. *О семи Таинствахъ.* — По словамъ Писанія: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столицы седьмь»: эти столицы суть Таинства Христианской Вѣры, недоступныя уму, ноѣсно соединенные съ жизнью человѣческою, сопровождающія и подкрепляющія насъ отъ колыбели и до гроба; въ этой книгѣ они описываются и изясняются подробно. Читатели увидятъ, въ чѣмъ сословли въ древности обряды Крещенія и Миропомазанія, совершаемые нынѣ совокупно надъ младенцами и какъ достигли они нашего времени въ нынѣшней ихъ полнощѣ; узнаютъ, что мироупребляется для того, чтобы Епископъ, освятившій оно, могъ заочно освящать имъ крещаемыхъ, и чтобы видимо изобразить невидимое помазаніе Св. Духа, на конецъ получашіе понятие о важности званія восприемниковъ. Не менѣе поучительны изясненія Автора о Таинствахъ причащенія и покаянія, которыми необходимо должно пройти каждый Христианинъ, чтобы соединиться со Христомъ и быть истиннымъ чадомъ Его Святой Церкви; послѣ чего переходя къ прочимъ

Таинствамъ — браку, елеосвященію и Священству, онъ объясняешьъ весь образъ ихъ совершенія. Эшо оспѣленіе заключается замѣчаніями о Ипочестіѣ, которое — говоришьъ Авторъ — «не будучи въ числѣ Таинствъ, служишьъ въ некоторыхъ случаихъ важнымъ дополненіемъ онъхъ, ибо приято, какъ приготовленіе къ высшимъ спасеніямъ іерархіи и образуетъ духовное обручение со Христомъ, и даже по возвышенности своихъ обычовъ называется у Св. Отцевъ вшорымъ крещеніемъ.»

Тѣсная связь, соединяющая Таинства съ жизнью человеческою во всѣхъ важнейшихъ ея эпохахъ, прекрасно изображена Авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ось лона матери уже воспринимаешь насть Церковь, и еще прежде, нежели младенческие годы наши вѣрены опыты пеструнамъ, приближающіяся два Таинства къ самой колыбели, одно возраждающее, другое утверждающее — крещеніе и миропомазаніе. Они, съ любовью пріявъ младенца, возвѣщають, что иные родишли, иные пеструны, не по плоши, а по духу нужны новорожденному не только въ міръ, но и во Христа; а трепетѣ Божественное Таинство — Причащеніе, когда же сообщаешь ему Христа, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ, научая вѣстѣ и какою духовною пищею долженъ пишаться во всю жизнь свою сей новый гражданинъ Небеснаго Царства.»

«Но младенецъ распашь, вмѣшъ съ горами развивающіяся спрасши не ось дурной его природы, прошивъ поврежденія коей въ Адамъ даровано доспашочное вращество Христомъ, но ось дурнаго направления свободной воли; оно извлекаешь новые опрасли изъ корня первороднаго грѣха, вмѣсто того, чтобы окончательно умерщвлять его разиншемъ жизни благодатной. Тогда Церковь призываешь опять человѣка на путь добродѣтели, чешвершымъ спасительнымъ Таинствомъ покаянія, которое подобно крещенію, омыша-

му опь грѣха Адамова, очищаешь предъ Богомъ опь грѣховъ, содѣянныхъ въ жизни, если только мы искрено ихъ сознаемъ и оплачимъ.

• Какъ благословеніе, далъ Богъ человѣку способность размножать родъ свой, но съ паденiemъ Адама грѣхъ и его проклятие упали и на сию способность и сдѣлали разсадникъ рода человѣческаго разсадникомъ первороднаго грѣха; по сему въ Христіанствѣ необходимо было дать новое благословеніе для рожденія подобныхъ себѣ во славу Творца, и Церковь благословляє юношу и дѣву на супружескій союзъ ихъ пятымъ Таинствомъ брака.

• Наконецъ, когда какъ перезрѣвшій плодъ, или рано увядшій цветокъ, головившися человѣкъ оставилъ землю своего странствія и страшная вѣчность ему предстопитъ, забошивая Церковь не ошпускаешь его въ путь безъ духовнаго подкрѣпленія, и шестое Таинство елеосвященія, совершаемое надъ болѣющимъ, изѣляющіе пѣло или располагаешь душу къ ея оштешствію.

• Но чтобы въ сонмѣ людей были мужи, могущіе преподавать сіи спасительныя таинства, Церковь избираетъ достойнѣйшихъ изъ среды ихъ и рукоположеніемъ, не прерывающемся опь временъ Апостольскихъ, сообщаешь имъ седьмое Таинство Священства, чрезъ которое и они въ свою чреду получають силу сообщащіе брашні Свяшаго Духа.

• Таковы сіи седмь сполковъ дома премудрости, сіи седмь вѣтвей знаменательнаго подсвѣчника, пророчески поспавленнаго Моисеемъ въ Скинії и Соломономъ во Храмѣ; они свѣтишъ міру и предстоять Церкви, какъ седмь высшихъ Духовъ, всегда блестающихъ на Небесахъ у Престола Славы..

Четвертая и послѣдняя книга имѣть предмѣтомъ описание праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Восточной Церкви, изъясненіе ихъ значенія и воспоминаній, коими

они въ особенности посвящены. Въ ней излагается также порядокъ Богослуженія, присвоенный особымъ торжественнымъ церковнымъ дѣйствіямъ, какъ-то: освященію Храма и освященію мура, изъ коихъ послѣднее совершающееся у насъ въ Россіи одинъ только разъ въ нѣсколько лѣтъ рукою Архіерейскою въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ. Наконецъ говорится о послѣднемъ милосердномъ дѣйствіи, кошорое надъ нами совершаешь нѣжная матерь наша Церковь, когда мы сами уже повержены, безынчаные предъ лицемъ ея и не въ силахъ болѣе радѣть о ницѣ душѣ своей— о дѣйствіи погребальномъ и о сопряженныхъ съ нимъ обрядахъ.

Желашельно, чтобы всякий сынъ Воспачной Церкви прочелъ со всемъ вниманіемъ эпо опличное изображеніе. Тогда бы всякъ во время Божественной службы смотрѣль на всѣ обряды не безопечено: взоръ его открывалъ бы во всякомъ дѣйствіи и движеніи, во всякой одеждѣ Священнослужителя, во всякой церковной упвари шампунское изображеніе какого-нибудь духовнаго предмета или событія изъ Исторіи Церкви; тогда бы всякое слово служителя Алтаря, всякое пѣніе возбуждало въ немъ чувство благоговѣйное, приводило его къ сознанію своего иничожества и располагало духъ его къ усердной молитвѣ.

Высокій предметъ сочиненія, глубокое чувство, съ коимъ оно написано, краснорѣчивый слогъ (коего здѣсь приведены образцы) сославляющъ качествомъ, способный возбудить не только вниманіе Православнаго Христианина, но даже любопытство илюстрійныхъ читателей. Духовная пища есть необходимая пощебносТЬ души; счастливъ, кто ее ищетъ и находить въ назидательномъ чтеніи; счастливѣе тошъ, кто способствуешь своимъ трудомъ и талантомъ къ открытию источника сердечного упложенія, къ пробужденію и оживленію въ другихъ усыпленного чувства благочестія.

2) *Федонъ, или о бессмертії души, Монсія Мендельзона. Переводъ съ Нѣмецкаго Василія Мызникова. С. Пешербургъ, 1857.*

Мендельзонъ — явленіе замѣчательное въ Испоріи Липерашуры прошедшаго вѣка. Онъ родился въ Бѣдностіи и въ Еврейскомъ законѣ: но внутреннее влеченіе сдѣлало его Христіанскимъ Философомъ. Нашедши пріютъ въ Берлинѣ, при одномъ значищельномъ торго-вомъ домѣ, онъ получилъ здѣсь возможность заняться языками, Математикой и Философией (особливо Маймонидовой), и образовать свой вкусъ. Наиболѣе имѣть на него вліянія Лессингъ, подъ руководствомъ кошераго онъ выучился Греческому языку и читаль творе-нія Платона. Психологія, Эспшеники и Мораль — по духу ли времени или по врожденной склонности — преимущественно занимали Мендельзона. Въ умозрѣніи онъ былъ Эклектикъ. Онъ жилъ въ шакое время, когда скептицизмъ и материализмъ, съ своими гибельными слѣдствіями для нравственности и Религіи, изъ Англіи и Франціи спали проникать въ Германію. Вѣра въ бѣзсмертие души должна была поколебаться изъ первыхъ, и Сократъ Іудейскій, какъ помнится кѣ-то назвалъ Мендельзона, вмѣстѣ съ другими благомысля-щими умами, спѣшилъ противостоять вліянію разруши-щельныхъ идей.

Не будемъ распроспрашанія ни о разговорной формѣ изложенія, ни о мысли — вложивъ свои доводы въ успа Сократа, готовящагося къ смерти: то и другое, вмѣстѣ съ характерами и именами разговари-вающихъ лицъ, заимствовано у Платона. Благоразум-но ли подобное заимствованіе, сообразно ли оно съ характеромъ нашего мышленія и образованія, выигры-ваешь ли отъ него изложеніе со споруны ясности или занимашельности, — это шакіе вопросы, кошорыя за-

влекли бы насъ слишкомъ далеко. Посмотримъ лучше, какъ Авторъ разсуждаешь о своемъ предметѣ.

•Мудрецъ не можешь спрашися смерти. • Вонь мысль, къ подтвержденію кошорой клонящая всѣ изслѣдованія объ участіи души по смерти. Они изложены въ трехъ отдельныхъ разговорахъ:

Разговоръ первый. Что такое смерть? Измѣненіе, человѣческой природѣ свойственное; переходъ ея изъ одного состоянія въ другое, прошивоположное. Но въ Природѣ все измѣняется постепенно; между двумя состояніями предмѣта, какъ бы они ни казались прошивоположными, всегда есть состоянія переходныя: превращеній мгновенныхъ быть и бытъ не можетъ. Очевидно, что и въ Природѣ человѣческой между состояніями жизни и смерти должны быть состоянія переходныя. Въ шлемной части ея такъ и бываетъ. Разрушение здѣсь пріуготовляется издалека, совершающееся постепенно и оканчивающееся не уничтоженіемъ составныхъ частей тѣла, а только переходомъ ихъ въ другія образованія, въ новые виды бытія. Что же въ эпоху смерти совершающееся съ другою частію человѣческой природы — съ душою? Обращаешься ли она мгновенно въ ничто? Мы уже видѣли, что это невозможно, что это прошивоспособственно. •Между бытіемъ иничтожениемъ здѣсь неизѣримая бездна, которую Природа не можетъ перешагнуть. • Мгновенное уничтоженіе — такое чудо, которое могло бы совершилось однѣмъ Всемогущество Божіе. •Но восходитъ ли Богъ, Творецъ и Отецъ Вселенныя, являясь чудеса всемогущества въ уничтоженіи? Такая мысль была бы богохульствомъ!

И такъ не могутъ ли силы души исчезать мало по малу вмѣстѣ съ разстройствомъ и разрушениемъ тѣла? Положимъ. Чѣмъ же окончается это постепенное исчезновеніе? Ничтожествомъ? Это спяще невозможно: мы уже видѣли, что ошь бытія къничтожеству

иѣшь перехода. А съ бытіемъ предмета всегда уже неразлучно свойственное ему дѣйствіе и спраданіе: слѣдовашельно душа всегда оспанеется существомъ чувствующимъ, мыслящимъ и т. д. Но можешь ли душе нашъ безъ чувственныхъ впечатлѣній получать понятія? — Въ ошѣть на эпо возраженіе, Сократъ указываетъ на упробнаго младенца. «Если бы младенецъ могъ разсуждать въ утробѣ материнѣ, то можно ли бы его увѣрить, что и онъ будешь наслаждаться никогда свободнымъ воздухомъ и восхищаться солнечнымъ свѣтомъ, и не вздумай ли бы онъ выводить также заключеній своихъ о невозможности этого изръ условій его настоящей упробной жизни?»

Досель Авторъ смотрѣлъ на душу, какъ на существо ошличное ошь тѣла и простое. Во второмъ разговорѣ онъ обращается къ основной мысли материалистовъ: не есть ли душа только *свойство* или *дѣйствіе* тѣлеснаго сосѣда, которое разумѣвшся исчезнетъ само собою вместе съ разрушениемъ тѣла? «Предположимъ» — говорить онъ — «что душа есть *свойство* организма, подобно тому, какъ гармонія есть *свойство* извѣшнаго соединенія звуковъ, симметрія извѣшнаго расположенія величины. Но что такое гармонія, соразмѣрность, порядокъ и т. п.? Это свойства описаніе которыхъ оказываются въ сложныхъ предметахъ только по отношенію къ предшавицельной и мыслящей силѣ. Изъ струнъ арфы рождающиеся только ошѣльные звуки въ извѣшнай послѣдовательности, въ извѣшномъ сочетаніи. Душа, получая впечатлѣнія ошь звуковъ отдельныхъ, быстро сближаетъ ихъ и сравниваетъ, и въ ней возникаетъ ощущеніе гармоніи. Ясно, что независимо ошь мыслящей силы не льзя предшавицить ни гармоніи, ни соразмѣрности. Какъ же послѣ этого самую мыслящую силу, т. е. душу, производить, подобно гармоніи, изъ извѣшнаго соединенія

шлесныхъ органовъ? Сравнія и сличенія — дѣйствія мыслящейъ силы: следовательно, представивъ душу свойствомъ тѣлеснаго состава, значиши производишъ ее изъ ея собственныхъ дѣйствій! Предположимъ еще, что душа есть сосредоточенное *дѣйствіе* тѣлесныхъ органовъ, подобное дѣйствію сложной машины. Опять какихъ же основныхъ, частныхъ силъ будешь производиши въ сложной силѣ: опять мыслящихъ или не мыслящихъ? Правда, иногда оказываются въ цѣломъ дѣйствіемъ такого свойства, какого не замѣчалось въ дѣйствіяхъ частей; но это бываетъ, какъ мы уже видѣли, только относительно къ представительной и мыслящей силѣ: следовательно эту самую силу, причину подобныхъ обобщеній и превращеній, не льзя уже производить изъ силъ разнородныхъ и опять же отличныхъ. И такъ, чтобъ мыслящая наша душа могла быть дѣйствиемъ частей тѣлеснаго состава, самые эти части должны быть способны къ дѣйствіямъ разумнымъ, и даже части самыхъ частей обладать свойствами разума. Но въ такомъ случаѣ въ насть будешь уже не одно, а множество существъ свойства разумнаго; а это опять не сообразно съ свойствами нашего мыслящаго лица (я). Въ самыхъ разнородныхъ его дѣйствіяхъ ощущительное единство и тождество дѣяния, безъ чего въ самомъ дѣлѣ мы не могли бы ни сохранять воспоминаній, ни разсуждать, ни сравнивать, ни сознавать своей личности. Очевидно, что наша разумная жизнь развивается изъ одного начала простаго и потому не пропадающаго. А это начало — чѣмъ оно, если не душа? .

Въ третьемъ разговорѣ, мудрецъ обращается къ идѣи Божества и изъ Его свойства выводитъ заключенія какъ вообще о назначеніи всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ и въ частности о будущемъ состояніи душъ человѣческихъ. Коренное отличие существъ раз-

умныхъ отъ живопыхъ, повинующихся инспику, сошойтъ въ спремлениі къ совершенству. Спремленіе это безконечно, потому что и цѣль его вполнѣ никогда не доспижма, и силы души не испощимы и неразрушимы. Слѣдовательно души «какъ существа простыя, бессмертны; какъ начала самостоятельныя, они обладаютъ самосовершенствованіемъ и должны имѣть безконечныя послѣдствія: какъ существа разумныя, должны спремиться къ безпрерывному возрашнію и преуспѣнію въ совершенствѣ и пр.» (спр. 112). «И могла ли Всевысочайшая Премудрость сотворить для што Вселенную, дабы духи, которыми она населила ее, созерцали ея чудеса, блаженшвовали и вдругъ лишились на вѣки и способности созерцанія и блаженства ихъ? Совмѣстно ли было Всевысочайшей Премудрости сдѣлать одну шѣнь блаженства, которая то появляется, то исчезаетъ, конечной цѣлію чудесъ своихъ?» (тамъ же). Здѣсь Философъ одушевляется, и его спокойный діалогъ переходитъ въ краснорѣчивый мовологъ. Изъ малаго предназначенія человѣка къ совершенству онъ выводитъ новыя и сильныя доказательства бессмертія. Онъ живо изображаетъ ужасное противорѣчіе между спремлениемъ къ совершенству и безнадежностію на жизнь будущую. При мысли о неизбѣжномъ уничиженій въ чась смерти — всѣ нравственные узы между людьми должны распасться, всѣ возвышенныя чувства исчезнуть, всѣ благороднѣйшія и высшія спремлена оцѣпенѣтъ. Наслажденіе жизнью, одною наспоящею жизнію, должно сдѣлаться цѣлію всѣхъ человѣческихъ усилий, самосохраненіе — закономъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Послѣ этого забояли-
вость о благѣ общемъ была бы спраниостю, само-
пожертвованіе — противоеустесненнымъ безумiemъ! Безспорно, послѣ вѣры въ Бога идея Бессмертія самая живопворная, но вмѣстѣ съ шѣнью и самая неисчерпа-

мая для размышленія. Она принадлежитъ къ числу шѣкъ вѣчныхъ испинъ, i которыхъ никогда не старѣются, никогда не становятся пошлыми, которыхъ подъ первыи человѣка мыслящаго и съ шалантомъ являющск вскай разъ въ блескъ новой жизни. При всемъ убѣжденіи въ испинѣ сполько драгоценной, пріятно время ошь времени обновлять въ мысли основанія своего убѣжденія и ошесль почерпать для него новую силу и ясность. По сему-то какъ ни много писали о бессмертіи души, а всегда найдешся довольно людей, которые вскай новый опытъ обѣ этомъ предметѣ Писателя замѣшельного прочтуши съ новымъ вниманіемъ и, конечно, съ новою пользою. Правда, опытъ Мендельзона уже болѣе полуустолѣтія пересталъ быти новоспью, но не для насъ: на Русскомъ онъ появлялся впервые. И вообще произведенія этого пріятнаго и благомыслищаго Философа такъ мало у насъ извѣшны, что мы должны быти благодарны Г. Переводчику не сполько за подарокъ полезной книги, но и за знакомство съ замѣшельнымъ Писателемъ; благодарны шѣмъ болѣе, что переводъ достоинъ подлинника.

3) *Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Сот. А. Терещенко. Часть I, II и III. С. П. Б. 1837.*

Недосшапокъ Біографій, которыхъ могли бы познакомить насъ съ мужами, споспѣшившими славѣ и величию нашего Отечества, подаль Г. Терещенко мысль — сославшись «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ въ началѣ своего сочиненія упрекъ, будто «мы, пресытясь Отечественною славою, не уважаемъ виновниковъ ея, и какъ бы дремлемъ въ беззечности». Не холодности и не беззечности нашей должно приписывать подобный недосшапокъ въ

сочиненіяхъ, требующихъ огромнаго труда, тогда какъ Россія начала жизнь Европейски образованнаго Государства недальше, какъ въ прошломъ вѣкѣ, и по естественному ходу дѣль не могла еще раскрыть всѣ свои богатства вдругъ. Мы еще изслѣдываемъ письменники нашей Исторіи: анализъ и употребленіе ихъ должны быть послѣ.

Какъ бы то ни было, Г. Терещенко взялся за трудъ полезный и вызвалъ на сцену характеры, кошьрые составляютъ славу имени Русскаго.

Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи раздѣленъ на три части: въ первой обозрѣваются дѣянія Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ; во второй, собственно Канцлеровъ; а въ третьей Вице-Канцлеровъ.

Часть I. Сановники, управлявшіе иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ.

Первымъ дипломатомъ явился у насъ при Ди-
мишріи Донскомъ, Коломенскаго Села Священникъ
Димішрій Митіай, съ сильнымъ умомъ и ненасытнымъ
честолюбіемъ, отправившійся въ Царьградъ за Мишро-
польскимъ клобукомъ и нашедшій себѣ на пути могилу.
За нимъ следуютъ:

Грекъ Юрій Траханіопъ, при Великомъ Князѣ Іо-
аннѣ III.

Іванъ Михайловичъ Висковатовъ, при Іоаннѣ IV.
Романъ Васильевичъ Олферьевъ.

Андрей и Василій Щелкаловы, при Іоаннѣ IV и
Борисѣ Годуновѣ; первый обнаруживаетъ характеръ
государственного человѣка въ борьбѣ съ домогатель-
ствомъ Англичанъ на исключительное право торговли
въ Россіи; последній въ содѣйствіи видѣмъ Годунова.

Супуновъ и Леанасій Власьевъ, прежде любимецъ Бориса, посль покорный слуга Димитрія Самозванца, но съ чувствомъ Русскаго, негодующій при видѣ Марии, будущей Русской Царицы, падавшій предъ симъ къ ногамъ Сигизмунда.

Василій Телепневъ, при Василіи Шуйскомъ, въ со-
товариществѣ съ Феодоромъ Андреевымъ и Петромъ
Алексѣевичемъ Трепьяковымъ, кошорый скрѣпилъ гра-
моту о избраніи на Престолъ первого Вѣнценосца изъ
дома Романовыхъ.

Іванъ Тарасьевичъ Граматинъ, при Царь Михаилѣ
Феодоровичѣ, пострадавшій за смѣлые отвѣты на об-
виненіе его въ чародѣйствѣ.

Евфимій Григорьевичъ Телепневъ, Максимъ Машю-
шкинъ, Федоръ Лихачевъ, Иванъ Кириловичъ Грязевъ,
Михаиль Даниловъ, Григорій Львовъ, Степанъ Кудряв-
цевъ, Назаръ Ивановичъ Чистой и Алмазъ Ивановъ.

Крашими черпами обозначены жизнь и дѣянія
большей части эшихъ Сановниковъ; но не льзя требо-
вать отъ Автора сверхъ силъ его и способовъ. Мог-
жемъ шолько жалѣть, — если время испребило памя-
никъ благо.

Леанасій Лавреньевичъ Ордынъ-Нащокинъ являет-
ся съ новымъ титуломъ *Оберегателя Царственныхъ боль-
шил пегати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ*. Родъ
сго Авторъ выводить изъ Иштліи, а Рейшенфельсъ,
писавшій ощечливѣе всѣхъ иностраницъ о Россіи,
говорить: Naszokin ex antiquissima in Curlandia nostra
von Saken familia oriundus (De reb. Mosc. p. 155).
Происходя самъ изъ Курляндіи, Рейшенфельсъ ^{отъ} мочъ
очень хорошо знать роды своихъ соотечичей; названія
Нащокинъ и *Сакенъ* имѣютъ иѣкошорое сходство; мѣ-
сто пребыванія предковъ его во Исковѣ, имѣвшемъ тор-
говая сношенія съ Ливонію и Ганзою, такжে скорѣе
ведешъ къ той мысли, что они переселились шуда изъ

Курляндіи, нежели изъ Италіи. Впрочемъ, это — замѣніе, не болѣе. Дипломатическая извѣсность Нащокина начинается со времени отправленія его на Шведскій рубежъ въ 1642 году, для принятія по Столбовскому договору земель, захваченныхъ Шведами. Съ яшою поры Авшоръ слѣдуешь за нашимъ дипломатомъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и съ подробностію изображаешь наши сношенія при Алексіи Михайловичѣ съ иностранными Державами. Принимая участіе во всѣхъ переговорахъ, Нащокинъ показалъ себя, по сознанію иностранцевъ, однимъ изъ умѣйшихъ Министровъ Европы. Съ умомъ геніальнымъ, онъ перехитрялъ Шведовъ въ переговорахъ, умѣль выиграть время обѣщаніемъ, и вмѣсто дипломатического отвѣта, двинувъ грозную дружину въ битву. Его усердію и искусству мы обязаны славнымъ Андруссовскимъ миромъ.

Въ дипломатической вѣнокъ Нащокина вплетающейся въ лаврь, пожаший мечемъ въ браняхъ на поляхъ Ливонскихъ, и пальмовая вѣтвь государственного человѣка, впервые обратившаго взоръ на торговлю съ Индіею и Китаємъ. По его распоряженіямъ устроена первая корабельная верфь (прежде въ Нижнемъ Новгородѣ, а послѣ въ Дѣновѣ), и высроенъ первый корабль — праирашуръ Россійского побѣдоноснаго флота. Высокія доблести Нащокина были достойно оцѣнены Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, пожаловавшимъ ему новые шапка и богатыя волости *за службу и радѣніе*. Ка-задось, ему осправалось только наслаждаться: осыпанный милостями Царя, окруженный всеобщимъ уважениемъ, богатый сладоспными воспоминаніями о своихъ заслугахъ Отечеству, чего могъ онъ желать? Того, чего желающъ не многіе. Нащокинъ бросилъ пышность свѣща, политическое свое величіе скрылъ въ тихой монастырской кельѣ подъ убогою ряско Июка, и всѣ громкія названия замѣнилъ проспѣшимъ именемъ оштедъ-

ника Антонія. Но сродняясь съ ощечесвомъ небеснымъ, онъ не забылъ земнаго по зову Царя Феодора Алексіевича, онъ еще разъ явился въ одѣждѣ гражданина для переговоровъ съ Посланн Короля Польскаго, и, ѿ окончаніи ихъ, посольский кафпманъ замѣнилъ иноческою рисою, и поспѣшилъ въ свою обицель, чтобы почашь ошь земныхъ прудовъ. Біографія довольно полная и написанная съ чувствомъ участія въ дѣлахъ дипломата, жившаго для славы нашего Отечества.

Достойнымъ преемникомъ Нащокина и его племяша былъ Ближній Бояринъ Артамонъ Сергеевичъ Матвіевъ. Судьба дала ему насладиться величиемъ, всеобщимъ уваженіемъ, и наконецъ опяготвѣла надъ нимъ. Оспичавшись въ самой иѣжной юности необыкновенными дарованіями, онъ, имѣя только 17 лѣтъ отъ роду, былъ Стряпчимъ при Царевичѣ Алексіи Михайловичѣ, а на 28 году уже со славою явился на поприще дипломатіи, принесши большое участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Державѣ Всероссійской, и поперемѣнно дѣйствовалъ то въ переговорахъ, то съ мечемъ въ рукахъ на поля бранн, вездѣ съ успѣхомъ, со славою. Особенно сильно бѣсталъ за Машвѣева сердце, когда онъ, еще юный, спасая пушки, по снятіи осады Львова, съ горстю людей, гибнувшихъ отъ голода и спужи, самъ впряженіи подъ пушки, для ободренія унывшихъ своихъ рабочихъ товарищѣй, и когда, послѣ несчастной битвы подъ Конотопомъ, бросаешься въ шоллу мятежниковъ, для спасенія схваченаго ими ихъ же Воеводы Князя Трубецкаго. Будучи Стряпчимъ головою и управляя разными Приказами, Машвѣевъ являлся во всемъ блескѣ добродѣтельнаго мужа. Ничего не можешь быть возвышеніе благородной борѣбы его съ признательносю народа, принесшаго камни съ гробовъ ощезъ и дѣдовъ своихъ для построенія его дома. Ничего подобнаго мы не находимъ нигдѣ. Въ сношеніяхъ съ

Послами Шведскими, Польскими, Цесарскими и Бранденбургскимъ, Машвѣевъ обнаружилъ сильный и гибкій умъ. Веденные имъ переговоры Авторъ описалъ подробно; но въ изложеніи обсношельствъ Цесарскаго Посольства нѣсколько уклонился отъ истины, а именно: 1) прѣздъ Боптпнія и Терлингера въ Москву онъ полагаетъ въ 1674 году, вместо 1675 года; 2) на страницѣ 90 сказано: «опѣзда Пословъ желали ускориши, чтимъ болѣе, когда неожиданно прѣхалъ другой Чрезвычайный Посоль Іоах. Скульпетъ, прибышіе кошораго Русскіе хотѣли скрыть.» Лизекъ, Секретарь Посольства, говоритъ, что Пословъ Цесарскихъ хотѣли поскорѣе выпроводиши, чтобы очистить домъ, не для Шульпеша, а для Посла Голландскаго, бывшаго еще въ дорогѣ, о кошоромъ Г. Терещенко не упомянуль; Бранденбургскій же Посоль Шульпетъ прибыль въ Москву прежде Цесарскихъ Пословъ, и долженъ былъ выѣхать въ шопь день, когда имъ дана была первая аудіенція, но опѣзда его отсроченъ по просьбѣ Боптпнія и Терлингера. Прѣздъ Голландскаго Посла, котораго Авторъ смѣшалъ съ Бранденбургскимъ, Русскіе не скрывали, а только распустили слухъ, будто предметъ его Посольства составляющъ дѣла собственно торговья, для того, чтобы Послы Цесарскіе не замедлили опѣздомъ, подъ предлогомъ необходимыхъ съ нимъ соѣщаній; 3) на страницѣ 91 сказано: «Машвѣевъ настолько, чтобы впередъ во всѣхъ Цесарскихъ грамотахъ, Царь нашъ называемъ былъ не Пресвѣтѣйшимъ, а Царскимъ Величествомъ.» Машвѣевъ обѣ эпомъ наставлялъ, но настолько не успѣлъ, а только Послы обязались ходашайствовать у Императора Леопольда, о чемъ и сдѣланъ актъ, напечатанный въ I-мъ томѣ Полнаго Собрания Законовъ Россійской Имперіи (ст. 610) подъ заглавіемъ: Запись, учененная въ Москвѣ между Россійскими и Цесарскими Дворами. О другомъ

*Посламъ грамотъ изъ рука самихъ Государей; о шинту-
лованіи Россійскаго Государа Величества, и объ исхо-
датайствованіи на все сие имъ Посламъ отъ Цесаря
рѣшительнаго положенія.*

Рядъ полезныхъ дѣйствій Маштѣва заключающіяся
сношеніями съ Кипаемъ. По смерти Царя Алексея
Михаиловича, враги успѣли защочиши Маштѣва въ
Пустоозерскъ. Шесть лѣтъ провелъ добродѣтельный
спрадалецъ въ изгнаніи, напоминая о себѣ страданіями
расщерзанной души. Возвращенный изъ заточенія,
Маштѣвъ не заспѣлъ уже въ живыхъ Царя Феодора
Алексіевича, а враги пригоповили ему смерть въ
Спрылецкомъ бунтѣ.

*Ближній Бояринъ и Начальникъ Государственнаго
Приказа Посольской пегаты, Василій Семеновичъ Волын-
скій не наследовалъ ни одного изъ высокихъ доско-
нисшъ своихъ предшественниковъ. Жизнь его осмо-
трѣна бѣгло; впрочемъ не много пошери, чѣмъ не полна
Біографіи Сановника, кошорый управлекіе политиче-
скихъ дѣлъ остро зналъ, сколько жадѣбъ на органѣ
играть (1, 129).*

Въ Ближнемъ Бояринѣ, Царственныхъ Посольскихъ
дѣлъ Оберегателѣ, Князѣ Василіи Васильевікѣ Голицынѣ
опять являється человѣкъ съ большими талантами. Въ
войнѣ Украинской (при возмущеніяхъ Дорошенки) слава
озарила юное чело Голицына, и поданная имъ Царю
Феодору Алексіевичу мысль объ уничтоженіи мѣшни-
чесва поставила его въ ряду немногихъ мужей съ
благороднымъ самоопроверженіемъ. Подробное изобра-
женіе уничтоженія разрядовъ принадлежитъ къ лучшимъ
сварницамъ сочиненія Г-на Терещенки. Жизнь Голи-
цына помрачается съ той поры, когда онъ, сдѣлавшись
временщикомъ во время вліянія Царевны Софіи на по-
литическія дѣла, успремилъ къ Пресполу свои често-
любивые планы. Корышлюбіе въ сношеніяхъ со Шве-

цію кладепъ ~~м~~овое пяшно на его память. Въ надеждѣ на военные успѣхи, Голицынъ опять являлся на полѣ бранї, но ко вреду Россіи и къ собственной погибели: въ двухъ походахъ противъ Татаръ, губиши у Перекопи многочисленную рать, а ошь Царевны Софіи получа-
ещь милосердное слово, за славныхъ, никогда не слыхан-
ныхъ во всемъ свѣтѣ побѣды; наконецъ, съ удаленiemъ Царевны, сраженъ политическою смертю, и судьба указала ему для долговременного страданія пустынную Пинегу. Въ описаніи жизни Голицына, исполненной сильныхъ и живыхъ ощущеній, Авторъ удачно воспользовался источниками, особенно сказаніями иностранныхъ, много писавшихъ объ этой эпохѣ.

Посольской Канцеляріи Нагальный Президентъ Федоръ Алексеевичъ Головинъ началъ свои заслуги со-вѣшомъ Петру укрывшися въ Троицкомъ монастырѣ, во время первого Спрымѣцкаго мятежа. Это рѣшило судьбу нашего Отечества Пріобщенный послѣ Петромъ къ исполинскому плану преобразованія Россіи, Головинъ вполнѣ оправдалъ выборъ, заслужилъ имя друга Петрова, имѣль подъ своимъ начальствомъ величайшаго изъ Вѣнценосцевъ подъ именемъ Бомбардирнаго Каишана Михайлова, и возложилъ на него орденъ Св. Андрея, за побѣду надъ Шведами. Выписки изъ дружескихъ писемъ Петра имѣютъ чрезвычайную занимательность.

Въ немногихъ спроказъ объ успѣахъ Карла XII подъ Нарвою есть какая-то недомолвка. Авторъ го-
ворить: «Государь отозвалъ Головина изъ лагеря (онъ
хотѣлъ сказать: Государь отправился изъ лагеря вмѣ-
штъ съ Головинымъ). и главное начальство надъ
войсками поручилъ Герцогу де-Кроа. Карлъ XII,
не даетъ новому предводителю войскъ нашихъ перемѣ-
нить положеніе ихъ, началь сраженіе; оно кончилось
весьма несчастливо.» — И такъ настъ разгромили ошь-
шаго, что де-Кроа не распорядился по своему, что

Головинъ тудо расположилъ войска? Совсѣмъ нѣшь; до сихъ поръ мы знаемъ совершенно другія причины эшого несчастнаго происшесшвія. Если Авторъ образовалъ себѣ новый взглядъ, то ему слѣдовало выразишия яснѣе.

Часть II. Канцлеры.

Въ Канцлерское достопицтво первый возведенъ Графъ Гаврілъ Ивановичъ Головкінъ, послѣ Полтавской победы. Въ его біографіи описаны любопытныя событія, но во многихъ изъ нихъ прямо къ Головкину относится одна только строка. Опѣтъ эшого характеръ его обрисованъ слабо и оспаешся въ шѣни.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, имѣвшій большую нужду въ *жесткѣ смилости*, но рожденный подъ вліяніемъ какой-то счастливой звѣзды, всегда былъ въ чести не по заслугамъ. Авторъ называетъ его честнымъ, скромнымъ и несмѣлимъ, а кажешся, еще слѣдовало бы присмотрѣться въ немъ къ осмотрожному честолюбцу, дѣйствующему только въ шакомъ случаѣ, когда за успѣхъ ручающіяся вѣрныхъ средства, и къ слабому угоднику временщика. Онъ являешся шаковымъ, когда предаетъ людості Бирона Дворянъ, объявившихъ ему свое желаніе сдѣлать Правицельницею Анну Леопольдовну.

Жизнь Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюминна показываетъ въ немъ человѣка съ умомъ великимъ, но пожираемаго честолюбіемъ необыкновеннымъ. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Елизаветы онъ до того увлекся своими планами, что думалъ расположить Пресполомъ. Запеченный въ свою деревню Горшково, онъ былъ шамъ медали для увѣковѣченія своей памяти. Тутъ есть высокій характеръ честолюбца, но не весь Бестужевъ. Участіе его въ дѣлахъ Бирона

означено двумя, премя легкими чертами; а это характеристическая эпоха въ жизни Бестужева, который могъ говорить о Биронѣ одно хорошее, и умѣть оправдаться послѣ его паденія.

Графъ Михаилъ Илларионовицъ Воронцовъ, добрый и осторожный человѣкъ, могъ быть изображенъ, какъ государственный мужъ, въ большемъ свѣтѣ, если бы Авторъ обращался къ обстоятельствамъ договоровъ, заключенныхъ имъ съ иностранными Державами.

На біографіи *Никиты Ивановича Панина* отдыкаетъ чинпатель. Здѣсь Авторъ принимаетъ всѣ достоинства біографа, съ какими мы видѣли его въ жизнеописавіяхъ Нашокина, Маштевса и другихъ. Особенно мы благодарны ему за слѣдующія строки: «Гр. Панинъ умеръ на 65 году своего возрасла. Въ минушу, въ которую оставилъ онъ свѣтъ, Наслѣдникъ Престола (Павелъ Петровичъ) упалъ предъ нимъ на колѣна, и целовалъ его руку, обливавшую слезами.» Подобныхъ чертъ не должны быть забываемы. По нимъ Исторія судить о сердечныхъ достоинствахъ Вѣнценосцевъ.

Въ *Графѣ Иванѣ Андреевичѣ Остерманѣ*, *Князѣ Александреѣ Андреевичѣ Вѣзбородко* и *Графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ* изображены государственные мужи, способствовавшіе славѣ и благодѣнствію Россіи.

Въ біографіи *Графа Федора Васильевича Распопкина* мы думали прочитать подробно о пожарѣ Москвы въ 1812 г. Разностѣ мнѣній объ этомъ предметѣ доказывается, что вопросъ еще не решенъ. Молва съ некотораго времени говоритъ, что Распопчинъ зажегъ пламѣнникъ пожара для истребленія враговъ отечества; а Распопчинъ въ *Правдѣ о пожарѣ Москвы* не признаетъ сего. Авторъ удовольствовался эпімъ, и не разсмотрилъ событія великаго, съ которыми неразлучно перейдешь къ почитаемому имя Распопчина. Впрочемъ Г. Терещенко оказалъ величайшую услугу Исторіи,

напечатавъ два письма Распопчина къ Багратиону, гдѣ пламенный патріотъ открываєтъ всю свою душу другу-волну, кошораго называли въ то время *богомъ рати*. Въ послѣднемъ изъ нихъ вотъ чѣо сказано:

«Я не могу себѣ представить, чѣбы непріятель могъ прийти въ Москву. Когда бы случилось, чѣо вы отспущили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за оправление всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю какаго убиращися; а народъ здѣшній, изъ любви къ Отечеству, рѣшишельно умрешь у стѣнъ Московскихъ. И если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обращишъ городъ въ пепель, и Наполеонъ получишъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была Столица. О семъ недурно и ему дать знать, чѣобъ онъ не считалъ на миллионы и магазейны хлѣба: ибо онъ найдеть уголь и золу.» По этимъ спроканъ нужно оцѣнишь нашего Распопчина. Онъ не берешь на себя распоряжаться чужими достояніемъ, а только выражаетъ состояніе духа народа, который, по его словамъ, умрешь подъ стѣнами Москвы, и если не отспоюшь города, то обращишь его въ пепель. Но умирашь у стѣнъ Москвы, по глубоко обдуманному плану, оказалось не нужнымъ: ее отдашь Наполеону безъ бою, какъ покойнику даешь могилу, не требуя отъ него ничего; значить — не было нужды и обращать Москву въ пепелище. Кто же сжегъ ее? Обращимся къ обстоятельствамъ событія.

Нужно ли было Наполеону щадить нашу Столицу? Безъ сомнѣнія. Пріунывшимъ своимъ полчищамъ онъ обѣщалъ золотые горы въ Москвѣ; и, привыкши предписывать договоры въ побѣжденныхъ столицахъ, никакъ немогъ предполагать, чѣо, сдѣлавшися обладателемъ Русской Столицы, попадь только въ западню. Располагаясь ли зиждовать въ нашей Бѣлокаменной, (чѣо весьма вероятно, если бы Русскіе согласились на миръ),

ожидал ли перемъны обстоятельствъ, или желая занять вниманіе Парижанъ, онъ выписывалъ изъ Парижа штурмъ лучшихъ акшеровъ. Изъ всего этого очевидно, что ему нужно было беречь Москву. Въ подтверждение припомнимъ, что приказаніе подорвать Кремль дано не прежде, какъ поѣзда Лористона въ Русскій лагерь объяснила, что въ Москвѣ будешь и холодно и голодно (дурной успѣхъ этой дикой операциі показываетъ, что она сдѣлана въ торопахъ). Однакожъ, можно ли вѣришь, чтобы сто тридцать тысячъ разноплеменныхъ полчищъ свято хранили повелѣнія своего предводителя? Кто не знаетъ небрежности, съ какою распоряжаются побѣдители, особенно Французы, всегда любившіе расположиться *à son aise*, где только можно. Солдаты ходили ночью по домамъ со свѣчными огарками, и раскладывали огни по срединѣ дворовъ, чтобы грѣться. Само собою разумѣется, что штурмъ не было большой осмотрѣности: а дневной приказъ, дававшій право каждому полку, расположенному на бивакѣ близъ города, посыпать известное число солдатъ для разграбленія домовъ *уже сожженныхъ*, бытъ, такъ сказать, приглашеніемъ умножить число ихъ. Каждый понималъ, что чѣмъ больше будешь сожженныхъ домовъ, темъ больше добычи (Правд. о пож. Моск. стр. 24). И такъ неоспоримо, что Москва пожаромъ своимъ обязана отчастіи Французамъ.

Жгли ль ее Русскіе? Безъ сомнѣнія. Слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю, многіе зажигали* свои дома (*Раскопчи* впдаются со многими изъ юныхъ благородныхъ самоотверженцевъ, во время пребыванія его въ лагерь Кутузова): когда Французскіе Генералы и Офицеры выбрали себѣ экипажи въ каретныхъ лавкахъ, составлявшихъ цѣлую улицу, по хозяева, по общему согласію, зажгли все лавки вдругъ; племянникъ одного купца, остававшійся для присмотра за домомъ, вспѣлъ

17 Французовъ въ погребъ съ видомъ, и когда названные госпи подгузки, они заперъ погребъ и зажегъ домъ. По возвращеніи Польціи въ Москву, они объявили объ этомъ и указали наѣма.

Желаль ли Распопчинъ поубавить блеску въ Наполеоновой завѣздѣ, закошливъ ее Русскимъ дымомъ? Ни малѣйшаго сомнѣнія. Но онъ не Москву жегъ, а по закону войны испребилъ то, что могло быть полезно непріятелю. Онъ хотѣлъ, чтобъ Наполеону не доспались «миліоны и магазейны хлѣба»; миллионы были вывезены, оставалось уничтожить магазины съ хлѣбомъ и другіе запасы — много ли, мало ли ихъ было. Опрровергая 21 бюлларшень, Распопчинъ самъ говорилъ о пороховомъ магазинѣ, что «онъ сожженъ не по шакой неоспоримости», по какой сожженъ слишкомъ рано моспѣ въ Лейпцигѣ. (Прав. спр. 55). Это насколько шемко, однакожъ для Русскаго понятно. — Домомъ своимъ Распопчинъ распорядился какъ пашрющъ: онъ запыталъ рѣ въ насу упра, а самъ Распопчинъ оставилъ Москву не прежде, какъ авангардъ Французовъ вслушнулся въ городѣ, ш. е. не раньше 5 часовъ по полуодиннадцати. — Замокъ свой въ Вороновѣ онъ также зажегъ своею рукою, и объясняль о томъ Французамъ въ подпisci, привѣшной къ церковнымъ дверямъ. Но царь этого не слѣдуешъ, чтобы вся Москва вошла въ планъ его испребленія, пошому чѣто, какъ говорищъ онъ весьма основательно, невозможно было предполагающъ, чѣто пожаръ могъ распространиться по всѣмъ частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра (уже на третій день пожара), огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, пущшихъ мѣстъ и булеваровъ. (Правд. спр. 10).

И шакъ, по самому безпристрастному соображенію, въ пожарѣ Москвы участковали всѣ: Французы, жители и Распопчинъ. И вошь почему послѣдній могъ

безъ зазрѣнія совсѣмъ говоритьъ, что не онъ сжегъ Москву. Долгъ справедливости требуетъ не отнимать у него славы патріота и благороднаго начальника; но несправедливо и приписывать ему одному то, въ чёмъ участвовали и другіе.

Въ биографіи *Графа Николая Петровича Румянцева*, онъ изображенъ такимъ, какимъ мы привыкли его понимать: доблестный государственный мужъ и покровитель Наукъ. Отечественная Исторія никогда не забудетъ въ немъ своего Мецената. Исчисление изданныхъ имъ книгъ показываетъ и обширность его предпріятій, и важность пожертвованій; а указаніе сочиненій, которыхъ онъ хотѣлъ издать, есть драгоценный списокъ нашего исторического сокровища. Эти страницы могутъ служить указателемъ источниковъ для желающихъ изучать Отечественную Исторію, и за нихъ многіе будутъ благодарны Г-ну Терещкѣ.

Биографія Кнлэля Виктора Павловича Котубел слишкомъ кратка.

Часть III. Вице-Канцлеры.

Званіе Вице-Канцлера первый получилъ *Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ*. Дивныя судьбы совершились надъ эдакимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Изъ сидѣльца Панскаго ряда въ Москвѣ, Шафировъ скоро прошелъ нѣсколько неважныхъ должностей, и явился достойнымъ сопрудникомъ великаго Преобразователя Россіи. Назначенный главою Посольства къ Визирю Балшаджи, окружившему Русское войско при Прущѣ, онъ умѣлъ дашь силу своимъ переговорамъ, когда Визирь могъ отвѣтить громомъ чешырехъ сопѣ пушекъ, и Русскіе выслушали изъ шанцевъ, гдѣ за нѣсколько часовъ *Петръ Великій* писалъ Сенату: «Извѣщаю вамъ, что

я.... въ чешырекрашь сильнейшею Турецкою силою шакъ окружень, что всѣ пуши къ полученню проказни престъчены, и что я безъ особливага Божія помощи ни-чего иного предвидѣшь не могу, кроме совершеннаго пораженія, или что я владу въ Турецкій плать. Остав-ленный заложникомъ, Шафировъ, въ борьбѣ съ Карломъ XII, въ продолженіе двухъ шоммельныхъ ѿшь шо пользовался благосклонностю Давана, что спрадаль въ Семибашеномъ замкѣ. Наконецъ, побѣдивъ всѣ пре-пящшія, заключилъ миръ. Но счастіе не долго улы-балось Шафиrowу. Форшуна повернула свое роковое колесо, и онъ очутился на эшафотѣ; только милость Петра перемѣнила смерть на започеніе. Въ царствованіе Екатерины I, онъ съ торжествомъ былъ при-званъ на политическое поприще: препоясался золотою шлагою Петра Великаго, изъ рукъ самой Императрицы получилъ бокалъ Венгерскаго вина, и опь Великихъ Княженъ принималъ поздравленіе и желаніе новаго сча-стія. Какія разищельные крайности!

Графъ Андрей Ивановикъ Остерманъ прошелъ шакже чудный путь. Студенішъ, сынъ Бокумскаго Па-спора, бывшій послъ дуэли въ Амстердамъ, мѣшаль своимъ шумомъ заниматься Петру Великому. Петръ захотѣлъ видѣть его, и узнавъ, полюбилъ въ немъ рѣ-шишельный характеръ и тонкій умъ. Остерманъ былъ приглашенъ въ нашу службу, и скоро раскрыль свои великия способности. При пяти Правицельствахъ, онъ былъ всѣмъ нуженъ. Когда Остерманъ не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, грозившихъ опасностю, то умѣть спрадаль желтухою, подагрою, хирагрою, коли-кою; когда же проходила опасность, здоровье возвра-щалось къ нему мгновенно. Во всю свою жизнь, онъ сдѣлалъ только одну политическую ошибку — удаливъ опь Престола родъ Петра Великаго, въ лицѣ Ели-савты. Промыслъ призвалъ ее на Отеческій През-

шполъ, и Остреманъ паль жершюю своей неблагодарности къ благодѣщелю-Монарху; но въ самомъ паденіи сохранилъ свой спонческій характеръ.

Жизнеописанія Графа Михаила Гавриловича Головкина, Князя Александра Михайловича Голицына, Графа Никиты Петровича Панина, Степана Алексеевича Колытева и Князя Александра Борисовича Куракина очень кратки и бѣдны обстоятельствами, по которымъ можно бы оцѣнить ихъ характеры и ихъ дипломатическое значеніе.

Въ біографії *Графа Карла Васильевича Нессельроде* проспрашено изложены наши договоры съ 1813 г., когда **Александръ Благословенный начинать великое дѣло освобожденія Европы**, по 1829 годъ, наполнившій Европу славою нашихъ побѣдъ надъ Османской Портою.

Теперь обращимся къ цѣлому. Г. Терещенко, предпринявъ написать «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», избралъ для себя поприще новое. Мы не имѣли біографій нашихъ дипломатовъ; знали ихъ дѣйствія въ общей связи событий, мало были знакомы съ частною ихъ жизнью, и если хотѣли представить себѣ полную картину ихъ дѣйствій, должны были перелистывать историческія книги, собирая въ нихъ чершу по черпѣ. Авторъ взялъ на себя эшотъ тяжкій трудъ; воспользовавшись Отечественными источниками для нашей Исторіи и сказаніями иностранцевъ — книгами очень рѣдкими и не для всѣхъ доспупными, онъ открылъ много нового, любопытнаго; а добросовѣстно, указавъ источники, которыми пользовался, оказалъ быть важную услугу для будущихъ Біографовъ.

Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина мы можемъ изучать события, всматриваясь въ характеры, шолько до 1611 года. Обстоятельного изложенія прошедшій дальнѣйшихъ мы не имѣмъ. Посему,

желающій знать нашу Исторію съ 1611 года долженъ
рыться въ частныхъ и неполныхъ сказанияхъ и актахъ
объ отдельныхъ эпохахъ и лицахъ. Г. Терещенко оши-
частли сшаралася пополнить эпопѣ недосшапокъ.

Въ частности, Біографіи Г. Терещенка написаны
не съ одинаковъ успѣхомъ. Есмь характеристики недорисо-
ванные, апохи не вполнѣ обозрѣнныя.

Мы жалѣемъ, что Авторъ мало заботился о пра-
вильности слога, и ч то дозволилъ себѣ употреб-
лять какое-то особенное правописаніе. Выбрасывая,
безъ всякой нужды, двойные буквы, Авторъ нашу
Россію сократилъ въ *Rosію*; *Русскій* въ *Рускій*; вообще же онъ не терпѣлъ прописныхъ буквъ, такъ что
оспаривъ ихъ только въ началѣ собственныхъ имёнъ
лицъ и городовъ; напротивъ того всѣ существительные
имена народовъ, морей, рѣкъ и пр. начинаютъ малыми
буквами. Нѣтъ сомнѣнія, что можно и всѣ безъ изъянія
слова начинать сими буквами; это всего короче и
легче; но прописная придуманы также не безъ причи-
ны. Служа къ означенію предметовъ, преобьющихъ
всегда особаго вниманія, они даже способствуя ѿ
къ пріисканію на спраницахъ того, что уже было
чишано.

И. Т. Борисовский.

2.

ЖУРНАЛИСТИКА.

О ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ РОССИИ НА 1838 ГОДЪ.

Сообразно съ требованиемъ современнаго просвѣщенія и вкуса, нѣкоторыя изъ прежнихъ періодическихъ изданій съ нынѣшнимъ годомъ явились въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Одни изъ нихъ перемѣнили наружную форму, другія пополнились и обновились въ содержаніи. Новыѣ изданія въ семъ году подѣялись въ Россіи два на Русскомъ языкѣ, и одно на Нѣмецкомъ.

I. *Перемѣнили наружную форму и обновились въ содержаніи.* а) Сѣверная Пчела, выходя по прежнему листами, ежедневно, кроме Воскресныхъ и Праздничныхъ дней, явилась въ форматѣ извѣстной Нѣмецкой газеты: Preussische Staats-Zeitung. б) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ, выѣсто небольшихъ книжекъ, выходяще большими, въ форматѣ Библіошеки для Членія, и каждая книжка заключающа въ себѣ до 20 и болѣе печатныхъ листовъ. Онъ дѣлится шестерью на пять слѣдующихъ разрядовъ: 1) Изящную Словесность Русскую — Стиховворенія и Прозу; 2) Словесность иностранную; 3) Критику; 4) Науки и Искусства; 5) Политику. Какъ Сѣверная Пчела, такъ и Сынъ Отечества съ Сѣвернымъ Архивомъ, издающія нынѣ иждиве-

иємъ извѣстнаго книгопродавца Смирдина. с) Дѣшкій Журналъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ, книжками въ 150 — 200 страницъ, въ украшающемся виньетками, штампами и рисунками; въ содержаніи же его сшашей замѣтило также улучшеніе. д) Лишерашурный Прибавленія къ Русскому Инвалиду превращались изъ листа въ большую четвертку. Вмѣсто прежнихъ 10 страницъ, каждый номеръ состоялъ изъ 20, впечатанныхъ некрупнымъ чешскимъ шрифтомъ; приданъ большій объемъ сшашьимъ по части Крашки и Русской Біографіи, введено ошѣленіе иностраннай библіографіи и увеличилось число статей о Театрѣ и Искусствахъ вообще.

II. Обновились въ содержаніи безъ первоначальнаго формата. а) Художественная газета украсилась большими числомъ гравюръ и пополнилась штами отраслями Художества, которыхъ являлись изредка въ прежнемъ изданіи; вмѣсто 24 печатныхъ листовъ обѣщано въ продолженіе года 48; вмѣсто 5 или 6 очерковъ — 100 рисунковъ, означено гравированныхъ во Франціи и Германіи. Къ сей газетѣ присоединяются еще Прибавленія, объемомъ въ листъ, которыхъ, не ошѣляясь ошъ сослава газеты, содержать въ себѣ пояснительные тексты къ гравюрамъ. Эта Художественная галлерей должна заключать въ себѣ болѣе сча описаній, почерпнутыхъ изъ лучшыхъ книгъ сего рода и пополненныхъ изъ всевозможныхъ источниковъ по части Исторіи Изящныхъ Искусствъ. Въ составъ Прибавленій войдутъ: 1) по Архитектурѣ — гравированные изображенія и описание важнейшихъ произведеній Зодчества, ихъ Исторія, размѣры; 2) по Скульптурѣ — гравированные изображенія и описание статуй, барельефовъ и вообще памятниковъ какъ древняго, такъ и новаго Вѣка, съ Исторіею его; 3) по Живописи — гравированные изображенія сей отрасли по всемъ школамъ, съ крашениемъ

изложеюшіемъ Испорії каждой школы; 4) по Музыкѣ — крашкія извѣстія о появлениі въ музыкальномъ Европейскомъ мірѣ важнѣйшихъ произведеній, преимуществоно Русскихъ; 5) декоративная и музыкально-шешарльная части, и 6) Біографія знаменитыхъ и вообще всякаго рода Художниковъ. б) Въ составѣ журнала: Другъ Здравія прежде входили по всѣмъ Медицинскимъ Наукамъ спашны Отечесческихъ Врачей и предметы изъ современныхъ Медицинскихъ Отечесческихъ и ино-странныхъ изданій, и сверхъ того Медико-спашистичекія свѣдѣнія; но съ наступившимъ годомъ Издатель ограничиваешь журналъ свой шами только спашными, кошорыя относятся до Врачебныхъ Наукъ, а Медико-спашистичекія свѣдѣнія будуть издаваемы въ видѣ прибавленій въ большемъ объемѣ и систематическомъ порядке. Въ нихъ будешь сообщаемо: 1) о распоряженіяхъ по Медицинскому Управлению, 2) о распоряженіяхъ Медицинскаго Правительства, 3) о Медицинской Герольдіи, 4) о Медицинскихъ Заведеніяхъ для образования Врачей въ Россіи, 5) о Лечебныхъ и Фармацевтическихъ Заведеніяхъ, 6) о Медицинскихъ Обществахъ, 7) о кни-гахъ, выходящихъ въ Россіи и вѣкоторыхъ иностранныхъ, и 8) разныя извѣстія по медицинской части.

III. Новыя изданія.

а) Россійское Общество Любителей Садоводства издаешь съ нынѣшняго года Журналъ Садоводства. Онъ состоишъ изъ пяти отдельній. Первое заключа-ешь въ себѣ Фітологію и спашни, относящіяся къ Органографіи, Физіологии, Методологіи, Фітографіи и Географіи растеній; второе — Теорію и Практику Садоводства; третіе — Прикладные Науки: свѣдѣнія изъ Зоологіи, Минералогіи, Геогнозіи, Химіи и Техно-логіи, касающіяся Садоводства; четвертое — смысь, свѣдѣнія о новыхъ открытияхъ, наблюденіяхъ, опытахъ,

изъѣстія коммерческія и статистическія, библіографическая, критическая и другія; пятое — лѣтописи Общества. Годичное изданіе журнала будетъ въ шести книжкахъ, изъ коихъ каждая составитъ 8 печатныхъ листовъ, съ двумя літографированными изображеніями распевій, орудій, садовыхъ строевій и проч., и будетъ выходить чрезъ два мѣсяца. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 20 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 25 р. асс.

б) Издатель Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній Г. Башуцкій вмѣстѣ съ нимъ издастъ еще особые Листки Ремеслъ, промысловъ и фабрикъ. Въ теченіе года выйдутъ 52 листа in-4⁰, по временамъ будуть прилагаемы чертежи. Цѣна съ доставкою 20 руб. асс.

в) Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета и Директоръ Землемѣрческой Школы, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозайства, Михаилъ Павловъ, для распространенія вѣрныхъ и сообразныхъ съ современнымъ состояніемъ Науки свѣдѣній, предпринялъ изданіе, подъ названіемъ: Русскій Землемѣлецъ или Журналъ современного Сельскаго Хозайства. Въ составъ его, согласно съ предположенію цѣли, входятъ слѣдующіе предметы: 1) Агрономія — современные свѣдѣнія, основанныя на опытахъ и наблюденіяхъ извѣштѣвшихъ Агрономовъ по всемъ отраслямъ Хозайства; 2) агрономические вопросы или изслѣдованіе и рѣшеніе спорныхъ пунктовъ по части Агрономіи; 3) Сельская Технологія — свѣдѣнія по технологической части при настоющемъ развитіи сельской промышленности; 4) вспомогательные свѣдѣнія изъ Естественныхъ Наукъ — физическая, химическая, фізіологическихъ, зоологическихъ и минералогическихъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Сельскому Хозайству, Технологіи и вообще къ сельскому быту;

5) Бібліографія и Критика; 6) агрономическая переписка, и 7) съмсь—крашкі замѣчанія и извѣстія о новыхъ открытияхъ, улучшеніяхъ и о всѣхъ современныхъ событіяхъ въ агрономическомъ мірѣ. Годовое изданіе сего журнала будешь состоящій изъ 12 книжекъ, по однѣй въ мѣсяцъ, каждая въ шесть печатаныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 22 рубли, а съ пересылкою въ другіе города 25 зес.

г) Въ Дерпітѣ предположено къ изданію Ординарными Профессоромъ Ульманомъ повременное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.*

Не льза вообще не породотасть быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ. Было время, когда литературная дѣятельность сосредоточивалась въ однихъ Столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, но съ благодѣтельнымъ учрежденіемъ Университетовъ, Академій и другихъ Учебныхъ Заведеній плоды усвѣхъ въ Науакъ, Словесности и гражданскомъ образованіи явлюются вдругъ въ разныхъ концахъ Россіи. Не говоримъ уже о книгахъ: одни журналы и газеты, сообразно съ потребностями многочисленныхъ классовъ народа, издающіяся, кроме Русскаго, на языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Польскомъ и Лашышкомъ. Всякій любящій читателъ можетъ почерпнуть изъ нихъ свѣдѣнія о всѣхъ новыя замѣтительныхъ событіяхъ внутри и изъ Отечества, о ходѣ Наукъ, Искусствъ и Литературы. Въ наступающее время періодическихъ изданій въ различныхъ областяхъ Имперіи и на разныхъ языкахъ болѣе сша. Они выхедяще въ свѣтъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ, Казани, Дерпѣ, Ярославлѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Архангельскѣ, Вышебскѣ, Владимирѣ, Вологдѣ, Житомирѣ, Воронежѣ, Вішкѣ, Гроднѣ, Екатеринославлѣ, Калугѣ, Костромѣ, Минскѣ, Митавѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, Петрозаводскѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Покровѣ,

Ригъ, Ревель, Рязань, Симбирскъ, Смоленскъ, Туль,
Харьковъ, Тифлисъ, Лебавъ, Перновъ, Кронштадтъ.

**ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ, ВЫХОДЯЩИЕ ВЪ РОССИИ
ВЪ 1838 ГОДУ.**

на русскомъ языке.

Въ С. Петербургѣ.

- 1) Сенатскія Вѣдомости съ Прибавленіями.
- 2) Сенатскія Объявленія.
- 3) Сенатскія Объявленія о запрещеніяхъ и разрѣшенияхъ.
- 4) С. Петербургскія Академическія Вѣдомости съ Прибавленіями.
- 5) Русскій Инвалидъ или Военный Вѣдомости.
- 6) Христіанское Чшеніе.
- 7) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
- 8) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
- 9) Горный Журналъ.
- 10) Журналъ Мануфактуръ и Торговли.
- 11) Военный Журналъ.
- 12) Инженерныя Записки.
- 13) Военно-Медицинскій Журналъ.
- 14) Журналъ Пушей Сообщенія.
- 15) Коммерческая Газета.
- 16) Землемѣрческая Газета.
- 17) Современникъ.
- 18) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ.
- 19) Библиотека для Чшенія.
- 20) Сѣверная Пчела съ Музыкальными Прибавленіями.

- 21) Литературный Прибавлениј къ Русскому Инвалиду.
- 22) Художественная Газета съ Прибавлениями.
- 23) Дѣцкій Журналъ.
- 24) Другъ Здравія, съ Медико-спашистическими Прибавлениими.
- 25) Лѣсной Журналъ.
- 26) Журналъ Общеполезныхъ свѣдѣній, съ Прибавлениями.

Въ Москвѣ.

- 27) Сенатскія Объявленія.
- 28) Сводъ разрѣшеній и запрещеній на имѣнія.
- 29) Московскія Вѣдомости.
- 30) Московскій Наблюдатель.
- 31) Терапевтическій Журналъ.
- 32) Земледѣльческій Журналъ.
- 33) Русскій земледѣлъ или Журналъ современного Сельского Хозяйства.
- 34) Журналъ Садоводства.
- 35) Журналъ для Овцеводовъ.

Въ Кіевѣ.

- 36) Воскресное Чтеніе.
- 37) Киевскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Казани.

- 38) Ученые Записки Казанского Университета.
- 39) Казанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Ярославлѣ.

- 40) Ярославскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Одесѣ.

- 41) Одесскій Вѣшникъ.
- 42) Листки, издаваемыя Обществомъ Сельского Хозяйства.

Въ Вильнѣ.

- 43) Лишовскій Вѣшникъ.
- 44) Виленскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Архангельскъ.

- 45) Архангельскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Витебскъ.

- 46) Витебскія Губернскія Вѣдомости.

Во Владимірѣ.

- 47) Владимірскія Губернскія Вѣдомости

Въ Вологдѣ.

- 48) Вологодскія Губернскія Вѣдомости

Въ Житомірѣ.

- 49) Волынскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Лаптѣ.

- 50) Вятскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Воронежѣ.

- 51) Воронежскія Губернскія Вѣдомости

Въ Гродно.

- 52) Гродненскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Екатеринославѣ.

- 53) Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости

Въ Калугѣ.

- 54) Калужскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Костромѣ.

- 55) Костромскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Мышѣ.

- 56) Минскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Нижнемъ-городѣ.

- 57) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Новгородѣ.

- 58) Новгородскія Губернскія Вѣдомости,

Въ Петрозаводскѣ.

59) Олонецкія Губернскія Вѣдомости:

Въ Оренбургѣ.

60) Оренбургскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Орль.

61) Орловскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Каменцѣ-Подольскому.

62) Подольскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Псковѣ.

63) Псковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Рязани.

64) Рязанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Симбирскѣ.

65) Сибирскія Губернскія Вѣдомости

Въ Смоленскѣ.

66) Смоленскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Туле.

67) Тульскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Харьковѣ.

68) Харьковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Тифлисѣ.

69) Закавказскій Вѣстникъ.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ.

Въ С.-Петербургѣ.

70) Journal politique et littéraire de St.-Pétersbourg.

71) Bulletin scientifique, publié par l'Academie des Sciences de St.-Pétersbourg.

72) Journal des voies de communication.

- 78) *Revue étrangère.*
 79) *St. Petersburg Price-courant.*

Въ Москвѣ.

- 75) *Bulletin scientifique de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou.*

Въ Одессѣ.

- 76) *Journal d'Odessa.*
 77) *Bulletin de la Société d'économie rurale.*

Н А Н Щ М Е Ц К О МЪ

Въ С. Петербургѣ.

- 78) *St. Petersburgischer Zeitung.*
 79) *St. Petersburgische Handels-Zeitung.*
 80) *Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung.*
 81) *Verzeichniss der vorzüglichsten in St. Petersburg eingeführten Waaren.*

Въ Дерпти.

- 82) *Evangelische Blätter.*
 83) *Dorptsche Zeitung.*
 84) *Jahrbücher der Landwirthschaft.*
 85) *Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.*

Въ Руен.

- 86) *Rigaische Zeitung.*
 87) *Der Zuschauer.*
 88) *Provincial-Blatt für Kur-Liv.-und Ehst.-land mit literarischen Begleiter.*
 89) *Rigaische Stadt-Blätter.*
 90) *Rigaische Anzeigen.*

Въ Митавѣ.

- 91) *Mitauische Zeitung.*

- 92) Allgemeines Kurländisches Amts und Intelligenz-Blatt.

Вѣ Либасъ.

- 93) Libausches Wochen-Blatt.

Вѣ Перновъ.

- 94) Pernausches Wochen-Blatt.

Вѣ Ревель.

- 95) Revalsche wöchentliche Nachrichten.

Вѣ Кронштадтъ.

- 96) Liste der importirten Waaren.

- 97) Schiff-Liste.

Н А П О Л Ь С К О МЪ.

Вѣ С. Петербургъ.

- 98) Tygodnik Petersburski.

Вѣ Вильнъ.

Kuryer Litewski (то же, что и на Русскомъ).

Н А Ж А Т Ы Ш С К О МЪ.

Вѣ Ригъ.

- 99) Sinnar par notikkumeom ceksch Deeva Walstibas.

- 100) Tas Latweeschu ūausschu draugs.

- 101) Widsemmes Latweeschu Awises.

Вѣ Mumaa.

- 102) Latweeschu awises.

5.

РАЗНЫЯ ИЗВЕСТИЯ.

ИССЛЕДОВАНИЯ О ПАЛЬМИРЕ. — Местоположение знаменитой столицы Эзирови не было известно Европейцамъ до 1691 года, когда путешесшвенники, услышавъ отъ Арабовъ о величесшвенныхъ развалинахъ въ пустынѣ, захотѣли ить видѣть и удовлетвориши свое любопытство. Рассказы ихъ о Пальмирѣ болѣе полуѣка были почитаемы за басни, пока иаконецъ Англичане Робертъ Вардъ и Кавалеръ Деркисъ, обозрѣвъ развалины, издали свое путешесшвие съ планомъ и описаніемъ великихъ памятниковъ, которые они видѣли: «должно признаться» — говорить одинъ знаменитый путешесшвенникъ послѣднаго столѣтія. — «древность ничего не оставила подобнаго ни въ Греціи, ни въ Италіи, чтобы могло равняться съ оштапками Пальмиры.»

На Востокѣ ошь Ашш-Ливана, въ Дамасскомъ Пашалыкѣ, перѣхавъ отъ города Спомы дикій спешин и узкій проходъ между двумя цѣпями горъ, — шамъ, на краю равнины внезадко предстаютъ взорамъ развалины Пальмиры, брошенные подобно острозву среди песчанаго Океана. Зрѣніе шеряетъ между безчисленнымъ множествомъ рядовъ колоннъ, изъ конъя нѣкошорыя въ 70 футовъ вышины; по срединѣ развалинъ находятся оштапки удивительного храма; издали глазъ шолько замѣчаешь лѣсъ колоннъ, разбитыя гробницы, обломки кашепелей и другихъ украшеній, кошорыя разбросаны по землѣ: храмъ вшоть былъ посвященъ солн-

чу, божеству Пальмиры, и весьма замечательно, что входъ въ храмъ быдъ съ западной, а не съ вос точной стороны. Часть его фасада и перистиля еще стоять, а весь храмъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ колоннъ, соединяющимъ между собою обширное пространство; каждая сторона храма имѣла въ длину 680 футовъ. Памятники, оставшиеся въ Пальмире, относятся къ разнымъ впохамъ; но большая часть ихъ носить на себѣ печать прахъ вѣковъ, предшествовавшихъ нашей эрѣ; и хотя ни одного изъ нихъ не льзя отнести ко временамъ болѣе отдаленнымъ, но все согласны въ томъ, что Пальмира носитъ на себѣ печать глубокой древности. Въ окрестностяхъ ея еще и теперь встречаются обломки циклопическихъ построений, подобныхъ темъ, какія находятся въ Балбекѣ, которыя народное преданіе приписываетъ волшебникамъ и духамъ. И въ самомъ дѣлѣ, кажущаяся, требовала сила свыше человѣческой, чтобы покорить эти огромные массы.

Не дѣлая никакого заключенія, намъ кажется вѣроятнымъ, что Пальмира, по своему названію, есть древняя Тадмура, построенная и укрѣпленная Саломономъ. Историкъ Іосифъ говоритъ: «Царь сей окружилъ этотъ городъ стѣною, для надежного обладанія имъ, и назвалъ его Тадмура, что значитъ место пальмъ.»

Тадмура, предпочитаемая всѣми своими соседями, по причинѣ здоровой воды и важности въ торговомъ отношеніи, много терпѣла отъ безчисленныхъ войнъ съ идолопоклонниками и Іудеями; во время похода Навуходоносора на Іерусалимъ, она была имъ взята и разрушена; въ послѣдствіи она опять возобновилась, воззвѣтилась въ могущество и великолѣпіи съ падениемъ великихъ столицъ Востока, Ненивія и Вавилона, и въ свой чередъ сдѣмалась столицею. Послѣ сего она скрывается съ поприща Исторіи въ продолженіи мн-

гихъ вѣковъ; наконецъ въ эпоху долгой борьбы между Римлянами и Пареами, она являетсѧ подъ новымъ именемъ *Пальмиры*, подобно рѣкамъ пустыни, кошорый исчезая въ пескахъ, потомъ опять появляется съ новымъ величиемъ, подъ другимъ именемъ. Пальмира умѣла долго сохраняшь свою независимость и неушпалишь между двумя могущесшвенными Монархіями, и достигла своего высшаго развиція въ прѣстѣль вѣкъ по Р. Х., около шого времени, когда Императоръ Валентиніанъ былъ побѣженъ и взятъ въ пленъ Сапоромъ, Персидскимъ Царемъ. Въ это время ея могущества, вокругъ нее являющейся и быстро распѣть геройскій народъ, которому, спустя три вѣка позже, религіозный фанатизмъ долженъ бытъ уступить половину Земного Шара. Безчисленныя племена Арабовъ, кочевавши въ сосѣднихъ пустыняхъ Пальмиры, повиновались ея знаменишому Полководцу Оденапту, копорый по прімѣру другихъ вождей и Государей Азіи, послѣ побѣды Персовъ надъ Римлянами, послалъ побѣдицю льстивое письмо и дорогіе подарки. Но свирѣпый Сапоръ приказалъ бросить ихъ въ Евфрашъ, сказавъ: «кто сей Оденаппъ, осмѣлившійся писать къ своему повелителю? Если онъ хочеть избѣжать гибѣта, то пускай явится съ связанными руками и повергнется предъ моимъ престоломъ: если же онъ не рѣшаєтсѧ, то я исщреблю его, вмѣстѣ съ его племенемъ и со всѣмъ народомъ.» Оденаппъ одушевляешь мужество своихъ Арабовъ, возбуждаешь къ мщению жишелей Пальмиры и успремлляешь на вспрѣчу Сапору: разбиваешь его, заводишь и уничтожаешь его во многихъ вспрѣахъ; отбиваешь у него сокровища, его женъ и принуждаешь удалившись по другую сторону Евфраша. Такимъ образомъ Оденаппъ чрезъ свое мужество дѣлается супругомъ знаменитой Зиновіи, Царицы Пальмиры, и получаетъ ошь Имперашора Галліена шипуль *Августа* и верховнаго.

повелителя Востока. Однажды был умерщвлен в время пиршества; послѣ него Зиновія царствовала одна.

Зиновія, знаменитая и по уму и красотѣ, говоряще, происходила изъ рода Птоломеева; она была знакома съ литературами Греческою и Римскою, и избрала себѣ въ советники и наставники Философа Лонгина, письма о *Высокомъ*. Спрастино любя Искусства, охоту и войну, она то украшала зданіями свою столицу, то сопровождала своего супруга на охотѣ, или преслѣдовала Полководцевъ Сапора и ихъ войска. Посдѣ смерти Одната, она наказала его убийцъ и принадаши ту мъртвую. Царицы Востока, удержавъ также название *Августы*, не взирая на сопротивление Сената и Императора. Вскорѣ она освободилась отъ Римскаго подчинительства, разбила ихъ легіоны, покорила Египетъ и хотѣла сдѣлать Пальмиру столицею вселенной. По прошествіи пяти лѣтъ, знаменитаго царствованія, въ продолженіе коихъ трудно опредѣлить, быда ли она обязана славѣ онаго своему счастію или своимъ шаланіямъ, Зиновія увидѣла конецъ своего благоденствія. Авреліанъ, неустранимый вояхъ, наследовалъ Имперію и лично выступилъ прошивъ нея. Зиновія ждала его и дала битву у спѣни Антиохіи. Искусные стрѣлки и сильная конница, закованная въ жертво, составляли большую часть ея силь. Первые ряды Римской арміи были разбиты; но когда ся стрѣлки испрѣтили свои стрѣлы и Авреліанъ, увидѣвъ, что непріятельская конница опрометчиво бросилась преслѣдоваться, двинулъ своихъ ветерановъ, закаленныхыхъ въ продолжительныхъ войнахъ на берегахъ Дуная съ дикими народами, Сирийская пехота обратилась въ бѣгство; конница, испощенная, не могла далѣе выдерживать стремленія легіоновъ; пораженіе и убийство было ужасное. Зиновія собрала другую армію, и въ другой разъ была разбита въ окрестностяхъ Эмера; попомъ удалившись

въ свою столицу, она заперлась, и понуждаемая Римлянами сдаться, отвѣчала, что оставилъ свое Государство только вмѣстѣ съ жизнью. Авреліанъ осадилъ Пальмиру, но встрѣтилъ сильное сопротивление, и его беспокойство, выраженное въ письмахъ Сенату, свидѣтельствуетъ всю важность и трудность предпріятія.

По Зиновія сдѣлала неизгладимую ошибку памъ, что чуждалась своего народа, который быль бы для нее крѣпчайшимъ оплотомъ противъ Римлянъ: ей спрашивать и просвѣщенню Грековъ, — спрашивать, составившая ея славу, также была и причинною ея гибели. Иноземцы, Греки пользовались полнымъ ея довѣріемъ и были предметомъ обиднаго предпочитенія туземному народу и соѣднимъ племенамъ: и когда заключась въ спїнахъ, пѣсніемъ Римскими легіонами и голодомъ, она вспомнила о храбрыхъ Арабахъ, что уже было поздно,— они не отвѣчали на ея воззваніе. Должно было уступить силъ и бѣжать; но прежде, нежели отдала свою столицу Римлянамъ, Зиновія покинула Пальмиру и поспѣшило бѣжалъ чрезъ шепи: ей язычники; Авреліанъ ее преслѣдовалъ, и его конница нагнала ее на берегахъ Евфрана. Когда Зиновія была представлена предъ Авреліана, онъ спросилъ ее: кто внушилъ тебѣ дерзость сопротивляться Римскимъ Императорамъ?— «Я не видѣла Императоровъ»— гордо отвѣчала Зиновія— «ни въ Галліенъ, ни въ подобныхъ ему; но ты умѣешь побѣждать и я признаю тебѣ достойнымъ сего титла.» Впрочемъ увѣряютъ, будто бы ей твердость нѣсколько позже поколебалась, и напуганная новыми вопросами, она назвала Философа Лонгина главнымъ виновникомъ ея сопротивленія; Авреліанъ приказалъ его казнить; Лонгинъ умеръ, какъ мудрецъ, упѣша своихъ друзей и жалуясь на Царицу, которой предала ихъ въ руки палачей.

Въ Римѣ Зиновія была лучшимъ украшеніемъ Авреліана.

діачова пріумфа: обремененна драгоцѣнными украшеними, на шеъ съ золотою цѣпью, поддерживаемою рабами, она предшествовала колесницѣ побѣдителя. Галль Ветрикъ также находился въ пріумфальномъ шествіи; по тоны и другая, послѣ пріумфа, имѣли ясную участіе, какую прежде Римъ предназначалъ пѣннымъ повелителемъ, лишеннымъ Престола. Ветрикъ получилъ Дворецъ, въ которомъ даль праздникъ Императору, а Зиновія кончила свою жизнь въ очаровательной виллѣ близъ Тибурга. Это обстоятельство наиболѣе показываетъ смягченіе древнихъ нравовъ; безъ сомнѣнія, эта счастливая перемѣна была плодомъ вышаго просвѣщенія и болѣе происходила отъ чувства образованнаго, нежели отъ ослабленія народнаго характера. Презрѣніе и жестокосТЬ къ побѣденнымъ Государямъ, сославляли двѣ характериотическихкия черты духа древнаго Рима, и онъ не могли изгладиться, не обнаруживъ нового признака разрушенія. И точно, Римская Монархія тогда уже клонилась къ паденію, и два вѣка спустя послѣ пріумфа Аврелиана, Пальмира была отомщена она, едва переживъ свое завоеваніе, употребила усиліе низвергнуть иго, но возмущеніе было знакомъ ея разрушенія. Съ тѣхъ поръ Исторія болѣе ни слова не упоминаетъ о Пальмире: Алеپъ и Дамаскъ возвысились на ея развалинахъ, собравъ къ себѣ часть ея сокровищъ. Теперь единственныя жилища, встрѣчаемыя среди развалинъ Пальмиры, состоятъ изъ какихъ-нибудь тридцати хижинъ, въ которыхъ живутъ бѣдные Арабы, питаясь обработаніемъ полей и молокомъ своихъ спадъ. Черты ихъ лица и нѣкоторые другіе особенные признаки, заставляющіе думать, что они происходятъ отъ древніхъ обиташелей Пальмиры; но не между ими должно искать какого-либо свѣдѣнія объ эпохѣ знаменившемъ городѣ, кошлаго Исторія, какъ и многихъ другихъ счолицъ

древняго міра, извѣстна только на томъ самомъ мѣстѣ, где онѣ владычествовали.

ТРАЯНОВЪ ВАЛЬ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. — Въ Галиції и на Руси существующіе и цѣны слѣды древней насыпи, именуемой просшымъ народомъ *Траяновымъ валомъ*, о которомъ, основываясь на свидѣтельствѣ очевидцевъ, упоминаютъ древніе и новѣйшіе Польскіе Историки. Бандкѣ въ Исторіи Королевства Польскаго (T. I, стр. 11) говоритьъ, что эшотъ валъ тянется отъ Бѣлой Церкви слишкомъ на 10 миль до Днѣпра, мѣстами прерывалась и сравниваясь съ землею. Марчинскій, въ Описаніи Подоліи (T. I, стр. 186), шакже свидѣтельствуетъ, что эта насыпь проспираеща чрезъ села: Кременное, Звѣрковецъ, и волости Сапанова, и что слѣды оной видны въ Уѣздахъ: Ушицкомъ, между Михайлівкою и Вороблевкою, въ Каменецкомъ, на поляхъ д. Бленовки, Калиня, Безпословцевъ, между Паневцами и Кульчовцами; оттуда тянется чрезъ лѣсъ Боршиловицкій, Карапчеевскій; потомъ, миновавъ лѣса волости Городецкой отъ Яромилки, являющейся въ окрестностяхъ г. Кременяго, и отдаляясь его отъ с. Лысоводы. Далѣе проходитъ волость Верховцы и чрезъ самую деревню къ городку Сапанову въ Галиції, где слѣды вала являються подъ городкомъ Магеровимъ. Индѣ Траяновъ валъ совершенно незначителенъ; но есть мѣста, где высота его доходитъ до 4 и 5 фунтовъ; въ нѣкошорыхъ даже, на прим. въ Кременномъ, на немъ есть уступы въ видѣ формификаціонныхъ. Марчинскій полагаетъ, что эшотъ валъ былъ насыпанъ для означенія границъ Дакіи, завоеванной Траяномъ около 105 года; но границы Дакіи никогда не проспирались такъ далеко, а завоеванія Траяна конечно были на Сѣверѣ еще далѣе. Въ сихъ мѣстахъ находятся древнія Римскія монеты, ио вто-

еще не можетъ служить историческимъ доказательствомъ. Древняя карта Авраама Ортелия, изображающая течение р. Дуная, показываетъ и Траиновъ валъ, который шиенется отъ Греческаго моря до Адрианополя, а потомъ къ границамъ Польши; въ этой чертѣ находятся прорывы, которыми даны наименования *Траиновыхъ воротъ* (*porta Trajani*). Географъ Герардъ Меркаторъ, въ своемъ Атласѣ, изданнымъ Гондусомъ, описывая Валахію, упоминаетъ о существовании на мѣстѣ, называемомъ Сѣверинъ, *Траинова моста*, основанного на 50 чудесныхъ каменныхъ столбахъ. Плутархъ Младшій, въ похвальномъ Словѣ Траяну говоритъ, что нѣтъ возможности исчислить всѣ мосты, дороги, платины и земляные насыпи, которыя онъ давалъ для удобства и защиты жителей и для облегченія переходовъ войскамъ. Все это только исторические намеки; но для чего проведены эти валы и лично ли по повелѣнію Траяна, остаются неизвѣстными, не взирая на прилежное изслѣдованіе нѣкоторыхъ Отечественныхъ любителей древности. Въ одномъ только не льзя сомнѣваться, что эти валы есть одинъ изъ древнейшихъ памятниковъ въ землѣ Славянской.

АЕИНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Въ печеніе зимняго полугодичнаго академическаго курса 1887 г., преподаваніе предметовъ въ Аеинскомъ Университетѣ расположено было слѣдующимъ порядкомъ: по Богословскому Факультету: Догматика по Теофану Прокоповичу, Догматическая Исторія, Церковная Исторія и изясненіе Псалмовъ. По Юридическому: Французское Гражданское Право, 4 часа въ недѣлю, Гражданское Дѣлопроизводство, 4 часа; Коммерческое Право, 2 часа; Уголовное Право и Дѣлопроизводство, 2 часа; Право Государственное, 3 часа; Политическая Экономія, 2 часа; сверхъ этого учреждена вновь каѳедра Римскаго Права

съ назначениемъ для преподаванія онаго одного Экстраординарнаго Профессора. По Медицинскому Факультешу: Патологія и Терапія—9 часовъ, по частши Анашоміи и Хирургії—15 часовъ, а Повивальнаго Искусства 4 часа. Вирочень по земному Факультешу, за неимѣніемъ досчаточного числа слушашелей, еще не вѣс курсы могли быть открыты. По Философическому Факультешу: для преподаванія Философіи, или Теоріи человѣческаго духа и Іюнки—3 часа, для Греческой Археологіи—4 часа, для всеобщихъ началь Естественной Исследованіи 4 часа, для Греческой Литературы 4 часа, для Геометріи, Тригонометріи, Алгебры и т. д. 3 часа. Для изъясненія Книгъ Цицерона *de natura deorum* и для Исторіи Римской Литературы—6 часовъ, при чемъ назначень особый Профессоръ для Хорографіи Апплики, изъясненія Гораціева *de arte poetica* и Овидіевыхъ *Metamorphoses*; для Физики 3 часа и для Логики 2 часа въ недѣлю.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ УКАЗАТЕЛЮ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ РОССИИ ВЪ 1837 ГОДУ КНИГЪ.

I. Азбуки.

986) Букварь или начальное учение, хопящимъ учившися книгу письменн Славенскими. Киевъ, въ тип. Киево-печерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 52 стр.

987) Русская Азбука для малолѣтныхъ дѣлпей, съ присовокупленіемъ молитвъ, нравоучительныхъ басенъ и Арионешки. Издание второе, Илій Ступина. Москва, въ тип. И. Смирнова, 1837, въ 12 д. л. 48 стр.

988) Драгоцѣнныи подарокъ дѣлпямъ или Россійская Азбука, со всѣми нужнѣшими понятіями для дѣлпей обоего пола. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ 12 д. л. 95 стр.

989) Новѣйшая полная Русская Азбука, содержащая въ себѣ начальные правила чтенія, нужнѣшія молитвы, Символъ вѣры, десять Заповѣдей, краткую Священную Исторію Ветхаго и Нового Завѣта, начертаніе Арабскихъ и Римскихъ цифръ, нѣкоторыя нужнѣшія для дѣлпей ионянія и правила нравоученія, съ присовокупленіемъ басенъ и спихотвореній, дѣлскому возрасту приличныхъ, съ картинаами. Издание второе. М. въ тип. Кирилова, 1837, въ 8 д. л. 119 стр.

990) Азбука съ крашками Каштилизомъ. Москва, въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. (стр. не показ.)

II. Грамматики.

991) Грамматика Лашинская въ пользу юношества въ Духовн. Учил. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. IV и 239 стр.

992) Краткая Грамматика древняго Греческаго языка. М. въ Синод. тип. 1837, въ 8 д. л. IV и 92 стр.

993) Греческая Грамматика. М. въ Синодальной тип. 1837.

III. Другія пособія къ изученію языковъ.

994) Chrestomathia Latina. М. въ Син. тип. 1837, въ 12 д. л. Ч. I, стр. IV и 185, Ч. II, стр. IV и 204.

995) Учебная книга древняго Греческаго языка, соч. Каченовскаго. М. въ Син. тип. 1837, въ 12 д. л. сапр. VIII и 357.

996) Грамматический разборъ запруднишельныхъ Греческихъ словъ изъ Чешвероевангелія, составленный въ пользу любителей Греческаго языка. М. въ Университетской тип. 1837, въ 12 д. л. 93 стр.

997) Греко-Россійскій Словарь къ Новому Завѣту, въ пользу юношества. Издание вшорое, исправленное и дополненное. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 168 стр.

998) О первоначальномъ переводе Св. Писания на Славянскій языкъ. Сочиненіе Эксптраординарнаго Профессора Киевской Духовной Академіи Оресіша Новицкаго. Киевъ, въ тип. Университета Св. Владимира, 1837, въ 4 д. л. 81 стр.

IV. Богословіе.

999) Литургія иночная Придворного прошаго пѣнія. М. въ Син. тип. 1837, въ 4 д. л. 20 стр.

1000) Служба съ Акаеистомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстю о всечестномъ и безсмершномъ Успеніи ея. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 62 стр.

1001) Служба Преподобному Иллу Столбенскому. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 26 стр.

1002) Служба Преподобному Сергію Игумену Радонежскому Чудошворцу. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 38 стр.

1003) Служба съ Акаеистомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстю о всечестномъ и безсмершномъ Успеніи ея. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 122 стр.

1004) Акаеистъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 39 стр.

1005) Акаеисты съ Каноны и прочая душеполезная моленія. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 377 стр.

1006) Акаеисты съ Каноны и прочая душеполезная моленія. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 365 стр.

1007) Акаеистъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 108 стр.

1008) Молитвы, чтомыя при Богослуженіи Литургіи. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 24 д. л. 64 стр.

1009) Книга Житій Святыхъ, въ 12 частяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XXIV—277, II—250, II—341, 443, 285, 223, 343, 260, 363, 405, 404, 298.

1010) Евангеліе. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 180 стр.

1011) Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественного Писания. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 21 стр.

- 1012) Псалтырь слѣдованная. М. въ Синодальной тип. 1837, въ листъ, 478 л.
- 1013) Псалтырь безъ киновари. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л.
- 1014) Псалтырь съ киноварью. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 178 стр.
- 1015) Псалтырь. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 302 стр.
- 1016) Псалтырь учебный съ киноварью. М. въ Синодальной тип. 1837.
- 1017) Мѣсяцословъ, М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 158 стр.
- 1018) Служебникъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 251 стр.
- 1019) Часословъ съ киноварью. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 186 стр.
- 1020) Часословъ безъ киновари. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 166 стр.
- 1021) Минея Четыни. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л.
- 1022) Минея мѣсячная въ 12 книгахъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ листъ.
- 1023) Молитвословъ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 580 стр.
- 1024) Каноникъ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 214 стр.
- 1025) Каноникъ съ киноварью. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л.
- 1026) Требникъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 210 стр.
- 1027) Чинъ о пріемѣ Иновѣрцевъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 96 стр.

- 1028) Сокращенный иоанский обиходъ. М. въ Сунодальской тип. 1837.
- 1029) Октоихъ въ двухъ частяхъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ листъ.
- 1030) Ручный мѣсяцесловъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 158 стр.
- 1031) Святы, въ 12 д. л. М. въ Сунодальной тип. 1837. 121 стр.
- 1032) Святы, съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 30 стр.
- 1033) Богородичная Молитва, въ листъ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837.
- 1034) Алфавитъ духовный. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 12 д. л. IX и 145 стр.
- 1035) Поминальная молитва о здравіи и спасеніи, о памяти и оставлениі грѣховъ рабовъ Божіихъ. На Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. С. П. Б. въ Сунодальной тип. 1837, въ бол. 8 д. л. 2 стр.
- 1036) Сборникъ, т. е. нѣкоторыхъ моленій на всякий день по потребныхъ собраніе. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 102 стр.
- 1037) Сборникъ, т. е. нѣкоторыхъ моленій на всякий день по потребныхъ собраніе. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 202 стр.
- 1038) Пашерикъ Печерскій или Ошечникъ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ листъ, 248 стр.
- 1039) Проповѣди Епископа Кефалоніштіяна, Илія Миняція, переведенные съ Греческаго на Русскій языкъ. М. въ Синодальной тип. 2 части II — 146, II — 8 въ листъ церковн. печати, въ 8 д. л. гражданск. печати, 1837, VI—402, IV—244 стр.
- 1040) Православное Исповѣданіе Вѣры Петра Могилы. М. въ Синод. тип. 1837, въ 8 д. л. 236 стр.

- 1041) Нравственные сочинения Святого Отеца нашего Василия Великаго. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XXVI—552 стр.
- 1042) Сочинения Ефрема Сиринга, въ четырехъ частяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. IV—167, XXXII—154, XLVI—184, II—124 стр.
- 1043) Сокращенный Катехизисъ для Священно-и Церковно-служищелей, какъ для всегдашняго ихъ знанія, такъ особливо для изученія при вступленіи ихъ въ церковныя должности, съ прибавленіемъ мѣстъ изъ Слова Божія, правиль Св. Апостоль и Св. Ошецъ, и изъ Духовнаго Регламента, особливо до Священства принадлежащихъ. М. въ Синод. тип. 1837, въ 8 д. л. 84 стр.
- 1044) Сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго, въ 15 Томахъ. М. въ Синодальной тип. 1837, IV—192, IV—192, IV—258, IV—234, IV—164, IV—316, IV—552, IV—324, IV—166, IV—232, IV—205; IV—196, IV—156, IV—182, XIV—286 стр.
- 1045) Изъ сочиненій Тихона Воронежскаго, наставление всей пасхѣ, размышленіе и переводы, описание его жизни. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 68—104 стр.
- 1046) Письма келейныхъ Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XII—307 стр.
- 1047) Наставление о собственныхъ каждого Христианина должностяхъ. Соч. Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, въ 4 д. л. 616 стр.
- 1048) Злашое сочиненіе Самуила Равина. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. VIII—96 стр.
- 1049) О покаяніи Святаго Отеца нашего Амвросія Медіоланскаго, двѣ книги. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. III—154 стр.

1050) Крашкое И правоученіе Преосвященнаго Митрополита Платона. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 8 стр.

1051) Свяшаго Асанасія, Архієпископа Александрийскаго, Слово о воплощениі Бога Слова и о шѣлестѣ Еgo къ нацъ пришествії. Перев. съ Греческаго въ Саратовской Семинаріи. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 185 стр.

1052) Толкованія на Воскресный Евангелия на Греческомъ языкѣ, въ двухъ частяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. XIV—272, II—376.

1053) Крашкое Поученіе, како подобаетъ стоящи въ церкви Божіей во время службы. Собранные изъ книгъ Учищелей Церковныхъ, въ 24 д. л. 58 стр.

1054) Два Поучительныя Слова именишаго Проповѣдника Иерузалема: 1) о шомъ, чи то Христіане обязаны премнущешенно пещись въ сей жизни о вѣчности; 2) въ день Вознесенія Господня о небѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ Нѣмецкаго перевены Епископомъ Аарономъ. М. въ тип. Хавскаго, 1837, въ 8 д. л. 112 стр.

1055) Бесѣда двоє. Г. В. Сковороды. Издано по распоряженію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскаго Понечительного Комитета. М. въ тип. Рѣшешникова, 1837, въ 8 д. л. 50 стр.

1056) Рѣчь, говоренная Филарешомъ Митрополитомъ Московскому, Государю Императору предъ вступленіемъ въ Успенскій Соборъ, Октября 27 дня, 1837 года. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 1 стр.

1057) Рѣчь, говоренная Филарешомъ, Митрополитомъ Московскому, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича въ Успенскій Соборъ, Июля 24 дня 1837 года. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 5 стр.

1058) Рѣчъ, говореная Филаретомъ, Мишрополи-
шомъ Московскимъ, предъ вступлениемъ Его же Имп-
раторскаго Высочесиша въ Свято-Троицкую Сергиеву
Лавру, Августа 2 дня 1837 года, въ 8 д. л. 2 снр.

1059) Рѣчъ, говореная Филаретомъ Мишрополи-
шомъ Московскимъ предъ вступлениемъ Ея Император-
скаго Величества Государыни Императрицы Александры
Феодоровны въ Успенскій Соборъ, Августа 4
дня 1837 года. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8
д. л. 2 снр.

1060) Слово на освященіе Храма Святаго Равно-
апостольнаго Маріи Магдалины въ градской больницѣ,
Іюля 22 дня 1833 года, говореное Синодальнымъ Чле-
номъ Филаретомъ, Мишрополишомъ Московскимъ. С.
П. Б. въ тип. Министерства Внушренія Дѣлъ, 1837,
въ 8 д. л. 16 снр.

1061) Слово въ Недѣлю Ваїн, въ Чудовѣ Монастырѣ,
Марта 22 дня 1825 года, говоренное Синодальнымъ
Членомъ Филаретомъ, Мишрополишомъ Московскимъ.
С. П. Б. въ тип. Министерства Внушр. Дѣлъ, 1837,
въ 8 д. л. 14 снр.

1062) Слово при вступлениі на пасху Киевскую,
произнесенное въ Киево-Софійскомъ соборѣ, 27 Іюня
1837 года, Синодальнымъ Членомъ Преосвященнѣмъ Фи-
ларетомъ, Мишрополишомъ Киевскимъ и Галицкимъ.
Кievъ, въ тип. Киевонечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л.
14 снр.

1063) Бесѣды на 5, 6 и 7 гл. Евангелииша Маш-
ея. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 208 снр.

1064) Слово при вступлениі на Киевскую пасху,
произнесенное Преосвященнѣмъ Филаретомъ, Мишропо-
лишомъ Киевскимъ и Галицкимъ. Kievъ, въ тип. Kie-
вопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 16 снр.

1065) Бесѣда, говореная Синодальнымъ Членомъ

Филаретомъ, Архієпископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ. С. П. Б. въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1066) Поучительные Слова и Речи, говоренные Кирилломъ, Архієпископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ къ Подольской пастырь. Издание второе. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 330 стр.

1067) Поучительные Слова и Речи къ Вятской пастырь, говоренные Кирилломъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ. Издание четвертое, дополненное. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 412 стр.

1068) Слово въ день Сошествия Свяшаго Духа, говоренное Иллюдоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлгородскимъ въ Знаменской Архіерейской домѣ церкви, 1834. С. П. Б. въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1069) Поучение, произнесенное Иллюдоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлгородскимъ, по случаю обозрѣнія Епархіи въ городѣ Рыльскѣ. С. П. Б. въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1070) Собрание Словъ на дни торжественные, говоренные Кіївской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 247 стр.

1071) Собрание словъ, Бестѣдъ и Речей на разные дни и случаи, произнесенныхъ Кіевской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Томъ II. К. въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 256 стр.

1072) Начальные упражненія въ проповѣданіи Слова Божія подъ руководствомъ Наспитниковъ, посвящаемыя Кіевскаго Николаевскаго первокласснаго монастыря Архимандритомъ Авксентіемъ. С. П. Б. въ тип. Сигирева и К°, 1837, въ 8 д. л. 55 стр.

1073) Слово въ день Архистратига Михаила и Тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрныхъ Государей и Великихъ Князей Михаила Николаевича и Михаила Павловича и праздникъ всѣхъ Россійскихъ Орденовъ, говоренное въ 1836 году въ С. Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, Кіевскаго Николаевскаго первокласнаго монастыря Архимандритомъ Авксентіемъ. С. П. Б. въ тип. Свѣтлого и Ко. 1837, въ 8 д. л. 23 стр.

1074) Слово, произнесенное въ Москвѣ въ Приходской Церкви Положенія Ризы Господней, Ноября 9 1835 года, при погребеніи Коммерціи Советника и разныхъ орденовъ Кавалера Михаила Ивановича Тышова, Архимандритомъ Донскаго монастыря Феофаномъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1075) Рѣчъ, говоренная воспитанникамъ Коммерческаго Училища, окончившимъ курсъ ученія, при открытии воспитаній, Законоучителей Магистромъ Богословія, Соборнымъ Іеромонахомъ Платоною, Декабря 19 дня, 1836 года. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 10 стр.

1076) Поучительные слова и рѣчи Прѣпоіерея Василия Бажанова. Изданіе второе. С. П. Б. въ Военной тип. 1837, въ 8 д. л. 275 стр.

1077) Слово, говоренное въ Церкви Патріоическаго Инспиранта по случаю выпуска шампанскихъ Благородныхъ Воспитанницъ, Спаршица Законоучителемъ при семь Заведеніи, Казанского Собора Пропоіереемъ. Императорской Россійской Академіи Дѣйствительнымъ Членомъ и Кавалеромъ Петромъ Мысловскимъ, Февраля 2 дня 1837 года. С. П. Б. въ тип. Военныхъ поселеній, 1837, въ 4 д. л. 17 стр.

1078) Поучительные слова, говоренные въ Косшромскомъ Успенскомъ Соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, Ко-

шпромского Успенского Собора, Происошедшемъ и Кавалеромъ Іа́кою Арсеньевымъ, бывшемъ въ Смоленскомъ Кадетскомъ Корпусѣ съ 1813. по 1 Іюля 1824 года Законоучителемъ, съ приложеніемъ цѣкшорыхъ Рѣчей.. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 308 стр.

1079) Шестнадцать крашкихъ Рѣчей о главныхъ исминахъ Священнаго Писанія. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1080) Послѣдняя Проповѣдь Пастора Адама Христиана Павла Кольрейфа, говоренная въ Великую Пятницу 1836 года; присовокупленіемъ краткаго извѣстія о его жизни. Переводъ съ Немецкаго. М. въ тип. Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 28 стр.

1081) Сокращенный 'правила' монашескаго житія. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 41 стр.

1082) Разсужденіе, въ кошоромъ излагается учение Ощевъ Церкви, первыхъ трехъ вѣковъ Христіанства о Божествѣ Сына Божія, сочиненное Студентомъ Московской Духовной Академіи Аѳонасіемъ Ефимовскимъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 90 стр.

1083) Историческое разсужденіе о постахъ Православной Восточной Каѳолической Церкви. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 72 стр.

1084) Разговоръ Христіанина съ невѣрющими о воплощении Сына Божія Иисуса Христа и оправданіи человѣковъ фрэзъ Вѣру въ Него. Сочиненіе Архимандрита Паисія. М. въ тип. Н. Спешанова, 1837, въ 12 д. л. 78 стр.

1085) Письма о Богослуженіи Восточной Каѳолической Церкви. С. П. Б. въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 448 стр.

1086) Дни Богослуженія Православной Греко-Сійской Церкви. С. П. Б. въ тип. Внѣшней Торговли 1837, въ 8 д. л. 380 стр.

- 1087) Дружеский разговоръ о душевномъ мири Г. В. Сковороды. Издание по распоряжению Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскаго Попечительнымъ Комитетомъ. М. въ тип. Рѣшетникова, въ 8 д. л. 94 стр.
- 1088) Краткое объясненіе Церковнаго Устава. М. въ Синодальной тип. 1857, въ 12 д. л. 25 стр.
- 1089) Пространный Катехизисъ Мишрополиша Филарета. М. Синодальной тип. 1857, въ 12 д. л. 158 стр.
- 1090) Начашки Христіанокаго членія. М. въ Синодальной тип. 1857, въ 12 д. л. 75 стр.
- 1091) Желаніе. Взято изъ книги: Сокровище духовное. Сочиненіе Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.
- 1092) Поучительный разговоръ о сущномъ упованіи. Издание третіе, исправленное. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 30 стр.
- 1093) Урокъ церадящимъ о своемъ спасеніи. Издание первое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 27 стр.
- 1094) Письма для ума и сердца или собрание Христіанскихъ размышлений, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ иностраннаго. С. П. Б. въ тип. Конторы журнала общеполезныхъ свѣдѣній, 1837, въ 6 д. л. 517 стр.
- 1095) Три разговора Священника съ прихожанами о испинномъ пути ко спасенію. Издание третіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 42 стр.
- 1096) Увещаніе уповающимъ на свою правду. Издание третіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.
- 1097) Училище благочестія или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житія Святыхъ.

Ч. I, II, III, IV, V и VI. Издание пятое. С. П. Б въ тип. Глазунова, 1837, въ 8 д. л. 458 стр.

1098) Умирающій разбойникъ и умирающій Спаситель С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 20 стр.

1099) Бисепы или маленькая Елена, образецъ для девчей. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 31 стр.

1100) Арабъ слуга или дѣйствіе благодаши. Испинское происшествіе. Третье изданіе. С. П. Б. 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1101) Госифъ вѣрный рабъ и добрый Христіанинъ. Испинская повѣсть. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 25 стр.

1102) Машенька, или благодать Божія видна въ каждой вещи. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1103) Пущешественникъ и вдова. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1104) Бѣдная и больная Аннушка. Испинская повѣсть. Первое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1105) Упщшеніе въ смерти кровныхъ и милыхъ сердцу. Разговоръ между братомъ и сестрою. Переводъ съ Англійскаго. С. П. Б. въ тип. Воробьевъ, въ 8 д. л. 48 стр.

1106) Разговоры между двумя женщинами Петровою и Семеновою. Первое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 22 стр.

1107) Жизнь Ивана Гармсена, бѣдного сироты въ Голландіи. Испинская повѣсть. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.

1108) Счастливый семейный кругъ. Истинное происшествіе. Издание вшорое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1109) Жизнь Вильгельма Келли. Назидательная поэвѣшь. Издание пятое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 33 стр.

1110) Повѣсть о Новозеландской девушкѣ Еланс-веллѣ. Издание вшорое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.

1111) Все къ лучшему. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 24 стр.

1112) Польза отъ пьянства и правила, какъ оной доспигашь можно. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 19 стр.

1113) Нѣчто для безграмотныхъ. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 23 стр.

1114) Христіанское утѣщаніе помѣщицы къ своимъ поселянамъ. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 4 стр.

1115) Lettres sur les offices divins de l'Eglise d'Orient, 1-ere livraison. С. П. Б. въ тип. Конторы журнала общеполезныхъ съѣдѣній, 1837, въ 8 д. л. 77 стр.

V. Исторія.

а) Священная.

1116) Священная Исторія для дѣтей, выбранная изъ Нового и Ветхаго Завѣта Анию Зоннагъ. Ч. I и II, въ 8 д. л. 818 стр.

1117) Священная Исторія Ветхаго и Нового Завѣта, составленная Иваномъ Гурьяновымъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837, въ 12 д. л. 72 стр.

1118) Начершаніе Церковной Исторіи Преосвящен-
наго Иннокентія. М. въ Сѵнодальной тип. 1837, въ 8 д. л.

1119) Сто двадцать четыре Священныхъ Исторій
изъ Ветхаго и Нового Завѣща, собранныя А. И. съ
присовокупленіемъ къ каждой Исторіи краткихъ поуче-
ній и размышеній, съ картинаами, въ 2 часяхъ въ
одной книгѣ, иждивеніемъ брашьевъ Кузнецовыхъ. Изда-
ніе шрептіе, исправленное. М. въ Университетской тип.
1837, въ 8 д. л. Въ 1 Ч. 208 стр. во 2 Ч. 182 стр.

1120) Краткая Церковная Исторія съ краткимъ
Катехизисомъ, Мишрополиша Филареша, церковными
и гражданскими литерами напечатанная. М. въ Сѵно-
дальной тип. 1837, въ 12 д. л. 73 стр.

1121) Житіе Преподобнаго Василія Новаго, спи-
санное Григоріемъ, ученикомъ его. Кіевъ, въ тип. Кіе-
вопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 58 стр.

1122) Житіе Свяшаго Григорія, Архієпископа Оме-
ришскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевочерской Лавры, 1837,
въ 8 д. л. 32 стр.

1123) Житіе Свяшаго Іоанна Милостиваго, Па-
тріарха Александрійскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечер-
ской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1124) Житіе Св. Нифонта, Епископа Констан-
тинограда Кипрскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской
Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1125) Житіе Св. Павлина Милостиваго, Епископа
Ноланскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837,
въ 8 д. л. 6 стр.

1126) Житія и чудошворенія Зосимы и Савватія,
Соловецкихъ Чудошворцевъ, и сопрудника ихъ Июка
Германа. М. въ Сѵнодальной тип. въ 4 д. л. 104 стр.

1127) Житіе Преподобнаго Отца нашего Исая,
Епископа Ростовскаго, страданіе Святыхъ мученикъ
Феодора и Іоанна, повѣсть о смерти Блаженнаго Кон-
стантина Мишрополиша Кіевскаго и убіеніе Блажен-

наго Игоря, Князя Черниговскаго и Киевскаго. С. П. Б.
въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 24 стр. церк. печ.

1128) Жиціе Преподобнаго Оща пашего Нифон-
ша, Епископа Новгородскаго и Преподобныя Матери
нашєї Евфросинії дѣвицы, Игуменіи Обищели Свяшаго
Спаса въ Погоцкѣ. С. П. Б. въ Сунодальной тип. 1837,
въ 8 д. л. 25 стр.

1129) Убіеніе Свяшаго Благовѣрнаго Царевича
Князя Димитрія Московскаго и всєя Россіи Чудотвор-
ца. С. П. Б. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 40
стр. церков. печати.

1130) Житія иже во Святыхъ Отецъ нашихъ Пе-
тра, Алексія и Іоны, Митрополишовъ Кіевскихъ и всєя
Россіи Чудотворцевъ. С. П. Б. въ Сунодальной тип.
1837, въ 8 д. л. 30 стр.

1131) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митропо-
лиша Платона, церковными літерами. М. въ Сунодаль-
ной тип. 1837. 38 стр.

1132) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митропо-
лиша Філарета, граждан. печати. М. въ Сунодальной
тип. 1837.

1133) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвященнаго
Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б.
въ тип. Глазунова, Смирдина и К°, 1837, въ 8 д. л.
110 стр.

1134) Жизнеописаніе Амалії Гаель. С. П. Б. въ
тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1135) Catalogus Alphabetico-Chronologicus S. S.
Ecclesiae Patrum, scriptorum Ecclesiasticorum, Antisti-
tum tum Orientalis, tum Occidentalis nec non Imperato-
rum Romanorum Haereticorum etc. et Christianismi in-
cunabulis usque ad seculum decimum quartum. Accedit
Chronotaxis Conciliorum, ab Ecclesia Orthodoxa rece-

ptorum. In usum tyronum litteraturae Ecclesiasticae, edidit Archimandrita Athanasius, Riasadensis Seminarii Rector. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 21 стр.

b) В с е о б щ а я .

1136) Руководство къ первоначальному познанию Всемирной Истории. Сочинение Фольгера. Переводъ съ Нѣмецкаго. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 558 стр.

1137) Философская Исторія Іудеевъ, со времени упадка племени Макавеевъ до нашихъ временъ. Сочиненіе Канефига, удосшоенное преміи Французскаго Института. Переводъ съ Французскаго Коншанпинъ Пуговинъ. Ч. I и II. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней торговли, 1837, въ 8 д. л. 296 стр.

1138) Историческое описание Глинской Богородицкой Пустыни, состоящей въ Курской Епархіи и Губерніи, въ Путильскомъ Уѣздѣ, составленное Николаемъ Самойловымъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Общества Исторіи и древности Российской соревнователемъ, ч. I. С. П. Б., въ тип. Сытирева, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1139) Историческая изысканія о Костромскомъ цшороклассномъ Боголюбенскомъ монастырѣ съ XIV по XIX вѣкъ. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 64 стр.

1140) Описание Костромского Успенскаго собора, учрежденаго по Высочайшему повелѣнію въ 1835 году Катедральнымъ. Составленное въ 1829 году Профessorеемъ онаго собора и Кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ, а нынѣ вновь исправленное. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 95 стр.

1141) Историческое и топографическое описание мужеского общежительного монастыря Святаго Чудотворца Николая, что на Песношь, съ присовокупленіемъ Успава его и чиноположенія. Составлено изъ записокъ покойнаго К. Ф. Калайдовича, иждивеніемъ благошворишелей въ пользу монастыря, съ приложеніемъ вида и плана монастыря съ дачею. М. въ Университетской типл. 1837, въ 8 д. л. 149 стр.

1142) Описание града Божія Іерусалима и Святыхъ въ немъ и близъ его находящихся, въ которыхъ совершились различныя события для рода человѣческаго спасительныя. М. въ Университетской типл. 1837, въ 8 д. л. 38 стр.

VI. Путешествія.

1143) Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ. Троицкая Лавра, Рословъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Изданіе вшорое. С. П. Б. въ типл. III Ошд. Собственности Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 148 стр.

1144) *Προσκυνητάριον ἢ περιγραφὴ τῆς ἀγίας πόλεως Ιερουσαλήμ καὶ πάσης Παλαιστίνης, συντιθεῖσα μὲν τὸ πρᾶτον παρὰ τοῦ πανοσιώλουγιστάτου ἄγιου καμαράση του παναγίου καὶ ζωοδυχου τάφου Κυρίου Χρυσάνθου τοῦ ἐκ προύσσεις, ἥδη δὲ πάλιν δεύτερον, ἐπιμελᾶς θεωρηθεῖσα καὶ πολλαῖς προσθήκαις ἐπανζυνθεῖσα ἐκδιδοται ἐις φᾶς, ἐπιστασίᾳ μὲν τοῦ πανιεζωτάτου Ιεροθέου Αρχιεπισκόπου Θαβωρίου διπάνη δὲ φιλοτίμω τοῦ εὐτιμοευλαβεστάτου Κυρίου Γεωργίου χαττῆ κάστα Ἐπιτρόπου τοῦ παναγίου Γάφου, съ просовокуплениемъ портреша Аѳонасія Патріарха Іерусалимскаго, также видовъ и плановъ разныхъ священныхъ мѣсть и*

зданий Іерусалима. М. въ Университетской тип. въ 4 д. л. 186 стр.

VII. Смъльсъ.

1145) Обозрѣніе предметовъ, назначенныхъ для открытия Студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи по случаю окончанія двѣнадцатаго учебнаго курса. С. П. Б. въ тип. Министерства Внушреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 16 стр.

1146) Программа публичнаго испытанія Студентовъ Кіевской Духовной Академіи по случаю окончанія VIII учебнаго курса. Кіевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, 1837, въ д. л. 5 стр.

1147) Объявление о книгахъ духовнонравственнаго содержанія, продающихся въ книжной лавкѣ К. Мейера. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837 (стр., не показ.).

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХ КНИГЪ.

==

Г Е Н В А Р Ъ 1838.

—

I. Азбуки.

- 1) Теорія Русскаго языка, составленная Григоріемъ Масоѣдовымъ. Часть I, о буквахъ, соединеніи ихъ въ слово, чтишемъ и письме, или букварь. М. въ тип. Лазаревыхъ Иностранца Восточныхъ языковъ, 1837. 64 стр., in.-8°.
- 2) Объясненіе двухъ способовъ обучашь чтенію посредствомъ машины, М. въ тип. Смирнова, 1837. 12 стр., in.-16°.

II. Грамматики.

- 3) Россійская Грамматика, съ присовокупленіемъ Пішческихъ Правилъ, изданная для обучения юношества, Яковомъ Пожарскимъ. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова и К°, 1837. 69 стр., in.-8°.

- 4) Nouvelle grammaire fran aise, sur un plan tr s-m thodique, avec de nombreux exercices d'orthographe, de syntaxe et de ponctuation, tir s de nos meilleurs auteurs et distribu s dans l'ordre des r gles ; par M.

Noël, Inspecteur-général de l'Université, Chev. de la légion d'honneur, et M. Chapsal, professeur de grammaire général. Ouvrage mis au rang des livres classiques, adopté pour les Écoles Ministérielles, dont l'usage est autorisé pour la Maison Royale de Saint-Denis. Grammaire. M. въ тип. Историографа Дизаредыхъ. 1858. 250 cмр. in-12°.

5) Grammaire française préparatoire en quarante exercices accompagnée de tout ce qui peut faciliter aux commençans la conjugaison de toutes les espèces de verbes, en les employant toujours au temps convenable; suivi du vocabulaire de tous les verbes usuels avec la traduction du présent de leur infinitif en Russe, en Allemand et en Anglais, et du Dictionnaire des homonymes traduits en Russe dans leurs différentes acceptations par Ch. de St. Hilaire, auteur de la Grammaire en 56 leçons à l'usage des Russes; du Canevas Méthodique et Chronologique de littérature Ancienne et moderne, dédié à la jeunesse Russe, et de la Rhétorique des jeunes personnes dédiée à S. A. J. Madame la Grande Duchesse Alexandra Nicolaéwna. 2 édition, soigneusement corrigée à St. Petersbourg. Chez Fd. Bellizard et C. libraires-éditeurs. 1858. 99, 56, 48 cмр. in-8°.

III. Другое пособие к изучению языка.

6) The English translator, being a selection of pieces for translating from English into French or Russ. By T. Coard. M. въ тип. Сенена, 1857. 34 cмр. in-8°.

IV. Книги для дошкольного чтения.

7) Первая пища для рождающегося ума добрых детей. Première nourriture pour l'esprit naissant de bons enfants. Erste Nahrung für den keimenden Ver-

stand guter Kinder. М. въ тип. Семиановскаго, 1838. 185 стр. in-16°.

8) Моій малюшкѣ, книга въ пользу воспишанія дѣтей, сочиненіе Александра Грена. Изданіе Софы Грень. Издание второе, исправленное. С. П. Б. въ тип. Газенбергера, 1857. X, 156 стр. 12°.

9) Древняя Исторія для юношества. Сочиненіе Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. С. П. Б. въ тип. И. Росс. Акад. 1838. 156 стр. in-8 min.

10) Парижскій поѣтъ, или пушки Провидчнія немецкіи, поѣсть въ двѣнадцати главахъ, съ 10 картиками. Переводъ съ Французскаго. М. въ тип. Степанова, 1838. 242 и II стр. in-16°.

11) Le petit Théâtre enfantin. Etréennes à la Jeunesse. St. Petersbourg. Impr. de C. Wienhöber, 1857. 58 стр. in-8°.

V. Словесность.

a) Собранія сочиненій:

12) Стихотворенія Владимира Бенедиктова. Вторая книга. С. П. Б., 1838. въ тип. Неймана и К°, 107 стр. in-8.

13) Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонь-Визина. Издание второе. М. въ тип. Семена, 1838. 229 стр. in-4°.

b) Стихотворенія лирическаго рода:

14) Новый пѣсенникъ, или собраніе Русскихъ пѣсень и романсовъ. С. П. Б. въ тип. К. Вингебера, 1838. 115, V стр. in-12.

15) Das Weltgericht, Oratorium von August Apel, in Musik gesetzt von Friedrich Schneider. St. Petersbourg. 1858, въ тип. III Ошд. Соб. Е. И. В. Капц. 25 стр. in-8°.

с) Стихотворений повествовательного рода:

16) Басни Ивана Хемницера, въ трехъ книгахъ, съ портретомъ Авшора и картинаами. Издание А. Кузнецова. М. въ тип. Смирнова, 1838. XV и 228 стр. in-24°.

17) Повѣши въ стихахъ М. Павлова. С. П. Б. въ тип. Имп. Академіи Наукъ, 1838. 94 стр. in-12°.

18) Фантастическое зеркало, въ шуточно-сатирическихъ стихахъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Имп. Императора Восточныхъ языковъ, 1838. 24 стр. in-12°.

д) Драматическія сочиненія:

19) Новый Нѣмецкій Театръ. Частъ первая. 1) Ложь и Правда, 2) Невѣста изъ Столицы. С. П. Б.. 1838. 222 стр. in-8°.

20) Воскресенье въ Марьиной рощѣ; интимедія въ 1 дѣйствіи, съ принадлежащими къ пей хорами и шансонами. М. въ тип. Степанова. 1838. 82 стр. in-8°.

21) Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ, или ни то, ни сѣ, для развѣда каретъ, не водевиль и не балетъ, съ куплетами и шансонами, съ Французскаго Дм. Ленскаго. М. въ тип. Степанова, 1838. 56 стр. in-8°.

22) Два Эдмона, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланый съ Французскаго И. А. Анчиковы. М. въ тип. Кирилова, 1837. 74 стр. in-8°.

23) Невѣста подъ замкомъ, Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Н. Соколова. М. въ тип. Степанова, 1838 100 стр. in-12°.

24) Карль смѣлы. Большая Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотта съ сохраненіемъ всей музыки извѣшной Оперы: Вильгельмъ-Телль изъ Россини, Р. Зотова. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова, и К° 1837. 76 стр. in-8°.

25) Мирзіда или кораблекрушение. Балетъ въ трехъ картинахъ. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова и К°, 1858 18 стр. in-8°.

26) *Miranda ou le Naufrage. Ballet en trois tableaux. S. Petersbourg, въ тип. И. Глазунова, 1858. 16 стр. in-8°.*

в) Разные сочинения:

27) Пятидесятилетіе Заслуженного Профессора, Академика, Дѣйствительного Статского Советника и Кавалера, Петра Андреевича Загорскаго. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Акад. 1858. 55 стр. in-8°.

28) Живописное Обозрѣніе. Томъ III, листъ 21 — 24 съ 161 по 192 стр. in-4°.

29) *Almanach des Rigaischen Stadt-Theaters. Herausgegeben von Leopold Salzmann. 1857, въ тип. Геккера. 64 стр. in-16.*

30) *Sébile, recueil inédit de Nouvelles, contes, scènes diverses, tableaux de moeurs etc. etc. par une Société de littérateurs. Ouvrage publié au profit d'une nombreuse famille d'orphelins en bas-age. 1-re Partie. St. Petersbourg. 1858. 211 стр. in-8°.*

f) Повѣсти и Романы:

31) Сердце и думка. Приложеніе. Соч. А. Вельшмана, въ четырехъ часахъ. М. въ тип. Степанова, 1858. 192, 174, 177 и 178 стр. in-12°.

32) Сѣдна въ бороду, а бѣсь въ ребро, или каковъ женихъ? романъ сочиненія Полы де Конка. Пер. съ Фран. М. въ тип. Ереминова, 1858. 270 стр. in-12°.

33) Таинственный живѣль близь Покровскаго Собора, или вошь каковъ Коллежскій Регистратарь! былъ изъ временъ Императрицы Екатерины II, разсказанная моякою дѣдушкой. Соч. И. Г-ва. М. въ тип. Кириллова, 1858. VIII и 51 стр. in-12°.

•

У К А З А Т Е Л Ъ

- 34) Повѣсти и Пушечесвія въ Маймай-Ченъ. А. П. Степанова. Авторы романа: Постной дворъ. Часть I и II. С. П. Б. въ шин. Всейкова и К°, 1838. 224 и 171 стр. in-12°.
- 35) Стенька Разинъ. Исторический романъ, сочиненія Михаила Зарницына. Часть первая и вторая. С.П.Б. въ шин. И. Глазунова и К° 1837. 224, 180 стр. in-8°
- 36) Деда Симонъ, торговецъ по крамкамъ, или умъ хорошо, а два лучше этого. Переводъ съ четвертаго изданія книги, соч. Жюлье, удостоившій публичномъ наградою въ Парижѣ, назначеною за лучшую книгу для чтенія городскіхъ и сельскихъ жителей. С. П. Б. въ шин. Имп. Росс. Акад. 1838. 319 стр. in-12°.
- 37) Сынъ актеры, романъ въ четырехъ частяхъ. С. П. Б. въ шин. Виагебера, 1838, 195, 198 и 206 стр. in-12°.
- 38) Повѣсть и разсказъ. Сочиненіе Николая Адриеева. М. въ шин. Евренинова, 1838. 554 стр. in-12°.
- 39) Сказки Русскія, рассказываемыя Иваною Валентко. М. въ шин. Степанова, 1838. 265. стр. in-12°.
- 40) Библіошка избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнейшихъ пушечесвій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Глазуновымъ и К°. Томъ XII и XIII. Герцогиня Шашору. Сочиненіе Софії Ге. Переводъ съ Французскаго. Томъ первый и второй. М. въ шин. Степанова, 1838, 260 и 228 стр. in-12°.
- 41) Симонъ. Сочиненіе Жоржъ-Данда, пер. съ Французскаго, А. В. Нижанкъ-Вофосолифъ. С. П. Б. въ шин. К. Виагебера, 1837. 344 стр. in-8°.
- 42) Турлуру, романъ Поль де Кока въ 4-хъ частяхъ. С. П. Б. въ шин. Глазунова и К°, 1838. 201, 228, 254, 255 стр. in-12°.
- 43) Lydia. Dediée à ma soeur Gianna. 1852, (1-й cabier des Oeuvres du Comte Jules Strutynski). Вильно, въ шин. Глюкоберга, 1858. 151 стр. in-12°.

44) Les destins. Inspirations spiritualistes servant de suite à Lydia. 1857. (Juin) II-me cahier des œuvres poétiques du Comte Jules de Hayd Berlitz Strujski. Вышло, въ тип. Глюксberga, 1858. 104 стр. in-12°.

VI. Теорія и Історія Ізящных Искусств.

45) Précis historique et raisonné sur l'origine, les progrès, la décadence et la renaissance de l'Architecture, par Léon Vendramini, Architecte, Chevalier de l'ordre de St. Grégoire le Grand, membre de plusieurs Académies d'Italie. Saint-Pétersbourg. Imprimerie de A. Pluchart, 1857. 48 стр. in-4°.

VII. Богословие.

46) Juhhatamine köstrile ja koolmeistrile, Jummalõrjuse kõrda, ristmist nink kooljide matmist kirikkooppe taja lubbaga tallitada. Дерптъ, 1858, въ тип. Шлюманна. 8 стр. in-8°.

47) Kurze Uebersicht des Confirmations-Unterrichts, für die Confirmanden seiner Gemeinde; verfasst vom Prediger der St. Michaeliskirche zu Moskwa. M. въ тип. Института Лазаревыхъ, 1857. 87 стр. in-12°.

48) Indication des fêtes d'obligation, des jours de jeûne et des autres articles concernant le Service Divin à l'usage des Catholiques de St. Pétersbourg de la Paroisse de Ste-Catherine V. et M. pour l'année 1858 St. Pétersbourg. Imprimerie de A. Pluchart. 1857. 46 стр. in-12°.

X. Исторія.

а) Отечественная:

49) Анекдоты Российскихъ Императоровъ, Импера-
торицъ, великихъ мужей и замѣшательныхъ лицъ, просла-

жившихся во времена могущества и славы Российской Империи, въ 4 частяхъ, съ портретами. Часть первая. М. въ тип. Смирнова, 1858. VIII и 82 стр. in-8°.

50) Полные и вновь избранные анекдоны о Бала-киреи, знаменитомъ шушѣ и любимицѣ Петра Великаго, въ двухъ частяхъ. М. въ тип. Каридова, 1857. 63 и 48 стр. in-12°.

51) Русскіе прописародные праздники и суевѣрные обряды. Выпускъ II. М. въ Университетской тип. 1838. 142 стр. in-8°.

52) Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году, съ офиціальныхъ документовъ и другихъ достовѣрныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генераль-Штабовъ сочиненная, Его Императорскаго Величества Флагель-Адьюнктомъ, Полковникомъ Д. Бушуряннымъ; съ Французскаго же на Россійскій языкъ переведена Свишы Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской части Генераль-Майоромъ А. Хатовымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б. въ Военной тип. 1837. XV, 415, 9 стр. in-8°.

b) Другихъ Государствъ:

53) Крашкій очеркъ Европейскихъ Государствъ и Азіатской Россіи, составленный для преподаванія въ предугошительномъ классѣ Школы Землемѣлія и Горнозаводскихъ Наукъ Графини Строгановой Алексѣемъ Волынскимъ. С. П. Б. въ тип. К. Крайя. 1837. 58 стр. in-8°.

54) Всеобщая Историческая Библиотека, издание профессора Погодина. Книжка I. Исторія Пруссіи, сочиненіе Пелица, Профессора Исторіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Ш. Часть I. М. въ тип. Степанова, 1838, 164 стр., in-8°.

55) Historya wojny trzydziestoletniej przez Fryderika Schillera w jezyku niemieckim oryginalnie napisana. Tom drugi. Вильно, въ тип. Марчиновскаго, 1838. 374 стр. in-12°.

IX. Путешествия.

56) Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Fr. Goebel, Professor der Chemie und Pharmacie zu Dorpat, Kaiserlich Russischem Collegienrathe, Correspondenten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg und Mitgliede gelehrter Gesellschaften des In-und Auslandes, in Begleitung der Herren Dr. C. Claus und A. Bergmann. Zweiter Theil. Mit sechs lithographirten Tafeln. Дерптъ. 1838. VIII и 372 стр. in-4°.

X. Математика.

57) Теорія равновесія твъ твердыхъ и жидкіхъ, или Статика и Гидростатика, сочиненіе Орд. Пр. Н. Брашмана. М. въ Университетской тип. 1837. VI, 494 и XVI стр. in-8°.

58) Leichtfasslicher Unterricht im Rechnen, für Schulen und zur Selbstbelehrung, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Рига. 1838. XII и 380 стр. in-8°.

59) Antworten zu den im leichtfasslichen Unterricht im Rechnen enthaltenen Aufgaben, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Рига. 1838. 57 стр. in-8°.

XI. Военные Науки.

60) Правила для обучения пѣхоты дратъся штыкомъ, для употребленія заспѣльщиковъ при одиначномъ бое

во время войны, сошавленныя Учениемъ фахтованія на всѣхъ ходомъ оружія, Капитаномъ Рейгау и изданныя съ разрешенія Высшаго Начальства. С. П. Б. въ тип. Крайя, 1857. 150 стр. in-8°.

XII. Естественные Науки.

61) Аналитическая Химія Генриха Rose, переведенная съ Нѣмецкаго съ третьаго изданія и частично переделанная въ таблицы, Корпуса Горныхъ Инженеровъ Капитаномъ Европейскимъ. С. П. Б. въ тип. Имп. Ак. Наукъ, 1857. VI, 292 стр. in-8°.

62) Zweiter Beitrag zur Geognosie und Palaeontologie Dorpats und seiner nѣchsten Umgebungen, von Dr. Stephan Kutorga, Professor P. O. an der Kaiserlichen Universit t zu St. Petersburg, Mitglied der Kaiserlich Russischen Mineralogischen Gesellschaft ebendaselbst, und der Kaiserlichen Naturforschenden Gesellschaft zu Moscow. Mit X Steindrucktafeln. Herausgegeben von der Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg, въ тип. Н. Гречи, 1857. 51 стр. in-8°.

63) Рисунки Санктпетербургской Флоры. Съ краткими описаниемъ ея растеній, заключающимъ въ себѣ свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цветенія, продолженія жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ и употребленіи въ общежитіи. Издаваемые К. Левинымъ, книжка шестая. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова и К° 1837. 18 стр. рисунковъ, съ 126 по 150 in-8°.

XIII. Сельское Хозяйство и Технологія.

64) Мысли объ усовершенствованіи Сельскаго Хозяйства и улучшении бытка поселянъ-хлѣбопашцевъ. С.

П. В. въ тип. И. Глазунова и К°, 1857. 233 стр.
in.-8°.

65) Свѣчной фабрикантъ или собраніе различныи способовъ извѣстившихъ иностранныхъ Химиковъ, по руководству коихъ всякой можешь приготавлять необыкновено чистое, бѣлое и прозрачное сало и да-лашь изъ него для домашняго употребленія свѣчи, какъ съ простыми, такъ и съ пустыми свѣтильниками, совер-шенно подобныя восковымъ, безъ запаха и безъ дыма, распроспрашающія прий сѣть и способныя къ продол-жительному горѣнію. М. въ тип. Кирилова, 1858. 14 стр., in.-8°.

66) Практическое руководство къ варенiu мыла для домашняго употребленія, или собраніе способовъ, помошью которыхъ всякой можешь приготавлять какъ для собственнаго домашняго употребленія, такъ и для продажи разнаго рода бѣлое, шуалешное и благовонное мыло въ прошыхъ и немногосложныхъ снарадахъ, какъ можно имѣть во всякомъ домѣ, гдѣ только моють бѣлье. Филиппа Колбе. Переводъ съ прещыаго улучшенаго изданія. М. въ тип. Кирилова, 1858. IV и 29 стр.
in.-8°.

XIV. Медицина.

67) О способахъ отвращащъ смертность младен-цевъ на 1-мъ году ихъ жизни въ быту краснокожомъ. Сочиненіе Шшабъ-Лекара Нечасева. Казань, въ Универси-тетской тип. 1857. (8) 38 стр. in.-8°.

XV. Смесь.

68) Zwanzigste Jahres-Rechenschaft des Frauen-
Vereins zu Riga. Am 15-ten Januar. 1858. Рига, въ тип.
Геккера, 7 стр. in.-4°.

69) Probeblätter der neuesten und geschmackvollsten Lettern, Titelschriften, Verzierungen, Vignetten etc aus der Buchdruckerei unter der Firma von Lindfors Erben in Dorpat. 1838. 14 стр. in-4°.

70) Ankündigung einer unter dem Titel Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands herauszugebenden Zeitschrift. Дерптъ, въ тип. Шюнманна. 8 стр. in-8°.

71) Nouveautés en musique qui se vendent chez Paul Lehnhold au magasin de musique et d'instrumens, A l'Illinka,.. maison Butschkoff ci-devant Plotnikoff. Новости музыкальные, продающиеся у Павла Ленгольда въ Москвѣ, на Ильинкѣ, въ домѣ Бычковой, прежде бывшій Плошивниковой. М. въ тип. Сшенанова, 1838. 65 стр. in-12°.

72) Новый и полный гадальныи еракуль, или чудесное шаманство предсказаний, колдовства и чародейства, заключающее въ себѣ все, что изобрѣли доселе умы человѣческіе для открытия прошедшаго, объясненія наступающаго в предсказаніи будущаго; служащія върною отрадою въ скучѣ людемъ всякаго возрасла и пола, невиннымъ увеселеніемъ девицъ и юношей, забавнымъ упражненіемъ дамъ и старушекъ; словомъ, пріятѣшнимъ препровождевіемъ праѣданаго времени, съ показаніемъ всѣхъ дреянѣйшихъ и новѣйшихъ способовъ гадацій. Составлено изъ разныхъ астрономическихъ, Философическихъ, астрологическихъ, физическихъ и машиномаштабныхъ книгъ, И. Данилевскимъ. Раздѣленная на 15 книгъ, въ трехъ частяхъ. М. въ тип. Сшенанова, 1838. 301, 207 и 107 стр. in-8°.

73) Ворожел, или новый способъ гадашъ на картахъ. М. въ Университетской тип. 1838. 46 стр. in-12°.

О ТЪ ПРАВЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія,
отъ 12 Июня 1829 года, за № 4028, возложилъ на
Правленіе Императорскаго Московскаго Универ-
ситета обязанность, разсыпать во всѣ Учебныя
Заведенія Россійской Имперіи *Пространный Ка-
тихизисъ въ Начатки Христіанскаго ученія съ
краткимъ Катихизисомъ*, изданные Правитель-
ствующимъ Сунодомъ; книги эти Правленіе вы-
писываєтъ изъ Конторы Московской Сунодальной
Типографіи за наличные деньги; почему и про-
сипъ Учебныя Заведенія, при отношеніяхъ своихъ
о выпискѣ означенныхъ книгъ, досыпавлять и слѣ-
дующія за нихъ по расчету деньги: за Простран-
ный Катихизисъ по 48½ к., а за Начатки Хри-
стіанскаго ученія съ краткимъ Катихизисомъ по
26½ к. на ассигнація за каждый экземпляръ.
